

ВЪСЕМЬДЕСЯТЫЙ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ.

ИЗДАНИЕ.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 7.

ЮЛЬ, 1911.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 7-я. — ПОЛЬ, 1911.

	СТР.
I. — ЮНОСТЬ. — Романъ. — XXXV-XLV. — Окончаніе. — Евгения Чирикова.	3
II. — СТИХОТВОРЕНІЯ. — Н. Маклеодовой, — Л. Кацманъ, — М. Б-нъ, — Н. Л., — А. Богданова, — М. Коломенкиной, — Г. Петри, — Вл. Нарбута, — Зинаиды Тулубъ, — Лидіи Сохачевской, — Изъ Фр. Конпе.	64
III. — КИРА БАРСЮКОВА. — Повѣсть. — XI-XII. — Окончаніе. — Ивана Странника	69
IV. — ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНАГО БЫТА ФРАНЦІИ. — Крестьянское землепользование до революціи. — I-III. — Максима Ковалевского.	96
V. — ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ. — „Колоколь“ 1857-1861. — VIII-XV. — Нестора Котларевского	143
VI. — ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. — VII-X. — Е. О. Юнге	174
VII. — УЗУРПАТОРЪ. — Романъ Уильяма Дж. Лока. — XIV-XVIII. — Перев. съ англ. З. Журавекой	205
VIII. — ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О В. К. ФОНЪ-ПЛЕВЕ. — А. Погожева	259
IX. — ХРОНИКА. — БЮДЖЕТНАЯ РЕФОРМА. — Н. Гюрданскаго	281
X. — „БОЛЬШАЯ“ ПРЕССА, ЕЯ ПРАВЫ И БОЛЕЗНИ. — Письмо изъ Парижа. — Бѣлоруссова.	292
XI. — ЧЕРНОГОРСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ. — Письмо изъ Петинѣе. — Мих. Осоргина	308
XII. — ПАРЛАМЕНТСКІЕ ВЫБОРЫ ВЪ АВСТРІИ. — Письмо изъ Вѣны. — М. Ратнера	318
XIII. — VI-ой КОНГРЕССЪ МЕЖДУНАРОДНАГО СОЮЗА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ЖЕНЩИНЪ. — Письмо изъ Стокгольма. — Н. Мировичъ	326
XIV. — ТРУДЫ СТАРАГО НАРОДНИКА. — Л. З. Слонимскаго	331
XV. — КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ. — С. А. Адрианова	337
XVI. — ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Борьба самарской думы съ собственнымъ городскимъ головой. — Роль общественныхъ учреждений. — Мало-численность городскихъ избирателей. — Администрация и городской самоуправленія. — Выговоръ казанскому городскому голове за С. А. Муромцева. — Неутвержденный голова-прокуроръ въ г. Вольскѣ. — Твердость гласныхъ въ Ивановъ-Вознесенскѣ. — Наростаніе дѣлъ въ области городского хозяйства. — И. В. Жилкина.	346
XVII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Неутвержденіе законопроекта объ отменѣ правоограниченій, связанныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана. — Судьба законопроекта о всеобщемъ начальномъ обученіи. — Перемены, внесенныя Государственной Думой въ законопроектъ о волостномъ земствѣ. — Отношеніе къ нему министерства, націоналистовъ, крайнихъ правыхъ и крестьянъ.	358
XVIII. — ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Парламентскіе выборы въ Австріи. — Партія „христіанскихъ социалистовъ“ и ея судьба. — Перемена министерства и австрійскій политическій кризисъ. — Балканскія дѣла. — Новое министерство во Франціи. — Коронаціонныя торжества въ Англіи.	374
XIX. — ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — В. О. Саводникъ. Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. — Поль Верленъ. Собр. стиховъ въ перев. В. Брюсова. — Н. Л. — Елена Грекова. Разсказы. — Е. Колтоновской. — Прот. І. П. Кречетовичъ. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ, т. I. — Д. К. — Ар. П. Фатѣевъ. Позитивная наука и нѣкоторые ея критики. — А. Погодина. — Э. Гуссерль. Логическія изслѣдованія, часть I. — П. Юшкевича. — Н. М. Никольскій. Древній Израиль. — Василія Сторожева. — Проф. К. Вобль. Третья профессионально-промышленная перепись въ Германіи, т. I. — Очерки законоположеній о неотчуждаемости надѣльныхъ земель, сост. М. М. Катаевъ. — Статистика. Ея приемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. Левція А. А. Кауфмана. — В. В. — Е. Спекторскій. Проблема социальной физики въ XVIII-мъ стол., томъ I. — М. А. Рейснеръ. Государство, часть I. Культурно-историческія основы. — П. Михайлова. — Walther May. Ernst Haackel. Versuch einer Chronik seines Lebens und Wirkens. — А. Ш. — Новая книга и брошюры.	386
XX. — СВОДНЫИ СИСТЕМАТИЧЕСКІИ УКАЗАТЕЛЬ за второе полугодіе 1910-го года. — К. Дерунова	408
XXI. — И. Л. ЛЕОНТЬЕВЪ (ЩЕГЛОВЪ) и М. Н. АЛБОВЪ †. — К. К. Арсеньева	415
XXII. — ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. — Печать объ интендантскомъ процессѣ. — Сдатчики. — Хищническая организація. — „Такъ подается“. — Что нужно для искорененія зла? — Общія условія. — Вѣдомственная законченность и обособленность. — Новые факты преслѣдованія бывшихъ членовъ Думы. — Безцѣльная мѣсть или подготовка выборовъ въ четвертую Думу?	417
XXIII. — ОБЪЯВЛЕНІЯ.	435
XXIV. — БИБЛИОГРАФИЧЕСКІИ ЛИСТОКЪ.	

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

ОСНОВАННЫЙ М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ШЕСТОЙ ГОДЪ

ІЮЛЬ

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: ||
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1911

ЮНОСТЬ

РОМАНЪ

(Окончаніе *).

XXXV.

...Какой жаркій день. Словно въ жарко-натопленной печкѣ. Зачѣмъ вы меня закрываете? Не надо. Вотъ я полежу еще на горячемъ пескѣ и буду снова купаться... Ты, мама, не бойся, я не утону. Я отлично плаваю по-саженному... Пустите же, не держите меня!..

...Я требую выставить рамы: вы не имѣете права закрывать форточку. На улицѣ весна, а вы скрываете отъ меня и говорите, что—зима. На прогулку я не пойду и обѣдать не буду. Не хочу я пить! Чего вы суете мнѣ въ ротъ? Убирайтесь отъ меня! Зачѣмъ вы кладете камень на голову? Не имѣете никакого права...

...Мама, кто это въ бѣломъ? Прокуроръ? Докторъ... Не вѣрь, онъ притворяется докторомъ. Скажи, что это—не я... Тише, опрокинешь лодку! Гребите, братцы, ровнѣе. Касьяновъ! Запѣвай „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“!..

...Ахъ, Зоя... ты совсѣмъ не умѣешь перестукиваться. Ну, я слушаю... Не понимаю. Зачѣмъ тебѣ подвѣчное платье? Оставь насъ, мама!.. Это не твое дѣло. Ну, вотъ и перевернулись... Я весь мокрый... Съ ногъ до головы...

— Это хорошо.

*) См. июнь, стр. 3.

Кто это говоритъ, что „хорошо“... Дуракъ какой!.. Дуракъ, братъ, ты, Касьяновъ. Что вы со мной дѣлаете?..

— Ничего, ничего... Оботрите хорошенько голову. Дайте ему ложку портвейну...

Вкусное вино... Налей, Касьяновъ, какъ слѣдуетъ... Оно горячее... Смѣшно...

— Калеріа!.. У тебя горячіе глаза... Какъ угли, раскаленные чернымъ огнемъ. Уйди!.. Не люблю... Не жми мнѣ руку... Не садись ко мнѣ на кровать!.. Ахъ, это ты, мама... Я хочу спать. Разбуди, когда будемъ подходить къ Симбирску... Ночь или день?..

— Ночь... уже девятая ночь...

— Когда же Симбирскъ?.. Я еще успѣю уснуть?.. О чемъ ты все вздыхаешь? Мнѣ очень хорошо... Я скоро выздоровлю...

Раскрываю глаза, смотрю на потолокъ, обвожу взоромъ стѣны и удивляюсь. Незнакомая комната, бѣлая съ голубымъ; раскрытое окно, большое, свѣтлое окно; въ окно смотритъ голубое небо, видны верхушки зеленыхъ березъ... Поютъ птицы за окномъ и кудахчетъ курица... Странно! Что такое со мной случилось? Гдѣ я и какъ сюда попалъ? Сѣрое, не мое одѣяло... И ноги точно не мои: длинныя-длинныя. Гдѣ-то медленно выбиваютъ маятникомъ часы...

— Ты проснулся...

— Мама!.. мама!.. Ты...

— Не говори, докторъ не велѣлъ разговаривать...

Докторъ?.. Да, да, да... Вспомнилъ: вѣдь я боленъ, въ больницѣ...

— Слава Богу!.. Слава Богу!..

— Мама... Гдѣ мы?.. въ Симбирскѣ?

— Да.

— Приѣхала Зоя?..

— Не говори же... Спи больше.

— Я не хочу спать... Скажи про Зою!..

— Она здѣсь, въ Симбирскѣ.

— Позови ее ко мнѣ...

— Докторъ не велитъ...

— А я хочу...

— Ты плачешь... Ахъ, ты, Господи!.. Вредно волноваться, а ты...

— Пришли ко мнѣ Зою!

— Ну, спросимъ доктора: онъ велѣлъ подождать. Можетъ быть, разрѣшить.

— Попроси его... Ей-Богу, я скорѣй выздоровлю!.. Даю вамъ слово...

— Вотъ наказаніе!.. Я пожалуйсь, если будешь разговаривать...

Я уткнулся въ подушку и тихо плакалъ, какъ обиженный маленькій мальчикъ. И чувствовалъ я себя какъ маленькій мальчикъ: сердился на маму и хотѣлъ на зло ей умереть. А когда растворилась дверь и гулко прозвучалъ строгій голосъ доктора, обходящаго всѣхъ больныхъ въ сопровожденіи фельдшерицы, я испугался и притихъ, притворился спящимъ и боялся, что мать будетъ на меня жаловаться доктору.

— Ну-съ, молодой человѣкъ, какъ наши дѣла?..

— Капризничаетъ онъ...

— Оставь, мама!

— Требуешь невѣсту...

— Эге!.. вонъ онъ чего захотѣлъ. Это хорошій признакъ.

Ну-ка, женихъ, сядьте, я послушаю... Температура?

— 36,7.

— Отлично. Повернитесь, женихъ, спиной!.. Вотъ такъ.

— Время ли теперь думать о женитьбѣ...

— Да-съ, придется еще полежать... А пожалуй и того... на югѣ пожить... Дышите глубже! Еще!.. Хорошо, въ общемъ хорошо. А жениться все-таки рано. Это, молодой человѣкъ, всегда успѣется.

— Я прошу, докторъ, не жениться, а только дать мнѣ свиданіе съ невѣстой.

— Денька черезъ три-четыре... и то при одномъ условіи... на приличномъ разстояніи. Смотрѣть другъ на друга можно, а приближаться—никоимъ образомъ...

— Черезъ два дня... А раньше?

— Я сказалъ, не черезъ два, а черезъ три-четыре. А впрочемъ, завтра увидимъ. Главное—не волноваться...

— Если не пустите, я буду волноваться гораздо больше, докторъ. Нельзя ли завтра!.. Ну, хотя послѣзавтра!.. Мы не видались цѣлую вѣчность.

— Утро вечера мудренѣе... Завтра увидимъ, а не увидимъ, такъ посмотримъ.

Докторъ пошелъ прочь, мать—за нимъ. О чемъ-то они тихо разговаривали въ дверяхъ, а я лежалъ и улыбался во весь ротъ: скоро увижу, наконецъ, мою Зойку, мою прекрасную любимую Зойку... Какая она стала?.. Господи, какъ я счастливъ!

— Мама, что сказалъ докторъ? Можно завтра? да?

— Можно завтра... А потомъ совѣтуешь пожить въ Крыму до осени...

— Ура... О чемъ же ты грустишь и вздыхаешь?.. Все идетъ прекрасно...

— Въ Крымъ надо... Напрасно я отправила тысячу назадъ, Калеріи...

— Мы обвиняемся и вмѣстѣ поѣдемъ въ Крымъ... Господи, какъ это великолѣпно!..

— Лежи, не вскакивай на постели! Нельзя.

— А какой теперь мѣсяцъ?

— Завтра—первое мая...

— Неужели—май? Не можетъ быть!

— Май. Лежи же, Христа ради...

— Лежу, лежу... Все лежи да лежи... Надоѣло ужъ...

— Скажи—слава Богу, что живъ остался... Думали, не встанешь совсѣмъ.

— Глупо, значить, думали... Зоя гдѣ остановилась?

— Молчи!

— Не замолчу. Скажи, гдѣ!

— У родныхъ.

— Приходила она сюда?

— Каждый день заходить. И сегодня прибѣгала ужъ...

— Милая... милая... Она боялась, что я умру...

— Вмѣстѣ ревѣли въ пріемной... Она ничего дѣвушка, нравится мнѣ...

— Вотъ видишь!.. А ты... Она удивительная... такой больше нѣтъ на свѣтѣ!..

— Перестанешь ты болтать, или мнѣ къ доктору идти и пожаловаться?

— Молчу, молчу, мама... А смѣяться можно... Это не вредно, а напротивъ...

— Потихоньку смѣйся...

Лежу и смѣюсь. Не знаю, чему смѣюсь... Все смѣшно: и рука у меня смѣшная, и ноги очень длинныя, какъ у покойника, и прическа у мамы смѣшная... И фельдшерица курносая—нельзя смотрѣть на нее безъ смѣха...

— Ну, будетъ ужъ!.. Посмѣялся и довольно...

— Это невозможно... Ей-Богу!.. Уморительно!.. А какой сегодня день?

— Ей-Богу, я сейчасъ пойду къ доктору...

— Молчу, молчу, мамочка... Ябеда ты какая... сутяга!..

— Кушайте!

— Опять — манная каша!.. Съ первого дня началась эта каша...

— Не капризничай!

— Когда же дадутъ курицу?

— На обѣдъ.

А всетаки вкусная каша, душистая. А посреди — лужица изъ растопившагося желтаго масла. Даже слюнки потекли.

— А ложку!.. Забыли ложку!..

— Извините, сейчасъ подамъ...

Смѣшная, курносая... Похожа немного на Вѣру Игнатовичъ. Гдѣ-то теперь Вѣра и Касьяновъ?.. Живо съѣлъ кашу, выскоблilъ до чиста тарелку, а ѣсть все хочется.

— Вотъ вамъ молоко.

— Весьма и очень, сестрица милосердная, признателенъ...

— Я не сестра, а фельдшерица...

— Ну, все равно.

— Все равно, да не одно.

Поѣлъ, попросилъ зеркало и сталъ смотрѣть на себя: худущій, глаза ввалились... Ба, усы какъ выросли! Не ожидалъ.

— Мама, посмотри, какъ у меня выросли усы... Можно закрутить...

— Еще бы: женихъ!

— Не затворяй окна!

— Не дуешь?

— Нисколько. Должно быть, тамъ садъ. Какъ весело распѣваютъ птицы...

— Молчи и слушай.

Симбирскъ... Я въ Симбирскѣ. Какъ-то чувствуется другой городъ. Я очень люблю Симбирскъ. Онъ на высокихъ зеленыхъ горахъ, тихій такой, лѣнивый, очень похожъ на старосвѣтскаго помѣщика. А главное, это — Зоинъ городъ, и теперь въ этомъ городѣ Зоя. Это чувствуется, что она теперь въ этомъ городѣ. Ахъ, скорѣй, скорѣй бѣги, время, и приближай меня къ Зоѣ! Я такъ соскучился по ней, такъ соскучился, что готовъ соскочить съ кровати и помчаться разыскивать ее. Какъ вспомню, что завтра или послѣзавтра увижу Зою, обольется сердце кровью и хочется хохотать во все горло, хохотать, хохотать и болтать ногами... Воображаю, какъ въ эту дверь войдетъ дѣвушка въ бѣломъ платьѣ и вскрикнетъ отъ радости... Лучше, еслибы въ этотъ моментъ мы были одни...

— Мама, когда придетъ Зоя, ты насъ оставишь ненадолго однихъ.

- Надо спросить доктора...
- У тебя—все докторъ!.. Шагу не ступишь безъ доктора.
- Неужели ты не понимаешь, что...
- Пожалуйста, докторъ велѣлъ издали.
- Намъ надо поговорить о многомъ наединѣ.
- Скажите пожалуйста!..
- Красива она? Правда?
- Худущая, какъ и ты...
- А какіе у ней чудные волосы!
- Что-то ужъ больно много ихъ... Свои ли у ней волосы?
- Ну, вѣчно съ подозрѣніями... Ничему хорошему не желаете вѣрить.
- Теперь такъ фокусничаютъ дѣвицы, что не узнаешь.
- У ней толстыя тяжелыя косы, золотыя...
- А ты взвѣшивалъ?
- Да, взвѣшивалъ.
- Теперь она въ прическѣ.
- Въ прическѣ!..
- Цѣлая копна на головѣ.
- Зоя въ прическѣ!.. Это смѣшно, ужасно смѣшно... Интересно, какъ она выглядитъ въ прическѣ. Милая!.. Цѣлая копна волосъ...
- Узломъ, мама?
- Чего узломъ?
- Да волосы-то!.. Безтолковая какая...
- Узломъ, узломъ... Теперь у всѣхъ узломъ.
- Это очень красиво!
- А мнѣ не нравится...
- Ты ничего не понимаешь.
- У меня были волосы до колѣнъ.
- Мало ли что было... А теперь вылѣзли.
- Съ вами вылѣзутъ... Погоди вотъ, женитесь, пойдутъ дѣти,—и твоя Зоя начнетъ... и зубы станутъ болѣть, и волосы вылѣзать...
- У насъ нескоро будутъ дѣти. Мы... понимаешь, мы рѣшили лѣтъ пять жить, какъ... ну, понимаешь... какъ братъ съ сестрой. Дѣти мѣшаютъ общественной дѣятельности...
- А ну васъ... не болтай пустяковъ!
- Потрудитесь вставить термометръ.
- Опять термометръ?
- Да, пора ужъ...
- Надоѣлъ вамъ термометръ...

— Ставь, ставь!..

Поставилъ подъ мышку термометръ, лежу, смотрю въ потолокъ и рисую себѣ Зою въ прическѣ... Гм!.. смѣшно...

— Сколько?

— 37,2.

— Ну, вотъ, доболтался... Повысилась...

— Больше не буду... Это пустяки...

Я притихъ. Убѣдился, что болтать вредно, и сталъ бояться, какъ бы повышение температуры не отдалило нашего свиданія съ Зоей. Сдѣлался кроткимъ и послушнымъ. Опять сталъ смотрѣться въ зеркало, находилъ, что худоба меня не испортила, а совсѣмъ напротивъ, еще болѣе сдѣлала похожимъ на какого-то писателя. Гм!.. „Что ни говори, а въ моей физиономіи есть что-то писательское“... Такъ и уснулъ съ зеркальцемъ въ рукѣ.

XXXVI.

Ликуйте, земля и небо: сегодня ко мнѣ придетъ Зоя!..

— Сколько времени, мама?

— Десять било.

— Давно?

— Только сейчасъ пробило. Неужели не слыхаль?

— Странно: не слыхаль. А можетъ-быть, одиннадцать?

— Десять. Рано спустилъ ноги: устанешь. Она придетъ въ одиннадцать.

— Еще часъ. Цѣлый часъ!

Не знаю, что дѣлать. Разрѣшили смотрѣть въ старой „Нивѣ“ картинки, да надоѣли эти картинки. Разсматриваю въ пятый разъ. Буду разгадывать ребусы. Устаютъ руки держать тяжелую книгу: этой книгой можно убить читателя. Трясутся еще отъ слабости руки... Устаешь... Пожалуй, лучше пока полежать.

— Мама, возьми эту пудовую книгу.

— Вотъ видишь! Говорила тебѣ, — рано сѣлъ.

Лежу во всемъ чистомъ, волосы рассыпались по подушкѣ, одѣяло лежитъ ровно и красиво; руки наверху, на одѣялѣ, бѣлыя, съ длинными кистями. Слушаю, какъ стучають въ корридорѣ стѣнные часы, какъ за окномъ поютъ птицы, какъ свистятъ на Волгѣ пароходы, какъ время отъ времени трещатъ гдѣ-то близко извозчичьи пролетки. Пугають эти пролетки: все кажется, что кто-то подѣхаль къ больницѣ, что этотъ „кто-то“ — Зоя; вздрогнешь, сядешь въ кровати и насторожишься. А сердце застучитъ громко и неровно.

— Ты что?

— Погоди, кто-то подъѣхалъ... Нѣтъ, показалось...

— Да вѣдь мимо не пройдетъ. Чего же такъ беспокоиться! Уфъ, даже въ жаръ бросило...

— Мама, дай мнѣ чистый носовой платокъ!.. И гребеню.

Какая, однако, шевелюра выросла. Хорошо, еслибы волосы вились большими волнами, какъ у Калер... Ну ее къ дѣшнему! Покраснѣлъ, отбросилъ зеркало... Святотатствомъ казалось самое произношеніе этого имени... Словно грязнилъ чѣмъ-то свой свѣтлый праздникъ...

— Мама, теперь уже не христосуются?

— Вотъ тебѣ разъ! Шесть недѣль христосуются. Что ты, татаринъ, что ли?

— Забылъ. Ёдетъ, ёдетъ... Она, мама... Зоя!.. Чувствую, чувствую...

— Да погоди...

Мама идетъ къ окну. Протяжно бьютъ гдѣ-то часы одиннадцать.

— Одиннадцать!.. Она!..

— Да, она... Пойду встрѣтить...

Мать вышла изъ палаты. Что дѣлать?.. Лечь или сидѣть?.. Господи, что это со мной! То жарко, палить лицо огонь, то холодно, такъ холодно, что стучать зубы... Забылъ сегодня почистить зубы... Опять звонять въ ушахъ стеклянными молоточками. Лучше лечь... Нѣтъ силъ сидѣть и ждать... Легъ лицомъ къ двери и жду въ огнѣ и трепетѣ. Идутъ! Идутъ!..

— Можно?—прозвучалъ за дверью голосъ и ударилъ меня прямо въ сердце.

— Можно, можно... Зоя!

Распахнулась дверь и на порогѣ приостановилась стройная, высокая дѣвушка, вся въ бѣломъ, въ пастушеской соломенной шляпѣ съ загнутой голубенькой вуалеткой, съ синими васильками и бѣло-желтыми ромашками, подъ шляпой тяжелая груда золотыхъ волосъ, въ одной рукѣ перчатки и кружевной зонтикъ, въ другой—кустъ бѣлой сирени... Словно сама весна въ ослѣпительномъ сіяніи вошла съ цвѣтами родныхъ полей и садовъ.

— Зоя!—прошептала я упавшимъ, не своимъ голосомъ, сѣлъ въ постели и протянулъ къ дѣвушкѣ руки.

Вспыхнуло розами милое лицо, схватилась милая рука за грудь, опрокинулась голова...

— Иди же, голубка!..

Рванулась отъ двери, упала на колѣни около постели и,

спрятавъ свою голову у меня на груди, стала смѣяться и плакать...

— Да погоди же, дай мнѣ посмотрѣть на тебя...

Я хотѣлъ откинуть ея голову, а она не давалась и продолжала плакать. Я вытащилъ колючую булавку, сбросилъ шляпу съ васильками и потонулъ губами въ мягкомъ, душистомъ и щекощущемъ золотѣ волосъ... А вустъ бѣлой сирени валялся на полу и источалъ одуряющій аромать...

— Милый, милый... Я ужъ думала, что никогда... никогда больше не увижу!..

Кто-то сердито покашлялъ у двери. Зоя поднялась на ноги и, отскочивъ въ окно, отвернулась и застыла въ неподвижности.

— Ахъ, это ты, мама...

— Я... Сирень-то что бросила?.. Въ воду ее надо...

Пошла искать посуду для сирени.

— Зоя!.. Она ушла... Да погляди же на меня!..

— Стыдно... Знаешь, папа уже согласился... А было раньше хуже тюрьмы... Я тебя ужасно люблю... Но докторъ говоритъ, что тебѣ нельзя скоро жениться...

— Повернись же ко мнѣ, Христа ради!.. Христось воскресе!.. Ты, мама?..

— Я.

— Убѣди Зою, что теперь еще христосуются!..

— Поди, сама знаетъ. Не татарка...

— Вотъ слышишь, Зоя!.. Христось воскресе!..

Обернулась, вся пунцовая подошла ко мнѣ, наклонилась, опустила глаза:

— Ну, воистину воскресе!..

И чуть-чуть коснулась губами моихъ губъ. И снова отвернулась.

— Если ты не будешь на меня смотрѣть, я разсержусь... Слышишь?

Улыбнулась, вскинула на меня глаза и сѣла на стулъ у постели. Я пожиралъ ее глазами... Похудѣла, но стала еще прекраснѣе. Прямо изумительная, поразительная красота!.. Неужели она, эта самая дѣвушка, будетъ скоро моей женой? Невѣроятно!..

— Посмотри же на меня!

— Я, Зоя, немного усталъ... Извини, я немного полежу...

— Конечно, голубчикъ!.. Меня не стѣсняйся, а то... не буду...

— Ну, чего не буду? Любить?..

Громко засмѣялась, ударила бѣлой шелковой перчаткой по рукамъ и сказала, блеснувъ синими глазами:

— Ходить не буду, а не „любить“...

— А любить будешь?

Кинула взоръ на мать и, обернувшись ко мнѣ, кивнула глазами... Ахъ, какъ передать это мимолетное движеніе прекрасныхъ глазъ? Нельзя передать: нѣтъ такихъ словъ у человека. Вотъ если бы въ черную ночь съ черными ползущими тучами вдругъ на одно только мгновеніе раскрылся кусочекъ синяго неба и въ это окошечко на одно же мгновеніе выглянуло все солнце!.. Нѣтъ, не то... Солнце не пряталось: оно сидѣло рядомъ на стулѣ, и не было никакихъ тучъ, а было все синее, и бѣлое, и золотое... Только бѣлое, синее и золотое.

— Ты похудѣла...

— И... подурнѣла...

— Ты? Какая ложь!.. Ты прекраснѣе всѣхъ ангеловъ на небѣ.

— Вотъ ужъ это, господа, грѣхъ... Ангеловъ-то ужъ не надо трогать...

— Ты, мама, смѣшная... Ей Богу, ты смѣшная!..

— Нѣтъ, я сильно подурнѣла, Геня...

— Неправда!.. На вотъ волшебное зеркальце и спроси: „я-ль на свѣтѣ всѣхъ бѣлѣй, всѣхъ румянѣй и умнѣй“?.. И оно тебѣ скажетъ, что—ты!.. Ахъ, Зойка!.. Стѣль бы я тебя!..

Мать расхохоталась и сказала:

— Еще долго, братъ, на діетѣ просидишь... Не рассчитывай!.. Вонъ докторъ идетъ...

— Ну-съ... Счастливы? Только не такъ близко... Температура?

— 37,2.

— Желудокъ?..

Мы съ Зоей отвернулись другъ отъ друга. Чортъ бы его взялъ, этого доктора, съ глупыми, неумѣстными вопросами!..

— Все, рѣшительно все хорошо... Ничего не надо, нигдѣ не болитъ... Я совершенно здоровъ... И очень счастливъ!..

— А всетаки продолжительное волненіе преждевременно. Сколько времени продолжается ваше счастье, т.-е. свиданіе?

— Я только сейчасъ пришла. Ровно въ одиннадцать.

— А сейчасъ, барышня, уже полчаса двѣнадцатаго...

— Какъ такъ?.. Не можетъ этого быть!.. Я только сейчасъ...

— Сейчасъ... Въ часу шестьдесятъ минутъ. Для перваго знакомства достаточно...

— Ну, докторь!..

— Докторь!..

— Не могу-сь. Сегодня надо было всего десять минут, а завтра... Впрочем, завтра неприемный день. Придете послѣ-завтра. А теперь прощайтесь!

Мы грустно переглянулись и стали въ два голоса упрашивать, чтобы и завтра намъ разрѣшили повидаться...

— Хоть на десять минут!

— Нѣтъ, на двадцать. Христа ради!..

— Гм... Откуда вы сирени достали?.. Такъ рано...

Зоя подразнила:

— Разрѣшите мнѣ завтра придти съ сиренью... для васъ!

— Ахъ, вы!.. Что съ вами сдѣлаешь?.. Ну ужъ несите взятку, таеъ и быть.

— Мерси, докторь!

— А теперь пора... А то и завтра нельзя...

— Ухожу, ухожу... Моментально ухожу... Надѣваю уже шляпку.

Докторъ поклонился и ушелъ. Зоя растерянно ходила по комнатѣ.

— Куда же я дѣла булавку отъ шляпы?.. Потерялась... Ты не видалъ, Геня?

— Булавку?.. Нѣтъ, не видалъ...

— Эхъ, вы... и булавки всѣ растеряли...

Обѣ, и мама и Зоя, ищутъ булавку. Ахъ, Зойка, какая она хитренькая!.. Выбрала моментъ, когда мама насъ не видитъ, быстро скользнула къ кровати, наклонилась, поцѣловала меня и, поднявшись съ булавкой въ рукѣ, сказала радостнымъ голосомъ:

— Мерси, не трудитесь. Я нашла...

А сама пунцовая и не смотреть на меня. Какая хитренькая... Вотъ не думалъ!.. Умница! Люблю. Безумно люблю!..

— Какъ идетъ къ тебѣ эта шляпа!

— Развѣ?

— Нарядная ты... модница...

— Для тебя!.. Все только для тебя... Боюсь, что разлюбишь...

Пожала руку матери, послала мнѣ воздушный поцѣлуй и выпорхнула, сверкнувъ бѣлой легкой тѣнью, въ дверяхъ.

— Зойка!..

Не слыжала. Ушла моя весна. А въ комнатѣ все еще витаетъ ея бѣлый призракъ. Пахнетъ ландышемъ и сиренью. Пахнетъ ея золотыми волосами, ея легкимъ платьемъ. Все еще звучитъ въ ушахъ ея голосъ, стоитъ ея радостное, улыбающееся

лицо... Эхъ, вотъ счастье: на моей постели ея василекъ отъ шляпки!.. Синенькій!.. Миленькій!.. Вотъ я тебя поцѣлую и положу къ себѣ подъ подушку...

— Мама! Посмотри: она потеряла василекъ со шляпки...

— Ничего не бережете... Дѣвушка будто ничего себѣ...

— Ничего себѣ... Сама Красота, а вы... много вы понимаете!..

— Довольно ласковая со старшими... А полковникъ въ Казани мнѣ наговорилъ на нее... Я ужъ такъ испугалась за тебя...

— Совершенно зря пугаетесь... Радоваться за меня должны, а не пугаться.

— Слава Богу!.. Только жениться-то докторъ велитъ повременить.

— А ты рада этому!

Я почувствовалъ усталость, легъ и вытянулъ ноги. Закрывъ глаза и вспоминалъ, какъ все это было: какъ она вошла, не хотѣла на меня смотрѣть, потомъ бросилась на колѣни передъ кроватю... Какъ она меня любитъ! Хитренькая... Миленькая... Синеглазая... Золотоволосая... Люблю! Больше жизни люблю тебя, Зойка! Теперь ужъ до завтра. Завтра надо поговорить обо всемъ. Сегодня не успѣли... Нескоро это „завтра“...

Гудитъ пароходъ на Волгѣ. Когда-нибудь мы съ Зойкой будемъ ѣхать на пароходѣ, вдвоемъ только, въ каютѣ... Ахъ, какъ я счастливъ, я самый счастливый человекъ на свѣтѣ...

Я прикрылся одѣяломъ, перекрестился и прошепталъ:

— Благодарю, Господи...

— Ты что тамъ колдуешь?

— Какое, мама, счастье жить на свѣтѣ!.. Спасибо, что родила ты меня...

— Не стоитъ благодарности...

— Какъ не стоитъ. Что ты!..

Я отбросилъ одѣяло и сталъ хохотать. Мать—тоже.

— Ну, подойди, мамочка, я поцѣлую тебя...

Мать подошла. Я сталъ ласкать ея голову, поцѣловалъ въ щеку. Отвыкла старенькая отъ теплой ласки: расплакалась...

— Вотъ тебѣ разъ! О чемъ?..

— Спасибо тебѣ, Геничка... Ты такой ласковый... Богъ пошлетъ тебѣ много-много счастья!..

— Да, мама, много-много... И я буду дѣлиться имъ съ тобою...

— Нѣтъ, зачѣмъ... У тебя своя жизнь... Только не забывай... И за то спасибо...

- Благословляешь насъ съ Зоей?..
- Да, конечно... Вы такіе добрые, милые, молодые ребята...
- Спасибо, мамочка!.. Спасибо! А теперь я немного усну... Усталъ что-то.
- Поспи. Много волновался.
- Я замолкъ и долго слышалъ, какъ мать ходила на ципочкахъ, оберегая мой покой. Потомъ сладко и крѣпко заснулъ...

XXXVII.

Каждый день я съ жаднымъ нетерпѣніемъ жду, когда часы въ больничномъ корридорѣ начнутъ бить одиннадцать. Зоя удивительно аккуратна: какъ только пробьетъ одиннадцатый ударъ, я сажусь къ окну и устремляю свой взоръ на дорожку межъ березъ, ведущую къ воротамъ больницы. Вотъ уже подкатили дрожки... Идетъ... идетъ моя бѣлая пастушка съ васильками и ромашками на шляпѣ. И всегда въ рукахъ цвѣты. Идетъ торопливымъ шагомъ и нетерпѣливо смотреть на окна. Увидимъ другъ друга и оба, улыбаясь, киваемъ головами... Еще минута, и въ корридорѣ проворно стучать чьи-то каблучки... Чьи? Конечно ея, моей нетерпѣливой пастушки!..

- Здравствуй!
- Здравствуй въ бѣломъ сарафанѣ изъ серебряной парчи!..
- Тебѣ кланяется.
- Кто, голубка?
- Солнце правды!..

Смѣемся и ласкаемъ другъ друга глазами. Мама уже не стѣсняетъ насъ: и мы, и она привыкли, чувствуемъ себя почти родными. Мама не наглядится на насъ, называетъ Зою „Золотой Принцессой“, цѣлуетъ ее и все удивляется, что волосы у нея настоящіе. Теперь она въ этомъ убѣдилась: сама расчесывала ихъ и сплетала въ косы, а я смотрѣлъ и завидовалъ... Дѣло окончательно рѣшено: свадьба осенью. Меня доктора посылаютъ на югъ, а я упираюсь:

- Безъ тебя не поѣду: разлюбилъ, забудешь...

Нѣтъ, попалась птичка, стой: не уйдешь изъ сѣти.
Не разстанемся съ тобой ни за что на свѣтѣ.

А Зоя, смѣясь, поетъ, глядя мнѣ въ глаза любовно такъ и кокетливо:

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ я вамъ, миленькій дружочекъ?
Отпустите погулять въ садикъ на лужочекъ!..

Сегодня очень важный день: Зоя должна принести извѣстіе, чѣмъ кончилось ея нападеніе на пріѣхавшаго родителя: она должна была просить его отпустить ее въ Крымъ на поправку. Можно бы и безъ согласія, да денегъ мало. Да и не хочется снова создать натянутыя отношенія, послѣ того какъ все наладилось къ нашему общему благополучію. Сегодня я жду Зою съ особеннымъ нетерпѣніемъ...

— Либо панъ, либо пропаль!

Бьютъ часы. Скорѣй къ окну: уже трещитъ извозчикъ пролетка. Что-то она привезла? Идетъ и смотреть, и вся сіяетъ. Посылаетъ воздушный поцѣлуй.

— Ура, мама!.. И Зоя ѣдетъ въ Крымъ.

— А ты какъ это узналъ?

— Идетъ она... По лицу узналъ... Какъ солнце сіяетъ!

Вбѣжала, выбросила зонтикъ, швырнула ко мнѣ на кровать перчатки и стала цѣловать маму.

— Позвольте, Зоя Сергѣевна!.. Почему такое предпочтеніе?

— Поздравь: все уладилось!.. Хотя не совсѣмъ такъ, какъ мы хотѣли, но...

— А поцѣловать надо или нѣтъ?.. Поцѣлуешь твоихъ вѣж-ныхъ страстно жаждетъ онъ, страстно жаждетъ о-онъ...

Подставила лицо, а занята чѣмъ-то другимъ. Обидно, сударыня. Я еще цѣлую ее въ щеку, а она уже говоритъ:

— Папа ѣдетъ со мной... Одну не пускаетъ. Хотя это безразлично...

Мама даже одобряетъ:

— И прекрасно дѣлаетъ вашъ папа.

Погрозила намъ пальцемъ.

— Что ты, мама?.. Зачѣмъ ты грозишь пальцемъ?

— Съ папой спокойнѣе будетъ обоимъ.

— Ты думаешь?

— Повѣщайтесь, а тогда и одни можете... На всѣ четыре стороны.

Переглядываемся съ Зоей и хохочемъ надъ мамой.

— Ладно, смѣйтесь!..

— Знаешь, Зоя, я боюсь твоего папочки.

— Ты! почему?

— Онъ напугалъ меня преосвященнымъ... Пугалъ и губернаторомъ, да нашель, что этого мало...

Разказалъ все, какъ было. Я не думалъ, что это такъ раз-

строить Зою. Покраснѣла, разсердилась и стала сконфуженно оправдывать родителя:

— Конечно, онъ пошутилъ... Онъ только противъ гражданскаго брака, а такъ, онъ ничего не имѣетъ противъ нашей любви... Теперь онъ даже желаетъ поскорѣй сдѣлать свадьбу...

— Боятся.

— Чего боятся?

— Какъ бы безъ попа не обошлись. И въ Крымъ онъ ѣдетъ охранять твое цѣломудріе. Надоѣла опека. Она грязнитъ душу...

— Значитъ, не соглашаться ѣхать съ папой? Увѣряю, что онъ намъ не помѣшаетъ. Онъ очень хочетъ познакомиться съ тобой.

— Само собой разумѣется: надо же отцу хотя посмотрѣть, за кого онъ отдаетъ свою дочь,—замѣчаетъ мама.

— Перехватываютъ письма, а потомъ...

Меня разочаровалъ оборотъ дѣла, я ненавиждѣлъ уже человека, который назвалъ вопль моей души „документомъ“, и потому сердился на Зою и хотѣлъ сдѣлать ей больно. И сдѣлалъ:

— Жить подѣ надзоромъ полиціи, а любить подѣ надзоромъ родителя... Очень трогательно и разумно!..

Зоя отвернулась къ окну и замолчала. Въ ея рукахъ мелькнулъ бѣлый платочекъ. Плачетъ потихоньку. Обидѣлъ. За что? Никогда еще не случалось этого. Не понимаю, что со мной сдѣлалось.

— Ну вотъ и поругались!—со вздохомъ сказала мама.—Эхъ, вы, ребята! Вамъ бы еще расти да учиться, а вы—жениться.

— Зоя, никакъ ты разсердилась на меня?.. Ну, прости... Я такъ, самъ не знаю...

— Нѣтъ... Не сержусь... Мнѣ грустно... Не знаю, почему... Мнѣ хотѣлось бы всѣхъ любить, со всѣми жить въ мирѣ и только радоваться. Нельзя этого сдѣлать. Папа виноватъ передъ тобою, но вѣдь онъ старикъ, у него свои понятія... И теперь онъ примирился со всѣми и уже хочетъ... любить тебя... А ты же стокій.

Отираетъ платкомъ слезы, вздыхаетъ и неподвижно смотритъ въ окно.

— Зоя!..

— Что, голубчикъ?

— Прости меня!..

— А вы простите его, а то ему вредно волноваться-то!—жалобно попросила мама.

Зоя расхохоталась, обернулась и вдругъ обхватила шею

мамы руками и стала смѣяться, плакать и цѣловать растерявшуюся старушку, для которой была еще такъ недавно только „особой“.

Простила. Какая мягкая, добрая душа! Золотое сердечко. Ну, что-жъ, ничего не подѣлаешь. До осени придется мириться и путаться въ компромиссахъ. За то послѣ, когда опека кончится, я вырву тебя изъ этой мѣщанской среды и поведу тебя по новой дорогѣ, къ новой жизни, къ борьбѣ за эту новую жизнь. И когда ты сдѣлаешься вполнѣ „сознательной личностью“, о которой пишетъ Миртовъ въ своихъ „Письмахъ“, — ты сама поймешь, что и родные по крови могутъ быть нашими врагами.

Въ первый разъ мнѣ разрѣшили погулять въ больничномъ саду. Когда мы съ Зоей вышли изъ больницы на дворъ, направляясь къ саду, я задохнулся отъ радости, потому что впервые еще со дня ареста почувствовалъ настоящую свободу. Ликующій весенній день, полный яркаго свѣта, птичьяго гомона и разнообразныхъ звуковъ и шумовъ жизни, долетавшихъ сюда съ Волги и изъ города, переполнилъ мою душу радостью бытія, а ничѣмъ нестѣсняемая близость любимой дѣвушки въ свѣтлой радостной одеждѣ наплатила душу такимъ счастьемъ, что становилось трудно дышать и говорить.

— Побѣжимъ! — шепнула Зоя и побѣжала на обрывъ сада, выходящій на Волгу.

Не могу бѣжать: больно въ сердцѣ.

— Погоди, Зоя...

— Ау!

— Иду, иду, голубка...

Господи, какъ хорошо! Ширь и гладь и Божья благодать!

— Здравствуй, красавица Волга, могучая рѣка!

Какъ широко! Какъ просторно! Подъ горами сверкаетъ зеркало водяныхъ равнинъ, разлившихся по лугамъ вплоть до далекаго синяго лѣса. Бѣгутъ въ туманную голубоватую даль горы и растворяются въ прозрачной дымкѣ весеннихъ эфиромовъ земли, возносимыхъ ею къ голубому безоблачному небу. Курится вдали дымокъ парохода, убѣжавшаго внизъ, къ синему морю. Лѣниво тянутся плоты съ игрушечными домиками, съ игрушечными чело-вѣчками въ ярко-красныхъ кумачевыхъ рубашкахъ. Бѣлыя чайки, какъ комья чистаго снѣга, кувыркаются надъ водой. Гдѣ-то далеко и глухо стучать о воду пароходныя колеса; кажется, что невидимый пароходъ боится опоздать и беспокоится: тревога слышится въ шумѣ его колесъ. Ахъ, счастливыя чайки! Какъ я завидую вамъ. Такъ хотѣлось бы схватить въ охапку Зою и по-

летѣть съ ней надъ водяной равниной вонъ туда, въ синій туманъ, гдѣ пропадаютъ горы и остается только золотисто-голубая дымка невѣдомой страны...

Сидимъ съ Зоей рядышкомъ на лавочкѣ, прижались другъ къ другу и молчимъ. Нельзя говорить, когда душа тонетъ въ счастіи. Не знаю, сколько времени мы сидѣли молча: не было времени, оно остановилось... Но вотъ Зоя глубоко вздохнула и прошептала:

— Любишь?

Я съ укоризной посмотрѣлъ ей въ глаза, и она прошептала:

— Прости... Больше не буду...

Обернувшись, сорвала съ куста зеленый листокъ и, приложивъ его къ губамъ, щелкнула. А я сорвалъ зеленый стручокъ съ акаціи и сдѣлалъ изъ него свистульку. Шалимъ, какъ ребята, а сами переглядываемся и что-то говоримъ другъ другу глазами.

— Пойдемъ!... Пройдемся...

— Пойдемъ.

Идемъ подъ-руку въ самый дальній уголъ сада и не останавливаемся, когда обрывается дорожка. Бьется сердце, ждетъ чего-то. Зоя потихоньку напѣваетъ какую-то пѣсенку. Оглянулась и потупилась.

— Куда мы зашли... Дальше нельзя... Обрывъ.

— Да...

Я тоже оглянулся: глушь, зелень, тайна.

— Ахъ, Зойка... какъ хорошо!...

Переглянулись и обнялись. Я цѣлую ея щеки, волосы, руки и не хочу ее выпустить, а она все беспокоится и пугаетъ:

— Идутъ, идутъ...

— Ой, опять колетъ въ сердцѣ...

— Вотъ видишь!... Не надо это дѣлать... Вредно. Пойдемъ назадъ...

Снова усѣлись на лавочкѣ и стали говорить о своей будущей жизни. Они съ папой поѣдутъ въ Крымъ послѣзавтра, а я черезъ недѣлю: раньше докторъ не захочетъ выпускать изъ больницы. Зоя дастъ телеграмму, гдѣ они остановятся. Лучше, еслибы я познакомился съ папой; прямо заявился бы въ номера и сказалъ: я—женихъ Зои Сергѣевны. Каждый день будемъ гулять, иногда съ папой, а иногда безъ папы. Зоя увѣрена, что папа, какъ только увидитъ меня, такъ сейчасъ же и полюбитъ. Меня нельзя не полюбить. Очень ужъ я хорошій. А можетъ-быть, папа еще обоихъ насъ пригласитъ въ Ниццу: онъ сперва звалъ Зою въ Ниццу, а потомъ согласился—въ Крымъ.

— А хорошо бы намъ съ тобой побывать въ Ниццѣ!

Я вспомнилъ Калерію, которая когда-то дала мнѣ адресъ: „Въ Ниццу, до востребованія“, испугался, покраснѣлъ и, потупившись, сказалъ:

— Не стоитъ въ Ниццу...

— Почему?... Что съ тобой! Почему ты покраснѣлъ?

Померкъ ликующій день, погасъ яркій свѣтъ, пропалъ просторъ родимой Волги, потускнѣла золотисто-голубая дымка и пропала въ душѣ радость бытія и счастья. Хотѣлось провалиться сквозь землю, не существовать на свѣтѣ. А Зоя, взявъ меня подъ руку, заглядываетъ въ лицо и тревожно спрашиваетъ:

— Геня! Геня!... Да что съ тобой, милый? Что ты молчишь?

Я закрылъ пылающее стыдомъ лицо и сказалъ:

— Я долженъ тебѣ покаяться въ... Какъ мнѣ скверно, Зоя!...

— Что, что, голубчикъ!... Богъ съ тобой!... Ты меня пугаешь...

— Не могу...

— Что случилось?... Ну, скажи, вѣдь я—не чужая тебѣ...

— Ты меня... разлюбишь...

— Да нѣтъ же, нѣтъ!... Никогда! Ни за что!

— Помнишь... однажды я сказалъ тебѣ, что я—гадкій, грязный, а ты...

— Неправда. Ты—хорошій. Ты—чистый...

— Нѣтъ, Зоя... Я не знаю, какъ сказать тебѣ правду... Я не только боюсь за себя, но... Я боюсь своимъ признаніемъ оскорбить твою чистоту...

— Какія страшныя вещи говоришь ты!... Не понимаю. Можно подумать, что...

Мы замолчали. Я сидѣлъ какъ приговоренный къ казни, доживающій послѣднія минуты жизни. Въ головѣ кружились и путались мысли, воспоминанія о свѣтлой, неомраченной любви, о томъ, какъ мы съ Зоей познакомились и какъ занимались алгеброй. Какъ тогда было ясно, прозрачно на душѣ! Пропала свѣтлая, безпечная радость... Въ памяти рождается грозовая ночь, красная занавѣска, тревожныя зарницы молній, подъ которыми вспыхиваютъ розовымъ отблескомъ черные безстыжіе глаза и разметавшіеся по травѣ черные волосы...

— Ну, посмотри на меня... Иначе я... заплачу... Геннадій! Слышишь? Я заплачу...

И заплакала тихо, беззвучно.

— Ты — странный... Ты... не сильно любишь меня... Все пугаешь. Ты хочешь напугать чѣмъ-то нашу любовь и... оборвать ее... Да? Скажи прямо! Да?

— Нѣтъ. Видишь ли, Зоя... Я долго обманывалъ тебя и больше не могу...

И тихо, не поднимая головы, я сталъ, запинаясь и пугаясь, рассказывать бѣдной Зоѣ всю правду, смягчая ее, насколько было можно и насколько умѣлъ это сдѣлать. Рассказалъ. Тихо-тихо. Поютъ птицы, гудитъ гдѣ-то пароходъ, гдѣ-то поютъ грузчики: „Вотъ нейдетъ—да вотъ пойдетъ“, ласково поплескиваетъ рѣка, о чемъ-то перешептываясь съ берегомъ. Поборолъ стыдъ и страхъ: взглянулъ въ сторону Зои. Сидитъ неподвижно, какъ изваяніе изъ мрамора, и съ полными слезъ глазами смотритъ неподвижно въ золотисто-голубую дымку волжскихъ тумановъ. Застыла. Только губы вздрагиваютъ мелкой дрожью и тяжелыя капли слезъ тяжело падаютъ и катятся по щекамъ.

— Ты больше не любишь меня, Зоя...

— Тише... Молчи... А то заплачу...

Опять долгое, какъ вѣчность, молчаніе. Глубокій одинокій вздохъ.

— Можешь простить или... нѣтъ?... Зоя!

— Погоди... Не знаю... Сейчасъ мнѣ больно... Потомъ... Я приду...

Встала и тихо, съ опущенной головой, пошла изъ сада.

— Напиши мнѣ! Если не можешь простить, напиши прямо...

Зоя, не оборачиваясь, кивнула головой и скоро пропала въ зелени сада, а я такъ и остался на скамейкѣ. Не смѣлъ пойти за нею.

Мнѣ было такъ скверно и такъ больно, что хотѣлось разомъ кончить всѣ страданія: подбѣжать къ обрыву и прыгнуть въ Волгу. Я подошелъ къ обрыву и сталъ смотрѣть внизъ. Притягиваетъ спокойная гладь рѣки: должно быть, тамъ, въ глубинахъ родной рѣки, такъ тихо и такъ спокойно... Шагнулъ ближе, изъ-подъ ногъ посыпались внизъ камешки и песокъ. Вздогнулъ и отпрянулъ. А потомъ почти побѣжалъ изъ сада съ крикомъ:

— Зоя! Зоя!... Погоди!... Я долженъ видѣть тебя въ послѣдній разъ...

XXXVIII.

— Ну-съ, молодой человѣкъ, придется полежать.

— Не могу я, докторъ, больше лежать.

— Рано пташечка запѣла — какъ бы кошечка не съѣла, молодой человѣкъ...

— Я долженъ ѣхать... Въ Крыму я поправлюсь скорѣе. Вы общались черезъ недѣлю, а теперь идетъ уже вторая... Я не могу, докторъ.

Мама качаетъ головой и жалуется:

— Вы не велѣли сидѣть на сквозномъ вѣтрѣ, а онъ не отходитъ отъ окна.

— Закрывайте!

— Открываетъ. Онъ уже уложился.

— Рано. Плохо кушаете, молодой человѣкъ.

Ахъ, вы! Слѣпые, близорукіе люди. Вы думаете, что чѣмъ больше я буду кушать, тѣмъ счастливѣе буду въ жизни? Болитъ душа, душа болитъ, а вы... Вотъ уже скоро недѣля, какъ уѣхала Зоя, а телеграммы нѣтъ. Оставила письмо и уѣхала.

„Я не могу сказать тебѣ сейчасъ, прощаю ли. Не знаю, сама не знаю. Сегодня мы съ папой уѣзжаемъ въ Крымъ. Дай мнѣ подумать, переболѣть душой. Я тебѣ телеграфирую искренно. Должно быть, прощаю, но больно мнѣ, невыносимо больно, и я боюсь обмануться. — Зоя“.

Нѣтъ телеграммы. Сажу у окна и смотрю на дорожку къ воротамъ: каждый день дожидаюсь, когда появится почтальонъ или телеграфистъ. Каждый день ожиданіе мучительнѣе и каждый день — разочарованіе: приносятъ и письма, и телеграммы, но не мнѣ. Ахъ, Зоя, что ты со мной дѣлаешь? Зачѣмъ мнѣ выздоровленіе и жизнь, если... Но ты должна сказать. Ты не въ правѣ такъ мучить, если даже... если даже больше не любишь! А если ты такъ долго колеблешься, значить — не любишь. Не любишь, нѣтъ, не любишь!... Но тогда зачѣмъ мнѣ ѣхать въ Крымъ! Никуда не надо ѣхать. Никуда!...

— Отойди отъ окна.

— Ахъ, оставь меня, мама!... Не все ли равно?... Не сегодня, такъ завтра...

— Что „не сегодня, такъ завтра“?

— Умирать.

— Вотъ тебѣ разъ! То — жениться, то — умирать. Не поймешь васъ.

— Наша жизнь, мама, только крохотный кусочек, одно мгновение в вѣчности. Если посмотрѣть на тысячи лѣтъ, которыя прошли до появленія на свѣтъ, и на тысячи, а можетъ быть и миллионы лѣтъ, которыя пройдутъ послѣ нашей смерти,— такъ не стоитъ и думать о жизни...

— Чепуха кака!

— Сегодня есть, а завтра тебя нѣтъ. И ничто не измѣнится съ твоимъ исчезновеніемъ. Все такъ же будетъ день, и будетъ ночь, зима и весна, радость и горе...

— А ты хотѣлъ бы, чтобы послѣ насъ ничего не было?

— Мнѣ все равно... Суета суетъ, мама. И такъ же люди будутъ говорить, что любятъ и никогда не разлюбятъ, а сами...

— Вонъ телеграфистъ идетъ.

— Гдѣ? Да, да!...

— Куда же ты побѣжалъ?... Ахъ, наказаніе Божіе!

Я выбѣжалъ въ корридоръ, потомъ на лѣстницу. Стою, свѣсивъ голову въ пролетъ лѣстницы, жду и прислушиваюсь, что дѣлается въ конторѣ больницы. Мѣшаютъ проклятые часы: стучать, словно рубятъ дрова. Стукнула дверь. Кто-то идетъ. Куда? Наверхъ!...

— Сестрица, вы что несете?...

— Телеграмма... вамъ!

— Мнѣ!

— Вамъ. Вотъ извольте...

— Спасибо, спасибо! Вы такая милая...

Сестрица вскинула на меня удивленные взоры и, повернувшись, пошла обратно, а я зажалъ въ рукѣ телеграмму и побѣжалъ въ свою палату.

— Мама! Телеграмма.

Смотрю на телеграмму и боюсь ее распечатать: вѣдь тамъ— моя судьба, моя жизнь. Трясутся руки и замираетъ сердце. Опять трудно дышать.

— Мама!.. Распечатай телеграмму и сперва посмотри, откуда и отъ кого, но не говори содержанія.

— Что за фокусы? Ну, давай!.. „Распечатай“, а самъ не даетъ.

— На! Сперва—откуда?

— Изъ Ялты. Отъ Зои.

— Знаю, знаю!.. погоди, ничего не говори.

— Что ты дуришь, Геннадій!

— Скажи, какъ подписана.

— „Твоя Зоя“.

— Не можетъ быть!.. Ты лжешь, мама...

— Ей-Богу, „твоя“! На, читай самъ!

„Прощаю, люблю, жду. Твоя Зоя“.

— Мама! Я спасенъ! Мама, мама... милая, родимая старушка!..

— Да погоди ты, сумасшедшій!.. Я упаду, оставь меня, Генъка! Что ты, словно сбѣсился...

— Сбѣсился, мамочка... Ей-Богу, сбѣсился!.. Зойка! Зойка! Милая, добрая Зойка!

— Ничего не понимаю...

— И не надо, мамочка. Завтра я ѣду, ѣду, ѣду...

— Погоди, что скажетъ докторъ...

— Не желаю. Не слушаю. Ничего знать не хочу! Ёду, ёду, ёду...

И я громко запѣлъ:

„Отворите мнѣ темницу, дайте мнѣ сіянье дня...“

— Не ори! Здѣсь больница.

„Сине-окую дѣвицу, черногриваго коня...“

— Не ори, тебѣ говорятъ!

— Ничего, мамочка...

„Я крра-савицу младую пррѣжде сладко поцѣлую...“

— Не пойте. Здѣсь неудобно.

— Простите, милая сестрица. Не буду... Ей-Богу, не буду!..

— Допѣлся... Говорила тебѣ... Точно гимназистъ... А еще жениться...

— Ничего, мамуся... Я—шепотомъ... „Я краса-вицу младую пррѣжде сладко поцѣлую, на коня потомъ вскачу, въ степь, какъ вѣтеръ, полечу“...

— Разскакался...

— А гдѣ, мама, корзинка съ тѣми вещами, которыя тебѣ отдали въ жандармскомъ управленіи?..

— Въ конторѣ. Сюда не позволили.

— Экая досада! Надо бы кое-что взять съ собой. Завтра я ѣду. Это рѣшено и подписано. Можетъ быть, ты—со мной... Все равно ужъ: тамъ есть одинъ родитель, будетъ еще одна родительница.

— Ты знаешь, что мнѣ нельзя. Я и безъ того не знаю, какъ тамъ безъ меня... Тетки хвораютъ, кругомъ обворовываютъ, приказчикъ запилъ.

На вечернемъ обходѣ долго торговался съ докторомъ. Уперся: раньше, какъ черезъ три дня, не пускаетъ. Что такое три дня? Просто придирка, упрямство, желаніе покуражиться. Ну, чортъ съ тобой, бери у меня эти три дня, пей мою кровь и мое счастье!

— Слава тебѣ, Господи... Слава долготерпѣнію твоему, Господи, слава...

— Значить, не ѣдешь со мной?

— Да нельзя, Геня... И денегъ въ обрѣзъ... Какъ я жалѣю, что отправила Калеріи тысячу-то! Потомъ ужъ разсчитались бы. Осенью она собирается къ намъ погостить...

— Къ намъ? Съ какой стати?

— И опять съ ребенкомъ притащится, помани мое слово.

— Съ какой стати! Ты же потомъ будешь сердиться и каяться, что...

— Неудобно: дала денегъ на твой выкупъ и пишетъ, что горитъ нетерпѣніемъ повидать политическаго преступника... Никогда, говоритъ, не случалось ихъ видѣть.

— Подлая!

— Ну ужъ это, Геннадій Николаевичъ, нехорошо и не благодарно... Пусть поживетъ... Она думаетъ, что ты попрежнему будешь бѣгать за ея хвостомъ...

— Я видѣть ее не хочу. Я ее ненавижу всѣми фибрами души...

— А тогда горой стоялъ... Чуть на мать съ ружьемъ не полѣзъ... Эхъ, ты!

— Она меня одурманила... Опоила зельемъ какимъ-то... А теперь прошло. Теперь я ее изъ поганаго ружья убью... гадину!

— Перестань! Постыдись! Побойся Бога-то...

— Таеъ и знайте: либо она, либо мы съ Зоей. Мы одного часа не пробудемъ, если заявится Калерія... А впрочемъ, я забылъ: осенью я буду гарантированъ отъ этого свиданія: опять въ тюремное заведеніе для полнаго окончанія курса... Наплевать!.. Мы проживемъ въ Крыму до сентября, а тамъ видно будетъ.

— Пишетъ, что тоскуетъ... Не нахожу, говорить, мѣста. Мыкается по заграницамъ. Съ ребеночкомъ-то! Ему всего около трехъ мѣсяцевъ, а она его ужъ чуть не всей Европѣ показала. А теперь хочетъ показать ему свое отечество. И смѣшно, и жалко. Кукушка! Хорошо, что въ-время тогда мы ее спровадили, а то закружила бы тебя около своей юбки. Опять сошлась съ мужемъ. Сперва бросила, а потомъ опять... Несчастливая какая-то.

— Ну, будетъ, мама! Я не желаю ничего знать про нее и... замолчи!

Переблывая въ десятый разъ вещи, собранныя въ дорогу, я вытащилъ изъ альбома портретъ Калеріи. Взглянулъ, вздрогнулъ отъ безстыжихъ глазъ и безстыжихъ губъ, которые смотрѣли и цѣловали меня, и швырнулъ портретъ на столъ къ мамѣ.

— На, возьми твою прекрасную Калерію! Мнѣ она не нужна.

Мать взяла портретъ и стала разсматривать. Вздохнула.

— А есть въ ней цыганская кровь. Красивая бродяга, ей-Богу! Вотъ вѣдь и деньги, и красота, и все, что угодно, а счастья нѣтъ. Возьму себѣ. Нехорошо бросать подаренныя карточки. Карточка не виновата.

На другой день мы съ мамой ходили по магазинамъ: покупали мнѣ новое лѣтнее пальто, новую шляпу, палку, перчатки и легкую лѣтнюю пару, бѣлье, новый чемоданъ, новыя ботинки съ пуговицами. Это отняло весь день и сократило время ожиданія. На третій день тоже было немало хлопотъ: ходилъ въ цирюльню подстричься, мылся въ ваннѣ, еще разъ укладывался. Мама ушла въ церковь отслужить напутственный молебенъ, а я, чистый и подстриженный, воспользовался одиночествомъ: захотѣлъ посмотрѣть, каковъ я буду видомъ, если надѣну новую пару. Облекшись въ новое бѣлье, я надѣлъ новую свѣтлую пару и новыя ботинки съ пуговицами, накрылъ голову новой шляпой и посмотрѣлся въ зеркало:

— Ничего, недуренъ мужчина!.. А ну-ка, впору ли пальто?..

Надѣлъ и пальто, а кстати взялъ изъ угла и новую палку. Опять подошелъ къ зеркалу.

— Ей-Богу, я очень и очень недуренъ!

Сталъ прохаживаться по комнатѣ и мимоходомъ заглядывать въ зеркало; помахивая палкой и раскланиваясь съ кѣмъ-то. Съ кѣмъ? Ну, конечно съ Зоей! Съ кѣмъ же больше мнѣ раскланиваться? Воображаю, какъ ахнетъ мой бѣлый голубокъ при видѣ такого франта. А крахмальной рубашки не надѣну: фантази съ „Желябовскимъ галстукомъ“ придаетъ болѣе поэтической видъ.

— Эге, вы ужъ, кажется, на „Вѣнецъ“ собрались!

— Я... я... нѣтъ, докторъ, я собственно пройтись маленько.

— Теперь другое дѣло. Теперь женихъ, какъ слѣдуетъ. А ваша матушка?

— Н... не знаю. За покупками пошла.

Почему я не сказалъ, что она ушла въ церковь? Какъ это глупо: стыдиться, что мать пошла молиться Богу за мой благополучный отъѣздъ... Вѣдь я же вѣрю въ Бога?.. Въ Бога... Ммм... не знаю. Не особенно что-то... Сходилъ въ садъ, поглядѣлъ на Волгу, послушалъ, какъ призывно гудятъ свистки паровозовъ на городскихъ пристаняхъ: словно зовутъ меня поскорѣе сѣсть и уѣхать вонъ туда, въ голубую дымку сказочнаго царства, гдѣ царствуетъ моя нареченная Принцесса. Ахъ, какая смѣшная: „желаю, чтобы на нашей свадьбѣ непременно пѣлъ хоръ пѣвчихъ“. Ну, скажите пожалуйста, развѣ это не чепуха! Ну, не все ли равно: съ пѣвчими или безъ пѣвчихъ? Чудачка эта Зойка, ей-Богу! Много въ ней еще предрасудковъ.

Пришла мать. Глаза красные.

— Ты что, мама... плакала?

— Да, Геничка, немного поплакала.

— О чемъ, старушка?

— Такъ, грустно что-то стало. Уѣдешь и останусь одна. Дай тебѣ Богъ счастья... Отца-то нѣтъ, не дожилъ! Я ужъ заодно панихидку по немъ отслужила: въ одной церкви—молебень, а въ другой—панихидку. А ты ужъ нарядился!

— Примѣрю.

— Вотъ даже пріятно посмотрѣть. Выросъ ты, совсѣмъ взрослымъ глядишь. Ну, и мнѣ собираться надо въ дорогу. До Самары вмѣстѣ, а тамъ...

Мать постояла посреди комнаты съ опущенными руками, потомъ стала суетиться и бѣгать то въ контору, то въ докторскую; звенѣла деньгами, отвернувшись въ уголокъ лицомъ, охала и опять куда-то скрывалась.

— Телеграмма тебѣ.

— Давай скорѣй!

„Остановились въ Грандъ-Отелѣ, жду, тоскую, телеграфируй выѣздъ. Зоя“.

— Отъ Зои?

— Да! Тоскуетъ очень, невыносимо тоскуетъ, не можетъ больше ждать...

— Завтра поѣдемъ. Не умреть.

— Все, мамочка, возможно!.. Надо успокоить.

Сажусь къ столу, тороплюсь, перо старое, ржавое; влюсь на больничные порядки, дѣлаю кляксы, рву бумагу, капнуль на новый пиджакъ...

„Ялта. Экстренная. Завтра выѣзжаю, успокойся. Твой Геннадій“.

Выбѣгаю за ворота, отчаянно кричу извозчика.

— На телеграфъ!

А на телеграфъ опять недоразумѣніе:

— Кому?

— А вамъ какое дѣло?

— Въ такомъ случаѣ не принимаемъ.

— Не имѣете права...

Шумъ и крикъ, съ обѣихъ сторонъ угрозы. Выѣшивается какой-то господинъ и кротно-заискивающе объясняетъ, въ чемъ дѣло:

— Вы написали: въ Ялту, а кому—неизвѣстно.

— Ахъ, вотъ въ чемъ дѣло!.. Вѣдь я не понялъ... Въ такомъ случаѣ извините.

— Подождите, потрудитесь встать въ очередь!

Всѣ на меня смотрятъ, одни со злобой, другіе съ усмѣшкой. Такъ бы и растерзалъ телеграфиста, да онъ—за рѣшоткой. И вотъ этого, толстаго!..

— У меня телеграмма экстренная.

— А ужъ это, господинъ, не наше дѣло. Я тоже жду, а у меня тамъ жена помираетъ. Кабы деньги были, такъ и я послалъ бы экстренную.

Жена помираетъ, а онъ, прохвость, торгуется изъ-за пятака, не соглашаясь, что „не задержусь“ пишется въ два слова. Только время ведетъ.

— Напишите „не замедлю“ — совѣтуетъ рядомъ стоящая барыня.

— Не замедлю—тоже два слова.

— У васъ все—два слова!

— Не я грамматику сочинялъ.

— Ну, на-те еще пятакъ... Васъ не переспоришь...

— Экстренная! У кого экстренная?

Съ гордостью пролѣзаю впередъ.

Только сдавши телеграмму, чувствую, что теперь все устроено. Куда бы сходить? Некуда. Брожу по улицамъ, помахиваю палкой и тихо напѣваю:

— Тра-тамъ, тарамъ, та-та...

Увидалъ выставку фотографій, сталъ разсматривать обывательскія фizioноміи.

— А что, не сняться ли?

Зашелъ и зачѣмъ-то снялся въ анфасъ и въ профиль, въ шляпѣ и безъ шляпы, въ пальто и безъ пальто. Далъ три рубля задатку. А когда вышелъ изъ фотографіи, то подумалъ:

— На кой чортъ я снимался, когда завтра уйду и неизвестно, когда вернусь! Ну, наплевать, пусть пропадаетъ моя трешница...

Попадались навстрѣчу барышни, но совершенно не интересовали меня; раньше бросилъ бы мимолетный взглядъ, замѣтилъ бы, которая красивѣе, можетъ-быть поправилъ бы шляпу на своей головѣ. Теперь—просто не существуютъ. Ни на минуту не перестаю чувствовать, что вся моя жизнь отдана безраздѣльно и безповоротно одной, далекой, лучшей въ мірѣ дѣвушкѣ, предъ которой я глубоко виноватъ. Тоже косы у одной изъ трехъ большія, но предъ Зоинными косами онѣ ничего не стоятъ. Одна сдѣлала „глазки“. Ахъ, скверная дѣвчонка! Вѣдь навѣрное воображаетъ, что краше всѣхъ на свѣтѣ. Какое, подумаешь, самомнѣніе! Напрасно, милостивая государыня, стараетесь: неуязвимы! Не оглядывайтесь: застрахованы!

Вернулся въ больницу и засталъ маму въ слезахъ.

— Что такое, мама?

— Нѣ, прочитай!

Взялъ телеграмму: „Тетя Маша сейчасъ скончалась. Тетя Сама“.

Бѣдная тетя Маша: всю жизнь ждала, что придетъ какой-то благородный рыцарь и похитить ее изъ стараго дома, берегла для него цѣломудріе, гадала на святкахъ съ зеркаломъ,—каждый годъ выходило, что рыцарь близко... Вотъ онъ рыцарь, пришелъ и похитилъ тетю Машу!.. Черный рыцарь...

— Вѣдь ей всего сорокъ два!—всхлипывая, шептала мама...

А мнѣ было нежалко тетю Машу. Мама плакала, а я думалъ о томъ, что завтра я поѣду къ своей невѣстѣ, и, отвернувшись къ окну, я радостно улыбался и мысленно говорилъ:

— Зойка, Зойка!.. Какая ты красивая, милая, добрая...

— Надо опять идти — отслужить панихиду по тетѣ Машѣ. Пойдемъ!

— Пойдемте.

Не хотѣлось идти, но нельзя: обидишь маму. Пошелъ, стоялъ съ понурою головой, съ восковой свѣчой въ рукѣ. Священникъ жалобно вытягивалъ:

— Еще молимся о упокоеніи души усопшей рабы Твоей Маріи, и о еже простится ей всякому прегрѣшенію, вольному же и невольному!

А я слушалъ, какъ за раскрытымъ окномъ храма, на оградѣ, пѣли птицы и какъ на Волгѣ гудѣлъ пароходъ; крестился, а самъ думалъ о томъ, какъ встрѣчу Зою и буду цѣловать ей

руки, глаза, губы, волосы... золотые волосы, похожіе на солнечные лучи, золотымъ столбомъ падающіе изъ-подъ свода купола въ холодный полумракъ церкви!..

XXXIX.

„Трахъ, тарарахъ, тахъ-тахъ, тахъ-тахъ“ — стучить, греметь и, какъ птица, несется подъ уклонъ скорый поѣздъ, позваниваетъ, полизгиваетъ сѣпями и плавно покачивается на закругленіяхъ. Я стою у раскрытаго окна и подставляю встрѣчному вѣтру лицо. Треплетъ вѣтеръ волосы, рветъ съ головы широкополую шляпу; бѣгутъ мимо столбы съ проволоками и бѣлыми фарфоровыми чашечками; какъ безконечная лента, разворачивается желтый откосъ желѣзнодорожной насыпи и пугаютъ встрѣчные поѣзда-птицы, вихремъ проносящіеся въ глазахъ; зеленѣютъ луга, сверкаютъ серебристыми ленточками луговые рѣчки, уплываютъ назадъ кучки бѣлыхъ домиковъ-мазанокъ съ вишневыми и желтыми подсолнухами; мелькаютъ на переездахъ пузатые бабы въ повойникахъ, съ зелеными флагами въ рукахъ; иногда гонятся съ лаемъ злые собаки... А поѣздъ летитъ, какъ птица, и визгливо кричитъ:

— Эй, эй, берегись!

Неизъяснимую благодарность чувствую я къ поѣзду: онъ мчитъ меня на благодатный югъ, въ невѣдомый еще для меня край, туда, гдѣ и днемъ, и ночью ждетъ меня прекрасная Принцесса...

— Трахъ, тарарахъ, тахъ-тахъ, тахъ-тахъ...

Спасибо тебѣ, милый поѣздъ, и спасибо тому, давно сгнившему человѣку, который придумалъ эту чудную птицу: на ней можно, какъ на коврь-самолетъ или на Коньѣ-Горбункѣ, въ три дня перелетѣть съ сѣвера на югъ моей милой, необъятной отчизны...

По цѣлымъ часамъ стою у окна вагона и на моихъ глазахъ совершается чудо превращенія сѣвера въ югъ. Въмѣсто грустныхъ плакучихъ березъ и угрюмыхъ сосенъ все чаще возносятся къ небесамъ пирамидальные тополи, вмѣсто низкорослыхъ пропыленныхъ желтыхъ акацій — высокія ажурныя бѣлыя, вмѣсто печальныхъ подслѣповатыхъ избъ — бѣлыя мазанки съ вишневыми и желтыми подсолнухами, вмѣсто красивыхъ лошадокъ — лѣниво ползутъ рогатые быки... Появляются на крышахъ длинноногіе аисты... А наши задумчивыя меланхолическія ночи, съ грустно мерцающими въ далекихъ небесахъ звѣздами, смѣняются

темными, почти черными ночами, съ небесами изъ темно-синяго бархата, смотрящими на землю огромными удивленными глазами безчисленных моргающих звѣздъ.

Ахъ, эти черныя ночи съ огромными любопытными глазами-звѣздами, съ горячимъ дыханіемъ ласковаго вѣтерка, съ трепетными вздрагиваніями привѣтливыхъ и таинственныхъ огоньковъ въ скрытыхъ темнотой жилищахъ; съ прянымъ ароматомъ полей и садовъ! Кружится отъ нихъ голова и мерещатся горящіе во мракѣ глаза, шепотъ и поцѣлуи... Скорѣй! Скорѣй, поѣздъ!..

— Трахъ, тарарахъ, тахъ-тахъ-тахъ-тахъ...

Свистки, остановки, суетня и говоръ. Опять свистки, рожокъ стрѣлочника, вздохъ паровоза, толчокъ и снова:

— Трахъ, тарарахъ, тахъ-тахъ-тахъ-тахъ...

Буфетъ, бѣготня, звонъ посуды, ножей, тарелокъ, жадное и торопливое пожираніе пищи и снова:

— Трахъ, тарарахъ, тахъ-тахъ-тахъ-тахъ...

— Севастополь.

— Какъ, уже Севастополь?..

Ослѣпительное солнце, смѣющіеся дома, распаренные люди, бѣлые костюмы, бѣлые извозчики, бронзовые лица, запахъ розъ, акацій, апельсиновъ, лимоновъ, а во рту—соленая пыль... Такъ вотъ онъ, знаменитый городъ, о которомъ слыхалъ еще въ далекомъ дѣтствѣ! Тихій и радостный, даже лѣнивый. А когда-то здѣсь рѣкою лилась человѣческая кровь и люди, какъ разъяренные дикіе звѣри, катались на землѣ въ предсмертныхъ схваткахъ. Даже не вѣрится. Надо бы посмотрѣть историческія достопримѣчательности этого города, да что-то не хочется. Теперь мною владѣетъ только одна достопримѣчательность въ мірѣ: она находится въ Ялтѣ и зовутъ ее Зоей...

— Зоя! Скоро, скоро...

Морской пароходъ. Заревѣла сирена, заклокоталъ черный дымъ надъ трубой, забѣгали по бортамъ матросы, и медленно поплылъ огромный домъ изъ суетливой бухты въ спокойно-величавое, голубое и зеленое море... Бѣгаю по палубѣ, по каютамъ и лѣстницамъ: не нахожу мѣста отъ нетерпѣливой радости, которая флокочетъ въ груди; отъ изумруднаго моря, въ манящихъ пѣнящихся глубинахъ котораго, за кормой, кувыркаются игривые дельфины, отъ влажнаго соленоватаго воздуха морскихъ равнинъ, отъ размашистаго плавнаго баюканія коварной волны, а всего больше отъ близкой встрѣчи съ бѣлымъ ангеломъ моей души...

Какой симпатичный капитанъ! И какіе все милые пассажиры: точно родные. Заботятся и помогаютъ:

— Съѣшьте кусокъ лимона!

— А всего лучше выпейте рюмку коньяку. А скверно?

— Нѣтъ, только немного кружится голова.

— Не смотрите на воду!

— Не могу: тянетъ меня эта зеленая прозрачная пропасть...

— Вы блѣднѣете. Лучше бы пошли въ каюту да и залегли.

— Да, пожалуй лучше лечь...

— Ялта! Видно Ялту...

— Кто это сказалъ про Ялту?

Сразу очнулся и все прошло. А было такъ скверно, что желалъ поскорѣ умереть и просилъ кого-то сбросить меня въ море. Спасибо, что не бросили!..

Качки нѣтъ, а меня покачиваетъ изъ стороны въ сторону. Придерживаясь, какъ пьяный, за перила, поднимаюсь по лѣстницѣ на палубу и застываю въ восхищенномъ изумленіи...

Темносиняя ночь, огромныя звѣзды на небѣ, фосфорическіе огни въ морскихъ хлябяхъ и рой золотыхъ пчелъ въ изгибѣ темнѣющихъ горъ...

— Это чтѣ тамъ въ горахъ?

— Ялта...

Ялта, Ялта!.. Точно Господь собралъ съ бархатныхъ небесъ много-много лишнихъ звѣздъ и бросилъ ихъ на землю, въ горы, на берегъ моря...

Какъ сказка, волшебная, несбыточная сказка... Дрожатъ огни на небѣ, въ морѣ и на горахъ... Прекрасны огни неба, но меня больше притягиваютъ огни земли. Тамъ, среди этихъ огней, есть одинъ, который мигаетъ мнѣ... Я хочу отыскать его... Красавица Ялта, не гордись своей красотой: въ одномъ изъ твоихъ сокрытыхъ синими сумерками ночи жилищъ скрывается Принцесса, моя Принцесса!.. Она прекраснѣе тебя. Она — моя невѣста. Ее зовутъ—Зоя. Огни ея глазъ ярче твоихъ, потому что въ нихъ—земля и небо, солнце и звѣзды, въ нихъ счастье, огромное, безграничное, какъ это черное, сверкающее таинственными сіяніями море!..

Реветь морская сирена, кричитъ въ горы:

— Зоя! Я пріѣхалъ...

XL.

Развѣ можно здѣсь спать ночью? Нельзя. Въ раскрытое окно моего маленькаго номера ничего не видно: кусокъ крыши, труба и надъ ними — черное небо съ огромными звѣздами; но мнѣ все-все слышно: море то шепчетъ что-то, то вдругъ взметнетъ волну, ударится въ камень и съ шумомъ, подобнымъ проливному дождю, упадетъ и смолкнетъ. А потомъ снова зашепчетъ и снова кинется и разобьется; слышно, какъ ходятъ по улицамъ люди, которымъ не спится, весело разговариваютъ, напѣваютъ... Вотъ доносится радостный женскій смѣхъ. Даже вздрогнулъ и сбѣлъ въ постели отъ смѣха: какой-то странный смѣхъ, словно знакомый, уже когда-то слышанный. Вотъ стучать кованными ногами верховыя лошади, а кто скачетъ — неизвестно!.. Ну, гдѣ-то играютъ Лунную сонату... Развѣ здѣсь можно спать? И въ номерахъ еще не всѣ спятъ: кто-то у самыхъ дверей вполголоса ссорится. Мужчина и женщина:

— Гдѣ ты была?

— А тебѣ какое дѣло!

— Я тебя спрашиваю, гдѣ ты...

— Тише! Или я уйду...

Завели романъ подъ самыми дверями: любовь, ревность, измена... Развѣ тутъ уснешь! Громко кашлянулъ, и романъ оборвался: двѣ пары ногъ торопливо и мягко, въ догонку другъ за другомъ, простучали по коврику коридора и растаяли въ шепотъ моря...

— Уснешь тутъ...

Вскочилъ и сталъ одѣваться. Пойду побродить по набережной, посмотрѣть и послушать морской прибой; можетъ быть, отыщу „Грандъ-Отель“, гдѣ живетъ моя Зоя, похожу мимо... Вотъ еслибы вызвать Зою и посидѣть съ ней около моря!.. Поздно: папенька не выпуститъ или увяжется за нами. А сколько времени? Всего двѣнадцать съ четвертью. Уже не такъ поздно, папенька!..

— Человѣкъ! Скажите пожалуйста, гдѣ находится „Грандъ-Отель“?

— На набережной. Выйдете и налѣво.

Вышелъ на набережную. Ахъ, красота, сказочная красота „нѣкотораго царства-нѣкотораго государства“, въ которомъ небеса изъ чернаго бархата съ синимъ отливомъ, а на черномъ

бархатъ—звѣзды изъ чиста золота, а городъ изъ бѣла мрамора, а море изъ синей парчи, серебромъ расшитой... Заглядѣлся на море. Тихо шевелятся черно-синія хляби морскія; потомъ, какъ домчатся до каменной стѣны черные кони, въ мылѣ и въ пѣнѣ, съ бѣшеной яростью они поднимутся на дыбы и заржать, скатившись въ море, а поднятый ими водяной столбъ, взвившись высоко къ небу, дождемъ и водяной пылью упадетъ на камни и плеснетъ на панель набережной. И шумъ отъ этого похожъ на могучіе вздохи скованнаго великана... Душа переполнена восторгомъ. Не знаю, что сдѣлать: не знай—побѣжать вдоль набережной, не знай—закричать въ море: „Эй, кто тамъ? Я—здѣсь!“, не знай—куда смотрѣть, пойти, кому что-то сказать, кого-то крѣпко расцѣловать... Почему я одинъ? Почему со мной нѣтъ Зои?...

Оглядѣлся по сторонамъ, глубоко такъ вздохнулъ и быстро зашагалъ налѣво, оглядывая высокіе дома съ огнями въ окнахъ... Да вотъ онъ, „Грандъ-Отель“!.. Гм... Да, вотъ и на подъѣздѣ вывѣска: „Грандъ-Отель“. Такъ вотъ она гдѣ, моя Принцесса! Что же дальше дѣлать? Идти, пожалуй, поздно вато: папенька биткомъ набитъ предразсудками. Ага, прекрасная идея: напишу записку, два слова, и пошлю со швейцаромъ въ номеръ, къ нимъ въ номеръ. Оглядѣвъ еще разъ фасадъ „Грандъ-Отеля“, перебираюсь черезъ улицу и вхожу въ подъѣздъ. Освѣдомляюсь, дѣйствительно ли это „Грандъ-Отель“. Онъ. Живутъ ли такіе-то? Живутъ. Спать? Неизвѣстно, можно справиться.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я напишу записочку, а вы суньте имъ въ дверь.

— Ужъ не знаю какъ. Баринъ тамъ серьезный...

— Вотъ вамъ за труды!

— Благодарствую... Надо попробовать... Вы будете ждать?..

— Нѣтъ, тамъ все написано...

Передалъ швейцару записку на листѣ записной книжки: „Пріѣхалъ, сейчасъ гуляю по набережной мимо Грандъ-Отеля“— а самъ поскорѣе вонъ. Вышелъ и прохаживаюсь по панели набережной, озирая свѣтящійся окнами фасадъ таинственнаго „Грандъ-Отеля“. Вдругъ въ одномъ изъ свѣтящихся оконъ второго этажа стукнула створка, обрисовалась темная человѣческая фигура и густой басъ произнесъ:

— Господинъ Тархановъ!.. Гдѣ вы?

Отецъ, ея отецъ... Чего я, однако, испугался? Что онъ мнѣ сдѣлаетъ?..

— Я здѣсь!

— Мы ложимся спать, придется до завтра... Правильный образ жизни требует по ночам...

— Ну, спокойной ночи! — произнес я обиженным тоном, приподнимая шляпу, и направился было прочь от „Грандъ-Отеля“, но в этот момент раздался тревожно-радостный голосок:

— Геннадій! Я сейчас выйду.

Я поднялъ вверх голову и поймал мелькнувшую в окнѣ блѣлую тѣнь позади черной. Окно сердито стукнуло: папенька, очевидно, разгнѣвались. Ничего съ нами не подѣлаешь. Ужъ, видно, придется, папенька, благословить. Отошелъ отъ полосы свѣта, бросаемаго окнами „Грандъ-Отеля“ въ тѣнь черной ночи, повернулся и не свожу глазъ съ подъѣзда гостиницы. Минуты казались часами. Вздохнеть море, вздохну и я. Темная женская фигура, тонкая и изящная, проворно стучая по панели каблучками, торопливо прошла мимо, испуганно отшатнувшись отъ меня въ сторону, пахнуло ландышемъ, въ ухахъ прошумѣлъ шелестъ шелковыхъ юбокъ и все исчезло въ шепотъ моря. Потомъ крупнымъ догоняющимъ шагомъ, постукивая тросточкой, прошелъ мужчина. Знакомая фигура, гдѣ-то и когда-то я его видѣлъ. Кто бы онъ былъ? А впрочемъ, не въ немъ дѣло. И, поглядывая на подъездъ „Грандъ-Отеля“, я потихоньку заплѣлъ романсъ Тамары:

„Ночь тиха и ясна, не могу я заснуть...“

И оборвалъ: эоловой арфой прозвучалъ слабый зовущій голосокъ:

— Геня!

— Здѣсь!

Легкая блѣлая тѣнь скользнула во мракъ и поплыла мнѣ навстрѣчу.

— Зоя!

— Я...

— Голубча!..

— Милый, милый... Какъ я соскучилась!..

— Слезы?.. Я хочу выпить твои слезы...

— Боюсь, увидетьъ... Не надо!.. Послѣ... Вонъ идутъ... Пойдемъ.

Подхватила меня подъ-руку, и мы почти побѣжали, не зная зачѣмъ и куда. Въ темнотѣ мы плохо видѣли другъ друга, и всякій разъ, когда попадали въ ореолъ свѣта отъ электрическихъ фонарей, торопились переглянуться. Она наскоро одѣлась, не успѣла сдѣлать настоящей прически, вообще выглядѣла „простенькой“, но

отъ этого она была еще интереснѣе: въ этой внѣшней простотѣ, въ небрежно накинутаго на голову бѣломъ газовомъ шарфѣ, была бездна загадочности и тайны, интимной близости и сердечной теплоты отношеній. Опять молніей пронеслась мимо темная стройная и загадочная женщина, оставляя за собой шелестъ шелка и запахъ ландыша, а за нею тотъ же постукивающий тросточкой мужчина. Мы переглянулись и весело расхохотались.

— Какъ нахально этотъ франтъ посмотрѣлъ на меня — сказала Зоя и стала оправлять готовые рассыпаться волосы:

— погоди... всѣ шпильки растеряла... Должно-быть, этотъ господинъ принялъ меня за... за горничную или... вообще...

И опять громко и весело расхохоталась.

— Ты тоже франтомъ!.. Я могу тебя скомпрометировать... Смотри: городской садъ еще не запертъ. Хочешь?.. — спросила Зоя и сжала мою руку.

— Пойдемъ, пойдемъ...

Темно-синяя мгла ночи. Тайственная аллея изъ невѣдомыхъ растений. Подъ ногами — влажный морской песокъ, придающій нашимъ шагамъ странную звучность. Одурающіе ароматы цвѣтовъ, таинственные шорохи въ зелени. Жутко, безлюдно. Дрожать нервы, какъ тронутыя струны, и стучить сердце. Ахъ, какъ стучитъ сердце, словно чувствуетъ, что сейчасъ оборвется наше напряженное жуткое ожиданіе.

— Никого... Пусто... Ахъ, какъ я по тебѣ соскучилась!..

Рванулись другъ къ другу и замерли въ долгомъ молчаливомъ объятіи.

— Ты меня простила? Да?

— Не говори... Не вспоминай!.. Не надо сейчасъ объ этомъ.

— Ты... святая... Я хочу молиться на тебя...

— Тише! Идутъ.

— Нѣтъ, это море вздыхаетъ...

— Будетъ... Идемъ...

Вдали свѣтъ, синеватые огни одинокихъ электрическихъ фонарей. Тамъ — домъ, въ которомъ даже здѣсь, въ этомъ волшебномъ царствѣ, люди играютъ въ карты всю ночь напролетъ. Большая площадь и нѣсколько окружающихъ клубъ аллей освѣщены рѣдкими фонарями. Черная ночь и освѣщенные электрическимъ свѣтомъ деревья и кусты создаютъ фантастическую картину. Положительно сказочный садъ волшебницы Альцины, гдѣ горѣлъ въ огнѣ любовныхъ страстей Неистовый Роландъ... Кипарисы, мирты, бѣлыя акаціи, пирамидальные тополи, олеандры, освѣщенные электрическимъ огнемъ, на фонѣ черного бархата

небесъ кажутся кружевными, ажурными, неземными... Сказка! Заколдованное царство. Замокъ Черномора, гдѣ томится Людмила... А Людмила со мной и зовутъ ее Зоей. А Русланъ превратился въ Геннадія...

— Боже, какъ невѣроятно все это!..

— Что, милый?

— Да вотъ то, что это — настоящій, а не сказочный садъ, что ты — со мной, что ты моя невѣста и скоро... будешь... моей женой... Что вотъ эта рука, которую я цѣлую, будетъ моей... Вѣрю и боюсь, что все это только сказка.

— На яву... Ой, Генёкъ, какъ хорошо!.. Хочется заплакать отъ счастья...

— А давно ли между нами была каменная стѣна... Помнишь, какъ мы...

— Пась!

— Бубны!

— Червы!

Ахъ вы, несчастные! На что вы тратите жизнь? Она такъ прекрасна, такъ драгоценна и такъ быстро уходитъ отъ насъ, а вы...

— Пойдемъ, Зоя... „Бубны“ и „червы“ мѣшаютъ мнѣ любить тебя... Идемъ къ морю!

Когда, выходя изъ сада, шли темной таинственной аллеей, угнали у сада еще одинъ долгій, туманящій сознаніе поцѣлуй и, растерянные, опьянѣвшіе, вышли на набережную. Остановились и, прижавшись другъ къ другу, застыли въ молчаливомъ созерцаніи. Смотрѣли въ темно-синюю бездну морскихъ хлябей, въ бархатное небо съ огромными звѣздами, на далекій красный огонекъ невидимаго парохода. Не хотѣлось говорить: казалось, что звуке голоса оскорбить то тайное и великое, что молчить въ природѣ и въ насъ...

— У-у-хъ! — вздохнуло море и, взметнувшись высокимъ столбомъ въ высоту, обдало насъ холодной соленой пылью.

Чьи-то шаги гулко стучали въ темнотѣ.

— Надо домой... — шептала Зоя и, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, вздыхала, но не пла.

— Зоя! Ты?

— А, папа!.. Ты еще не спишь?.. Вотъ, позволь тебя познакомиться...

— Это твой женихъ, если я не ошибаюсь?.. Очень радъ, очень!.. — сердито забасилъ тучный господинъ съ отдышкой и вяло подержалъ мою руку.

— Гдѣ вы пропадали? Я уже цѣлый часъ хожу по набережной...

— Почему же ты не легъ? Вѣдь ты хотѣлъ спать!

— Разгулялся. Надо большую привычку, чтобы спать подъ это безобразіе...

— Какое, папочка?..

— А вотъ подъ этотъ шумъ и грохотъ моря... Я уже закрывался съ головой и все-таки слышно. Пора домой.

— А мы съ Зоей Сергѣевной думали дождаться восхода солнца...

— Въ другой разъ, молодой человѣкъ. Солнце восходитъ каждый день.

Море взметнуло волну и всѣхъ насъ облило дождемъ и пылью. Зоя отпрыгнула и звонко расхохоталась, а папочка сталъ ворчать и ругать море:

— Безобразіе! Весь мокрый... Экая гадость!..

— И меня облило... У-у, все платье моєрое!.. Придется домой...

— Тутъ не поправишься, а только ревматизмъ свой разбредишь!..

Кончилась сказка... Словно проснулся и жалѣю, что меня разбудили и не дали досмотрѣть волшебнаго сна...

— Ну, прощайте, Зоя Сергѣевна!..

— Да папа знаетъ, что мы — на „ты“!.. Приходи завтра пораньше къ мамѣ.

— Милости прошу — сказалъ басомъ папочка, и я остался одинъ у подъѣзда „Грандъ-Отеля“. Постоялъ, послушалъ, какъ смолкли шаги Зои, перешелъ на набережную и долго смотрѣлъ на свѣтъ въ окнахъ второго этажа. Которое окно Зои? Не узнаешь... Какъ узнать? Да очень просто: одно изъ свѣтящихся оконъ второго этажа должно скоро погаснуть, одно или два. Жду. Ну, вотъ, такъ и есть: одно потухло... Съ молитвеннымъ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на потухшее окно и пошелъ въ свой номеръ. Очень долго не могъ заснуть: все чудился сказочный сонъ на яву, садъ волшебницы Альпины, ажурные кипарисы и акации, милые глаза и горячія губы. Лежалъ, прислушивался къ вздохамъ моря и самъ вздыхалъ... А когда началъ забываться, рядомъ въ номерѣ заплакалъ грудной ребенокъ и заскрипѣла покачиваемая колясочка, а сонный голосъ, вѣроятно няни или кормилицы, сталъ монотонно надоедливо вытягивать:

— О-ооо-ой, баю, баю дѣточку мою...

Все это очень глухо, словно подъ землей, но спать мѣшало;

приносило мысли о томъ времени, когда и у насъ съ Зоей будетъ ребенокъ, миленькій, похожій на Зою или на меня ребенка, и вотъ такъ же мы будемъ его баюкать: „О-ооо, бай-бай дѣточку мою“... Фу, какая чепуха въ голову лѣзетъ! Душно и жарко. Некуда дѣвать руки... А въ окнѣ, на занавѣсѣ уже дрожатъ золотисто-розовые отблески зачинающагося утра...

Всталъ съ постели, отдернулъ занавѣсъ и распахнулъ окно. Тишина изумительная. Только море не спитъ и еще яростнѣе кидается на каменную ограду, шумно охая и вздыхая...

Не спимъ мы съ моремъ... И оба возимся и безпокойно вздыхаемъ... А небеса румянятся, и гдѣ-то уже просыпаются птицы. Сильно пахнетъ моремъ и апельсиновыми корками.

— Какое счастье жить на свѣтѣ!.. Зоя! Ты спишь крѣпко и сладко, а я не могу уснуть отъ радости, что дышу однимъ воздухомъ съ тобою...

XLI.

Ахъ, эти черныя ночи съ огнями на небесахъ и съ фосфорическими сіяніями въ морскихъ пучинахъ, съ шепотомъ волны и съ горячими дыханіями ласковаго вѣтерка! Чьи-то глаза сверкаютъ во мракѣ и съ чьихъ-то ароматныхъ губъ льется на щеку теплота, и грѣховныя мысли все кто-то нашептываетъ на ухо...

— Уйди!.. Ты — нехорошій...

— Ахъ, Зоя... Почему ты такая холодная и спокойная...

— Если ты будешь такой, я...

— Я, Зоя, теряю голову... Ты святая, а я... меня туманитъ страсть...

— Но я тебя цѣлую...

— Прости... Не буду.

— Ахъ, ты... звѣрюшка!.. А помнишь, что ты мнѣ говорилъ?

— Что?

— Пока ты мнѣ братъ, а я тебѣ сестра...

— Да, да...

И долго мы сидѣли молча и смотрѣли въ синюю темноту морскихъ хлябей. Звѣздное сіяніе играло на лицѣ Зои; устремленный неподвижный взоръ ея широко раскрытыхъ глазъ былъ холоденъ и далекъ отъ меня, и мнѣ чудилось, что я люблю русалку, которая иногда ночью выплываетъ ко мнѣ на берегъ и дразнить меня своей холодной, безстрастной красотой.

— О чемъ ты думаешь, Зоя?

— Не знаю... Море навѣваетъ на меня какую-то грусть о чемъ-то далекомъ и невозможномъ... Мы, люди, такіе маленькіе-маленькіе... какъ букашки...

— Уйдемъ отсюда!

— Почему?

— Я не люблю, когда ты грустишь: тогда мнѣ кажется, что ты мало любишь меня.

— Нѣтъ, я хочу смотрѣть на море и думать... Не правда ли, какъ это странно: мы съ тобой умремъ, а море все такъ же, какъ сейчасъ, будетъ шумѣть—шумѣть и все такъ же свѣтиться синими огнями. Грустно, что нельзя жить и любить вѣчно!..

Я слушалъ эту тихую элегію нѣжно и кротко любящей женской души и сердился: я ревновалъ Зою къ морю. Это оно, море, мѣшаетъ ей отвѣчать на мои страстные ласки, на мои затуманенные взгляды и вздохи.

— Я хочу смотрѣть только на тебя и...

— погоди! Оставь! Мнѣ не хочется сейчасъ ласкаться... Хорошее и страшное море! Можно до утра сидѣть и смотрѣть и думать, думать, думать...

— Ты—русалка... Въ тебѣ холодная кровь...

Зоя обидѣлась.

— Ты думаешь? Тогда люби ту, черную, которая... И клянись ей, какъ и мнѣ, что будешь любить ее вѣчно, какъ вѣчно шумитъ это море...

— Ты обѣщала никогда не напоминать мнѣ...

— Это не я: море. И самъ ты напоминаешь...

— Я?.. Странно!

— Ты... начинаешь видѣть во мнѣ... только женщину.

— Неправда. А, впрочемъ, развѣ это такъ обидно?

— Да, обидно. Я не хочу быть для тебя тѣмъ, чѣмъ была та, черная...

— Я любилъ ее не такой, какой она потомъ оказалась.

— А кто знаетъ: можетъ быть, и теперь ты любишь не такую, какая я есть...

— Что съ тобой? Я не узнаю тебя.

— Такъ, прости... Не придавай значенія... Я сама не знаю, что говорю.

Что нашептало ей это безбрежное, вѣчно шумящее море въ сумракѣ ночи? Что она подслушала въ его безпокойномъ движеніи и звенящемъ камешками, гальками и ракушками ритмичномъ плескѣ набѣгающихъ и убѣгающихъ волнъ? Законы непреложной вѣчности, въ силу которыхъ любовь, какъ и сама

жизнь, имѣетъ начало и конецъ?.. Философія для младшаго возраста!

Молча мы возвращались домой, словно оба въ чемъ-то разочаровались, но таили это другъ отъ друга. А когда я проводилъ ее до подъѣзда номеровъ, она подала мнѣ руку и сказала:

— Нѣтъ. Все попрежнему... Я люблю и прощаю тебя...

И скрылась за дверями. Я въ недоумѣніи постоялъ у подъѣзда и тихо побрелъ прочь съ опущенной головою. „Такъ вотъ что нашептало тебѣ море!“ — думалъ я и злобно посматривалъ на черную коварную зыбъ за стѣнами набережной. Какая-то обида, какъ змѣя, шевелилась въ моей душѣ, и мнѣ хотѣлось сдѣлать Зоя больно, отмстить за что-то. За что? Не знаю... Мало любить, мало дорожить моей любовью, сомнѣвается въ моей и своей вѣрности.

— Какая это любовь! Очень ужъ осторожная, пугливая, вялая... Любить, такъ любить, безъ сомнѣній и колебаній, безъ оглядки... Все или ничего! — разсуждалъ я вполголоса, размахивая тростью. — Завтра я спрошу тебя: все или ничего? Я — не нищій. Мнѣ не нужно подавнія. Да, папашенька, вы таки успѣли привить своей дочкѣ мѣщанскую осторожность... Да, мѣщанскую!.. Кто-то играетъ ироническую пѣсенку Мефистофеля: „Мой совѣтъ — до обрученія не цѣлуй его“. Да, опасно, г. Мефистофель. А въ сущности и вы, г. Мефистофель, порядочный мѣщанинъ: тоже совѣтуете сперва сочетаться законнымъ бракомъ, а потомъ ужъ... И папашенька раздѣляетъ ваше мнѣніе... Да и моя Зоя тоже, кажется, довольно разсудительна на этотъ счетъ...

— Фу, какой я пошлякъ! Зою, мою чистую, святую невѣсту, я оскорбляю, не зная самъ, за что... Подлость! Мерзость! Гадость! Вы, Геннадій Николаевичъ, забываете, что это не Калерія...

Ахъ, зачѣмъ съ моихъ губъ сорвалось это имя! Теперь я не могу выгнать его изъ памяти, и рядомъ съ моей чистой бѣлой дѣвушкой неотступно стоитъ Калерія. Стоитъ и иронически спрашиваетъ:

— Развѣ не лучше любить недолго, но сильно, безъ оглядокъ, какъ умѣю я?

— Уйди, Калерія, я не хочу о тебѣ думать.

— Чья любовь красивѣе: Маргариты или Карменъ?

— Уйди, Калерія, я не хочу о тебѣ вспоминать.

— Не хочешь — и будешь! Помнишь грозу въ старомъ бору?

— Ну, такъ что же... Только красиво...

— И эту красоту ты понялъ только черезъ меня.

— Неправда! Ложь!.. Оставь меня, ради Бога!

— Развѣ ты въ него вѣришь?

— Вѣрю... Хочу вѣрить...

— Хорошо молиться, но хорошо и грѣшить. Со мной хорошо грѣшить, а съ Зоей молиться. Неужели ты такой богомольный?

Я присѣлъ на скамѣ набережной и подъ звучные всплески набѣгавшей волны мысленно разговаривалъ съ Калеріей, а когда поднималъ голову и смотрѣлъ въ темную сверкающую даль моря, то чьи-то черные огненные глаза смотрѣли на меня изъ мрака ночи и чей-то голосъ задыхающимся шепотомъ спрашивалъ:

— Хочешь, я расскажу тебѣ сказку?..

— Нѣтъ, нѣтъ...

Я испуганно всталъ со скамьи и пошелъ къ дому. Гулко раздавались мои шаги во мракѣ ночи, и мнѣ казалось, что кто-то еще идетъ слѣдомъ за мной, торопится догнать меня. Я оглянулся, но никого не было. Дошелъ до дому и остановился. Не хочется домой, въ маленькую одинокую кѣтку. И не хочется спать. словно кто-то властный толкаетъ на улицу и заставляетъ ходить и искать что-то. снова пошелъ бродить. Вернулся къ „Грандъ-Отелю“, посмотрѣлъ въ темныя окна второго этажа.

— Спать... Какъ она можетъ спать въ такую волнующую ночь? Эхъ, ты, русалка!..

Посвисталъ, покрутилъ тростью и вздохнулъ:

— Спокойной ночи, Зоя Сергѣевна!..

Грустно потихоньку запѣлъ: „Нелюдимо наше море, день и ночь шумить оно“—и прошелъ дальше. Оборвавши пѣсенку, обернулся къ „Грандъ-Отелю“ и съ насмѣшливой ироніей произнесъ:

— Пррравильный образъ жизни!..

Побывалъ въ пустынномъ саду волшебницы Альцины. Забрался, гдѣ потемнѣе и погуще, усѣлся на скрытой навѣсомъ зелени скамѣ и притихъ: смотрѣлъ на нахальные звѣзды, которыя не грустятъ, а подмигиваютъ, какъ красивыя кафешантанныя пѣвицы, послушалъ порохи и шелесты въ листьѣ, напоминающіе затаенный грѣховный шепотъ мужчины съ женщиной. Сладко потянулся и подумалъ: „здѣсь такъ густа стѣна листьвы и крыша изъ вѣтвей, что можно придти съ Зоей и поласкаться... Завтра ночью мы непременно посидимъ на этомъ мѣстѣ“. Легкій скрипъ шаговъ по песчаной дорожкѣ заставилъ меня насторожиться: должно быть тамъ, за моей спиной, проходитъ такая же глухая дорожка... Тихій, осторожный разговоръ... Парочка... Усѣлись за моей спиной и притихли. И въ шелестѣ вздрагивающихъ подъ горячимъ вѣтеркомъ листочковъ прячется страстный шепотъ

и плески поцѣлуевъ. Не понимаю, почему я такъ разсердился. Вскочилъ съ лавочки и, уходя прочь, громко произнесъ:

— Однако!.. Это ужъ слишкомъ...

Эхе, хе... Пойдемъ-ка, Геннадій Николаевичъ, домой! Пришелъ въ номеръ и сталъ рѣшительно раздѣваться. Серdito сдержнулъ и метнулъ на диванчикъ свою новую пару, которую раньше холилъ, швырнулъ въ дальній уголъ башмакъ, погасилъ огонь и растянулся. Ну, опять за стѣной музыка: плачетъ грудной младенецъ. Недоволенъ чѣмъ-то маленький человѣкъ Божій, не унижается, хотя его усовѣщиваютъ въ два голоса, должно быть мать и нянька. Ужасно знакомый голосъ!.. Какая чушь!.. Можно подумать, что это говоритъ Калерія... Ей-Богу! Смѣется. Ну, ей-Богу, вылитая Калерія!.. Соскочилъ съ постели и, какъ нѣкогда въ тюрьмѣ, прижалъ ухо къ холодной стѣнѣ: прямо удивительно. Еслибы я не зналъ, что Калерія въ Ниццѣ, я сталъ бы держать пари, что это она, Калерія... Смѣшно! Такъ и хочется постучать въ стѣну и крикнуть:

— Здравствуй, Калерія!

Не могу спать. Положительно не могу. Тянетъ къ себѣ эта проклятая стѣна. Знаю, что все это встревоженное южной ночью, безстыдными звѣздами и чьими-то неосторожными поцѣлуями въ саду—воображеніе, а не могу спать... Въ моей одинокой комнатѣ невидимо вопарилась Калерія и не хочетъ уходить. Странно! Но вѣдь я люблю Зою, это не подлежитъ никакому сомнѣнію? Да, да, конечно Зоя! Такъ почему же я... Ничего не понимаю. Ничего!.. Надо узнать, кто тамъ, за стѣной, эта женщина, голосъ которой такъ напоминаетъ Калерію... Непремѣнно надо узнать. Это прямо удивительно. Особенно смѣхъ. Только у одной Калеріи былъ такой волнующій смѣхъ. А вдругъ это — она, Калерія? Радостно и страшно, больше страшно, чѣмъ радостно. Холодно что-то. Лихорадитъ. Поджалъ ноги, натянулъ на голову одѣяло и застучалъ зубами. Что это, неужели нагулялъ лихорадку? Не буду шлаться по ночамъ. Докторъ велѣлъ побережься. Схватишь опять воспаленіе легкихъ и умрешь. Не хочется умирать...

— Ну, Зоя... Прости меня за все... Спокойной ночи! Я былъ сегодня, какъ ты говоришь, нехорошимъ. Завтра буду хорошимъ...

— О-оо-баю, баюшки, бай-баю,—глухо, точно подъ поломъ, слышится монотонный голосъ за стѣной и убаюкиваетъ меня, нехорошаго... Вспоминается дѣтство, голубая комнатка, „божій глазокъ“ передъ иконой, кроватка съ веревочнымъ переплетомъ,

мама, наклоняющаяся надъ кроваткой... „Надо написать мамѣ... непременно написать“ — шепчу подъ одѣяломъ и снова начинаю дремать, прислушиваясь къ монотонному баюканію за стѣной...

XLII.

Что-то отравило нашу радость любви. Ничего не случилось, все осталось по прежнему, но что-то молчаливое, тайное встало между нашей близостью. А можетъ-быть, это мнѣ кажется только. Не знаю, не понимаю. Раньше не опускались въ землю глаза мои, когда Зоя пристально смотрѣла мнѣ въ лицо, и не было тягостнымъ наше молчаніе. Что случилось? Что-то знаетъ Зоя и что-то скрываетъ отъ меня или стѣсняется заговорить... Смотритъ часто куда-то далеко, мимо меня, задумывается, а иногда говорить такъ, словно хочетъ занять меня разговорами. Иногда украдкой взглядываетъ на меня и быстро опускаетъ взоръ. Что-то есть у нея на душѣ. Ну, а я? Почему я чувствую себя въ чемъ-то виноватымъ передъ Зоей?.. Развѣ я виноватъ, что по ночамъ думаю о Калеріи? Можно подумать, что она знаетъ объ этомъ, что оба мы знаемъ объ этомъ и молчимъ. Да, да, она это чувствуетъ и отъ этого же я чувствую себя виноватымъ передъ ней. Опять черный дьяволъ встаетъ между нами и омрачаетъ нашу радость и искренность. Днемъ я думаю только о тебѣ, моя свѣтлая дѣвушка, а ночью, когда остаюсь одинокимъ и лежу съ раскрытыми глазами въ постели, черная ночь приноситъ на своихъ крыльяхъ воспоминанія о Калеріи и гонитъ прочь свѣтлый образъ въ ореолѣ золотыхъ волосъ...

— Почему ты сегодня молчалива и печальна, Зоя?

— Я... Нѣтъ, нѣтъ! О чемъ мнѣ печалиться?.. Какъ всегда.

— О чемъ ты все думаешь?

Помолчала и сказала:

— Напиши матери: она беспокоится.

— Ты получила отъ нея письмо?

— Да. Она не знаетъ твоего адреса и проситъ... поцѣловать и побранить тебя за то, что не пишешь.

— Ну, а еще что она пишетъ? Ты съ ней переписываешься?

— Еще...

Потупилась и смутилась.

— Она... Впрочемъ, это глупости!

— Скажи!

— Нѣтъ, нѣтъ... Пустяки.

— Я прошу тебя: скажи! Въ чемъ дѣло?..

Смутилась еще болѣе, потупилась, загорѣлись щеки и уши, чертитъ на пескѣ что-то зонтикомъ.

— Она велитъ поберечь тебя отъ...

— Меня? Поберечь! Отъ чего?

— Отъ кого, а не отъ чего...

— Не понимаю...

— Вотъ отъ кого...

Показала на песокъ зонтикомъ. Я посмотрѣлъ и растерялся: на пескѣ было написано зонтикомъ „Калерія“... Я почувствовалъ, какъ кровь бросилась мнѣ въ лицо, но притворно расхохотался, и въ этомъ смѣхѣ спряталъ свой страхъ и смущеніе. Зоя помолчала, потомъ стерла концомъ зонта написанное на пескѣ имя и, съ оскорбленной ноткой въ голосѣ, произнесла:

— Это она, та самая...

— Да, но... не понимаю, почему такъ беспокоится мама.

— Она... эта женщина будетъ *здесь*... а быть-можетъ, *уже* здѣсь...

— Это мнѣ непріятно.

— Боишься?

— Нѣтъ, но согласись, что такая встрѣча для меня...

— Развѣ она сдѣлала тебѣ худо?

— Не станемъ, Зоя, говорить о ней... Я не хочу.

— А можетъ-быть, она любитъ тебя?.. Ты не думаешь?

— Мнѣ все равно. Надо уѣхать... куда-нибудь уѣхать. Уйдемъ изъ Ялты!

— Нѣтъ. Я хочу увидеть хотя одинъ только разъ эту женщину... Хотя издали!

— Зачѣмъ это тебѣ?

— Такъ. Не знаю... Хочется... Она очень красива?

Это была пытка. Меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. А Зоя совершенно оправилась отъ смущенія, улыбалась и продолжала терзать мою душу. Она снова чертила зонтомъ на пескѣ имя своей соперницы и говорила:

— Красивое имя... Тебѣ оно нравится?

— Да, нравится,—сердито прошептала я и отвернулся въ сторону.

— Лучше, еслибы меня звали Калеріей...

Я молчалъ, а она еще что-то говорила, и голосъ ея нервно вибрировалъ. Было радостное солнечное утро. Мы сидѣли въ саду волшебницы Альдины, на той самой скамьѣ, гдѣ я сидѣлъ на дняхъ ночью въ одиночествѣ и услыхалъ чьи-то поцѣлуи за

спиной. Сюда я привелъ Зою, надѣясь посидѣть съ ней въ укромномъ уголѣ и, какъ прежде, молчаливо поласкаться взорами и нечаянными прикосновеніями. А вмѣсто этого мы сидимъ и боимся не только коснуться, но даже смотрѣть въ глаза другъ другу. Звонкіе голоса дѣтей доносятся до насъ съ песчаной площадки, веселые такіе голоса-колокольчики, и отъ этой дѣтской безпечной радости еще сильнѣе чувствуется горечь, обида и тоска. Словно порвалось что-то между нами, струна какая-то, и грустно звенить въ веселомъ хорѣ дѣтскихъ голосовъ и смѣха. Тяжелое напряженное молчаніе и нѣтъ ему конца и нѣтъ выхода. Скрипъ попискивающей колесами дѣтской колясочки, которую медленно катила мимо насъ разряженная кормилица, вывелъ насъ изъ то-скливаго упорнаго молчанія. Зоя вздохнула, подняла голову и сказала:

— Какая прелесть! Посмотри: словно живая кукла!..

Она встала и подошла къ колясочкѣ, въ которой возлежалъ на шелковыхъ подушкахъ, какъ султанъ въ гаремѣ, ребенокъ въ красной фесѣ, съ черными глазенками и съ гуттаперчевой соской въ губахъ. Онъ возлежалъ очень важно, смотрѣлъ строго, и соска въ его губахъ напоминала сигару...

— Ахъ, какой уморительный!..

Кормилица почувствовала гордость и приостановилась. Зоя наклонилась надъ колясочкой и стала разговаривать съ важнымъ султаномъ. Я тоже подошелъ ближе и тоскливо улыбался. Султанъ схватилъ ручонкой золотую цѣпочку отъ часовъ, болтавшуюся на груди Зои, и началъ оживленно разговаривать на турецкомъ языкѣ, норовя притянуть цѣпочку ко рту.

— Дѣвочка?

— Мальчикъ, — обиженно отвѣтила кормилица.

— А какъ зовутъ? — спросила Зоя.

— Геннадіемъ...

— Геннадій!.. И онъ Геннадій!.. Твой тезка! Слышишь: его зовутъ Геннадіемъ! — Зоя обрадовалась этой случайности, засмѣялась и захотѣла во что бы то ни стало поцѣловать важнаго султана съ сигарой во рту.

— У насъ, барышня, мама не любитъ, когда цѣлуютъ ребенка... Не велятъ.

— Почему?.. А мнѣ такъ хочется поцѣловать тебя... Ну, отдай мою цѣпочку! Вотъ какой! Не отдаетъ... Геня, отдай же мою цѣпочку! Генѣкъ!

Кормилица стала отнимать у ребенка цѣпочку, и султанъ вдругъ горько расплакался и выронилъ изо рта сигару.

— Почему онъ плачетъ?..—неожиданно прозвучалъ женскій голосъ и заскрипѣлъ песокъ на невидимой дорожкѣ, за нашими спинами.

Какъ отъ сильнаго электрическаго удара, я весь содрогнулся отъ этого неожиданнаго голоса, и въ туманѣ блеснула мысль бѣжать куда-то... Но было поздно: появилась изъ зелени стройная, тонкая, нарядная женщина, которая, къ моему ужасу, оказалась дѣйствительно Калеріей...

— Вотъ и мамочка наша...

— Геня!

— Здравствуйте!

Калерія рванулась-было ко мнѣ, но сразу остановилась, протянула руку и весело расхохоталась...

— Вотъ пріятная неожиданность!.. А это... это твоя невеста? Да?

— Да.

— Познакомь же насъ! Какой ты... недогадливый...

И, не дожидаясь моей рекомендаціи, Калерія протянула руку Зоѣ и назвала свое имя и фамилію, а потомъ стала восторгаться моей невестой и хвалить мой вкусъ, говорить комплименты Зоѣ...

— Геня!.. Вы простите, что я такъ называю вашего жениха: мы старые друзья. Геня! Почему ты такой?.. Ты не радъ нашей встрѣчѣ? Мы такъ давно не видались... Ты успѣлъ сдѣлаться политическимъ преступникомъ... Дай поглядѣть! Я въ первый разъ вижу политическаго преступника... Сядемъ! Зоя... Зоя... а дальше?

— Сергѣевна!

— Зоя Сергѣевна... Я съ вами знакома... И давно уже... По портрету...

— Я тоже о васъ слыхала,—сказала Зоя, вычерчивая на пескѣ зонтикомъ замысловатыя фигуры.

— Дурное или хорошее?..

Зоя перебрасывалась словами съ Калеріей, а я потерялъ способность рѣчи и растерянно улыбался, не желая улыбаться, и стоялъ около Калеріи, не желая стоять, и смотрѣлъ на нее, не желая смотрѣть. Оживленная, порывистая, говорливая, находчивая и хитрая, она такъ рада за наше счастье и такъ завидуетъ намъ обоимъ, потому что мы такіе юные, чистые и такъ подходимъ другъ къ другу. „Словно созданы Богомъ одинъ для другого!...“ Зоя съ какимъ-то изумленіемъ смотритъ на Калерію, качаетъ головой, благодаритъ, изрѣдка на ея губахъ скользитъ

неопредѣленная улыбка, какой я раньше не замѣчалъ на ея лицѣ, хвалить ея ребенка.

— А вы уже успѣли съ нимъ познакомиться!.. Знаешь, Геня, я назвала его Геннадіемъ... Въ твою честь... Доволенъ?..

Я кивнулъ головой, встрѣтился глазами съ Калеріей и почувствовалъ, какъ загорѣлись стыдомъ мои щеки и какъ мутится мое сознаніе...

— Посмотри, похожъ онъ... на меня?

— У него ваши глаза, — сказала Зоя.

— Да, твои глаза, Калерія... Владиміровна...

— А невѣста разрѣшаетъ намъ по прежнему говорить на „ты“?

— Да, да, конечно!.. Мнѣ все равно.

— Ахъ, какая вы милая!.. Такъ бы и расцѣловала васъ. Я уже влюбилась, Геня, въ твою невѣсту!.. Что ты молчишь? Можно подумать, что политическіе преступники очень горды...

— Преступники не бываютъ разговорчивы, — произнесъ я черезъ силу и не узнавъ своего голоса: глухой, сухой, не мой голосъ.

— Ну, мы съ Зоей Сергѣевной развеселимъ тебя.

— Я не умѣю, — вздохнувъ, тихо сказала Зоя, встала, нагнулась къ султану и стала съ нимъ разговаривать.

— Вотъ его я поцѣловала бы!..

— Вы?.. Что же... вамъ можно...

— А я имъ не дозволила... Не знала, кто онъ...

Калерія вытащила изъ колясочки султана, поправила на немъ феску, прижала его пухленькую щеку къ губамъ и потомъ протянула къ Зоѣ:

— Такъ и быть, цѣлуйте!..

Зоя поцѣловала султана и прошептала: „какая прелесть!“, а Калерія протянула руки съ султаномъ ко мнѣ и, подражая дѣтскому лепету, попросила:

— Поцѣлуйте ужъ и вы насъ!.. Ну же, цѣлуй скорѣе!..

Я повиновался. И когда я склонялся надъ ребенкомъ и моя голова была близка къ лицу Калеріи, она прошептала:

— Отъ него пахнетъ травой и земляникой...

...Не помню, какъ мы разстались съ Калеріей, и какъ ушли изъ сада, изъ проклятаго сада злой красивой волшебницы Альцины... И не помню, о чемъ мы говорили съ Зоей, когда я провожалъ ее до „Грандъ-Отеля“. Можетъ быть, мы не говорили вовсе... Не знаю, ничего не знаю...

XLIII.

Надо у́хать, скорѣе у́хать. Куда? Не знаю, но скорѣе, какъ можно скорѣе! Я боюсь вась, обѣихъ. Не знаю, которую больше. Я боюсь грустныхъ, синихъ, какъ небо, глазъ и боюсь черныхъ, какъ эти южныя ночи, и безстыжихъ, какъ эти звѣзды, глазъ. Въ однихъ—муки моей совѣсти и печаль по свѣтлой радости, въ другихъ—мой черный омутъ, который ужасаетъ и притягиваетъ къ себѣ все сильнѣе и сильнѣе. Я хотѣлъ бы упасть предъ тобою на колѣни, Зоя, и, рыдая, умолять тебя: приди и спаси! Скажи мнѣ: „Милый, уѣдемъ, скорѣе, сейчасъ же уѣдемъ отсюда!..“

И я ни секунды не колебался бы, ни одной секунды. Клянусь тебѣ въ этомъ! Я сказалъ бы тебѣ:

— Свѣтлый ангелъ моей жизни! Ты еще разъ спасъ меня отъ... да, можетъ быть, отъ смерти! Я не знаю, что будетъ дальше...

Но ты не придешь, и напрасно я вздрагиваю всякій разъ, когда слышу легкіе шаги по корридору, и бѣгу къ двери, чтобы отпереть ее тебѣ, только тебѣ! Уже трижды стучала ко мнѣ въ дверь Калерія, и я ей не отперъ. Ты уже знала отъ меня всю правду о томъ, что было между мной и этой женщиной. Знала и простила. А теперь, когда я сказалъ тебѣ еще новое, о чемъ и самъ я узнать только здѣсь, ты замолчала и не хочешь, хотя на клочкѣ бумаги, сказать мнѣ: „прощай“... Я пошелъ бы къ тебѣ и вымолилъ бы у тебя прощеніе, но я боюсь смотрѣть въ твои чистые опечаленные глаза. Неужели же все-все разлетѣлось въ дребезги и ничего не осталось для меня въ твоемъ сердцѣ?!.. Явился на свѣтъ новый маленькій-маленькій человѣкъ, съ гуттаперчевой соской во рту, и, не умѣя говорить, сказалъ намъ: „вы не можете любить другъ друга“... Ты лжешь, Калерія: я не вѣрю, что этотъ маленький человѣкъ—нашъ съ тобой и что онъ... что отъ него пахнетъ травой и земляникой стараго бора. Какъ узнать правду? Не узнаешь, никогда не узнаешь!.. Скажи мнѣ правду, черное красивое животное, иначе я...

Плачетъ за стѣной маленькій человѣкъ, и его глухой плачь наполняетъ всю мою душу и все тѣло и страхомъ, и какой-то незнакомой странной радостью, и глупой гордостью, и тревожнымъ безпокойствомъ. Припавъ къ стѣнѣ, я слушаю, слушаю, слушаю и все спрашиваю кого-то шепотомъ:

— Неужели это—мой сынъ? Неужели это—нашъ сынъ?..

О чемъ онъ плачетъ, кормилица, мой сынъ? Не надо, чтобы онъ плакалъ. И почему около него нѣтъ матери? Мать? Развѣ это мать? Она живетъ въ отдѣльномъ номерѣ и только заходитъ посмотрѣть на ребенка. Гдѣ ты, мать? Или не слышишь, какъ плачетъ рожденный тобою маленькій человѣкъ? Быть можетъ, ты не вернулась еще съ твоихъ верховыхъ прогулокъ съ какимъ-нибудь потерявшимъ голову болваномъ, которому, какъ и мнѣ, суждено сдѣлаться папенькой... У-у, красивое животное, тебя можно убить и не раскаиваться... Какъ я тебя ненавижу и какъ презираю!.. Ужъ, конечно, никто другой, какъ ты съ своимъ новымъ любовникомъ, не давали мнѣ спать въ первый день приѣзда, играя въ любовь и ревность подъ самыми дверями моей комнаты... Съ кѣмъ ты теперь... Если я увижу, что ты и здѣсь продолжаешь свои романы безъ конца и безъ начала, я тебѣ... я не мальчикъ, котораго можно не стѣсняться. Берегись, Калерія!.. Все плачетъ. Не могу слушать равнодушно, словно кто-то дергаетъ за душу. А кормилица бранится. Она, пожалуй, еще и поколотитъ маленькаго безпомощнаго человѣка. Вѣдь онъ никому не пожалуется... Только посмѣй! Посмотрѣть бы, что тамъ дѣлается, да боюсь натолкнуться на Калерію.

Тихо отомкнувъ замокъ двери, прислушался, выглянулъ въ корридоръ... Никого. Вышелъ на ципочкахъ и, оглядываясь, какъ воръ, приблизился къ сосѣдней двери. Щелка, виденъ свѣтъ.

— У, ты... Нѣтъ на тебя угомону... Спи, а не то... вотъ тебѣ!..

Не вытерпѣвъ, раскрылъ дверь, дрожу отъ негодованія.

— Какъ вы смѣете колотить ребенка! Какъ вы смѣете!..

— Что вы, я вѣдь такъ, потихоньку, въ шутку, постращать...

— А гдѣ мать?

— Она уѣхала на какую-то гору... На Петрову гору, что-ли...

— Съ кѣмъ?

— Съ мужемъ, да еще съ какимъ-то... Надо бы вотъ мнѣ отлучиться ненадолго, а какъ отъ него уйдешь?..

— Идите, я посижу... А они, сами, въ которомъ номерѣ?

— Они вверху, у нихъ свои апартаменты... Такъ я въ одну минуту...

— Давай его мнѣ на руки.

— А не уроните?

— Ну, вотъ еще!

Кормилица сунула ребенка и ушла. Я прижалъ щеку ре-

бенка къ своей и сталъ ходить по комнатѣ, весь наполненный какой-то особенной къ нему нѣжностью и умиленной ласковостью...

— Миленькій султанъ!.. Не плачь же, Христа ради, мой черноглазенькій, мой хорошенькій! Дай поцѣлую...

Я ходилъ, покачиваясь корпусомъ, и цѣловалъ горяченькую мягкую щечку.

— Гдѣ у тебя болитъ, гдѣ, ципленочекъ, болитъ?.. О-оо, баю, баю, дѣточку мою... О-оо, баю...

Султанъ притихъ, закрылъ глазки и нахмурилъ лобикъ. Я ходилъ и не отрывалъ глазъ отъ маленькаго человѣчка... Ай, какой хмурый и недовольный! Ужасно смѣшной и милый... Хотѣлъ бы не отрывать своихъ губъ отъ твоей щечки, да боюсь, что разбужу, и ты снова будешь терзать мое сердце своимъ жалобнымъ плачемъ... Боже мой, какъ я люблю тебя, безпомощный ципленокъ! За что? Не знаю. Неужели ты—мой сынъ?.. Странно, невѣроятно, непонятно. Но мнѣ хочется утащить тебя, дѣтка, въ свою комнату, тихонько положить на свою постель, запереть дверь и никому не отдавать тебя. Никому! Даже Калеріи... Я весь ушелъ въ созерцаніе спящаго султана и въ свои странныя новыя переживанія и позабылъ обо всемъ на свѣтѣ. Вдругъ раскрылась дверь и на порогѣ появилась стройная фигура гибкой, одѣтой въ амазонку женщины...

— Вотъ тебѣ разъ! Новая кормилица!.. Трогательно... Какой ты милый...

— Не смѣйся: онъ только что успокоился... Разбудишь...

Калерія швырнула на полъ хлыстъ, подошла ко мнѣ, нагнулась надъ султаномъ, потомъ подняла на меня лукавые глаза и, воспользовавшись моею безпомощностью — на рукахъ спалъ ребенокъ,—поцѣловала меня въ щеку и прошептала:

— Это по старой памяти.

— Оставь. Я выроню ребенка... У тебя мужъ...

— А у тебя—невѣста.

— А, барыня!.. Я на минутку вышла, а ихъ попросила понывчаться...

— Если ты будешь, милая, заниматься амурами съ лакеемъ, я должна буду...

— Что вы, барыня, какіе тутъ амурь!..

— Не забывай, что ты кормишь ребенка...

— Я это хорошо помню... Не забывала... Баринъ спрашиваетъ ключъ отъ вашего номера.

— Нечего ему тамъ дѣлать... Возьмите ребенка!

Я осторожно передалъ кормилицѣ султана и направился къ двери.

— Геннадій!..

— Что?

Калерія подошла къ двери.

— Мнѣ надо сказать тебѣ нѣсколько словъ. Почему ты не отпираешь мнѣ двери, когда я прошу тебя?

Мы медленно шли по корридору и тихо говорили.

— Ты чего-то боишься... Я хочу сказать тебѣ, что глупо бояться и бѣгать отъ меня. Я ничего дурного тебѣ не сдѣлала. А если ты воображаешь, что подвергаешься опасности съ моей стороны, то ты, голубчикъ, ошибаешься.

— Я ничего не воображаю...

— Что было, то прошло... Ты позволишь?

— Войди.

Вошли въ мою маленькую комнату. Калерія посмотрѣлась въ зеркало и сказала:

— Что прошло, то будетъ мило...

— А если... не прошло? Тогда какъ?

Калерія расхохоталась и укоризненно покачала головой.

— Вотъ тебѣ разъ... Это говоришь ты, женихъ!..

— Да, я... Не смѣй хохотать!..

— Ого, какъ строго!.. Ты и съ невестой такъ же строгъ?..

Или тамъ...

— Брось шутки, Калерія...

Она подошла ко мнѣ на кровать, изобразила напуганную дѣвочку и плаксиво пропичала:

— Не бу-уду...

Потомъ приблизила свое лицо къ моему и, закрывая глаза, загадочно спросила:

— Помнишь?

— Погоди... Я хочу говорить серьезно. Убери съ моего плеча руку.

— Къ вашимъ услугамъ... Только это, должно быть, очень длинно и скучно.

Кто-то боязливо стукнулъ три раза въ нашу дверь и робко произнесъ:

— Калерія! Ты здѣсь?

Калерія встряхнула головой, словно къ ней приставала муха, шагнула къ двери и раздраженно и насмѣшливо сказала въ щелку двери:

— Здѣсь.

— Ты скоро?

— Не знаю.

— Мнѣ тебя надо.

— А мнѣ васъ—нѣтъ.

И, спокойно прихлопнувъ дверь, звонко щелкнула замочной пружиной.

— Кто?

— Мужъ... Ну, говори, что хотѣлъ... это... серьезное...

— Но тебя ждетъ мужъ. Быть можетъ, оставимъ до завтра.

— Нѣтъ, говори. Пусть ждетъ... Я могу заставить его ждать до завтра.

Тяжело было начать и не подвертывалось словъ, нужныхъ словъ...

— Я хочу... Мнѣ необходимо знать, правда или ты лжешь, что... ребенокъ мой...

— Не твой, а—нашъ...

— Ну, это все равно... Ты понимаешь, о чемъ я говорю.

— Ну, дальше!.. Ужъ не думаешь ли ты, что я должна подарить тебѣ этого ребенка?

Улыбается и показываетъ кончикъ языка. Я теряю нить мыслей..

— Объ этомъ не заботься: женишься — тебѣ Зоя подаритъ...

— Ахъ, Калерія, у тебя нѣтъ ничего святого...

— Да, у меня все—грѣшное... Что же, однако, тебѣ отъ меня надо? Предупреждаю, что ничего святого дать тебѣ не могу. Быть можетъ, ты хочешь, чтобы мы не были даже знакомы?.. Быть можетъ, это знакомство не нравится твоей невѣстѣ?.. Сдѣлай одолженіе!..

— Нѣтъ, не то... Не говори о невѣстѣ... Нѣтъ ея у меня...

— Что ты говоришь? Я не понимаю тебя, голубчикъ...

— Нѣтъ. Понимаешь: нѣтъ, нѣтъ!.. Ты пришла и... нѣтъ ея, нѣтъ!

— Я?

— Да, ты! и еще онъ... тамъ, за стѣной... нашъ ребенокъ!..

— Ты ей сказалъ про *него* и про наши отношенія...

— Да, сказалъ.

— Ты не могъ этого дѣлать... ты не имѣлъ права называть ей мое имя!.. Ты могъ признаться, въ чемъ тебѣ угодно, но выдавать меня ты...

— Ты можешь говорить мужу, что ребенокъ отъ него, а я...

— Нѣтъ, это другое... Я, если найду это нужнымъ, скажу ему, что ребенокъ не его, но я не скажу безъ твоего разрѣшенія, что онъ—нашъ съ тобой.

— Я тебѣ разрѣшаю!.. Мнѣ все равно... Ты его не любишь, мужа?

— Зачѣмъ тебѣ это знать?

Я запутывался въ собственныхъ мысляхъ, все больше переставалъ понимать, о чемъ и зачѣмъ я хотѣлъ говорить съ Калеріей, и только чувствовалъ, какъ палить меня черные огни глазъ, какъ смѣются мнѣ красныя губы, и какъ дразнить меня порывистое дыханіе скрытой легкимъ покровомъ груди...

— Я одинъ, Калерія... Одинъ!.. Меня никто не любить... Никто...—прошепталъ я и уронилъ голову на ея колѣни.

Она положила мнѣ на голову руку и стала нѣжно скользить по волосамъ. И мнѣ хотѣлось забыть все на свѣтѣ и лежать такъ на ея теплыхъ колѣняхъ долго-долго... всю жизнь! Что-то шептала она ласковое, успокаивающее, я не разбиралъ словъ и не хотѣлъ ихъ понимать, а только хотѣлъ слушать тихій, ласковый, вкрадчивый бархатный голосъ... Такъ уже было когда-то давно, въ старомъ бору, когда я рыдалъ отъ невозможности взять ее всю, овладѣть ея душой, слиться съ ней въ одну трепещущую душу...

— Развѣ ты разлюбилъ уже свою невѣсту?..

— Не знаю... Пропало прежнее... Она сама... Она сама... Я не знаю... Не спрашивай! Вонъ опять плачетъ нашъ мальчикъ... Иди къ нему!..

— Ты его любишь?

— Да. Должно быть, люблю... Если бы ты принесла его сюда и положила на мою постель!.. Я... Что же намъ, Калерія, дѣлать теперь?.. А ты все такая же красивая!.. Какъ прежде... Зачѣмъ мы встрѣтились?..

— Тукъ, тукъ, тукъ!..

— Кто тамъ?

— Барыня!

— Ну!

— Баринъ проситъ наверхъ.

— Что ему надо?

— Они просятъ васъ вмѣстѣ съ знакомымъ наверхъ... пить шампанское.

— Какой добрый!

— Мужъ? Да, очень... Черезчуръ...

— Ты уходишь, Калерія?.. Какія у тебя красивыя руки!.. Когда же...

Калерія наклонилась къ моему уху, повѣяла горячимъ дыханіемъ и, прошептавъ: „сегодня... не надо запираеть двери“, встряхнула головой и, щелкнувъ замкомъ, вышла изъ комнаты. А я такъ и остался на мѣстѣ, какъ сидѣль, съ опущенной головой и руками...

— Не знаю... кого изъ васъ я люблю больше... Самъ не знаю. О чемъ ты, мой родной мальчикъ, плачешь?.. Перестань, не терзай мнѣ сердца!.. Я тебя люблю очень, очень люблю! Больше всѣхъ...

XLIV.

...Медленно-медленно стучать въ корридоръ часы, а ночь бѣжить быстро... Время тянется такъ лѣниво, а ночь уходитъ. Уже бѣлѣетъ занавѣсъ окна... Скоро изъ моря выкатится солнце и разбудить птицъ и людей. Скоро въ корридорѣ начнутъ ходить заспанные лакеи... Какихъ-нибудь два часа — и растаютъ подъ пурпуромъ зари всѣ волшебныя сказки страстной южной ночи. Не придетъ. Обманула... Приподнимаю голову, прислушиваюсь и тяжело вздыхаю; опять не нахожу мѣста рукамъ и ногамъ; горитъ лицо отъ горячей подушки: поворачиваю ее съ одной стороны на другую, то поднимаю выше, то спускаю... Все неудобно головѣ. Хочется пить, пересохло во рту, душно отъ собственного дыханія... Не придетъ! Не стоитъ ждать. Быть можетъ, она даже забыла, что общалась сегодня ночью... Можно и днемъ выбрать часокъ, чтобы наединѣ переговорить обо всемъ. Ты, Калерія, пожалуйста, не думай, что мнѣ важно, чтобы ты пришла сейчасъ, ночью... Но я долженъ знать, я потребую отъ тебя кончить все сразу: теперь наша жизнь связана маленькимъ человѣкомъ. Мы не собаки. Я хочу, чтобы ты, Калерія, окончательно порвала съ мужемъ, чтобы ты сказала ему, что ребенокъ, котораго мужъ считаетъ вашимъ, — не вашъ, а нашъ, чтобы ты, Калерія, оставила всякія похождения и была моей женой, женой и матерью нашего ребенка. Я не могу мириться съ мыслью, что ты, мать нашего ребенка, будешь принадлежать еще кому-то... Все или ничего!..

— Нѣтъ, не придетъ... Ухъ, какъ жарко!.. Какъ странно бьютъ часы въ корридорѣ... Словно я опять въ тюрьмѣ и слушаю въ форточку, какъ бьютъ часы на городской башнѣ... Три часа... Не придетъ...

— Кто тамъ?

— Тсс!

Неслышно ступаетъ по полу, держитъ палецъ у губъ и крадется, какъ бѣлая мохнатая сибирская кошка. Въ легкомъ, похожемъ на морскую пѣну, кружевномъ матинѣ, въ ярко-красномъ полковомъ шарфѣ на непослушныхъ черныхъ волнахъ волосъ, какъ ты прекрасна въ сумеркахъ передъ разсвѣтомъ!

— Ты похожа на волшебницу Альцину...

— Тсс! Вотъ такъ...

Она заперла замокъ двери, сбросила шарфъ и прошептала:

— Шла къ маленькому Генѣ и зашла къ большому... На полчаса, не больше.

— А я ждалъ, ждалъ, ждалъ...

— И теперь хочешь спать?

— Нѣтъ! Сядь сюда, ближе! Я хочу посмотрѣть въ твои глаза и спросить тебя...

Скользнула и стала ласкаться, какъ прежде.

— погоди!.. Скажи мнѣ: можешь ты быть моей, только моей? Уйти отъ мужа и...

— Почему я знаю...

— Пусти руки! Сперва отвѣть... Я хочу, чтобы не было никакой лжи...

— Сейчасъ я тебя люблю. Очень. Довольно?

— Нѣтъ. Я хочу, чтобы мы были только вдвоемъ и всегда вмѣстѣ: ты, я и нашъ ребенокъ... Ахъ, какая ты!.. Зачѣмъ ты такъ смотришь въ мои глаза?.. Отъ тебя пахнетъ шампанскимъ, Калерія...

— Генекъ... Милый!.. Помнишь грозу въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ?.. Помнишь траву, отъ которой пахло земляникой?..

— Калерія... Какая ты... ты какъ пьяная!.. У тебя пьяные глаза...

— Да... Они опьянѣли отъ воспоминаній...

Заря пламенѣетъ на небѣ. Потухли звѣзды. Въ раскрытое окно тянетъ прохладный и мокрый соленый вѣтерокъ. Слышно, какъ вздыхаетъ море, взметывая зеленую волну къ розовымъ огнямъ восходящаго солнца...

Я прилежъ на подоконникъ, опустилъ голову на руки и дремлю подъ шумъ морского прибоя. А за стѣной слышится голосъ Калеріи, разговаривающей съ проснувшимся султаномъ...

— Султанъ, милый маленький, мой султанъ! Ты—мой... Ты этого не знаешь, что ты нашъ... Когда-нибудь ты... Завтра все

рѣшится... Смотри, султанъ, когда я осенью буду сидѣть въ тюрьмѣ, приходи чаще ко мнѣ на свиданіе! Съ твоей мамой, вмѣстѣ съ мамой! А то я умру съ тоски... Завтра я заставлю тебя, Калерія, сдѣлать рѣшительный шагъ... Все или ничего!.. Я не откажусь отъ дуэли, если это понадобится. Панъ или пропаль:

Уже поютъ въ садахъ птицы. Уже просыпаются на берегу люди...

XLV.

„Милостивый государь, Павелъ Игнатьевичъ! Считаю долгомъ честнаго человѣка сказать вамъ, что я люблю вашу жену, Калерію Владиміровну; насколько мнѣ извѣстно, она васъ не любитъ и совершенно чужда вамъ. Сынъ, котораго вы, милостивый государь, считаете своимъ, въ дѣйствительности принадлежитъ намъ съ Калеріей Владиміровной, что она, конечно, подтвердитъ вамъ въ глаза. Надѣясь на вашу порядочность, милостивый государь, предлагаю вамъ дать Калеріи Владиміровнѣ разводъ. Я съ своей стороны имѣю честь предложить вамъ, милостивый государь, удовлетвореніе, въ какой вамъ захочется формѣ. Оружіе безразлично и предоставляется вашему выбору. Въ томъ случаѣ, если вы, не согласившись дать Калеріи Владиміровнѣ разводъ, уклонитесь отъ дуэли, имѣю честь предупредить васъ, что первая же наша встрѣча разрѣшится кровью. Вашъ слуга Геннадій Тархановъ. Р. S. Живу въ тѣхъ же номерахъ, гдѣ пребываете и вы. Неполученіе отвѣта въ теченіе трехъ сутокъ сочту за отрицательный отвѣтъ на всѣ мои предложенія, послѣ чего предоставляю себѣ полную свободу дѣйствій“.

Да, хорошо. Другого исхода нѣтъ. Все, что я пишу этому толстому Павлу Игнатьевичу, для него не будетъ новостью: онъ знаетъ и самъ видитъ, что все это—правда, печальная для него правда. Онъ, какъ страусъ въ минуту опасности, прячетъ подъ крыло невѣдѣнія свои оловянные глаза, пьетъ съ нами шампанское и мирится съ тѣмъ, что Калерія почти каждый день возвращается на разсвѣтѣ. Но если ты миришься съ этой дьявольской ложью, такъ знай, что я не могу больше мириться! У меня нѣтъ больше силъ. И я вытаскиваю твою глупую голову изъ-подъ крыла: вотъ тебѣ правда, отъ которой ты уже не отвертишься. Если любишь Калерію,—на, убей меня!.. А не любишь, такъ вонъ, къ чорту!..

— Человѣкъ! Отнесите это письмо навѣрхъ въ пятый номеръ и отдайте въ руки барину.

— Слушаюсь.

— Лично ему, а не Калеріи Владиміровнѣ...

— Понимаю-съ...

Ну, теперь все кончено. Какъ гора съ плечъ свалилась и перестала давить тѣло и душу.

— Уфъ, какъ я усталъ отъ этой лжи, отъ ежеминутной грязной лжи...

Я быстро ходилъ по комнатамъ и гладилъ себя по головѣ. Наконецъ-то я возстановилъ пошатнувшееся самоуваженіе! Будемъ ждать. Черезъ три дня все выяснится. Ну-съ, что же теперь дѣлать?.. Лучше бы намъ съ нимъ пока не встрѣчаться, а впрочемъ, какого чорта! Я вовсе не намѣренъ прятаться... Посвистывая, не торопясь, я переодѣлся въ новую пару, смѣло поглядѣлъ на себя въ зеркало, захватилъ трость и отправился фланировать по набережной. Пропала пришибленность на душѣ, вернулось бодрое настроеніе, даже веселость какая-то вспыхивала и заставляла улыбаться встрѣчнымъ людямъ. Проходя мимо „Грандъ-Отеля“, захотѣлъ убѣдиться, что Зоя, уѣзжая изъ Крыма, не оставила мнѣ никакой записки.

— Никакъ нѣтъ, никакой записки не оставляли.

— А куда уѣхали?

— Не могу знать.

— Въ Ниццу—подсказалъ чей-то голосъ изъ-подъ лѣстницы.

Ну, что-жъ, дай ей Богъ счастья. Сама отвернулась. Насильно милъ не будешь, говорятъ.

Влѣзъ на ялтинскія горы, окинулъ бирюзовыя морскія равнины и почувствовалъ себя такъ, словно все это: и горы, и безграничныя морскія равнины, и бѣлѣющіе паруса судовъ на горизонтахъ, все-все подвластно мнѣ. Широко повелъ рукой и запѣлъ: „На воздушномъ океанѣ, безъ руля и безъ вѣтриль“... На обратномъ пути забрелъ въ садъ. Здѣсь уже играла музыка. Пестрая толпа колыбалась на главныхъ аллеяхъ, такая нарядная, жизнерадостная толпа. Всѣ рады и счастливы. А можетъ-быть, притворяются, что счастливы. Оркестръ игралъ изъ „Карменъ“ мое любимое: „Любовь свободна“, и я невольно подпѣвалъ игривой пѣсенкѣ и покачивалъ тростью. Отъ этой пѣсенки вспоминалась гибкая, красивая Калерія и хотѣлось простить ей всѣ ея любовныя прегрѣшенія. Все это—въ прошломъ; теперь она будетъ только наша: моя и маленькаго султана. А вѣдь по натурѣ она прекрасная женщина, яркая, живая, жизнерадостная, умная. Все

пугаетъ несоотвѣтствіемъ нашихъ возрастовъ. Чепуха какая! Мнѣ двадцать-два скоро, а ей—двадцать-пять... Вспомнилъ, какъ заставилъ Калерію хохотать по этому поводу остроумнымъ примѣромъ, не мной, впрочемъ, придуманнымъ:

— Мужу двадцать, женѣ шестьдесятъ лѣтъ. Во сколько разъ жена старше?

— Ну, въ три раза.

— Пройдетъ двадцать лѣтъ, сколько будетъ той и другому?

— Мм... мужу—сорокъ, а женѣ—восемьдесятъ.

— Во сколько разъ жена стала старше мужа?

— Въ два.

— Вотъ видишь: сперва была старше въ три, а потомъ стала только въ два раза, и чѣмъ дальше, тѣмъ жена будетъ моложе...

— Пстой, пстой!... Какъ же таѣ?...

И Калерія хохотала до слезъ и все не могла понять, какъ же это выходитъ, что жена молодѣетъ съ годами.

Оркестръ заигралъ „Тореадора“, и я вспомнилъ, что возможна дуэль между мной и мужемъ Калеріи. Ну, что-жъ, умирать, такъ умирать, по крайней мѣрѣ такъ или иначе, а наступитъ конецъ всей этой комедіи...

— То-реадоръ, смѣлѣ-ѣй-е, Тореадоръ, Тореадоръ!... Помни, что въ часъ...

Пробылъ въ саду до поздней ночи, ушелъ послѣднимъ, и когда возвращался въ номера, то сильно билось сердце: быть можетъ, тамъ, на моемъ столѣ, уже лежитъ письмо, въ которомъ рѣшается наша судьба. Письма не оказалось. Вспомнилъ, что голоденъ, и сталъ шарить по угламъ, отыскивая хотя бы ломтикъ хлѣба. Ничего не нашелъ. Пососалъ апельсиновую корку. Находился, усталъ, но по прежнему, ложась спать, не заперъ двери: навѣрно, придетъ и расскажетъ о результатахъ моего письма, о своемъ объясненіи съ мужемъ... Легъ, но долго не могъ отдаться сну: все чудилось, что отворяется осторожно дверь и кто-то шепчетъ „Тсс!“...

А потомъ утомился ждать и не помню, какъ заснулъ... Снилось, что дуэль состоялась и была очень похожа на дуэль изъ Лермонтовскаго „Героя нашего времени“: поединокъ происходилъ на „Ай-Петри“, я былъ раненъ и стремглавъ полетѣлъ съ „Ай-Петри“ въ пропасть, но только не разбился на смерть; надо мной склонялась золотоволосая Зоя и шептала:

— Ты не умеръ... Сейчасъ я подниму тебя съ камней и мы улетимъ далеко-далеко, за синее море, на край свѣта, и тамъ обвѣнчаемся...

Но изъ темной расщелины горъ вышла Калерія, съ султаномъ на рукахъ, и, отстранивъ Зою, повелительно закричала:

— Не ты, а я буду съ нимъ вѣнчаться, потому что у насъ есть ребенокъ!

Мнѣ было жалъ ихъ обѣихъ, и я терзался необходимостью выбрать одну изъ нихъ. Но жалобно заплакалъ маленькій султанъ, и я сказалъ Зоѣ:

— Прощай!... Я не могу летѣть съ тобой на край свѣта...

Когда я проснулся, моя подушка была мокра отъ слезъ и на душѣ было такое ощущеніе, словно я потерялъ что-то самое дорогое мнѣ на свѣтѣ. Должно быть, было уже поздно: на занавѣси окна играло солнышко, а въ номерахъ уже началась обычная жизнь: ходили, стучали дверями, разговаривали, суетились. Кто-то пріѣхалъ или уѣзжаетъ: таскаютъ вещи и кричатъ:

— Осторожнѣй!

Долго лежалъ въ постели и вспоминалъ вѣщій сонъ. Калерія рисовалась ярко, красочно, а образъ Зои испугался пробужденія и улетѣлъ изъ сонной памяти: что-то похожее на ангела въ золотисто-розовой дымѣ... Станный сонъ. Что-то предвѣщаетъ онъ мнѣ: смерть или... Испуганно вздрогнулъ: вѣдь если я не буду убитъ, такъ, значить, я—убью. Я убью человѣка? Непостижимо! За что? За то, что я люблю его жену, за то, что обманывалъ его и за то, что онъ считаетъ моего сына своимъ. Хаосъ! Непонятно, странно, глупо, но неизбежно... Когда-то я самъ называлъ дуэль варварствомъ, а теперь... Поздно разсуждать: жребій брошенъ... Еще день, другой и — кончено!... Ну, а что дѣлать, если тотъ, толстый, съ оловянными глазами, откажется отъ дуэли? Убить его?... Хаосъ, изъ котораго не выльзешь... Голова идетъ кругомъ. Есть еще выходъ—сказать Калеріи:

— Или разорви съ прошлымъ и иди со мной, или я долженъ покончить счеты съ землей. Рѣшай сама!...

Во всякомъ случаѣ надо приготовить письмо матери. Измучилъ я бѣдную старушку. Знать, что, быть можетъ, уже стоишь у своей раскрытой могилы, и не сказать матери нѣсколько теплыхъ словъ—это жестоко...

— Человѣкъ! Дайте стаканъ кофе и конвертъ... три конверта...

Походилъ, подумалъ, отпилъ кофе и сѣлъ къ столу.

„Дорогая мамочка, моя добрая бѣдная старушка! Быть можетъ, намъ уже не суждено болѣе увидаться на этомъ свѣтѣ... Прости, что я не писалъ тебѣ. Моя жизнь попала въ такой тупикъ, изъ котораго есть только одинъ выходъ: быть убитымъ

или самому убить человека. Хочу сказать тебе, милая мамочка, всю правду. Я люблю Калерию, хотя знаю, что она — скверная. Не могу, мамочка, не любить и не могу разлюбить. Видно, такая уж судьба. У нас есть ребенок, которого зовут тоже Геней. Может быть, от этого меня и тянет к ней какая-то непонятная сила. Но любить и лгать, обманывать мужа и быть тайным любовником я не могу и не хочу. И пришлось, родная, предоставить судьбе развязать этот узел: дуэль положить конец невыносимому положению, в котором мы очутились все. Быть может, мамуся, я живу последний день, и мне хочется сказать тебе: прости меня, родная, прости за все горе, которое я принес тебе своими поступками! Помни, что в последнюю минуту жизни я буду глубоко страдать от того, что уйду из жизни, не поцеловав тебя крепко и не зная, что ты простила. Ты добрая, простишь. Я не виноват. Должно быть, такая уж моя судьба. Скажу еще тебе, что если я буду убит, то хотел бы лечь в родную землю: увези меня, родная, домой! Есть в старом бору лесная сторожка на высоком берегу озера — наш Степан знает! — вот там ты и схорони меня. Это место было мне дорого по воспоминаниям. Ну, благослови и прости! Твой сын Геннадий. P. S. Мое ружье и Джальму подари на память старику-леснику, с которым мы часто охотились на озерѣ“.

Было тяжело писать это письмо, спазмы сдавливали горло и слезы прыгали на бумагу. И было жаль себя, словно я уже умер. Вставал в памяти старый шумящий бор, склон над оврагом и одинокий крест на моей могиле. Заклеил письмо и написал на конверте: „В случае моей смерти переслать моей матери“ и указал подробный адрес. Потом допил кофе и заходил по комнатам, грустно насвистывая арию Ленского „Что день грядущий мне готовит“... Вспомнил Зою и захотелось ей тоже сказать что-то на прощанье. Написал: „Уходя из жизни, посылаю тебе, чистая, святая девушка, свой последний привет. Благодарю тебя за те лучшие часы в жизни, которые ты подарила мне своей любовью. Быть может, я люблю тебя, только тебя, но что-то ворвалось в мою жизнь темное, непобедимое и разбило наше счастье. Прости меня! В эти последние часы жизни твой светлый образ стоит в моих глазах. Прощай! Геннадий Тарханов“. Потом написал студенту Касьянову: „Прощай, брат Касьянов! Не поминай лихом и не сдавайся жизни, как сделал я. Геннадий Тарханов“. Все приготовил, сложил все письма в вучку, завернул в одну

пачку, перевязалъ веревочкой и сдѣлалъ надпись: „Вскрыть послѣ моей смерти“.

Все! Теперь все... Тоскливо и такъ одиноко. Словно одинъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Хочется поговорить съ кѣмъ-то ласково-ласково, кому-то хочется сказать, что я — обреченъ на смерть, а жить такъ хочется, безумно хочется... Скорѣе вонъ изъ этой одинокой комнаты, гдѣ уже вѣетъ холодомъ смерти! Туда, къ людямъ, на солнце, къ морю!.. Съ какой-то непонятной торопливостью, словно у меня было спѣшное, неотложное дѣло, одѣлся и выскочилъ на улицу. Яркимъ свѣтомъ, шумомъ моря, его влажнымъ дыханіемъ и звонкими голосами жизни всколыхнуло всю душу и пересталось вѣрить въ неизбежность смерти, даже вообще въ смерть... Жизнь, жизнь, какъ ты прекрасна и какъ я люблю тебя! Здравствуй, солнце! Здравствуй, море!.. Я живъ, живъ, живъ... Увидалъ дѣтишекъ съ нянькой и вспомнилъ султана. Смѣшной! Миленькій!.. Наверно, онъ преравно разѣзжаетъ себѣ теперь въ коляскѣ, съ сигарою въ зубахъ... или роется въ пескѣ. Надо посмотрѣть: пойду въ садъ.

Какъ птицы, кричатъ въ саду дѣти. Какъ цвѣты, пестрые, красочные, качаютъ головками на пескѣ. А султана нѣтъ, моего султана нѣтъ... Обошелъ всѣ дорожки и закоулки — нѣтъ султана. А такъ захотѣлось вдругъ посмотрѣть на маленькаго человечка и подумать: „ты — мой сынъ“. Сидѣлъ, ходилъ и все надѣялся, что султанъ появится... Захотѣлось ѣсть: сѣлъ на террасѣ клуба и заказалъ себѣ завтракъ; ѣлъ, а самъ все посматривалъ на аллею, идущую отъ входа. Нѣтъ!.. Сталъ беспокоиться, торопиться. Что-то случилось тамъ, иначе султанъ былъ бы здѣсь. Словно кто-то тайно звалъ домой. Бросилъ завтракъ и быстро направился къ дому. Прошелъ по корридору — тихо. Подошелъ къ номеру султана — тихо. Оглянулся — никто не увидитъ: приоткрылъ дверь и заглянулъ въ номеръ... Пусто!..

— Человѣкъ! Сосѣдній номеръ свободенъ?

— Такъ точно.

— А куда же... тутъ была женщина съ ребенкомъ...

— Уѣхали.

— Когда?

— Сегодня утромъ. Всѣ. И баринъ съ барыней.

— Куда?

— За границу...

— Мнѣ должно быть письмо отъ... барыни.

— Не знаю... Мнѣ не передавали...

— Вы что-нибудь напутали... Я спрашиваю про Калерію Владиміровну!..

— Ну вотъ, я про нихъ и говорю... Какъ я понялъ изъ разговора между ними, они поѣхали въ Ниццу-съ...

— Куда?

— Ницца... Городъ такой...

— Въ Ниццу... Въ Ниццу... Да... Это странно.

Я вбѣжалъ въ свой номеръ и началъ рвать въ клочки всѣ письма, надъ которыми только что плакалъ. Рвалъ и хохоталъ, громко хохоталъ и плакалъ. А потомъ сѣлъ къ столу и написалъ: „Въ Ниццу, до востребованія“.

„Шлю тебѣ, подлое красивое животное, въ догонку всю ненависть и презрѣніе, которыми ты отравила мою душу“...

... Надо уѣхать, надо какъ можно скорѣе уѣхать. Мамочка! надо какъ можно скорѣе уѣхать... Родная моя, спаси меня!..

Евгеній Чириковъ.

25 января 1911-г.

Спб.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Изъ „подражаній древнимъ“.

I.

Гробница Анакреона.

Тамъ, гдѣ роза цвѣтетъ, гдѣ сплетается лавръ
съ виноградомъ,
Гдѣ кузнечикъ звенитъ, гдѣ голубка любовно воркуетъ,—
Чья тамъ гробница стоитъ, надъ которой, по волѣ
бессмертныхъ,
Жизнь, красуясь, цвѣтетъ?—Анакреона-поэта.
Счастливъ поэтъ! Насладился весной онъ и лѣтомъ,
Осень вкусилъ,—отъ зимы же укрылся въ могилѣ.

II.

Братья.

Сонъ и дремоту—двухъ братьевъ, богамъ всеблаженнымъ
служившихъ,
На землю свелъ Прометей въ утѣшеніе роду людскому;
Но богамъ—все легко, а для насъ—непосильная ноша:
Въ сонъ обратилась дремота, смертію сдѣлался сонъ.

Н. МАКЛЕЦОВА.

Въ Египтѣ.

Безграничная равнина... Вдалекѣ сверкаетъ Ниль...
Острый обликъ бедуина... Сфинксъ задумчиво застылъ...

Надъ вершиной пирамиды раскаленный небосклонъ...
Здѣсь—кусокъ каріатиды... тамъ—обломанный пилонъ...

Пахнетъ солнцемъ изъ Сахары... Караванъ пылитъ вдали...
И таинственныя чары въ пѣсняхъ неба и земли...

Л. Кацманъ.

Родное.

Безконечныя степи широкія,
Пожелтѣвшія травы, ковыль...
Все твердитъ мнѣ про грезы далекія
И про близкую, грустную былъ.

Деревушка стоитъ сиротливо,
Всюду мертвый, гнетущій покой,
Лишь колышется тощая нива,
Да березы шумятъ надъ рѣкой.

М. Б—нъ.

Наслѣдіе.

Нехорошо быть наслѣдникомъ.

Заратустра.

Тоска минувшихъ поколѣній
Потомкамъ—намъ передалась,
Толпой летятъ за нами тѣни,
Рой старыхъ грезъ и заблужденій,—
И не расторгнуть эту связь.

День новый съ днемъ прошедшимъ связанъ,—
Что въ свѣтѣ крѣпче мертвыхъ узъ!...
Въ насъ длинный рядъ вѣковъ наказанъ,
И жребій намъ нести указанъ
Грѣховъ отцовскихъ тяжкій грузъ.

Н. Л.

Въ пути.

Кандальный мѣрный звонъ... Поземкой вьется пыль,
Намъ заметая слѣдъ...
Бѣгутъ, гудятъ столбы... Шуршитъ степной ковыль...
— Возврата нѣтъ, возврата нѣтъ...

На взгорьяхъ курслѣвъ завядшій и сухой
 Роняетъ желтый цвѣтъ...
 Стрѣльнулъ испуганно тушеанчикъ надъ межей...
 — Возврата нѣтъ, возврата нѣтъ...

Далеко въ зелени нашъ тонетъ хуторокъ...
 А ты... ты смотришь вслѣдъ...
 Прощальный вздохъ намъ плещь... Не плачь!.. Нашъ
 путь далекъ...
 — Возврата нѣтъ, возврата нѣтъ!...

Ал. Богдановъ.

Тихо ласкается къ сонному берегу море...
 Смолкла тоска въ сердцѣ моемъ...
 Счастье далекое, близкое жгучее горе,
 Все утонуло въ чарующемъ, мягкомъ просторѣ,
 Въ ласкѣ прибоя, въ туманѣ морскомъ.
 Тихо... Ни вдоха... Ни стона въ сердцѣ моемъ.

М. Колдменкина.

* * *

Плачутъ деревья унылаго сада,
 Вѣтви ихъ голыя вѣтеръ качаетъ,
 Сердце усталое шепчетъ: „не надо“,
 Небо нависшее слезы роняетъ.

Таеъ и таеъ мечта запоздалая,
 Чуется горе суровое, близкое,
 Шепчетъ: „довольно“ мнѣ сердце усталое,
 Небо нахмурилось сѣрое, низкое.

Г. Петри.

Двойникъ.

Заголубѣли нѣжно стекла,
 И тихій вечеръ—какъ печаль.
 Но лишь свѣчу зажгли, поблѣкла
 И потемнѣла оконъ сталь.

Встаетъ тоска, идетъ упрямо,
 Чтобъ образъ прошлаго возникъ.
 И свѣтъ свѣчи въ окнѣ, за рамой—
 Какъ опрокинутый двойникъ.

Онъ золотѣетъ, онъ трепещетъ,
 Чуть огонекъ я колыхну,
 Онъ, отражаясь, грустно блещетъ,
 Смстря за окна—на весну...

Я вспоминаю юность снова:
 Ушла какъ скоро и тайкомъ!...
 И призракъ счастья молодого
 Стоитъ знакомымъ двойникомъ...

Вл. Нарбутъ.

Сонетъ.

Моя любовь была чиста, какъ сонъ,
 Сонъ ландышей душистой ночью мая;
 Моя любовь—вечернй, кроткй звонъ,
 Фіалочка лѣсная.

Она была мерцающей звѣздой,
 Привѣтомъ юнымъ утренняго солнца
 И ласточкой, щебечущей весной
 У моего оконца.

Она была молитвою мечтамъ,
 Сплетеньемъ нѣжнымъ лунной свѣтотѣни.
 Моя любовь—стремленіе къ небесамъ.

Въ ней—тихй вздохъ неясныхъ сожалѣній.
 Она—порывъ туманно-нѣжныхъ сновъ
 Въ страну восторговъ, пѣсенъ и цвѣтовъ.

Зинаида Тулубъ.

Въ сумеркахъ.

Въ комнатѣ сумерки рѣютъ туманныя,
 Ровно стоятъ по угламъ...

Мысль имена вызываетъ желанья,
 Къ юнымъ стремится годамъ...
 Рядомъ, за стѣною звуки печальные:
 Глухо рыдаетъ рояль;
 Чудится въ звукахъ мнѣ что-то прощальное,
 Точно минувшаго жаль...
 Сердце не вѣрить въ весеня, нѣжныя,
 Сказки угасшаго дня,
 Вѣчная грусть, какъ судьба неизбежная,
 Вновь охватила меня.
 Все совершенное, въ мукахъ рожденное
 Кажется звукомъ пустымъ...
 Въ сумеркахъ прячется горе бездонное,
 Давитъ молчаньемъ нѣмымъ...

Лидія Сохачевская.

Изъ Франсуа Коппе.

Matin d'Octobre.

Прелестный утра часъ послѣдній
 Случайно солнце золотить,
 Средь мглы печальной, мглы осенней
 Умершихъ листьевъ рой лежить.

Тихъ листопадъ и всякій взглядомъ
 Невольно листья различить:
 Кровавый цвѣтъ осины, рядомъ
 Съ нимъ дуба мѣдный колоритъ.

А листьевъ ржавчиной клейменныхъ
 Съ вѣтвей несется обнаженныхъ,
 Хоть не зима, послѣдній рой.

Природа въ блѣдномъ таетъ свѣтѣ
 И, мнится, въ розовомъ разсвѣтѣ
 На землю сыплетъ снѣгъ златой.

КИРА БАРСЮКОВА

ПОВѢСТЬ

(Окончаніе.)

XI *).

Приближаясь къ дому, Кира почувствовала страшную усталость. Было около одиннадцати часовъ, а она съ четырехъ не снимала тяжелой шляпы, металась, волновалась. Прожитой день казался ей бесконечно длиннымъ; она думала, что хорошо будетъ теперь отдохнуть, но едва только успѣла добратъся до своей комнаты, какъ услышала шумъ подъѣзжающаго автомобиля, и черезъ нѣсколько минутъ голоса въ передней ей возвѣстили, что вернулись съ концерта Ольга Андреевна и Настя.

Она нѣхотя вышла къ нимъ и увидѣла Вернейля.

— Вотъ и она! — воскликнула Ольга Андреевна. — Гдѣ же ты пропадала? Мы страшно беспокоились. Вотъ и мосе Вернейль заѣхалъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Ты на концертъ не была?

Кира намѣревалась сказать, что была, постояла въ толпѣ и, не дождавшись конца, вернулась, но испугалась, что Вернейль потребуетъ отъ нея детальнаго анализа исполненія. Она рѣшилась сказать правду, по мѣрѣ надобности урѣзавъ и украсивъ ее въ дальнѣйшемъ разговорѣ.

— Представьте себѣ, я засидѣлась у русской барышни, такой славной! Мы болтали, болтали, и время прошло незамѣтно; я опоздала на концертъ и прямо отъ нея пріѣхала домой.

*) См. июнь, стр. 85.

У Вернейля былъ очень огорченный видъ.

— Развѣ можно подвергать такой тревогѣ вашихъ друзей? — сказалъ онъ. — Я боялся, что случилось несчастье. Парижъ далеко не безопасенъ...

— Да, — встала, смѣясь, Ольга Андреевна, — онъ испугался больше меня. Ну, сядемъ, поболтаемъ. Отличный былъ концертъ. Розали! чаю!

Она побѣжала торопить ворчавшую Розали, которая въ столовой стучала чашками, приговаривая со вздохомъ:

— Гдѣ это видано, чтобы чай требовали въ такую пору, когда разумные люди тихо спать ложатся и шумѣть себѣ не позволяютъ?

Ольга Андреевна объясняла ей добродушно, что это только по-парижски странно, а по-русски совсѣмъ даже обыденно, и что вовсе не поздно.

Настя молча ушла къ себѣ, а Кира осталась одна съ Вернейлемъ.

— Я ужасно разстроены, — сказалъ онъ, — ужасно, и потому ваше внезапное исчезновеніе меня особенно потрясло. Вообразите, что сегодня утромъ отравилась прелестная Одеттъ Бирнбаумъ, жена богатаго банкира. Вы ее видѣли, она занимала квартиру подъ нами и часто забѣгала къ женѣ.

— Помню, — сказала Кира, — такая хорошенькая и веселая!

— Ужасно! — изъ столовой встала Ольга Андреевна, уже знавшая отъ Вернейля всѣ подробности.

— И что заставило ее искать смерти? — спросила Кира.

— Несчастливая любовь. Мужъ у нея былъ грубый аферистъ, никакого вниманія не обращалъ на нее, а она была нѣжная, причудливая, съ безпокойнымъ, горячимъ сердцемъ.

Вернейль взглянулъ на дверь. Ольги Андреевны не было видно, она ушла вглубь столовой. Онъ сталъ у камина, глазами подозвалъ Киру и взялъ въ свои ея обѣ руки.

— Полюбила и попала на животное еще грубѣе мужа и, конечно, не вынесла этого. А она такъ радовалась, всего какихъ-нибудь два мѣсяца тому назадъ. Она говорила мнѣ, смѣясь: „Вы проникнетесь теперь большимъ уваженіемъ ко мнѣ, потому что у меня любовникъ“. Надо вамъ сказать, что я все стыдилъ ее за предпочтеніе, которое она оказывала лицамъ своего же пола. Да, пошалила-таки за свою недолгую жизнь эта милая Одеттъ, и полюбила наконецъ такъ искренно, съ такой свѣжестью души! Когда же узнала, что мужъ все самъ подстроилъ, выгодно отдалъ ее напрокатъ и отъ любовника получаетъ условленную

плату, въ видѣ какого-то поручительства, ее какъ громомъ поразило. И любовникъ самъ же ей это и сказалъ—думалъ, мерзавецъ, что она сознательно пошла на эту сдѣлку. И вотъ сегодня утромъ ее нашли на кушеткѣ ея уборной, прелестно одѣтую въ бѣлое газовое платье, и бездыханную. Она отравилась газомъ. Открыла всѣ газовые рожки, тщательно заложивъ ватой всѣ скважины двери, и умерла. Когда слесарь отперъ дверь, нестерпимый запахъ газа разлетѣлся повсюду. На всей лѣстницѣ, даже у насъ въ квартирѣ, пахнетъ газомъ. Запахъ этотъ меня преслѣдуетъ теперь, я все его слышу.

Онъ отпустилъ руки Кире, которыя все время мялъ и тискалъ.

— Я очень огорченъ, другъ мой, очень огорченъ!

— Ну, идите чай пить,—сказала появившаяся вновь Ольга Андреевна.—Я сама достала всякія вкусныя вещи. Розали возмущена, а дѣвочки мнѣ не помощницы.

— Она очень страдала?—спросила Кира, не двигаясь.

— Должно быть,—отвѣтилъ Вернейль.—И долго тормозили это очаровательное холеное тѣло, которое она такъ кокетливо убрала, надѣясь послѣ смерти показаться еще красивѣй. Старались оживить ее, пробовали дѣлать искусственное дыханіе, держали ей руки... Жена при этомъ была. Но мнѣ надо спать. Слава Богу, у васъ все благополучно. Жену я уговорилъ поѣхать съ знакомыми въ оперу, ей надо было разсѣяться. Я обѣщалъ заѣхать за ней—и какъ разъ время. А вы, барышня, завтра весь день берегите себя, отдохните хорошенько, и послѣ завтра блесните на весь Парижъ. Да, какое трагическое совпаденіе! Какъ разъ послѣ-завтра вечеромъ наше торжество, шумъ, блескъ, нахлынуть прелестныя, нарядныя, благоухающія дамы—а утромъ въ томъ же домѣ похороны. Одѣтъ, тѣ же дамы въ черномъ, съ печальными лицами будутъ ходить по ковру той же лѣстницы. Утромъ подъѣздъ будетъ величественно задрапированъ чернымъ, мрачнымъ сукномъ, съ серебряными галунами, а вечеромъ заперсѣетъ веселымъ, съ красными полосками, навѣсомъ, и дамы, прямо изъ кареты, попадутъ подъ сѣнь праздничнаго балдахина, защищающаго ихъ прически съ перьями, цвѣтами и брилліантами, ихъ зябкія, обнаженныя подъ легкими накидками плечи отъ предательскаго дуновенія вѣтра...

Онъ совсѣмъ расходился и радостно сіялъ, потомъ опять сдѣлалъ страдальческое лицо.

— А та, бѣдняжка, какъ ее теребили за коченѣющія тонкія руки!.. Ну, я бѣгу, надѣюсь что женѣ удалось немного развлечься.

О жизнь, твои контрасты непостижимы! О любовь, твоя власть трагична!

Ольга Андреевна сѣла съ Кирой за чайный столъ, и обѣ задумались. Пришла и Настя въ блѣдно-голубомъ пеньюарѣ. Ея глаза казались черными отъ расширенныхъ зрачковъ.

— Я слышала, что ушелъ этотъ несносный болтунъ, — сказала она, садясь за столъ, — а то бы не явилась.

— Онъ хорошій человекъ, — тихо отвѣтила Кира.

— Конечно, — подтвердила Ольга Андреевна, — и очень неглупый. Дѣйствительно любовь трагична. У меня тетушка старуха умерла съ горя, узнавъ, что въ теченіе двадцати лѣтъ ея мужъ, которому она довѣряла слѣпо, обманывалъ ее съ пріятельницей. Она была крестной матерью его дѣтей, прижитыхъ съ тою, одѣяльца имъ вязала. Мы думали, что она все знаетъ и позволяетъ. А нѣтъ же! Она вѣрила своему старику, не снесла униженія и обиды долгаго издѣвательства...

— Какъ же быть? — спросила Кира.

— Не любить никого, — отвѣтила Настя.

— Все и всѣхъ любить, всю жизнь, животныхъ, искусство, людей! Но человека надо любить не жадно, безъ чрезмѣрнаго чувства собственности, — сказала Ольга Андреевна. — Когда толстая цѣпь порвется, то отъ сотрясенія упадешь, ушибешься; когда порвется шелковая ниточка, то это едва замѣтно и сѣрѣпить ее вновь легко. Боюсь, какъ бы съ моей пріятельницей де-Шарбонель не случилось того же, что съ моей тетушкой. Она Латэна заковала большою цѣпью, желѣзной, которая отъ времени проржавѣла, пожалуй не сегодня-завтра порвется, а она, бѣдняжка, надѣется на нее и тянется...

— Не всѣмъ дано твое безразличіе, — серьезно отвѣтила Кира. — Ты, мама, большой философъ!

— Мнѣ слѣдовало бы при васъ держать себя солидно и развивать однѣ высокія истины, — защищалась Ольга Андреевна, — но этимъ я оказала бы вамъ плохую услугу; высокія истины приходится отбросить, когда сталкиваешься съ жизнью, и позвать на помощь изворотливость и добродушіе. Надо научиться прощать другимъ и стараться самой не нуждаться въ прощеніи. А все ломать изъ-за пустяковъ, себя убивать, когда столько, помимо любви, есть въ жизни прекраснаго — глупо, глупо...

Кира, къ своей досадѣ, густо покраснѣла.

— Ты вышла замужъ безъ любви и была счастлива, — сказала она, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Конечно, то-есть я полюбила мужа уже послѣ свадьбы,

такъ какъ не успѣла узнать его раньше: отецъ слишкомъ торопился избавиться отъ меня. Но можно выйти замужъ по любви и также быть счастливой, и этого я вамъ желаю отъ души обѣимъ. Только ходульности избѣгайте, всякой ходульности и излишней требовательности. Помните, что самый прекрасный человѣкъ можетъ совершить иногда нехорошій поступокъ и все-таки остаться хорошимъ, какъ можетъ схватить тифъ или дифтеритъ и выздороветь. Это—временное; надо уметь переждать. Все исправимо, кромѣ смерти. Бѣдная Одеттъ! не выдержала, пришла въ отчаяніе, прониклась отвращеніемъ ко всѣмъ, къ себѣ самой... Переждала бы и опять зажила бы радостно.

— Не знаю, ошибка была ужъ слишкомъ досадная и горькая,—сказала Кира.—Ну, пойдемъ спать! А ты, мама, все-таки большая умница.

Она съ удовольствіемъ смотрѣла на мать. Ольга Андреевна, въ лиловомъ бархатномъ платьѣ, въ токъ изъ фіалокъ на вьющихся свѣтлыхъ волосахъ, съ нѣжной рюшкой вокругъ шеи, была очень красива. Кирѣ стало стыдно, что она такъ строго отнеслась къ ней въ разговорѣ съ Екатериной Николаевной; но иначе она не могла поступить, это было ея главнымъ доводомъ, чтобы показаться жертвой легкомысленной среды. И сама Екатерина Николаевна видѣла Ольгу Андреевну въ костюмѣ гетеры и навѣрно уже составила себѣ мнѣніе о ней.

— Не сердись на меня и поцѣлуй меня покрѣпче!—неожиданно ласково сказала Кира матери.

— За что же сердиться?—спросила Ольга Андреевна.

— А хоть за то, что я не пошла на концертъ, пропадала весь день.

Ольга Андреевна расхохоталась и обняла ее.

Въ корридорѣ Кира остановила Настю.

— Ты недовольна мною, что я угадала твою тайну и разболтала ее. Ты вѣдь собираешься быть писательницей.

— Ничего изъ этого не выйдетъ,—отвѣтила Настя.

— Но я угадала и должна была бы молчать; а я выдала тебя Денису Ивановичу. Прости меня!

— Что ты къ исповѣди готовишься, что-ли? У всѣхъ прощенія просишь,—сказала Настя, улыбаясь.

— Ну хотя бы къ исповѣди, это все равно. Простила?

— Простила. На тебя и сердиться-то нельзя.

— Ну, спасибо. Ты хорошо это сказала, презрительно-ласково; съ меня довольно.

Раздвѣваясь, Кира спрашивала себя, какъ она поведетъ раз-

говоръ съ Николаемъ, и какія ей сдѣлать къ предстоящему свиданію приготовленія. Она рѣшила, что самое лучшее — предоста-вить все минутному вдохновенію и позаботиться только о своей наружности. Душевнымъ своимъ состояніемъ она была довольна: она вся какъ бы окунулась въ кроткую тишину. Надо чтобы и лицо у нея было свѣжее, ясное. Она тщательно натерлась ка-кимъ-то кремомъ, въ который твердо вѣрила, смочила волосы душистой жидкостью, закрутила ихъ на шпильки, долженствующія ихъ завить самымъ естественнымъ образомъ, и заснула крѣп-кимъ сномъ.

Но проснулась она почему-то утромъ въ испугѣ, съ бью-щимся сердцемъ. Ей казалось, что она спала вѣчность, проспала часть свиданія, или, вѣрнѣе, что вчера она ничего не поняла изъ случившагося, что Екатерина Николаевна смѣялась надъ ней, что Николай съ отвращеніемъ, вынужденный необходимостью, прошелся съ ней по улицѣ. Замѣтивъ на ночномъ столикѣ *petit bleu*, она вспомнила то, что перечувствовала, когда Николай такъ равнодушно принималъ ея отказъ, и содрогнулась. Неужели опять оскорбленіе?

Письмо было отъ Екатерины Николаевны.

„Многоуважаемая Mademoiselle Кира, — писала она четкимъ „почеркомъ, безъ нажимовъ, — такъ какъ Николай Петровичъ уди- „вился, встрѣтивъ Васъ на лѣстницѣ, и догадался, что Вы были „у меня, то я сказала, что обратилась къ Вамъ, какъ къ че- „ловѣку, имѣющему связи въ музыкальномъ мірѣ, съ просьбой „помочь мнѣ въ устройствѣ концерта въ пользу нуждающихся „русскихъ студентовъ и студентокъ. Такая мысль у меня дѣй- „ствительно была, еще до знакомства съ Вами. Если Вы захо- „тите немного помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ, то буду Вамъ очень „благодарна. Нужда среди учащихся страшная. Но мои слова, „сказанныя безъ предварительнаго совѣщанія съ Вами, Васъ „конечно ни къ чему не обязываютъ. Прошу Васъ только не „давать, если встрѣтитесь съ Николаемъ Петровичемъ, — а я „сама буду очень рада пригласить васъ вмѣстѣ на чашку чая, — „противорѣчащаго съ моимъ объясненіемъ.

„Готовая къ услугамъ — Е. Фролова“.

„Милая, милая! — подумала Кира. — Ей дѣйствительно во всей этой исторіи всѣ интересны, кромѣ нея самой. И мое странное появленіе у нея уладила, и о бѣдныхъ товарищахъ позаботи-лась. Только о себѣ забыла. Проворонить свое счастье“.

У нея какъ камень съ плечъ свалился, и вмѣстѣ съ тѣмъ стало ужасно стыдно. Но она себя приструнила: „Не разсуждай,

многоуважаемая М-ше Кира, а действуй. Ты слаба, одна пропадешь, бери свое и на себя не пеняй, что ты не святая и не мученица. Не всякому дано быть святой. Принимай великодушье, коли его тебѣ навязываютъ, вѣдь чѣмъ-нибудь ты же его за-служила...”

Просьба Екатерины Николаевны помочь въ устройствѣ концерта придавала ей крылья. — „Все устрою, сама буду пѣть, Вернейя привлеку“. Но тутъ она опять попала на запретную тему. О Вернейлѣ сегодня нельзя было думать.

За утреннимъ чаемъ и за завтракомъ Ольга Андреевна и Настя были съ ней очень ласковы. Когда она объявила, что хочетъ прогуляться одна въ Булонскомъ лѣсу, Ольга Андреевна нашла, что это—самое благоразумное, что можно было придумать. Погода дивная, легкій моционъ ее освѣжитъ, и въ такой часъ она никого не встрѣтитъ изъ знакомыхъ, кто бы могъ ее утомить длиннымъ разговоромъ на воздухѣ.

Кира улыбнулась.

Въ шляпѣ и верхнемъ платьѣ она зашла къ Настѣ.

— Скажи мнѣ, я не особенный уродъ?

Настя ее оглядѣла съ ногъ до головы.

— Постигла всю науку, проста и элегантна! А лицомъ красива ли ты—Богъ тебя знаетъ. То да, то нѣтъ, въ общемъ—скорѣй да. Но не все ли это равно? Какая ни есть, проживешь, не пропадешь. А сегодня ты какая-то растроганная, и это къ тебѣ идетъ.

„Все до сихъ поръ благополучно, — подумала Кира, — но отчего у меня такъ сердце стучитъ? Это мнѣ ужасно мѣшаетъ“.

Она у Портъ-Мальо отпустила извозчика и пошла по широкой дорожкѣ, гдѣ катили обручи и скакали черезъ веревочку дѣти. Ей то и дѣло приходилось лавировать между ручными колясочками, протискиваясь между веселыхъ горничныхъ и румяныхъ кормилицъ съ длинными, развѣвающимися на спинѣ, широчайшими лентами. Все въ лѣсу было молодо и свѣжо: тоненькая травка, крошечные листочки. Нѣкоторые деревья стояли еще голыя, но сучья были гибки, живы и трепетны, отливали нѣжно-зеленымъ; другія деревья, вдалекѣ, цѣлыми группами, лиловѣли, какъ бы подернутыя дымомъ. Легко дышалось; ни одинъ автомобиль не поднималъ облакомъ песокъ, не валили вереницей коляски съ раздушенными до приторности коготками. Все это уже было отъ одиннадцати до двѣнадцати, въ allée des Acacias, куда теперь завернула Кира—было шумѣло, наполнило Булонскій лѣсъ порочной роскошью и теперь разлетѣлось: кто

завтракалъ въ Арменонвиллѣ, кто въ ресторанѣ „Мадридъ“, кто вернулся въ Парижъ, и Лѣсъ былъ часовъ до трехъ въ распоряженіи дѣтей.

Кира остановилась на минуту, въ толпѣ разряженныхъ, престлестныхъ дѣтей, и смотрѣла на дикій танецъ няньки-негритянки въ пестромъ платьѣ, съ косынкой на плечахъ и короткой юбкой. Негритянка, скаля огромные зубы и вращая глазами, прыгала на мѣстѣ какъ сорока; потомъ, неожиданно, дико гикнула и стала быстро присѣдать, подниматься и опять присѣдать, растопыривъ колѣни и сдвинувъ вмѣстѣ каблукки. Она при этомъ держала раскрытыя и обращенныя къ зрителямъ ладони на уровнѣ своихъ плечъ. Дѣти только этого и ждали: гиканье и присѣданіе привели ихъ въ восторгъ. Кира сама заразилась ихъ весельемъ, но покинула широкую аллею и пошла по узкой, извилистой тропинкѣ, ведущей къ скамейкѣ у ручейка. На этой скамейкѣ сидѣлъ уже Николай; она еще не могла видѣть его, но знала, что онъ тамъ.

Она шла быстро и легко, опустивъ глаза; шла безбоязненно. Она испытывала то же чувство, какъ когда пѣла и слушала себя съ наслажденіемъ. „Пою не я, поетъ мой голосъ, которому я не мѣшаю, вольный, таинственный и живой богъ, избравшій меня своимъ храмомъ“ — думала она въ такихъ случаяхъ; и теперь точно также дѣйствовала не она, а что-то вѣщее въ ней, распоряжавшееся ею, толкавшее ее, и было хорошо отдаться во власть этой силы.

Она услышала шорохъ приближающихся шаговъ и подняла глаза.

— Я пришла, Николай, — сказала она просто.

Она была сильнѣе его, потому что поступала инстинктивно, а онъ всю ночь и все утро терзался сомнѣніями, придумывалъ, что бы такое сказать ей, какъ наконецъ разумно установить между ними отношенія; ужасался и радовался тому, что она опять вторглась въ его жизнь, и подыскивалъ объясненія своего ужаса и своей радости. Онъ пришелъ измученный, растерянный. Наканунѣ его роль была проста: спасти ее отъ минутной не-пріятности. Всякій на его мѣстѣ поступилъ бы какъ онъ. Но теперь такъ мирно было все вокругъ, такъ безпредѣльно тихо! Нужны были слова душевные; а онъ ихъ не находилъ въ себѣ, разладъ въ его мысляхъ былъ полный. Онъ не могъ угадать, встрѣтились ли они, чтобы разстаться вновь — или чтобы слить навсегда свой жизни; онъ спрашивалъ себя, знаетъ ли это она. Воля его ослабѣла.

— Хотите—сидемъ тутъ на скамейку; или хотите—пройдемся?—спросилъ онъ.

— Дай посмотрѣть на тебя,—тихо сказала Кира.— Не сердись, что я говорю тебѣ „ты“, иначе я запутаюсь, буду неискренна. Я боюсь, такъ боюсь быть неискренной. Дай посмотрѣть на тебя. Ты похудѣлъ, поблѣднѣлъ. Заработался, что-ли?

Она разглядывала его, какъ мать послѣ долгой разлуки, замѣтившая съ удивленіемъ, что сынъ ея измѣнился.

— Совсѣмъ ты сталъ новый... Статью написалъ, о которой всѣ заговорили...

— Ну всѣ, это преувеличенно,—сказалъ онъ и разсмѣялся. Она вся просіяла.

— Ты хорошо смѣешься, какъ раньше. Ты рѣдко смѣялся, но всегда отъ души и увлекалъ своимъ смѣхомъ другихъ. Ты теперь еще рѣже смѣешься?

— Кира,—сказалъ онъ,—сидемъ, поговоримъ.

— Какъ поговоримъ? То-есть, я сразу должна заглушить всю свою радость и только разсуждать? Нѣтъ, Николай, страшно! Нѣтъ, помолчимъ вмѣстѣ и дай мнѣ такъ одной поболтать. Я знаю, что говорю безъ смысла, но дай намъ побыть вмѣстѣ, опять понять другъ друга, чутъемъ.

Она сѣла на скамью и опять смотрѣла на Николая глубокимъ, манящимъ взглядомъ, и сама не сознавала того. А онъ стоялъ передъ ней и отдавался тому очарованію, которое отъ нея исходило. Все лицо его было напряженно и губы слегка дергались. На щекахъ выступилъ румянецъ, и большіе ясные глаза горѣли. Онъ за зиму похудѣлъ, и отъ этого выглядывалъ выше. Движенія его стали быстрее. Онъ Кирѣ показался красивѣе того образа, который она сохранила въ своей памяти. Отчетливѣе и рѣзче стали всѣ его черты: черные усики были чернѣе прежняго, губы ярче, все лицо опредѣлилось. Или прежній образъ начиналъ ужъ стираться въ ея душѣ? Или никогда въ ней не запечатлѣлся какъ слѣдуетъ? Онъ правился ей, какъ никогда; ей хотѣлось погладить его по щекѣ, поцѣловать въ глаза.

— Ты выросъ,—проговорила она,—ты навѣрное выросъ!

— Кира,—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ ней,—мнѣ Екатерина Николаевна передала вчера, что вы считаете себя несчастливой. Отчего это?

Кира опустила голову: пришло время страшныхъ словъ. Надо объясняться, а мыслей у нея не было.

— Мнѣ все время было жаль прошлаго,—сказала она тихо.

И приободрилась. Она прочла въ его взглядѣ, что это признаніе глубоко тронуло его. Но онъ боролся съ собой: ему хотѣлось логики и полной ясности.

— Вы сожалѣли о прошломъ? Но вѣдь вы же считали меня помѣхой къ свободѣ.

— Я поняла, что помѣха нужна, — отвѣтила она и положила свою руку на его. И это легкое прикосновеніе смутило его; онъ видѣлъ, что она опять завладѣваетъ имъ.

Пусть. Она вновь стала для него желанная. Какъ онъ тогда сурово, какъ жестоко разстался съ ней! Онъ ненавидѣлъ ее тогда, но забыть прежнюю любовь не сумѣлъ. Встрѣтилъ дѣвушку добрѣе и лучше ея, думалъ, что полюбитъ, но полюбить другую не сумѣлъ. Безтрепетно сидѣлъ съ той часами и слушалъ разумныя рѣчи—а сбивающійся лепетъ Киры дорогъ ему, глубоко, до мозга костей, волнуетъ его.

Сегодня она предлагаетъ ему себя безхитростно и просто; она не лжетъ ему. Но завтра, когда будетъ увѣрена въ немъ, не начнетъ ли лукавить?

Онъ молча смотрѣлъ на нее. Его поразила ея хрупкость. Она раньше не была такъ тонка. Неужели она страдала, болѣла душой, по его винѣ болѣла? Онъ ласково и грустно посмотрѣлъ на нее.

Она признательной улыбкой отвѣтила на его взглядъ и продолжала увѣрениѣ:

— Я поняла, что не оцѣнила тебя, не оцѣнила твоей преданности. Я слишкомъ привыкла къ ней, потеряла ее, и тогда только поняла, что осиротѣла...

Онъ пришелъ на свиданіе съ намѣреніемъ защищаться, если она начнетъ упрекать его. Но она обвиняла только себя.

— Я была слѣпа и легкомысленна, я сама это знаю, истерзала тебя!

— Забудь это.

Она радостно вздрогнула отъ этого перехода на „ты“.

— Нѣтъ, никогда не забуду. Я бы хотѣла загладить.

Они замолчали. Сидѣли такъ неподвижно, что какой-то воробей осмѣлился, прискакалъ по дорожкѣ; вертя головой, сталъ разглядывать желтую ботинку Киры, быстро вкюнулъ что-то въ песокъ у самой ея ноги, спорхнулъ и улетѣлъ.

Николай испугался, что это ничтожное происшествіе отвлечетъ вниманіе Киры, разсѣетъ ее.

— Кира,—спросилъ онъ рѣзко,—что именно побудило тебя порвать со мной? Ты любила другого?

У нея заколотилось сердце. Какъ выгодно для нея поставилъ онъ вопросъ! Она взглянула на него правдивыми глазами.

— Я порвала съ тобой, никого не любя.

Для его мужского самолюбія эти слова оказались чудодѣйствующими. Онъ продолжалъ:

— Было простое желаніе свободы?

Она молча кивнула головой. Ей не хотѣлось напоминать ему, что она замѣтила и съ его стороны охлажденіе къ ней. Теперь онъ ей снова показался жестокимъ. Къ чему такъ тянуть, копаться въ ея душѣ! Они теперь вѣдь знаютъ оба, чѣмъ все кончится.

— Еслибъ я снова сталъ просить тебя быть моей женой, какъ бы ты отнеслась къ этому? — спросилъ онъ, запинаясь. — Ты теперь уже готовая артистка, навѣрное будешь знаменита; ты должна служить своему таланту и дорожить имъ. А я все тотъ же, невзрачный, неизвѣстный, въ свѣтѣ я роли играть не могу; наконецъ у меня есть взгляды, которыхъ я не долженъ измѣнять и которые многимъ не нравятся, тебѣ же...

Онъ самъ испугался своему перечисленію и добавилъ упавшимъ голосомъ:

— Гожусь ли я для тебя?

— Да, — отвѣтила Кира.

— Ты думаешь, что будешь счастлива со мной?

— Я этого не знаю, но я думаю, что ты предназначенъ мнѣ.

Онъ не рѣшился заговорить и молча пожалъ ей руку.

Кира продолжала:

— И тогда свадьбу скоро. Пусть знаютъ всѣ, что я твоя.

— О, да! — отвѣтилъ онъ со вздохомъ облегченія. — Пусть знаютъ. Одного только я не могъ бы стерпѣть: возстановленія прежнихъ отношеній, разлукъ, неувѣренности. Да, надо свадьбу скорѣй!

„Конечно!“ — подумала Кира, и удивилась, что не испытываетъ радости, и только страшно устала. Пришла къ намѣченной цѣли и силъ больше не осталось. А что-то еще надо сдѣлать.

Она тряхнула головой и встала.

— Я поведу тебя къ мамѣ, и мы скажемъ ей, что этихъ трехъ мѣсяцевъ не было, а былъ тяжелый сонъ. Нѣтъ, не вѣрно: прошлое было, тяжелое, но мудрое, научившее насъ многому, многому... Нѣтъ, опять не то! Мы ничего не скажемъ, мы просто придемъ, держа другъ друга за руку.

Она инстинктивно избѣгала говорить про Екатерину Нико-

лаевну; ей казалось, что этимъ умалчиваніемъ она обезпечиваетъ себя, какъ талисманомъ, отъ щекотливаго вопроса со стороны Николая. Вернейль въ ея глазахъ вдругъ сталъ старымъ другомъ, отечески ее любившимъ; но всетаки о немъ еще не надо было говорить.

Она догадывалась, что Николай, въ періодъ охлажденія къ ней, увлекся Екатериной Николаевной, и думала, что встрѣтилъ отпоръ или долгую отсрочку. И это предположеніе немного роняло его въ ея глазахъ. А можетъ быть Николай и та гордая дѣвушка совсѣмъ особенно любили другъ друга, безплотной любовью? Николай скажетъ ей это шопотомъ въ такую минуту, когда такъ хочется всю душу свою раскрыть. Спрашивать было опасно.

— Идемъ, идемъ! мнѣ нельзя много говорить на воздухѣ. Я завтра пою; я спою хорошо, потому что буду думать только о тебѣ, и о томъ, что люблю тебя. Буду пѣть для тебя одного, а зачарую всѣхъ, заставлю всѣхъ завидовать тебѣ.

Она чуть что не бѣжала по дорожкѣ. А Николай быстро шагаль рядомъ съ ней и опять проникся заботой о ней.

Какъ! ей вредно говорить на воздухѣ, а она только теперь вспомнила объ этомъ, и завтра ея концертъ! Какой? гдѣ? Онъ забрасывалъ ее вопросами и тотчасъ же просилъ ее не отвѣчать. Кира хохотала.

„На днѣ морскомъ его нашла бы,—думала она,—милый, молодой, дорогой, глупый, намѣченный! Хотѣлъ убѣжать, не сумѣлъ“!

Изъ Avenue des Acacias дѣти съ гувернантками и няньками возвращались домой. Малютки дремали въ колясочкахъ, и везшія ихъ англичанки-бонны, въ длинныхъ синихъ плащахъ на строгихъ бѣлыхъ платьяхъ, тихо перекидывались между собой словами. Грузно шла негритянка, довольная собой, и пестрымъ уборомъ, и тѣмъ, что на нее смотрѣли. Быстро топали ножками проголодавшіяся дѣти, мечтавшія о вкусномъ *gouté*.

Среди нихъ, путаясь въ обручахъ, которыми плохо управляли усталыя ручки, задѣвая лопатки и маленькія раскрашенныя ведра для песку, — неизмѣнныя игрушки французской дѣтвора, — сливаясь съ беспорядочной и милой, невольно задерживавшей ихъ толпой, шла Кира съ Николаемъ, и хорошо становилось обоимъ на душѣ.

У Портъ-Мальо онъ подозвалъ извозчика.

— Можно закрытую карету?—спросилъ онъ Киру.

Она чуть было не отказала, такъ какъ боялась духоты, но

спохватилась и, смѣясь, вскочила въ старый неуклюжій рыдванъ, случайный мародеръ, какихъ мало оставалось въ Парижѣ.

Николай обнялъ ее сильной рукой, и оба откинулись какъ можно глубже въ карету, чтобы прохожіе не видѣли, какъ они цѣловались.

— Никому не отдамъ!—говорилъ Николай.

— Только не отдавай!—отвѣчала Кира.

Дребезжащій экипажъ заглушалъ ихъ слова, и шумъ улицы врывался въ щели, но они что-то кричали другъ другу, громко смѣялись, опять прятались въ глубь кареты и долго цѣловались.

И наконецъ доѣхали.

— Никогда такой допотопной колымаги не видѣла, — сказала Кира, соскочивъ на тротуаръ.

Николай вздохнулъ.

— Чудная, чудная карета! Ужасно жаль разстаться съ ней!

Они взбѣжали наверхъ, и Кира открыла дверь квартиры своимъ ключомъ.

— Мама, мама!—крикнула она—иди скорѣй!

Ольга Андреевна сидѣла въ гостиной за своимъ письменнымъ столикомъ и съ нѣкоторымъ страхомъ писала французскую записку: отвѣтъ баронессѣ де-Беккари на приглашеніе. Она вскочила и, увидѣвъ на порогѣ Киру съ Николаемъ, слегка поблѣднѣла отъ изумленія. Лицо Киры было радостное, а у Николая смущенное. Ольга Андреевна тряхнула головой, тѣмъ беззаботнымъ, красивымъ жестомъ, который отъ нея унаслѣдовала Кира.

— Разстались, мучились,—встрѣтились, помирились! И дѣло съ концомъ. Пора.

Она еще не совсѣмъ вѣрила, что все хорошо, и продолжала, чтобы скрыть свое волненіе:

— Ты, Кира, позвала меня такимъ страннымъ голосомъ! Совсѣмъ какъ когда ты была маленькой. Застранешь въ темной комнатѣ и кричишь. Я и не помню, что подумала. Кажется, я вообразила, что ты ушиблась, и бросилась спасать тебя! А ты, я вижу, подъ охраной. Николай, голубчикъ, все, значить, по старому?

— Заказывай подвѣчное платье!—сказала ей Кира.

— Развѣ нельзя купить готовое?—спросилъ Николай.

Ольга Андреевна расхохоталась.

— Ну, я вижу, проволоочки никто не желаетъ, но вспомните, что теперь еще великій постъ и раньше, какъ черезъ три недѣли, вѣнчаться невозможно. И гдѣ сыграемъ свадьбу, въ Па-

рижѣ или въ Россіи? Гдѣ будете жить? Все это надо обдумать, все надо разсмотрѣть...

— Нельзя сегодня вести такіе разговоры, я не могу, — сказала Кира. — Завтра, послѣ концерта. На сегодня довольно. Завтра покончу, поклонюсь Парижу...

Ольга Андреевна обняла ее.

— Ты ерунду говоришь, и на тебѣ лица нѣтъ. Пойди отдохни. Николай, уговори ее.

Она дѣйствительно была очень блѣдна.

— Да, я сейчасъ пойду, только вотъ что рѣшимъ. Николаю необходимо завтра быть на концертѣ. У тебя были приглашенныя карточки для раздачи своимъ знакомымъ. Ты всѣ ихъ раздала?

— Экштейнъ не поѣдетъ, у него умерла какая-то родственница.

Кира быстро сообразила:

— Вотъ что! Ты билетъ Экштейна дай Николаю. И пускай онъ пріѣдетъ одинъ, послѣ насъ. Тамъ будетъ такая давка, такая масса людей мало знакомыхъ и даже совсѣмъ незнакомыхъ хозяевамъ, что на него не обратятъ вниманія. А ты представишь его потомъ, когда я спою и буду имѣть успѣхъ. Представишь какъ моего жениха. Согласна? А до моего выхода, чтобы о насъ съ нимъ не шептались!

Николай и Ольга Андреевна согласились. Они видѣли, что Кира взволнована, и боялись ее раздражать.

— И завтра не приходи, — продолжала Кира, — весь день не заходи! Увидимся тамъ, когда все будетъ кончено. А теперь до свиданія, милый, дорогой, до завтра!

Ольга Андреевна вышла съ Кирой, уложила ее на кушетку, задернула шторы.

— Ахъ, да! тебѣ письмо, отъ Вернейля, кажется. Хочешь, я тебѣ прочту?

— Нѣтъ, я сама, потомъ, — отвѣтила Кира.

Какъ только Ольга Андреевна вышла, Кира зажгла электричество:

„Берегите себя, не уставайте. Не посѣщайте далеко живущихъ русскихъ барышень. Спокойно готовьтесь къ завтрашнему выступленію. Успѣхъ обезпеченъ, всѣми заручился... Вашъ поклонникъ Вернейль.

„P. S. Главное, не волнуйтесь и помните, какъ васъ любятъ“. Кира улыбнулась наивной осторожности послѣдней фразы. „Добрый онъ! — подумала она. — Не буду волноваться, чтобы не

испортить ему концерта, чтобы не пропали даромъ его хлопоты. Только бы какъ-нибудь прожить завтрашній день, а потомъ все будетъ ясно и просто“.

Раскрытое письмо упало на полъ, но ей лѣнь было поднять его.

Когда Ольга Андреевна на ципочкахъ зашла къ ней и тихо, въ темнотѣ, сѣла на стулъ, Кира притворилась, что спитъ. Успокаивающе дѣйствовало на нее присутствіе матери, этой ни разу въ жизни не плакавшей и все-же чуткой женщины. Кира чувствовала, что мать не поддастся обману, не вѣрить въ ея притворный сонъ, но было пріятно, что она близко и молчитъ. Въ каминѣ красные уголья пылали и по нимъ, содрогаясь, быстро бѣгало короткое, неугомонное синее пламя. Кира сквозь вѣки смотрѣла на него. Внезапно пламя вспыхнуло огненнымъ хризантемомъ и опять успокоилось, улеглось, уменьшилось. Суетливо забѣгали вокругъ маленькой черной кучки синіе язычки.

Сгорѣло письмо Вернейля, которое Ольга Андреевна тихо подняла, смяла въ комокъ и бросила въ огонь.

XII.

Изъ маленькой гостиной въ стилѣ Людовика XV, отданной на этотъ вечеръ въ распоряженіе артистовъ, Кира смотрѣла на публику въ залѣ. Самой Киры изъ залы не было видно, ее скрывала эстрада, убранная пальмами и кустами олеандровъ и миртовъ; но сквозь тонкія вѣтки она легко могла наблюдать за тѣмъ, что происходило. Общій видъ собранія былъ роскошный и радостный. Въ первыхъ рядахъ г-жа Вернейль размѣстила молодыхъ барышень; сидѣли прелестно одѣтыя и скромно декольтированныя, съ едва-едва подерашенными, а иногда наивно-смѣло нарумяненными лицами, разныя Мари-Луизы, Сибиллы и Жермены, которыхъ Кира встрѣчала въ сопровожденіи матерей на картинныхъ выставкахъ и въ *Comédie Française*. Пышные волосы ихъ были украшены ленточками и совсѣмъ маленькими цвѣтами; на шеѣ тихо блестѣли легкія цѣпочки съ маленькими висюльками. Между полной блондинкой съ красноватой шеей и брюнеткой итальянскаго типа сидѣла Настя, тонкая, нѣжная, съ бѣлой сиренью въ волосахъ. За барышнями были совсѣмъ молоденькія дамы, отличавшіяся отъ барышень роскошью украшеній, томной смѣлостью и самоувѣренностью и болѣе откровеннымъ вырѣзомъ лифа. Въ волосахъ у одной лежала вѣтка

gui самой тонкой ювелирной работы: крупный жемчугъ изображалъ ягоды, а прозрачная эмаль—листья. Въ волосахъ другихъ сверкали болѣе банальныя золотыя обручи, брилліантовыя звѣзды и эгретки. Очень молоденькихъ дамъ, только-что вышедшихъ замужъ и вызывающихъ умиленное любопытство, было немного, всего одинъ рядъ, и то довольно смѣшанный; затѣмъ шли дамы вообще. Тутъ Кира съ ужасомъ увидѣла худую, какъ сама смерть, съ трясущейся головой, въ огромномъ бѣлокуромъ парикѣ, усыпанномъ брилліантовыми звѣздами, съ обнаженными костлявыми плечами, восьмидесятилѣтнюю герцогиню Жансире, и рядомъ съ ней—почти столь же знатную, немногимъ ея моложе, толстую какъ гиппопотамъ, маркизу де Кервильи. Ихъ присутствіе придавало собранію аристократическую санкцію. Въ томъ же ряду сидѣла Ольга Андреевна, въ голубомъ платьѣ изъ гибкаго атласа. Она была очень красива и не выказывала никакихъ признаковъ волненія; ничто въ ней не обличало мать дебютанки. Около нея, у прохода, приткнулась хозяйка дома, вся въ ирландскихъ кружевахъ. Разсѣвшаяся толпа дамъ занимала почти всю залу. Мужчины стояли шпалерами вдоль стѣнъ и группами во всѣхъ дверяхъ. Только самымъ важнымъ и пожилымъ достались мѣста на диванчикахъ у оконъ; въ удобныхъ креслахъ размѣстились директоръ оперы Мессаже, капельмейстеръ Вильяръ, Шалье, музыкальные критики большихъ газетъ и еще нѣсколько вліятельныхъ лицъ. Все было разсчитано очень умно, устроено съ тактомъ и со вкусомъ. Благовоспитанная толпа чувствовала себя прекрасно. Въ одобреніи публики сомнѣнія не могло быть; успѣхъ вечера зависѣлъ отъ качества и оттѣнковъ этого одобренія.

Декламировала какіе-то стихи актриса изъ Comédie Française, тоненькая, въ розовомъ платьѣ; декламировала съ завываніемъ и захлебываніемъ, соблюдая всѣ классическія традиціи. Она стояла спиной къ Кирѣ, и жесты ея, покачиванія бедръ, приподниманіе на ципочки казались Кирѣ смѣшными и ложными. Но сидѣвшая въ публикѣ „божественная“ Бартэ, гордость „дома Мольера“, ласково улыбалась молодой актрисѣ и казалась въ восхищеніи.

Когда монологъ кончился и всѣ захопали, г-жа Вернейль подбѣжала къ молодой актрисѣ и подвела ее къ Бартэ, поднявшейся съ мѣста.

— Наша божественная Бартэ очень довольна вами, моя дѣвочка,—сказала г-жа Вернейль и, поймавъ взглядъ герцогини Жансире, покинула артистокъ, быстро устроивъ около нихъ подходящую группу, и бросилась объяснять герцогинѣ, какъ мате-

рински трогательно обращается Бартэ—эта столь же безукоризненная свѣтская женщина, какъ и безподобная артистка, — съ молодыми, талантливыми дебютантками. Этотъ номеръ, не поставленный въ программѣ, имѣлъ большой успѣхъ.

За спиной Кирѣ прокрался Вернейль и, улыбаясь, смотрѣлъ въ заль.

— У этой женщины большія достоинства, — сказалъ онъ свою обычную фразу про жену, — умѣетъ принимать, прекрасно нюансируетъ....

Кира въ всколыхнувшейся толпѣ искала Николая и замѣтила его у дверей передней. На немъ хорошо сидѣлъ фракъ, онъ разговаривалъ съ какимъ-то высокимъ, худощавымъ французомъ и улыбался. „Ничего, не растерялся среди незнакомой толпы, — подумала она, — весель и миль“.

— Да, ваша жена—отличная хозяйка, и какъ она сегодня красива! — отвѣтила Кира Вернейлю.

— Вотъ она подаетъ знакъ, чтобы опять усаживались и молчали. Очередь за Таммеромъ.

Кира прижалась къ двери, а Вернейль отправился вглубь гостиной.

— Ну, дорогой Таммеръ, — сказалъ онъ, — васъ съ нетерпѣніемъ ждутъ, позвольте мнѣ возвѣстить публикѣ, что вы ей сыграете.

— А я черезъ столовую проберусь въ залу, я люблю видѣть исполнителей, — сказала Роза Сильверъ. — Заодно переговорю съ Ланто, онъ вѣдь здѣсь?

— Здѣсь, — отвѣтилъ Вернейль: — только-что очень оживленно разговаривалъ съ г-жей Жильмеръ.

— Такъ я и знала! Пора навести порядокъ, — сказала Роза, и на ея поблекшемъ, но пикантномъ лицѣ появилась хищная улыбка.

Когда она вышла, Вернейль добродушно разсмѣялся.

— Она, говорятъ, бьетъ его, — сообщилъ онъ. — Все-же онъ съ ней разстаться не можетъ, и самъ тоже бѣшенный.

Помолчалъ и прибавилъ серьезно:

— Но музыкальный критикъ онъ несомнѣнно хорошій...

Онъ взошелъ по ступенькамъ на эстраду.

— Мы сейчасъ будемъ имѣть удовольствіе слышать нѣсколько фантазій г. Альфонса Таммера, въ исполненіи самого автора, — сказалъ онъ съ радостною торжественностью.

Таммеръ выждалъ, чтобы прилично похлопали, и, поклонившись публикѣ, ушелъ за рояль.

Кира и Вернейль остались одни. Она боялась этой минуты и ждала ее съ волненіемъ. Онъ увелъ ее вглубь комнаты.

— Слѣдующій номеръ вашъ, то-есть нашъ тріо, — сказалъ онъ. — Слова Верлена на мою музыку съ аккомпаниментомъ Таммера.

Онъ какъ будто смаковалъ имена.

— Какое будетъ мнѣ наслажденіе васъ слушать, тихо подгравать вамъ! Острое, жгучее наслажденіе.

— Я буду рада его вамъ доставить, — отвѣтила Кира, вскинувъ на него глазами, — я постараюсь каждой нотѣ дать самое полное ея значеніе, сдѣлать такъ, чтобы ничего не прошло незамѣченнымъ, непонятымъ.

— О, этотъ взглядъ восточной рабыни! — началъ декламировать Вернейль.

Онъ боялся ее слишкомъ взволновать передъ пѣніемъ, но не удержался: онъ взялъ ея обѣ руки и сталъ жать ихъ.

— Кира, ты будешь пѣть для меня?

— Я буду пѣть, какъ могу лучше, чтобы прелестный вечеръ, устроенный таѣмъ умѣло вашей женой, имѣлъ должный успѣхъ.

Ему не понравился отвѣтъ, и онъ нахмурился.

— При чемъ тутъ моя жена?

Какой-то аккордъ въ игрѣ Таммера поразилъ его; у него глаза покрылись поволокой.

— Хорошо это, чортъ возьми, и ново! При чемъ тутъ моя жена? Кира, то, что между нами было, составляетъ гордость, скрытую гордость моей жизни.

— Ничего между нами не было, — отвѣтила Кира.

Онъ самодовольно улыбнулся подъ толстыми усами.

— Неужели? А я кое-что вспоминаю съ большимъ наслажденіемъ. Но если объ этомъ удобнѣе временно забыть, то... къ вашимъ услугамъ. Приводите себя въ то настроеніе, которое вамъ кажется наиболѣе выгоднымъ. Голосъ въ порядѣ? Таммеръ начинаетъ вторую фантазію. Скоро вамъ. Хотите черного кофе?

— Дайте! — сказала Кира.

На столикѣ было приготовлено кофе и коньякъ. Онъ передалъ ей чашку.

Она взяла недрогнувшей рукой.

— Молодецъ! Никакого „trac“!

Она залпомъ выпила крѣпкій кофе и отдала ему чашку.

— Устройте таѣмъ, чтобы я могла пять минутъ послѣ пѣнія поговорить съ вами.

— Что вы желаете мне сообщить? — спросил онъ съ нѣкоторой тревогой. — А то гласъ будетъ у меня, несмотря на всю мою опытность.

— Я сообщу вамъ добрую вѣсть, — отвѣтила Кира.

Таммера привѣтствовала публика. Вернейль указалъ на свою скрипку, лежавшую въ открытомъ ящикѣ на столѣ.

— Я хочу принять ее сегодня изъ вашихъ рукъ.

Кира нѣжно вынула скрипку и, поцѣловавъ ее такъ, что струны чуть слышно застонали, подала ее ему.

— О, моя волшебница! — шепнулъ онъ съ искреннимъ восторгомъ. — Я никогда этого не забуду.

Но ни одной минуты нельзя было терять. Таммеръ стоялъ уже въ дверяхъ.

Вернейль, не разставаясь со скрипкой, крѣпко пожалъ ему руку и поблагодарилъ его, затѣмъ взбѣжалъ на эстраду, положилъ скрипку на заранѣе приготовленный столикъ, открылъ на роялѣ и на пюпитрѣ ноты для Таммера и для себя, вернулся за Кирой и, улыбаясь, повелъ ее.

— Я осмѣлюсь представить на вашъ судъ мои романсы на слова Верлена, — сказалъ онъ публикѣ, съ разсчитаннымъ на эффектъ волненіемъ. — Пѣть любезно согласилась мадемуазель Кира де-Варсюковъ, о которой вы всѣ уже много слышали, хотя выступаетъ она въ первый разъ. На роялѣ будетъ играть мой другъ Таммеръ.

Таммеръ поклонился. Кира присѣла. Она чувствовала, что всѣ взгляды обращены на нее, и полюбила эту нарядную, доброжелательную толпу.

Таммеръ началъ легкими, отрывистыми аккордами, Вернейль подхватилъ высокими мечтающими звуками, и, выждавъ нѣсколько тактовъ, Кира запѣла звенящимъ какъ хрусталь голосомъ:

„Votre âme est un paysage choisi“...

Ей помогала публика своимъ ожиданіемъ красоты. Публика услужливо перенесла ее въ міръ фантазій, гдѣ всякое сравненіе допустимо, лишь бы оно было прекрасно. И Кира повѣствовала, открывала мечту поэта изящнымъ накрашеннымъ дамамъ и улыбающимся кавалерамъ: душа — роскошный садъ, въ которомъ мелькаютъ и играютъ мысли, ряженныя, мелодичныя, танцующія и слегка грустныя, какъ исчезнувшія фантастическія красавицы подъ пудрою и фижмами, которымъ плакать было недосугъ; за нихъ плачутъ вдали скрытые большіе фонтаны.

Исполненіе было такъ артистично, что вызвало вздохъ вос-

торга и удивленія, оставило въ публикѣ трѣпетъ. Апплодировали какъ-то проникновенно, благодарно, не шумно. Вернейль рѣшилъ использовать настроеніе публики, чтобы тотчасъ поднести ей „діалогъ призраковъ“, болѣе сложный по замыслу. Онъ знакомъ прервалъ апплодисменты.

Опять былъ пейзажъ, но не радостный, а суровый:

„Dans le vieux parc solitaire et glacé
Deux formes ont tout à l'heure passé...“

пѣла Кира. Холодомъ и опустошеніемъ повѣяло, опустошеніемъ чего-то прекраснаго. И между скрипкой и пѣвицей начался загробный споръ подъ тихій аккомпаниментъ рояля.

„— Te souviens-tu de notre extase ancienne?“

Кира замолкала и слушала, что отвѣчалъ ей, голосомъ скрипки, товарищъ-призракъ; и внявъ суровому приговору, переводила его на слова:

„— Pourquoi voulez-vous donc qu'il m'en souviennne?“

Удивительно боролись ея страстныя, за гробъ перелетѣвшія воспоминанія съ холоднымъ, роковымъ отказомъ ея найденнаго товарища отъ всякой памяти о прошломъ.

„Вотъ отчего она рѣшила забыть, что между нами было: чтобы сумѣть передать безжизненное жестокое отрицаніе поэта, — думалъ Вернейль. — Какая она артистка!“

Ни на одной репетиціи она такъ не пѣла, и онъ самъ никогда раньше такъ глубоко не понималъ своего же произведенія. Теперь онъ подчинялся ей, вторилъ ея трепетнымъ безсильнымъ вопросамъ, отвѣчалъ неумолимостью, а рояль изображалъ стонущій вѣтеръ и шелестъ сухой листвы.

„Dans le vieux parc solitaire et glacé,
Deux spectres ont évoqué le passé“.

закончила Кира.

— Bravo! — крикнулъ Шалье.

Вильяръ заволновался.

— Настоящая пѣвица! — сказалъ онъ и сейчасъ же сталъ въ подробностяхъ разбирать съ Мессаже исполненіе.

Г-жа Вернейль, сіяя и улыбаясь, двигалась къ эстрадѣ, по дорогѣ выслушивая похвалы ея мужу, Кирѣ, всему вечеру. Ей, у самой эстрады, кто-то передалъ огромный букетъ, который она, съ любезной, заранѣе приготовленной фразой, поднесла Кирѣ.

Кира нагнулась къ ней, благодарила, улыбаясь, сознавая, что и это надо дѣлать особеннымъ манеромъ, неторопливо, чтобы и г-жа Вернейль успѣла получить дань вниманія и похвалъ, подольше постояла бы на виду.

— Спуститесь къ намъ, идите въ залу, всѣ хотятъ васъ благодарить, васъ видѣть, поговорить съ вами, — сказала г-жа Вернейль.

— Сейчасъ приду, дайте двѣ минуты отдохнуть, и я къ вашимъ услугамъ, — отвѣтила Кира.

— Двѣ минуты, не больше! А то васъ потребуютъ для триумфа, — отвѣтила г-жа Вернейль.

Быль назначенъ перерывъ для чая и угощенія, публика двигалась уже въ столовую.

Кира вернулась въ гостиную Луи XV, и за ней Вернейль.

Онъ взялъ ее за плечи и посмотрѣлъ на нее почти угрожающе. Онъ слегка дрожалъ.

— Не покидай меня никогда! Слышишь? Я безъ тебя жить не могу!

— Вотъ этого я и боялась! — тихо отвѣтила Кира. — Плохая была бы награда за вашу любезность ко мнѣ, если бы я расторгла ваше семейное счастье.

— Не говори вздора, никакого семейнаго счастья нѣтъ! — глухо отвѣтилъ Вернейль.

Но Кира замѣтила, что онъ поглядывалъ на дверь, изъ страха, что ихъ могутъ настичь.

— И неправильно было бы по отношенію ко мнѣ самой довольствоваться ничтожной, побочной ролью! Я достойна занять первое мѣсто въ жизни человѣка.

— Кто же это отрицаетъ? — отвѣтилъ Вернейль, оторопѣвъ. — Но...

— Я разрѣшила вопросъ, — сказала Кира: — я выхожу замужъ за человѣка, который любитъ меня. Онъ здѣсь, я вамъ его сейчасъ покажу.

Лицо Вернейля вдругъ посѣрѣло.

— Французъ?

— Русский, тотъ, про котораго я вамъ говорила.

— Музыкантъ? Пѣвецъ? Композиторъ?

— Ничего въ музыкѣ не смыслить! — отвѣтила Кира.

Онъ вздохнулъ, и у него видимо отлегло отъ сердца. На его лицѣ изобразилось умиленіе, борющееся съ другими волнующими его чувствами.

— Тотъ давнишній...

Онъ началъ задумчиво причитывать въ полголоса:

— Она его не забыла, вернулась къ нему; прошла въ моей жизни какъ дивное сновидѣніе и ничего не нарушила! Это было нѣжнѣе прикосновенія цвѣтка.

— Ну, хоть такъ, — отвѣтила Кира. — Да, я ничего не испортила, а за сегодняшнее спасибо, и... вообще спасибо! Худого мы другъ другу не сдѣлали; изъ-за насъ никто не страдалъ...

Онъ поднималъ на нее взглядъ, исполненный глубокой нѣжности, и махнулъ рукой. Грусть его была искренняя, но онъ уже очнулся, уже примирился съ дѣйствительностью, и былъ благодаренъ судьбѣ, что жизнь его осталась на прежнихъ прочныхъ рельсахъ. Все же только-что перенесенное потрясеніе было сильное. Лицо его еще дергалось, голосъ дрожалъ.

— Вы знаете, что я былъ готовъ для васъ на все? — спросилъ онъ, обрадованный, что возможность безумія миновала.

— Знаю, — солгала Кира.

— И сохраните обо мнѣ хорошее воспоминаніе?

— Очень хорошее.

Онъ взглянулъ на дверь, убѣдился, что никого нѣтъ, и быстро поцѣловалъ ее въ губы.

— Въ послѣдній разъ? — спросилъ онъ, выпрямившись.

Кира не отвѣтила и сдвинула брови.

— Пойдемъ къ нимъ, вѣдь ждутъ, — сказала она внезапно упавшимъ голосомъ.

— Дайте собраться съ мыслями, оправиться.

Онъ съ минуту постоялъ, закрывъ глаза рукой.

— Я оцѣнилъ васъ сразу, а пойму ли когда-нибудь, не знаю... — сказалъ онъ, и бережно, почтительно повелъ въ столовую.

— Вотъ она, вотъ она! — вскрикнула баронесса Беккари. — И уже невѣста, первый триумфъ невѣстой! Но неужели вы покинете Парижъ? вернетесь въ вашу ужасную страну отчаянія, самоубійствъ, бомбъ, холеры, гдѣ, вдобавокъ, зимой слишкомъ холодно, а лѣтомъ слишкомъ жарко! Нельзя этого допустить. Мы васъ удержимъ, не пустимъ. Не правда ли, мосье Вернейль? Мосье Сиверсовъ, вы не будете такъ жестоки, вы поселитесь здѣсь?

Баронесса схватила Николая за рукавъ, будто онъ собирался убѣжать.

— Мы сдѣлаемъ то, что вы прикажете, баронесса, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

— Да онъ премилый, премилый! — продолжала баронесса.

Ольга Андреевна, смѣясь, высвободила Киру.

— Мосье Вильяръ желаетъ поговорить съ тобой.

Знаменитый капельмейстеръ приглашалъ ее на серію концертовъ, на будущій годъ.

Кира замѣтила Шалье.

— Учитель, вамъ должны быть возданы похвалы, а не мнѣ! — сказала она.

И всѣ нашли чрезвычайно милой и трогательной благодарностью молодой пѣвицы маститому учителю.

— Замужъ выходить, ой, это не хорошо! — ворчалъ старикъ. — Ужасно связываетъ. Вотъ вы не сразу отвѣчаете Вильяру, а вѣдь лучшаго предложенія и ждать было нельзя.

Кира смотрѣла на счастливое лицо Николая.

Вильяръ улыбнулся.

— Ну, я вижу, вамъ надо дать время посовѣтоваться вмѣстѣ. Знайте только, что я своего предложенія назадъ не беру, — сказалъ онъ нѣсколько высокомерно.

— Она согласится, она согласится, — вмѣшался Вернейль, уловившій тѣнь досады на лицѣ Вильяра.

— Я надѣюсь, — сказалъ Николай.

Теперь предметомъ овацій публики сдѣлался самъ Вернейль. Онъ, въ качествѣ хозяина, рассыпался, передавалъ тарелочки съ мороженой дыней, съ земляникой, на каждую женщину смотрѣлъ такими глазами, будто онъ въ нее страстно влюбленъ, и герцогинѣ Жансирѣ сказалъ такой комплиментъ, что не вспомни Кира его любимаго афоризма, будто похвала никогда не кажется преувеличенной тому, кто получаетъ ее — она бы расхохоталась. Онъ былъ необычайно веселъ, но для Кире было замѣтно, въ глубинѣ его глазъ, выраженіе боли и страданія, въ тѣ рѣдкія минуты, когда онъ замолкалъ.

Николай съ большимъ мужествомъ исполнялъ немного смѣшную роль жениха; но и онъ былъ озабоченъ.

— Невозможно тебя лишать этой публики! — сказалъ онъ Кирѣ.

— Покорю другую, когда захочу, — отвѣтила Кира, храбрясь.

— Конечно, — согласился онъ просто.

Въ углу, около средневѣковой деревянной статуи, Роза Сильверъ оживленно бесѣдовала съ Ланто; ясно было, что она никому его не уступить. Слѣдующее отдѣленіе начиналось съ нея, и она была недовольна слишкомъ большимъ успѣхомъ Кире.

— Программа дурно составлена, — говорила она полушопотомъ Ланто. — Чужестранку надо было пустить на самый конецъ: вѣдь извѣстно, что Парижъ помѣшался на экзотизмѣ.

— Она еще разъ проставлена въ концѣ, — поддразнивая ее, отвѣтилъ Ланто.

Бартэ съ покровительствуемой ею молодой актрисой уѣхала, обставивъ очень граціозно свое исчезновеніе и заставивъ публику еще разъ заняться ею.

У окна стояла Настя, разговаривая безо всякаго оживленія съ какимъ-то юношей. Кира за весь день почти не говорила съ ней и теперь подошла.

— Какъ ты можешь такъ пошло жить, когда чувствуешь такъ глубоко? — спросила ее Настя.

— Ты опять поддалась обману моего пѣнія! — весело отвѣтила Кира. — Ужъ въ который разъ...

Она видѣла, что вновь покорила сестру, и это радовало и волновало ее.

— Милая, строгая, — шепнула она, — требующая отъ людей большаго, чѣмъ они могутъ дать.

Молодой человѣкъ сталъ восхищаться музыкальностью русской рѣчи.

— Не споете ли вы что-нибудь по-русски? — упрасивалъ онъ Киру, какъ будто по его просьбѣ могла быть измѣнена программа.

Но Кира заранѣе рѣшила, что пѣть по-русски отнюдь не будетъ. Она хотѣла имѣть успѣхъ за настоящее мастерство, а не взять его кажущейся странностью исполненія и мелодій.

Перерывъ кончился, публика опять заполнила большую гостиную emprise, заняла прежнія мѣста, расположившись немного вольнѣе прежняго; нѣкоторыя дамы пересѣли въ задніе ряды, чтобы не прекращать начатаго флирта, впередъ попали двѣ-три некрасивыя и незнатныя гостьи, которыхъ г-жа Вернейль вначалѣ умудрилась спрятать. Но въ общемъ все шло превосходно. Роза Сильверъ, пѣвшая бесплатно, для рекламы, и спѣвшая хорошо, получила должныя похвалы. Соло Вернейля закончилось бурей аплодисментовъ. Исполненіе Кирой аріи Лакмэ вызвало энтузіазмъ. Но сама Кира, пропѣвъ ее, замѣтно устала и поблѣднѣла; накопленныя для вечера силы покидали ее. Публика подъ конецъ начинала раздражать ее. Цвѣты и лица дамъ поблекли, прически немного разстроились, вѣера двигались чаще и шумнѣе. Только напрягши все свое умѣнье, призвавъ на помощь всю свою волю, Кирѣ удалось опять приковать къ себѣ усталое вниманіе пресыщенныхъ музыкой и роскошью людей, зажечь въ нихъ вновь необходимую ей искру восторга.

„Какъ нужно ухаживать за публикой! — думала она, спускаясь

съ эстрады.—И это еще избранная, бесплатная, и потому болѣе любезная. Пой имъ за деньги и не удовлетвори ихъ хоть пустякомъ—съ презрѣніемъ отвернутся отъ тебя, забудутъ все, что ты до того дала имъ дивно-прекраснаго“.

Въ маленькой гостиной ждали ее уже не Вернейль, а Ольга Андреевна съ Николаемъ и Настей; пробрались и другіе близкіе знакомые Вернейлей и друзья исполнителей.

Кира торопилась уѣхать, отблагодаривъ обоихъ Вернейлей горячо, какъ этого требовало приличіе и общій тонъ вечера; она любезно отвѣчала на комплименты, на пожеланія счастья и толкала мать къ выходу. Ей особенно хотѣлось избѣжать ласковаго попеченія о ней г-жи Вернейль, весьма разумно предлагавшей ей подкрѣпиться чашкой бульона. Она отказывалась, почти съ трудомъ скрывая свое нетерпѣніе; ей пришлось еще подождать, пока принесли оставленную внизу накидку, и дать себя заботливо закутать. Она ужасно обрадовалась, когда очутилась на лѣстницѣ. Но на лѣстницѣ и при разѣздѣ продолжался еще свѣтскій вечеръ. Проходя мимо двери банкира Бирнбаума, многія дамы отворачивались, боясь испортить себѣ на ночь настроеніе; другія, любительницы контрастовъ и чувствительности, шептали общія мѣста по поводу недавнихъ похоронъ и только что окончившагося прелестнаго вечера.

Ольга Андреевна сѣла въ карету съ Настей и предоставила жениху и невѣстѣ ѣхать вмѣстѣ. Какъ только дверца захлопнулась, Николай крѣпко обнялъ Киру.

— Ты будешь жалѣть о нихъ, Кира. Они стали тебѣ необходимы, — сказалъ онъ, намекая на французовъ. — Придется намъ здѣсь поселиться.

— Никогда, слышишь, никогда! Буду жалѣть—пріѣду, попою, посентиментальничаю; услышу дѣльныя рѣчи и слащавыя рѣчи. Но жить съ ними не могу! Нѣтъ, уѣду домой, въ страну холеры и голода, въ страну болотъ, гдѣ каждый шагъ представляетъ изъ себя неимовѣрное усиліе, въ страну, гдѣ не знаешь куда идешь, гдѣ всѣ врутъ и изъ этого что-то выходитъ иногда очень хорошее. Между французами и нами не китайская стѣна, а вѣчто гораздо худшее: огромная стѣна изъ стекла. Кажется, что все ясно, все понятно, а поди-ка попробуй съ разбѣгу къ кому-нибудь приблизиться: какъ разобьешься! И имъ также, если съ той стороны по наивности къ намъ побѣгутъ, тоже больно, пре-больно!

Николай улыбулся въ темнотѣ.

— Ну, ты, кажется, кромѣ хорошаго отъ нихъ ничего не получила.

— Меня Богъ спасъ! Французы говорятъ, что для пьяницъ есть особое провидѣніе, заботящееся о нихъ; для пѣвицъ, должно быть, тоже есть; оно-то и привело меня домой, къ тебѣ, въ Россію.

— Кира! — сказалъ Николай — какъ мнѣ дорога твоя искренность!

Ей показалась похвала совершенно заслуженною.

— Какъ ты думаешь, наши двѣ жизни сольются вмѣстѣ или побѣгутъ только рядомъ? Поймемъ ли мы когда-нибудь другъ друга вполнѣ, такъ чтобы настало полное, спокойное довѣріе?

— Сольются! — увѣренно отвѣтила Кира. — Только бы никогда ничего другъ отъ друга не скрывать.

Ей показалось въ темнотѣ, что онъ смутился.

— Не въ словахъ дѣло, все чутьемъ поймемъ, — сказала она быстро. — Все угадаемъ и простимъ, потому что, хоть и не безошибочные мы, не точные, расчетливые, практичные, какъ здѣсь на Западѣ, — нѣтъ, мы глупые, безалаберные, но все-таки въ насъ что-то есть, что-то есть...

Дома уже ждали ихъ Ольга Андреевна и Настя.

— Ну, сговорились? Что рѣшили? — спросила Ольга Андреевна.

— Ъдемъ въ Россію! — отвѣтила Кира.

— Ты такъ зря потеряешь результатъ всего полученнаго здѣсь успѣха, не используешь его? Благоразумно ли это?

— Использую непременно, потомъ. Разъ еще спою здѣсь въ пользу нуждающихся студентовъ Екатерины Николаевны, а потомъ домой! Вѣдь тебѣ, Николай, хочется въ Россію?

— Конечно! Я тоже постоянно здѣсь жить не могъ бы, но возвращаться изрѣдка очень бы хотѣлъ. Здѣсь хорошо работается.

Кира стала въ трагическую позу.

— „Ah! n'exilez personne! ah, l'exil est cruel!“ — продекларировала она, удивительно вѣрно схвативъ напыщенную интонацію юной актрисы. И вдругъ у нея глаза наполнились слезами.

— Смѣюсь я надъ ними, а все-таки они добрые, хорошие! И ты, Настя, съ нами на родину?

— Я поѣду въ Англію — объявила Настя. — Отецъ позволяетъ.

— Ахъ ты гордая, непокорная! — сказала Кира. — Все чего-то

у чужихъ ищешь, все тебѣ дома и тѣсно, и грязно. Нерусская какая-то ты, оторванная!

Настя пожала плечами и, не прощаясь, ушла къ себѣ.

А Николай молчалъ.

Не прочтетъ никогда Кира ни одной его статьи, не пойметъ онъ ни одной ея пѣсни, и смущаетъ его ея болтовня, въ которую она кутаетъ, прячетъ свою душу, какъ смущаетъ ее его молчаніе. А все же она его суженая, безконечно дорогая, незамѣнимая. И оттого, что онъ ей уже что-то большое простилъ (что именно, онъ не зналъ), онъ былъ еще крѣпче привязанъ къ ней. И она ему тоже простила его жестокость и прямолинейность, простила наивно и великодушно, и не ждала отъ него совершенства. Онъ былъ радъ ея рѣшенію вернуться; тамъ она станетъ ему яснѣй. Онъ чувствовалъ, что она порывалась быть правдивой, и не могла. Бѣдная, изолгавшаяся, въ силу своего таланта/ изолгавшаяся Кира! Разстаться они не могутъ. Когда-нибудь, черезъ много лѣтъ, имъ обоимъ будетъ хорошо. Въ частной своей жизни, какъ и въ общественной, ему надо было привыкать къ терпѣнію и къ вѣрѣ. Ему казалось, что любовь къ невѣстѣ и любовь къ родинѣ слились у него въ одно горячее, святое чувство.

Ольга Андреевна тихонько потрепала его по плечу.

— Замечтался женихъ! А мы всѣ спать хотимъ, и таксито внизу тикаетъ, не стоитъ. Придется много заплатить. Учись благоразумію, пока еще во Франціи и время есть.

— Ухожу, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь. — Но поздно учиться благоразумію. Мы уже въ Россіи, уже всей душой перенеслись туда. Съ той минуты какъ рѣшили вернуться, отлетѣло отъ насъ все иноземное, и намъ всѣмъ отъ этого легче.

— Вѣрно! — отвѣтила Ольга Андреевна. — Съ завтрашняго дня заказываю одни только русскія блюда.

— Вѣрно! — сказала Кира, и ей померещилось раздолье русской деревни, широкое, безбрежное, ласковое, безъ яркости, безъ эффектныхъ контрастовъ, тихо чарующее.

А Николаю, пока онъ спускался по лѣстницѣ, вспомнились русскія бесѣды, долгія, горячія бесѣды, когда такъ вѣрится въ добро, такъ хочется счастья для всѣхъ, такъ надѣешься на свѣтлое будущее; и глубокой радостью взволновалась его душа.

Иванъ Странникъ.

ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНАГО БЫТА ФРАНЦІИ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ДО РЕВОЛЮЦИИ.

I.

Вскорѣ послѣ закрытія первой Думы мнѣ пришлось присутствовать при бесѣдѣ одного извѣстнаго французскаго политика съ не менѣе извѣстнымъ скандинавскимъ критикомъ.

Увлекаясь аналогіями, одинъ изъ собесѣдниковъ старался объяснить происшедшее въ Россіи сопоставленіемъ съ судьбами революціонной Франціи. Крестьянство—утверждалъ онъ—было такъ же мало подготовлено къ политическому перевороту во Франціи 1789-го года, какъ и въ Россіи 1905-го года. Оно было столь же бѣдно, столь же невѣжественно, столь же обременено налогами и столь же загнано, какъ и въ имперіи царей.

— Но какая возможность проводить параллели между русскими мужиками и французскими „землепашцами“ (laboureurs) эпохи составленія наказовъ и созыва генеральныхъ штатовъ? — возразилъ французскій политикъ. — Они были, разумѣется, мало обеспечены, страдали отъ неравномѣрнаго обложенія и помѣщичьихъ монополій; но это были люди, сознательно относившіеся къ событіямъ, преслѣдовавшіе опредѣленные цѣли, имѣвшіе выработанную программу дѣйствій. Я самъ происхожу изъ крестьянской семьи и помню рассказы отца, завѣщавшаго мнѣ, въ

день отправки его въ Кайенну, служить дѣлу, которому въ равной степени были преданы и онъ, и его предки. За крестьянина средней и сѣверной полосы Франціи, мнѣ ближе извѣстнаго, я готовъ отвѣчать головою: онъ стоялъ въ 1789 г. несравненно выше крестьянскихъ представителей въ первой Думѣ. —

Признаюсь, это заявленіе сильно озадачило меня. Въ теченіе ряда лѣтъ я занимался исторіей крестьянства въ Европѣ вообще и во Франціи въ частности. Я прочелъ, между прочимъ, немало приходскихъ наказовъ, составленныхъ сельскими сходами въ годъ революціи, и не вынесъ изъ нихъ убѣжденія въ томъ, чтобы французскій крестьянинъ конца XVIII вѣка стоялъ много выше русскаго въ началѣ XX вѣка.

Свои заключенія я представилъ много лѣтъ тому назадъ во вступительныхъ главахъ моего сочиненія: „Происхожденіе современной демократіи“. Основная мысль, проводимая въ нихъ по отношенію къ французскому крестьянству, та, что его матеріальное положеніе въ годы, предшествовавшіе перевороту, мало чѣмъ улучшилось противъ времени царствованія Людовика XIV. Токвиль ошибся, признавъ французскаго крестьянина собственникомъ еще при старомъ порядкѣ.

Франціи этого времени извѣстно было одно зависимое владѣніе сельскихъ воздѣлывателей земли, нѣчто подобное вѣчно наслѣдственной арендѣ, связанной, гдѣ — съ несеніемъ барщины, гдѣ — съ платежемъ оброка деньгами или натуральными продуктами. Цензъ, отвѣчающій понятію польскаго чинша, шампаръ — то же, что сдача земли съ части годовыхъ урожаевъ, обыкновенно трети, рѣдко когда половины: таковы были обычныя условія поступленія помѣщичьихъ земель въ руки крестьянъ.

Кромѣ надѣленія его пахатными участками, крестьянинъ допускаемъ былъ къ пользованію, гдѣ сѣнокосами, гдѣ — пастбищами и лѣсными угодьями, часто совпадавшими между собою въ томъ смыслѣ, что помѣщичій лѣсъ служилъ одинаково и для топлива, и для построекъ, и для откорма свиней желудями, и для пастбы рогатаго скота и овецъ на протяженіи тѣхъ многочисленныхъ полянокъ или пустошей, которыми пересѣкались въ немъ древесныя насажденія.

Не всѣ крестьяне владѣли полными и даже частичными надѣлами; многіе имѣли только дворовые участки съ огородами. Они слыли въ этомъ случаѣ уже не „пахарями“ (laboureurs), а батраками (manouvriers).

Если въ сборникахъ земскаго права отдѣльныхъ областей Франціи, въ такъ называемыхъ „Кутюме“ съ XVI и XVII сто-

лѣтій и примѣняется нерѣдко къ крестьянамъ названіе собственниковъ (*propriétaires*), то лишь потому, что въ этихъ источникахъ подъ собственностью разумѣется всякое наслѣдственное пользованіе, хотя бы связанное съ производствомъ тѣхъ или иныхъ службъ и платежей.

Имущественная обеспеченность крестьянъ не только не возросла въ годы, предшествовавшіе революціи, но, наоборотъ, значительно пала. Ближайшей причиной тому было стремленіе помѣщиковъ перейти къ болѣе хозяйственному использованию своихъ земель не въ формѣ неизмѣннаго въ размѣрахъ крестьянскаго оброка, а въ формѣ опредѣляемой обоюднымъ соглашеніемъ арендной платы.

Иногда помѣщики, отбирая у крестьянъ ихъ прежніе на дѣлы и упраздняя ихъ общинныя пользованія въ пустошахъ и лѣсахъ, оставляли въ собственномъ завѣдываніи приобрѣтенную такимъ образомъ земельную площадь и устраивали на ней болѣе интенсивное хозяйство, связанное съ разведеніемъ кормовыхъ растений; иногда, по примѣру англійскихъ лэндъ-лордовъ, они заводили искусственные луга или обращали прежнія пахоты въ пастбища для тонкорунныхъ овецъ. Рекомендованный еще фیزیократомъ Кэне переходъ отъ оброчнаго владѣнія къ фермерству не столько находилъ откликъ въ жизни, сколько отражалъ на себѣ начавшееся ранѣе движеніе въ этомъ направленіи.

Къ сѣверу отъ Луары, какъ отмѣчено было еще знаменитымъ докторомъ Людовика XV, наслѣдственное половничество все болѣе и болѣе уступало мѣсто срочной арендѣ. Интенсификація земледѣлія сказалась съ особенной силою съ тѣхъ поръ, какъ допущенъ былъ свободный вывозъ хлѣба изъ провинціи въ провинцію и за границу.

Съ этого времени образовались даже цѣлыя компаніи для скупки земель въ цѣляхъ болѣе хозяйственной ихъ эксплуатаціи. Участниками въ этихъ компаніяхъ являлись горожане-капиталисты.

Дворянское землевладѣніе стало сокращаться въ своемъ размѣрѣ, но не въ пользу крестьянъ-собственниковъ, а въ пользу — частью городской буржуазіи, частью сельскаго мѣщанства, своего рода кулаковъ, слывшихъ подъ названіемъ *tiers-état rural*.

Члены этого класса вербовались изъ случайно разбогатѣвшихъ крестьянъ, изъ бывшихъ управляющихъ помѣстьями, изъ арендаторовъ, сельскихъ торговцевъ и ремесленниковъ, наконецъ, изъ стряпчихъ (*feudistes*), заработавшихъ нужныя для покупки

суммы составленіемъ записей помѣстныхъ поступленій съ крестьянъ (*censiers*), или отстаиваніемъ интересовъ помѣщиковъ въ ихъ тяжбахъ съ крестьянами.

Враждебность, съ какою приходское населеніе относилось къ этимъ „ябедникамъ“, въ значительной степени объясняется переходомъ въ ихъ руки земель, ранѣе состоявшихъ въ крестьянскомъ пользованіи.

Нѣкоторые изъ моихъ критиковъ считали слишкомъ мрачной представленную мною картину народнаго обѣднѣнія и пытались доказать, что въ годы, предшествовавшіе революціи, земельная собственность уже переходила въ мужицкія руки. Проф. Лучицкій, въ частности, показалъ, на основаніи налоговыхъ списковъ, что въ числѣ плательщиковъ земельныхъ налоговъ нерѣдко встрѣчались и крестьяне. Въ обстоятельно изученномъ имъ Лимузенѣ, одной изъ обѣднѣйшихъ провинцій Франціи, число этихъ крестьянъ-собственниковъ особенно значительно.

Этотъ фактъ скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ вы сказанную мною точку зрѣнія. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ, что крестьяне удерживали въ своихъ рукахъ землю тамъ, гдѣ селско-хозяйственный подъемъ сказывался съ наименьшей силой, гдѣ слабая густота населенія и неблагопріятныя физическія условія служили препятствіемъ для перехода къ интенсивному земледѣлію. Для меня далеко недоказаннымъ является, впрочемъ, утвержденіе, что крестьяне Лимузена пользовались своими землями какъ собственники, а не какъ наслѣдственные сѣмщики, такъ какъ признаніе за ними характера собственниковъ мѣстными обычаями не исключало возможности, какъ я сказалъ выше, платежа ими оброка помѣщикамъ.

О матеріальномъ положеніи сельскаго люда говорятъ жалобы наказовъ на недоѣданіе и недопиваніе крестьянъ, на необходимость для нихъ отказываться отъ употребленія мяса и вина, на ничтожность ихъ годового бюджета, особенно если вычесть изъ дохода сумму помѣстныхъ, государственныхъ и церковныхъ платежей, на усиленіе переселенческаго движенія изъ сель, частью въ города, частью за границу, на развитіе бродяжничества и нищенства, наконецъ—на занятіе женщинъ и дѣтей, какъ подсобными промыслами, пряденіемъ и ткачествомъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ написаны были первыя главы моей книги, или, точнѣе, съ тѣхъ поръ, какъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ напечатаны были мои статьи „о крестьянскомъ хозяйствѣ во Франціи сто лѣтъ назадъ“, прошло почти двадцать лѣтъ. За это время

народилось во Франціи теченіе, благопріятное архивному изученію ея соціальной исторіи съ эпохи французской революціи.

Предпринятое Жоресомъ изданіе „Соціалистической исторіи“ великаго переворота повело къ предложенію тѣмъ же депутатомъ, въ палатѣ, издать на государственный счетъ важнѣйшіе документы, иллюстрирующіе положеніе Франціи въ 1789-мъ и слѣдующихъ годахъ. Предложеніе было принято и къ дѣлу привлечены мѣстные изслѣдователи, обыкновенно стоящіе во главѣ департаментскихъ архивовъ, а также и нѣкоторые молодые профессора-историки, въ томъ числѣ Саньякъ, Сэ, Шарлетти и другіе.

Болѣе двадцати томовъ такого архивнаго матеріала находится въ настоящее время въ распоряженіи тѣхъ, кто желалъ бы, подобно мнѣ, провѣрить правильность ранѣе сдѣланныхъ обобщеній или только выставленныхъ гипотезъ насчетъ экономическаго положенія французскаго крестьянства въ концѣ XVIII столѣтія. Этотъ матеріалъ составленъ частью изъ приходскихъ наказовъ, частью изъ актовъ отчужденія монастырскихъ земель и земель эмигрировавшаго дворянства, частью, наконецъ, изъ юридическихъ актовъ и официальныхъ бумагъ, относящихся къ упраздненію феодальныхъ порядковъ, къ раздѣлу въ собственности общинныхъ земель и угодій.

Мнѣ хотѣлось бы на основаніи этихъ новыхъ и богатѣйшихъ источниковъ провѣрить правильность основныхъ положеній, высказанныхъ мною двадцать лѣтъ тому назадъ. Очевидно, что въ настоящее время, какъ и тогда, дать что-либо исчерпывающее и равно примѣнимое ко всѣмъ частямъ Франціи—невозможно. Меня интересуютъ не мѣстные особенности, а общія условія страны въ годы революціи. Я вполне отдаю себѣ отчетъ въ томъ, что тѣ тысячи наказовъ, которые уже прошли или теперь проходятъ черезъ мои руки, представляютъ только часть того богатаго матеріала, какой содержатъ въ себѣ департаментскіе архивы, университетскія и городскія книгохранилища.

Необходимо раздѣленіе труда между мѣстными изслѣдователями, ставящими себѣ задачей возможно полную картину точно отмежеваннаго ими края—и такъ называемымъ всеобщимъ историкомъ, или, вѣрнѣе, соціологомъ, задача котораго—установить только вѣхи на необъятномъ полѣ, по которому едва намѣченны расходящіеся между собою пути.

Если Токвиль считалъ возможнымъ строить свои положенія на изученіи матеріаловъ, шедшихъ почти исключительно изъ Тюрени, да еще изъ немногихъ провинцій, сохранившихъ свои штаты или заведшихъ у себя со временъ Тюрго и Неккера

новыя представительныя собранія, то нѣтъ основанія отказываться отъ попытки на несравненно большемъ матеріалѣ обосновать общую картину, частные недостатки которой со временемъ будутъ исправлены по работамъ мѣстныхъ историковъ. Безъ обмѣна услугъ между социологами и детальными изслѣдователями немислимъ, на мой взглядъ, поступательный ходъ общественной науки. Первые намѣчаютъ важнѣйшія теченія общественной жизни той или иной эпохи, вторые даютъ недостающую конкретизацію ихъ мыслямъ, утверждая или опровергая послѣднія.

Послѣ этого необходимаго вступленія перехожу къ разбору, на основаніи новаго матеріала, вопроса о томъ, представляютъ ли годы, предшествующіе революціи, поступательный ходъ или, наоборотъ, регрессъ въ сферѣ крестьянскаго землепользованія и имущественнаго благосостоянія сельскихъ массъ.

II.

Экономическое положеніе крестьянства въ годы революціи изображено было мною главнымъ образомъ на основаніи тѣхъ данныхъ, какія заключаютъ въ себѣ на этотъ счетъ наказы средняго сословія. Эти наказы, какъ извѣстно, распадаются на общіе и частные. Первые исходятъ отъ выборщиковъ провинцій (балъжей и сенешоссей); вторые, какъ общее правило, — отъ собраній мѣстныхъ жителей того сельскаго или городского прихода, которому предстояло намѣтить выборщиковъ будущаго депутата. Цѣлымъ рядомъ работъ, въ числѣ которыхъ я отмѣчу одну, принадлежащую русскому писателю — А. М. Ону, вполне установленъ тотъ фактъ, что при составленіи наказовъ редакторы ихъ нерѣдко пользовались писанными и печатными образцами, рассылаемыми изъ Парижа и другихъ болѣе или менѣе крупныхъ центровъ. Составителями этихъ примѣрныхъ „тетрадей жалобъ“ являлись нерѣдко люди не съ одной литературной, но и съ научной подготовкой: адвокаты, мелкіе чиновники, журналисты. Такъ, извѣстный фیزیократъ Дюпонъ-де-Немуръ принялъ ближайшее участіе въ редакціи наказа той провинціи, изъ которой онъ былъ родомъ. Такъ, на протяженіи всего избирательнаго округа Этампъ приходскія собранія копировали въ своихъ писанныхъ протестахъ противъ всякаго рода государственныхъ нестроеній нѣсколько опредѣленныхъ образцовъ, текстъ которыхъ болѣе или менѣе возстановленъ новѣйшимъ издателемъ этихъ наказовъ. Въ отпечатанныхъ не далѣе какъ въ 1909-мъ году „тетрадахъ жалобъ“

сенешоссей Ренна и Бретани издатели, Сэ и Лесоръ, нашли слѣды нерѣдкаго пользованія печатной брошюрой, озаглавленной: „Тягости, падающія на сельскаго обывателя“.

Въ виду сказаннаго невольно возникаетъ вопросъ: въ какой мѣрѣ можно видѣть въ наказахъ искреннее выраженіе чувствъ и желаній сельскихъ или городскихъ массъ? Не являются ли эти документы шаблонной передачей взглядовъ, распространенныхъ въ интеллигентныхъ кругахъ французскаго общества, въ частности — въ средѣ ревнителей политическихъ и социальныхъ реформъ? Когда въ томъ или другомъ изъ этихъ памятниковъ якобы народнаго творчества мы встрѣчаемъ разсужденія о превосходствѣ англійскихъ порядковъ надъ французскими, о пользѣ представительной системы и акта Habeas Corpus, о преимуществѣ политической отвѣтственности министровъ надъ судебной, о правѣ на трудъ и о необходимости установленія свободной торговли, невольно зарождается въ умѣ читателя недоразумѣніе, близкое къ тому, какое испытывали мы, члены первой Думы, когда насъ стали забрасывать письменными ходатайствами, иногда весьма объемистыми, якобы исходившими отъ крестьянъ тѣхъ или иныхъ губерній и волостей. Очевидно, что изъ двухъ видовъ наказовъ, общихъ и частныхъ, другими словами — провинціальныхъ и городскихъ съ одной стороны, сельско-приходскихъ съ другой, литературнымъ вліяніемъ подверглись всего болѣе первые. Къ примѣрнымъ „тетрадамъ жалобъ“ присоединялось и непосредственное участіе писателей, журналистовъ, адвокатовъ, судей и чиновниковъ, въ редактированіи наказовъ отъ балъжей, сенешоссей и городовъ. Въ сельскихъ приходахъ этотъ второй способъ воздѣйствія сказывался съ меньшей силой, но и въ нихъ случайное присутствіе на собраніи избирателей того или другаго литератора, экономиста или политика могло наложить печать на содержаніе составленной для выборщиковъ инструкціи. Дюмонъ, въ своихъ мемуарахъ, рассказываетъ, что проѣздомъ изъ Англіи онъ попалъ, вмѣстѣ со своими спутниками-иностранцами, на избирательное собраніе одного прихода Нормандіи и приложилъ свою руку къ составленію наказа. Такое же признаніе можно найти и у Дюпонъ-де-Немура насчетъ его сотрудничества, или ближайшаго участія въ редактированіи „тетради жалобъ“ родного ему селенія.

Значитъ ли это, что наказы являются источникомъ недостовернымъ и что отъ пользованія ими, какъ предлагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, необходимо отказаться при изображеніи быта французскаго города и селенія передъ революціей? По-

лагаю, что нѣтъ. При бѣгломъ даже знакомствѣ съ любимъ изъ этихъ памятниковъ и особенно съ тѣми, которые вышли изъ рукъ сельскихъ приходскихъ собраній, бросается въ глаза тотъ фактъ, что въ нихъ, рядомъ съ разсужденіями иногда общаго характера, иногда, наоборотъ, носящими мѣстный отпечатокъ, приводится рядъ положительныхъ данныхъ о числѣ жителей, о суммѣ платимыхъ ими налоговъ, о количествѣ земель, состоящихъ подъ обработкою отдѣльныхъ семей крестьянъ, о размѣрахъ имѣній феодальныхъ собственниковъ, храмовъ и монастырей, о томъ, имѣются ли въ приходѣ земельные арендаторы, какое вліяніе размноженіе фермъ оказало на судьбы крестьянскаго землевладѣнія, пользуются ли мѣстные жители помѣщичьими лѣсами и пустошами, или тѣ и другія подверглись уже въ извѣстномъ размѣрѣ огораживанію, имѣются ли въ селеніи домашніе промыслы, заводы и фабрики, какое участіе въ работѣ принимаютъ тамъ женщины и дѣти, много ли лицъ, уходящихъ на отхожіе промыслы въ другія провинціи или за границу, сколько людей нуждается въ милостынѣ, и призрѣваютъ ли нищихъ мѣстные священники, во что одѣваются крестьяне, чѣмъ кормятся, во что обходится имъ соляная монополія правительства и какъ вліяютъ налоги на потребленіе на цѣну вина и на возможность для крестьянина пользоваться мясною пищею. Всѣ эти данныя такого характера, что исключаютъ мысль о какомъ-либо заимствованіи изъ другихъ источниковъ, кромѣ мѣстныхъ. Я не вижу, поэтому, причины, по которой изслѣдователю необходимо было бы оставлять такіе наказы безъ вниманія, а не класть ихъ, наоборотъ, въ основу своего изображенія матеріальнаго быта французскаго села и деревни.

Услуга, оказанная новѣйшими изданіями, предпринятыми комисіей, образованной при французскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія, лежитъ именно въ томъ, что они обогатили насъ массою подобнаго матеріала, исходящаго отъ сельскихъ приходовъ.

Нерѣдко на двухъ-трехъ страницахъ, крестьяне излагаютъ свои нужды въ формѣ простой передачи того, какъ мало у нихъ земли и какъ много налоговъ, да еще помѣщичьихъ службъ и платежей, какъ ничтоженъ, поэтому, ихъ бюджетъ, сколько имъ не хватаетъ на пищу и одежду, какъ сильно они нуждаются въ добавочныхъ заработкахъ и какъ, скрѣпя сердце, имъ приходится разставаться со своею землею въ виду огораживаній помѣщика или усиленнаго настаиванія его управляющаго и арендатора на правильномъ поступленіи феодальныхъ поборовъ, частью вышедшихъ изъ употребленія или раньше неслыханныхъ.

Есть наказы, въ которыхъ приводятся и инныя жалобы: крестьянинъ не вынесъ бремени налоговъ и недостаточной оплаты его труда въ земледѣліи; онъ перешелъ на положеніе домашняго ткача; число „пахарей“ сократилось въ ужасающихъ размѣрахъ. Какъ имъ, такъ и батракамъ, приходится платить вознагражденіе, вдвое или втрое большее противъ прежняго; земледѣліе гибнетъ за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Очевидно, мы снова имѣемъ дѣло не съ передачей мнѣній, ходячихъ въ литературной средѣ, а съ изображеніемъ мѣстныхъ условий.

Изъ всего сказаннаго трудно сдѣлать иной выводъ, кромѣ того, что наказами можно пользоваться, но примѣняя къ нимъ общіе приемы исторической критики. Не все, въ нихъ сказанное, вытекаетъ непосредственно изъ жизни; многое является перезвономъ извѣстныхъ мотивовъ журнальной полемики съ правительственными кругами; кое-что отражаетъ на себѣ вліяніе господствующихъ доктринъ, экономическихъ и политическихъ, имѣетъ своимъ первоисточникомъ Физіократію, Великую Энциклопедію, „Духъ Законовъ“ и „Общественный договоръ“; но въ громадномъ числѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ непосредственной записью крестьянскихъ желаній, подкрѣпляемыхъ указаніями на мѣстный бытъ и мѣстныя нужды.

Въ той мѣрѣ, въ какой наказы являются дѣйствительной картиной сельскаго быта Франціи въ моментъ паденія въ ней стараго порядка, они и будутъ приняты во вниманіе въ нашемъ очеркѣ.

III.

Въ наказахъ, недавно обнародованныхъ, какъ и въ тѣхъ, которыми намъ пришлось пользоваться двадцать лѣтъ тому назадъ, выступаетъ разслоеніе крестьянской среды на нѣсколько пластовъ.

„Тетради жалобъ“, вышедшія изъ рукъ сельскихъ сходовъ, упоминаютъ о „фермерахъ“, „половникахъ“, „пахаряхъ“, „батракахъ“; изъ числа послѣднихъ одни имѣютъ усадьбы съ небольшимъ участкомъ земли, а другіе—только усадьбу. И тѣ, и другіе извѣстны подъ общимъ наименованіемъ людей, работающихъ собственными руками (*manouvriers*), т.-е. безъ всякой упряжи, безъ тѣхъ воловъ и лошадей, которыми крестьянинъ воздѣлывалъ какъ свое, такъ и помѣщичье поле ¹⁾.

¹⁾ Въ текстѣ моего сочиненія приведено указаніе, сдѣланное Тюрго и повторенное авторами брошюръ 1789-го года, о томъ, что въ большей части Франціи

Перечень владѣтельныхъ и невлдѣтельныхъ классовъ включаетъ въ себѣ и сельскихъ ремесленниковъ (*artisans*); онъ завершается упоминаніемъ о нищихъ, живущихъ однимъ подаяніемъ (*pauvres*).

Къ статистическому описанію личнаго и земельного состава приходовъ присоединяется перечень платежей, производимыхъ въ пользу помѣщиковъ не одними фермерами и половниками, но и пахарями (*laboureurs*).

Наконецъ, наказы раскрываютъ передъ нами нерѣдко и картину недавнихъ перемѣнъ, происшедшихъ въ личномъ и имущественномъ составѣ прихода. Мы узнаемъ изъ нихъ о томъ, возросло или, наоборотъ, убавилось населеніе, увеличилось или уменьшилось число мелкихъ владѣльцевъ, къ кому, въ послѣднемъ случаѣ, перешли ихъ земли, какія причины вызвали всѣ указанныя перемѣны, какими средствами можно задержать уже начавшійся процессъ ихъ и какія отъ того предвидятся послѣдствія. Укажемъ въ качествѣ примѣра на слѣдующіе наказы: наказъ Нанси на Мозелѣ ¹⁾— 209 дворовъ, 43 собственника (*propriétaires*), обрабатывающихъ свои виноградники. Большинство ихъ обременено долгами. 85 виноградарей (*vignerons*), снимающихъ землю съ половины (*métayers*). Они одновременно являются воздѣльвателями на жалованьи чужихъ земель и владѣльцами немногихъ „*moüées des vignes*“ (небольшихъ виноградныхъ участковъ). Наказъ прибавляетъ: „большая часть ихъ бѣдствуетъ“ (*misérables*). 30 мелкихъ ремесленниковъ (*chétifs artisans*): портныхъ, сапожниковъ, ткачей. Остальные—вдовы и нищіе.

Приходъ Анси содержитъ въ себѣ 2.794 *moüées* виноградника или около того. Это равняется 349 поденнымъ участкамъ (*jours*), а каждый такой участокъ содержитъ въ себѣ 400 *verges*; verge же равна 10-ти королевскимъ футамъ. Изъ этого количества виноградниковъ 1.324 *moüées*. Онѣ составляютъ собственность мѣстныхъ жителей, а 1.470—собственность различныхъ лицъ; почти всѣ граждане Меца и обрабатываютъ свои виноградники съ помощью слугъ на жалованьи.

За этими указаніями слѣдуетъ перечень тѣхъ суммъ, какія приходъ уплачиваетъ казнѣ.

Наказъ заканчивается заявленіемъ общаго характера насчетъ неравномѣрности податного обложенія. Земледѣлецъ обремененъ

оранка съ помощью воловъ все болѣе и болѣе вытѣснялась оранкой лошадьми, какъ связанной съ меньшими расходами.

¹⁾ Cahiers du bailliage de Metz et de Nancy, publiés par Charles Etienne. Baillage de Vic, стр. 20.

платежами сравнительно съ прочими классами населенія. Да и между земледѣльцами виноградарь сильнѣе отягощенъ налогами, нежели пахарь (*laboureur*), болѣе увѣренный, чѣмъ виноградарь, что земля его ежегодно будетъ давать урожай.

За перечнемъ дворовъ, земель и налоговъ слѣдуетъ короткій очеркъ перемѣщеній, происходящихъ или происшедшихъ уже въ составѣ различныхъ слоевъ населенія. Они ставятся въ связь съ предшествующимъ указаніемъ на болѣе тягостное положеніе виноградарей.

Нерѣдко, значитъ въ наказѣ, пахари покидаютъ свое занятіе и переходятъ въ классъ лицъ, живущихъ рентою; среди виноградарей, наоборотъ, рѣдко встрѣчаются люди зажиточные. Тамъ, гдѣ они имѣются, они нерѣдко переходятъ на жительство въ города, записываясь въ число ихъ посадскихъ людей (*bourgeois*). Тѣмъ самымъ они освобождаютъ себя отъ платежа прямой подати (*taille*), насколько она является личнымъ налогомъ. Приписавшіеся къ городу жители прихода несутъ подать только сообразно размѣру своихъ недвижимыхъ имуществъ. То, что они не доплачиваютъ, падаетъ всѣмъ своимъ бременемъ на оставшихся на мѣстѣ поселенъ и увеличиваетъ размѣръ ихъ взносовъ. Теряя исправнаго плательщика, селеніе сохраняетъ обязательство доставлять казнѣ прежній размѣръ падающей на него суммы. Въ подтвержденіе своей мысли составитель наказа приводитъ слѣдующій фактъ: виноградарь, воздѣлывающій два съ половиною денныхъ участка, если онъ живетъ въ собственной усадьбѣ, платитъ сверхъ 20-ти ливровъ (т.-е. франковъ) двадцатины (*vingtième*), еще 12-ть ливровъ или франковъ другихъ прямыхъ податей, т.-е. *taille*, *subvention*, чрезвычайныхъ поборовъ (*extraordinaires*), выкупа, дорожной повинности (*corvée*), наконецъ поголовный налогъ въ размѣрѣ 31-го ливра (*capitation*). Человѣкъ же, перебравшійся въ городъ и причисленный къ его жителямъ, несетъ одну только двадцатину, да поголовный налогъ въ уменьшенномъ размѣрѣ.

Другой причиной обѣднѣнія виноградарей преимущественно передъ пахарями наказъ считаетъ посадку лозъ на новыхъ участкахъ; число виноградниковъ, благодаря этому, значительно возросло за послѣднее десятилѣтіе.

Въ актѣ, только что приведенномъ, отчетливо выступаютъ болѣе или менѣе обычныя черты тѣхъ перечней, какіе составители наказовъ предпосылаютъ своимъ заявленіямъ о необходимыхъ реформахъ. Но въ немъ нѣтъ той точности въ опредѣленіи размѣра владѣнія cadaго жителя, какая можетъ быть отмѣчена въ дру-

гихъ документахъ того же рода. Такъ, въ наказѣ прихода Аврикюръ, изъ того же бальяжа, имѣются 63 двора или, точнѣе, очага (feux). Изъ нихъ 5 дворовъ пахарей (laboureurs); каждый дворъ воздѣлываетъ въ годъ не болѣе одного „плуга“ (charrue) земли. Всѣ — фермеры (fermiers), т.-е. съемщики, владѣющіе каждый тремя или четырьмя денными участками (jours). 35 дворовъ живутъ трудомъ своихъ рукъ, т.-е. принадлежать въ числу батраковъ. Остальные — нищіе, просящіе подавнія.

Наказы даютъ намъ также данныя для сужденія о перемѣнахъ, происшедшихъ въ имущественномъ положеніи деревни: арендные поступления и другія доходныя статьи (gagnages) дворянъ, духовныхъ лицъ и тѣхъ членовъ средняго сословія, которые свободны отъ несенія податей, за послѣднія девять или десять лѣтъ возросли на одну треть, благодаря чему фермерамъ (fermiers) трудно жить и они поставлены въ необходимость продать свое маленькое достояніе (leur petit bien) „господамъ“, чтобы имѣть чѣмъ уплатить ренту¹⁾. Другими словами, съемщики земель должны рано или поздно разстаться съ тѣмъ, что составляетъ ихъ собственность, для добросовѣстной расплаты съ помѣщиками за арендованную у нихъ землю.

Въ другихъ наказахъ того же бальяжа мы находимъ точный перечень числа дворовъ, какъ зажиточныхъ, такъ и бѣдствующихъ. Въ Бей изъ 39-ти дворовъ — 15 бѣдныхъ; имѣется всего три „маленькихъ пахара“ (petits laboureurs), владѣющихъ фермами (fermiers). Это выраженіе, повидимому, надо понимать въ смыслѣ наличности въ данномъ случаѣ мелкихъ собственниковъ, такъ мало обезпеченныхъ землею, что они одновременно являются и арендаторами²⁾. Наказъ прибавляетъ, что чрезмѣрность требуемыхъ съ нихъ помѣщиками земельныхъ рентъ (canons) повергла ихъ въ полное убожество.

Въ другомъ наказѣ, а именно прихода Бэши, говорится о томъ же ростѣ арендной платы, какъ объ общемъ явленіи, мѣшающемъ пахарямъ (laboureurs) платить слѣдующіе собственнику взносы (canons).

Земля даетъ плохіе урожаи, а арендные цѣны растутъ. Благодаря этому двѣ трети жителей въ большой нищетѣ (grande indigence). Они доведены до послѣдней крайности и не могутъ удовлетворять долге требованіямъ казны³⁾. Въ наказѣ прихода Баренвиль также упоминается, что для расплаты съ помѣщикомъ

¹⁾ Ibid., стр. 48.

²⁾ Ibid., стр. 127.

³⁾ Ibid., стр. 85.

воздѣлыватели поставлены въ необходимость отчуждать тѣ большіе участки, которыми прежде владѣли какъ собственностью. Батракъ, въ годы неурожая, разстается съ этими клочками почвы (*les quelques poudres de terre*), которые доставляли ему пропитаніе. Въ его распоряженіи съ этого времени остаются однѣ его руки, а ими онъ не добудетъ болѣе двадцати су въ день. Содержать же ему приходится цѣлую семью, и на одинъ хлѣбъ уходитъ около двухъ эку въ недѣлю (10 франковъ). Какъ жить ему въ такихъ тискахъ? Онъ или начнетъ должать, или станетъ просить подаянія ¹⁾. За займомъ къ кому обратиться, какъ не къ евреямъ? А они, какъ жалуется наказъ Берига, берутъ съ каждаго лундора шесть ливровъ.

Но какая причина тому, что платежи, производимые въ пользу земельныхъ собственниковъ, постоянно растутъ? Она лежитъ прежде всего въ томъ, отвѣчаетъ наказъ Баренвиля, что фермы сдаются въ аренду тому, кто предложитъ за нихъ наибольшую плату. На этотъ порядокъ опредѣленія цѣнъ спросомъ и предложеніемъ составитель наказа смотритъ какъ на „ненавистное злоупотребленіе“ (*abus détestable*) ²⁾.

Чтобы помочь бѣдѣ, полагаетъ онъ, нѣтъ другого средства, какъ помѣшать сосредоточенію въ однѣхъ рукахъ болѣе опредѣленнаго количества земли. Пока, значитъ въ наказѣ, удержано будетъ право снимать произвольное число денныхъ участковъ, пока это число не будетъ ограничено 25-ю участками французской мѣры или 40—лотарингской, никогда самыя земли не будутъ воздѣлываться такъ, какъ это необходимо для полной ихъ производительности ³⁾.

Я полагаю, что сдѣланныхъ выдержекъ достаточно, чтобы разсѣять въ читателѣ сомнѣніе насчетъ возможности, пользуясь наказами, придти къ болѣе или менѣе точнымъ выводамъ о распределеніи земельной собственности и о тѣхъ перемѣнахъ, какія вызываютъ въ немъ тѣ или другія явленія народной жизни, сказавшіяся за послѣднія десятилѣтія, предшествовавшія революціи.

Мы ограничились пока сообщеніемъ данныхъ изъ одной только области Франціи, той, гдѣ средневѣковые порядки крестьянскихъ надѣловъ и общинныхъ угодій уцѣлѣли въ большей или меньшей неприкосновенности. А это именно и можно сказать какъ объ Эльзасѣ, что установлено работами Ганауэра, такъ и о смежныхъ съ Эльзасомъ бальяжахъ Меца и Нанси. Наказы ихъ сельскихъ при-

¹⁾ Ibid., стр. 70.

²⁾ Ibid., стр. 69.

³⁾ Ibid., стр. 70.

ходовъ упоминають объ общинныхъ угодьяхъ, объ эксплуатаціи ихъ помѣщиками исключительно въ свою пользу, посылкой чрезмѣрнаго количества скота на выпасъ, огораживаніями и корчеваніями. При раздѣлахъ, жалуются тѣ же наказы, сеньёръ требуетъ въ свою пользу двѣ трети общинныхъ выпасовъ. И несмотря на это, при поднятіи нови крестьянами, онъ настаиваетъ на уступкѣ ему одной трети выкорчеванной площади ¹⁾.

Огораживанія, прибавляетъ составитель наказа, идутъ на пользу однихъ крупныхъ сѣмщиковъ (*gros fermiers*). Бѣдные не имѣють возможности завести достаточнаго количества скота.

Я полагаю, что впечатлѣніе, получаемое отъ всѣхъ только что приведенныхъ фактовъ, неблагоприятно признанію широкаго распространенія мелкой крестьянской собственности—именно собственности, а не пользованія, пожизненнаго или наслѣдственнаго, связаннаго съ существованіемъ надѣльной системы. Въ нѣкоторыхъ наказахъ прямо говорится, что мѣстные жители не держатъ въ своихъ рукахъ и трети земли. Въ главной своей массѣ земля состоитъ въ распоряженіи церковныхъ и свѣтскихъ собственниковъ, а также горожанъ, не живущихъ въ приходѣ ²⁾.

Крестьяне не только не расширяють площади земель, состоящихъ подъ ихъ обработкой, но, наоборотъ, сокращають ее. Безземелье даетъ себя чувствовать настолько сильно, что нѣкоторые наказы поднимають уже рѣчь о томъ, чтобы правительство для его ослабленія приступило къ отчужденію казенныхъ земель или къ сдачѣ ихъ, по меньшей мѣрѣ, въ аренду, въ послѣднемъ случаѣ—небольшими участками, дабы тѣмъ самымъ дать возможность мѣстнымъ жителямъ, или ихъ ближайшимъ сосѣдямъ, снять эти участки у казны предпочтительно предъ уроженцами другихъ мѣстностей. То же правило слѣдовало бы распространить—говоритъ составитель наказа,—и на продажу или сдачу земель въ аренду сеньёрами, свѣтскими и духовными. Пусть и они отчуждаютъ ихъ въ раздробъ и сдаютъ въ наемъ небольшими участками ³⁾.

Но, можетъ быть, описанные порядки составляютъ особенность однѣхъ только восточныхъ провинцій Франціи и не встрѣчаются ни на сѣверѣ государства, ни въ центрѣ его, ни на югѣ?

Я полагаю, что разборъ наказовъ такихъ бальяжей и сенепошсѣй, какъ Котантэнъ и Кани, какъ Сансъ и Понтуазъ, какъ

¹⁾ Ibid., наказъ Adaincourt, стр. 2; наказъ Альберстрофъ, стр. 6 и 15; наказъ Анжервилъ, стр. 17.

²⁾ Наказъ Alberstroff, стр. 10.

³⁾ Наказъ Barchain, стр. 64.

Блуа, Божолэ и Орлеанэ, какъ Труа и Шалонъ-на-Марнѣ, какъ Нимъ и Марсель, можетъ доказать обратное.

Всѣ эти наказы отпечатаны за послѣднее время, въ большинствѣ случаевъ—по почину правительства, иногда и по частной инициативѣ ¹⁾.

Остановимся прежде всего на сѣверной половинѣ Франціи. Вновь обнаруженные документы восполняютъ, не измѣняя ихъ существенно, тѣ свѣдѣнія, какія по занимающему насъ вопросу содержатъ въ себѣ приходскіе наказы Артуа и Па-де-Калэ, а равно и Нормандіи.

Котантэнъ и Кани, къ которымъ относятся недавно изданные памятники, прямо примыкаютъ къ Нормандіи или, точнѣе, образуютъ сѣверную часть ея.

Если мы спросимъ себя, какое представленіе можно составить по даннымъ приходскихъ наказовъ этой области о распредѣленіи недвижимой собственности во Франціи, то отвѣтъ будетъ гласить, что оно во всемъ совпадаетъ съ тѣмъ, какое раскрываетъ разборъ наказовъ Нормандіи. Дворянство, духовенство и лица привилегированныя изъ рядовъ буржуазіи,—читаемъ мы въ наказѣ прихода Бокудрэ въ Котантэнѣ—владѣютъ лучшими имѣніями въ королевствѣ (*ont les plus belles propriétés du royaume*) ²⁾. Размѣры этого привилегированнаго землевладѣнія возрастаютъ безостановочно, въ виду того, что, какъ значится въ другомъ наказѣ, „пахари“ (*laboureurs*) и крестьяне поставлены въ необходимость продавать собственное пропитаніе (*leur propre substance*) и довольствоваться самой плохой пищей ³⁾. Наказъ Гримениля прибавляетъ къ сказанному, что пахарямъ не хватаетъ средствъ на оплату сеньеріальныхъ рентъ (*rentes seigneuriales*) ⁴⁾.

Фактъ этотъ самъ по себѣ уже указываетъ на то, что въ предѣлахъ Котантена такъ называемые *laboureurs* не были земельными собственниками. Снимаемые ими участки или, точнѣе, надѣлы были такъ малы, что по утвержденію того же наказа пахарямъ не хватало средствъ на оплату жалованья сельскимъ рабочимъ и поденщикамъ (*domestiques et ouvriers*) ⁵⁾. Другая причина ихъ крайне бѣдственнаго матеріальнаго положенія де-

¹⁾ Такъ напримѣръ, наказы второстепеннаго бальяжа Понтуаэ изданы Эрнестомъ Малэ (у Шампіона въ Парижѣ).

²⁾ *Cahiers de doléances du bailliage de Cotentin, publiés par Emile Bridrey. T. I, 1907, стр. 145.*

³⁾ *Ibid.*, стр. 228.

⁴⁾ *Ibid.*, стр. 330.

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 330.

жить въ обремененіи ихъ государственными налогами. Ихъ податныя тягости растутъ между прочимъ оттого, что горожане (*bourgeois*), поселившіеся въ деревнѣ, не платятъ налоговъ съ тѣхъ громаднѣхъ владѣній, какія сосредоточены въ ихъ рукахъ, и что тою же свободою пользуются и ихъ фермеры. Непривилегированнымъ приходится производить разверстку падающей на приходъ подати исключительно между собою ¹⁾.

Что подъ мелкими собственниками разумѣлись въ Котантэнѣ не свободные владѣльцы, а такіе, которые обложены были платежами въ пользу помѣщиковъ—это явствуетъ весьма опредѣленно изъ текста наказа прихода Кетревиль. Четвертая часть земель—читаемъ мы въ этомъ документѣ—въ рукахъ дворянъ и другихъ привилегированныхъ. Остальныя земли принадлежатъ значительному числу мѣстныхъ мелкихъ собственниковъ (*petits propriétaires*). Но если принять во вниманіе размѣръ ихъ наслѣдствъ (*leurs héritages*), т. е. ихъ наслѣдственныхъ держаній и количество сенъеріальныхъ рентъ, рентъ земельныхъ, платимыхъ ими деньгами или пшеницей и каплунами, то на самомъ дѣлѣ эти мелкіе собственники оказываются не болѣе, какъ сѣмщиками или фермерами. Этимъ и объясняется, почему въ приходѣ столько бѣдныхъ. По средамъ, когда оканчивается урокъ катехизиса, мѣстному священнику приходится раздавать милостыню 60 — 70 дѣтямъ. Обработка полей, которою заняты всѣ жители прихода,—продолжаетъ составитель наказа,—при полномъ отсутствіи всякой торговой дѣятельности, едва доставляетъ нужныя средства для покрытія тѣхъ рентъ и платежей, какіе падаютъ на „наслѣдства“ (*héritages*) ²⁾.

Общая картина, нарисованная только что приведенными наказами, восполняется слѣдующими числовыми данными о распредѣленіи земельной собственности въ отдѣльныхъ приходахъ. Въ Шантэль—90 очаговъ и приблизительно 450 человѣкъ жителей. Наказъ заявляетъ: каждый изъ населяющихъ приходъ собственниковъ владѣетъ только весьма незначительнымъ участкомъ (*très faibles propriétés*). Во всемъ приходѣ можно найти только двухъ жителей, имѣющихъ полную упряжь ³⁾. Приходъ Герсигевиль

¹⁾ Смори наказъ прихода Le Gevy-Hebert, *ibid.*, стр. 334. Наказъ прихода Гримениль высказываетъ поэтому слѣдующее пожеланіе: *Que les exemptions et les privilèges, qui mettent les roturiers à l'abri des contributions à la taille et autres charges... soient supprimés. Que tous les biens ecclésiastiques, communautés et abbayes, payent à la décharge des laboureurs qui portent la généralité des charges.*

²⁾ *Ibid.*, стр. 511—512, Cahier de Quettreville.

³⁾ *Ibid.*, стр. 265.

включаетъ въ себѣ 60 очаговъ, прихожане владѣютъ только половиною его земель; другая половина — въ рукахъ сеньера, графа де-Беранже. За исключеніемъ незначительнаго числа жителей, съ трудомъ покрывающихъ издержки своего существованія, всѣ прочіе — рыболовы и лодочники. А если такъ, то очевидно нѣтъ крестьянъ-собственниковъ ¹⁾.

Въ приходѣ la Haye-Comtesse — половина земель въ рукахъ сеньеровъ. Прихожане платятъ имъ пшеницею отъ каждой vergée. Наказъ отмѣчаетъ значительное число мелкихъ рентъ. Сеньеры производятъ большіе поборы подъ предлогомъ осуществленія своихъ хозяйственныхъ монополій (banalités).

Въ приходѣ Гіавиль 77 очаговъ, обложенныхъ земельной податью. Изъ нихъ 55 заняты поденщиками батраками и каменщиками. Они владѣютъ каждый всего-на-всего усадьбой съ прилагающими къ ней садомъ и нѣсколькими vergées земли. Остальное населеніе состоитъ изъ мелкихъ собственниковъ и фермеровъ. Кого разумѣть подъ мелкими собственниками — изъ наказа не видно. Но такъ какъ въ другихъ приходахъ ими являются надѣльные крестьяне, то нѣтъ основанія думать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло со свободными владѣльцами. Рядомъ съ ними поставлены, какъ ихъ противоположность, фермеры, т.-е. срочные арендаторы ²⁾.

Въ приходѣ Лангронъ нѣсколько сеньеровъ и джентльменовъ (gentils hommes), которые сами за свой счетъ ведутъ хозяйство и, будучи дворянами, не платятъ прямыхъ налоговъ. Всѣ земли состоятъ въ зависимости отъ четырехъ свѣтскихъ сеньеровъ и отъ монастырей.

Въ Монтэю-ле-Буа многіе участки „несутъ больше рентъ, чѣмъ доставляютъ дохода“. Частныя лица (les particuliers) не владѣютъ этими землями даже на правахъ фермеровъ (n'en sont même pas fermiers), а слѣдовательно ихъ рента — своего рода чиншъ, сами же они — наследственные пользователи. Треть земли принадлежит одному и тому же сеньеру, который ведетъ хозяйство самъ на протяженіи значительной части своихъ владѣній; остальные участки сдаются имъ въ наемъ. Съ земель въ собственномъ завѣдываніи онъ не несетъ никакихъ податей, а съ прочихъ платитъ всего-на-всего 100 ливровъ taille ³⁾.

Въ Сурдеваль-ле-Буа большинство жителей — недостаточны.

¹⁾ Ibid., стр. 372.

²⁾ Ibid., стр. 385.

³⁾ Ibid., стр. 443.

Наибольше зажиточные не имѣютъ и 300 ливровъ дохода ¹⁾. Въ Турвилъ вся земля входитъ въ составъ семи феодовъ (fiefs). Въ зависимости отъ нихъ жители и держатъ свои участки ²⁾. Въ Треви по меньшей мѣрѣ половина земли въ рукахъ дворянъ и ихъ фермеровъ. Собственники живутъ внѣ прихода и по этой причинѣ не несутъ *taille* и не платятъ личной подати ³⁾.

Можно было бы, конечно, приумножить примѣры, но и приведенныхъ достаточно для заключенія, что въ бальяжѣ Кутансъ, въ которомъ расположены всѣ упомянутые приходы, число собственниковъ, не платящихъ никому никакихъ рентъ, было незначительно.

Въ наказахъ бальяжа Кани указана и причина, препятствующая какъ свободному обращенію дворянскихъ земель на рынкѣ, такъ и переходу ихъ въ руки если не крестьянъ, то лицъ средняго сословія. Она лежитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ требованіи съ покупателей этихъ земель особаго платежа въ казну, такъ называемаго *franc-fief*.

Приходъ Дудевиль ходатайствуетъ о томъ, чтобы этотъ поборъ былъ отмѣненъ, и подкрѣпляетъ свое ходатайство слѣдующимъ соображеніемъ: доставляя незначительный доходъ казнѣ, поборъ этотъ приноситъ громадный вредъ государству. Купецъ, прошедшій молодость въ занятіи торговлей, охотно прибрѣлъ бы землю и использовалъ бы такимъ образомъ свои сбереженія; но такъ какъ ему нужно платить казнѣ *franc-fief*, то онъ предпочитаетъ прибрѣсть облагораживающую его должность. Такимъ образомъ на *franc-fief*—прибавляетъ составитель наказа—падаетъ отвѣтственность за то, что онъ помѣшалъ людямъ зажиточнымъ войти въ ряды полезнѣйшаго и крайне необходимаго государству класса сельскихъ хозяевъ ⁴⁾.

Въ Нормандіи еще держится система преимущественнаго наслѣдованія старшаго въ семьѣ. Двѣ трети земли поступаютъ въ его пользу, а это, разумѣется, содѣйствуетъ концентраціи собственности въ немногихъ рукахъ. Приходскіе наказаы Кани указываютъ на это обстоятельство и стоятъ за отмѣну такихъ порядковъ наслѣдованія, говоря, что съ ихъ исчезновеніемъ установится большее равенство состояній ⁵⁾. О крестьянахъ-собственникахъ я не нахожу никакихъ упоминаній. Часто возникающій

¹⁾ Ibid., стр. 588.

²⁾ Ibid., стр. 611.

³⁾ Ibid., стр. 621.

⁴⁾ Cahiers de doléances du bailliage Cany, publiés par C. Romain, стр. 69.

⁵⁾ Ibid., стр. 76 и 38.

вопросъ—это вопросъ о томъ, полезно ли удлинить срокъ сдачи земли въ аренду. Онъ признается слишкомъ короткимъ въ Нормандіи. Надо, говорятъ наказы, установить срокъ въ 18 или даже въ 27 лѣтъ. Таково желаніе, заявляемое приходомъ Бурвиль. Оно не разъ повторяется и въ другихъ мѣстностяхъ ¹⁾.

Можно было бы закончить характеристику крестьянскаго быта сѣверной Франціи приведеніемъ данныхъ, заключающихся въ недавно отпечатанныхъ наказахъ сенешоссеи Реннъ; но этотъ матеріалъ уже былъ использованъ Сэ въ его „Исторіи крестьянъ Бретани“. Авторъ повторяетъ свои выводы въ вступительномъ очеркѣ къ обнародованнымъ имъ приходскимъ наказамъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что въ Бретани сенъеріальное право удержалось въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ областяхъ Франціи; а уже это одно устраняетъ мысль о наличности въ ней значительнаго числа крестьянъ-собственниковъ. Необезпеченность сельскаго состоянія была такъ велика, что большинство лицъ, къ нему принадлежавшихъ, не въ состояніи было жить однимъ доходомъ отъ своихъ надѣловъ. Большинство — говоритъ Сэ, резюмируя содержаніе наказовъ, — владѣло такими ничтожными участками, что для пропитанія ему необходимо было или снимать у помѣщиковъ землю въ наемъ, или поступать въ число сельскохозяйственныхъ рабочихъ къ тѣмъ же помѣщикамъ. Значительная часть находила добавочный заработокъ въ пряденіи и тканьи полотень, приготовляемыхъ частью изъ льна, частью изъ пеньки. Въ окрестностяхъ Ренна большинство земельных собственниковъ держали служанку для производства пряжи и работника для тканья. Работавшіе на дому ремесленники были одновременно и сельскими поденщиками. Выдѣлка полотень носила характеръ домашней формы крупнаго производства, предназначеннаго для удовлетворенія запросовъ міровой торговли. Въ иномъ положеніи было кожевенное дѣло, также служившее дополнительнымъ заработкомъ для крестьянъ Бретани: оно удовлетворяло запросамъ одного лишь мѣстнаго рынка ²⁾.

Полагаю, что разобранный доселѣ матеріалъ даетъ только подтвержденіе тѣмъ мыслямъ, защитѣ которыхъ были посвящены вступительныя главы моей книги.

Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ центральныя провинціи Франціи воспроизводятъ картину крестьянскаго землепользованія на сѣверѣ королевства, во Фландріи и Артуа, въ Пикардii и

¹⁾ Ibid., стр. 38.

²⁾ Cahiers de doléances de la sénéchaussée de Rennes, publiés par Henri Sée et André Lessort, t. I. Реннъ, 1909. Введеніе, стр. XXI, XXII.

Нормандіи. Для этого вопроса изданія, предпріятыя министерством народнаго просвѣщенія во Франціи, доставляютъ много новыхъ данныхъ. Передъ нами сборники наказовъ бальяжей Труа, Орлеанъ и Блуа. Первый бальяжъ составлялъ часть Шампани, два послѣднихъ входили въ составъ Орлеанъ. Всѣ три могутъ, поэтому, пролить свѣтъ на земельные порядки центральной Франціи. Вопросъ о существованіи или несуществованіи значительнаго числа крестьянъ-собственниковъ рѣшается этими документами съ большою опредѣленностью и въ вполне отрицательномъ смыслѣ.

Издатель сборника приходскихъ наказовъ бальяжа Труа отмѣчаетъ любопытный фактъ, нигдѣ не выступающій въ такихъ размѣрахъ, какъ въ названной провинціи: домашняя промышленность стала убивать земледѣліе. Крестьяне оставляли свои земли безъ обработки, посвящая себя всецѣло промышленной дѣятельности. Послѣдствіемъ было увеличеніе заработной платы на сельскій трудъ и соотвѣтственный упадокъ хозяйства на земляхъ сеньеріальныхъ. Чередованіе этихъ явленій указано, по моему, ошибочно: не домашняя промышленность повела къ упадку агрономіи, какъ думаетъ г. Вернье, а, наоборотъ, упадокъ сельскаго хозяйства сдѣлался условіемъ, благопріятнымъ для развитія крестьянскихъ ремеслъ. На взглядахъ г. Вернье отразилось вліяніе городскихъ наказовъ, въ частности — тѣхъ, которые были составлены въ Труа фабрикантами шелковыхъ, суконныхъ, льняныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей. Ихъ жалобы на то, что деревенскія пряжа и ткань убиваютъ не только городскую промышленность Труа, но и земледѣліе, отнимая у него необходимыя руки и увеличивая издержки обработки, цѣликомъ повторены въ только что приведенномъ мнѣніи. Иначе относятся къ указаннымъ явленіямъ составители приходскихъ наказовъ. Такъ, въ „тетради жалобъ“ деревни Омонъ мы читаемъ: „число мѣстныхъ жителей, какъ „пахарей“, такъ и „батраковъ“ значительно сократилось вслѣдствіе тяжести налоговъ, такъ что тамъ, гдѣ прежде можно было найти шесть дворовъ, снабженныхъ необходимымъ числомъ лошадей и подводъ для хлѣпобашества, не найдешь болѣе двухъ, да и тѣ не имѣютъ всей необходимой упряжи“ ¹⁾. На то же уменьшеніе числа „пахарей“, въ связи съ ростомъ обложенія, указываетъ „тетрадь жалобъ“ прихода Ассемэ. Изъ пяти пахарей, какихъ можно было насчитать въ селеніи двадцать лѣтъ тому назадъ, теперь едва остался одинъ, владѣющій полной упряжью для плуга; другими словами, число пахарей сократилось на $\frac{4}{5}$.

¹⁾ См. стр. 323.

Да и сами эти „пахари“ — читаемъ мы въ текстѣ наказа — воздѣлываютъ не свои земли, а земли духовныхъ обителей.

Многимъ пахарямъ не удается иначе обработать землю, какъ при помощи „супруги“, т.-е. они входятъ въ соглашеніе другъ съ другомъ и снаряжаютъ плугъ общими усиліями, ставя каждый не все число лошадей, необходимое для него, а только одну пару.

Большая часть нивъ и луговъ — продолжаетъ наказъ — въ рукахъ монастырей, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, или принадлежитъ горожанамъ (*bourgeois*) Труа, которые также пользуются податными изъятіями, какъ и члены высшихъ сословій. Все бремя земельного налога падаетъ, такимъ образомъ, на крестьянство. Въ большинствѣ случаевъ члены его владѣютъ только хижинами и садами. Немудрено, что большинство бѣдствуетъ и лишено самага необходимаго для жизни ¹⁾.

И въ другихъ приходахъ произошло тоже сокращеніе числа „пахарей“. Въ Бюшеръ изъ восьми пахарей осталось всего четыре ²⁾; въ Бьернь ³⁾ изъ восьми — всего два. Въ наказѣ Бертиньоля ⁴⁾ приведенъ расчетъ дохода, какой можетъ получить крестьянинъ, воздѣлывающій своимъ плугомъ тридцать денныхъ участковъ: чистой выручки ему придется въ годъ всего-на-всего 166 ливровъ, изъ которыхъ одного государственнаго налога онъ уплатить 25 ливровъ 10 су и 7 динаріевъ. Еще меньшую выручку, по словамъ составителя наказа, имѣетъ винодѣль: его доходъ прямо объявляется мнимымъ, то-есть несуществующимъ въ дѣйствительности. Приведенныя данныя объясняютъ причину, по которой земледѣліе не только не развивается, но падаетъ. Бремя налоговъ чувствуется тѣмъ сильнѣе, что они распределены неравномѣрно. Пахари, батраки, винодѣлы, составляющіе населеніе Бертиньоля, одинаково живутъ въ нищетѣ ⁵⁾. Тамъ, гдѣ къ государственнымъ налогамъ присоединяются сеньеріальные платежи, крестьяне находятся еще въ худшихъ условіяхъ. О размѣрѣ этихъ поборовъ можно судить по перечню, приведенному въ наказѣ жителей Бриеля: настаивая на упраздненіи этихъ поборовъ, „которые обращаютъ ихъ въ крѣпостныхъ“, члены сельскаго схода считаютъ нужнымъ оправдать это заявленіе перечнемъ самыхъ поборовъ. Каждая семья ставитъ помѣщику отъ усадьбы по одному кашлуну въ годъ; съ дневного участка или

¹⁾ Ibid., стр. 309 и 311.

²⁾ Ibid., стр. 471.

³⁾ Ibid., стр. 411.

⁴⁾ Ibid., стр. 379.

⁵⁾ Ibid., стр. 376.

„журнеля“ пахатной земли сенбёръ получаетъ два солида, а съ каждаго „арпана“ дуга—два съ половиною солида, все это подъ предлогомъ принадлежности ему права на цензъ или чиншъ ¹⁾.

На основаніи всѣхъ этихъ свѣтованій наказъ средняго сословія города Труа счелъ возможнымъ дать слѣдующее объясненіе причинъ, по которымъ число пахарей значительно сократилось на протяженіи всего бальяжа за послѣднія пятнадцать лѣтъ. Чтобы установить самый этотъ фактъ, составители разбираемаго документа заимствуютъ нѣкоторыя цифровыя данныя изъ доклада, сдѣланнаго провинціальному собранію Шампани въ 1787-мъ году. Тринадцатью годами ранѣе—значится въ этомъ докладѣ—число пахарей равнялось 35.132; въ настоящее же время ихъ насчитываютъ не болѣе 25.000 ²⁾. Сокращеніе ихъ числа было неравномѣрно въ разныхъ частяхъ бальяжа: въ нѣкоторыхъ приходяхъ, напр. въ Планси, близъ Труа, на разстояніи восемнадцати лѣтъ, съ 1770-го по 1788-ой годъ, число пахарей съ 63-хъ пало до 3-хъ. Это исключительное явленіе объясняется тѣмъ, что Труа во второй половинѣ XVIII-го вѣка сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ производства хлопчатобумажныхъ тканей и чулокъ и въ этомъ производствѣ приняли самое дѣятельное участіе подгородныя селенія, къ числу которыхъ принадлежало Планси ³⁾.

Наказъ средняго сословія города Труа объясняетъ упадокъ земледѣлія въ средѣ крестьянъ чрезмѣрнымъ обремененіемъ ихъ налогами и желаніемъ избѣгать ежегодно повторяющагося рекрутскаго набора. За послѣдніе четыре года—читаемъ мы въ наказѣ—трудно найти пахаря, который бы не былъ недоимщикомъ. Всѣ, почти безъ исключенія, просрочили платежи, слѣдующіе съ нихъ земельному собственнику. Самый текстъ заявленія не оставляетъ, такимъ образомъ, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что подъ пахарями бальяжа Труа разумѣлись не собственники-крестьяне; иначе наказу не пришлось бы упоминать о производствѣ ими за свои земли платежей собственникамъ. Мы имѣемъ, слѣдовательно, дѣло съ чиншевыми и оброчными владѣльцами, снимающими помѣщичьи земли.

По мнѣнію составителя наказа, земледѣліе забрасывается потому, что не оплачиваетъ труда воздѣлывателя. Крестьянинъ готовитъ лучшую участь своему потомству, обучая дѣтей город-

¹⁾ Ibid., 411 и слѣд.

²⁾ Ibid., стр. 217.

³⁾ См. наказъ фабрикантовъ шелковыхъ, суконныхъ и хлопчатобумажныхъ тканей города Труа, *ibid.*, стр. 81.

скимъ промысламъ. По мѣрѣ того, какъ падаетъ земледѣліе, развивается поэтому ткачество и пряденіе съ помощью механическихъ станковъ и прялокъ. Чтобы избавить дѣтей отъ поступленія въ солдаты, семьи охотно отдаютъ своихъ взрослыхъ сыновей въ услуженіе какому-нибудь зажиточному буржуа въ сосѣдніе города или столицу, въ томъ расчетѣ, что подъ покровомъ ливреи онъ избѣжитъ рекрутчины, пользуясь привилегіей, какою надѣленъ его хозяинъ; а послѣдній „готовъ на всякія затраты, лишь бы увеличить внѣшній блескъ своей собственной особы рослою челядью“ ¹⁾. Въ наказахъ постоянно встрѣчаются жалобы на то, что люди привилегированные озабочены исключеніемъ изъ числа „подлыхъ“ людей, несущихъ подати, своихъ лакеевъ, на которыхъ желаютъ распространить принадлежащія имъ самимъ извѣстія. Такъ, въ „тетради жалобъ“ одного изъ приходовъ сенешоссеи Реннъ мы читаемъ: „лишить сеньеровъ права освобождать отъ службы въ милиціи свою челядь“ ²⁾.

Перейдемъ теперь къ наказамъ, составленнымъ сельскимъ населеніемъ Орлеанъ. Вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи къ землѣ стоятъ поселяне этой области, рѣшается весьма опредѣленно слѣдующимъ заявленіемъ жителей Ла-Шапель: „большинство нашихъ воздѣлывателей снимаютъ земли въ фермерское держаніе или несутъ за нихъ ренту собственникамъ. Послѣдніе же за получаемые ими доходы не платятъ другого налога, кромѣ *vingtième*“ ³⁾.

Составители наказовъ прихода Сентъ-Илеръ Сентъ-Исменъ говорятъ о себѣ: „мы, въ большинствѣ, поденщики. Занятія нами села быстро пустѣютъ. Желаніе обрабатывать поля покидаетъ насъ. Земли чрезчуръ обременены налогами, почему и не остается средствъ для ихъ уваживанія“. Очевидно, поденщики—крестьяне, потерявшіе возможность болѣе интенсивной культуры, вслѣдствіе налогового гнета. Цифровыя данныя касательно числа очаговъ и размѣра налоговъ, ими платимыхъ, подтверждаютъ эти общія заявленія. Въ Сужи—190 очаговъ, и изъ нихъ всего 7 заняты фермерами, владѣющими 2—3 полными плугами; 7 другихъ фермерскихъ семей имѣютъ каждая по одному плугу и поставлены въ необходимость обходиться безъ помощи сельскихъ слугъ. Податей же приходится платить всему приходу на сумму 10.916 ливровъ, не считая *vingtième*, который несутъ мелкіе

¹⁾ Ibid., стр. 217 и 218.

²⁾ Приходъ. Издъ, стр. 175.

³⁾ Bloch, „Cahiers du bailliage d'Orléans“, стр. 63.

собственники (*petits propriétaires*) въ такомъ же размѣрѣ, какъ и зажиточные, не считая также 1.300 ливровъ подорожного сбора, согуе, церковной десятины и шампара (*champart*), которыми обложены ихъ земли („*que doivent nos terres*“). Эта послѣдняя фраза ¹⁾ объясняетъ дѣйствительный характеръ того отношенія, въ которомъ находятся такъ называемые мелкіе собственники къ своимъ участкамъ. Это — отношеніе зависимыхъ владѣльцевъ, наслѣдственныхъ сѣмщиковъ.

Наказъ *Tellier le Repau* говоритъ о вредѣ, приносимомъ шампаромъ всѣмъ собственникамъ и фермерамъ, и приводитъ причины тому ²⁾. Наказъ Люмо настаиваетъ на томъ, что села стонутъ подъ бременемъ налоговъ и за послѣднія тридцать лѣтъ лишились трети своего населенія.

Вся Босъ (*Beauce*), нынѣ одна изъ житницъ Франціи, такъотягощена податями, что въ урожайные годы воздѣльвателямъ едва хватаетъ средствъ для существованія, а въ неурожайные они поставлены въ необходимость нищенствовать. Гдѣ ужъ тутъ думать о приобрѣтеніи земель въ собственность ³⁾.

Наказъ *Huette* объявляетъ, что изъ 60-ти дворовъ прихода одна только ферма владѣетъ тремя „плугами“, семь — двумя, другія семь — однимъ. Прочіе жители заняты арендованіемъ земли. Участки сдаются по крайне высокой цѣнѣ, такъ что снимающимъ ихъ приходится ежедневно работать въ потѣ лица, чтобы обезпечить себѣ кусокъ насущнаго хлѣба. Приходъ выражаетъ желаніе, чтобы съ фермеровъ-пахарей (*fermiers-laboureurs*) не требовало въпредъ налога за хозяйственную эксплуатацію ихъ фермы. Они ходатайствуютъ о томъ, чтобы съ нихъ, какъ сельскихъ производителей, не требовался особый добавочный платежъ (*pour ce que l'on nomme industrie*). Такіе порядки отвращаютъ пахаря, по ихъ словамъ, отъ обработки земли и создаютъ препятствіе къ развитію земледѣлія ⁴⁾. Мелкое землевладѣніе не только не растетъ, но, наоборотъ, падаетъ все болѣе и болѣе. Платежъ *franc-fief*, требуемый отъ покупателей феодальныхъ земель, препятствуетъ приобрѣтенію ихъ лицами средняго сословія ⁵⁾. Равному раздѣлу наслѣдствъ мѣшаютъ преимущества старшаго сына ⁶⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 70.

²⁾ Ibid., стр. 119.

³⁾ Ibid., стр. 132.

⁴⁾ Ibid., стр. 153.

⁵⁾ *Cahier de Mardié*. Ibid., стр. 103. *Cahier de Château Neuf sur Loire*, стр. 219.

⁶⁾ *Cahier de Chevilly*, стр. 137.

Церковная и монастырская собственность неотчуждаема; необходимо было бы, поэтому, понудить обитатели къ продажѣ своихъ имуществъ, чтобы пустить ихъ землю въ оборотъ ¹⁾. Ко всему этому надо прибавить, что во многихъ мѣстахъ мелкіе участки присоединяются къ крупнымъ; это причиняетъ величайшій вредъ поселянамъ, такъ какъ такое округленіе ведетъ къ упраздненію многихъ *métayries*, т.-е. снимаемыхъ въ аренду земельныхъ участковъ (*locatures*). Въ старые годы встрѣчались мелкія собственности (*petites propriétés*), хорошо воздѣлываемыя и пріятныя для глаза. Онѣ теперь смѣнились пустырями (*des déserts*). Несчастный воздѣлыватель на протяжении всей Солонь (*Sologne*) стонетъ подъ бременемъ налоговъ и, вмѣсто того, чтобы подвергать почву корчеванію, оставляетъ ее въ дикомъ видѣ ²⁾. Число мелкихъ собственниковъ всего значительное среди винодѣловъ. Разведеніе лозы — явленіе обычное на берегахъ Луары. Но и тѣхъ, кто дотолѣ занятъ былъ посадкой лозы на собственныхъ земляхъ, коснулся процессъ округленія. Въ приходѣ Сентъ-Жанъ-ле-Бланъ, лежащемъ въ окрестностяхъ Орлеана и издавна населенномъ винодѣлами, виноградники перешли въ руки горожанъ (*bourgeois*), а винодѣламъ пришлось стать ихъ батраками. Доказывая, что на получаемый ими доходъ они болѣе жить не могутъ, винодѣлы требуютъ отъ буржуа увеличенія ихъ жалованья, а отъ короля — пониженія его налоговъ ³⁾. Есть, конечно, приходы, въ которыхъ уцѣлѣли мелкіе собственники: такъ на примѣръ, въ *Sigbois* можно найти такихъ владѣльцевъ (*propriétaire de vigne à lui*). Но несмотря на то, что такія лица имѣютъ лишь небольшіе участки, обложенные рентами, ихъ все же относятъ къ категоріи крупныхъ пахарей (*gros laboureurs*). Составитель наказа заявляетъ, что такіе *gros laboureurs* встрѣчаются въ дѣйствительности въ Босъ и въ Пикардіи, гдѣ фермы значительны, но далеко не въ данномъ приходѣ, гдѣ доходъ отъ фермы равняется всего 500—600 ливрамъ и каждая ферма занимаетъ одинъ полный „плугъ“ ⁴⁾.

Что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ настоящими собственниками мелкихъ участковъ, это явствуетъ изъ наказа Жаржо. Онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы при принудительной продажѣ недвижимостей уменьшены были расходы. Послѣдніе особенно даютъ себя чувствовать въ селахъ, гдѣ собственность раздроблена (ou

¹⁾ Ibid., стр. 188.

²⁾ Cahier de Marcilly en Villette, стр. 188 и 190.

³⁾ Ibid., стр. 201.

⁴⁾ Cahier de Sigbois.

les propriétés sont morcellées) и цѣна cadastra участка незначительна. Въ такихъ условіяхъ издержки, связанныя съ производствомъ публичныхъ торговъ, уносятъ иногда большую часть покупной платы. Очевидно, что рѣчь идетъ не о наслѣдственныхъ или пожизненныхъ арендаторахъ, имѣнія которыхъ не могли бы подлежать продажѣ съ публичныхъ торговъ, а о крестьянахъ-собственникахъ ¹⁾. Но тексты вродѣ приведеннаго встрѣчаются не часто.

Крестьянское населеніе снимается съ своихъ мѣстъ и уходитъ въ сосѣдніе провинціи и города, въ расчетѣ на лучший заработокъ. Трудно ждать роста мелкой собственности тамъ, гдѣ, по описанію наказовъ, земледѣлецъ, проведеншій всю свою жизнь въ тяжкомъ трудѣ, „умираетъ въ болѣе бѣдности чѣмъ та, при какой онъ впервые приступилъ къ обработкѣ почвы“ ²⁾.

Важнѣйшая причина тому, что села пустѣютъ, — читаемъ мы въ наказѣ Saint-Florent, — лежитъ въ крайней нищетѣ, въ нихъ воцарившейся. Въ пищу жителей идетъ черный хлѣбъ, приготовляемый изъ смѣси ржаной муки и гречневой, похлебка изъ рѣпы, къ которой прибавляется оливковое или коровье масло, да еще кислое молоко, при полномъ отсутствіи мяса; таковъ обычный коштъ населенія ³⁾. Крестьянская молодежь уходитъ въ городъ, гдѣ жалованье слугамъ (domestiques) возросло вдвое за послѣднія двадцать лѣтъ ⁴⁾.

Въ селахъ чувствуется нестача рабочихъ рукъ, жалуется наказъ прихода Сентъ-Эньянь ⁵⁾. Населеніе уменьшается со дня на день, заявляетъ приходъ Сердонъ. Въ этомъ можно убѣдиться по небольшому числу браковъ. Воздѣлыватель покидаетъ почву въ виду чрезмѣрнаго обложенія прямой податью (taille), въ виду службы въ милиціи и дорожной повинности ⁶⁾. Брошенные участки пріобрѣтаются на протяженіи всей Солонь феодальными сеньорами. Они, по словамъ составителей наказовъ Vouzon и la Molle-Beuvron, присоединили къ землямъ въ собственномъ управленіи „наслѣдства и домены“, ранѣе сдававшіеся ими и ихъ предшественниками въ аренду, въ чиншъ или подъ условіемъ платежа ренты. Поводъ къ тому дала пріостановка въ несеніи крестьянами тѣхъ повинностей и платежей, которыми

¹⁾ Ibid., стр. 241.

²⁾ Cahier d'Isdes, стр. 336.

³⁾ Ibid., Cahier de Saint-Florent, стр. 354.

⁴⁾ Cahier de Cerdon, стр. 333 и Cahier de Saint-Florent, стр. 333.

⁵⁾ Стр. 375.

⁶⁾ Ibid., стр. 375, 385, 389.

обременены были эти участки. Сами же сѣмщики впади въ нищету подъ бременемъ государственныхъ налоговъ. Земли, возсоединенныя сеньорами съ прежними ихъ владѣнiями, образуютъ нынѣ феодалы (*des fiefs*). Вся Солонь обезлюдѣла. Земледѣлiе чахнетъ въ ней. Крупная собственность растеть, такъ какъ на протяженiи всей области слѣдуетъ соединенiе во единое нѣсколькихъ имѣнiй. Это рѣзко бросается въ глаза въ податномъ округѣ *Romorantin*, гдѣ помѣстья особенно крупны (*propriétés très étendues*) и земледѣлiе все больше и больше уступаетъ мѣсто разведенiю овецъ. Помѣстья въ 800—1.000 арпановъ держать подъ посѣвомъ не болѣе 40—50 арпановъ, да и то по преимуществу подъ рожью. Чтобы увеличить населенность провинцiй, надо — полагаетъ составитель наказа — озаботиться надѣленiемъ жителей земельной собственностью (*il faudrait procurer aux habitants des propriétés*) ¹⁾.

Въ *Pierrefitte* мы находимъ частичное подтвержденiе сказанному. Съ конца XVII-го столѣтiя, жалуются наказъ, исчезло болѣе 15 домоновъ, т.-е. сельскохозяйственныхъ единицъ. Воздѣлыватели, ихъ занимавшiе, принуждены были выселиться. Въ *Chapelle-Saint-Martin* насчитываютъ 4.500 арпановъ, изъ нихъ половина лежитъ впустѣ уже много лѣтъ. Не разъ пробовали развести на нихъ хлѣбъ; но всѣ опыты оказались неудачными. Обработка обходится такъ дорого и налоги такъ высоки, что земледѣлiе оказывается невыгоднымъ. Поэтому нынѣ не болѣе 1.000 арпановъ въ годъ поступаютъ подъ посѣвъ, 250 состоятъ подъ виноградниками, на протяженiи же остальныхъ не удалось завести даже искусственныхъ луговъ ²⁾.

Въ *Fay-aux-Loges* четверть жителей нищенствуетъ, а изъ остальныхъ большая часть не можетъ продолжать своихъ сельскохозяйственныхъ работъ безъ чьей-либо поддержки. 150 дворовъ въ бѣдственномъ положенiи, но скрываютъ свою недостаточность изъ страха лишиться кредита ³⁾.

Въ *Сюлли*, гдѣ насчитываютъ 80 очаговъ, большинство населенiя состоитъ изъ батраковъ, лѣсниковъ и угольщиковъ. Всѣ они стонутъ подъ бременемъ налоговъ. Сеньоры во всей округѣ владѣютъ и пользуются большею частью земель. Множество фермъ, отъ нихъ зависящихъ, возсоединены нынѣ съ ихъ имѣнiями. Они извлекаютъ доходъ со своихъ земель, заводя на нихъ луговое хозяйство (*ils les tiennent en prés*). Обширные

¹⁾ Ibid., стр. 417.

²⁾ Ibid., стр. 483.

³⁾ Ibid., стр. 595.

пастбища даютъ возможность разведенія овецъ. Часть земель сдается мелкими участками въ наемъ (*convertis en petites locatures*)¹⁾.

Описанные порядки господствуютъ на протяженіи всей Солонь, и на нихъ уже было обращено вниманіе провинціального собранія въ особомъ мемуарѣ, представленномъ ему въ 1788 г.²⁾

Не въ одной Солонь крупная собственность растеть въ ущербъ мелкой; то же можно сказать и о другой части Орлеанэ, о Босъ. „Большинство сенъёровъ и другихъ собственниковъ—читаемъ мы въ наказѣ Mervillier—соединили каждый нѣсколько фермъ въ одну. Эти соединенія препятствуютъ размноженію очаговъ—жалуется составитель наказа. Населеніе, благодаря имъ, уменьшается въ числѣ. Значительная часть поселянъ, сыновей „пахарей“, не находя возможности устроиться на землѣ, воздерживаются отъ заключенія браковъ“. Наказъ заканчивается просьбой, обращенной къ депутатамъ—законодательными мѣрами воспрепятствовать дальнѣйшему объединенію фермъ. „Надо—говоритъ онъ—запретить собственникамъ сдавать въ однѣ руки болѣе одной фермы“.

Мы видѣли, что процессъ округленія сказался съ особою силою въ Romorantin. Наказы этого бальяжа издали за послѣднее время Lesueur и Cauchie. Они въ значительной степени восполняютъ ту картину крестьянскаго обезземеленія и исчезновенія мелкихъ участковъ, какая представилась намъ при изученіи наказовъ орлеанскаго бальяжа. Жалуясь на гнетъ податей, наказъ Mennétou-sur-Cher сообщаетъ: „Наши мелкіе земельные собственники обѣднѣли, пахари (*laboureurs*) и фермеры отказываются снимать земли иначе, какъ послѣ вычета изъ наемной платы причитающихся съ участка налоговъ. Въ противномъ случаѣ они покидаютъ округъ Роморантена, предпочитая ему Бери, гдѣ размѣръ обложенія на $\frac{2}{3}$ ниже, чѣмъ у насъ“³⁾.

Немудрено, если въ такихъ условіяхъ двѣ трети всѣхъ земель въ окрестностяхъ города Saint-Aignan сосредоточились въ рукахъ не крестьянъ, а сенъёровъ, въ частности—двухъ монастырей. Крестьяне снимаютъ у нихъ участки подъ условіемъ несенія ренты или арендной платы (*à titre de ferme ou de rente*)⁴⁾.

¹⁾ Ibid., 599.

²⁾ Названіе этого мемуара слѣдующее: „Les vues générales sur la Sologne présentées à M^{rs} de l'assemblée provinciale en l'année 1788“.

³⁾ Cahier du bailliage de Blois et du bailliage de Romorantin, vol. II, p. 147.

⁴⁾ Ibid., стр. 219, 224.

Многіе поставлены въ необходимость для платежа налоговъ продавать свою движимость. Винодѣлы работаютъ по найму; поденщики зарабатываютъ 8—10 sols или су. въ день, не получая содержанія отъ хозяина. По два мѣсяца имъ приходится обходиться безъ всякаго заработка. Для другихъ сельскохозяйственныхъ слугъ плата только лѣтомъ возрастаетъ до 15—18 sols; въ остальное же время года она не выше 13—14. Немудрено, что въ теченіе девяти мѣсяцевъ въ году крестьянинъ не видитъ мяса и не пьетъ вина, довольствуясь однимъ хлѣбомъ, да и то не всегда. Если гдѣ и удержалась мелкая собственность, какъ на примѣръ въ приходѣ Roullé, то она по размѣрамъ своимъ крайне ничтожна. Мелкія наслѣдства нерѣдко не превышаютъ четверти и даже одной восьмой части арпана. Есть такія, которыя не больше двухъ или трехъ chainées; chainée же равна одной сотой арпана или 66 сентіарамъ или кв. метрамъ. Да и эта мелкая собственность по происхожденію своему далеко не крестьянская, а принадлежитъ къ категоріи дворянскихъ земель (franc-fiefs) ¹⁾.

Въ окрестностяхъ городовъ къ дворянскому и церковному землевладѣнію присоединяются еще земли горожанъ; такъ въ Fougère мѣстные обыватели, винодѣлы и ремесленники, не владѣютъ никакимъ имуществомъ (ne possèdent aucun bien) или, самое большее, всѣ вмѣстѣ владѣютъ 50—100 арпанами виноградника, да еще 6—7 арпанами луга; рядомъ съ ними лежатъ имѣнія г. Сень-Клеръ и церковнаго капитула собора Блуа; большинство же виноградниковъ составляютъ собственность различныхъ жителей города Блуа, въ числѣ 20 человекъ.

О мелкой собственности во многихъ приходахъ нѣтъ и помину. Такъ въ Конти, гдѣ имѣется 307 дворовъ, всѣ заняты поденщиками или ремесленниками, не имѣющими никакого недвижимаго имущества. Найдется всего 50 жителей, владѣющихъ землями, обложенными рентами (biens chargés de rentes). Къ церковнымъ собственникамъ и свѣтскимъ сеньерамъ присоединяются еще владѣльцы средняго сословія и жители городовъ Blois, Saint-Aignan и другихъ. Они владѣютъ не только усадьбами, но также землями, лугами и виноградниками ²⁾. Населеніе убываетъ замѣтно. Такъ въ Бужу, гдѣ прежде насчитывали 100 очаговъ, ихъ осталось всего-на-всего 17 ³⁾.

Мѣсто крестьянъ-собственниковъ занимаютъ половники, т.-е.

¹⁾ Ibid., стр. 236.

²⁾ Ibid., стр. 27, 28 и 31.

³⁾ Ibid., стр. 49.

лица, снимающія чужую землю съ части урожая. Такъ въ St.-Syr-Semblecy большая часть всѣхъ 112 дворовъ занята такими половниками ¹⁾. Наказы изображаютъ мрачными красками экономическое положеніе Солонь. Она производитъ удручающее впечатлѣніе, говоритъ наказъ дворянства баряжа Блуа. Почти повсюду земля открыта для выпаса скота (*partout elle est en vaine pâture*). Только по временамъ сѣютъ на ней рожь и гречиху. Населеніе уменьшается, земледѣіе становится все болѣе и болѣе нищенскимъ; одинъ размѣръ прямой подати (*taille*) остался прежнимъ и за послѣднее время поглощаетъ половину дохода земельныхъ собственниковъ ²⁾.

Къ числу центральныхъ провинцій Франціи принадлежитъ также теперешній департаментъ Марны, съ которымъ совпала до 1789 г. баряжъ города Шалона. Недавно изданные указы его сельскихъ приходовъ заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя подробности насчетъ распредѣленія въ немъ земельной собственности и владѣнія. Не разъ упоминается о томъ, что во всѣхъ мѣстностяхъ, принадлежащихъ къ этому баряжу, двѣ трети земель составляютъ собственность свѣтскихъ и духовныхъ сенъеровъ ³⁾. Въ нѣкоторыхъ приходахъ указывается болѣе точно количество арпановъ въ рукахъ того или другого класса. Такъ въ Кондэ-на-Мариѣ всего 2.400 арпановъ. Ими владѣютъ на половину (*pour moitié*) духовные и лица привилегированныя. Остальное—въ рукахъ мѣстнаго населенія. Оно состоитъ изъ 500 жителей, образующихъ 135 очаговъ, обложенныхъ прямой податью, *taille*; ихъ нельзя считать собственниками (*ne sont pas même propriétaires*) даже 140 покосныхъ участковъ (*fauchées de près*) ⁴⁾.

Наказъ другого прихода, Cernon ⁵⁾, говоритъ, что большинство его „пахарей“ (точнѣе—почти всѣ) воздѣлываютъ далеко не полный „плугъ“ земли, т. е. менѣе 90 *journels*; журналъ равнялся 8 или 9 *danrée*, которыя въ свою очередь представляли каждая 563 кв. метра ⁶⁾. Мы по всей вѣроятности имѣемъ

¹⁾ Ibid., стр. 93.

²⁾ Ibid., 428.

³⁾ Cahiers de doléances, présentés en 1789 par le paroisse du bailliage de Châlons-sur-Marne, publiés par Lorent, paroisse de Condé, стр. 199.

⁴⁾ Ibid., стр. 184.

⁵⁾ Ibid., стр. 122.

⁶⁾ Журналъ нѣсколько болѣе $\frac{2}{5}$ десятины, а слѣдовательно „плугъ“ земли—то, что указы называютъ *charrue complète*,—равняется 36 съ лишнимъ десятинъ. Такъ какъ наказъ Cernon говоритъ, что ни одинъ дворъ не владѣетъ полнымъ плугомъ, то это даетъ право думать, что 36 дес. составляли максимумъ пользованія отдѣльныхъ пахарей. Въ приходѣ Giorges St.-Tairgent одинъ плугъ (*une charrue*)

дѣло въ этомъ приходѣ съ крестьянами-собственниками. Они попадаютъ и въ другомъ селеніи, Conautré, гдѣ изъ 50 очаговъ 25 заняты „пахарями“ съ одной лошадейю и одинъ — пахаремъ съ двумя лошадейми. Прочее населеніе состоитъ изъ батраковъ (*manouvriers*) ¹⁾. Въ другихъ приходахъ земля также распределена между помѣщиками и крестьянами такимъ образомъ, что на часть послѣднихъ приходится половина пахоты и треть луговъ. Въ приходѣ Montmort изъ 135 очаговъ треть нищенствуетъ; остальные изъ 700 арпановъ пахоты владѣютъ 380, а изъ 400 арпановъ луга — только одной третью. Въ приходѣ St.-Gibrié въ рукахъ настоятеля и монаховъ монастыря „Всѣхъ святыхъ“ двѣ трети всѣхъ земель ²⁾.

Въ мѣстностяхъ винодѣльныхъ мелкая собственность особенно распространена. Въ наказѣ Oger говорится: „Хотя винодѣль и собственникъ (*malgré qu'il soit propriétaire*), но онъ такъ задолженъ, что въ дѣйствительности ему ничто не принадлежитъ (*ne possède rien réellement en propre*) и самъ онъ является прикѣпленнымъ къ землѣ сервомъ“ (*rentre dans la classe des serfs, attachés à la glèbe*) ³⁾.

Въ нѣкоторыхъ приходахъ о воздѣлывателяхъ почвы прямо сказано, что они не болѣе какъ сѣмщики земли, „фермеры“, обложенные тѣмъ не менѣе всѣми падающими на землю налогами, тогда какъ собственники, пользующіеся правами дворянъ и лицъ духовнаго званія, свободны отъ платежей ⁴⁾.

Имущественное положеніе большинства воздѣлывателей изображено въ самомъ безотрадномъ видѣ. Такъ напримѣръ, въ Coizand уже не половина и не $\frac{2}{3}$ земель во владѣніи сеньеровъ, а $\frac{9}{10}$ ⁵⁾. „Мы имѣемъ основаніе жалѣть, что исчезло старинное рабство и крѣпостничество“, пишетъ составитель наказа. „Тогда на господъ падала по крайней мѣрѣ обязанность кормить и одѣвать своихъ сервовъ, мало того, слѣшить имъ на помощь въ случаѣ болѣзни. Мнимая же свобода, купленная цѣною денегъ, только навлекла на насъ массу налоговъ, подъ бременемъ которыхъ мы изнываемъ“. Составитель наказа поясняетъ, что одни воздѣлыватели почвы поставлены въ необходимость

признается способнымъ поднять 35 или самое большее, 40 арпановъ пахотной земли съ помощью 2 лошадей и 4 человекъ.

¹⁾ Ibid., стр. 203.

²⁾ Ibid., стр. 553.

³⁾ Ibid., стр. 489.

⁴⁾ Ibid., стр. 550.

⁵⁾ Ibid., стр. 167.

платить прямой налогъ (*taille*) и за владѣніе землею, и за ея хозяйственную эксплуатацію, хотя они только арендаторы (*n'étant que fermiers*); господа же или собственники (*les maîtres ou propriétaires de ces terres*), одни—какъ дворяне и духовные, другіе—какъ буржуа города Шалона, освобождены отъ платежа *taille de propriété*, т.-е. прямой подати, платимой съ земли и за обладаніе ею въ собственность.

Только что приведенный документъ показываетъ, что порядки, державшіеся въ нѣкоторыхъ вышеупомянутыхъ приходахъ, далеко не составляютъ общаго правила и что такъ называемые *labougeurs* не всюду являются собственниками воздѣлываемыхъ ими участковъ. И дѣйствительно, личный и земельный составъ многихъ приходовъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что мелкая собственность или является настолько дробной, что не обеспечиваетъ достаточнаго дохода для прокормленія двора, или же не отвѣчаетъ современному представленію о независимомъ владѣніи, такъ какъ обложена платежами натуральными и денежными, въ пользу помѣщиковъ. Жители *Briseaux*, напримѣръ, жалуются, что у нихъ очень мало земель, принадлежащихъ имъ въ собственность (*très peu de propriétés à eux*). Лучшіе луга, лѣса, нивы, фермы и мельницы принадлежатъ бенедиктинцамъ аббатства *Beaulieu* ¹⁾.

Въ *Bussy le Château* собственникъ, какъ и фермеръ (*le propriétaire ainsi que le fermier*), платитъ сеньеру 18 *boisseaux* овса въ годъ, да еще 4 *sols* деньгами съ каждаго семейства (*ménage*). Добрая часть земель, кромѣ того, обложена цензомъ ²⁾. Въ *Beauneu* все населеніе, за исключеніемъ трехъ мелкихъ фермеровъ, состоитъ изъ винодѣловъ. Изъ нихъ каждый владѣетъ на правѣ собственности приблизительно арпаномъ виноградника и жалкой хижинкой (*méchante chaumière*); налоговъ же платитъ 30 ливровъ въ годъ. Какъ и въ Орлеанѣ, изнемогая подъ гнетомъ налоговъ, крестьяне спѣшатъ покинуть деревню. Населеніе убываетъ: гдѣ прежде было 86 очаговъ, тамъ ихъ осталось не болѣе 60 ³⁾. Растетъ также безлошадность и сокращается число головъ рогатаго скота ⁴⁾, въ связи съ уменьшеніемъ размѣра общинныхъ пользованій и отмѣной права свободного выгона стадъ на нивы, по снятіи съ нихъ урожая. Тяглое населеніе (*les roturiers*),

¹⁾ Ibid., стр. 107.

²⁾ Ibid., стр. 109.

³⁾ Beauneu, стр. 77.

⁴⁾ Aalay-Paitere. Ibid., стр. 49: leurs bestiaux beaucoup diminués depuis environ 20 ans.

владѣющее достаточнымъ имуществомъ (*jouissant de fortunes honnêtes*), охотно разстается съ деревней, чтобы попасть въ городъ, гдѣ оно будетъ пользоваться податными изъятіями или правомъ снимать налогъ на откупъ. Въ города спѣшатъ также взрослое рабочее населеніе и поденщики ¹⁾. Благодаря этому заработная плата на сельскихъ рабочихъ сильно возрасла и обработка полей становится все болѣе и болѣе убыточною (*les domestiques gagnent le double qu'il y a 20 ans*) ²⁾.

Подвигаясь далѣе на югъ, мы въ предѣлахъ Божолэ (*Beaujolais*) встрѣчаемся съ тѣмъ же преобладаніемъ крупной собственности привилегированныхъ сословій, что и въ центральной Франціи. Мелкая крестьянская собственность существуетъ, но въ скромныхъ размѣрахъ; притомъ она не отвѣчаетъ понятію вполне свободного землевладѣнія. Мѣстный изслѣдователь *Fayard*, занявшись разборомъ приходскихъ наказовъ, приходитъ, на основаніи ихъ, къ слѣдующимъ выводамъ: въ большинствѣ мѣстностей изъятія отъ платежа прямыхъ налоговъ владѣнія дворянъ, духовныхъ, королевскихъ чиновниковъ и буржуа города Ліона, занимаютъ, гдѣ половину, гдѣ три четверти, а гдѣ и четыре пятыхъ всѣхъ земель: лучшія пашни, лучшіе виноградники, почти всѣ луга и лѣсныя площади. Въ отдѣльных селахъ можно встрѣтить небольшое число жителей, ведущихъ хозяйство на собственныхъ земляхъ. Это такъ называемые мелкіе собственники. Они многочисленны, но ихъ владѣнія составлены изъ небольшихъ долей и не доставляютъ необходимыхъ средствъ для жизни. Если къ этимъ участкамъ не присоединяется аренда земли съ половины урожая, да еще право выпаса скота на общинныхъ земляхъ и на нивахъ послѣ уборки, и право вѣзда въ лѣсъ сеньера для сбора валежника, то владѣльцамъ ихъ нечѣмъ жить. Къ тому же эти мелкіе собственники далеко не собственники въ современномъ смыслѣ слова, а эмфитевтическіе владѣльцы, т.-е. наслѣдственные арендаторы. Не знающее давности право помѣщика взимать чиншъ или цензъ, именуемый въ данной мѣстности терминомъ *servie*, обезпечивало сеньерамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, обладаніе самымъ титуломъ собственности. Аллодіальная или полная собственность крестьянъ составляла рѣдкое явленіе.

Съ помощью округленій сеньеры дали такое распространеніе чиншу или цензивѣ и всѣмъ вообще дворянскимъ рентамъ или платежамъ, что большинство крестьянскихъ держаній стало

¹⁾ *Cahier de Compertrix. Ibid., стр. 178.*

²⁾ *Ibid., стр. 317.*

зависимымъ отъ феодаловъ¹⁾. Крестьянская собственность все болѣе и болѣе исчезала. „Поселянинъ—пишетъ Fayard—никогда не присваивалъ себѣ земель дворянства и духовенства, тогда какъ высшія сословія округляли на его счетъ свои собственные владѣнія“. Платимая дворянамъ рента такъ высока, — жалуются жители Saint-Nisier, что обложенныя ею земли едва покрываютъ ее своимъ доходомъ. Съ каждымъ поколѣніемъ взиманіе чинша или *servie* становится все болѣе и болѣе спорнымъ, порождаетъ все новыя и новыя процессы между собственниками и эмфитевтическими владѣльцами. Эти процессы обогащаютъ однихъ только ходоатаевъ и комиссаровъ, разоряя въ то же время крестьянъ“. Таковы жалобы приходоу Juliéna les Ardelles и Villiers.

Въ сенешоссеѣ Нима, въ тѣхъ самыхъ Севеннахъ, въ которыхъ еще недавно свирѣпствовали религіозныя преслѣдованія и откуда многія семьи принуждены были выселиться въ царствованіе Людовика XIV, въ эпоху отмѣны Нантскаго эдикта, помѣстья не перешли въ руки крестьянъ, а стали достояніемъ среднего сословія. На это указываетъ составитель наказа Alzon. По его словамъ, эмигрировавшіе дворы продали свои земли жителямъ городовъ, такъ какъ мѣстные обыватели не имѣли средствъ къ ихъ приобрѣтенію. Большая часть этихъ земель не перешла даже въ собственность новыхъ приобрѣтателей, а сдѣлалась ихъ эмфитевтическимъ владѣніемъ. Свободныхъ капиталовъ не было на лицо, да и участки были слишкомъ мелки и разбросаны. Пришлось установить наслѣдственную аренду (*des baux à locature perpétuelle*) и удовольствоваться полученіемъ одной неизмѣнной ренты²⁾.

Наказъ Beauvoisin, при перечисленіи причинъ застоя земледѣлія, указываетъ, между прочимъ, на то, что большая часть земель—въ рукахъ духовенства. Ростъ недвижимой его собственности безостановоченъ, такъ какъ оно присвоило себѣ (*ont usurpé*) часть земель, принадлежавшихъ мѣстному населенію, и угнетаетъ его ежедневно (*et nous vexent journellement*). А между тѣмъ—продолжаютъ составители наказа,—обработка почвы въ предѣлахъ церковныхъ владѣній крайне несовершенна. Онѣ бы доставили двойной урожай, если бы были въ рукахъ свѣтскихъ собственников³⁾. Жалуются также составители наказа и на недостатокъ рабочаго скота, и на отливъ въ города сельскихъ слугъ. Деревня

¹⁾ Les Cahiers des paysans beaujolais, 1904, стр. 35 и слѣд.

²⁾ Les Cahiers de la sénéch. de Nîmes, publiés par Bligny Bondurau, стр. 36 и 73.

³⁾ Ibid., стр. 36.

пустѣть, земледѣліе страдаетъ отъ недостатка воздѣлывателей ¹⁾).

Косвенное подтвержденіе вѣрности тѣхъ указаній, какія приходскіе наказы содержатъ въ себѣ по вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи, даютъ намъ нѣкоторые другіе источники, съ которыми познакомили насъ изданія, предпріятыя французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Когда въ послѣдніе годы стараго порядка возникли въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи своего рода земскія собранія, ихъ исполнительныя коммиссіи озаботились разсылкой по деревнямъ особыхъ вопросниковъ, съ цѣлю выяснитъ матеріальное положеніе сельскаго люда. Эти вопросники вызвали цѣлую литературу мѣстныхъ отчетовъ, не всегда грамотныхъ, но зато отличающихся большой искренностью и неподдѣльностью. Въ нихъ немало точныхъ цифровыхъ данныхъ и о числѣ жителей, его сокращеніи или ростѣ, и о составѣ населенія, и о распредѣленіи земельной собственности, и объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ, и о числѣ нищихъ, и о размѣрахъ общественной благотворительности, и о наличности или отсутствіи мѣръ борьбы съ болѣзнями, эпидеміями и эпизоотіями. Къ сожалѣнію, такіе документы сохранились далеко не во всѣхъ провинціяхъ, получившихъ мѣстное представительство во время перваго министерства Неккера. По имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ, въ большемъ или меньшемъ числѣ они уцѣлѣли въ юго-восточной части Франціи—въ Греноблѣ и Гапѣ. Первые еще необнародованы, вторые вышли, не далѣе какъ въ 1909-мъ году, особымъ сборникомъ, изданнымъ аббатомъ Гильомомъ, архивистомъ департамента Верхнихъ Альпъ. Интересно сопоставить, на основаніи этого матеріала, бытъ крестьянъ-горцевъ въ этихъ высокихъ долинахъ съ тѣмъ, какой наказы раскрыли намъ въ Севернахъ. Можно было бы ожидать, что сеньеріальное право сказалось съ меньшею силою на судьбѣ горцевъ и что послѣдніе имѣли возможность сохранить въ своихъ рукахъ полную или такъ называемую аллодіальную собственность на съ трудомъ выкорчеванные ими участки; но изъ содержанія официальной переписки, какъ и изъ наказовъ нагорной части Нимскаго бальяжа, слѣдуетъ одинъ и тотъ же выводъ: крестьянская собственность не устояла передъ феодальными захватами, не выдержала бремени государственныхъ налоговъ и сеньеріальныхъ пла-

¹⁾ Cahier de Beauvoisin, *ibid.*, стр. 114, и Cornillon, стр. 268. Составители послѣдняго наказа предлагаютъ установленіе высокаго налога со слугъ въ городахъ; они видятъ въ этомъ средство помѣшать дальнѣйшему отливу сельскаго населенія.

тежей и съ теченіемъ времени стала постепенно исчезать. Вотъ рядъ конкретных данныхъ, на которыхъ опирается это общее заключеніе. Въ приходѣ Агніель въ рукахъ крестьянъ осталось мало нивъ и луговъ; сеньёръ владѣетъ большею ихъ частью. Изъ тридцати шести жителей семь или восемь, не болѣе, получаютъ со своихъ полей достаточно хлѣба, чтобы прокормиться. Говоря о жилищахъ и пищѣ крестьянъ, мѣстные отчеты большинства приходовъ упоминаютъ о хижинахъ, обыкновенно покрытыхъ соломой, о черномъ хлѣбѣ, изготовляемомъ изъ ржи съ примѣсью картофеля и ячменя. Крестьянину приходится воздерживаться отъ употребленія мяса и даже того легкаго бѣлаго вина, которое выдѣлывается имъ на мѣстахъ. Большая часть этого вина поступаетъ въ продажу, такъ какъ нѣтъ другого средства покрыть чрезмѣрные поборы и издержки собственнаго существованія. Ни лошадей, ни воловъ крестьяне не держатъ въ количествѣ достаточномъ для обработки своихъ полей. Вотъ почему въ плугъ нерѣдко впрягаются коровы. Не находя на мѣстахъ достаточнаго заработка, крестьяне зимою идутъ въ отхожіе промыслы. Для этого они спускаются въ Провансъ и Ліоннѣ. Они слишкомъ обременены налогами, чтобы заняться домашней промышленностью, требующей извѣстныхъ затратъ ¹⁾. Хотя климатъ и позволяетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ производить посѣвъ пшеницы, но все собранное количество ея поступаетъ въ продажу для оплаты налоговъ. Подобно тому, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ у насъ, крестьянинъ сперва продаетъ свой урожай изъ страха недоимокъ, а затѣмъ приобретаетъ на собственные деньги нужное ему зерно ²⁾. Число нищихъ, нуждающихся въ общественномъ призрѣніи, во всѣхъ приходахъ довольно значительно; но на ихъ содержаніе, какъ общее правило, идетъ только двадцать-четвертая часть платимой мѣстному священнику церковной десятины ³⁾. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить ночлежный пріютъ и особый денежный фондъ, предназначенный на его содержаніе. На вопросъ о томъ: имѣются ли какія-либо суммы на покрытіе издержекъ народнаго образованія или на общественное призрѣніе —дается всего чаще отрицательный отвѣтъ ⁴⁾. „Всѣ наши жители безграмотны, — пишутъ власти прихода Бомъ; —если кто и сумѣетъ дать свою подпись, то онъ не въ состояніи самъ прочесть написан-

¹⁾ Ibid., стр. 38 и 55.

²⁾ Ibid., стр. 65.

³⁾ Ibid., стр. 73 и 84.

⁴⁾ Ibid., стр. 90.

наго¹⁾. Причину своего бѣдственнаго положенія жители нѣкоторыхъ приходоу ставятъ въ прямую зависимость отъ налогового бремени, съ одной стороны, а, съ другой—отъ продолжающаго тяготѣть надъ ними сеньеріальнаго права. Одна изъ общинъ перечисляетъ производимые ея жителями платежи въ пользу помѣщика. Такъ какъ онъ считаетъ себя верховнымъ собственникомъ всѣхъ ея земель, то община несетъ въ его пользу ежегодно 51 ливръ за такъ-называемую *directe*, т.-е. на правахъ чинша; при перемѣщеніи участка изъ однѣхъ рукъ въ другія собственникъ получаетъ 12 *sy lods et ventes*. Каждый житель, сверхъ того, ставитъ ему ежегодно одинъ солидъ деньгами, одну „эминъ“ овса, двѣ курицы и производитъ въ его пользу двухдневныя барщинныя работы. Все это не мѣшаетъ полученію помѣщикомъ реальныхъ рентъ съ крестьянскихъ надѣловъ. Къ шампару или части годовыхъ урожаевъ, которая въ данной мѣстности не ниже девятой, присоединяется еще платежъ хлѣбнымъ зерномъ²⁾.

Положеніе крестьянъ тѣмъ болѣе безвыходно, что въ селахъ нѣтъ никакихъ добавочныхъ заработковъ. Одна изъ общинъ жалуется: „у насъ нѣтъ ни одного ремесленника, ни одного челоуѣка, занятого выдѣлкой сукна или полотентъ, ни одного каменщика или плотника, ни даже сапожника или портного. Когда является въ нихъ нужда, приходится обращаться въ сосѣднія села. Все это происходитъ оттого, что у жителей нѣтъ средствъ: они не могутъ научить ремеслу своихъ дѣтей, и послѣднія, какъ только становятся работоспособными, вмѣсто того, чтобы помогать родителямъ, уходятъ въ Провансъ; большинство осѣдаетъ въ немъ; нашъ же крестьянинъ остается безъ сельскихъ слугъ и лишенъ нужной ему хозяйственной помощи. Причина, по которой взрослые сыновья не спѣшатъ вернуться домой, та, что они бѣгутъ отъ воинской повинности“³⁾.

Можно было бы, разумѣется, привести еще рядъ выдержекъ, но онѣ только подкрѣпили бы новыми данными ту картину крестьянской нужды, которая такъ ярко выступаетъ изъ приведенныхъ уже отвѣтовъ. Мы и безъ того обременили читателя однообразными свидѣтельствами. Если въ наказахъ сельскихъ приходоу, какъ и въ официальной перепискѣ, заходитъ рѣчь все объ однѣхъ и тѣхъ же причинахъ крестьянскаго обѣднѣнія на протяженіи всей Франціи, то, очевидно, потому, что эти причины не имѣли мѣстнаго характера. Въ различнѣйшихъ частяхъ страны,—

¹⁾ Ibid., стр. 68.

²⁾ См. отчетъ общины Lardie, *ibid.*, стр. 233 и 289.

³⁾ Ibid., стр. 301 и 302.

на сѣверѣ столько же, сколько и на югѣ, востокѣ и западѣ, въ центральныхъ провинціяхъ, какъ и на окраинахъ, совершается, въ разной только степени—здѣсь медленнѣе, тамъ быстрѣе—одинъ и тотъ же процессъ ликвидаціи феодальнаго строя или, точнѣе, сеньеріальной системы. Онъ начался уже давно и закончится ускореннымъ и искусственнымъ порядкомъ послѣ революціи 4-го августа, при ближайшемъ участіи такъ называемыхъ феодальныхъ комитетовъ, выбранныхъ Учредительнымъ, а потомъ Законодательнымъ Собраніемъ и Конвентомъ. При феодальномъ строѣ все населеніе связано столько же службою, сколько и землею. Свободные люди на правахъ вассаловъ снимаютъ большіе или меньшіе участки у владѣльцевъ феоновъ и ставятъ имъ въ замѣнъ вооруженныхъ всадниковъ. Крѣпостное, а позднѣе оброчное крестьянство владѣетъ своими надѣлами на земляхъ помѣстья, ставя пѣшихъ ратниковъ во время войны и сельскихъ воздѣлывателей въ мирное время. Его трудомъ и его натуральными приношеніями помѣщикъ вознаграждается за предоставленіе значительной части земель въ наслѣдственное пользованіе поселянамъ. Въ его непосредственномъ завѣдываніи остаются только нѣкоторыя части феода, образующія, по терминологіи средневѣковыхъ актовъ, его такъ называемый *domaine*, по-латыни — *terra indominicata*. При такихъ порядкахъ мелкое крестьянское пользованіе является общимъ правиломъ. Оно не препятствуетъ существованію церковныхъ и свѣтскихъ латифундій, такъ какъ держится на ихъ почвѣ. Наканунѣ революціи Франція еще оставалась страной сеньеріальнаго права и мелкое крестьянское пользованіе, поэтому, не было въ ней исключеніемъ. Такъ какъ барщина исчезла уже въ большинствѣ провинцій, уступая мѣсто чиншевому праву или оброку, то немудрено, что съ XVI столѣтія „Кутюмье“ — своды земскаго права отдѣльныхъ областей и округовъ Франціи—стали примѣнять къ крестьянскому владѣнію терминъ „собственность“, не взирая на то, что это владѣніе обременено было какъ натуральными, такъ и денежными платежами въ пользу сеньера, что годовые урожаи съ крестьянскихъ нивъ и луговъ дѣлились на неравныя части между помѣщикомъ и крестьяниномъ въ силу существованія такъ называемаго шампара или, взамѣнъ такого раздѣла, обложены были неизмѣнной денежной рентой. Это обстоятельство не помѣшало Тоэвилю, по примѣру составителей „Кутюмье“ XVI-го и слѣдующихъ столѣтій, говорить о крестьянскомъ землевладѣніи, какъ о собственности, и признать особенностью „старого порядка“ то дробленіе недвижимыхъ имуществъ на мелкіе участки, какое

продолжается во Франціи и по настоящій день. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ былъ правъ: это особенно выступаетъ при сопоставленіи французскихъ порядковъ съ английскими. Климатическія условія, большое количество влаги — вотъ причина, по которой въ Англіи разведеніе тонкорунной овцы рано стало замѣнять собою земледѣліе, а это имѣло послѣдствіемъ измѣненіе всего социального строя английской деревни. Овцеводство не требуетъ значительнаго числа рабочихъ рукъ; помѣщику становится болѣе выгоднымъ замѣнить вѣчно-наслѣдственную аренду крестьянъ-барщинниковъ и оброчниковъ свободнымъ и срочнымъ фермерствомъ. Фермеръ самъ вкладываетъ капиталъ въ землю, а возрастающій благодаря этому доходъ позволяетъ ему, при возобновленіи договора, повышать ренту собственника. При такихъ условіяхъ понятно, что крѣпостное право вымираетъ въ Англіи на нѣсколько столѣтій раньше, чѣмъ во Франціи. Съ нимъ исчезаетъ постепенно система открытыхъ полей, съ расположенными на нихъ въ разсыпную полосами крестьянскихъ надѣловъ. Изъ среды сельскаго населенія выходятъ первые свободные стемщики помѣстныхъ земель, тѣ „пожиратели арендъ“ (lease mongers), жалобами на которыхъ полна литература XVI-го вѣка. Тѣ же крестьяне, не становясь собственниками, образуютъ изъ себя зажиточный классъ земельныхъ пользователей. „Веселая Англія“ временъ Елизаветы признается современниками страной „іоменовъ“, исчезающихъ въ послѣдующія столѣтія. Подъ этимъ именемъ разумѣются крестьяне-арендаторы, владѣльцы огороженныхъ участковъ снятой у собственниковъ земли. Передавая въ немногихъ словахъ отличіе французскаго земельнаго строя отъ английскаго, мы можемъ сказать, что во Франціи свободный договоръ имѣлъ въ концѣ XVIII вѣка меньшее примѣненіе къ землѣ, чѣмъ въ Англіи, что въ ней въ большей степени сохранились порядки средневѣковаго вѣчно-наслѣдственнаго пользованія крестьянъ, и народныя массы, благодаря этому, въ меньшей степени являлись обезземеленными. Эти различія имѣли ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ сохраненіе во Франціи мелкаго землепользованія и, наоборотъ, округленіе помѣстій и фермъ въ Англіи. Разорвавшему связь съ землею крестьянству по ту сторону Ламанша пришлось перейти въ ряды сельскихъ слугъ, или принять участіе въ колонизаціи американскаго материка и Индіи, или, наконецъ, посвятить себя промышленной и торговой дѣятельности, что въ свою очередь потребовало перемѣщенія его въ фабричныя и заводскіе центры. Отсюда быстрый ростъ городского населенія въ Англіи и пережитая ею во второй половинѣ XVIII вѣка

„экономическая революція“, т.-е. насажденіе крупной промышленности. Одновременно Франція остается страной по преимуществу земледѣльской. Крестьянскія массы продолжали сидѣть, какъ столѣтія раньше, на своихъ надѣлахъ, обремененныя возрастающими сеньеріальными платежами и государственными налогами. Поставленный въ необходимость сохранить средневѣковые порядки земельного пользованія въ предѣлахъ своего помѣстья, сеньеръ возмѣщалъ себя за убытки, причиняемые ему неизмѣнностью крестьянскихъ рентъ и платежей, упорнымъ настаиваніемъ на своихъ хозяйственныхъ монополіяхъ и оживленіемъ вымершихъ, пришедшихъ въ забвеніе феодальныхъ правъ. Возобновляя на разстояніи все болѣе и болѣе короткихъ промежутковъ и на средства сельскаго люда свои такъ называемые „террье“, т.-е. записи слѣдовавшихъ ему съ крестьянъ поборовъ, сеньеръ увеличивалъ тяготѣвшій надъ деревнею вотчинный гнетъ, вызывая тѣмъ самымъ сильное недовольство у людей ему подвластныхъ. Но крестьянство, въ большинствѣ случаевъ, не снималось со своихъ мѣстъ, ища въ промышленной дѣятельности только подспорье своему сельско-хозяйственному труду. Этимъ объясняется, почему французская промышленность сохраняетъ еще въ концѣ XVIII вѣка характеръ домашней или мелкозаводской. Крестьянство занимается пряжей и тканьемъ шелковыхъ, суконныхъ, полотняныхъ и бумажныхъ тканей, не выходя изъ своихъ усадьбъ и затрачивая на это дѣло по преимуществу трудъ женщинъ и подростковъ. А помѣщики заводятъ въ своихъ имѣніяхъ небольшія фабрики стеклянныхъ, фарфоровыхъ, фаянсовыхъ и бумажныхъ издѣлій, сводя для этого, за неимѣніемъ минеральнаго топлива, свои лѣсныя дачи.

Очевидно, что въ дѣйствительности контрасты французскаго и англійскаго деревенскаго строя не были такъ рѣзки, какъ они представлены въ нашей схемѣ: въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи уже начинался тотъ самый порядокъ перехода къ фермерскому хозяйству, которому Англія обязана была разслоеніемъ деревни, образованіемъ сельскаго пролетаріата и отливомъ части его въ города и колоніи. Физіократы и Тюрго уже отмѣтили этотъ фактъ, а сельскохозяйственные общества и исполнительныя комиссіи при провинціальныхъ собраніяхъ и штатахъ всячески пропагандировали мысль о переходѣ къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйничанья и о разрывѣ съ средневѣковымъ половничествомъ, неизмѣнными рентами и платежами. Въ Нормандіи и Артуа, какъ и во Фландріи, уже можно было встрѣтить многія черты зарождающагося капиталистическаго хо-

зайства. Немудрено, поэтому, если система свободной торговли, установившаяся во Франціи въ годы предшествовавшіе революціи, съ момента допущенія вывоза хлѣба за границу и беспошлиннаго ввоза мануфактуратовъ, произвела здѣсь одновременно и сильный подъемъ земледѣлія, и быстрый упадокъ промышленности, еще недостаточно оборудованной машинами. Вызванный этими обстоятельствами кризисъ наложилъ печать и на содержаніе наказовъ 1789-го года, какъ мы будемъ имѣть случай показать впоследствии. Если Токвилемъ правильно отмѣчена была одна изъ характерныхъ чертъ экономическаго и общественнаго строя Франціи наканунѣ революціи, то имъ же сдѣлана была несомнѣнно весьма грубая фактическая ошибка. Мелкое крестьянское пользование—завѣтъ феодальной системы, наслѣдіе среднихъ вѣковъ—было отождествлено имъ съ движеніемъ очевидно новѣйшаго времени: выкупомъ крестьянами своихъ надѣловъ въ собственность. Такого выкупа, какъ массоваго явленія, не было. Въ отдѣльныхъ селеніяхъ могли появиться, въ видѣ исключенія, крестьяне-собственники. Въ нѣкоторыхъ областяхъ сельскохозяйственнаго труда—въ винодѣліи и искусственномъ разведеніи кормовыхъ растений и луговъ—освобожденіе отъ рутинны требовало перехода воздѣлывателей въ категорію лицъ, порвавшихъ съ надѣльной системой и обязательнымъ сѣвооборотомъ. Немудрено, поэтому, если въ средѣ владѣльцевъ мелкихъ виноградныхъ участковъ, напр. въ бальяжѣ Сансъ, какъ и среди „пахарей“ (laboureurs) сѣверной и центральной Франціи, могли найтись въ нѣкоторомъ, и даже значительномъ, числѣ и собственники; но чтобы всѣ „пахари“, за немногими исключеніями, были таковыми, какъ это думаетъ проф. Лучицкій, мы, на основаніи наказовъ, нами разобранныхъ, утверждать не вправе. Въ этомъ отношеніи матеріалы, обнародованные министерствомъ народнаго просвѣщенія во Франціи, только подкрѣпляютъ тѣ выводы, къ какимъ мы пришли двадцать лѣтъ ранѣе, на основаніи уже изданныхъ въ то время какъ общихъ, такъ и приходскихъ наказовъ.

При всемъ различіи въ историческихъ судьбахъ составныхъ частей французской монархіи, независимо даже отъ господства въ однѣхъ провинціяхъ писаннаго, а въ другихъ—обычнаго права, несмотря на то, что въ первыхъ руководящимъ принципомъ считалось правило: *nul seigneur sans titre*, а во-вторыхъ: *nulle terre sans seigneur*, другими словами, права сеньоровъ на землю въ первыхъ нуждались каждый разъ въ доказательствѣ, а во-вторыхъ должны были быть оспариваемы противникомъ,—землевладѣніе съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ построено было на рѣши-

тельномъ преобладаніи крупной собственности въ рукахъ привилегированныхъ сословій. Эта собственность не только не исчезала, но обнаруживала, наоборотъ, несомнѣнное тяготѣніе къ дальнѣйшему расширенію по мѣрѣ того, какъ судебное и чиновное дворянство, а также городская буржуазія, начинали приобрѣтать земли не только въ окрестностяхъ городовъ, но нерѣдко и на значительномъ разстояніи отъ нихъ. Повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, сказавшееся въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ допущена была свобода вывоза хлѣба не только изъ провинціи въ провинцію, но и за границу, долженъ былъ содѣйствовать переходу части земель въ руки богатой капиталами буржуазіи. Наоборотъ, крайняя необеспеченность крестьянства мѣшала ему сдѣлаться приобрѣтателемъ предлагаемыхъ къ продажѣ недвижимостей. Начавшееся со времени Людовика XIV-го быстрое развитіе мануфактурной дѣятельности, сосредоточившейся по преимуществу въ городахъ, обусловливало собою отливъ туда части необеспеченнаго землею крестьянства. Вотъ почему намъ не разъ приходилось встрѣчаться въ наказахъ съ упоминаніемъ о томъ, что деревня пустѣетъ—а это, въ свою очередь, вело къ росту заработной платы оставшихся на мѣстахъ сельскихъ батраковъ или такъ называемыхъ *manouvriers*. Число тѣхъ изъ нихъ, которые владѣли, помимо усадьбы, еще небольшими участками, годными для обработки, стало быстро сокращаться. *Manouvriers* переходили въ категорію сельскихъ пролетаріевъ, тогда какъ *laboueurs* или „пахари“ приобрѣтали все болѣе и болѣе характеръ домовитаго крестьянства, своего рода *Gross-Bauer*’овъ. Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ ихъ рукахъ сосредоточивается уже около „плуга“ земли. Приведенные примѣры касаются сѣверо-восточной части Франціи. А вотъ факты изъ центральной ея полосы, заимствованные изъ наказовъ бальяжа Сансъ. Въ приходѣ *Premier-fait* 62 очага или двора. Изъ нихъ 28 дворовъ занято *laboueurs* и 31—*manouvriers*. Въ числѣ первыхъ семь дворовъ ведутъ хозяйство на протяженіи полного плуга земли. Плугъ же равняется 75 арпанамъ ¹⁾.

Ко всѣмъ причинамъ, содѣйствовавшимъ сокращенію района свободныхъ отъ всякихъ повинностей и платежей крестьянскихъ земель, присоединяется во второй половинѣ XVIII вѣка еще одна. Сеньеры озабочены мыслью не упускать изъ рукъ тѣхъ косвенныхъ доходовъ, какіе доставляетъ имъ пользованіе ихъ феодальными правами, и настаиваютъ на признаніи за ними того, что

¹⁾ Cahier du bailliage de Sens, стр. 320.

федисты называли „directes“, т.-е. ближайшаго титула собственности на земли, занятых крестьянами-воздѣльвателями. При этомъ дѣйствующимъ отъ ихъ имени ходатаямъ-комиссарамъ и составителямъ помѣстныхъ описей (такъ называемыхъ „terriers“) не разъ удается включить въ число феодальныхъ земель участки по природѣ своей аллодіальные. Изъ различныхъ мѣстностей Франціи раздаются жалобы на этотъ счетъ. Въ наказахъ Beaujolais, изученныхъ Fayard'омъ, прямо указывается на то, что господство въ мѣстности писаннаго права и того принципа, по которому принадлежность собственности сеньеру каждый разъ должна быть доказана имъ, не мѣшаетъ составителямъ „terriers“ сплошь и рядомъ вносить аллодіальныя земли въ число тѣхъ, которыя обложены повинностями и платежами въ пользу сеньеровъ. Крестьяне Ліоннэ, какъ страны писаннаго права, должны были находиться — пишетъ Fayard — въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ крестьяне Бургундіи, страны права обычнаго, въ которой, поэтому, постоянно приходилось доказывать свое право на землю. Въ дѣйствительности же не было ничего подобнаго. Въ эпоху составленія наказовъ число аллодовъ или земель свободныхъ отъ ценза оказывается и въ Ліоннэ крайне незначительнымъ, разумѣется по той причинѣ, что путемъ соединенія надѣловъ воедино или, наоборотъ, дробленія ихъ на части, сеньерамъ удалось такъ расширить систему чиншевого владѣнія и платежей за голый титулъ собственности (directe), и что большая часть держаній крестьянъ оказалась подчиненными феодамъ и носящими на себѣ клеймо зависимости. Цѣлый рой сельскихъ стряпчихъ набрасывался на нелегкую задачу разбора актовъ на землю при составленіи такъ называемыхъ „terriers“. Тексты этихъ актовъ, написанные на средневѣковой латыни, разумѣется непонятной крестьянамъ, нерѣдко поддѣлывались или урѣзывались. Въ результатѣ получалось распространеніе чинша на земли, ранѣе свободныя отъ феодальныхъ платежей (sur les terres franches) ¹⁾.

Однохарактерныя заявленія мы находимъ въ наказахъ приходовъ Нимской сенешоссеи. Въ наказѣ Combessac помѣщена длинная жалоба на притѣсненія, какія крестьяне терпятъ отъ агентовъ сеньера. Они вымогаютъ съ нихъ чинши, которыхъ часто не въ правѣ требовать. Въ случаѣ отказа начинается тяжба. Крестьянамъ, прежде чѣмъ дожидаться рѣшенія, приходится затратить на издержки процесса все свое достояніе.

¹⁾ Fayard, Les cahiers des paysans du Beaujolais (Revue historique de Lyon за 1904 г., отд. оттискъ, стр. 36).

Такъ какъ въ данной мѣстности многія земли, нынѣ воздѣ-
лываемыя, прежде лежали впустѣ, составляя такъ называемыя
„garrigues“, и на эти ранѣе пустопорожніе участки казна стала
предъявлять права собственности, не смотря на то, что за послѣднія
сто лѣтъ о ея притязаніяхъ не было и помину, то можно себѣ
представить, какое отчаяніе овладѣло несчастными, ранѣе ни-
чего неплатившими, а равно и тѣми, кто купилъ у нихъ ихъ
участки, не зная и даже не подозрѣвая возможности когда-ни-
будь не оказаться собственникомъ пріобрѣтеннаго.

Сто лѣтъ *terriers* или помѣстныхъ записи не были возобно-
вляемы. Не считаясь ни съ какою давностью, съемщики казенныхъ
земель настаиваютъ нынѣ на правахъ короны. Составители на-
казовъ ходатайствуютъ о томъ, чтобы въ будущемъ, по истеченіи
тридцати лѣтъ, не могли быть предъявляемы никакія притязанія
на такъ называемую *directe* ¹⁾.

И въ центрѣ королевства, вблизи столицы, въ предѣлахъ
балъяжа Sens, происходитъ, повидимому, та же борьба между кре-
стьянами, считающими свою землю аллодіальной собственностью,
и помѣщиками, готовыми включить ихъ участки въ число земель,
обложенныхъ феодальными поборами. Отраженіемъ этой борьбы
можно считать слѣдующее заявленіе наказа средняго сословія
балъяжа Сансъ: „право дѣлать новые *terriers* на счетъ вассаловъ
впредь должно принадлежать только тѣмъ сеньерамъ, которые мо-
гутъ предъявить требованіе о платежѣ имъ чинша и тѣхъ сборовъ,
которые взимаются при переходѣ участковъ отъ одного владѣльца
къ другому, а отнюдь не съ земель свободныхъ и аллодіальныхъ
(*et non sur les terres franches et allodiales*) ²⁾.

Далеко не исчерпавъ всего матеріала, какой по интересую-
щему насъ вопросу заключаетъ въ себѣ изданіе французскаго
министерства народнаго просвѣщенія, мы все же вправѣ сказать,
что въ немъ мы не нашли опроверженія нашихъ основныхъ взгля-
довъ. Но что же, скажутъ, въ нихъ новаго? Не являются ли
они воспроизведеніемъ ходячей точки зрѣнія на сельскій бытъ
Франціи при старомъ порядкѣ?

Рѣдкая исторія французской революціи обходилась безъ мрач-
ной картины крестьянскаго обездоленія. Въ числѣ наиболѣе
извѣстныхъ и всего чаще встрѣчаемыхъ свидѣтельствъ было зна-
менитое изрѣченіе Лабрюэра о двуногихъ животныхъ, сгорблен-
ныхъ надъ землею и едва представляющихъ человѣческій обликъ.

¹⁾ Cahier de Nîmes, стр. 269.

²⁾ Cahiers du bailliage de Sens, стр. 821.

Не говоря уже о томъ, что данныя, которыми характеризовался бытъ французскаго крестьянина, брались безъ разбора изъ разныхъ эпохъ и восходили, подобно свидѣтельству Лабрюэра, до послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XIV, а слѣдовательно не могли служить для изображенія деревенскихъ порядковъ, предшествовавшихъ революціи, они страдали еще тѣмъ недостаткомъ, что оставляли безъ всякаго отвѣта вопросъ о томъ, чѣмъ вызываемы были нужды деревни и каковъ былъ ея земельный и хозяйственный строй. Обычныя сѣтованія на обремененіе крестьянства неравномѣрными налогами и феодальными поборами, сѣтованія, съ которыми мы встрѣчаемся одинаково и въ эпоху крестьянскихъ возстаній XIV и XV столѣтій во Франціи, Англіи и Германіи,—носятъ слишкомъ общій характеръ и не даютъ возможности специализировать причины, породившія кризисъ, переживавшійся сельскимъ населеніемъ въ годы предшествовавшей революціи. То же можетъ быть сказано въ равной степени о хозяйственныхъ монополіяхъ помѣщика, о вымогательствахъ, причиняемыхъ поселянамъ вотчинными судьями и администраторами, о вредѣ, какой приносилъ хозяйству крестьянина вычетъ церковной десятины изъ годовыхъ урожаевъ и коллективная отвѣтственность сборщиковъ налога передъ казною. Обо всемъ этомъ заходить рѣчь на протяженіи всей дореволюціонной исторіи Франціи и нѣтъ, поэтому, возможности обособить, на основаніи указанныхъ явленій, ту или другую эпоху крестьянской жизни. Другое дѣло, если мы скажемъ, что наканунѣ паденія стараго порядка сельскій бытъ Франціи представлялъ собою всѣ невыгодныя стороны средневѣковаго уклада, неудачно приспособляемаго къ требованіямъ зарождающагося капиталистическаго хозяйства.

Неизмѣнный характеръ службъ и платежей—прямое послѣдствіе вѣчно-наслѣдственной аренды, какую представляло собою крестьянское держаніе,—не позволялъ помѣщику увеличить своего дохода съ имѣнія иначе, какъ насильственнымъ разрывомъ съ прошлымъ, т.-е. отобраніемъ земли у крестьянина и передачей ея въ руки фермера. Этимъ путемъ и пошло англійское помѣстье, подъ вліяніемъ перехода отъ мало производительнаго земледѣлія къ несомнѣнно болѣе выгодному овцеводству. Послѣдствіемъ было обезземеленіе крестьянства, колонизація имъ другихъ частей свѣта и быстрый ростъ англійской промышленности и торговли. Франція осталась, не въ примѣръ Англіи, до переворота 1789-го года и много десятилѣтій спустя, страной земледѣльческой и винодѣльной. Большихъ капиталовъ въ землю вложено не было; фермерское хозяйство едва зарождалось и то лишь къ сѣверу отъ Луары;

въ большинствѣ провинцій продолжало держаться регулируемое обычаемъ средневѣковое половничество въ формѣ такъ называемаго шампара и уцѣлѣвшаго чуть не съ римскихъ временъ ценза или чинша. Неизмѣнность этихъ болѣе натуральныхъ, чѣмъ денежныхъ рентъ заставляла помѣщика повышать доходность своего имѣнія настаиваніемъ на своихъ правахъ феодальнаго сеньера и на экономической эксплуатаціи помѣщичьихъ мельницъ и хлѣбопекаренъ, вотчинной полиціи и суда. Но у него имѣлось и другое средство повышенія своихъ доходовъ: это — использованіе ранѣ нераздѣльных съ крестьянами лѣсовъ и пастбищъ, всего того, что извѣстно было подъ наименованіемъ общихъ и пустопорожныхъ земель (*terres communes et gastes*) и что уцѣлѣло въ слабой степени и по настоящій день подъ наименованіемъ *communaux*.

Съ XVI-го и въ теченіе всего XVII-го столѣтія уже начинаются препирательства крестьянъ съ помѣщиками изъ-за желанія послѣднихъ оградить лѣса отъ порубокъ и отъ вытравленія крестьянскимъ скотомъ молодыхъ порослей. Правительство вмѣшивается въ эти отношенія и предлагаетъ сторонамъ выйти изъ нераздѣльности съ помощью такъ называемаго *triage*, т.-е. раздѣла общинныхъ угодій на двѣ неравныя части: одна треть отходила помѣщику, двѣ трети оставляемы были въ рукахъ крестьянъ. Наканунѣ революціи сеньеры, какъ видно изъ наказовъ, перестаютъ довольствоваться подобной сдѣлкой, стремятся къ огораживанію все большей и большей площади пустопорожныхъ земель, не пускаютъ крестьянскій скотъ въ лѣсныя рощи, сдаютъ за деньги лицамъ постороннимъ право пользованія общимъ выпасомъ и облагаютъ поборами крестьянскую новъ или выкорчеванную и поднятую плугомъ землю, хотя бы впервые обращенные подъ обработку участки и лежали въ той части общинныхъ угодій, которая въ силу раздѣла отошла къ крестьянамъ.

По мѣрѣ того какъ крестьянинъ теряетъ возможность содержать на подножномъ корму, въ предѣлахъ мірскихъ земель, необходимый ему рабочій скотъ, онъ принужденъ выгонять его на надѣльныя земли послѣ уборки урожая, пользуясь такъ называемымъ правомъ *vaîne pâture*, что, въ свою очередь, приноситъ значительный вредъ земледѣлію и встрѣчаетъ противодѣйствіе не однихъ сельскохозяйственныхъ обществъ, но и помѣщиковъ-агрономовъ, земли которыхъ лежатъ въ череполосицу съ крестьянскими.

Земледѣліе, выражаясь языкомъ энциклопедистовъ XVIII-го столѣтія и пишущихъ подъ ихъ вліяніемъ составителей наказовъ, становится все болѣе и болѣе нищенскимъ, т.-е. даетъ все мень-

шіе и меньшіе урожаи, по крайней мѣрѣ на крестьянскихъ поляхъ. Частые дефициты въ годовомъ бюджетѣ заставляютъ крестьянина покрывать недоборъ продажъ части своего инвентаря; отсюда крестьянская безлошадность и необходимость въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ пахота производится съ помощью рогатаго скота, впрягать въ плугъ нерѣдко корову вмѣстѣ съ быкомъ. Сосѣди часто складываются между собою для снаряженія общей упряжи и производятъ въ этомъ случаѣ оранку совмѣстно.

Всему сказанному можно было бы найти многочисленныя подтвержденія и въ тѣхъ новыхъ матеріалахъ, которые обнаружены французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія; но эта сторона быта французской деревни наканунѣ революціи заслуживаетъ самостоятельнаго изученія. Мы посвятимъ ей нашу ближайшую статью. А пока подведемъ итогъ уже сказанному.

Экономическій и социальный кризисъ, пережитый Франціей въ послѣдней четверти XVIII-го вѣка и подготовившій собою ея политическую революцію, имѣлъ своимъ первоисточникомъ невозможность примирить требованія новаго, уже зародившагося капиталистическаго строя съ тѣми порядками помѣстно-крѣпостного и оброчнаго хозяйства, которые продолжали еще держаться въ большей части страны.

Французская революція не въ силахъ была развязать слишкомъ запутанныхъ экономическихъ отношеній. Она разсѣла Гордиевъ узелъ—упраздненіемъ феодальной системы и зависимаго крестьянскаго землепользованія. Ею одной вызвана къ жизни въ частности и мелкая крестьянская собственность, свободная отъ всѣхъ путъ, какъ сенъеріальнаго права, такъ и аграрнаго коммунизма.

Максимъ Ковалевскій.

ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

„Колоколъ“ 1857—1861.

VIII *).

Съ первыхъ же листовъ „Колокола“ читатель имѣлъ предъ собою наглядную картину общественнаго неустройства родины. Безотрадное впечатлѣніе смягчалось лишь высказанной редакторомъ вѣрой въ конечную побѣду славянскаго міра, во главѣ съ Россіей. Опираясь на подготовительную работу, свершенную на западѣ социализмомъ, Россія и, главнымъ образомъ, русскій простой народъ должны были явить міру новое соціально-политическое устройство, сочетать и помирить противорѣчія, отъ которыхъ такъ страдала современная культура. Какъ на практикѣ свершится это великое дѣло—объ этомъ газета умалчивала, подчеркивая лишь неизбежность грядущаго торжества. Но „Колоколъ“ не могъ умолчать о томъ, какіе ближайшіе шаги должны быть сдѣланы Россіей для достиженія желаннаго идеала. Газета, обходя вопросъ о политическихъ формахъ, была всетаки вынуждена указать хоть въ общихъ чертахъ программу и приемы борьбы съ установившимся порядкомъ, который умиралъ слишкомъ медленно и неохотно.

---

*) См. июнь, стр. 59.

И вотъ, въ разработкѣ частнаго вопроса о новой программѣ и о приѣмахъ борьбы газета допустила то же колебаніе во взглядахъ и въ настроеніи, какое было ею допущено при обсужденіи вопросовъ общихъ.

Свое недовольство ходомъ дѣлъ въ Россіи Герценъ рѣзко и часто подчеркивалъ. Онъ высказывалъ крайнее нетерпѣніе. Уже во второй книжкѣ „Голосовъ изъ Россіи“ (1856) нѣсколько статей („Пріятельскій разговоръ“, „Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ“) должны были подтвердить мысль редактора о томъ, „что ни одна надежда въ *самомъ дѣлѣ* не сбылась до сихъ поръ“ („Отъ издателя“). Черезъ годъ, въ третьей книжкѣ „Голосовъ“ (1857), Герценъ повторилъ то же сожалѣніе.

„Событія двухъ цѣлыхъ лѣтъ — писалъ онъ — показали, кто изъ насъ былъ правъ: умѣренные ли либералы, писавшіе млекомъ и медомъ долю статей, изданныхъ нами въ первой книжкѣ „Голосовъ“, или мы въ нашихъ статьяхъ „Полярной Звѣзды“. Ничего не сбылось изъ пророчествъ пылкой юности. А вѣдь въ два года можно было что-нибудь сдѣлать“ („Отъ издателя“).

Болѣе рѣзко, чѣмъ „Голоса“, говорилъ „Колоколъ“ о современномъ положеніи.

„Правительство, вступивъ въ эпоху реформъ, идетъ ощупью, хочетъ и не хочетъ; а тѣ, которые могли бы дать совѣтъ, тѣ бьются какъ рыба объ ледъ, не имѣя голоса“ (№ 2, 1 августа 1857). „Изъ застоя мы попали въ хаосъ. Мы бродимъ ощупью въ потемкахъ, толчемся на одномъ мѣстѣ и до сихъ поръ не выбрались на сушь изъ той тины, въ которой вязли тридцать лѣтъ, а только взбудоражили, расплескали ее безъ пользы. Всѣ главныя, существенныя преобразованія у насъ обойдены. Правительство возстаетъ противъ отдѣльныхъ случаевъ, а принципъ, идею, изъ которой вытекаютъ всѣ наши коренныя злоупотребленія, оставляетъ нетронутымъ. Тотъ же произволъ — попрежнему главный рычагъ, которымъ управляется русское царство“ (№ 4, 1 октября 1857. Слова одного корреспондента). „Это то же николаевское время, но разварное, съ патокой“ (№ 23 и 24, 15 сентября 1858). „У насъ нѣтъ настоящаго... Первые всходы послѣ суровой и продолжительной зимы поблекли, едва давъ ростки... и мы стали бѣднѣе, чѣмъ были прежде, бѣднѣе всей ненавистью, которую утратили, всѣмъ негодованіемъ, которое смягчилось. Мы поддались весеннему вѣянію, раскрыли давно закалившіяся сердца чувствамъ незнакомымъ съ дѣтства... но намъ не было суждено видѣть исполненіе ни этихъ мечтаній, ни другихъ“ (№ 27, 1 ноября 1858)... „Мы опять входимъ въ

какую-то новую область хаоса и сумерек... Пять лѣтъ тому назадъ мы въ первый разъ послѣ семи страшныхъ годовъ, проведенныхъ въ похоронахъ лицъ, народовъ, надеждъ, вѣрований, взглянули нѣсколько свѣтлѣе на будущее, вздохнули какъ выздоравливающіе послѣ тяжелаго недуга. Невѣрная полоса блѣднаго свѣта занялась на русскомъ небосклонѣ. Мы ее предчувствовали, предсказывали среди темной ночи, но не ждали ее такъ скоро — на ней-то сосредоточили мы всѣ наши остальные упованія и осколки всѣхъ надеждъ. Западу мы были уже чужды... мы собирались, какъ Фортинбрасъ послѣ повѣсти Гораціо, продолжать свой путь. На немъ мы недалеко ушли — насъ остановило какое-то болото безъ конца, котораго мы не ждали и которое грозитъ безъ шума и грома, неказисто утянуть мало-помалу послѣднія силы — топкой, скучной грязью, размягчая отчаяніе надеждами и развода ненависть — сожалѣніемъ... Убѣдитесь, что отъ правительства ждать нечего. Безъ Ахилловой пяты для разума, занятое храненіемъ стараго ритуала и канцелярскихъ формъ, довольное пышнымъ облаченіемъ и матеріальной властью, оно будетъ иной разъ, подъ вліяніемъ современнаго тока идей, судорожно протягивать руку къ прогрессу, всякій разъ пугаясь на подорогѣ" (№ 72, 1 іюня 1860)... „Когда въ правительствѣ все поворачивается противъ русскаго смысла, противъ русскаго освобожденія и внутренняго развитія, тогда нѣтъ никакой причины надѣяться, что наше желаніе можетъ осуществиться, и по неволѣ смотришь на него какъ на пустую мечту, утопію. А время не останавливается и не терпитъ, и приходится задать себѣ вопросъ: что намъ дѣлать помимо правительства? Применеть оно къ намъ — тѣмъ лучше, тѣмъ легче; не примкнетъ — мы свое дѣло сдѣлаемъ и безъ него; оно труднѣе, но все же дѣло сдѣлано будетъ, потому что въ нашемъ стремленіи больше жизни и слѣдственно больше силы" (№ 77 и 78, 1 августа 1860. Слова Огарева).

Какъ видимъ, „Колоколъ" былъ очень устойчивъ въ своемъ недовѣріи и за весь періодъ времени, отъ начала новаго царствованія до дарованія первой реформы, онъ обольщенію надеждъ не поддавался — если не считать краткихъ минутъ ранней весны 1855-го года. Ни рескрипты царя, ни губернскіе комитеты, ни редакціонныя комиссіи, ни уступки въ области печатнаго слова его не подкупали, и даже тогда, когда указъ объ освобожденіи крестьянъ былъ уже составленъ, „Колоколъ" предугадывалъ, что этимъ указомъ никто не останется доволенъ, и предрекалъ, что общество „по неволѣ и со скорбію придетъ къ заключенію: отъ

правительства ждать нечего, станемте на свои ноги" (№ 89, 1 января 1861).

Этотъ призывъ къ самодѣтельности давно уже былъ на языкѣ „Колокола“, и онъ былъ, дѣйствительно, нужнѣ всякаго призыва къ негодованію. Но какимъ могло быть дѣло, за которое нужно было приняться? Оно могло носить характеръ мирной культурной работы *съ разрѣшенія правительства*, на постахъ высокихъ и низкихъ, въ различныхъ сферахъ дѣятельности, признанной закономъ — но такое дѣло рисковало идти черепашимъ шагомъ; или оно могло принять форму революціоннаго дѣла — съ большей или меньшей примѣсью насилія, такъ какъ возможность мирной прогрессивной работы, открытой, но *безъ санкции правительства*, была исключена съ самаго начала. „Колоколу“ надлежало высказаться по вопросу о выборѣ между этими двумя путями, если ужъ онъ рѣшился призывать людей „стать самимъ на ноги“. Для Герцена вопросъ былъ рѣшенъ самой природой: она не одарила его даромъ революціоннаго духа, агитаторскаго и организаціоннаго. Но выкинуть флагъ мирнаго труда, безъ всякихъ оговорокъ, въ столь боевой моментъ, Герцену было неловко. Онъ, оставаясь миролюбивымъ пропагандистомъ, сталъ пугать читателей и правительство призракомъ революціи, идущей снизу. Интеллигента онъ не звалъ на революціонный путь, но предупреждалъ, что на этотъ путь можетъ вступить масса, и газета такъ часто и нервно говорила объ этой возможности, что многимъ казалось, будто такое революціонное выступленіе народа признается ею вполнѣ желательнымъ. „Колоколу“ такія неосторожныя угрозы причинили много вреда: умѣренные люди сердились на ихъ рѣзкость, люди крайнихъ взглядовъ — на то, что эти революціонныя тирады не болѣе какъ красивая фіоритура.

„Торопитесь! — писалъ Герценъ Государю 10 марта 1855 года. — Спасите крестьянина отъ будущихъ злодѣйствъ, спасите его отъ крови, которую онъ долженъ будетъ пролить“ („Полярная Звѣзда“ 1855, 13). „Скоро будетъ поздно рѣшать вопросъ освобожденія крѣпостныхъ мирнымъ путемъ; мужики рѣшатъ его по своему. Рѣки крови прольются — и кто будетъ виноватъ въ этомъ? — Правительство“ (№ 1, 1 іюля 1857)... „Будетъ поздно, когда крестьянскій топоръ промелькнетъ по барскимъ головамъ“ (№ 7, 1 января 1858, а также № 8, 1 февраля 1858). „У насъ ежеминутно слышимъ: крестьяне наши бараны! Да, бараны они до перваго Пугача. Баранами они были, пока не давали имъ никакой надежды на освобожденіе; не то будетъ теперь, когда имъ обѣщали свободу, да потомъ только по губамъ помазали. Бараны — не

стали бы волками! Войскомъ не осилишь этихъ волковъ! Солдаты за крестьянъ!“ „На себя только надѣйтесь, на крѣпость рукъ своихъ: заострите топоры, да за дѣло — отмѣняйте крѣпостное право, по словамъ царя, снизу! За дѣло, ребята, будетъ ждать, да мыкать горе: давно уже ждете, а чего дождались?“ (№ 25, 1 октября 1858. Слова одного корреспондента).

На ряду съ этими угрозами, въ которыхъ стихійная народная сила призывалась на помощь, въ „Колоколѣ“ раздавались и инныя угрозы, рассчитанныя на то, чтобы запугать лично самого Государя. Ему грозили заговоромъ дворянъ-олигарховъ.

Отвѣтственность за неумѣстность и нетактичность всѣхъ такихъ угрозъ падаетъ на темпераментъ редактора, но отнюдь не на его политическую мысль. Эта мысль, наоборотъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовала противъ революціоннаго настроенія и насилія.

„Мы отъ души предпочитаемъ путь мирнаго, человѣческаго развитія пути развитія кроваваго“ (№ 2, 1 августа 1857). „Мы вовсе не думали о воззваніяхъ къ дикому насилію“ (№ 10, 1 марта 1858). „Мы перестали любить терроръ, въ чемъ бы онъ ни былъ, и какая бы цѣль его ни была. Терроръ столько же ненуженъ, какъ и геній въ наше время. Дѣятельная, мыслящая часть Россіи идетъ быстро впередъ, знаетъ чего хочетъ, заявляетъ это общественнымъ мнѣніемъ“ (№ 18, 1 іюля 1858). „Не воспользоваться временемъ, чтобы тихо, *безкровно* взойти въ новый возрастъ, или сбиться съ дороги, когда она такъ ясна — было бы великое несчастіе и великое преступленіе“ (№ 59, 15 декабря 1859 г.)... „Къ топору, къ этому *ultima ratio* притѣсненныхъ, мы звать не будемъ до тѣхъ поръ, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку безъ топора. Чѣмъ глубже, чѣмъ дольше мы всматриваемся въ Западный міръ, чѣмъ подробнѣе вникаемъ въ явленія насъ окружающія и въ рядъ событій, который привелъ къ нимъ Европу, тѣмъ больше растетъ у насъ отвращеніе отъ кровавыхъ переворотовъ; они бывають иногда необходимы, ими отдѣлывается общественный организмъ отъ старыхъ болѣзней, отъ удушающихъ наростовъ; они бывають роковымъ послѣдствіемъ вѣковыхъ ошибокъ, наконецъ дѣломъ мести, племенной ненависти — у насъ нѣтъ этихъ стихій: въ этомъ отношеніи наше положеніе безпримѣрно“ (№ 64, 1 марта 1860). „Революціонная декламація намъ ненавистна“ (№ 84, 1 ноября 1860).

Если въ этихъ словахъ заключена правда — а для сомнѣнія нѣтъ основаній, — то зачѣмъ было такъ часто говорить о томъ, противъ чего такъ возставалъ собственный разумъ? „Колоколъ“,

не будучи революціонно настроенъ, вводилъ въ заблужденіе тѣхъ, кто желалъ видѣть въ немъ органъ русской революціи; и хотя редакторъ настойчиво подчеркивалъ свое несогласіе съ революціонной программой, патетическія угрозы революціей горячили читателя и свидѣтельствовали какъ будто бы и о предрасположеніи къ такой горячкѣ самого редактора.

IX.

Подписываясь, въ концѣ концовъ, подъ мирной программой, „Колоколъ“ долженъ былъ выяснитъ себѣ дальнѣйшій планъ дѣйствій. Если революціонное вмѣшательство было исключено, то рѣчь могла идти только объ открытой культурной работѣ въ союзѣ съ разными силами, уже дѣйствующими и жизнью признанными. Такихъ силъ было нѣсколько: правительственная сила и ея глава, интеллигентная сила людей зрѣлыхъ, людей уже сложившагося образа мыслей, преимущественно либеральнаго, наконецъ умственная и нравственная сила подроставшаго поколѣнія, которое еще нуждалось въ руководствѣ. На всѣ эти силы поочередно „Колоколъ“ возлагалъ надежды, со всѣми готовъ былъ заключить союзъ, — но союза не заключилъ и остался въ одиночествѣ.

Къ правительству въ широкомъ смыслѣ слова Герценъ относился съ неизмѣннымъ недовѣріемъ. Вся высшая бюрократія, окружавшая царя, была ему ненавистна и отъ нея онъ не ждалъ ничего для Россіи. Онъ выдѣлялъ изъ этого круга только одного лишь Государя. Лишь онъ одинъ могъ силою своей безграничной власти не только совершить великій актъ освобожденія крестьянъ, но вообще направить Россію на путь социальнаго и культурнаго обновленія. Хочетъ ли царь этого или не хочетъ? можетъ ли или не можетъ? Искрененъ онъ въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ или нѣтъ? — эти вопросы очень мучили Герцена, и при всемъ своемъ дарѣ читать въ людскихъ сердцахъ онъ не могъ разгадать души Александра II. Что эта душа осталась для Герцена, какъ для психолога, тайной — неудивительно, такъ какъ она и до сихъ поръ остается загадкой; но страннымъ можетъ показаться, что публицистъ и политикъ разрѣшилъ себѣ такія колебанія, какія допустилъ Герценъ въ своихъ сужденіяхъ о Государѣ. За шесть лѣтъ съ начала царствованія до подписанія манифеста 19 февраля возгласы и афоризмы Герцена по адресу царя мѣнялись сообразно тѣмъ свѣдѣніямъ и слухамъ, которые

долетали въ Лондонъ о ходѣ реформы. Поддаваясь впечатлѣнію, Герценъ своими рѣчами о Государѣ оскорбилъ патріотовъ и умѣренныхъ, не заслуживъ одобренія радикаловъ. Одни не могли простить Герцену его недовѣрія къ царю, другіе—его довѣрія.

„Какъ медленно и непрямо идетъ Александръ II по тому пути реформъ, о которыхъ самъ столько натолковалъ! какъ мелко плаваетъ его самодержавная ладья!“ („Полярная Звѣзда“ 1857, 302)—писалъ Герценъ. „Такого положенія, какъ Александръ II, не имѣетъ ни одинъ монархъ въ Европѣ—но кому много дается, съ того много и спросится“ (№ 2, 1 августа 1857). „Съ того дня какъ Александръ II подписалъ первый актъ... мы имѣемъ дѣло съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи... Онъ работаетъ съ нами для великаго будущаго... Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ могъ безнаказанно остановиться... Мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ“ (№ 9, 15 февраля 1858). „Александръ II похожъ на тѣхъ средне-вѣковыхъ паломниковъ, которые ходили въ Іерусалимъ два шага впередъ, да одинъ назадъ,—это лучшая метода, чтобы никуда не дойти и оттоптать себѣ ноги до страшныхъ мозолей“ (№ 16, 1 іюня 1858). „Скажемъ прямо и мужественно: Александръ II не оправдалъ надеждъ, которыя Россія имѣла при его воцареніи. Нашъ Колоколъ напрасно звонитъ ему, что онъ сбился съ дороги, звонитъ ему бѣдствія Россіи и собственную опасность“ (№ 18, 1 іюля 1858). „Александръ посулилъ все исправить, а мы и поддались на эту посулу! Онъ наобѣщаль, распустилъ было немного возжи, а мы и повѣрили, разрюмились, ждемъ и въ него вѣруемъ! Въ настоящее время Александръ точно задалъ себѣ задачу: пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ, идти наперекоръ ему. Онъ могъ если не все, то многое сдѣлать, и вмѣсто того онъ задушить все, затянетъ николаевскую петлю“ (№ 25, 1 октября 1858. Слова одного корреспондента). „Дѣло въ томъ, что правительство, т.-е. царь, вовсе не такъ пламенно жаждетъ реформы, какъ о томъ говорится въ манифестахъ, и вотъ истинная причина, почему реформа не осуществляется... Намъ угрожаетъ путь революціонный. Духъ смущается при этой тяжелой мысли; смущается и за народъ, и за Александра II, государя добраго, снискавшаго себѣ любовь подданныхъ... Не покидаемъ надежды, что онъ, вполне понявъ свое назначеніе, рѣшится оставить узкій, извилистый путь полумѣръ и мужественно пойдетъ по широкой дорогѣ искренней и радикальной реформы“ (№ 28, 1 ноября 1858. Слова одного корреспондента). „Пришла, пришла пора общественнаго подвига. Какъ вѣкогда темный мѣщанинъ Мининъ

вызывалъ на битву за Русь князя Пожарскаго, — мы, безвѣстные книгопечатальщики, зовемъ Государя на гражданскій подвигъ освобожденія. Да совершитъ онъ свято свое предназначеніе!“ (№ 42 и 43, 1 и 15 мая 1859). „Но Александръ II, какъ Фаустъ, вызвалъ духа не по силамъ и перепугался. Какая-то истощающая силы нерѣшительность, шаткость во всѣхъ его дѣйствіяхъ и подъ конецъ совершенно ретроградные поступки. Онъ явнымъ образомъ хочетъ добра и боится его“ (№ 60, 1 января 1860). „Государь! проснитесь, новый годъ пробилъ. Васъ обманываютъ, вы сами обманываетесь — это святки, все наряженные. Велите снять маски и посмотрите хорошенько, кто друзья Россіи и кто любить только свою частную выгоду. Вамъ это потому вдвое важнѣе, что еще друзья Россіи могутъ быть и вашими (№ 60, 1 января 1860). „Но кто же въ послѣднее время сдѣлалъ что-нибудь путнаго для Россіи кромѣ Государя?“ (№ 64, 1 марта 1860).

Съ момента назначенія гр. Панина предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій рѣчь „Колокола“ становится очень суровой. „Грустно, грустно и грустно! Не пришлось бы Россіи сказать Александру Николаевичу, какъ сказала Татьяна Онѣгину: „А счастье было такъ возможно, такъ близко!“ Твердо перейдемъ время этого тяжелаго испытанія, станемъ добре, и не утратимъ вѣры въ русское развитіе, оттого что слабый государь, спотыкнувшись объ Панина, упалъ... Мы могли подаваться и уступать, когда главный потокъ шелъ своимъ русломъ, теперь другое дѣло! Прощайте, Александръ Николаевичъ, счастливаго пути! *Bon voyage!*.. намъ сюда“ (№ 66 и 69, 15 апрѣля 1860). „Благодушнѣйшій монархъ распоряжается почище батюшки, тотъ былъ деспотъ явный, не скрывалъ этого и всякій зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Этотъ же прикинулся либераломъ, обманывалъ и старается продолжать обманывать всѣхъ“ (№ 70, 1 мая 1860. Слова одного корреспондента).

Наконецъ, появляется манифестъ 19 февраля, и „Колоколъ“ пишетъ: „Александръ II сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія, противъ хищной толпы законнѣлыхъ негодяевъ — и сломилъ ихъ! Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Мы привѣтствуемъ его именемъ освободителя! Но горе, если онъ остановится, если усталая рука его опустится“ (№ 95, 1 апрѣля 1861). „Да! начало велико. Сегодня мы изъ глубины души говоримъ Александру II: благословенъ грядый во имя свободы! А

потомъ—потомъ мы посмотримъ что будетъ“ (№ 96, 15 апрѣля 1861. Слова Огарева).

Но проходить мѣсяць; въ Лондонъ долетаютъ слухи о столбовеніи полиціи съ безоружной толпой въ Варшавѣ, и привѣтствія „Колокола“ смѣняются яростными обвиненіями. „Если все это сдѣлано помимо вашей воли, обличите виновныхъ, укажите злодѣевъ, отдайте ихъ на казнь, или — снимите вашу корону и ступайте въ монастырь на покаяніе; для васъ нѣтъ больше ни чистой славы, ни спокойной совѣсти. Вамъ достаточно было сорока дней, чтобы изъ величайшаго царя Россіи, изъ освободителя крестьянъ, сдѣлаться и т. д... И отчего же нѣтъ никого настолько царю приверженнаго, чтобы сказать ему, что если онъ не умѣетъ идти по одной доскѣ, то никогда не попадетъ въ двери. Царскихъ мантий въ два цвѣта нѣтъ“ (№ 97, 1 мая 1861).

Если расположить всѣ эти возгласы и обращенія въ хронологическомъ порядкѣ и вспомнить, по какимъ этапамъ проходило дѣло объ освобожденіи крестьянъ, то неустойчивая нервность этихъ отзыовъ „Колокола“ о царѣ найдетъ себѣ объясненіе. Какъ примѣръ чуткаго отношенія къ минутѣ они, конечно, заслуживаютъ вниманія, но читатель могъ отъ газеты требовать большаго, чѣмъ чуткости и постоянного колебанія между довѣріемъ и подозрѣніемъ. Газета, оставаясь искренней въ своихъ измѣнчивыхъ чувствахъ, сердилась и тѣхъ, кто съ правительствомъ хотѣлъ ладить, и тѣхъ, кто былъ ему принципиально враждебенъ.

X.

Въ своихъ отношеніяхъ къ либеральному лагерю „Колоколъ“ также допустилъ много неясностей и заручиться этой союзной силой не сумѣлъ. Редакторъ самъ принадлежалъ къ числу идеалистовъ-либераловъ формаціи сороковыхъ годовъ, и было вполне естественно, что онъ въ союзъ именно съ этими умѣренными прогрессистами началъ кампанію. Въ „Голосахъ изъ Россіи“ умѣренный либерализмъ былъ хорошо представленъ, но „Колоколъ“ съ первыхъ же номеровъ взялъ такой рѣзкій тонъ, съ которымъ правовѣрный либераль не могъ помириться.

Кто изъ либераловъ былъ помоложе—тотъ не побоялся прямо высказать газетѣ свое неодобреніе. Такъ поступилъ Чичеринъ. Письмо, написанное имъ Герцену въ 1858 г. и напечатанное въ „Колоколѣ“—документъ большой цѣны. „Васъ упрекаютъ—пи-

саль Чичеринъ — въ шаткости, въ легкомысліи. Упрекъ этотъ повторяется, смѣю сказать, значительною частью мыслящихъ людей въ Россіи. Здѣсь рѣчь идетъ о различныхъ направленіяхъ русскаго общества, о различіи взглядовъ на современные вопросы, скажу болѣе, о различіи политическихъ темпераментовъ, что, можетъ быть, глубже всего раздѣляетъ людей... Положеніе ваше исключительное, можно сказать — почти единственное въ мірѣ... Какая почва для политическаго писателя — правительство, ищущее опоры; народъ, жаждущій гласности. И передъ этими требованіями стоите вы одинъ, далеко отъ стѣсненій, вдали отъ партій, отъ мгновенныхъ страстей, отъ сплетенъ и дрызгъ... Вы можете взвѣсить каждое свое слово, спокойно и безпристрастно высказать правду всѣмъ и каждому, обличать злоупотребленія, дѣйствовать на правительство, давать направленіе обществу, развивать зрѣющую политическую мысль; наконецъ, вы можете показать, что такое свободное русское слово. Вы сила, вы власть въ русскомъ государствѣ. Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пищу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ? Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страсти. Вы человекъ брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ и негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетесь много разъ... Политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагу, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе; впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло... Въ такую пору (какъ наша) нужно не раздувать пламя, не растравлять язвы, а успокаивать раздраженіе умовъ, чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли. Или вы думаете, что гражданскія преобразованія совершаются одною страстью, кипѣніемъ гнѣва? Впрочемъ я забываю, что вы къ гражданскимъ преобразованіямъ довольно равнодушны. Гражданственность, просвѣщеніе не представляются вамъ драгоцѣннымъ растеніемъ, которое надобно заботливо насаждать и терпѣливо лелѣять, какъ лучший даръ общественной жизни. Вамъ во что бы ни стало нужна цѣль, а какимъ путемъ она достигается — безумнымъ и кровавымъ или мирнымъ и гражданскимъ, это для васъ вопросъ второстепенный... Вы открываете страницы своего журнала безумнымъ воззваніемъ къ дикой силѣ; вы сами, стоя на другомъ берегу, съ спокойной и презрительной ироніей указываете намъ на палку и на топоръ, какъ на поэтическіе капризы, которымъ даже мѣшать неучтиво. И откуда вся эта тревога? По какому поводу возгорѣлось негодованіе? Прежде нежели что-либо успѣло совершиться, вы уже

забили тревогу, вы от восторга перескочили къ отчаянію: все пропало — правительство пошло назадъ, Александръ II не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ; крестьяне, точите топоръ! Что же случилось въ этотъ промежутокъ? Закрыты ли комитеты? Измѣнены ли существенныя условія преобразованія? Ничуть не бывало... Умѣренностью, осторожностью, разумнымъ обсужденіемъ общественныхъ вопросовъ вы могли внушить къ себѣ довѣріе правительства; въ настоящее время вы только его пугаете. Все, что есть въ Россіи невѣжественнаго, отсталаго, закоснѣлаго въ предрассудкахъ, погрязшаго въ мелкихъ интересахъ, все это съ торжествомъ указываетъ на васъ и говоритъ: вотъ послѣдствія либеральнаго направленія, вотъ что производитъ слово, освобожденное отъ оковъ... Въ обществѣ юномъ, которое не привыкло еще выдерживать внутреннія бури и не успѣло пріобрѣсти мужественныхъ добродѣтелей гражданской жизни, страстная политическая пропаганда вреднѣе, нежели гдѣ-либо. У насъ общество должно купить себѣ право на свободу разумнымъ самообладаніемъ, а вы къ чему его приучаете? Къ раздражительности, къ нетерпѣнію, къ неуступчивымъ требованіямъ, къ неразборчивости средствъ... Вы потакаете тому легкомысленному отношенію къ политическимъ вопросамъ, которое и такъ уже слишкомъ у насъ въ ходу... Намъ нужно независимое общественное мнѣніе, это едва ли не первая наша потребность, но общественное мнѣніе умѣренное, стойкое, съ серьезнымъ взглядомъ на вещи, съ крѣпкимъ закаломъ политической мысли, общественное мнѣніе, которое могло бы служить правительству и опорой въ благихъ начинаніяхъ, и благоразумной задержкой при ложномъ направленіи. Бранью же, Боже мой, и безъ того полнится русская земля... Привычка замѣнять дѣло эффектнымъ бездѣліемъ опасна для политическаго образованія народа; общество, воспитанное на остроумныхъ выходкахъ, становится неспособнымъ къ разумному рѣшенію тяготящихъ надъ нимъ вопросовъ... Въ политическомъ журналѣ влеченія страсти должны замѣняться зрѣлостью мысли и разумнымъ самообладаніемъ. Если подобное требованіе есть доктрина, пусть это будетъ доктринерствомъ, объ словѣ нечего спорить. Вамъ такой образъ дѣйствія не нравится, вы предпочитаете быстро перегорать, истощаться гнѣвомъ и негодованіемъ. Истощайтесь! таковъ вашъ темпераментъ; его не перемѣнишь“ (№ 29, 1 декабря 1858 г.).

Это замѣчательное письмо, которое въ отрывкахъ страшно проигрываетъ, а въ цѣломъ представляетъ собою рѣдкій образецъ литературной публицистики, надѣлало большого шуму. Оно вы-

звало рѣзкое порицаніе даже среди либераловъ, и, конечно, авторъ былъ неправъ по существу, такъ какъ Герценъ ни въ какомъ революціонномъ подстрекательствѣ виновенъ не былъ. Но характерно то, что онъ могъ показаться подстрекателемъ даже такимъ проницательнымъ и умнымъ людямъ, какъ Чичеринъ.

Этотъ эпизодъ съ письмомъ Чичерина указываетъ, прежде всего, на то, какъ вредилъ Герцену его темпераментъ, заставлявшій его рѣчь часто сбиваться съ умѣреннаго тона и впадать въ лиризмъ, который легко могъ быть принятъ за революціонный пафосъ. Но это письмо, кромѣ того — несомнѣнный показатель настроенія либераловъ, которые, не имѣя вполне убѣдительныхъ доказательствъ, все-таки увѣрены въ томъ, что ихъ собратьи зашелъ слишкомъ влѣво и утратилъ чувство мѣры, необходимое для успѣшной работы болѣе чѣмъ когда-либо въ переживаемую тогда историческую минуту. Герценъ, который вполне могъ за себя ручаться, былъ оскорбленъ такимъ недоувѣріемъ и такимъ непониманіемъ и самъ съ этой минуты сталъ смотрѣть на „либераловъ“ и „доктринеровъ“ косо. Ему казалось, что того необходимаго „нерва“, который теперь такъ нуженъ для плодотворной работы, у этихъ людей, находящихся всецѣло во власти системъ и теорій — не имѣется.

На письмо Чичерина Герценъ отвѣчалъ безъ обычной силы, какъ-то вяло. Упрекъ въ томъ, что его дѣло приноситъ вредъ Россіи, онъ устранялъ довольно страннымъ указаніемъ на возрастающее число людей, ему симпатизирующихъ и его читающихъ. Автора письма онъ почему-то счелъ „административнымъ“ прогрессистомъ. „Письмо писано съ точки зрѣнія административнаго прогресса, гувверnementальнаго доктринаризма — говорилъ онъ. — Мы эту точку зрѣнія никогда не принимали. Что же удивительнаго, что мы не ея путями и шли. Мы не представляли себя никогда ни правительственнымъ авторитетомъ, ни государственными людьми. Мы хотѣли быть протестомъ Россіи, ея крикомъ освобожденія и крикомъ боли, мы хотѣли быть обличителями злодѣевъ, останавливающихъ успѣхъ, грабящихъ народъ, мы хотѣли быть не только мстью русскаго человѣка, но его ироніей — не больше“. (№ 29, 1 декабря 1858 г.). Но протестомъ Россіи былъ вѣдь и авторъ письма, который потомъ, во все продолженіе долгой своей жизни, оставался образцомъ свободно мыслящаго гражданина. Что же касается „ироніи“ Герцена, то неужели онъ, Герценъ, говорилъ серьезно, что хотѣлъ быть мстью и ироніей — не больше? Одинъ изъ защитниковъ Герцена въ этомъ спорѣ подошелъ

ближе къ сущности дѣла и, возражая Чичерину, писалъ: „Сердце необходимо для мысли и для разработки ея; дѣйтель и мыслитель безъ сердца — гробъ. Люди, отъ лица которыхъ я пишу, считаютъ себя, также какъ вы считаете себя, людьми мыслящими и глубоко обдуманнѣми. Если эти люди сдерживаютъ порывы сердца, то не потому, что считаютъ увлеченіе преступленіемъ: они не увлекаются потому, что считаютъ, до поры до времени, неизбѣжнымъ имѣть то же вооруженіе, какъ и вы, чтобы навѣрное разить васъ, васъ, холодныхъ докритиковъ, васъ, воспитанниковъ фальшивой науки, васъ, которые царствуютъ и мертвятъ все, васъ, которыхъ надо спихнуть. Мысль этихъ людей, при томъ же наружномъ вооруженіи, какъ и ваше, кроетъ въ себѣ теплоту, душу, сердце; ихъ мысль — полнота, жизнь, свѣжесть, зрѣлость; ваша — вооружена, но бездушна и скоро сдаться... Вы полагаете, что люди увлеченія, люди сердца бесполезны, что вы одни только дѣлаете дѣло — ошибаетесь! Призваніе этихъ людей — шевелить, будить, одушевлять и оживлять все; призваніе же людей безъ теплаго сердца, не отвергая нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ — по преимуществу призваніе отрицательное: своимъ неполнымъ, ограниченнымъ взглядомъ на жизнь, взглядомъ возмущающимъ душу, они призваны развивать энергію мысли тѣхъ, которые рано или поздно должны быть призваны къ дѣятельности положительной... Будьте покойны, „Колоколъ“ не будетъ причиной пролитія хотя единой капли крови. Это вы! вы! единственно вы можете быть причиной“ (№ 32 и 33, 1 января 1859 г.).

Въ томъ же номерѣ „Колокола“ за Чичерина и за либераловъ заступился одинъ корреспондентъ. „Ознакомьтесь съ идеями людей, подобныхъ Чичерину и не менѣе васъ образованныхъ и любящихъ Россію, — говорилъ онъ Герцену. — Не отвергая безусловно ихъ сообщничество, вы наживете себѣ много приверженцевъ. Отдѣляя людей такого рода отъ *вашей стороны*, вы говорите: „кто не съ нами, тотъ противъ насъ“ и ослабляете противоѣдѣствіе тому злу, противъ котораго и они, и вы!.. Оставя давно Россію подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ тогдашняго общественнаго ея состоянія, когда ничего не было основательно обсуждено и разъяснено, вы невольно переносите это впечатлѣніе на ваше теперешнее воззрѣніе; а между тѣмъ какая разница — на сколько вопросовъ вамъ бы отвѣтили положительно, рationally; теперь прошла пора либераловъ вродѣ Репетилова. Отъ безплодной оппозиціи, пустыхъ воззваній и порицаній ех *abrupto*, отъ свѣтскихъ толковъ и либеральныхъ, голословныхъ преній, истинно образованные

члены русскаго общества начинаютъ отказываться; гибельный примѣръ крайнихъ убѣжденій послужилъ урокомъ по крайней мѣрѣ этому меньшинству, и оно *знаетъ, чего хочетъ*. Оно знаетъ, что настоящая эпоха требуетъ не слова, а дѣла, что государственные перевороты, какъ бы они ни совершались, во всякомъ случаѣ народныя бѣдствія для правыхъ и виноватыхъ—что всякая реформа, когда она обогрится кровью, рискуетъ потонуть въ ея потокахъ—и что язвы нашего отечества столь же безумно лечить топоромъ крестьянина, сколь нелѣпо лечить холеру скальпелемъ оператора; оно знаетъ, наконецъ, что нарушеніе коренныхъ законовъ государственнаго существованія влечетъ иногда за собою рядъ послѣдствій, худшихъ тѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ надлежитъ избавиться. Оно хочетъ постепеннаго и систематическаго превращенія извѣстныхъ административныхъ и общественныхъ формъ въ другія, болѣе свойственныя настоящимъ потребностямъ Россіи; оно хочетъ возстановить равновѣсіе въ гражданскихъ правахъ, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ, не только сословія крестьянъ—но и всѣхъ прочихъ“ (№ 32 и 33, 1 января 1859).

Подъ этой либеральной программой Герценъ вѣроятно бы подписался, если бы въ немъ было больше вѣры въ возможность ея осуществленія при господствующемъ режимѣ. Но такой вѣры въ немъ не было, не было у него потому и никакого плана закономѣрнаго дѣйствія. Поддаваясь настроенію, онъ то сердился и говорилъ рѣзко—когда бывалъ недоволенъ ходомъ дѣлъ въ Россіи,—то говорилъ мягко, совсѣмъ въ „либеральномъ“ духѣ—когда на русскомъ общественномъ горизонтѣ ему чудился просвѣтъ. Такое колебаніе, конечно, никого не удовлетворяло, и быть можетъ менѣе всего—самого Герцена. Онъ былъ въ очень возбужденномъ нервномъ состояніи и этимъ объясняется его раздраженіе противъ „либераловъ“, которые, пройдя съ нимъ одну школу жизни, могли, казалось бы, глубже заглянуть ему въ душу и лучше понять его. Своему гнѣву на нихъ Герценъ давалъ въ газетѣ волю, правда, изрѣдка, такъ какъ нападать часто на „либераловъ“ значило всетаки бить по своимъ; кольнуть же ихъ при случаѣ было нелишнее. „Мы боимся—писалъ Герценъ—*русскихъ нѣмцевъ и нѣмцевъ русскихъ*; ученыхъ друзей нашихъ западныхъ доктринеровъ, донашивающихъ старое платье съ плечъ политической экономіи, правовѣднія и пр., централизаторовъ по французски и бюрократовъ по-прусски. Они дѣлнѣе барства, они честнѣе чиновничества, оттого-то мы и боимся ихъ; они собьютъ съ толку императора, который стоитъ безпомощно, и шат-

кое, едва складывающееся общественное мнѣніе. Они могутъ ихъ сбить, потому что ихъ воззрѣніе выше общаго уровня нашего образованія и очень доступно среднему пониманію. Ихъ мнѣнія либеральны въ пользу разумной свободы и умѣреннаго прогресса, они говорятъ противъ взятокъ, противъ произвола, они хотятъ улучшить *скверное само по себѣ*, и пожалуй заставятъ насъ уважать приказныхъ, полицію, земскій судъ... Они примирятъ насъ со всѣмъ тѣмъ, что мы презираемъ и ненавидимъ, и улучшивши — упрочатъ все, что слѣдовало выбросить за окно, что, оставленное въ своей гнусности, само собою выгнило бы, окруженное здоровыми силами народа русскаго“ (№ 59, 15 декабря 1859 г.).

Такъ натянуты были отношенія между людьми, которые могли бы сговориться и размежеваться мирно въ общей работѣ. Но моментъ былъ нервный и такое размежеваніе невозможно. Либералы отъ разногласія съ Герценомъ ничего не теряли, такъ какъ оставались при своей работѣ, на своихъ постахъ, въ границахъ большей или меньшей законности. Но Герценъ несомнѣнно проигрывалъ: онъ терялъ многихъ союзниковъ, которые хотя въ борцы и не годились, но симпатіей своей несомнѣнно могли способствовать укрѣпленію престижа газеты. Впрочемъ въ симпатіи многія лица либеральнаго лагеря „Колоколу“ не отказывали, но это была сострадательная симпатія, и она не могла замѣнить настоящей солидарности.

XI.

Стоя въ прямой оппозиціи къ правительству, несмотря на минутныя вспышки довѣрія къ царю, и находясь въ натянутыхъ отношеніяхъ съ либералами, Герценъ естественно долженъ былъ искать союза съ подрастающимъ поколѣніемъ, радикальныя убѣжденія котораго только что выяснялись. Редакторъ „Колокола“ могъ надѣяться, что съ этими еще несформировавшимися людьми онъ поладитъ легче, чѣмъ со стариками и людьми уже сложившимися.

„Колоколъ“ не былъ скупъ въ своихъ привѣтствіяхъ молодежи. „Свободное русское слово — писалъ Герценъ въ первомъ же номерѣ „Колокола“ — раздается среди юнаго поколѣнія, которому мы передаемъ нашъ трудъ. Не завидуя, смотримъ мы на свѣжую рать, идущую обновить насъ, и дружески ее привѣтствуемъ. Ей радостные праздники освобожденія — намъ благовѣсть“ (№ 1, 1 іюля 1857). „Какъ хорошо было бы поскорѣй приблизить

молодыхъ людей къ работѣ. Для этого слѣдовало бы прежде всего уничтожить чины, и тогда молодые люди могли бы занимать важныя мѣста—а въ этомъ уже давно чувствуется потребность“ (№ 11, 15 марта 1858). „Мы поставили эпиграфомъ—*vivos voco!* Гдѣ же живые въ Россіи? Живые—это тѣ разсѣянные по всей Россіи люди мысли, люди добра всѣхъ сословій, мужчины и женщины, студенты и офицеры, которые краснѣютъ и плачутъ, думая о крѣпостномъ состояніи, о безправіи въ судѣ, о своеволіи полиціи, которые пламенно хотятъ гласности, которые съ сочувствіемъ читаютъ насъ. „Колоколъ“—ихъ органъ, ихъ голосъ; на бесплодныхъ каменистыхъ вершинахъ некому его слушать, чистый звонъ его можетъ раздаться сильнѣе въ долинѣ“ (№ 18, 1 іюля 1858). „Къ вамъ, молодые люди, къ вамъ, сидящимъ еще на скамейкахъ и въ аудиторіяхъ, обращаюсь я теперь. Вамъ выпадаетъ на долю великое, небывалое дѣло. Вы будете призваны спасти міръ и осуществить истинное царство Христово. Начните съ того, что, изучая науки общественнаго устройства, по преимуществу касающіяся экономическихъ отношеній и естественныхъ правъ человѣка—не вѣрьте имъ, какъ бы они повидимому ни удовлетворяли; изучайте ихъ глубоко для того чтобы убѣдиться, что въ нихъ забыто сердце; изучайте для того, чтобы предать ихъ проклятью; изучайте для того, чтобы разрушить ихъ и создать новое зданіе“ (№№ 32 и 33, 1 января 1859. Слова одного корреспондента). Не ограничиваясь такими общими привѣтствіями, газета брала молодое поколѣніе открыто подъ свою защиту во всѣхъ его столкновеніяхъ съ властью. Эти столкновенія происходили пока лишь на почвѣ студенческой академической жизни, и политическаго элемента въ нихъ не было. „Колоколъ“ очень рѣшительно подчеркивалъ опасность, которая грозитъ правильному ходу учебной жизни отъ тенденціи придавать студенческимъ безпорядкамъ непремѣнно политическую окраску. Во всѣхъ случаяхъ, когда студенчеству приходилось сталкиваться съ полиціей, университетскимъ начальствомъ, губернаторской властью или министерствомъ, „Колоколъ“ отводилъ на своихъ страницахъ много мѣста подробному отчету о происшествіи и не скрывалъ своей симпатіи къ молодежи (№ 5, 1 ноября 1857; № 11, 15 марта 1858; № 40 и 41, 15 апрѣля 1859; № 59, 15 декабря 1859; № 60, 1 января 1860; № 62, 1 февраля 1860; № 67, 1 апрѣля 1860; № 77 и 78, 1 августа 1860; № 90, 15 января 1861). Но, становясь на сторону молодежи, газета предостерегала ее отъ опасности горячки. „Съ чистой совѣстью и съ откровенностью любви мы рѣшаемся умолять васъ—писалъ Герценъ студентамъ—*быть осто-*

рожными; вы можете погубить не только себя, но гораздо больше. *Россія обязываетъ васъ къ этой жертвѣ*. Есть стадіи развитія организма, требующія болѣе строгой гигіены. Россія именно теперь находится въ такомъ состояніи. Ничто старое не вырвано съ корнемъ, ничто новое не пустило еще корни. Опереться не на что. Въ благородныхъ инстинктовъ Государя съ одной стороны и части общества съ другой, въ удвоенной умственной дѣятельности и того трепетнаго ожиданія, которое предваряетъ великое будущее—*ничего нѣтъ*, ничто не обезпечено! Возлѣ васъ великій примѣръ, взгляните на тихій океанъ крестьянскаго міра, ожидающаго въ величавомъ покоѣ уничтоженія позорнаго рабства. Какъ были бы рады плантаторы-помѣщики, еслибъ они могли вызвать бурю. Силы ваши—силы Россіи, берегите ихъ для нея, не тратьте ихъ попустому, намъ столько дѣла впереди, столько борьбы!“ (№ 55, 1 ноября 1859). „Мы приглашаемъ васъ къ доблестному спокойствію. Сила не въ судорожныхъ взрывахъ, которые обличаютъ только нервное разстройство; сила—въ крѣпкой мысли и спокойномъ шествіи“ (№ 59, 15 декабря 1859).

Восторженные слова, сказанныя Герценомъ по адресу молодежи, нашли себѣ жестокую поправку на страницахъ того же „Колокола“. „И „Колоколъ“ отдалъ дань своему времени—писалъ одинъ будто-бы юный корреспондентъ.—И „Колоколъ“ прилеплялъ капризнаго божка, извѣстнаго подъ именемъ *молодого поколения*. Ему честь! ему ладанъ! Мы сами молоды и потому чувствуемъ въ себѣ силу сказать, что вы слишкомъ пристрастны къ намъ. Вы вѣрно забыли, въ какой безотрадной пустотѣ идетъ жизнь русской молодежи. О военной и говорить нечего. И статская—сплетничаетъ, день и ночь толчется по переднимъ. Университетская книга закрыта; ее замѣняетъ послѣдній романъ Дюма, послѣдняя книжка русскаго періодическаго изданія. Постоянный подписчикъ русскаго учено-литературнаго журнала—это какой-то евнухъ науки. Верхушки знанія, готовые результаты и окончательные выводы растлѣваютъ умъ. Ваши статьи сильно волнуютъ юную кровь. Ошеломленные, мы бродимъ нѣкоторое время въ ослѣпительныхъ лучахъ грядущаго новаго, но затѣмъ, подумавши, возвращаемся къ старому порядку вещей со всѣми его мелкими служебными и частичными интрижками, блестящими парадами, университетскими дипломами на званіе губернскихъ секретарей и титулярныхъ совѣтниковъ. Благодаря природной русской лѣни, мы вообще большіе консерваторы. Еще ничего не сдѣлавши, мы начинаемъ уже зѣвать, потягиваться. Дыханіе у насъ коротко, какъ у чахоточныхъ. Притомъ страшная разъединенность въ интересахъ

Повторяю, вы относитесь слишкомъ горячо къ этимъ безбородымъ юношамъ. Всюду и много есть благородныхъ исключеній, кто объ этомъ спорить? Но всетаки, говоря вообще, нельзя ставить русское молодое общество очень высоко надъ старымъ. Повѣрьте, мы унесли въ своемъ развитіи порядочный запасъ старозавѣтныхъ гадостей. Мы до гадости осторожны въ словахъ и на дѣлѣ. Гуманность — нѣчто въ родѣ моднаго фрака, которымъ мы щеголяемъ и который намъ рѣжетъ подъ мышками и лопаеъ по швамъ... Молодой больше разсуждалъ стараго, потому что онъ больше учился. Университетъ далъ ему крылья, но увѣ! восковыя; а подъ развѣдающей волной русской жизни намъ нужны крылья стальные. Нѣтъ! недалеко ушли мы отъ стараго поколѣнія. Последнее было проще нашего, искреннѣе, непосредственнѣе... О русскихъ дѣвицахъ я и говорить не хочу. Это вѣчныя паріи. Онѣ безотвѣтственны, потому что ихъ воспитаніе и образъ жизни снимаютъ съ нихъ всякую отвѣтственность. Ихъ должно сожалѣть, осторожно осуждать. Семейныя отношенія подѣлали изъ нихъ полу-трупы, отъ которыхъ жизнь сторонится" (№ 56, 15 ноября 1859). Что можно было возразить на эти слова, въ которыхъ несомнѣнно была большая доля правды — той самой правды, которую въ тѣ же годы откровенно говорилъ въ глаза молодежи Добролюбовъ? Герценъ понималъ, что молодое поколѣніе пока еще только — обѣщаніе, но это обѣщаніе было ему такъ дорого, что оставить вышеприведенныя слова безъ возраженія онъ не счелъ возможнымъ. Онъ отвѣтилъ на нихъ, при случаѣ, указаніемъ на историческія условія, въ которыхъ молодежь выросла. „Одно изъ ужаснѣйшихъ посягательствъ прошлаго царствованія — писалъ онъ — состояло въ его настойчивомъ стремленіи сломить отроческую душу. Правительство подстерегало ребенка при первомъ шагѣ въ жизнь и развращало кадета-дитя, гимназиста-отрока, студента-юношу. Безпощадно, систематически выправляло оно въ нихъ человѣческіе зародыши, отучало ихъ, какъ отъ порока, отъ всѣхъ людскихъ чувствъ — кромѣ покорности... Здоровая мощь русская была сильнѣе гнета; но какой цѣной купили юные страдальцы святое святыхъ своей человѣческой души? Посмотрите на это чахлое, нервное, тревожное внутри, невѣрующее болѣе ни во что свѣтлое, невѣрующее въ себя поколѣніе; это — та доля, которая пережила душевредительства правительственнаго воспитанія. А сколько умерло, сложивши голову, не зная свѣтлаго дня послѣ вступленія въ корпусъ или школу?..“ (№ 60, 1 января 1860).

Послѣ всѣхъ такихъ рѣчей редакторъ, естественно, могъ

разсчитывать, что симпатіи молодого поколѣнія будутъ на его сторонѣ.

Разногласіа между „Колоколомъ“ и радикалами—этими его послѣдними союзниками—начались, однако, очень скоро. Уже въ 1858-мъ году одинъ корреспондентъ писалъ: „Ради Бога не облагораживайте произвольными вашими толкованіями дѣйствій нашего правительства, неспособнаго ни на какое сколько-нибудь разумное, раціональное дѣйствіе. Послѣ морознаго царствованія Николая настала Александровская оттепель, весна, не весна, а такъ: то погрѣбеть, отпустить, то снова подморозить, попридержать, то въ точь петербургская весна, распустилась наша обильная неисходная грязь. Трудъ великій, могучая воля нужны... Непріятно и грустно намъ видѣть, что вы влагаєте въ ножны мечъ, поднятый для истребленія гадовъ, наполняющихъ Россію. Ни одного удара—и уже примиреніе. Не крестьянское ли дѣло васъ обезоружило? Не приплетайте сюда и не взводите на правительство опять благородства. Увлекаясь сердцемъ, вы ставите невольно впередъ вашу личность, съ вашей теплой любовью къ Россіи, тоской по ней. Не позволяйте же этому нѣжному чувству превратиться въ слабость, которою можетъ воспользоваться казенная Россія“ (№ 23 и 24, 15 сентября 1858). На это письмо, на этотъ „рѣзкій отголосокъ мнѣнія, которое нельзя не уважать“, редакторъ отвѣчалъ въ очень миролюбивомъ тонѣ и пока не сердился. Но въ редакцію стали поступать письма въ болѣе рѣзкомъ тонѣ, даже въ тонѣ настолько неучтивомъ, что Герценъ былъ вынужденъ помѣстить такую замѣтку: „что мнѣ сказать о письмѣ, полученномъ мною, и въ которомъ меня осыпаютъ упреками за умѣренность, сентиментальность, уступки, суетное самолюбіе. Уважая сколько-нибудь человѣка, нельзя писать къ нему въ такихъ выраженіяхъ; если же эти господа не уважаютъ меня, зачѣмъ они пишутъ? Мнѣ было больно читать такіа строки изъ нашего стана“ (№ 32 и 33, 1 января 1859). Станъ признается пока еще „нашимъ“, хотя тонъ рѣчи редактора былъ уже обиженный. Наконецъ въ 1860-мъ году газета помѣщаетъ письмо „одного изъ друзей“—письмо въ высшей степени характерное, въ которомъ, при всей „дружбѣ“, совершенно ясно чувствуется полное несогласіе въ принципахъ. „Все что есть живого и честнаго въ Россіи съ радостью, съ восторгомъ встрѣтило начало вашего предпріятія—писалъ корреспондентъ—и всѣ ждали, что вы станете обличителемъ царскаго гнета, что вы раскроете передъ Россіей источникъ ея вѣковыхъ бѣдствій... и что же? Вмѣсто грозныхъ обличителей неправды, съ береговъ Темзы несутся къ

намъ гимны Александру II... По всему видно, что о Россіи настоящей вы имѣете ложное понятіе. Помѣщики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкиваютъ васъ надеждами на прогрессивныя стремленія нашего правительства, но не всѣ же въ Россіи обманываются призраками... Только силой можно вырвать у власти человѣческія права для народа, только тѣ права прочны, которыя завоеваны; что дается, то легко и отнимается... Не увлекайтесь толками о нашемъ прогрессѣ, мы все еще стоимъ на одномъ мѣстѣ; во время великаго крестьянскаго вопроса намъ дали на потѣху, для развлеченія нашего вниманія, безымянную гласность; но чуть дѣло коснется дѣла, тутъ и прихлопнуть... Не вводите въ заблужденіе другихъ, не отнимайте энергіи, когда она многимъ пригодилась бы. Надежда въ дѣлѣ политики—золотая цѣпь, которую легко обратить въ кандалы подающей ее. Нѣтъ! наше положеніе ужасно, невыносимо и только топоръ можетъ насъ избавить, и ничто кромѣ топора не поможетъ. Вы все сдѣлали, что могли, чтобы содѣйствовать мирному рѣшенію дѣла; перемѣните же тонъ и пусть вашъ „Колоколъ“ благовѣститъ не къ молебну, а звонитъ набатъ. Къ топору зовите Русь!“ (№ 64, 1 марта 1860). На этотъ призывъ редакторъ отвѣчалъ, сохраняя по возможности внѣшнее спокойствіе: „Что же у васъ готово?—спрашивалъ онъ.—Мы не знаемъ. Отступило ли оскорбленное меньшинство въ сторону, составило ли тотъ первый *punctum saliens*, по которому притекутъ родные атомы, разсѣянные теперь въ неопредѣленномъ исканіи и броженіи? Сдѣлано это или нѣтъ? И это не все. Призвавши къ топору, надобно овладѣть движеніемъ, надобно имѣть организацію, надобно имѣть планъ, силы и готовность лечь костью не только схватившись за рукоятку, но схвативъ за лезвіе, когда топоръ слишкомъ расходится? Есть ли все это у васъ?“ (Тамъ же). Теперь наконецъ появились эти „вы“, которыхъ редакторъ называлъ раньше то „мы“, то „наши“.

Изъ всѣхъ такихъ писемъ и отвѣтовъ (а въ „Колоколъ“ несомнѣнно попадала лишь самая незначительная ихъ часть) видно, какъ назрѣвало несогласіе между газетой и людьми все болѣе и болѣе передвигавшимися влѣво. Герценъ не могъ не знать о такомъ передвиженіи; быть можетъ онъ молча и прिवѣтствовалъ его, какъ яркій симптомъ быстрого общественнаго развитія. Но онъ чувствовалъ себя задѣтымъ, отчасти обиженнымъ тѣмъ тономъ, въ какомъ съ нимъ говорили; онъ чувствовалъ себя слишкомъ сильнымъ, чтобы добровольно отойти въ тѣнь и признать себя только предтечей. Герценъ начиналъ сердиться.

Только его раздраженіемъ и можно объяснить появленіе въ „Колоколѣ“ двухъ статей, которыя радикалы имѣли полное право счесть за начало открытаго разрыва между отцами и дѣтьми. Первая статья мѣтила въ „Современникъ“ и была направлена противъ извѣстнаго „Свистка“ Добролюбова. Герценъ почему-то вдругъ взялся на Добролюбова за его насмѣшки надъ русской гласностью, которая была въ большинствѣ случаевъ толченіемъ воды въ ступѣ, и за его глумленіе надъ русской обличительной литературой, занимавшейся крохоборствомъ и подборомъ незначущихъ мелочей. Герценъ былъ такъ сердитъ, что, вопреки обыкновенію, первый наговорилъ Добролюбову дерзостей. „Журналы, — писалъ онъ, — сдѣлавшіе себѣ пьедесталъ изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій со страждущими — катаются со смѣху надъ обличительной литературой, надъ неудачными опытами гласности. И это не то чтобъ случайно, но при большомъ театрѣ ставятъ особые балаганчики для освистыванія первыхъ опытовъ свободного слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголовѣ, такъ она недавно сидѣла въ острогѣ... Смѣхъ есть вещь судорожная, и на первую минуту человѣкъ смѣется всему смѣшному, но бываетъ вторая минута, въ которой онъ краснѣетъ и презираетъ и свой смѣхъ, и того, кто его вызвалъ... Мы сами очень хорошо видѣли промахи и ошибки обличительной литературы, недовкость первой гласности; но что же тутъ удивительнаго, что люди, которыхъ всю жизнь грабили квартальные, судьи, губернаторы, слишкомъ много говорятъ объ этомъ теперь? Они еще больше молчали объ этомъ! Въ такое время, какъ наше, пустое балагурство скучно, неумѣстно; но оно дѣлается отвратительно и гадко когда привѣшиваетъ свои ослиные бубенчики къ тройкѣ, которая, въ поту и выбиваясь изъ силъ, вытаскиваетъ — можетъ иной разъ оступаясь — нашу телѣгу изъ грязи! Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяццы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но и до *Станислава на шею!*“ (№ 44, 1 іюня 1859). Тотъ, кто знакомъ со „Свисткомъ“, можетъ удивиться и смыслу рѣчи Герцена, и въ особенности ея тону. Принимать такъ къ сердцу простую остроумную шутку „Свистка“ — къ тому же шутку въ общественномъ смыслѣ вполне благонамѣренную — можно было лишь при наличности большого запаса затаенной злобы противъ лица, которое себѣ такую шутку позволило. Герценъ лично не зналъ Добролюбова, но образъ мыслей радикальнаго кружка, сгруппировавшагося вокругъ „Совре-

менника", несомнѣнно былъ ему извѣстенъ. Съ конечными взглядами этого кружка онъ, минутами, могъ быть даже согласенъ, но темпераментъ этихъ людей былъ ему очень непріятенъ. Зато и его „формація“ становилась не по душѣ молодому поколѣнію. Статья въ „Колоколѣ“ задѣла Добролюбова за живое, и онъ отвѣчалъ на нее письмомъ. Къ сожалѣнію письмо это пока не разыскано, но легко догадаться, въ какомъ духѣ оно было написано. О немъ можно судить по тому разговору, который Герценъ имѣлъ съ Чернышевскимъ, когда Чернышевскій, для выясненія отношеній между „Современникомъ“ и „Колоколомъ“, побывалъ въ Лондонѣ.

Разговоръ этихъ двухъ вождей союзной рати, уже развѣдаемой несогласіями, занесенъ самимъ Герценомъ на страницы „Колокола“ подъ заглавіемъ: „Лишніе люди и желчевики“. Въ этой статьѣ устанавливалась параллель между двумя поколѣніями— между людьми состарившимися при старомъ режимѣ и сознавшими себя „лишними“, и ихъ младшими братьями и, можетъ быть, дѣтьми, которые подросли при томъ же режимѣ и находились въ *полномъ цвѣтѣ* въ 1855-му году. Это молодое поколѣніе, представителемъ котораго Герценъ считалъ своего собесѣдника, онъ обозвалъ „желчевиками“. Ихъ разлившаяся „желчь“ была Герцену непріятна, такъ какъ онъ чувствовалъ, что въ порывѣ гнѣва они не пощадятъ и его, кому они во всякомъ случаѣ были многимъ обязаны. Герценъ былъ готовъ зачислить себя самого въ разрядъ „лишнихъ“ людей, лишь бы подчеркнуть свое принципиальное несогласіе съ „желчевиками“. „Мы сами принадлежали къ этому несчастному поколѣнію (лишнихъ)—писалъ онъ—и, догадавшись очень давно, что мы лишніе на берегахъ Невы, препрактически пошли вонъ, какъ только отвязали веревку. И вотъ теперь на смѣну намъ пришли эти „желчевики“. Въ борьбѣ по большей части они утратили *молодость* своей юности, они затянулись и преждевременно перезрѣли. Старость ихъ коснулась прежде гражданскаго совершеннолѣтія. Это не *лишніе*, не праздные люди, это люди озлобленные, больные душой и тѣломъ, люди зачахнувшіе отъ вынесенныхъ оскорбленій, глядящіе исподлобья и которые не могутъ отдѣлаться отъ желчи и отравы, набранной ими больше чѣмъ за пять лѣтъ тому назадъ. Они представляютъ явный шагъ впередъ, но все-же болѣзненный шагъ: это уже не тяжелая хроническая летаргія, а острое страданіе, за которымъ слѣдуетъ выздоровленіе или похороны. Лишніе люди сошли со сцены, за ними сойдутъ и *желчевики*, наиболѣе сердящіеся на лишнихъ людей. Они даже сой-

дуть очень скоро, они слишкомъ угрюмы, слишкомъ дѣйствуютъ на нервы, чтобы долго держаться. Жизнь, несмотря на восемнадцать вѣковъ христіанскихъ сокрушеній, очень языческимъ образомъ предана эпикуреизму и *à la longue* не можетъ выносить наводящія уныніе лица невскихъ Даниіловъ, мрачно упрекающихъ людей, зачѣмъ они обѣдаютъ безъ скрежета зубовъ и, восхищаясь картиной или музыкой, забываютъ о всѣхъ несчастіяхъ міра сего... Первое, что насъ поразило въ нихъ, это легкость, съ которой они отчаявались во всемъ, злая радость ихъ отрицанія и страшная беспощадность. Послѣ событій 1848-го года они были разомъ поставлены на высоту, съ которой видѣли поражение республики и революціи, вспять идущую цивилизацію, поруганныя знамена — и не могли жалѣть незнакомыхъ бойцовъ. Тамъ, гдѣ нашъ братъ останавливался, оттиралъ, смотрѣлъ, нѣтъ ли искры жизни, они шли дальше пустыремъ логической дедукціи и легко доходили до тѣхъ рѣзкихъ, послѣднихъ выводовъ, которые пугаютъ своей радикальной бойкостью, но которые, какъ духи умершихъ, представляютъ сущность, уже вышедшую изъ жизни — а не жизнь. Это освобожденіе отъ всего традиціоннаго доставалось не здоровымъ, юнымъ натурамъ — а людямъ, чьихъ душа и сердце были поломаны по всѣмъ составамъ. Послѣ 1848-го года въ Петербургѣ нельзя было жить... Чему же дивиться, что юноши, вырвавшіеся изъ этой пещеры, были юродивые и больные? Потому они завали безъ лѣта, не зная ни свободного размаха, ни вольно сказаннаго слова. Они носили на лицѣ глубокій слѣдъ души помятой и раненой. У каждаго былъ какой-нибудь тикъ, и сверхъ этого личнаго тика, у всѣхъ одинъ общій — какое-то снѣдающее ихъ, раздражительное и свернувшееся самолюбіе. Половина ихъ постоянно клялась, другая постоянно карала... Да, у нихъ остались глубокіе рубцы на душѣ. Петербургскій міръ, въ которомъ они жили, отразился на нихъ самихъ; вотъ откуда ихъ беспокойный тонъ, языкъ *saccadé* и вдругъ расплывающійся въ бюрократическое празднословіе, уклончивое смиреніе и надменные выговоры, намѣренная сухость и готовность по первому поводу осыпать ругательствами, оскорбительное принятіе впередъ всѣхъ обвиненій и беспокойная нетерпимость директора департамента... Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, они, т. е. желчные люди наши, тономъ своимъ могутъ довести ангела до драки и святого до проклятія" (№ 83, 15 октября 1860 г.).

Если вспомнить, что „разговаривавшій съ Герценомъ желчевикъ смотрѣлъ на него какъ на хорошій остовъ мамонта“, какъ на „интересную ископаемую кость“, то любезности Герцена

по адресу „желчевиковъ“ не должны удивлять насъ. Но, кромѣ личнаго счета съ ними, Герценъ въ своемъ наскокѣ на поколѣніе „желчевиковъ“ руководился еще однимъ соображеніемъ, которое оказалось, однако, невѣрнымъ. Онъ думалъ, что за этими людьми, которымъ въ 1860-мъ году могло быть лѣтъ подѣ тридцать, выступаютъ иные люди, съ иной, болѣе мирной душой и нормальной желчью. Онъ не предугадывалъ, что всѣ тѣ черты характера, которыя ему такъ не нравились въ „желчевикахъ“, останутся характерными и для послѣдующихъ поколѣній радикальнаго образа мыслей. Онъ думалъ, что эти желчевики — лишь продуктъ Николаевской эпохи, продуктъ временный, осужденный на быстрое исчезновеніе; онъ не предвидѣлъ, что и эпоха реформъ, несмотря на свой либерализмъ, будетъ благопріятствовать неменьшему разлитію въ людяхъ желчи и негодованія. Считая желчевиковъ послѣдышами эпохи, отходящей въ прошлое, Герценъ поторопился прочесть надъ ними отходную, въ которой, отдавъ должное ихъ стремленіямъ, онъ осудилъ ихъ темпераментъ и характеръ. Онъ не догадывался, что этотъ самый непріятный темпераментъ со временемъ сослужитъ свою службу въ дѣлѣ общественнаго воспитанія. Досадуя на молодыхъ, которые его обогнали и въ которыхъ онъ чувствовалъ недостаточное признаніе заслугъ старшихъ, онъ бралъ подъ свою защиту людей „лишнихъ“, т.-е. несомнѣнныхъ покойниковъ... Онъ самъ готовъ былъ причислить себя къ этимъ покойникамъ, лишь бы показать желчевикамъ, сколь мало онъ съ ними солидаренъ... Такъ обострились между ними отношенія!

XII.

Мы видѣли, какъ постепенно росло это обостреніе отношеній и какъ оно охватывало все большіе и большіе круги. Съ правительствомъ, съ которымъ можно было сохранять дипломатическія сношенія, „Колоколъ“, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, порвалъ навсегда. Этотъ разрывъ не привлекъ на его сторону либераловъ, которые подозрѣвали газету въ пристрастіи къ революціоннымъ идеямъ и приѣмамъ борьбы... и „Колоколъ“ порвалъ съ либералами. Этотъ новый разрывъ не повысилъ престижа газеты у радикаловъ, которые съ своей стороны подозрѣвали газету въ готовности идти на сдѣлку съ либералами. И въ концѣ концовъ Герценъ остался одинъ, окруженный врагами, въ сосѣдствѣ съ цѣлыми группами лицъ, которыя могли симпатизировать ему какъ человѣку, но оста-

вались довольно хладнокровными зрителями его отчаянной борьбы уже не за власть, а за существованіе. Въ этотъ трудный моментъ „Колоколъ“ пошелъ на крайнее: онъ выкинулъ открыто флагъ революціоннаго возстанія. Въ 1861 г. начались волненія въ Польшѣ и въ этомъ же году Баеунинъ изъ Сибири бѣжалъ въ Лондонъ. „Колоколъ“ пересталъ думать о какомъ-нибудь примиреніи или соглашеніи. На нѣкоторое время онъ вернулъ себѣ симпатіи радикаловъ, но послѣ перваго разгрома революціонныхъ кружковъ въ Россіи, въ 1861—1863 годахъ, онъ остался совершенно отрѣзаннымъ отъ русской базы и былъ осужденъ на быстрое увяданіе.

XIII.

Такова была судьба перваго свободнаго русскаго слова, сказаннаго человѣкомъ огромнаго ума и таланта. Въ этомъ словѣ было много достоинствъ, совершенно необычныхъ для русскихъ словъ, когда-либо до него сказанныхъ. Но всѣ эти достоинства не могли перевѣсить одного недостатка: дать того, чего отъ него ждали, это слово все-таки не могло. Встрѣченное большимъ почетомъ вначалѣ, оно быстро стало терять свою силу и главною причиною охлажденія къ нему было его молчаніе на вопросъ — что же надлежитъ *дѣлать*?

Въ письмѣ одного корреспондента, помѣщенномъ въ первомъ же номерѣ „Колокола“ (№ 1, 1 іюля 1857), редакторъ прочелъ такія строки: „Первое, что узнаеть пробуждающійся больной—это дѣйствительность, которая его окружаетъ; онъ не любитъ когда ему напоминають о томъ, что такое человѣкъ въ здоровомъ состояніи, о смыслѣ здоровой жизни, о цѣли жизни; теоретическіе предметы его не занимають; онъ только спѣшитъ осмотрѣться и осязать окружающую среду, и спрашиваетъ, когда же онъ совсѣмъ выздоровѣетъ, когда совсѣмъ станетъ на ноги; всякій отвлеченный вопросъ его тревожить и пугаетъ, а не возбуждаетъ въ немъ участія. Броженіе умовъ въ Россіи представляетъ совершенно образъ этого очнувагося больного. Большая часть пишущихъ къ вамъ сердятся за то, что въ „Полярной Звѣздѣ“ были статьи, въ которыхъ преобладаетъ теорія; сердятся за то, что авторъ „съ того берега“ больше мыслитель, чѣмъ дѣлатель; всѣ кричатъ: „не того намъ надо! покажите намъ, какъ намъ выздоровѣть... Можетъ-быть это требованіе, какъ выраженіе еще патологическаго состоянія, совершенно законно, необходимо“.

Но Герценъ не хотѣлъ признать себя виновнымъ въ томъ, что онъ высказываетъ лишь общія положенія. Правда, онъ говорилъ, что намъ нужны *новыя начала жизни*, что у насъ собственно нѣтъ *завѣтныхъ* основъ, нѣтъ прочно вкопанныхъ въ разумѣніе межевыхъ камней, означающихъ предѣлы. Онъ признавалъ, что мы не сложились, что мы *еще ищемъ своихъ началъ* (№ 37, 1 марта 1859). Но на поиски этихъ новыхъ началъ Герценъ въ „Колоколѣ“ не желалъ пускаться. „Мы теорій теперь никакихъ не проповѣдуемъ, — писалъ онъ въ 1858-мъ году; — мы взяли за девизъ: освобожденіе крестьянъ отъ помѣщиковъ, освобожденіе слова отъ цензуры, освобожденіе всѣхъ отъ побоевъ“ (№ 9, 15 февраля 1858). Годъ спустя онъ повторилъ ту же мысль: „Я не говорилъ объ общихъ теоріяхъ — писалъ онъ одному польскому публицисту — просто потому, что не считалъ этого своевременнымъ. Злоупотребленіе громкихъ словъ, шедшихъ (въ Европѣ) рядомъ съ безчестными скромными дѣлами, противно русскому характеру, чрезвычайно реальному и мало привыкшему къ риторикѣ... Людямъ дальняго идеала, пророкамъ разума и прорицателямъ будущаго — мало дѣла до прикладныхъ затрудненій; они указываютъ на разумныя начала, къ которымъ общество стремится, его законы, общую формулу его движенія, предоставляя грядущимъ поколѣніямъ посылно осуществлять ихъ въ ежедневной борьбѣ сталкивающихся выгодъ и партій... Такіе люди — возстановители правъ разума въ капризной и фантастической сказкѣ исторіи — велики и необходимы, и всѣ эти предтечи новаго міра, какъ Сень-Симонъ, Фурье, займутъ огромное мѣсто въ сознательномъ развитіи человѣчества, въ самопознаніи общественнаго быта, но имъ почти нѣтъ прямого участія въ текущихъ дѣлахъ; это — доля насъ, будничныхъ работниковъ... Задача чловека, желающаго участвовать въ новомъ движеніи, становится другая; она становится спеціальнѣе. Мало знать станцію, къ которой мы ѣдемъ, надо опредѣлить, которую версту по пути къ ней мы продѣлываемъ и какія рытвины и мосты именно на той верстѣ. Наше положеніе измѣнилось, иные вопросы насъ занимаютъ и занимаютъ исключительно. Вмѣсто „предисловій, программъ и эпиграфовъ, мы вступили въ текстъ“ (№ 32 и 33, 1 января 1859).

Потребность момента — какъ видимъ — была угадана вѣрно, но пути практическаго ея удовлетворенія указаны не были, и во всѣхъ статьяхъ „Колокола“ чувствовалось, что самъ редакторъ былъ къ теоретическимъ разсужденіямъ всетаки гораздо болѣе склоненъ, чѣмъ къ указаніямъ, изъ которыхъ можно было бы извлечь непосредственную выгоду. Герцена влекло къ разсужденію

и размышленію—а жизнь требовала совѣта на текущій день и правилъ поведенія. Ихъ онъ могъ преподавать лишь въ самой общей формѣ; но онъ сознавалъ, что такія общія формулировки не повышаютъ его кредита у тѣхъ лицъ, симпатіей которыхъ онъ дорожилъ всего больше.

Печальный, онъ готовъ былъ отказаться отъ роли вождя, сохраняя за собой лишь роль обличителя. Въ эти грустные минуты ему казалось, что онъ призванъ не руководить людьми, а лишь предостерегать ихъ. Писалъ же онъ въ отвѣтъ на письмо Чичерина, что онъ хотѣлъ быть местью и ироніей русскаго человѣка—не больше. Не иронія—великая грусть звучала теперь въ словахъ, которыми онъ отвѣчалъ одной сердобольной русскаго дамѣ, призывавшей его къ христіанскому покаянiю. „Итакъ вы говорите,—писалъ онъ ей,—что я *только* вношу сомнѣніе въ сердца молодого поколѣнія и пробуждаю въ немъ жажду. Это *только* само по себѣ кое-что. Человѣкъ сомнѣвающийся будетъ безпокоенъ, станетъ искать выхода изъ сомнѣнія; человѣкъ, у котораго жажда возбуждена, пойдетъ отыскивать утоленіе ея. Послѣ нравственной косности прошлаго тридцатилѣтія, послѣ старческаго маразма, внесеннаго въ самую юность искаженнымъ воспитаніемъ, всякое возбужденіе въ жизни, всякій голосъ, бросающій вопросъ, разрушающій разсѣянное равнодушіе, останавливающій молодого человѣка между университетскимъ дипломомъ и дипломомъ на чинъ титулярнаго совѣтника, между кадетскимъ корпусомъ и полкомъ и зовущій на раздумье—спасительный голосъ. Тѣхъ рѣшеній, о которыхъ вы говорите, я не могу дать, я ихъ не имѣю, я самъ ихъ ищу; я не учитель, я попутчикъ. Мы вмѣстѣ доискиваемся, оттого можетъ быть у насъ есть сочувствіе. Я не берусь имъ говорить, *что* надобно, но, кажется, довольно вѣрно указываю, чего не надобно. Того разлада, той неудовлетворительности, которую вы находите во мнѣ, конечно нѣтъ у доктринеровъ, какъ вообще нѣтъ у религіозныхъ людей... Но если я не имѣю доктрины, не пишу заповѣдей гдѣ-нибудь на горѣ, ни приказовъ гдѣ-нибудь въ канцеляріи—неужели же я не могу кричать о рабствѣ и передней?.. Неужели я не могу проповѣдывать освобожденіе мысли и совѣсти отъ всего хлама, не проведеннаго сквозь очистительный огонь сознанія; звать на борьбу со всѣми остающимися узами на независимости мышленія, со всѣмъ ограничивающимъ самозаконность личности, этой высшей, дѣйствительной цѣли церкви и государства?“ (№ 36, 15 февраля 1859). Эта красивая и краснорѣчивая самооборона едва ли выражала всю правду души Герцена: онъ писалъ эти строки подѣ

минутнымъ аффектомъ грустнаго отреченія отъ многихъ грандіозныхъ плановъ, писалъ чтобы самого себя утѣшить. Насколько въ сущности онъ былъ неспособенъ ограничиться ролью „попутчика“ или скучнаго ментора, говорящаго лишь о томъ, чего не надо — это видно по той революціонной экзальтаціи, какою онъ былъ вдругъ и неожиданно охваченъ, когда только что начинало загораться польское національное движеніе. Въ эти дни онъ въ первый разъ почувствовалъ, что имѣетъ сказать нѣчто спѣшное, неотложное, дать совѣтъ прямой и указать, что надо дѣлать, какъ надо дѣйствовать. Польское дѣло было не родное ему дѣло, и если онъ такъ горячо принялъ его къ сердцу, то потому, что ему давно хотѣлось почувствовать себя прямымъ участникомъ движенія, стать ближайшимъ совѣтникомъ лицъ вступившихъ въ рукопашную. Со статьи „Vivat Polonia“ (94, 15 марта 1861) началась для „Колокола“ та новая кампанія, въ которой онъ явился авангардомъ русскихъ волонтеровъ, становящихся подъ польскія знамена.

XIV.

Итакъ, когда читатель 1855—1861 годовъ бралъ въ руки „Колоколъ“, — какой отвѣтъ давали ему эти листы на вопросы, наиболѣе тревожившіе его какъ гражданина?

Съ чѣмъ Герценъ былъ несогласенъ и что онъ осуждалъ въ современномъ строѣ Россіи — объ этомъ въ „Колоколѣ“ говорилось подробно и живописно. Но все это читатель могъ знать и видѣть своими глазами. Газета въ данномъ случаѣ только помогала его памяти и наблюдательности. Если читатель обращался къ газетѣ съ вопросомъ — какой политическій строй считаетъ она желательнымъ, то отвѣта прямого онъ не получалъ. Противъ каждаго строя было выдвинуто много возраженій и, конечно, всего больше противъ строя господствовавшаго. Былъ указанъ далекій социалистическій идеалъ, даны горячія увѣренія въ томъ, что онъ восторжествуетъ; но передаточныя ступени къ его осуществленію не были указаны.

О срокѣ, когда господствующій строй долженъ смѣниться новымъ, было высказано лишь требованіе скорѣйшаго его наступленія. И правительство, и общество призывались къ возможно спѣшной работѣ. Какая должна была быть эта работа — въ точности не опредѣлялось, но преимущество отдавалось, повидимому, работѣ тихой и общекультурной, хотя очень часто говорилось о

рѣшительномъ и свободномъ вмѣшательствѣ въ ходъ событій. Рекомендовалось очень настойчиво ненасильственное вмѣшательство въ политику дня—и вмѣстѣ съ тѣмъ очень часто съ пафосомъ подчеркивалась возможность революціонныхъ актовъ.

На кого можно было опереться въ борьбѣ со стариной—объ этомъ говорилось очень неопредѣленно и глухо. Союзъ съ правительствомъ былъ признанъ невозможнымъ, а союзъ съ либеральной интеллигенціей и радикальной молодежью состояться не могъ по причинѣ взаимнаго раздраженія.

Наконецъ, на вопросъ: съ какого опредѣленнаго шага и въ какомъ направленіи должна быть начата борьба за новую государственную жизнь—совсѣмъ не получалось отвѣта, если не считать частнаго призыва заступиться за поляковъ.

Нельзя было занять болѣе невыгодную позицію, чѣмъ та, какую занялъ Герценъ; но большую несправедливость совершить историкъ, который за этими тактическими ошибками (изъ которыхъ многія были фатально неизбежны для старѣющаго либерала-идеалиста сороковыхъ годовъ) просмотритъ огромное общественное значеніе публицистики Герцена, при всемъ ея блескѣ столь неловкой...

На общественное настроеніе эта свободная и рѣзкая рѣчь имѣла самое благотворное вліяніе, не взирая на всѣ свои недочеты и неровности. Изъ всего, что было писано на русскомъ языкѣ въ періодъ отъ 1855-го до 1861-го года, лондонская публицистика была всего болѣе насыщена боевымъ элементомъ и яснѣе чѣмъ какая-либо разумная и тактическая рѣчь говорила о силѣ личности, за долгіе годы столь принижаемой въ Россіи. Каждый, кто попадалъ хоть на короткое время въ сферу вліянія герценовской рѣчи, не могъ не испытать того волненія мысли и чувства, безъ котораго ни одно дѣло не можетъ быть ведено успѣшно. Въ этомъ смыслѣ и представители официальнаго порядка, и умѣренные либералы, и радикалы—всѣ были въ извѣстной долѣ обязаны Герцену повышеніемъ чуткости къ общественному дѣлу, хотя друзьями его никто изъ нихъ не хотѣлъ назваться.

XV.

Изъ всего сказаннаго ясно, сколь неустойчивъ долженъ былъ быть союзъ Герцена съ подроставшимъ радикальнымъ поколѣніемъ. Это поколѣніе вступало въ жизнь съ настроеніемъ, которое не нуждалось въ томъ, чтобы его горячили и поднимали.

Взявъ у Герцена сразу все, что онъ могъ дать какъ сила волевая, радикальная молодежь быстро переставала считаться съ нимъ, такъ какъ то, чѣмъ онъ былъ силенъ, — его запасъ знаній и его способность сразу съ нѣсколькихъ сторонъ смотрѣть на вопросы — скорѣе мѣшало молодымъ, пылкимъ сердцамъ, чѣмъ привлекало ихъ. Для молодежи все въ жизни сводилось къ вопросу — съ чего начать и какъ *дѣйствовать*, и всю мудрость міра они готовы были отдать за ясную программу поведенія. Герценъ не могъ набросать такой программы и по свойству своей психики, и по свойству своего ума. Слишкомъ много было въ немъ грусти, недовѣрія къ жизни, разочарованія, слишкомъ много было разнообразнѣйшихъ знаній, чтобы поставить людямъ одну какую-нибудь цѣль и рекомендовать прямолинейную программу. А именно въ такой программѣ нуждалась молодежь, горѣвшая желаніемъ немедленно быть полезной родинѣ, и полезной не въ мелочахъ, а въ чемъ-либо великомъ.

Но великое, какъ думали молодые люди, не можетъ быть свершено старыми силами и ветхіе мѣха не должно было наполнять виномъ новымъ. Новая жизнь требовала новыхъ людей, и сколь бы умны и сильны ни были люди старые, какъ бы благожелательно они ни относились къ молодежи — въ руководители они не годились.

Надо было ждать, когда такіе руководители выйдутъ изъ самой молодой среды; они сразу поймутъ, что нужно ихъ сверстникамъ, и сумѣютъ образовать и воспитать ихъ заново. Довѣрить это образование и воспитаніе старшему поколѣнію — значило бы сразу допустить коренную ошибку, такъ какъ старшее поколѣніе выросло и воспиталось на традиціяхъ, которыя всѣ цѣликомъ подлежали упраздненію.

Молодое поколѣніе, радикально настроенное, жило въ ожиданіи такихъ новыхъ учителей. И ждать ихъ ему пришлось недолго. Уже въ первой половинѣ пятидесятихъ годовъ стали появляться критическія замѣтки Чернышевскаго; къ 1855-му году была написана его диссертация, а съ первыхъ же годовъ новаго царствованія потянулся длинный рядъ его статей на темы историческія и политико-экономическія. Статьи были спеціальныя и очень серьезныя, и какъ пособіе для самообразованія умственнаго и общественнаго были мало пригодны. Чернышевскій это понималъ — почему и поручилъ задачу первоначальнаго воспитанія и обученія подростающихъ молодыхъ силъ Добролюбову, въ которомъ онъ сразу отгадалъ большой талантъ популяризатора и педагога.

Кратковременное владычество Герцена надъ молодыми умами кончилось съ расцвѣтомъ дѣятельности Добролюбова (1858 — 1861 гг.). Кругъ очень широкихъ вопросовъ, поставленныхъ Герценомъ, смѣнился въ статьяхъ Добролюбова кругомъ узкимъ и спеціальнымъ; свобода, которою пользовался Герценъ при обсужденіи — Добролюбову дана не была; блескомъ слова Добролюбовъ не обладалъ; знаній, какими располагалъ Герценъ, Добролюбовъ не имѣлъ; не было у него и того темперамента публициста, который позволялъ Герцену увлекать людей даже съ нимъ несогласныхъ — и тѣмъ не менѣе право руля надъ молодыми сердцами и умами перешло отъ „Колокола“ къ критическому и публицистическому отдѣлу „Современника“.

Несторъ Котляревскій.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

VII *).

Are not the mountains, waves and skies
Of me and of my soul, and I of them?
Byron.

Весною 1861-го года опять начались наши странствованія. Прежде всего, мы отправились въ Лондонъ. Морское путешествіе черезъ коварный Pas de Calais сошло лучше, чѣмъ я ожидала; мы пріѣхали на мѣсто нашего назначенія довольно бодрѣ. Послѣ веселаго и солнечнаго Парижа, Лондонъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе чернымъ видомъ однообразныхъ домовъ, туманомъ, угольной пылью; толпа на улицѣ некрасивая, грязная, скучная; лица холодныя и сосредоточенныя; уличные мальчишки и нищіе дерзки. Мнѣ казалось, что я гораздо дальше отъ родины, чѣмъ была во Франціи и Германіи. Достопримѣчательности, которыя мы успѣли осмотрѣть въ пять-шесть дней, проведенныхъ въ Лондонѣ, оставили также мрачное впечатлѣніе: Тауеръ, съ его кровавыми воспоминаніями, строгій Св. Павелъ, прекрасное, но печальное Вестминстерское Аббатство; отвратительный кабинетъ восковыхъ фигуръ г-жи Тюссо... Про Британскій музей и про Національную галерею я ничего не могу сказать, такъ какъ, пробѣжавъ ихъ одинъ разъ, нельзя

---

*) См. іюнь, стр. 124.

составить себѣ объ нихъ ни малѣйшаго понятія. Всесильно привлекли меня къ себѣ только Эльджинскіе мраморы ¹⁾. Въ Кенсингтонскомъ музеѣ меня поразили больше всего картины Тёрнера. Говорятъ, что Тёрнеръ страдалъ болѣзнью глазъ, дальтонизмомъ но ни на какія картины послѣ него не хочется смотрѣть, онѣ блѣднѣютъ, скользятъ мимо и забываются.

Въ театрѣ мы были одинъ разъ; видѣли знаменитаго Фехтера въ „Гамлетѣ“. Его изображеніе датскаго принца было ново для меня: онъ игралъ не болѣзненнаго, слабосильнаго человѣка, а полнаго жизни, только слишкомъ далеко ушедшаго впередъ отъ своего вѣка и окружающей среды. Ради долга разбиваетъ онъ счастье и свое, и любимой дѣвушки.

Самымъ радостнымъ событіемъ проведенной въ Лондонѣ недѣли было наше сердечное свиданіе съ Ольдриджемъ. На другой же день послѣ приѣзда мы отправились къ нему, но не застали его дома; видѣли только его десяти- или одиннадцати-лѣтняго сына; черты лица мальчика напоминали отца, но цвѣтъ лица былъ совершенно бѣлый и волосы кудрявые. Онъ объяснилъ намъ, что мать его больна и отецъ съ нею на берегу моря, но на дняхъ долженъ приѣхать. Мы оставили нашъ адресъ, и черезъ два дня Ольдриджъ явился къ намъ. Нашу встрѣчу омрачило нѣсколько извѣстіе, что жена его въ чахоткѣ и врядъ-ли поправится; онъ былъ удрученъ этимъ, но свиданіе съ нами, искренними его друзьями, было ему пріятно именно въ такую минуту. Ольдриджъ навѣщалъ жену, но посвящалъ и намъ много времени, заботясь о нашемъ комфортѣ и сопровождая насъ въ разныхъ поѣздкахъ. 26-го іюня, провожаемые Ольдриджемъ, мы поѣхали въ Вентноръ на островъ Уайтъ, гдѣ хотѣли провести лѣто и покупаться. Тамъ ожидало меня нѣчто мнѣ близкое: море! Я родилась около моря, любила и люблю его, *какъ человека*; его вѣчный, чарующій голосъ говорить мнѣ о чемъ-то, можетъ-быть, слишкомъ глубокомъ для моего пониманія, но говорить на языкѣ родномъ. Всмотриваясь въ изумрудную глубину набѣгающей волны, я оживала душой, я снова приближалась къ родинѣ... Островъ Уайтъ очарователенъ, и Вентноръ—одно изъ лучшихъ мѣстечекъ на немъ. Веселенькій городъ, расположенный по склону горы, среди садовъ, спускается къ морю и оканчивается набережной надъ широкой *plage*. Вся природа—ласкающая и веселая. На берегу моря набросаны не грандіозныя, но красивыя скалы; за ними поднимается высокій

¹⁾ Фронтонъ Пареемона, увезенные изъ Лейнъ лордомъ Эльджиномъ.

бѣлый берегъ—the white cliffs of Albion. Вездѣ красивые сады, вѣковые деревья, дороги, окаймленные живыми изгородями, гдѣ переплетаются всевозможные пахучіе цвѣты и травы; по полямъ журчатъ ручейки; коттеджи, разбросанные повсюду, свѣтлы, чисты, обвиты розами; на что ни посмотришь, все — веселое, уютное. Правились мнѣ маленькія старинныя церкви, которыхъ много въ окрестностяхъ. Я любила ходить туда по воскресеньямъ. Особенно привлекала меня одна изъ нихъ, S-t Laurence Church, построенная въ 1196-мъ году. Она заросла плющемъ; внутри — таинственная полутьма, въ которой ярко горятъ прорвавшіеся въ окна лучи солнца. Молящіеся напѣвають гимны, имъ вторить сваружи хоръ пташекъ. Вокругъ церкви — старое, кладбище. Какъ не уйти отъ суеты мірской въ такой обстановкѣ! Родителямъ моимъ надо было отдохнуть послѣ тревогъ этой зимы; жизнь наша потекла тихо и однообразно. Купаться, лежать на мягкомъ пескѣ, гулять, читать — вотъ наше времяпровожденіе; для меня и для сестры оно разнообразилось только уроками верховой ѣзды. Рысью намъ совсѣмъ не позволяли ѣздить; „it is not ladylike“, говорилъ нашъ учитель. Мы могли ѣздить только курцъ-галопомъ или маршмаршемъ. Хорошо было нестись карьеромъ по подстриженной бархатной травѣ луговъ (the downs), разстилающихся по высокому берегу надъ моремъ!

На обратномъ пути, въ Лондонѣ, мы посѣтили Герцена и провели у него вечеръ. У него было нѣсколько человѣкъ русскихъ, между прочимъ Голицыны. Говорилъ больше всего самъ Герценъ. Рѣчь его лилась необыкновенно свободно и красиво, именно *милась*; было, однако, замѣтно, что онъ это сознаетъ, и не очень любитъ, когда ему возражаютъ. Онъ былъ въ этотъ вечеръ крайне оживленъ, привѣтливъ, много рассказывалъ анекдотовъ и смѣялся заразительнымъ, хорошимъ смѣхомъ, отъ всей души. Такой смѣхъ бываетъ только у искреннихъ и честныхъ людей, смѣхъ болѣе всего выдаетъ человѣка. Огаревъ составлялъ совершенный контрастъ съ Герценомъ; онъ былъ тихъ, мало говорилъ, казался застѣнчивымъ, какъ бы подавленнымъ личностью своего друга. Герценъ былъ интересенъ, блестящъ, но Огаревъ былъ мнѣ болѣе симпатиченъ; мнѣ было его жалко. Парижъ не нравился Герцену: онъ находилъ, что жить тамъ такъ же отвратительно, какъ въ Петербургѣ. Я довольно безтактно замѣтила, что для меня всего лучше въ Россіи. „Это кажется, пока далеко оттуда, — сказалъ А. И., — а какъ подъѣдешь къ границѣ, да увидишь полосатый плагбаумъ и маленькаго солдата въ большомъ киверѣ съ цифрою 4!!!!“ Рѣчь зашла о

Шевченкѣ. „Онѣ тѣмъ великѣ,—сказалъ Герценъ,—что онѣ совершенно народный писатель, какъ нашъ Кольцовъ; но онѣ имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ Кольцовъ, такъ какъ Шевченко также политическій дѣятель и явился борцомъ за свободу“. Когда оба друга вышли провожать насъ, мама сказала: „До свиданья; я надѣюсь, что еще увижу васъ въ Россіи“.

— Я надѣюсь,—отвѣчалъ Огаревъ. Герценъ промолчалъ.

„Теперь другія времена,—продолжала мама,—многого можно ожидать“.

— Помилуйте,—сказалъ Герценъ съ горечью,—чего можно ожидать, когда тамъ *не прямо* дѣйствуютъ!?

Въ гостиной Герцена висѣла картина, подаренная ему русскими художниками въ Парижѣ: она изображала колоколъ, поддерживаемый летящими геніями, и надъ нимъ „Полярную Звѣзду“ въ образѣ женщины, въ старинномъ русскомъ костюмѣ, также парящую въ воздухѣ.

„Тотъ, кто ступилъ на благословленную землю Бадена, забываетъ и горе, и заботы; онѣ живетъ и чувствуетъ наслажденіе жизнью“. Слова эти прочла я въ гидѣ на пароходѣ, поднимавшемся вверхъ по Рейну. Рейнъ, какъ въ послѣдствіи Волга, разочаровалъ меня: слишкомъ много поэтическихъ пѣсенъ пропѣто о немъ, слишкомъ воспаряло воображеніе надъ дѣйствительностью. Мнѣ больше всего понравилось мѣсто, гдѣ возвышается Драхенфельсъ, и я успѣла зачертить его. Кѣльнскій соборъ я не достаточно оцѣнила. Признаюсь, мнѣ и теперь ближе скульптура и живопись средневѣковья, чѣмъ архитектура его храмовъ. Во мнѣ болѣе возбуждаютъ молитвенное настроеніе такія церкви, какъ св. Маркъ въ Венеціи, св. Зенонъ въ Веронѣ, даже Успенскій соборъ въ Москвѣ. Баденъ-Баденъ дѣйствительно, по своему мѣстоположенію, по прелестнымъ прогулкамъ показался мнѣ избраннымъ уголкомъ земли, кромѣ, конечно, мѣста царствованія рулетки, которая совсѣмъ не подходила къ красотамъ Шварцвальда.

Осмотрѣвъ Рейнскій водопадъ, мы отправились въ Базель и Цюрихъ. Я съ трепетомъ ждала того момента, когда увижу снѣжныя вершины. Когда онѣ явились вдали, онѣ произвели на меня странное впечатлѣніе: будто это не природа, а уже видѣнная мною декорація. Просто не вѣрилось, что это дѣйствительность. Я не осматривала достопримѣчательностей названныхъ городовъ,—это мнѣ надоѣло; хотѣлось насладиться одними видами природы. Последнее удалось мнѣ только въ

Лозаннѣ; чудный видъ съ горы Signal навѣялъ почему-то грусть, но такъ запечатлѣлся въ памяти, что я много времени спустя могла бы написать его, со всѣми формами горъ и переливами тоновъ. Пока мы плыли по Женевскому озеру, я не отрывала глазъ отъ Монблана, свѣтящаяся масса котораго какъ бы предшествовала намъ. Разныя горы проходили передъ нимъ и мѣняли свои формы, а онъ одинъ, казалось, шелъ вмѣстѣ съ нами, не мѣняя своего гигантскаго образа: ни одна тѣнь не передвинулась на немъ. Въ Женевѣ мы оставались недолго и рѣшились пожить подольше въ мѣстечкѣ Морнэ, въ Савойѣ. Въ недорогомъ и уютномъ пансіонѣ, гдѣ мы помѣстились, жили англичане и американцы, постоянно враждовавшіе между собой. Одна семья, изъ южныхъ штатовъ, съ ожесточеніемъ стояла за рабовладѣльцевъ, что вызывало съ моей стороны жаркіе споры. Англичанки отзывались объ американкахъ, что онѣ не „ladies“; но американки были гораздо развитѣе, оживленнѣе и любезнѣе англичанокъ. Вскорѣ эти путешественники разъѣхались, мы остались въ пансіонѣ одни и почувствовали себя совершенно какъ дома. Гдѣ бы мы ни останавливались на болѣе продолжительное время, къ намъ съ сестрой сейчасъ приглашали какую-нибудь дѣвицу, съ которой мы могли гулять сколько хотѣли; родители не были въ состояніи всегда сопутствовать намъ, особенно въ Морнэ, гдѣ мы совершали длинныя прогулки въ горы, иногда на ослахъ, но большею частью пѣшкомъ.

Швейцарія—хорошее преддверье для Италіи. Тому, кто еще не подпалъ подъ чарующее обаяніе юга, Швейцарія кажется достаточно колоритной, ночи ея—блестящими, горы поражаютъ величественностью и картинностью. Надо признаться, что на меня именно *картинность* этой природы имѣла расколаживающее дѣйствіе; она часто представлялась мнѣ мертвой панорамой и слишкомъ напоминала картины Калама, Мещерскаго и пр. „Здѣсь можно — замѣчала я — писать картины не *компоуя*; Швейцарія—готовая картина, которую надо только *копировать*“. Природа здѣсь какъ бы застыла въ своемъ совершенствѣ; между тѣмъ художнику дорога не оконченность формъ, а вѣчно мѣняющаяся, созидающая природа. Дѣйствительно, мы видимъ, что Швейцарія бѣдна художниками-творцами. Бёклингъ жилъ и работалъ не на своей родинѣ и не писалъ видовъ Швейцаріи. Тѣмъ не менѣе, картины разстилавшіяся передъ моими глазами, были все же прекрасны, особенно когда онѣ оживлялись эффектами заката или тумана. „Всѣ Альпы,—писала я въ одно поразившее меня утро, — покрыты другими, менѣе опредѣленными, фанта-

стическими горами и долинами облаковъ; линіи самыхъ горъ безпрестанно мѣняются и вся цѣпь дѣлается изъ мертвой живою, двигающеюся, перерабатывающеюся громадой: горы идутъ за горами, обращаются въ долины изъ которыхъ вновь вырастаютъ горы. Иногда ровный туманъ застигаетъ все; никто не повѣрилъ бы, что это не чистое небо—и вдругъ высоко надъ кажущимся горизонтомъ собираются пятна, все болѣе яснѣютъ, и отерывается верхушка Монблана, какъ бы висающая среди неба“. „Что можетъ быть эффектнѣе горъ при вечернемъ освѣщеніи?“ — писала я въ другое время. — „Розовый атласъ не такъ нѣженъ, малиновый бархатъ не такъ пушистъ, червонное золото не такъ блеститъ, какъ онѣ! А Монбланъ, съ его горячимъ свѣтомъ и холодѣющими тѣнями!“... „Я только что была свидѣтельницей поразительнаго заката. Горы перемѣняли свой синій цвѣтъ на болѣе теплый, лиловатый, потомъ, краснѣя, покрылись туманомъ, и вдругъ солнце, вырвавшись изъ тучи, зазолотило, зарумянило все кругомъ... Скоро волшебная иллюминація кончилась; багровыя вершины горъ, блѣднѣя, терялись въ воздушной перспективѣ и вновь приняли холодный синій тонъ, туманъ поднялся отъ ихъ подножья и затопилъ торжество красокъ; только одинъ царь горъ оставался въ своемъ золотомъ одѣяніи. Золото—слишкомъ банальное выраженіе: когда же золото имѣло такой яркій пламенный и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкій блескъ? Но этотъ свѣтъ потухалъ, загорѣлся на мгновеніе еще одинъ уголокъ послѣднимъ лучомъ — и огонь превратился въ ледъ! Умоляла природа, погружилась въ тишину и полумракъ... и сердце притаилось въ груди“...

Отъ постоянныхъ прогулокъ на свѣжемъ воздухѣ я чувствовала себя все веселѣе и бодрѣе. Я совсѣмъ не занималась живописью; маленькій альбомчикъ, конечно, всегда былъ со мной и до сихъ поръ служить мнѣ пріятнымъ воспоминаніемъ о путешествіяхъ,—но это не называется работой. Тѣмъ не менѣе я не считаю это время потеряннымъ для моего художественнаго развитія: смотрѣть на природу съ тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ я смотрѣла, есть то же ученіе.

Не долго продолжалась моя хорошая и здоровая жизнь въ Морнѣ; въ нашемъ сосѣдствѣ оказались знакомые, стали устраивать общія, шумныя прогулки. Во время одной изъ нихъ, устроенной нашими сосѣдами Коссиковскими, я познакомилась съ Николаемъ Яковлевичемъ Ростовцевымъ. Онъ былъ очень красивъ, уменъ, образованъ; въ его обращеніи было много мягкости и деликатности; съ опредѣленностью его либеральныхъ убѣжденій

соединялась большая терпимость; говорилъ онъ прекрасно; мы съ нимъ рисовали съ натуры, онъ меня живо поощрялъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ живописью и говорилъ, что у меня „вкусный карандашъ“. Приѣхалъ Мещерскій и повезъ насъ посѣтить мастерскую его обожаемаго учителя, знаменитаго Калама. Хозяинъ былъ въ высшей степени любезенъ, показалъ намъ много этюдовъ и только что конченную картину, съ освѣщенными горами и камнями въ тѣни на первомъ планѣ,—картину эффектную, превосходно выполненную, но не произведшую на меня впечатлѣнія. Картины испортили мнѣ Швейцарію, а Швейцарія испортила картины.

Въ послѣднюю недѣлю нашего пребыванія въ Морнѣ наступилъ сборъ винограда, сливъ и орѣховъ. Въ это время всякій могъ входить въ виноградники и вволю кушать плоды, а также собираемые фрукты; нѣсколько дней подъ рядъ во всѣхъ садахъ былъ настоящій праздникъ. Несмотря на то, что я „политиковала“, влюблялась, съ серьезными людьми могла разговаривать, возможность поѣсть съ вѣтки сладкій золотистый виноградъ, набрать полный подолъ свѣжихъ грецкихъ орѣховъ, была истинной радостью для меня, затмившей на нѣсколько дней все остальное.

9-го октября мы, наконецъ, тронулись въ Италію. Теперь, вѣроятно, мало извѣстенъ путь, которымъ мы ѣхали, потому рѣшаюсь нѣсколько подробнѣе описать его. Мы отправились изъ Женевы на пароходѣ въ Бувере (Bouveret), гдѣ пересѣли на желѣзную дорогу. Долина Роны показалась мнѣ способной именно возбудить творчество художника. Особенно красиво мѣстечко St.-Maurice, гдѣ поѣздъ, пробравшись сквозь туннель, выходитъ на чудную долину, фонъ которой образуютъ горы, необыкновенно граціозныя по своимъ линіямъ. На первомъ планѣ красивыя группы деревьевъ; сквозъ ихъ прозрачную листву синѣетъ даль. Въ Сіонѣ надо было пересѣсть въ дилижансъ, что было не особенно пріятно. Въ Бригѣ мы переночевали и на другое утро стали подниматься на Симплонъ. Дорога сначала идетъ между деревеньками, виноградниками, но скоро природа становится болѣе дикой, суровой и горы начинаютъ надвигаться на васъ; вмѣсто каштановъ показываются ели и сосны, потомъ пропадаютъ и онѣ; путниковъ окружаютъ голыя скалы, кругомъ клубятся туманы, кое-гдѣ бѣлѣетъ снѣгъ, слышенъ грозный вой вѣтра да ревъ прыгающихъ со скалъ горныхъ потоковъ. День былъ пасмурный. Только когда мы уже совершили перевалъ и передъ нами открылся спускъ въ Италію, выглянуло на мгновенье солнце,

какъ бы встрѣчая насъ привѣтомъ. Отъ итальянской границы тянется дивное ущелье Гондо, съ живописнымъ потокомъ Диверія. Трудно описать дикую красоту этой мѣстности: груды камней и скаль будто раздроблены и набросаны другъ на друга рукою взбѣшеннаго гиганта, а между ними легко и граціозно прыгаетъ, катится и пѣнится веселый ручей. Мы провели день на очаровательномъ Lago Maggiore и прибыли въ Миланъ, гдѣ остановились въ отелѣ „de la belle Venise“. Комнаты намъ дали съ расписными потолками, съ высокими, узкими окнами, съ кроватями подъ балдахинами, съ витыми колонками. — Уже это привело меня въ особенное настроеніе и дало почувствовать, что я въ Италіи. Пріятно поразило меня также, что дамы на улицѣ носятъ не шляпы, а граціозно накинута на голову кружевные мантильи.

VIII.

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!

Пушкинъ.

Миланскій соборъ мнѣ вскружилъ голову: украшенія, барельефы, башни, взвившіяся вверхъ, какъ ракеты; статуи, поддерживаемыя стрѣлками, вырисовывающіяся въ лазурномъ воздухѣ, кружева изъ мрамора, полы изъ розовой мозаики... А наверху, на крышѣ собора, аллеи изъ аркадъ, безконечные ходы, обставленные большими, изъ мрамора изваянными цвѣтами и фруктами, среди которыхъ временами поднимаются башенки, какъ стройные тополя! Волшебное царство, бѣломраморный садъ, застывшій, окаменѣлый цвѣтникъ... Глаза разбѣгаются, общее не улавливается... Я не успѣла переварить этого сильнаго впечатлѣнія, какъ пришлось испытать другое, не менѣе сильное и, для меня, затмившее первое. Я говорю о „Тайной вечерѣ“ Леонардо да Винчи. Я видѣла ее еще не совсѣмъ погибшей: существовали почти всѣ лица апостоловъ, столь живыя и разнообразныя; лицо Спасителя, отчасти лишенное краски, сохраняло свои очертанія, свое дивное, глубокое выраженіе. Ни одна копія, ни одна гравюра, видѣнная мною раньше, не передавали того впечатлѣнія, которое произвелъ на меня оригиналъ. Ни передъ одной картиной не чувствовала я, до сихъ поръ, такого тихаго, душевнаго восторга; это была первая вещь, внутреннюю красоту которой я вполне поняла. Мнѣ казалось, что чѣмъ больше я смотрю на нее, тѣмъ больше вникаю въ истинный смыслъ искусства; я ду-

ховно росла передъ этой картиной. Съ жадностью смотрѣла я потомъ на рисунки великаго художника, на голову Христа на обломкѣ стѣны, сохраняющуюся въ Брера,—вѣроятно, одно изъ многочисленныхъ исканій Леонардо типа Христа. Хотя она сильно реставрирована, но видишь какъ-то оригиналь сквозь реставрацію. Какъ жалѣю я о Джіокондѣ, о всякомъ штрихѣ и мазкѣ Леонардо, мимо которыхъ прежде проходила безъ вниманія. Хотѣлось бы остановиться, передумать, переварить все то новое, что ворвалось въ душу, но быстрота нашего путешествія влекла впередъ; масса видѣннаго кружилась передъ глазами, какъ калейдоскопъ.

Піаченца, Парма, Модена летятъ мимо. Останавливаетъ нѣсколько Болонья: улицы въ аркадахъ, дворцы, черепичныя крыши, башни, церкви... Едва выдвигаются изъ пестраго фона прекрасныя аркады, тянущіяся на полторы версты и ведущія къ монастырю св. Луки, подъ которыми монахи могли гулять въ дождливую погоду; соборъ, косыя башни (изъ которыхъ высокая—почти пряма, а низкая, которую Данте сравнивалъ съ Антеемъ, такъ наклоняется, что кажется совсѣмъ падающею), Campo-Santo, гдѣ похоронены двое русскихъ—кн. Голицыны, наконецъ галерея. Смотрю на картины уже иначе, чѣмъ прежде: ищу выраженія, обращаю вниманіе на технику, начинаю разбирать школы; на тѣ картины, которыя нравятся, смотрю уже съ нѣкоторой критикой. Записываю въ свою книжку: „Въ картинѣ „Избіеніе младенцевъ“ Гвидо Рени прекрасно лицо одной матери: нѣтъ ни мольбы, ни страха, это все уже было, теперь все кончено, осталось только оступѣніе отчаянья. Свѣжесть и яркость красокъ этой картины изумительны, а между тѣмъ въ ней есть тотъ теплый тонъ, который даетъ время картинамъ старыхъ мастеровъ и который мнѣ чрезвычайно нравится“. „Поразительно реальна „San Pietro Martire“ Доменикино, даже смотрѣть страшно“, „Въ картинѣ „Madonna del rosario“ Доменикино все хорошо—кромя самой Мадонны. Въ большинствѣ картинъ менѣе удовлетворительны бываютъ главныя фигуры, потому ли, что наше воображеніе болѣе сосредоточивается на нихъ, или потому, что художники задавали себѣ задачи, съ которыми не могли справиться? Вотъ, напримѣръ, картина, которая называется „Martyre de S-te Agnès“: первое, на что обращаешь вниманіе—конечно, на ту фигуру, по которой названа картина, и она разочаровываетъ; потомъ уже всматриваешься въ отдѣльныя фигуры, и онѣ оказываются такъ хороши, что изъ второстепенныхъ дѣлаются главными. Такъ и въ вещахъ Аннибала Караччи: въ святыхъ столько

силы и выраженія, что Мадонна дѣлается только аксессуаромъ... Сколько у Аннибала благородства и энергіи въ двухъ столь различныхъ между собою головахъ Іоанна Крестителя и св. Франциска". „Не надо забывать и перваго болонскаго художника—Франція; онъ еще похожъ на византійцевъ, но у него уже есть выраженіе въ лицахъ и такой покой. Остается сказать о св. Цециліи, конечно, Рафаэля, но кто ее не знаетъ? Она мнѣ очень нравится“.

Приводя эти выписки, я вовсе не хочу сказать, чтобы мои сужденія были особенно вѣрны; но въ нихъ уже являлось нѣчто менѣе дѣтское и болѣе вдумчивое, и это былъ шагъ впередъ, которымъ я, главнымъ образомъ, обязана „Тайной Вечерѣ“.

Изъ Болоньи мы поѣхали во Флоренцію съ *vetturin*’омъ, т.-е. въ отдѣльномъ экипажѣ. Это было дорожѣ и, можетъ быть, въ то время опаснѣе, чѣмъ въ дилижансѣ, но зато много занимательнѣе. Мы видѣли разныя итальянскія деревеньки, насъ часто окружали толпы ребятишекъ, которые пѣли намъ пѣсни; ночевали мы въ простой локандѣ въ мѣстечкѣ *Savagliajo* и видѣли довольно непріятную картину, какъ грязные мужики давили виноградъ ногами. Мы пріѣхали во Флоренцію немного усталые, но въ хорошемъ расположеніи духа.

Моя жизнь во Флоренціи сложилась интереснѣе и полнѣе, чѣмъ въ Парижѣ; но прежде, чѣмъ эта жизнь приняла болѣе или менѣе правильное теченіе, мы жадно осматривали достопримѣчательности города, безъ всякаго плана. Шли туда, куда въ эту минуту было удобнѣе. Прежде всего, попали мы въ Санъ-Донато, имѣніе Демидова, куда мы и впослѣдствіи часто ѣздили, въ русскую церковь. Священникъ былъ очень милый человѣкъ, служилъ прекрасно, пѣли хорошо, въ церкви всегда встрѣчались знакомые; ѣхать въ Санъ-Донато, находящееся за городомъ, было настоящее удовольствіе. Дворецъ Демидова былъ роскошный, просто царскій: малахитъ, золото, бронза, мозаика, драгоценные камни сіяли, блестѣли и такъ переполняли залы, что дѣлали ихъ похожими на магазины. Въ картинной галлерей были болѣе интересныя вещи: мужская голова Веласкеза, „Казнь Жанны Грей“, одна изъ лучшихъ работъ Делароша, его „Франческа да-Римини“, „Стратоника“ Энгра и много другихъ.

Заняла меня сначала итальянская художественно-промышленная выставка. Я въ первый разъ видѣла такого рода большую выставку, съ удовольствіемъ разсматривала прекрасныя кружева, ткани, вещицы, машины. Съ перваго шага въ Италію я расположилась къ итальянцамъ и желала имъ всякаго добра. Художественный отдѣлъ выставки былъ болѣе богатъ количествомъ,

чѣмъ качествомъ выставленныхъ вещей, но все же было нѣсколько хорошихъ картинъ и статуй. Всего больше мнѣ понравилась картина Усси. Не знаю, была ли она дѣйствительно хороша, такъ какъ въ этомъ случаѣ не только меня одну, но и всю Флоренцію подкупалъ ея сюжетъ: „Отреченіе герцога Аонинскаго“, а также личность самого художника, извѣстнаго горячаго патріота. Тогда было боевое время въ Италіи: все наиболѣе развитое населеніе ея, особенно молодежь, было причастно или горячо сочувствовало освободительному движенію и желало объединенія Италіи. Немудрено, что изображеніе такого событія, какъ изгнаніе народомъ (въ 1343 г.) тирана, навязаннаго Флоренціи чужестранцами, возбуждало восторгъ. Фигура злобнаго, безсильно борющагося съ собой тирана, какъ бы еще ищущаго какого-нибудь выхода изъ своего положенія, была очень выразительна. Самого Усси я встрѣтила на первыхъ же дняхъ у Шевырева, гдѣ мы съ отцомъ провели вечеръ. Это былъ тихій и скромный человѣкъ лѣтъ около тридцати, очень мало говорившій и внимательно слушавшій другихъ. Тамъ было еще нѣсколько итальянцевъ: ученый профессоръ, очень краснорѣчивый, молодой литераторъ, недавно написавшій исторію Савонароллы, и одинъ настоящій феноменъ: слѣпой философъ, медикъ и музыкантъ! Онъ много игралъ намъ на фортепіано и пѣлъ національныя пѣсни своей родины, Сициліи.

Взойдя въ первый разъ въ Уфицію, я вспомнила, какъ я потерялась, когда меня ребенкомъ въ первый разъ привели въ игрушечный магазинъ и сказали: „выбирай, что хочешь“. „Что выбирать? Что хочу? Все хочу!“ Я стояла, молчала и не знала даже, что мнѣ купили... Освоившись въ музеѣ, побывавъ въ Питти и въ разныхъ церквахъ, я стала наслаждаться произведеніями искусства гораздо интенсивнѣе, чѣмъ въ Дрезденѣ или Парижѣ: теперь я любила ихъ, шла къ нимъ, какъ къ друзьямъ, мнѣ хотѣлось вновь и вновь смотрѣть на нихъ, быть подолгу съ ними. Портреты Рафаэля и Тиціана поражали меня, какъ нѣчто новое; залитыя солнцемъ марины Сальватора Розы плѣняли; Мадонна делла Седіа нравилась простотой и тѣмъ, что нѣтъ вокругъ ничего, кромѣ главныхъ лицъ. Безконечныя сокровища находила я между портретами художниковъ; лицо Леонардо было именно такимъ, какъ я его себѣ представляла—спокойное, глубокое, ясное. Много времени проводила я въ Ротондѣ. Венера Медиційская—оригиналъ, какъ и копія въ нашей залѣ въ академіи—нравилась мнѣ менѣе другихъ антиковъ: ужъ очень была она неестественна и жеманна. Тиціановская Венера, съ ея простой

позой, юнымъ тѣломъ и милымъ лицомъ, была моя любимица. Поражали меня — разбросанные по разнымъ мѣстамъ и галереямъ рисунки Микель-Анджело тою массою труда, которую онъ положилъ въ изученіе каждаго мускула, каждаго движенія. Не могу понять, почему я такъ мало обратила вниманія на Боттичелли, лучшими произведеніями котораго полна Флоренція, между тѣмъ какъ я уже начинала увлекаться Джіотто, Беато Анджелико, Масаччо? Совершенно покорила меня группа „Ніобеи“. „Кто это говорить, — писала я, — что греки изображали только физическую красоту, пренебрегая выраженіемъ и душой?!.. Въ Ніобеѣ привлекаетъ не красота тѣла, а именно сложное душевное движеніе, выраженное и позой, и лицомъ. Горе, возмущеніе, упрекъ написаны на ея чертахъ; въ ея глазахъ безъ зрачковъ свѣтится говорящій взглядъ; въ гордомъ презрѣніи къ обидчикамъ хочетъ она закрыть лицо свое, чтобъ они не видѣли ея страданій“.

Во Флоренціи, какъ вездѣ, къ намъ приставили дѣвицу, съ тѣмъ, чтобъ она читала со мной по-итальянски, давала сестрѣ уроки музыки, сопровождала насъ на прогулки и болтала съ нами на своемъ родномъ языкѣ. Удивительное созданіе была эта дѣвушка: немолодая, некрасивая, бѣдно, но безвкусно-пестро одѣтая, безконечно конфузливая и глупо-сентиментальная, она своимъ добрымъ сердцемъ и благородной гордостью, устоявшею противъ принизившей ее жизни, пріобрѣла нашу любовь. Несмотря на жалкія и смѣшныя стороны этой дѣвушки, въ ней чувствовалась душа живая. Эльвира dell' Bianco серьезно и толково преподавала музыку, обращая вниманіе на то, чтобы ученикъ *слышалъ* то, что играетъ. Она не позволяла механически считать и напѣвала сестрѣ, когда она сбивалась съ темпа или фальшивила. Она старалась развивать слухъ, а этого большинство нашихъ учителей и до сихъ поръ не дѣлаетъ, уча играть чисто механически, какъ будто въ музыкѣ нужны только глаза и руки, а уха совсѣмъ не надо. Наша радость была въ сумерки засадить Эльвиру за фортепіано и заставить пѣть народные пѣсни или подражающіе имъ романсы; у нея былъ небольшой голосъ, но она была очень музыкальна. Много услышали мы отъ нея неаполитанскихъ пѣсень: „Dolce Napoli“, „Voga, voga“, „La mia Stella“, также популярную народную пѣсню: „Lo ti voglio bene assai“ и чисто флорентинскую „Julia gentil dal bel color“, а изъ романсовъ, между прочимъ, веселенькій вальсъ „Tippete, tappete, tuppete“, заканчивающійся звукомъ поцѣлуя, и сентиментально-грустный „Allora ed oggi“, обыкновенно вызывавшій у исполнительницы слезы,

можетъ быть напоминая что-нибудь пережитое. Впрочемъ синьору Эльвиру можно было назвать фонтаномъ слезъ. Стоило ей попасть въ самый веселомъ романсѣ на слово „любовь“, какъ она моментально закрывала книгу и начинала лить обильныя слезы. „О чемъ?“ — спрашивали мы. — „Ахъ, это такъ трогательно!“ — отвѣчала она... Бѣдная дѣвушка! А мы, глупыя, часто нарочно подкладывали ей открытую на самой трогательной страницѣ книгу, дразнили ее, смѣялись, но сейчасъ же бросались къ ней на шею, вызывая этимъ новые потоки — на этотъ разъ сладкихъ слезъ.

Когда мы съ родителями, или съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ художниковъ, осматривали музеи, церкви и проч., въ этомъ было что-то официальное, холодное; приходилось смотрѣть подрядъ самыя разнообразныя вещи, слушать объясненія, говорить о постороннемъ. Совсѣмъ другое было бродить съ Эльвирой по улицамъ города, который, съ его Piazza dei Signori, Loggia, Palazzo Vecchio, съ великолѣпными дворцами строгаго, мрачнаго, но гордаго флорентинскаго стиля, былъ самъ какъ бы продолженіемъ музеевъ и сливался съ ними. Какъ хорошо было подъ вечеръ слоняться по пустынной соборной площади, стоять подолгу передъ дверями Гиберти, молча смотрѣть на затягивающійся вечерней дымкой фасадъ собора, на камень, на которомъ часто сидѣлъ Данте! По мѣрѣ того, какъ спускался покровъ ночи, меня пробирала сладкая и жуткая дрожь; я какъ бы чувствовала присутствіе великой тѣни, близость горячо любимаго мною поэта. Какъ молитву повторяла я мысленно его дивныя строфы... Въ одну изъ первыхъ нашихъ прогулокъ Эльвира повела насъ съ сестрой на набережную около Ponte Vecchio и указала намъ то мѣсто, гдѣ Данте въ первый разъ встрѣтился съ Беатрисой, при чемъ наша синьора украдкой отерла слезу. Я пришла въ экстазъ: крытый мостъ съ лавчонками, узкая набережная — все дышало стариной; передо мной рисовалась, какъ живая, вся картина встрѣчи, давшей поэту новую жизнь („Vita nuova“). Что мнѣ было за дѣло до того, что Данте въ дѣйствительности, вѣроятно, никогда не сидѣлъ на камнѣ около собора, и совсѣмъ не на этомъ мѣстѣ встрѣтился со своей возлюбленной! Я не отравляла своего восторга исторической критикой, я вѣрила, я вся погружалась въ воображаемое былое и забывала все настоящее. Мы съ Эльвирой исходили Флоренцію вдоль и поперекъ. Бродишь, бывало, по довольно пустымъ улицамъ, упиваясь поэзіей старины, а тамъ зайдешь въ капеллу Медичи взглянуть въ лицо великаго Микель-Анджело и выйдешь

съ любовью и трепетомъ, съ выраженіемъ глазъ серьезнѣе своихъ лѣтъ...

А вотъ другое: трибуна Галилея въ Академіи Specola (музей естественной исторіи и физики). Картины изъ его жизни—неважныя, новыя, но держатъ въ той же атмосферѣ старины и легенды. Вотъ великій мыслитель смотритъ на качающуюся въ церкви лампаду, а друзья его удивляются, что онъ въ этомъ видитъ интереснаго; вотъ онъ показываетъ свой телескопъ венеціанскому сенату; вотъ онъ, уже слѣпой, диктуетъ свои труды. А вотъ посреди Ротонды сидитъ онъ самъ, изваянный изъ мрамора; вокругъ него бюсты его знаменитыхъ учениковъ, Торичелли, Вивіани и другихъ, точно они и теперь сошлись послушать дорогого учителя. Вокругъ инструменты, сдѣланные собственной рукой того, кто сказалъ: „*errare si muove*“. Леонардо, Галилей, Данте, Микель-Анджело, какъ близки другъ другу эти родные по глубинѣ мысли великіе сыны человѣческіе!.. Потомъ возвращаешься нѣсколько назадъ, къ тѣмъ изъ художниковъ, которымъ не снились научные или философскіе вопросы, которые были проще своихъ учениковъ, но полны искренности и горячей вѣры. Вотъ S-ta Croce, S-ta Annunziata, Carmine, S-ta Maria Novella, которую Микель-Анджело называлъ: „*la mia fidanzata*“¹⁾, гдѣ всѣ стѣны покрыты фресками Guirlandajo, Giotto, Masaccio, Filippino Lipi, Mascagni; вотъ S. Marco, убѣжище трогательнаго Beato Angelico, вдохновеннаго Fra Bartolomea и любимаго художниками мрачнаго врага искусства—Савонаролы. Передъ моими глазами носились сцены его проповѣди, его кратковременнаго торжества, когда женщины несли сокровища свои къ его ногамъ, и его конецъ—на пылающемъ кострѣ... Мое воображеніе воспалось еще болѣе чтеніемъ повѣстей и романовъ, вродѣ „*Promessi sposi*“, „*Hettore Fieramosco*“, „*Nicollò dei Lari*“, трактовавшихъ о величіи свободныхъ городовъ Италіи, о герояхъ, о храбрыхъ кондотьерахъ, о видѣвшихъ ангельскія видѣнія иконописцахъ, о прекрасныхъ женщинахъ и играющихъ на лютняхъ поэтахъ... Объ этихъ моихъ восторженныхъ минутахъ наслажденія не зналъ никто, кромѣ сочувствующей и молчаливой Эльвиры; другимъ я стыдилась открыть свое святое святыхъ.

Въ другомъ родѣ были наши прогулки за городъ: тамъ не было мѣста грусти воспоминаній, тамъ захватывала красота природы, блескъ солнца, скромная прелесть зимнихъ розъ. Иногда

¹⁾ Моя невѣста

было свѣжо, и мы покупали горячіе каштаны, чтобы грѣть руки. За то какъ бодро дышали мы, какъ быстро шли, какъ пріятно грѣлись, присѣвши гдѣ-нибудь на солнышкѣ, какъ вкусенъ казался намъ нашъ завтракъ! Отправляясь въ дальнія странствованія, мы заходили въ лавки; покупали тонко наръзанныхъ разнообразныхъ salami, переложенныхъ слоями вкуснаго желе, и сѣрый хлѣбъ, похожій на тотъ, что у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называютъ „докторскимъ“. Любимымъ мѣстомъ нашихъ прогулокъ была лежавшая на горѣ, по ту сторону Арно, видная изъ оконъ нашей квартиры у Ponte Salaria, старинная вилла „Bello Sguardo“. Это было пустынное и вмѣстѣ уютное мѣсто, откуда былъ самый прелестный видъ на Флоренцію. Изъ С.-Миниато, находящагося на другомъ холмѣ, видъ тоже хорошъ, но не такой обширный и картинный. Santo Miniato — старинная церковь, служившая когда-то и крѣпостью. О ней я писала: „въ ней сохранился тонъ древности, ничего нѣтъ изъ испорченнаго вкуса XV-го и XVI-го столѣтій, въ ней все оригинально, несимметрично, просто; кромѣ того, въ ней есть что-то таинственное, страшное“. Снаружи стѣны, обросшія плющемъ, большая башня, ворота напоминаютъ о крѣпости. Далеко, далеко ходили мы по Lung'Arno (набережной Арно), туда, гдѣ уже и не видно города. Не смотря на зимнее время, здѣсь было всегда тепло, тихо. Рѣка мирно текла среди зеленыхъ береговъ, отражала синее небо и далекія розовыя или тепло-лиловыя, легкія, какъ видѣніе, горы. Мнѣ особенно нравился одинъ видъ при поворотѣ дороги: „на первомъ планѣ, — описывала я его, — песокъ, лодки и бревна; Арно, извиваясь, уходитъ въ даль; длинный рядъ пожелтѣвшихъ тополей принимаетъ, удаляясь, все болѣе и болѣе теплый сѣрый тонъ, который такъ гармонируетъ съ лилово-теплымъ цвѣтомъ горъ, что просто предель. Утромъ здѣсь такъ уединенно, такъ много природы, что кажется, что находишься Богъ знаетъ какъ далеко отъ города и людскаго шума; такъ спокойно, хорошо, широко“...

Еще любила я гулять по городскому валу, по берегу рѣчки Муньоне. Узенькая тропинка вела вокругъ всего города, болѣе или менѣе удаляясь отъ стѣнъ. Тутъ такъ свободно было дышать, такой широкій горизонтъ открывался вокругъ: разнообразныя панорамы горъ, вилъ, кипарисовыхъ рощъ тянулись, все время мѣняясь передъ глазами, какъ движущіяся декорации. А на первомъ планѣ — какая-нибудь избенка, грязный дворикъ, куры, что-то знакомое, уютное, живописное. Конечно, мой альбомчикъ былъ моимъ неизбѣжнымъ спутникомъ при всѣхъ

прогулкахъ. Я тогда рисовала карандашомъ очень недурно, — какъ, пожалуй, не нарисую теперь.

Не смотря на взятый съ собой завтракъ, мы возвращались домой голодными и, не дожидаясь обѣда, съ наслажденіемъ закусывали ачугами (*assiciughi*, родъ анчоусовъ)¹⁾ со сладкимъ лукомъ, плавающими въ свѣжемъ, бѣломъ, какъ ключевая вода, прованскомъ маслѣ.

IX.

Суета суетъ...

Послѣ обѣда мы часто торопились въ Капины, куда съѣзжалась на музыку вся Флоренція; въ пять часовъ можно было тамъ встрѣтить всѣхъ знакомыхъ, а ихъ у насъ набралось много. Та набережная Арно, которая утромъ казалась такой уединенной, теперь кишѣла народомъ. По чудной аллеѣ, тянущейся вдоль берега, съ зеленой стѣной разнообразныхъ деревьевъ, завитыхъ плющемъ, несутся экипажи за экипажами. Они не такъ роскошны, какъ въ Парижѣ, но, въ общемъ, представляютъ болѣе пестроты: ливреи красныя, синія, сѣрыя, сбруя лошадей блеститъ серебромъ, покрывала, шляпки, зонтики разноцвѣтными пятнами играютъ на солнцѣ. Обращаютъ вниманіе упряжь одного американца, правяшаго двѣнадцатью лошадьми, запряженными пугомъ, и маленькій національный флорентинскій экипажъ, съ одной лошадкой, изукрашенной кистями, помпончиками и большимъ пучкомъ перьевъ на головѣ. Вся эта шумная толпа стремится къ площади, гдѣ играетъ музыка и довольно безпорядочно скучиваются вмѣстѣ всѣ экипажи. Интересно смотрѣть на эту картину: обнюхивающія другъ друга лошадиныя морды, перебѣгающія между колесъ цвѣточницы, разныя лица въ коляскахъ; недавно пріѣхавшіе иностранцы и уже акклиматизировавшіеся англичанки, повторяющія совершенно некстати флорентійское „che, che!"; англичане, рассматривающіе преимущественно экипажи и лошадей; юноши, безъ церемоніи заглядывающіе подъ шляпки дамъ; мѣстныя красавицы и щеголихи, благосклонно принимающія оиміамъ, воскуряемый имъ ихъ итальянскими и иностранными обожателями; свѣтскіе молодые люди, переходящіе отъ экипажа къ экипажу, дѣлающіе тутъ свои визиты, передающіе смѣющимся дамамъ городскія сплетни, и, между ними, первый левъ и донъ-Жуанъ, красивый и блестящій маркизъ Никколини. Настоящій раутъ на свѣжемъ воздухѣ и тоже, въ своемъ родѣ, картина, своеобразная и живая.

¹⁾ Въ Римѣ тѣ же рыбки называются *Alici*.

Мы очень скоро познакомились почти со всѣми русскими, жившими во Флоренціи, и съ нѣкоторыми итальянцами. Свѣтскіе люди вездѣ болѣе или менѣе похожи другъ на друга, развѣ только что итальянцы болѣе другихъ легкомысленны. Тѣ представители народа и буржуазіи, съ которыми чаще всего приходилось сталкиваться въ жизни, такъ же жадны, какъ французы, но довольствуются меньшимъ, такъ же готовы васъ на каждомъ шагѣ обмануть, но ихъ хитрости шиты бѣлыми нитками, и если ихъ обличить, они не обижаются. У нихъ есть свой *point d'honneur*; если вы счумѣете найти это слабое ихъ мѣсто и нажмете надлежащую кнопку, то они уже васъ ни за что не обманутъ. Подкупаетъ безконечное добродушіе итальянцевъ, откровенность, живость характера, горячность, восторженность и какая-то удивительная, почти дѣтская наивность. Славный, симпатичный народъ.

Русское общество, какъ всегда за границей, было довольно разношерстное. Были люди изъ высшаго общества; были тѣ, кого я называла „лѣзущими въ аристократію“, прибавляя при этомъ, что „настоящіе аристократы уже тѣмъ лучше, что имъ лѣзть некуда“. Были крайніе либералы, были консерваторы. Последняго направленія дамы называли папу: „le saint père“, говорили про него, что онъ „своимъ христіанскимъ смиреніемъ и ангельскимъ благословеніемъ побѣдитъ враговъ своихъ“, и воспитывали своихъ дочерей въ католическихъ монастыряхъ. Самый богатый русскій домъ, куда на балы и обѣды собиралась вся Флоренція, принадлежалъ княгинѣ Лидіи Арсеньевнѣ Друцкой, по первому мужу графинѣ Нессельроде, урожденной Закревской. Говорили, что она послужила оригиналомъ для героини романа Дюма-сына: „La dame aux perles“. Она была намъ близкая родная: ея мать была дочерью Θεодора Андреевича Толстого, моего дяди и крестнаго отца. Первою сдѣлала намъ визитъ Друцкая и понравилась мнѣ своей простотой и веселостью. Она живописно рассказала, какъ ее выслали изъ Рима за то, что она въ Ватиканѣ, когда ей показали папскій престолъ, сказала сопровождавшему ее кардиналу: „онъ очень хорошъ, но еще лучше было бы, еслибы на немъ сидѣлъ Викторъ-Эммануилъ“. „Какъ весело было выѣзжать!—продолжала она.—У воротъ города подошелъ ко мнѣ мужикъ, который привелъ лошадей, просить на чай, я ему и говорю:—Крикни: „viva Garibaldi“.—Онъ и закричалъ во все горло передъ всѣми жандармами, а я имъ говорю:—теперь мы уѣзжаемъ, но скоро вернемся съ Гарибальди“. Что она способна была устроить описываемую сценку, я въ томъ не сомнѣвалась, но о причинѣ

ея высылки изъ Рима я слышала и другую версію... Князь Друцкой былъ необыкновенно милымъ и любезнымъ хозяиномъ, а Лидія Арсеньевна была родственно ласкова и добра съ нами. У нихъ собиралось почти все русское и итальянское общество, но, признаюсь, на ихъ обѣдахъ и маленькихъ вечерахъ мнѣ было скучновато; пустая свѣтская болтовня не удовлетворяла меня, мнѣ было привольнѣе и интереснѣе въ средѣ нашихъ художниковъ, меня тянуло въ ихъ кругъ, который я считала своимъ.

Во Флоренціи было мало русскихъ художниковъ. Мартынова, Ге мы знали раньше; здѣсь мы познакомились съ братомъ жены Ге, скульпторомъ Забелло, женатымъ на милой французенкѣ Mlle Bovet, и со скульпторомъ Н. В. Штромомъ. Къ этому кружку принадлежало нѣсколько горячихъ любителей искусства, между которыми выдавался умомъ и знаніемъ Фрикентъ, въ послѣдствіи написавшій нѣсколько книгъ объ искусствѣ первыхъ временъ христіанства и возрожденія. Собирались у насъ, у Ростовцевыхъ, которые также переѣхали во Флоренцію, чаще всего у Ге. Тутъ не было разговоровъ о свѣтскихъ сплетняхъ, а всегда возникали споры объ искусствѣ, о философіи, о жизни. Ге увлекался трансцендентальной философіей и, со свойственной ему горячностью, опустивъ руку на столъ, утверждалъ, что этого стола вовсе нѣтъ. Когда мы невольно начинали хохотать, онъ объяснялъ, что нельзя логически доказать существованіе внѣшняго міра.

Я не могла принимать участія въ философскихъ разсужденіяхъ, но Николай Николаевичъ Ге проводилъ тогда и на словахъ, и на дѣлѣ совершенно новые взгляды на искусство и на трактованіе религиозныхъ сюжетовъ въ живописи. Это глубоко интересовало меня, и я съ большимъ вниманіемъ, съ большимъ сочувствіемъ слушала его. Анна Петровна Ге была очень умная и милая женщина, прекрасная мать, много занимавшаяся своими двумя славными сыночками, у которыхъ мы были въ этомъ году на елкѣ. Большимъ другомъ Ге былъ Александръ Бакунинъ. О немъ говорили, что онъ кончилъ нѣсколько факультетовъ въ университетѣ, занимался сначала римскимъ правомъ, потомъ медициной, естественными науками, былъ преподавателемъ въ одесскомъ лицѣѣ, а теперь занимается живописью. Онъ былъ очень интересенъ, но большой оригиналъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ покушался на самоубійство. Когда я познакомилась съ нимъ, онъ гулялъ съ пудей въ груди, но былъ совершенно здоровъ. Онъ былъ большой спорщикъ и могъ говорить нѣсколько часовъ подрядъ. Я писала про него: „онъ спорить не горячася, ров-

нымъ тономъ, но постоянно перебываетъ васъ словами: вы возрадите мнѣ то-то, на это я вамъ отвѣчу...“, когда вы вовсе не думали дѣлать ему названное имъ возраженіе, забрасываетъ вопросами, техническими выраженіями, текстами, не даетъ вамъ времени собраться съ мыслями. Наши художники уже не спорятъ съ нимъ, а даютъ ему говорить, какъ съ каеэдры“. Такъ какъ я тоже была большая спорщица, то наши милые художники стравливали меня съ Бакунинымъ, ради потѣхи; я скоро поняла ихъ тактику, немного обидѣлась и, желая лишить ихъ этого удовольствія, навсегда присоединилась къ слушающимъ. О Мартыновѣ я высказывала слѣдующее сужденіе: „онъ самобытный человѣкъ, у него природный, оригинальный умъ и наблюдательность; онъ людей разбираетъ по ниточкамъ, я люблю слушать его, въ немъ нѣтъ злобы, онъ смѣется надъ тѣмъ, что дѣйствительно смѣшно или дурно. Не то, что N. N., который направляетъ свой умъ, чтобы смѣяться надо всѣмъ, что другіе считаютъ хорошимъ, чтобы во всякомъ благородномъ поступкѣ отыскать какую-нибудь дурную поделку. Такіе люди думаютъ, что они знаютъ человѣчество à fond, а на самомъ дѣлѣ вездѣ видятъ только отраженіе себя. Имъ не случалось встрѣчать истинно-великихъ людей, или они, со своимъ одностороннимъ взглядомъ, не умѣли распознать ихъ, и потому они утверждаютъ, что великихъ людей нѣтъ; они думаютъ, что видятъ очень глубоко, но видятъ они не до самаго дна; они боятся смотрѣть на вещи безъ какого-то стекла, чтобы не найти въ нихъ противорѣчія себѣ“.

Н. Н. Ге допускалъ всѣхъ въ свою мастерскую, мы часто заставляли его тамъ за работой надъ его картиной: „Тайная вечера“. Она была совсѣмъ окончена, когда онъ вдругъ взялъ и переписалъ ее всю. Мнѣ картина правилась; я пришла въ ужасъ, узнавъ, что онъ почти совсѣмъ уничтожилъ ее—но когда я увидѣла ее въ новомъ видѣ въ Петербургѣ, я поняла, что правъ былъ въ этомъ случаѣ художникъ. Перемѣны, которыя Ге сдѣлалъ въ своемъ произведеніи, соответствовали эволюціи его мысли, въ направленіи къ реализму. Положеніе Христа на прежней картинѣ было то же, что и теперь, но выраженіе лица было мягче; Іоаннъ сидѣлъ на ложѣ, такъ что Христа было менѣе видно; Петръ также сидѣлъ, яркаго пятна на скатерти не было, ее перерѣзывала фигура Іуды, находившаяся ближе къ серединѣ. Іуда стоялъ почти въ профиль, гордо закинувъ плащъ за лѣвое плечо, и рисовался не такимъ темнымъ пятномъ, какъ теперь, а былъ написанъ въ сѣроватыхъ полутонахъ. Лица Христа и Іоанна,

мнѣ кажется, нѣсколько потеряли, Петръ сталъ гораздо жизненнѣе и выразительнѣе, но главнымъ образомъ выиграла фигура предателя: онъ сталъ сильнѣе, проще и глубже; прежній,—и въ позѣ, и въ драпировкахъ носилъ отпечатокъ академизма, подходилъ болѣе на оскорбленнаго патриція или гидальго, чѣмъ на еврейскаго простолюдина. Фигура эта не согласовалась съ общимъ характеромъ картины, хотя, сама по собѣ, была красива. Какъ-то разъ, до передѣлки картины, я, придя изъ мастерской художника, набросала картину на память въ своемъ альбомчикѣ и вечеромъ показала набросокъ пришедшему къ намъ Николаю Николаевичу. Онъ удивился моей памяти. „Это не память,—сказала я,—а сильное впечатлѣніе“. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на рисунокъ и сказалъ: „Вы этимъ меня награждаете за мой трудъ“. — „Что вы говорите!“ сказала я, конфузясь. „Какъ вы думаете,—продолжалъ онъ,—когда художнику платятъ деньги за его картину, это вознаграждаетъ его?“ — „Конечно нѣтъ“. — „Такъ вотъ вы мнѣ даете это *другое*, что можетъ вознаградить художника“. Я была тронута его словами, а теперь рада, что у меня сохранился этотъ рисунокъ: какъ онъ ни плохъ, но это—единственное существующее напоминаніе о первой концепціи картины.

Изъ прогулокъ, которыя мы со знакомыми совершали по окрестностямъ, осталась у меня въ памяти поѣздка въ Пратолина. Погода не была благоприятна, но дорога была живописна и мы всѣ были въ веселомъ расположеніи духа. Мы немного озябли, а въ мѣстной локандѣ не нашли никого, кромѣ голодной собаки. Мы не стали дожидаться и ушли, ибо на воздухѣ все же было теплѣе, чѣмъ въ нетопленныхъ комнатахъ пустой гостиницы. Пошли мы по направленію къ парку и вдругъ, какъ въ сказкѣ, увидѣли передъ собой хорошенькій домикъ. Рѣшили постучаться и попросить, чтобы намъ позволили погрѣться. Слуга докладываетъ, что здѣсь живетъ Superiore (начальникъ) и прибавляетъ съ глубокимъ презрѣніемъ: „è tedesco“ (онъ нѣмецъ). На насъ это извѣстіе производитъ другое впечатлѣніе, чѣмъ ожидалъ итальянецъ, и Штромъ отправляется парламентаромъ. Радужный старикъ нѣмецъ и его тоже уже немолодая племянница, услышавъ родной нѣмецкій языкъ, приняли насъ крайне радушно. Въ чистой, теплой комнатѣ съ деревяннымъ бѣлымъ поломъ, напоминавшимъ мнѣ Финляндію, на блестяще-бѣлой скатерти, намъ подали горячій кофе, съ густыми сливками и домашнимъ печеньемъ. Это было оригинально въ Италіи и въ высшей степени

пріятно. Всего парка мы не успѣли осмотрѣть; обратили главное вниманіе на высѣченную въ скалѣ статую Джіана Болоньи, изображающую Апеннины. Колоссъ какъ бы выжимаетъ изъ скалы дѣйствительно вытекающій изъ нея ручей. Бросились мнѣ въ глаза сидѣвшіе на баллюстрадахъ бѣлые павлины съ необыкновенно важнымъ видомъ; они были, вмѣстѣ съ окружающимъ, очень красивы.

X.

"The end of playing, both at the first, and now, was and is, to hold, a't were, the mirror up to nature".

Shakespeare.

Но театры! Я еще ни слова не сказала о театрахъ, а между тѣмъ я большую часть вечеровъ посвящала имъ во Флоренціи. Тамъ были двѣ оперы, съ хорошими пѣвцами и хорошей танцовщицей въ балетѣ. Послѣдній дается въ Италіи всегда въ какомъ-нибудь антрактѣ оперы; довольно неприятный обычай, который разбиваетъ впечатлѣніе оперы, но въ Италіи оперная зала представляетъ въ то же время и гостиную: дѣлаютъ визиты, какъ въ Кашинахъ, съ тою разницей, что здѣсь и дамы приходятъ другъ къ другу въ ложи, громкій говоръ и смѣхъ раздаются кругомъ. Итальянцы—такой живой народъ, что имъ трудно долго сидѣть тихо, и такой музыкальный, что не можетъ не подпѣвать въ правящихся мѣстахъ. Когда же выходишь изъ театра на улицу, то вся толпа громко поетъ номера изъ слышанной оперы. Между итальянскими операми давали „Марту“ Флотова, которую итальянцы считали русской оперой. Вещи Верди, Россини, какъ мнѣ казалось, звучали лучше въ Италіи, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; онѣ тутъ органически связаны съ жизнью, съ характеромъ страны, и многіе ихъ мотивы, какъ напримѣръ „La donna è mobile“, прямо взяты изъ народныхъ пѣсень.

Изъ драматическихъ артистовъ видѣли мы Росси, тогда еще только начинавшаго свою славную карьеру, въ „Коріоланѣ“ и „Гамлетѣ“. Сальвини уже пользовался извѣстностью; онъ долженъ былъ пріѣхать на нѣсколько спектаклей. Мы ждали его съ нетерпѣніемъ, но какое же было мое отчаяніе, когда, несмотря на всѣ усилія, друзья наши не достали намъ ложи ни на одно представленіе; все было раньше абонировано, а пойти въ кресла дамамъ въ то время было немислимо. Но со мной не такъ-то легко было справиться: чтобы я, бывши тутъ, да не видѣла

Сальвини! Это тоже было для меня немислимо. Этого пережить нельзя!.. Я направилась сама въ кассу. Кассы съ окошечкомъ, какъ у насъ, нѣтъ, а просто комната раздѣлена прилавкомъ, за которой сидитъ молодой человѣкъ. Я одна въ кассѣ. Молодой человѣкъ на мой вопросъ вѣжливо и холодно отвѣчаетъ, что всѣ ложи абонированы и билеты разобраны. Я къ этому времени знала итальянцевъ, какъ свои пять пальцевъ, и потому не ухажу, а опершись о прилавокъ, вступаю въ разговоръ; говорю, что очень жалѣю, что не увижу ихъ знаменитаго трагика. Молодой человѣкъ отвѣчаетъ, что ему тоже очень жалко, но ключей больше нѣтъ (во Флоренціи давали не билеты, а ключи отъ ложъ). Я начинаю рассказывать о Ристори, о разныхъ актерахъ, видѣнныхъ мною, перехожу на хорошее впечатлѣніе, которое произвела на меня Италія, и, наконецъ, на политическую. Мой молодой человѣкъ уже со своей стороны облокотился на прилавокъ и слушаетъ меня съ интересомъ. Тогда я прихожу въ паеосъ, говорю о близкомъ будущемъ объединенной Италіи, о Римѣ—столицѣ Италіи, о моемъ поклоненіи Гарибальди, котораго совершенно искренно называю величайшимъ героемъ девятнадцатаго вѣка... Дальше мой итальянецъ не выдерживаетъ, онъ дотрогивается до моего плеча, съ восклицаніемъ: „Подождите, синьорина, я принесу вамъ ключъ!“ Моя взяла! Ключъ отъ ложи на всѣ представленія Сальвини у меня въ рукахъ!.. „Какъ это ты сдѣлала?“—спрашиваютъ меня дома. А вотъ, сдѣлала!

Мы видѣли Сальвини въ первый разъ въ „Заирѣ“, Волтера. Меня сразу поразило сходство нѣкоторыхъ его движеній и интонацій съ Олдриджемъ, между тѣмъ какъ они никогда не видали другъ друга. Нашей Эльвиры хотѣлось видѣть знаменитаго трагика, и именно въ „Отелло“, его, какъ утверждали, лучшей роли. Мы, конечно, взяли ее и пригласили еще ея дядюшку, но мы очень опасались ея чувствительности и не даромъ: она съ самаго начала плакала, а въ сценѣ, когда Отелло бьетъ Дездемону, съ ней сдѣлалось дурно и она должна была уѣхать изъ театра.

Поразительно было видѣть Сальвини въ двухъ такихъ разнообразныхъ роляхъ, какъ Самсонъ и Паоло Малатеста. Въ первой—мрачная, мужественная фигура, вся дышащая силой, во второй—нѣжный, влюбленный юноша. Какъ противоположны были картины: въ „Самсонѣ“, когда колонны храма начинаютъ поддаваться подъ его руками и все лицо его горитъ злобной радостью мщенія, и въ „Франческѣ да Римини“, когда онъ, трепещущій страстью, скользя руками по стану своей возлюбленной, опу-

скается къ ея ногамъ, цѣлуетъ ея платье и нѣжно, какъ вздохъ, произноситъ: „io t'amo“. Но я не стану распространяться объ игрѣ этого дивнаго художника; она и въ Россіи достаточно извѣстна и оцѣнена. Я хочу рассказать о другомъ представленіи, мало кому у насъ извѣстномъ: о народномъ театрѣ и флорентійской національной „маскѣ“ Стентерелло, исполнителемъ которой былъ въ театрѣ Borg' Ognisanti также въ высшей степени талантливый актеръ Ландини. Этотъ театръ я никогда не уставала посѣщать, бывала въ немъ иногда по нѣскольку дней сряду. Тутъ давались и мелодрамы, и фарсы, и смѣшеніе того и другого, но во всѣхъ пьесахъ героемъ являлся Стентерелло, съ его всегда одной и той же клоуновской гримировкой. Стентерелло—такая же народная маска, какъ Арлекинъ и Полишинель, но изображающая, въ каррикатурномъ, конечно, видѣ, характеръ флорентинца. Стентерелло наивенъ, глуповатъ, трусоватъ, обжора, всегда по своей винѣ попадаетъ въ самыя затруднительныя положенія, но онъ честенъ, великодушенъ, благороденъ. Кромѣ Ландини и еще двухъ-трехъ актеровъ, исполнителями остальныхъ ролей были любители изъ простонародья: рабочіе, уличные мальчишки, швейки и прачки. Всѣ они играли гораздо лучше, живѣе, реальнѣе нашихъ второстепенныхъ актеровъ, а массовыя сцены шли у нихъ до того живо и натурально, что въ инныя минуты становилось страшно: казалось, что это не игра, а дѣйствительность. Говорили они на флорентинскомъ діалектѣ или, вѣрнѣе, съ флорентинскимъ выговоромъ, такъ какъ флорентинскаго діалекта не существуетъ: „lingua toscana in bocca romana“, говоритъ пословица. Ландини, не измѣняя общему типу Стентерелло, былъ необыкновенно разнообразенъ: онъ являлся босякомъ, большимъ бариномъ, старикомъ, юношей, флорентинцемъ XV-го вѣка, современнымъ мелкимъ буржуа. Онъ былъ великій комикъ, но имѣлъ даръ въ самыхъ комическихъ сценахъ вызывать симпатію, трогать душу; онъ былъ комикъ и трагикъ вмѣстѣ, онъ сквозь смѣхъ могъ вызвать слезы. Мы съ мамѣю положительно плакали, когда онъ, изображая сапожника, у котораго убѣжала единственная дочь, садится одинъ за столъ. Онъ, проголодавшійся и жадный Стентерелло, въ первую минуту забываетъ свое горе, глядя на дымящіяся макароны и фіаску хорошаго вина, но проглотить пищу онъ не можетъ, кладетъ вилку назадъ: „Гдѣ-то она теперь? Стоять ли передъ ней теперь макароны?“ Онъ снова подноситъ вилку ко рту и, опять опуская ее, произноситъ невѣроятно комично и грустно: „не могу!“ Потомъ наливаетъ

себѣ вина, подносить ко рту, но, не глотнувъ, ставитъ стаканъ на столъ и говорить, въ полной безпомощности, въ отчаяньѣ и со слезами въ голосѣ: „даже и пить не могу“. Мимика у него была неподражаемая; пьяныхъ онъ изображалъ удивительно и безъ всякой утрировки. Въ одной пьесѣ онъ представлялъ провинившагося мужа, идущаго къ женѣ на расправу; онъ до того боится своей жены, что дрожить при одной мысли о предстоящемъ свиданіи, для храбрости выпиваетъ и хмѣлѣетъ. Когда приходитъ жена, ему очень тошно, онъ ея уже совсѣмъ не боится, но жалобнымъ тономъ проситъ ее: „dammi gualgue cosa di caldo“... ¹⁾ Въ другой пьесѣ онъ воображаетъ, что въ дракѣ убилъ своего противника; скрываясь отъ мнимаго преслѣдованія жандармовъ въ какой-то фермѣ, онъ хочетъ спрятаться въ подполье, открываетъ люкъ, но боится спуститься въ темноту. Дрожащимъ голосомъ онъ усовѣщиваетъ самого себя: „Вотъ, прежде не боялся, а когда убилъ человѣка, такъ совѣсть заставляетъ бояться... Такъ вотъ же тебѣ въ наказанье, ступай туда, въ темноту, ступай, ступай“... Надо было видѣть весь страхъ и борьбу съ собой, которые выражались на его лицѣ! Наконецъ, онъ рѣшается, люкъ закрывается за нимъ, но черезъ минуту отерывается вновь и оттуда появляется посѣдѣвшая отъ страха голова Стентерелло съ такимъ выраженіемъ ужаса, который я видѣла потомъ только въ изображеніяхъ, приложенныхъ къ научнымъ фізіологическимъ сочиненіямъ. Оказалось, что Стентерелло увидѣлъ въ подвалѣ мнимо убитаго имъ человѣка и принялъ его за привидѣніе.

Иногда Ландини, когда его вызывали, пѣлъ куплеты на злобу дня и, какъ мнѣ рассказывали, при великомъ герцогѣ Леопольдѣ II-мъ просидѣлъ за свое остроуміе довольно долго въ тюрьмѣ. Въ то время, кромѣ улицы Боргоньисанти, былъ такой же народный театръ въ улицѣ Леопольда. И вотъ, Ландини сказалъ, что во Флоренціи два Стентерелло: онъ и Леопольдъ — второй. За такое дерзновеніе его, раба Божія, и посадили.

Я часто вспоминаю этого Ландини; лицо его, какъ живое, передо мной; это былъ въ своемъ родѣ большой артистъ.

Упомянувъ Леопольда II-го, я вспоминаю слышанный во Флоренціи рассказъ объ его отъѣздѣ изъ этого города, послѣ переворота 1859-го года. Говорятъ, представители національнаго собранія вѣжливо простились съ вел. герцогомъ и торжественно проводили до экипажа. Улицы были всѣ разукрашены,

¹⁾ Дай мнѣ чего-нибудь тепленькаго.

окна и балконы полны народа, отовсюду бросали въ экипажъ цвѣты и кричали: „прощайте, счастливаго пути!“ Весело для народонаселенія, но, должно быть, не особенно пріятно для самолюбія Леопольда, кончилась эта безкровная революція.

Въ началѣ 1861-го года папа, въ какомъ-то посланіи къ Наполеону, выразилъ, что весь народъ стоитъ за него. 2-го февраля, въ видѣ протеста противъ этихъ словъ, во всѣхъ городахъ Италіи были устроены демонстраціи. Флорентинскую опишу словами моего тогдашняго дневника. „Демонстрація была великолѣпна. Мнѣ давно не было такъ хорошо, такъ отрадно видѣть народъ, свободно, громогласно заявляющій свое мнѣніе. Не было ни полиціи, ни жандармовъ, и хотя въ толпѣ было большое оживленіе, но сохранялся образцовый порядокъ: толкать кого-нибудь, бить окна—объ этомъ не думалъ ни одинъ уличный мальчишка. Мы отправились на Piazza d'Indipendenza, гдѣ собирался народъ, и пошли вмѣстѣ съ нимъ за музыкой и знаменами. Мы съ Ольгой храбро шли впередъ, не боялись быть среди такой толпы, потому что идея свободы такъ высока нравственно, что она облагораживаетъ того, у кого она на губахъ. „Passa, passa, signorina“, говорили намъ въ толпѣ, „lascia passare le signorine“. Казалось, имъ самимъ было пріятно видѣть, что иностранныя дѣвушки принимаютъ въ ихъ торжествѣ такое живое участіе. Музыка играла національные гимны, красивыя шелковыя знамена съ гербами городовъ или со знаками корпорацій развѣвались въ воздухѣ; оживленный народъ кричалъ безъ усталости: „Viva Roma, capitale d'Italia!“ „Abasso il papa rè!“ „Vogliamo Roma e Venezia liberi!“ „Abasso il bugiardo Antonelli e le settanta due ladrone!“ „Il rè Emmanuele al Campitoli!“¹⁾ Эти крики прерывались иногда свистомъ, когда проходили мимо домовъ извѣстныхъ приверженцевъ папы. На разныхъ флагахъ и знаменахъ были всевозможныя надписи, на всѣхъ шляпахъ были розовыя билетки со словами: „Roma Capitale d'Italia. Abasso il papa-re“. Знамена Рима и Венеціи были покрыты чернымъ крепомъ. Во Флоренціи есть одинъ булочникъ Dolfi, бывшій во главѣ революціи; онъ отказался отъ ордена, который предлагалъ ему самъ король, остался, какъ прежде, простымъ лавочникомъ, но „саро ророло“ (главой народа). Я съ большимъ любопытствомъ смотрѣла на него; его славная наружность напомнила мнѣ какого-нибудь Николло дей

¹⁾ Да здравствуетъ Римъ, столица Италіи! Долой папу-короля! Хотимъ свободы Риму и Венеціи! Долой лгуна Антонелли, долой семьдесятъ двухъ разбойниковъ! Короля Эммануила на Капитолій!

Лаппи, которыми такъ богата исторія Флоренціи. Я не перестала бы писать объ этой демонстраціи! Я долго буду вспоминать этотъ день, вспоминать въ моей бѣдной Россіи, гдѣ, вѣроятно, если и придется когда-нибудь увидѣть что-нибудь подобное, то, навѣрно, это не будетъ такъ спокойно, радостно и безопасно!"

Письма Костомарова въ это время были довольно грустныя по отношенію къ нему лично и неутѣшительныя по отношенію къ общимъ дѣламъ. Привожу отрывки изъ нихъ.

„20-го ноября 1861 г.

„...О себѣ скажу вамъ, что, во-первыхъ, я все хвораю: головныя боли меня мучать ужасно и не даютъ спокойно заниматься дѣломъ; во-вторыхъ, печальная обстановка, среди которой поставили меня непредвидѣнныя обстоятельства, заставляютъ меня очень скоро оставить должность, а вслѣдъ затѣмъ, быть можетъ, навсегда удалиться изъ Петербурга. Это нашъ несчастный университетскій вопросъ. Совершенно нейтральный, поставивъ себѣ долгомъ пребывать съ моей спеціальностью внѣ житейскихъ тревоженій, я, однако, уже поставленъ въ ложное положеніе...

„Изъ студентовъ, вступившихъ опять въ университетъ послѣ уличныхъ демонстрацій, только самая малая часть ходитъ на лекціи; другіе не только не желаютъ сами посѣщать лекціи, но еще и товарищей своихъ отгоняютъ, а отъ профессоровъ требуютъ прямо, чтобы не читали. Другіе пусть поступаютъ какъ имъ угодно, но, мнѣ кажется, надобно имѣть мѣдный лобъ, чтобы спокойно идти въ аудиторію и читать тѣмъ, которые говорятъ: мы не хотимъ васъ слушать! Наконецъ общественное мнѣніе въ пользу тѣхъ, которые покидаютъ университетъ, и считаетъ *подлецами* тѣхъ, которые въ немъ остаются. На все и это я бы плюнулъ: что же въ самомъ дѣлѣ это за терроръ такой? Да развѣ я не могу имѣть собственнаго взгляда и собственныхъ чувствъ? Зачѣмъ мнѣ раболѣпствовать передъ гуломъ праздныхъ языковъ, которые легко требуютъ отъ человѣка жертвъ, когда сами не рискуютъ принести какую-нибудь жертву? Но тутъ препятствіе иное: читать лекціи невозможно, гадко. Наука требуетъ сочувствія между читающимъ ее и слушателями, наука требуетъ яснаго, невозмутимаго, спокойнаго духа и сердца. Хорошо было прежде, когда, при совершенной свободѣ и чтенія, и слушанія, я зналъ, что если кто меня слушалъ, то значитъ хотѣлъ слушать, искалъ себѣ пользы отъ моего труда. Теперь же, когда мнѣ извѣстно, что тѣ, которые меня хотѣли бы слушать—не

могутъ, а тѣ, которые придутъ слушать, дѣлаютъ это не изъ чистаго желанія получить пользу отъ моихъ словъ, а потому, что въ ихъ расчетѣ окончить курсъ въ университетѣ, или отъ страха—какое побужденіе можетъ руководить мною? Могу ли я съ прежней любовью входить въ свою аудиторію? А гдѣ нѣтъ любви, что же остается? Вотъ ужъ буквально сбывается сравненіе св. Писанія съ кимваломъ звучащимъ и мѣдью звенящею. Вотъ такое-то положеніе заставляетъ меня серьезно думать объ удаленіи своемъ изъ университета, а тамъ и изъ Петербурга, потому что я не имѣю средствъ оставаться здѣсь безъ должности. Не хочу сейчасъ дѣлать этого, чтобы это не имѣло вида уступки праздному говору, который я не признаю справедливымъ, ибо никто не вправѣ заставить меня принимать ту или другую партію, когда я предпочитаю остаться служителемъ научной истины, которая стоитъ выше текущихъ явленій и желаній, всегда необдуманныхъ, несознанныхъ, въ которыхъ послѣ того, какъ время и холодное разсужденіе ихъ (слово не разобрано), останется навѣрно больше мякины, чѣмъ чистаго зерна“.

Это письмо такъ рисуетъ Костомарова, что комментаріевъ не требуетъ. Скажу только, что въ послѣднихъ фразахъ звучитъ нѣкоторая горечь, которая понятна, когда вспомнишь, какъ Костомаровъ любилъ свое преподавательское дѣло.

Слѣдующее его письмо отъ 13-го декабря, начинающееся трогательнымъ изъясненіемъ его добрыхъ чувствъ къ нашей семьѣ, кончается еще болѣе грустнымъ аккордомъ, чѣмъ предыдущее: „дѣло нашихъ студентовъ кончилось: семерыхъ сослали, четвертокурсныхъ велѣли исключить и сослать въ губ. Вологодскую, Вятскую и Архангельскую, если не представятъ поручительство отъ родителей и родственниковъ; остальныхъ простить и позволить вступить въ университетъ на тѣхъ правилахъ, противъ которыхъ они сдѣлали протестацію, а если не согласятся, то сослать, буде не представятъ поручительство. Непринадлежащимъ къ университету прочитали правоученіе, но тѣхъ, которые находились на службѣ, исключили изъ оной. Вотъ чѣмъ окончилась трагедія. Лекцій нѣтъ. (слово не разобрано) филологическій и юридическій факультеты разсорились; математическій и естественный еще держатся. Профессора Кавелинъ, Спасовичъ, Пыпинъ, Утинъ, Стасюлевичъ, Соколовъ, Андреевскій и ректоръ Плетневъ оставили службу. Собралась коммиссія для преобразованія университета, но что она сдѣлаетъ—увидимъ; только нашъ университетъ едва-ли поправится. Я много разъ порывался бѣжать отсюда. Университетъ сталъ для меня невыносимъ, такъ же, какъ

прежде я любилъ его. Помилуйте: аресты повторяются, шпионы шныряютъ между студентами и каждое неосторожное слово передается въ III-е отдѣленіе. Студенты прячутся, боятся являться въ стѣны университета; на насъ на всѣхъ, принадлежащихъ къ университету, смотрятъ какъ на злонамѣренныхъ. Какъ всѣ замѣчаютъ, я очень постарѣлъ въ продолженіе сентября и октября. И было отъ чего, когда чуть не каждый день съ разныхъ сторонъ прилетали ко мнѣ зловѣщіе слухи о томъ, что меня хотятъ арестовать—за что? Чортъ ихъ знаетъ! За собой я ничего не знаю, но пуганая ворона и куста боится. Являлись ко мнѣ подозрительные люди, заводили двухсмысленные разговоры; я запирался на замокъ или, ничего не дѣлая, шнырялъ по улицамъ. Эти обстоятельства зловредно подѣйствовали на мое здоровье; и безъ того разстроенное, только что немного поправленное короткимъ купаніемъ въ Италіи. Теперь я не думаю о возможности пребыванія въ университетѣ; апатія, отвращеніе вообще къ педагогической службѣ, какая-то умственная лѣнь, какое-то уныніе, упадокъ силъ, я самъ не знаю что такое, только мнѣ такъ скверно, что и выразить трудно“.

Мы должны были въ это лѣто встрѣтиться съ Николаемъ Ивановичемъ въ Италіи, и я этому радовалась напередъ, но произошло какое-то недоразумѣніе по случаю неполученія его письма, и мы уѣхали въ Англію.

Послѣднее, сохранившееся письмо Костомарова—отъ 3-го января 1862-го года:

„Съ новымъ годомъ, мы празднуемъ разомъ и новое тысячелѣтіе Руси.

„Самыя свѣжія новости наши тѣ, что университетъ нашъ, послѣ изнурительной трехмѣсячной тифозной болѣзни—умеръ! Печальное событіе случилось 20 декабря. По докладу бывшаго министра Путятина Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ закрыть С.-Петербургскій университетъ, въ томъ вниманіи, что дальнѣйшее его существованіе не оказывается полезнымъ для обучающагося въ немъ юношества; профессоровъ оставили за штатомъ, т.-е. выкинули на улицу. Студентамъ позволили разойтись по другимъ университетамъ. Даютъ надежду открыть его—но когда? неизвѣстно, уже на новыхъ правилахъ. Вслѣдъ за кончиной университета, вышелъ и министръ. На мѣсто его поступаетъ Головинъ, кажется, хорошій, благомыслящій человѣкъ. Что мнѣ съ собой дѣлать, не знаю—хоть бы уже по питейной части служить! Правительство нерасположено не только къ студентамъ, но и къ профессорамъ нашего уни-

верситета; даже и тѣ, которые старались угодить ему въ эпоху путятинскаго нашествія, не выиграли ничего, ибо имъ не дали ни крестика, ни денегъ и не отдѣлили, какъ благонамѣренныхъ овецъ отъ козлищъ. По дѣломъ!

„Въ непродолжительномъ времени пошло вамъ рѣчь, читанную мною на литературномъ вечерѣ 2-го января по поводу наступившаго тысячелѣтія Россіи, если цензура ее пропустить“.

Незадолго передъ отъѣздомъ изъ Флоренціи мы совершили, въ сопровожденіи Штрома и Мартынова, очень пріятную поѣздку въ Сіенну. Осматривали все, что только можно было осмотрѣть; мама, въ большинствѣ случаевъ, не отставала отъ насъ, молодыхъ. Мы весело лазили на колокольни, ходили вверхъ и внизъ по ступенькамъ крутыхъ улицъ, были даже въ театрѣ. Изъ видѣннаго назову только ратушу (palazzo Publico) и лѣстницу, ведущую въ баптистерій, находящійся внизу подъ соборомъ. Въ ратушѣ мнѣ понравилась средневѣковая зала, съ арками и сводами, раздѣленная чудесной работы желѣзной рѣшеткой. Со сводовъ, отъ того мѣста, гдѣ они всѣ соединялись, висѣла старая, готическая, прелестная лампада. Лѣстница, спускающаяся по наружной сторонѣ собора, построеннаго на возвышеніи, была чрезвычайно живописна, особенно если смотрѣть на нее снизу: она сходила немного сгибаясь по стѣнѣ собора; надъ нею рисовалась на небѣ величественная арка, оставшаяся отъ древняго собора, разрушеннаго во время чумы въ XIV-мъ столѣтіи; съ другой стороны лѣстницы — старые дома, стѣны, террасы, обросшія мхомъ. Но возвращаясь къ послѣднимъ днямъ во Флоренціи, которые были посвящены прощанію съ любимыми мѣстами и нашими знакомыми. Мнѣ не было грустно разставаться съ Флоренціей: я использовала въ ней все, что могла, и съ меня было довольно. Искусствомъ я была насыщена, въ меня уже ничего болѣе не вмѣщалось: если мнѣ говорили, что я еще чего-нибудь не видала, я только рукой махала. Такъ, въ слишкомъ длинномъ концертѣ, слухъ нашъ притупляется, вниманіе ослабѣваетъ и мы уже не можемъ по достоинству оцѣнить исполняемые въ самомъ концѣ пьесы. Мнѣ въ жизни пришлось не разъ убѣждаться, что наслажденіе, какъ и страданье, не можетъ быть безпредѣльнымъ, и чѣмъ сильнѣе чувство, тѣмъ скорѣе наступаетъ реакція; душа требуетъ отдыха и новыхъ впечатлѣній. Хорошо было во Флоренціи, но впереди лежало нѣчто болѣе широкое: впереди былъ Римъ!

Я сначала имѣла великодушное намѣреніе скрыть отъ нѣкоторыхъ, болѣе близкихъ знакомыхъ, какъ равнодушно раз-

стаюсь я съ ними, но потомъ рѣшила, что „какъ ни будешь желать чѣмъ-нибудь казаться, все-таки останешься тѣмъ, чѣмъ есть; лучше быть натуральной“. Тяжело мнѣ было разставаться только съ Эльвирой; она была неутѣшна. „Я теперь навсегда останусь одинокой, — жаловалась она: — гдѣ я найду другихъ людей, которые не будутъ обращаться со мной какъ съ низшей? Нѣтъ, никого никогда я такъ не полюблю, какъ васъ!..“ У меня тоже были слезы на глазахъ, я горько жалѣла, что не могу взять ее съ собой; я знала, что дѣйствительно, при ея застѣнчивости, ей трудно привыкать къ новымъ людямъ. Живо вспоминаю я скорбный образъ этой милой дѣвушки и жалѣю, что ничего съ тѣхъ поръ не слыхала о ней.

Въ Сиенну мы пріѣхали въ лунную ночь, ночевали въ томъ же отелѣ, гдѣ недавно такъ весело проводили время. „Какъ хороша должна быть теперь, — замѣчала я — та лѣстница у собора. Гуляли мы тамъ въ темную ночь, мечтая, какъ это должно быть эффектно при лунѣ; теперь мы тутъ опять, и луна, а мы не пошли! Все такъ на свѣтѣ... Сиенна — послѣднее воспоминаніе о Флоренціи; потомъ пойдутъ новыя мѣста, новыя лица, новыя знакомства!“ Желѣзная дорога доходила только до Сиенны; дальше мы поѣхали въ экипажѣ. Намъ совѣтовали отправиться моремъ, пугая разбойниками. Лидія Арсеньевна въ азартѣ восликала: „Да васъ зарѣжутъ, оберутъ и пустятъ голенькими!“ Но мы никого не послушались и не имѣли повода раскаяться въ этомъ.

„Славная ѣзда съ веттуриномъ, — писала я; — не надо заботиться о вещахъ, бояться, что опоздаешь. Любуешься видами, отдыхаешь на станціяхъ, идешь пѣшкомъ... Мы выѣхали очень рано, былъ туманъ и мы были сонные. Но туманъ мы проѣхали, развеселились и пошли съ Мартыновымъ, который провожалъ насъ въ Римъ, пѣшкомъ. Это было наслажденіе: воздухъ былъ свѣжій, солнце грѣло, чувствовалось, какъ здорово, какъ хорошо пройти пѣшкомъ. Въ мѣстечкѣ, гдѣ мы остановились завтракать, былъ маленький садъ, къ которому изъ дома спускалась грубо-сложенная изъ камней лѣстница, неровная, почернѣвшая, обросшая мхомъ, которую я сейчасъ же нарисовала. На дорожкахъ сада лежалъ полурастаявшій снѣгъ; кусты были покрыты бутонами розъ, схваченными морозомъ, точно гдѣ-нибудь у насъ на дачѣ осенью. Когда мы стали подниматься въ горы, начались мрачныя картины: снѣгъ некрасиво лежалъ кусками на черной замороженной землѣ, такъ и обдавало холодомъ. Эта мертвенность, тишина, прерываемая только шумомъ далекаго потока, вселяла невольный ужасъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ

было что-то поэтическое... На другой день мы проѣзжали самыя высокія горы, природа стала напоминать Россію: снѣгъ, грязь, ухабистая почва, никакой растительности. Въѣзжая въ папскія владѣнія, поражаетъ нищета и грязь народонаселенія. Въ городкѣ S. Lorenzo Nuovo мы пошли въ церковь; она была полна народа, лежащаго на колѣняхъ, — какія-то тупыя, запуганныя фигуры! Больно становилось смотрѣть на жалкій, заморенный народъ, распростертый ницъ передъ жирными, откормленными, круглыми попами... Послѣ обѣдни насъ обступила толпа съ безсмысленными, бараньими лицами, смотрѣвшая на насъ, какъ на чудищъ. Господи, когда же перестанутъ пѣть Тебѣ хвалу въ церквахъ люди, искажившіе Твое ученіе? Они *себя* поютъ хвалу. Тебѣ хвала и слава — въ сердцахъ людей, идущихъ по стопамъ Твоимъ, Твоихъ братій по мысли... Но оставимъ это. Теперь передо мной равнина, остается проѣхать только еще одну маленькую горку... Налѣво вдаль солнце освѣтило подножіе горъ, заселенныхъ городками; тамъ Фраскати и другіе... Вотъ, наконецъ, проѣхали и горку, еще заслоняютъ кусты... Вотъ изъ-за нихъ что-то показывается, подымается, вырастаетъ куполь, — это куполь Петра! Это Римъ!.. Римъ!..“

Е. Юнге.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

УЗУРПАТОРЪ.

Романъ Уильяма Дж. Лока.

XIV *).

— Что это за слухи, будто Бонни записался добровольцемъ въ армію и отправился съ полкомъ на театръ войны?—воскликнула Элиноръ Коррей, входя въ гостиную лэди Алиціи.

— Это правда,—грустно отвѣтила лэди Алиція.

— Боюсь, что это фактъ, — поддержалъ Джасперъ, поднимаясь съ кресла, съ чашкой въ рукѣ.

— Я только что услышала объ этомъ отъ Полины Эдори и сейчасъ же прибѣжала къ вамъ, разузнать все подробно. Боже, до чего это нелѣпо! Расскажите мнѣ все.

— Да и рассказывать-то нечего.

— Чего ради онъ уѣхалъ? Зачѣмъ?

— Чтобы сражаться за свою родину,—отвѣтила Алиція.

— Это безуміе! Это безнравственно. Ему тамъ нечего дѣлать. Зачѣмъ вы отпустили его? Надо было приковать его пѣпью вотъ къ этой стѣнѣ. А если что-нибудь случится съ нимъ?

— Не говорите такихъ вещей, Элиноръ. Съ нимъ ничего не должно случиться.

— Почему *вы* не удержали его, м-ръ Веллакотъ?

— Онъ даже не простился съ нами, не предупредилъ насъ. На него нашель порывъ патріотизма, а онъ, какъ вы знаете, никогда не противится своимъ порывамъ. Я полагаю, поэтъ въ

---

*) См. юнь, стр. 200.

этомъ отношеніи не таковы, какъ мы, здравомыслящіе люди,— прибавилъ онъ задумчиво.

— Потому-то я и говорю, что это безнравственно,—горячо воскликнула Элиноръ.—Именно потому, что онъ—поэтъ. У великаго поэта есть болѣе священныя обязанности передъ своею родиной, чѣмъ маршировать въ рядахъ пѣхотнаго полка, наравнѣ съ простыми солдатами. Простыхъ солдатъ найдутся миллионы не хуже его, а Бонами Тредгольда другого не сыщешь. Нѣтъ, Алиція, спасибо, я не хочу чаю. Я слишкомъ взволнована. Я надѣялась, что это—вздорный слухъ.

— Я нахожу, что это съ его стороны было очень мужественно и очень благородно—сказала Алиція, разглядывая свои кольца.—Въ настоящемъ мужчинѣ всегда сидитъ воинъ. А Бонни, вдобавокъ, унаслѣдовалъ военныя традиціи отъ своихъ предковъ. Его дѣды и прадѣды сражались подъ Нэзби, подъ Фонтенуа, подъ Вимъерой. Я думаю, это у него въ крови. Онъ не могъ оставаться дома.

Элиноръ Коррей съ изумленіемъ смотрѣла на спокойную, какъ всегда, Алицію.

— Мнѣ казалось, Алиція, что война внушаетъ вамъ ужасъ. Недоставало только, чтобъ вы сами вложили мечъ въ его руку, какъ мать-спартанка... Вы вѣрите, м-ръ Веллакотъ, что гениальный человѣкъ можетъ такъ, безъ всякой причины, превратить себя въ пушечное мясо?

— Я вѣрю, что человѣкъ можетъ, не задумываясь, сдѣлать то, что онъ считаетъ своимъ долгомъ. Я отдалъ бы многое за то, чтобы вернуть его обратно, но я всецѣло согласенъ съ лэди Алиціей.

— Вы согласны съ Алиціей?

— Не могу не согласиться.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю васъ обоихъ. Послушать васъ, такъ можно подумать, что вы оба въ заговорѣ, что вы нарочно услали его на войну. Ничего не понимаю. Въ какомъ онъ полку?

— Не знаемъ, до сихъ поръ узнать не удалось.

— Развѣ онъ не оставилъ вамъ адреса, по которому бы вы могли найти его?

— Никакого.

— Такъ вы, значить, знаете не больше, чѣмъ Полина Эдори. Я могла бы не тратиться дважды на извозчика... Какіе вы, право, мучительные люди! Я просто въ отчаяніи.

— Не нападайте на насъ такъ ужъ безпощадно, миссъ Коррей. Мы оба очень тревожимся за Бонни.

— Еще бы нѣтъ. Всѣ его друзья должны тревожиться. Еслибъ вы были равнодушны, я не посмѣла бы такъ нападать на васъ,—сказала гостя, уже мягче.— Но чего я не могу понять, такъ это того, что онъ пошелъ на войну простымъ рядовымъ. Почему было не пойти, какъ джентльмену?

— Дорогая моя, — возразила лэди Алиція, — въ одномъ вы можете быть вполне увѣрены: *все*, что дѣлаетъ Бонни, онъ дѣлаетъ какъ джентльменъ.

— Прощайте, милочка. Когда вы навѣстите меня? Мы еще съ вами поговоримъ объ этомъ. Теперь васъ двое противъ одного: это игра не равная.

Джасперъ отворилъ ей дверь и, вернувшись, встрѣтился взглядомъ съ Алиціей.

— Я радъ былъ, что вы *такъ* говорили о Бонни.

— Надо же что-нибудь отвѣчать. И другіе будутъ дивиться и спрашивать, не одна Элиноръ.

— Совершенно вѣрно. Но я радъ, что вы такъ высоко цѣните Бонни, какъ человѣка. Въ сущности, можетъ быть, послѣ этого опыта онъ вернется къ намъ еще болѣе крупнымъ поэтомъ. А что касается любовной исторіи, такъ нѣтъ лучшаго средства, чѣмъ свистъ пуль, чтобы закалить человѣка и сдѣлать его неуязвимымъ—если только пули не сдѣлаютъ его неуязвимымъ на другой манеръ, чего Боже упаси.

— О! Не надо, не надо такъ говорить!—вздрыгнувъ, воскликнула Алиція.

— Почему не надо? Мы должны считаться со всякими возможностями. Всѣ мы подчинены вѣчнымъ законамъ. Война—трудная дисциплина жизни и для тѣхъ, кто идетъ сражаться, и для остающихся дома.

— Да, только зачѣмъ она намъ, эта дисциплина?—вздыхнула Алиція.

— Единственный отвѣтъ, который я могу дать на это, я нашелъ въ одной изъ первыхъ главъ книги Бытія.

Это было мѣсяцъ спустя послѣ исчезновенія Бонни. Когда Джасперъ пришелъ съ этой вѣстью къ лэди Алиціи, она согласилась выслушать только то необходимое, безъ чего нельзя было объяснить себѣ письма, которое онъ ей принесъ. Она умоляла избавить ее отъ неприятныхъ подробностей и не называть именъ. Съ нея достаточно было знать, что Бонни ушелъ на войну изъ-за несчастной любви. Прочитавъ письмо, она долго глядѣла въ огонь,

слегка морща свой хорошенькій лобикъ, потомъ повернулась къ Джасперу и сказала:

— Онъ могъ сдѣлать и хуже. Сражаться за свою родину — это еще не такъ плохо.

Въ теченіе ихъ краткаго разговора Алиція была грустна, но держалась съ достоинствомъ и ни словомъ не упрекнула Джаспера за то, что онъ проглядѣлъ отъѣздъ Бонни. Послѣ его ухода она долго сидѣла, не двигаясь. Она была страшно огорчена: никогда еще ей не было такъ больно. Если раньше она ревновала къ той, которая вдохновила поэта на его любовныя пѣсни, то теперь она всѣми силами души ненавидѣла женщину, толкнувшую Бонни на это безуміе. И все окружающее безъ Бонни представлялось ей тоскливой пустыней.

Хотя они и сговорились съ Джасперомъ похоронить эту злополучную любовную исторію и не упоминать о ней, а въ разговорахъ съ общими друзьями, отвѣчая на ихъ тревожные разспросы, выдвигать на первый планъ патріотизмъ, все же въ душѣ она была согласна съ Элиноръ Коррей. Ее вовсе не восхищала мысль, что Бонни, какъ герой, ушелъ сражаться за свою страну; къ несчастію, ей было хорошо извѣстно, что онъ ушелъ изъ-за любви къ какой-то таинственной молодой особѣ (Алиція была слишкомъ горда, чтобы разспрашивать о деталяхъ), а вовсе не изъ патріотизма. Но добросовѣстность и по отношенію къ нему, и по отношенію къ себѣ самой заставляла ее неизмѣнно держаться разъ принятаго рѣшенія, и она лгала вдохновенно, съ убѣжденіемъ. Мало того: ложъ постепенно сдѣлалась сладкимъ самопожертвованіемъ ради Бонни, и понемногу Алиція стала смотрѣть на себя именно какъ на ту мать-спартанку, о которой говорила Элиноръ Коррей.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ о Бонни не было ни слуху, ни духу. Джасперу такъ и не удалось узнать, въ какой полкъ его зачислили. Какъ ведро воды, вылитой въ рѣку, онъ исчезъ безслѣдно въ аморфномъ бурномъ живомъ потокѣ, излившемся изъ Англіи. Свои несложныя дѣла онъ оставилъ въ полномъ порядкѣ. Расплатился по всѣмъ счетамъ. Въ редакціи, гдѣ онъ работалъ, передалъ въ надежныя руки порученную ему работу. Словомъ, Джасперу, принявшему опеку надъ его имуществомъ, не пришлось много трудиться.

О Витторіи Джасперъ слыхалъ только однажды, черезъ Кодби, перевозившаго вещи юнаго поэта съ его квартиры въ домъ Джаспера. Хозяйка Бонни сообщила, что нѣсколько дней спустя послѣ его исчезновенія приходила красивая черноглазая барышня

и спрашивала м-ра Тредгольда. Хозяйка, соединявшая въ себѣ любовь къ передачѣ свѣдѣній съ агрессивной добродѣтелью, сухо сообщила барышнѣ, что м-ръ Тредгольдъ пошелъ въ солдаты и не оставилъ адреса. Барышня вся побѣлѣла и, ничего не сказавъ, ушла. Джасперъ искренно надѣялся, что теперь Витторія окончательно исчезнетъ съ горизонта.

Женщинѣ съ общественнымъ положеніемъ и съ темпераментомъ леди Алиціи нельзя было долго тосковать. Пока сильныя руки мужчинъ вели войну за предѣлами Англіи, болѣе мягкія женскія ручки работали дома, стараясь облегчить ихъ трудное дѣло. По крайней мѣрѣ такъ не разъ говорили Алиціи на учредительномъ собраніи того или другого общества. Дѣла было сколько угодно: вязать носки и шапочки, собирать пожертвованные табакъ и трубки, заботиться о женахъ и семьяхъ отсутствующихъ воиновъ, устраивать благотворительные концерты и базары, которые должны были дать средства на все это. Алиція не успѣла опомниться, какъ очутилась членомъ подюжины комиссій и председательницей двухъ-трехъ обществъ — и была очень мила въ этой роли женщины, дѣлающей общественное дѣло. Несмотря на горькія мысли объ израненныхъ ногахъ Бонни, марширующаго весь день подъ палящимъ солнцемъ и спящаго не раздѣваясь, въ мокромъ платьѣ, подъ градомъ вражьихъ пуль, Алиція не чувствовала себя очень несчастной. Она была въ восторгѣ, что можетъ руководить такими полезными начинаніями.

Она вела обширнѣйшую переписку. Въ своей гостиной, превращенной въ „канцелярію“, самымъ дѣловымъ тономъ вела переговоры съ разнаго рода людьми. Разспросивъ Кодби, какъ нужно организовать конторское дѣло, она взяла переписчицу и диктовала письма на машинкѣ. Большую часть ихъ ей приходилось потомъ исправлять, и въ видахъ орфографіи, и для восстановления логической связи между фразами; но это ее не смущало. Элиноръ Коррей какъ-то сказала Джасперу, что Алиція — очаровательнѣйшій посолъ Провидѣнія, снабжающій голодающихъ солдатъ шелковыми рубашками. Джасперъ только снисходительно улыбнулся; ему даже нравилось, что миссъ Коррей завидуетъ превосходству его царицы.

Разумѣется, Алиція почти во всѣ свои дѣла втягивала и его, и онъ сыпалъ на нихъ деньгами, съ обычной своей щедростью. Однажды она даже возвратила ему чекъ, говоря, что жертвуемая сумма слишкомъ крупна и ея общество не будетъ знать, что съ нею дѣлать. Онъ не сразу сообразилъ, какъ это можетъ быть, и только Кодби втолковалъ ему. Влюбленность его патрона

и трогала, и забавляла маленькаго человѣчка; но его злило, когда Джасперъ сидѣлъ по ночамъ, доканчивая работу, заброшенную изъ-за консультаціи съ лэди Алиціей или изъ-за какого-нибудь засѣданія комитета, въ которомъ она предсѣдательствовала. Впрочемъ, было одно дѣло, затѣянное и организованное самимъ Джасперомъ, въ которомъ Алиція съ радостью ограничивалась ролью его помощницы. И благодаря тому, что совмѣстная работа сближала ихъ, это дѣло стало самымъ близкимъ сердцу Джаспера. Оно заключалось въ подготовкѣ временныхъ санаторій для раненыхъ и выздоравливающихъ. Надо было выбирать мѣста, строить бараки, покупать или снимать въ аренду деревенскія усадьбы или коттеджи на морскомъ побережьи и превращать ихъ въ жилые дома, снабженные всѣмъ необходимымъ и всѣми удобствами, какія только можно было придумать. Они вмѣстѣ нагибались надъ планами, обсуждали условія арендныхъ договоровъ и купчихъ, качества сидѣлокъ и количество подушекъ. Однажды утромъ лэди Алиція явилась въ Гауэръ-стритъ.

— О, женщины! Для нихъ нѣтъ святаго мѣста, — вздохнулъ Кодби.

— Отнынѣ это мѣсто будетъ свято, — возразилъ Джасперъ, краснѣя какъ мальчикъ и съ юношеской живостью вскакивая на ноги.

Онъ чуть не бѣгомъ кинулся въ маленькую гостиную, гдѣ ждала его Алиція. Въ первый разъ она посѣтила его домъ. О! какую радостью всколыхнулось его сердце, когда онъ увидалъ ее, съ царственной непринужденностью стоявшую у огня, поставивъ маленькую ножку на рѣшетку. Она начала мило извиняться, что оторвала его отъ работы; онъ горячо возражалъ. Вотъ въ чемъ дѣло. По пути домой она вспомнила, что они и не подумали о духовной пищѣ для выздоравливающихъ раненыхъ. И рѣшила, что Джасперъ не разсердится, если она забѣжитъ сказать ему. Онъ отвѣтилъ, что былъ бы счастливъ, еслибъ ей каждое утро приходили въ голову такія блестящія идеи. Она улыбнулась.

— Имъ нужны книги.

— Книги будутъ.

Онъ присѣлъ къ столу и тутъ же нацарапалъ на листѣхъ бумаги: „Десять библиотечекъ, въ каждой по сто томовъ легкаго содержанія. Составить по списку, присланному лэди А. Г.“.

— Доставьте мнѣ только списокъ, и я тотчасъ же распоряжусь.

Она обѣщала доставить списокъ. Дѣло было сдѣлано. Она

дивилась, какъ быстро мужчины умѣютъ дѣлать дѣла. Потомъ вспомнила:

— У меня была еще другая мысль. Надо бы придумать хорошенькую форму для сидѣлокъ.

— Ну, конечно! — воскликнулъ Джасперъ. — Что бы я дѣлалъ безъ васъ?

Онъ записалъ на листѣ: „Красивую форму для сидѣлокъ“. Алиція смотрѣла поверхъ его плеча и смѣялась. Онъ поднялъ на нее глаза:

— Кто же будетъ придумывать эту форму? М-ръ Кодби?

Тонъ былъ насмѣшливый и полный признанія своего превосходства. Онъ прочелъ въ ея глазахъ готовность быть полезной и съ радостью принялъ ея предложеніе. Ея вкусъ былъ безупреченъ. Онъ приписалъ внизу: „Ждать инструкцій лэди А. Г.“.

— Только вы не дѣлайте ея слишкомъ ужъ кокетливой: пощадите сердца раненыхъ воиновъ.

— Да; пожалуй, отъ слабости, они станутъ впечатлительнѣе.

— Тутъ и слабый, и сильный — всѣ равны. Для человѣка такъ естественно любить.

— Дружба гораздо пріятнѣе и больше даетъ. Вы не находите?

— Мнѣ всегда давали только дружбу, такъ что я въ этомъ — не судья. Впрочемъ, — прибавилъ онъ, какъ всегда, сѣша перевести разговоръ на менѣе опасную почву, — для сидѣлокъ она, конечно, безопаснѣе.

Онъ усадилъ Алицію въ экипажъ, очень довольную своимъ визитомъ, и упрашивалъ заглядывать, когда ей вздумается, какъ только ей понадобится его совѣтъ или помощь. Вѣдь теперь у нихъ общее дѣло, а въ дѣлахъ переписка сплошь и рядомъ ведетъ съ собой проволоочки. Самое лучшее — переговорить лично. Джасперъ вернулся въ контору, напѣвая пѣсенку, и съ радостнымъ сердцемъ засѣлъ за работу.

Дни и недѣли шли своимъ чередомъ. Постройка санаторій подвигалась успѣшно. Джасперъ постоянно видался съ Алиціей, то у себя дома, то въ Онслоу-Гарденсъ. Она была изумительно понятлива и изобрѣтательна. Въ каждый изъ его плановъ она умѣла внести изящество, сердечность, милую женскую заботливость. Несмотря на тяжелое душевное состояніе, вызываемое войной, на трудность поддерживать свое вліяніе въ непокорномъ избирательномъ округѣ, на постоянное непріятное присутствіе Берка, давившее его, какъ угроза, это были счастливѣйшіе дни въ его жизни. Онъ улучилъ минутку переговорить съ однимъ

изъ крупныхъ издателей объ изданіи „Carmina Amoris“ Бонни и выговорилъ выгодныя для автора условія. И самъ правилъ корректуры, при чемъ наталкивался на массу затрудненій, которыя могъ разрѣшить только по совѣщаніи съ Кодби и съ лэди Алиціей. Къ этому непривычному дѣлу онъ относился страшно серьезно, и Кодби нерѣдко улыбался, видя, какъ онъ морщилъ и безъ того изрытый морщинами лобъ, разрѣшая трудный вопросъ о томъ, гдѣ слѣдуетъ поставить запятую.

— Для меня это — такая же неподходящая работа, какъ шить приданое для новорожденныхъ.

— Еслибъ вы крѣпко захотѣли, то шили бы чудеснѣйшія рубашонки и распашонки, — возразилъ Кодби. — И редакторъ изъ васъ выйдетъ идеальный.

И онъ былъ правъ, такъ какъ простая добросовѣстность можетъ сдѣлать многое.

Несмотря на то, что Беркъ часто напивался и исподлобья, хмуро, все время слѣдилъ за нимъ, Джасперъ былъ счастливъ. Странное дѣло! — тяжелое бремя богатства стало какъ будто болѣе легкимъ. Онъ только двинулъ плечомъ — и оно скатилось. Иными словами, проклятіе Мидаса перестало давить его. Отвѣтственность, сопряженная съ управленіемъ его дѣлами, была по прежнему тяжела, но душа его стала сильнѣй и выносливѣй, умъ — яснѣе, а сердце если и не пило полной чаши радости, то все же находило благодатную влагу, чтобы утолить свою жажду. Милая женщина, его серебряная звѣздочка, была его постоянной спутницей, дѣлила съ нимъ все, что было лучшаго и благороднѣйшаго въ его жизни, нѣжно женственная въ своей заботливости о мелочахъ. Однажды вечеромъ онъ пріѣхалъ къ ней прямо изъ палаты, не обѣдавъ, потому что общалъ пріѣхать; она тотчасъ же сообразила, что онъ голоденъ, собственноручно принесла ему поѣсть и служивала ему съ очаровательной снисходительностью королевы. Они совсѣмъ подружились: Алиція рассказывала ему обо всемъ, о разныхъ своихъ мелкихъ огорченіяхъ, о надувательствахъ портнихи, о непріятномъ ханжествѣ своихъ родителей. Потомъ они говорили о Бонни, который по прежнему не давалъ о себѣ вѣстей, и строили планы, какъ они будутъ жить, когда онъ вернется и Джасперъ начнетъ издавать газету. О томъ, что едва не погубило Бонни и погнало его на войну, они больше не упоминали. Въ простотѣ души, Джасперъ воображалъ, что Алиція забыла, или, по крайней мѣрѣ, простила романтическое увлеченіе юнаго поэта. Онъ былъ убѣжденъ также, что Бонни вернется невредимымъ и излечившимся отъ любви.

Словомъ, все какъ будто складывалось къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ.

Но съ Беркомъ у него было много хлопотъ. Беркъ небрежно исполнялъ свои обязанности и огрызался, когда ему дѣлали замѣчанія. Это подрывало дисциплину конторы и вредно дѣйствовало на другихъ служащихъ. Джасперъ распорядился, чтобы онъ работалъ въ его собственной гостиной и подъ руководствомъ одного только Кодби. Какъ оказалось впоследствии, это переполнило чашу обидъ, накопившихся у Берка противъ Джаспера. Однажды утромъ, онъ безъ доклада вошелъ въ кабинетъ Джаспера. Тотъ оторвался на минуту отъ работы, потомъ докончилъ писать начатую фразу, положилъ перо, откинулся на спинку кресла и сурово посмотрѣлъ на вошедшаго.

— Почему вы не постучались?

— Я не зналъ, что это необходимо, — довольно нагло отвѣтилъ Беркъ.

— Такъ ужъ принято. Будьте любезны: выйдите за дверь, постучитесь и тогда войдите снова.

— Что вы изъ себя разыгрываете? — обозлился Беркъ, по видимому не совсѣмъ трезвый.

— Хозяина, — спокойно сказалъ Джасперъ. И указалъ ему на дверь.

— Ну ладно, я извиняюсь. Къ чему намъ ссориться? — сказалъ Беркъ, не трогаясь съ мѣста.

Джасперъ стукнулъ кулакомъ по столу и крикнулъ:

— Дѣлайте, что вамъ велятъ!

Беркъ угрюмо пожалъ плечами и продолжалъ предписанную ему формальность.

— Ну-съ, теперь говорите, что вамъ нужно, — молвилъ Джасперъ, когда онъ вошелъ во второй разъ.

— Я лучше скажу въ другой разъ. Я оскорбилъ васъ, м-ръ Веллакоть. Я очень сожалею.

Лицо у Берка было блѣдное и нездоровое, глаза испещрены красными жилками. Несмотря на безукоризненный костюмъ и пышные кавалерійскіе усы, видъ у него все-таки былъ довольно жалкій.

— Я не оскорбленъ, — иронически замѣтилъ Джасперъ. — Я только требую повиновенія. Чѣмъ могу служить?

— Я пришелъ просить у васъ сотню фунтовъ, — сказалъ Беркъ, по обыкновенію быстро вскинувъ на него глаза.

— Развѣ вашего жалованья не хватаетъ вамъ?

— На это нельзя жить, какъ подобаетъ джентльмену.

— А какія у васъ права на то, чтобы жить какъ подобаетъ джентльмену?

— Вы сами знаете.

Джасперъ не дрогнулъ подѣ этимъ ударомъ. Ему нужно было убѣдиться, что человѣкъ этотъ умышленно дурачить его.

— Я ничего не знаю.

— Ну ладно, не стоитъ спорить. Фактъ остается фактомъ. Я думалъ, что вы не откажетесь ссудить мнѣ сотенку. Для васъ это не составитъ разницы, а меня выручило бы изъ большой бѣды. Биллингсъ дьявольски пристааетъ ко мнѣ съ этимъ долгомъ.

— Кто такой Биллингсъ?

— Кто такой? Да букмекеръ, конечно.

— Почему это: „конечно“? Я не веду знакомства съ букмекерами.

Наступила пауза. Джасперъ смотрѣлъ прямо въ глаза Берку, который, по обыкновенію, спокойно ѣжилъ подѣ его взглядомъ.

— Всего лишь сотню фунтовъ, — пробормоталъ онъ, наконецъ.

Джасперъ не отвѣтилъ. Въ немъ снова шла борьба. Имѣетъ ли онъ право отказывать этому человѣку въ части того цѣлаго, которое по закону принадлежало ему? Съ другой стороны, вѣдь это же вымогательство, шантажъ. Уступить одинъ разъ — значитъ дать этому человѣку безграничную власть надѣ собою. Его отвѣтъ будетъ рѣшающимъ. Не отрывая глазъ отъ лица Берка, онъ раздѣльно выговорилъ:

— Дивлюсь, откуда у васъ берется наглость — приходитъ ко мнѣ и требуетъ, чтобы я платилъ ваши долги, сдѣланные на скачкахъ. Я не дамъ вамъ ни одного пенни.

Беркъ еще больше поблѣднѣлъ. На этотъ разъ онъ, видимо, говорилъ правду.

— Ради Бога, м-ръ Веллакотъ, выручите меня, — только на этотъ разъ. Я прижать къ стѣнѣ. Я выдалъ вексель и не въ состояніи заплатить по немъ.

— Я сказалъ вамъ, что не дамъ. И слова своего я не мѣняю. Можете идти.

Онъ снова наклонился надѣ столомъ, а Беркъ уныло поплелся вонъ изъ комнаты. Но нравственная сторона вопроса продолжала мучить Джаспера. Онъ бросилъ перо, облокотился головою на руки и нѣсколько минутъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости. Потомъ позвонилъ и попросилъ къ себѣ Кодби.

— Присматривайте за Беркомъ, Томъ. Вызовите его на

разговоръ. Онъ скажетъ вамъ, что ему страшно нужны деньги — сотня фунтовъ, которыхъ я не хотѣлъ дать ему взаймы. Предложите, по товарищески, ссудить ему эти деньги подъ росписку. Но обратно ихъ не требуйте, Это мы съ вами уладимъ.

Кодби кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Что? Зондируетъ почву? — освѣдомился онъ.

— По видимому.

— Еслибъ вы, для начала, дали ему работы на тридцать шиллинговъ въ недѣлю, было бы гораздо лучше. Онъ былъ бы благодаренъ вамъ. А теперь онъ чуетъ нюхомъ какую-то тайну — думаетъ, что вы почему-то дорожите его драгоценной шкурой, и потому становится нахаленъ. Но что касается шантажа, вѣдь это же холостой зарядъ, „выстрѣлъ ничѣмъ по ничему“, какъ говорить Имогена. Дорогой мой, не бойтесь фальшфейеровъ.

— Я ничего не боюсь, кромѣ своей совѣсти, Томъ, — печально отвѣтилъ Джасперъ.

Какъ онъ и предвидѣлъ, Беркъ, не придумавъ, гдѣ раздобыть денегъ, обратился къ Кодби. Тотъ склонилъ голову на бокъ и черезъ стеклышко посмотрѣлъ на Берка. Берка всегда смущала эта манера разглядывать человѣка въ монокль.

— Почему бы вамъ не попросить у патрона?

Беркъ проворчалъ, что онъ ужъ пробовалъ. Кодби притворился удивленнымъ. Почему бы не попробовать еще разъ? Патронъ рѣдко отказываетъ, когда у него просить денегъ.

— Да, не часто. Но когда отказываетъ, то ужъ наотрѣзъ, чортъ бы его побралъ!

Такимъ образомъ, Кодби ссудилъ ему сто фунтовъ, въ видѣ крупнаго личнаго одолженія, и это былъ конецъ исторіи, такъ какъ денегъ Беркъ, конечно, не вернулъ. Однако, поразмысливъ и убѣдившись, что наглостью съ Джасперомъ ничего не возьмешь, онъ сталъ менѣе угрюмъ и болѣе усерденъ въ работѣ, такъ что выходило, будто онъ и вправду зарабатываетъ свой кусокъ хлѣба. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ вести себя странно, что весьма докучало Джасперу.

Однажды вечеромъ Джасперъ, вернувшись поздно изъ палаты, нашелъ его у себя въ столовой. Беркъ стоялъ, прислонившись спиной къ небольшому несгараемому шкафчику, стоявшему въ дальнемъ углу, и, повидимому, былъ смущенъ неожиданнымъ появленіемъ Джаспера. Послѣдній подозрительно воззрился на него и даже сердито крикнулъ: „Что вы тутъ дѣлаете?“ Послѣ долгаго трудового дня и утомительнаго вечерняго засѣданія нервы его были въ достаточной степени взвинчены.

Беркъ отошелъ отъ шкафчика, обнаруживъ на мраморной крышкѣ не связку ключей и отмычекъ, а стаканъ виски съ содовой водой.

— Я думалъ, что вы, можетъ, не прогнѣваете на меня, если я зайду сюда выпить стаканчикъ чего-нибудь. Мнѣ страшно хотѣлось пить.

— Вы должны держать все необходимое для васъ у себя въ комнатѣ.

— Я нарочно не держу у себя виски, — скромно отвѣтилъ Беркъ. — Я пытаюсь отдѣлаться отъ этой дурной привычки.

Онъ былъ совершенно трезвъ, и вообще въ послѣднее время, дѣйствительно, ничего не пилъ.

— Всетаки вы не имѣете права являться сюда и брать сами, безъ спроса.

— Вы не знаете, что такое искушеніе, м-ръ Веллакотъ. А мнѣ все время приходится бороться съ нимъ.

Тонъ его былъ такой необычно искренній, что Джасперъ быстро отогналъ свою первую мысль — что Беркъ хочетъ уколоть его. Люди, старающіеся подняться выше, усовершенствовать свое нравственное „я“, всегда внушали ему симпатію. Сердце его смягчилось. Онъ простилъ вторженіе. И тотчасъ же въ немъ снова началась обычная борьба. Онъ обезпечилъ матеріальное благосостояніе этого законнаго, но свергнутаго съ престола монарха; но развѣ онъ не былъ обязанъ протянуть ему руку и для того, чтобы спасти его отъ нравственной гибели? А вѣдь для этого онъ ничего не сдѣлалъ. Беркъ живетъ одиноко, безъ друзей, безъ цѣли въ жизни, безъ всякой точки опоры въ борьбѣ съ искушеніями. Быть можетъ, нежданная обезпеченность стала для него проклятіемъ, а вовсе не благословеніемъ.

Джасперъ взялъ съ камина коробку съ табакомъ, набилъ себѣ трубку и передалъ табакъ Берку.

— Присаживайтесь, выкуримъ трубочку и поболтаемъ, — ласково сказалъ онъ.

Беркъ повиновался, но бросилъ на него подозрительный взглядъ исподлобья, словно школьникъ, чающій нотаціи отъ ненавистнаго учителя, который вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сталъ любезенъ и ласковъ. Мимолетный порывъ искренности мгновенно прошелъ. Онъ отвѣчалъ односложно, своимъ обычнымъ тономъ — грубости, смѣшанной съ раболѣпствомъ. Ни во время этой бесѣды, ни потомъ, когда имъ приходилось встрѣчаться, ни разу Джасперу не удалось добиться отъ него дружественнаго отвѣта. Онъ носилъ въ себѣ тайну, въ которую Джасперъ не могъ проникнуть.

Съ перваго же дня, когда предъ пораженнымъ взоромъ Джаспера внезапно предсталъ этотъ голодный и оборванный бродяга, онъ держался все время одинаково, съ затаенной враждебностью. Онъ, какъ собака, ежеминутно готовъ былъ укусить руку, кормившую его. Не даромъ Кодби говорилъ: „Онъ смертельно ненавидитъ васъ и зарѣзалъ бы васъ за милую душу“.

Въ результатъ, однако, Джасперъ не ловилъ больше Берка на вторженіяхъ въ чужіе предѣлы и скоро позабылъ объ этомъ инцидентѣ, какъ и о томъ случаѣ, когда онъ подобралъ Берка мертвеца пьянымъ въ корридоръ и отнесъ его въ его спальню. Точно также онъ очень скоро выкинулъ изъ головы маленькое обстоятельство, вызвавшее его недоумѣніе недѣли двѣ спустя. У него въ спальнѣ въ одномъ изъ ящиковъ хранилась своеобразная коллекція трубокъ. Здѣсь были новыя, подаренныя ему въ знакъ признательности нѣкоторыми изъ пользовавшихся его щедротами, или же просто понравившіяся ему своей причудливою формою; были и старыя, уволенные за негодностью, но хранимыя въ благодарность за долгую и вѣрную службу. Одною изъ невинныхъ слабостей Джаспера было собирать такія трубки и методически раскладывать ихъ по отдѣльнымъ ящичкамъ, въ опредѣленномъ порядкѣ. Въ шкафчикъ, гдѣ онъ хранились, никто, кромѣ него самого, не заглядывалъ, и всю коллекцію онъ держалъ въ образцовомъ порядкѣ. Однажды утромъ онъ замѣтилъ большую пѣнковую трубку лежащую не на своемъ обычномъ мѣстѣ, у задней стѣнки ящика, а впереди и поперекъ другихъ. Минуты три онъ недоумѣвалъ, но у него было столько заботъ, что скоро болѣе серьезныя мысли вытѣснили воспоминаніе объ этомъ легкомъ безпорядкѣ.

Въ другой разъ, въ три часа утра, когда онъ лежалъ въ постели съ открытыми глазами, ему почудились шаги внизу. Онъ спустился съ лѣстницы, удостовѣрился, что это ему только померещилось, и вернулся въ свою спальню. Но какъ только онъ щелкнулъ задвижкой и звукъ этотъ звонко разнесся въ тишинѣ спящаго дома, изъ-за дивана въ кабинетъ Джаспера вылѣзъ Беркъ, зажгъ карманный электрическій фонарикъ и сталъ продолжать прерванное занятіе—обшариваніе ящиковъ письменнаго стола и шкафовъ Джаспера, которые онъ открывалъ отмычкой...

XV.

„Хюсское Вино“ было, наконецъ, поставлено на сценѣ, „Carmina Amoris“ вышли въ свѣтъ, и Бонни сразу сталъ звѣздой первой величины. Въ каждой хвалебной замѣткѣ, ему посвященной, подчеркивался тотъ фактъ, что авторъ, въ порывѣ пламен-

наго патріотизма, промѣнялъ перо на мечъ. Даже при желаніи трудно было бы придумать лучшую рекламу. На первомъ представленіи одноактной пьески, когда восхищенная и невѣжественная публика принялась вызывать автора, режиссеръ вышелъ на авансцену и объяснилъ, что, къ сожалѣнію, автора нѣтъ въ театрѣ, такъ какъ онъ далеко отсюда сражается за королеву и отечество. Отвѣтомъ былъ оглушительный громъ рукоплесканій. Успѣхъ маленькой драмы былъ обезпеченъ, и режиссеръ съ удовольствіемъ видѣлъ передъ собою длинный рядъ представлений нѣсколько рискованной комедіи, за которую онъ сначала побаивался. Онъ также пылалъ патріотизмомъ и чувствовалъ себя такъ, какъ будто онъ самъ покрылъ себя славою на полѣ брани. Богатства, о какихъ Бонни не смѣлъ и мечтать, сидя на своемъ чердачкѣ въ Грэтъ-Горамъ-стритъ, копились ко дню его возвращенія, вмѣстѣ съ литературной извѣстностью, славой и многими ея атрибутами, способными радовать человѣческое сердце. Но такъ какъ никто не зналъ, гдѣ находится Бонни, то никто и не могъ извѣстить его объ его удачѣ.

Весной, неожиданно, пришла первая вѣсточка. Она метнулась въ глаза лэди Алиціи въ одной изъ утреннихъ газетъ и тотчасъ же потонула въ слезахъ, затуманившихъ ея глаза. Въ списокъ убитыхъ и раненыхъ стояло имя рядового Бонами Тредгольда, тяжело раненаго.

Она встала изъ-за стола—съ тѣхъ поръ, какъ Алиція стала вести дѣловую жизнь, она отказалась отъ привычекъ роскоши и баловства и завтракала не въ постели, а въ столовой—и подошла къ окну, крѣпко зажавъ въ рукѣ газету. Садъ весь сіялъ въ лучахъ утренняго солнца; молодая весенняя зелень какъ будто смѣялась, привѣтствуя ее; но лэди Алиція видѣла передъ собою унылую, безлѣсную равнину, намокшую отъ нескончаемыхъ дождей, и бѣднаго юношу, лежащаго въ лужѣ крови. Она стояла, вся бѣлая, и слезы текли по ея щекамъ. Она отерла ихъ, перечитала снова страшный списокъ. Ничего, кромѣ голаго факта, именъ и цифръ: названіе полка и роты, число и мѣсто боя, фамилія и противъ нея, въ скобкахъ, отмѣтка: „*тяжело*“. Волна жалости залила ея сердце. Вся былая нѣжность, заглушенная въ послѣднее время массой мелкихъ дѣлъ, воскресла съ новой силой. Она упала въ кресло у окна и горько заплакала, опершись на подоконникъ.

Дверь отворилась. Алиція вскочила на ноги и мигомъ отвернулась къ окну. Плачущую ее никто не долженъ былъ видѣть.

— Миссъ Фергусъ пришла, милэди, — доложила, какъ обык-

новенно въ это время, горничная. Миссъ Фергусъ была переписчица, и приходъ ей былъ для Алиціи сигналомъ приступить къ „работѣ“. Пора было идти въ „контору“. Алиція, возвращенная къ обыденности, осушила глаза и нѣсколько устыдилась своей несдержанности. Но работать она сегодня была не въ состояніи. Нужды воинства, какъ безформенной, далекой солдатской массы, поблѣднѣли передъ тягостнымъ положеніемъ конкретного лица, близкаго и любимаго. Но что она можетъ сдѣлать для него? Въ первый разъ въ жизни она чувствовала себя растерянной, не умѣющей справиться собственными силами. Затѣмъ, словно забытая картина, въ памяти ея всплыло энергичное и доброе лицо Джаспера, и глаза ея почти улыбнулись.

— Ну, разумѣется, — выговорила она громко. И — странное дѣло! — у нея сразу отлегло отъ сердца. Она должна сейчасъ же повидаться съ Джасперомъ. Эта мысль сама по себѣ сулила утѣшеніе. Инстинктивно, всѣмъ своимъ существомъ она призывала его. И въ то же время смущалась и чего-то боялась — сама не понимая, чего. Сколько разъ ей приходилось идти къ нему за совѣтомъ, по дѣлу, и никогда еще она не задумывалась, не колебалась. Тѣмъ не менѣе, рѣшеніе ея было принято. Она велѣла заложить лошадей въ коляску и, нѣсколько минутъ спустя, уже ѣхала въ Гауэръ-стритъ.

Джасперъ встрѣтилъ ее серьезно и ласково, какъ всегда, но глаза его были еще грустнѣе обыкновеннаго.

— Да, я знаю, читаль. Бѣдный мальчикъ!

Въ его голосѣ звучало такое неподдѣльное огорченіе, что на глаза Алиціи опять набѣжали слезы.

— Мы должны что-нибудь сдѣлать для него, кузень Джасперъ, — сказала она, сжимая руки. — Должны. Нельзя же оставить его тамъ одного, въ этой варварской странѣ. Что мы можемъ сдѣлать?

— Придется подождать. Я уже отправилъ каблогранму, съ уплаченнымъ отвѣтомъ, справляясь о деталяхъ. И другую — самому Бонни. Я взялъ на себя смѣлость въ обращеніе къ Бонни включить и ваше имя, — прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь. — Конечно, Богъ вѣсть, получимъ ли мы отвѣтъ...

Послѣднія слова Алиція пропустила мимо ушей. Она бросила Джасперу признательный взглядъ и протянула ему руку.

— Какой вы добрый, какой хорошій! Только вамъ могло придти въ голову сейчасъ же послать каблогранму — и включить мое имя. Какъ это вы вспомнили обо мнѣ?

— Развѣ я когда-нибудь забываю о васъ, Алиція? — Когда

дѣло идетъ о нашемъ дорогомъ мальчикѣ, — не совсѣмъ добросовѣстно поправился онъ. — Я послалъ ему нашу любовь, прося его, чтобы онъ позволилъ намъ перевезти его на родину, а тутъ ужъ мы вылечимъ его. И прибавилъ, что на родинѣ его ждутъ богатство и слава. Я думаю, это не мѣшало прибавить: это утѣшитъ его.

— Но какъ же вы думаете перевезти его?

— Ну, это мы ужъ какъ-нибудь устроимъ.

— Его надо будетъ поселить въ Гертфордширѣ и хорошенько ходить за нимъ, — сказала лэди Алиція.

— Великолѣпно придумано. Но вы все-таки не должны расчитывать, что увидите его завтра или послѣ-завтра.

Алиція засмѣялась и протянула руку.

— Ну, не буду больше докучать вамъ. Теперь, когда вы взяли Бонни на свою отвѣтственность, я чувствую, что для негъ все пойдетъ хорошо.

— Боюсь, что я далеко не непогрѣшимъ.

— Но на этотъ разъ я не ошибаюсь. Я увѣрена въ этомъ.

Когда онъ отворилъ для нея наружную дверь, ему пахнулъ въ лицо утренней прохладой — и сразу въ его бродячей душѣ челоуѣка, выросшаго въ колоніяхъ, проснулась жажда простора, яснаго неба, яреаго солнца.

— О, какая прелесть! — воскликнулъ онъ, полной грудью втягивая въ себя воздухъ. — Какъ не хочется идти обратно въ комнаты!

— А зачѣмъ идти обратно?

— Работать, — засмѣялся онъ.

Алиція медлила на порогѣ, смутно сознавая, что ей не хочется такъ скоро разстаться съ нимъ. Постепенно она привыкла обращаться къ нему не только за совѣтомъ, но и черпать въ немъ силу и утѣшеніе. Никогда еще она не сознавала этого такъ ясно, какъ сегодня. Она сама не отдавала себѣ отчета въ томъ, какъ измѣнилась ея точка зрѣнія на него со времени начала ихъ дружбы, когда она называла его „застѣнчивымъ взрослымъ ребенкомъ“. Она посмотрѣла на него, потомъ на хорошенькую колясочку, стоявшую у воротъ, словно приглашая ихъ сѣсть. Покраснѣла и утратила на минуту свой царственный видъ.

— Прокатитесь немножко со мною, — попросила она.

Никогда еще Джасперъ не слыхалъ такихъ нотокъ въ ея голосѣ, не видѣлъ такой застѣнчивой нѣжности въ ея взглядѣ. Душа его затрепетала безразсуднымъ страхомъ, невозможной надеждой. Всѣмъ своимъ существомъ онъ стремился къ ней, жаж-

далъ ея, какъ свѣжаго, чистаго воздуха. Ясное утро было полно весеннихъ соблазновъ. Нѣсколько мгновений онъ, какъ во снѣ, восхищенно глядѣлъ на нее, мечтательно представляя себѣ зеленѣющія поля, запахъ земли, стукъ заступа, пѣсни птичекъ, чувствуя на своихъ губахъ дыханіе страстно любимой женщины...

Въ это мгновеніе дверь сосѣдняго дома отворилась и вышелъ Беркъ, худой и блѣдный. Онъ приподнял шляпу, поклонился и прошелъ мимо. И Джасперъ сразу вернулся на землю, къ неотвратимому и непреклонному.

— Позвольте мнѣ рѣшить за васъ, — сказала Алиція.

Онъ вздрогнулъ. Ему казалось, что ея послѣдняя фраза была сказана по крайней мѣрѣ часъ тому назадъ. Забормоталъ невнятно, извиняясь, что заставилъ ее ждать отвѣта. Онъ такъ захлопотался... Да, прокатиться было бы очень пріятно... Это прояснило бы его мысли. Не будетъ ли она такъ добра подождать его минутку?

Усадивъ ее въ коляску, онъ вернулся въ домъ отдать необходимые распоряженія и тотчасъ же опять спустился къ ней. И они покатали. Но теперь Джасперъ былъ уже увѣренъ въ себѣ, зналъ, что не поддастся искушенію, какъ бы ни была Алиція уступчива и ласкова, какъ бы ни были сильны соблазны весны. Нѣкоторое время онъ молчалъ, угнетенный реакціей, происшедшей въ его настроеніи. Такъ просто, такъ естественно было бы сказать ей, что онъ любитъ ее. И въ то же время—такъ невозможно... Но скоро, усиленіемъ воли, онъ сбросилъ съ души эту тяжесть. И счастье данной минуты стоило признательности. Развѣ не радость этотъ свѣжій воздухъ и яркое солнце? А впереди, за городомъ, куда они ѣдутъ, — тамъ еще больше и солнца, и простора. И развѣ любимая не сидитъ рядомъ съ нимъ, въ очаровательной близости, такъ что даже ноги ихъ укрыты однимъ пледомъ! Этой радости не умалять и сотни Берковъ... Такъ постепенно обычная мудрость и доброта взяли верхъ въ его душѣ, и эта прогулка сблизила ихъ еще больше и положила—хотя ни одинъ изъ нихъ не сознавалъ этого—новую грань въ ихъ отношеніяхъ. Они говорили о многомъ, но неизмѣнно возвращались къ одному.

— Еслибъ только знать, что онъ въ опасности! — задумчиво говорила Алиція.

— Онъ молодъ и организмъ у него сильный.

— Да, но любимцы боговъ умираютъ молодыми, — говоритъ пословица.

— *Боги* никого не любятъ. *Боги* любятъ, и вого Онъ лю-

бить, того и наказуетъ. Но не убиваетъ ради забавы. Онъ предназначилъ Бонни къ великому будущему. И я увѣренъ, что нашъ мальчикъ вернется домой съ Божьей печатью на челѣ и станетъ однимъ изъ великихъ въ нашемъ народѣ.

— Вы правы. А то, другое—глупая пословица.

Она завезла его обратно домой. Онъ поблагодарилъ ее, говоря, что прогулка принесла ему много пользы.

— И мнѣ тоже,—сказала Алиція.—Она вернула мнѣ мужество. Но этого не было бы, еслибъ со мною не было васъ.

Она сказала только правду, такъ какъ вернулась домой значительно утѣшенной, найдя въ себѣ силу терпѣливо переносить ожиданіе и вѣру въ то, что все устроится къ лучшему. А сила и вѣра нужны были тѣмъ, кому дорогъ былъ Бонни. Отвѣтная каблограмма принесла грустные вѣсти. Юноша раненъ былъ въ грудь, на вылетъ. Положеніе осложнялось приступами ревматической лихорадки. Джасперъ и Алиція провели много недѣль въ тревогѣ. Наконецъ, наступило лѣто и съ нимъ возвращеніе Бонни, какъ негодного болѣе къ военной службѣ. Джасперъ обставилъ его обратный путь на родину такою роскошью, какою окружаютъ только раненыхъ фельдмаршаловъ.

Они вмѣстѣ поѣхали въ Соутгэмптонъ, навстрѣчу пароходу. Къ лондонскому поѣзду прицѣпленъ былъ спеціальныи вагонъ для раненыхъ, весь въ цвѣтахъ, съ грудой чистаго бѣлья, мягкихъ подушекъ и запасомъ легкой и изысканной пищи. Они стояли на набережной, у длиннаго ряда складовъ, въ толпѣ ожидавшихъ родныхъ и друзей. Нѣкоторые изъ ожидавшихъ весело смѣялись; другіе, одѣтые въ трауръ, были молчаливы; женщины, въ которыхъ нетрудно было узнать солдатскихъ женъ, ждали съ окаменѣлыми лицами, на которыхъ застыла мрачная увѣренность въ томъ, что онѣ могутъ дожидаться только дурныхъ вѣстей. Передъ ними тянулся молъ со множествомъ пристаней. У одной нагружалось судно, отправлявшееся въ дальнее плаваніе и уже поднявшее флагъ отплытія. Тамъ и сямъ стояли на якорѣ пароходы съ историческими именами на кормѣ. Подъ навѣсомъ собрались таможенные чиновники и носильщики съ тележками для перевозки багажа, терпѣливые и никого не ждущіе; спокойствіе ихъ представляло странный контрастъ съ нервною ожидающей публики. Всѣ взоры были устремлены на трубы приближающаго парохода. Наконецъ, онъ вошелъ въ гавань, огромный, величественный, съ увѣренной и величавой медлительностью движеній. Обѣ палубы его были усыпаны народомъ и бѣлѣли мелькавшими въ воздухѣ носовыми платками.

Съ берега тоже махали платками и кричали отъ радости, узнавая родныхъ и знакомыхъ. Массивный корпусъ корабля медленно поравнялся съ набережной. Слышались радостные возгласы, привѣтствія. Алиція и Джасперъ напрягали зрѣніе, вглядываясь въ тысячи лицъ, на обѣихъ палубахъ.

— Его нѣтъ здѣсь, — вырвалось у нея разочарованнымъ тономъ.

— Этого нужно было ожидать, — возразилъ онъ.

Посторонившись, чтобы дать дорогу носильщикамъ, тащившимъ сходни, Алиція инстинктивно взяла его подъ руку.

— Я знаю, что этого трудно было ожидать, но я такъ надѣялась, что онъ выйдетъ намъ на встрѣчу.

Живой потокъ хлынулъ на сходни, залилъ доки, набережную; все суетилось, спѣшило; всюду были объятія, рукопожатія, слезы и смѣхъ. Тамъ и самъ худой, загорѣлый солдатъ отвѣчалъ на тревожные разспросы группы женщинъ, обступившихъ его, и порой, послѣ его отвѣта, одна изъ слушательницъ, поблѣднѣвъ какъ смерть, валилась на руки своихъ товарокъ, осиротѣвшая, утратившая мужа или сына. И вслѣдъ за первымъ потокомъ медленно полился другой — потянулись безконечной вереницей раненые, больные, увѣчные, калѣки съ перевязанными головами и руками, люди изможденные лихорадкой, тащившіе откуда-то изъ глубины корабля какіе-то безформенные обрубки и порознь направлявшіеся отъ складовъ къ побѣду.

— Вотъ его каюта — сказалъ корабельный докторъ, поворачивая ручку двери. — Вы можете войти.

Онъ распахнулъ дверь, и они вошли. Съ диванчика подъ пушечнымъ отверстіемъ поднялась сидѣлка. На нижней койкѣ, обложенный подушками и, впервые съ тѣхъ поръ, какъ онъ слегъ, одѣтый въ широкій фланелевый халатъ, доставленный ему агентами Джаспера, лежалъ Бонни. Но совсѣмъ другой Бонни — уже не тотъ здоровый, жизнерадостный юноша, какимъ они знали его годъ тому назадъ. Онъ ужъ не казался юнымъ Аполлономъ, которому подвластна вся музыка земли. Еще не сошедшій загаръ не могъ скрыть блѣдности его лица; губы почернѣли и запеклись, щеки впали и покрылись морщинами, въ глазахъ былъ лихорадочный блескъ. Теперь онъ смотрѣлъ на много лѣтъ старше. Рѣдкіе, висѣвшіе книзу усы еще больше старили его. Онъ протянулъ обѣ руки навстрѣчу вошедшимъ.

— Благослови васъ Боже! Какое счастье, что вы здѣсь!

— Мой бѣдный Бонни! — выговорила Алиція, кладя ему руку на лобъ. Онъ взялъ эту руку и поцѣловалъ ее.

— Теперь мнѣ все равно, что бы со мной ни случилось.

— Вотъ это благоразумно, сынонь, — сказалъ Джасперъ. — И пускай все равно. Вы только позвольте намъ смотрѣть за вами, и все будетъ хорошо.

— А всетаки, къ чему вы все это? — слабымъ голосомъ говорилъ Бонни, указывая на роскошно отдѣланную каюту. — Развѣ нельзя было везти меня наравнѣ съ прочими солдатами? Но я былъ слишкомъ безпомощенъ и принужденъ былъ покориться.

— Ну, ладно, теперь зато я умываю руки, — сказалъ Джасперъ. — Извѣстно вамъ, какая участь васъ ожидаетъ?

Бонни смотрѣлъ благодарными глазами то на одного, то на другую.

— Должно быть, какое-нибудь нелѣпое ложе изъ розъ.

Потомъ закрылъ глаза и переложилъ голову на подушкѣ иначе, не выпуская руки Алиціи.

— Силы-то у него еще немного, — вполголоса объясняла сидѣлка Джасперу. — Но, всетаки, ему значительно лучше, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ было при отплытіи. Я думала, онъ не вынесетъ дороги. Слава Богу еще, что погода все время стояла тихая, и качки не было.

Докторъ вызвалъ Джаспера въ корридоръ. Вслѣдъ за нимъ ушла и сидѣлка, въ свою собственную каюту, собирать вещи. Бонни и Алиція остались одни.

— Бонни, милый, я хочу отвезти васъ прямо въ Грейбрукъ. Джасперъ это именно и имѣлъ въ виду, когда сказалъ, что теперь онъ умываетъ руки. До сихъ поръ онъ дѣлалъ все, а я еще ничего не сдѣлала. Вы поѣдете? вы согласны?

Бонни открылъ глаза и мечтательно смотрѣлъ на нее.

— Грейбрукъ... яблони въ цвѣту... я такъ мечталъ объ этомъ.

— Ну, вотъ и отлично. Вотъ и умница. Какой вы стали послушный и добрый!

— Будто ужъ прежде со мною такъ было трудно справляться? Впрочемъ, должно быть, да. Я былъ препротивнымъ субъектомъ. Но теперь я уже не буду такимъ неблагодарнымъ. Клянусь вамъ, Алиція.

— Но вы никогда не были неблагодарнымъ, Бонни.

— Мнѣ слѣдовало написать вамъ. Когда мнѣ прочли каблогамму — ту, первую, — я расплакался, какъ ребенокъ. Ужъ и не знаю, какъ я еще держусь. Докторъ говоритъ, что мое сердце нигуда не годится. Должно быть потому, что изъ него ушла вся моя подлость.

Алиція ласково коснулась рукой его лба.

— И сейчасъ очень болить?

— Нѣтъ, немножко — пустяки — не стоитъ говорить объ этомъ. Но я такъ страшно усталъ. Скажите, во что вы обмокнули свои пальчики — въ медвяную росу, или въ райское молоко? Они такіе нѣжные и прохладные. Не принимайте руки.

И эта фраза, и голосъ, и черты — все было лишь слабымъ отголоскомъ, лишь тѣнью прежняго Бонни. И сердце Алиціи наполнилось безконечною жалостью. Маленькій комплиментъ ей прикосновенію былъ очарователенъ, вызвалъ краску на ея щекахъ и слезы на глазахъ. Ничего не говоря, она нагнулась надъ больнымъ, глубоко потрясенная видомъ его страданій, глубоко счастливая сознаниемъ, что онъ, наконецъ, принадлежитъ ей одной и находится у нея подъ крылышкомъ.

— Вы стали иначе причесываться — сказалъ Бонни. — Это теперь такая мода? Она восхитительна.

— Подумайте! Онъ замѣтилъ! — Въ ней сразу инстинктивно сказала женщина; она даже улыбнулась отъ удовольствія. — Развѣ вы помните, какъ я причесывалась раньше?

— Я долго жилъ воспоминаніями. Нерѣдко даже и нечѣмъ было больше жить.

— Мой бѣдный Бонни! — сказала Алиція, опечаленная его тономъ.

Но она такъ и не узнала, имѣлъ ли онъ въ виду духовныя, или матеріальныя нужды, такъ какъ въ эту минуту дверь открылась, и вошли Джасперъ съ докторомъ, а за ними сидѣлка и лазаретные служители, чтобы нести раненаго на поѣздъ. Его завернули въ одѣяла, положили на носилки и понесли. Джасперъ съ Алиціей шли рядомъ, а сидѣлка, которой предстояло ходить за больнымъ и въ Грейбрукъ, слѣдовала за ними немного поодаль, неся небольшой саквояжъ, въ которомъ умѣстилось все имущество Бонни. Алиція дотронулась до руки Джаспера.

— Я просто не умѣю сказать, какъ я благодарна вамъ.

Тотъ удивленно посмотрѣлъ на нее, какъ будто не понялъ.

— За что же вамъ благодарить меня? Мальчикъ и мнѣ дороже не меньше, чѣмъ вамъ. Каждый изъ насъ сдѣлалъ свое.

— Безъ васъ мнѣ ничего не удалось бы сдѣлать, — съ живостью возразила она.

Нѣсколько минутъ спустя они уже мчались по направленію къ Лондону. Бонни лежалъ въ вагонъ-салонѣ, на больничной койкѣ, поставленной такъ, что онъ могъ видѣть свѣжую зелень англійскихъ луговъ и старыя англійскія церкви, словно благо-

словающія мирныя англійскія селенія, и ласковыя деревья вокругъ англійскихъ коттеджей. Онъ стосковался по всему этому и увѣрялъ, что дѣйствительность превосходитъ всѣ ожиданія. Онъ шепнулъ Алиціи, что это освѣжаетъ и бодритъ, какъ прикосновеніе ея пальчиковъ. Порою слабость заставляла его откидываться назадъ и закрывать глаза; въ такія минуты всѣ черты его обострялись, и лицо казалось изможденнымъ и старымъ. Но все-таки ему хотѣлось показать, какъ онъ понимаетъ и цѣнитъ любовь, которою его окружали. Онъ пытался высказать это Джасперу, но не нашелъ подходящихъ словъ — не то, что въ былое время — и только заплакалъ. Слезы текли по его щекамъ. Джасперъ громко высморкался и посоветовалъ ему заснуть. А проснется онъ уже въ Лондонѣ, знаменитостью. Бонни пожалъ руку друга, но покачалъ головой и нѣкоторое время задумчиво смотрѣлъ въ окно. Въмѣсто того, чтобъ развеселить его, какъ любовно надѣялся Джасперъ, упоминаніе объ этомъ, повидимому, угнетало его. Разъ онъ обратилъ ихъ вниманіе на деревенскую парочку — парня и дѣвушку, которые стояли обнявшись на тропинкѣ, въ рамкѣ густой зелени, между двумя изгородами.

— Идиллія, — улынулся Джасперъ.

— Оттого, что декорація идиллическая.

— Не только поэтому, Бонни, милый, — возразила Алиція. — Когда вы выздоровѣете и окрѣпнете, вы напишете объ этомъ восхитительную маленькую поэму.

Но Бонни снова печально покачалъ головой.

— *L'oiseau se tait — l'aiglon a grondé*, птица молчитъ, чуя бурю.

— Полноте, голубчикъ. Никакой бури не предвидится. Теперь лѣто, и тепло, и ясно, — сказалъ Джасперъ.

— Ну что-жъ, возьмемъ другую метафору — возразилъ Бонни, съ проблескомъ былой, упрямой настойчивости. — Часы отсырѣли, испортились, и кукушка больше не показывается и не вукуетъ. Я, кажется, начну учиться шить сапоги. Тамъ у васъ, въ Грейбрукѣ, Алиція, можно выучиться этому. Мнѣ бы хотѣлось сшить для васъ сапожки. Я бы поцѣловалъ ихъ передъ тѣмъ, какъ вы ихъ надѣли бы — и послѣ тоже.

— Ничего подобнаго вы не будете дѣлать. Вы будете послушнымъ мальчикомъ, паинькой, и будете дѣлать, что вамъ скажутъ.

— Я буду паинькой — подтвердилъ Бонни.

Несмотря на самый заботливый уходъ, онъ былъ совершенно обезсиленъ, и когда его, наконецъ, привезли съ маленькой станціи

въ Гертфордширѣ домой и уложили въ постель, онъ моментально уснулъ. И всѣ ушли отъ него, оставивъ его на попеченіе сидѣлки.

Джасперъ пообѣдалъ съ Алиціей и лэди Люксморъ. Потомъ, съ первымъ вечернимъ поѣздомъ, вернулся въ городъ. Кодби встрѣтилъ его на Кингскросскомъ вокзалѣ. Просто по дружбѣ и отъ нечего дѣлать — какъ онъ объяснялъ. Притомъ ему хотѣлось поскорѣй узнать что-нибудь о поэтѣ-воинѣ. Они пошли домой пѣшкомъ. Джасперъ по пути все подробно рассказалъ ему. На углу Россель-сквера и Кеппель-стритъ, Кодби неожиданно остановился, какъ влопавшійся, вставилъ стеклышко въ глазъ и съ комическимъ отчаяніемъ посмотрѣлъ на Джаспера.

„Мой добрый Лизандръ,
Клянусь тебѣ мѣтчайшимъ лукомъ Купидона,
Его лучшей стрѣлой съ золотымъ наконечникомъ,
Клянусь простодушьемъ голубокъ Венеры“...

— Что за ерунду вы несете, Томъ! — воскликнулъ Джасперъ.

— Мой добрый Лизандръ-Джасперъ, или Джасперъ-Лизандръ, клянусь вамъ, что вы своими руками разставили имъ обоимъ любовныя сѣти.

Джасперъ взялъ его за воротникъ, поволокъ къ ближайшему газовому фонарю и заглянулъ ему въ лицо, полу-презрительно, полу-сердито.

— Я не думалъ, что вашъ цинизмъ можетъ завести васъ въ такія неизмѣримыя глубины идиотизма.

Съ этими словами, онъ выпустилъ обидчика изъ рукъ и зашагалъ впередъ. Кодби, пожимая плечами, последовалъ за нимъ, и они вели разговоръ о конторскихъ дѣлахъ, пока не пришло время ложиться спать.

XVI.

Нѣкоторое время Бонни лежалъ въ постели, окруженный заботами сидѣлки и лэди Алиціи, чуждый желаній, грезя наяву, чисто по животному наслаждаясь жизнью. У него не хватало энергіи повторить свою попытку быть любезнымъ и веселымъ, какъ въ первый день, подъ впечатлѣніемъ радостной встрѣчи. Онъ радъ былъ уже и тому, что не надо больше лежать на животѣ въ грязи съ ружьемъ, прижатымъ къ щекамъ, ни продѣлывать утомительные переходы, изнемогая отъ усталости, съ израненными и покрытыми пузырями ногами, не надо лежать на спинѣ подъ

нависшей скалой, куда доволокъ его, раненаго, товарищъ, искавшій хоть какого-нибудь прикрытія, — лежать въ бреду, задыхаясь отъ жажды и отъ жженія въ прострѣленной груди, или сознательно жаждать смерти въ переполненномъ полевомъ лазаретѣ. Ему было пріятно, что онъ не страдаетъ больше отъ мучительнаго передвиженія съ боку на бокъ во время килевой качки, что въ мозгу его не отдается сверлящей вибраціей неустанная работа пароводнаго винта. Все это, слава Богу, прошло, а что будетъ дальше — ему было все равно. Сейчасъ можно было жить удобно и безопасно, и этого съ него было достаточно.

Бонни поправлялся не такъ быстро, какъ ожидали его друзья. Деревенскій докторъ качалъ головой. Выписали знаменитость изъ Лондона и устроили консилиумъ. Знаменитость поставила діагнозъ: общая слабость, истощеніе и функціональное разстройство вслѣдствіе болѣзни и раны, и заявила Бонни, что надо обладать крѣпостью сложенія носорога, чтобы перенести ревматическую лихорадку съ прострѣленной на вылетъ грудью. Позже, когда лэди Алиція повела его гулять въ старый садъ съ манящей муравкою зеленыхъ лужаекъ, съ высокими вязами, на которыхъ гнѣздились грачи, съ пышными рододендронами, акаціями, раkitникомъ, извилистыми тропинками и уютными закоулочками, и спросила его, чтѣ, по его мнѣнію было бы полезно для раненаго, онъ широкимъ жестомъ описалъ рукою кругъ, включивъ въ этотъ кругъ и ее, и молвилъ:

— Вотъ это.

— Это можетъ ему надѣсть.

— Я самъ готовъ заболѣть, чтобы мнѣ предписали такое леченіе. Кстати, не было у него какихъ-нибудь крупныхъ огорченій эмоціональнаго характера?

Лэди Алиція храбро смотрѣла въ зоркіе, пронизательные глаза и улыбалась, но въ эту минуту всей душой ненавидѣла лондонскую знаменитость.

— Онъ молодъ и поэтъ, — отвѣтила она нѣсколько сухо.

— Въ такомъ случаѣ, постарайтесь обставить его жизнь возможно спокойнѣе.

— Вы увѣрены, что онъ поправится и окрѣпнетъ?

— Дайте ему полный отдыхъ и покой, и я не вижу причинъ, почему бы ему не поправиться.

Знаменитость посовѣщалась еще съ деревенскимъ врачомъ и укатила обратно въ Лондонъ, оставивъ Алицію значительно утѣшенною. Сама никогда не хворавшая и не привыкшая ухаживать за больными, она уже начинала тревожиться апатіей Бонни

и была смутно разочарована тѣмъ, что послѣ перваго же дня, проведеннаго въ Грейбрукѣ, къ нему не вернулись сразу здоровье и силы, какъ къ разслабленному, окунувшемуся въ цѣлительную Виеезду. Медленность его выздоровленія была какъ бы укоромъ и ей самой, и ея санаторіи. И сколько лэди Люксморъ, болѣе опытная, ее ни увѣщевала, Алиція не успокоивалась. Теперь, послѣ визита лондонскаго доктора, она подбодрилась и терпѣливо стала ждать лучшихъ дней.

Наконецъ, пришли и они. Бонни начиналъ снова интересоваться окружающимъ. Вскорѣ его уже разрѣшили выносить изъ комнаты, а затѣмъ и вывозить въ садъ, въ креслѣ на колесахъ. Въ первый разъ это случилось въ воскресенье, когда къ Алиціи заглянули Джасперъ и Элиноръ Коррей. Гости, вмѣстѣ съ лэди Люксморъ, ждали его на лужайкѣ, въ тѣни сикоморы. Возлѣ стоялъ чайный столикъ и на немъ китайскій фарфоръ, серебро и земляника. Ликующая Алиція сама подкатила къ нимъ кресло, въ которомъ сидѣлъ Бонни. Начались рукопожатія и поздравленія; всѣ три женщины наперерывъ ухаживали за больнымъ, каждая по своему, а Джасперъ смотрѣлъ на нихъ ласково и одобрительно. Какъ тутъ было не возрадоваться!

— Я страшно рада васъ видѣть! — восклицала Элиноръ Коррей, подливая сливокъ въ блюдечко съ земляникой, — но, Бонни, неужели же вамъ не стыдно?

— Прелестная дама, — возразилъ Бонни, — у меня прострѣлено тѣло, весь стыдъ вышелъ въ эту дыру. Совсѣмъ какъ газъ. Я чувствовалъ, какъ онъ уходитъ.

— Вамъ было очень больно? — спросила она, понизивъ голосъ, въ которомъ неожиданно зазвучала нѣжность.

Но юноша не хотѣлъ переходить въ серьезный тонъ.

— Напротивъ, это было большимъ облегченіемъ. Теперь у меня совсѣмъ нѣтъ стыда. И если вы предложите мнѣ вашу землянику со сливками, я самымъ безстыднымъ образомъ все уничтожу.

Элиноръ отвѣтила шуткой, и опять у нихъ, какъ бывало, пошла веселая болтовня. Въ разговорѣ она упомянула о войнѣ, въ надеждѣ, что онъ начнетъ рассказывать о своихъ впечатлѣніяхъ. Но лицо юноши внезапно омрачилось.

— Когда-нибудь, когда мы будемъ одни — я расскажу вамъ...

Минуту спустя Алиція отвела гостью въ сторону.

— Не говорите съ нимъ ни о войнѣ, ни объ его стихахъ. Я забыла предупредить васъ. Это его угнетаетъ.

— А я думала, что онъ только объ этомъ и способенъ го-

ворить. Онъ всегда трещалъ безъ умолку о томъ, чѣмъ былъ въ данный моментъ заинтересованъ.

— Онъ сильно измѣнился, — со вздохомъ сказала Алиція, невольно оглядываясь черезъ плечо на кресло больного, возлѣ котораго стоялъ Джасперъ, закрывая отъ нихъ Бонни. Элиноръ Коррей насмѣшливо скривила губы. Потомъ спросила, какъ всегда, безцеремонно:

— Вамъ не кажется, что мы всѣ здѣсь немножко влюблены въ него, Алиція?

Алиція повернулась къ ней, но не глядя ей въ глаза.

— Развѣ? — выговорила она задумчиво.

— Ну да, конечно. — Гостя отрывисто засмѣялась и потянула незастегнутую перчатку. — А это напрасно. Онъ слишкомъ хорошій, жаль было бы испортить его — а мы всѣ глупыя женщины.

Что-то сверкнуло въ спокойныхъ глазахъ Алиціи; но она ласково коснулась руки пріятельницы.

— Милая Элиноръ, я никогда не думала, что вы любите Бонни *такъ*: мнѣ очень жаль...

И прежде чѣмъ Элиноръ Коррей успѣла найти слова для выраженія своихъ чувствъ, Алиція повернулась и граціозно поплыла къ остальнымъ. Элиноръ подошла къ нимъ съ двумя красными пятнышками на щекахъ и готовымъ, но невысказаннымъ отвѣтомъ.

— Элиноръ говоритъ, что мы балуемъ его, Джасперъ. Что же намъ дѣлать?

— А что совѣтуетъ миссъ Коррей?

— Я ничего подобнаго не говорила, Бонни! — горячо воскликнула несправедливо обвиненная.

— Напрасно, мадонна. Вы сказали бы только правду. Я готовъ всю мою остальную жизнь сидѣть такъ въ этомъ дивномъ саду и спорить съ вами.

— О, я за одну недѣлю довела бы васъ до сумасшествія.

— Еслибъ вы стали ужъ черезчуръ несносны, на выручку ко мнѣ пришла бы Алиція.

Онъ откинулся на подушки и засмѣялся, томно наслаждаясь пріятнымъ обществомъ, котораго былъ такъ долго лишенъ, стараясь жить только мгновениемъ, не думая о прошломъ, цѣликомъ отдаваясь ласкѣ мягкихъ закатныхъ лучей, и привѣтливаго тѣнистаго сада, и нѣжно улыбающихся ему милыхъ дружескихъ лицъ. Пріятно было и вести разговоръ, высказывать мимолетную мысль

людямъ, понимающимъ съ полуслова. Самъ того не сознавая, онъ очень страдалъ отъ отсутствія всего этого.

— Я думаю, она завидуетъ, Алиція, — замѣтилъ онъ, — что ее не кормятъ лотосомъ, какъ меня. Но вѣдь у васъ его большой запасъ, не правда ли? Еслибъ Джасперъ былъ настоящимъ филантропомъ, онъ купилъ бы одинъ изъ острововъ Блаженства — кстати, они теперь упали въ цѣнѣ — и началъ бы культивировать на немъ лотосъ, для европейскихъ рынковъ. А другой островъ засадилъ бы амарантомъ. Вы могли бы по произволу регулировать цѣны — заставить этого миллионера затратить на это семь восьмыхъ его состоянія и кормить лотосомъ населеніе рабочихъ домовъ.

— Недурно придумано, другъ мой, — сказалъ Джасперъ. — На такой пищѣ раса очень скоро вымерла бы.

— А почему бы и нѣтъ? — сказалъ Бонни.

— Вы уже избаловались! — воскликнула Элиноръ Коррей. — Если вы будете кичиться такимъ дурацкимъ пессимизмомъ, вы никогда больше не увидите меня.

— Не ставьте на моемъ пути такого искушенія, прелестная мадонна.

Бонни радовался, какъ мальчикъ, этой удачной репликѣ, повергшей въ смущеніе его противницу. Но тотчасъ же, разсмѣявшись, онъ протянулъ ей руку.

— Вы не сердитесь? Вѣдь это какъ въ доброе старое время.

Разговоръ сдѣлался общимъ, перешелъ на обыкновенныя темы; пока надвигающаяся вечерняя тишина не захватила и этого маленькаго общества... Нѣкоторое время всѣ сидѣли молча, въ сладкомъ безмолвіи взаимнаго довѣрія и уютной близости. Грачи кричали на ближнихъ вязахъ; съ готической колокольни въ соседнемъ селеніи доносился слабый звонъ колоколовъ; колечки дыма отъ трубки Джаспера, лѣниво извиваясь, поднимались вверхъ въ безвѣтренномъ воздухѣ. Бонни, утомленный, крѣпко спалъ.

Послѣ обѣда, когда Элиноръ пришла въ спальню Алиціи собрать свои вещи, она вдругъ свирѣпо накинулась на пріятельницу.

— Вы не поняли того, что я сказала давеча — насчетъ Бонни. Если вы думаете, что это было признаніе, вы очень ошибаетесь. Это было предостереженіе.

Алиція подтянула спереди жакетъ Элиноръ и разгладила его на талии.

— Я такъ и поняла васъ, дорогая. Но объ этихъ вещахъ лучше не говорить.

— Потому, что мы, женщины, такъ мало значимъ?

— Нѣтъ, дорогая,—потому, что это само по себѣ значить такъ много.

По своему, царственно и граціозно, она нагнулась и поцѣловала Элиноръ. Та отвѣтила на поцѣлуй.

— Вы способны доказать и ангеламъ небеснымъ, что вы правы, а они неправы, Алиція,—сказала она, поправляя вуальку. Алиція умѣла иногда быть знатной дамой.

— Навѣрное, дорогая,—сказала она,—еслибъ это было необходимо.

Когда гости уѣхали, она, какъ всегда, подошла къ двери комнаты Бонни и тихонько постучалась. На отвѣтъ: „войдите“, она отворила дверь и остановилась на порогѣ, спрашивая, удобно ли ему и все ли у него есть, что ему нужно на ночь. Онъ глазами подозвалъ ее ближе; она нагнулась надъ кроватью; онъ взялъ ее руку и прижалъ ее къ своей щекѣ.

— Благословляю васъ за этотъ прелестный день. Чѣмъ я смогу отблагодарить васъ?

— Тѣмъ, что вы опять станете здоровымъ и сильнымъ, Бонни милый, и снова займете въ свѣтѣ подобающее вамъ положеніе.

Ея губы были такъ близко отъ него, что въ это мгновеніе ей казалось вполне естественнымъ приблизить ихъ еще больше и поцѣловать его въ лобъ. Потомъ она шепнула: „доброй ночи“, оставила его и сошла внизъ. Лэди Люксморъ уже легла. Французскія окна-двери, выходящія на террасу, были открыты. Вечеръ былъ тихій, теплый; полная луна свѣтила ярко, надъ самымъ горизонтомъ. Алиція придвинула кресло къ окну, сѣла и задумалась о томъ, что ей сказала Элиноръ Коррей. Смутныя желанія, сладкія сантиментальныя грезы, слагались въ логическое, связанное цѣлое. Почему бы этому и не быть правдой? Онъ всегда былъ дорогъ ей. Почему бы этой нѣжной привязанности и не быть любовью,—той самой любовью, которой она до сихъ поръ не знала? Въ головѣ ея роились воспоминанія—полузабытыя, не вполне понятныя, вдругъ разъяснившіяся, приведенныя въ порядокъ прикосновеніемъ этого пробнаго камня.

Нѣжность, воскресшая въ ней съ новой силой послѣ того какъ Бонни привезли домой раненымъ, горячей волной залила ее сердце. Она еще чувствовала на своей ладони прикосновеніе его щеки. Почему бы этому и не быть правдой?

Всѣмъ своимъ существомъ она готова была отелікнуться на его безсознательный, безмолвный призывъ. Въ Бонни было много

такого, что могло тронуть и болѣе сильную, и болѣе холодную женщину. Цвѣтущая молодость, ореолъ славы и поэтическаго вдохновенія, ореолъ воинской доблести и героизма. Мужчина, который смотрѣлъ въ глаза смерти и самъ причинялъ смерть другимъ, всегда кажется женщинѣ какимъ-то особеннымъ существомъ. Это—пережитокъ далекаго, но неискоренимаго варварства. Молодость сама по себѣ полна дивныхъ чаръ, а геній невольно вызываетъ поклоненіе. А когда, притомъ, человѣкъ, соединившій въ себѣ столько чарующаго, лежитъ раненый, больной и безпомощный, какъ дитя, всецѣло зависящій отъ жалости женщины, можетъ ли она не отдать ему своего сердца? Это очень старая, очень извѣстная сказка. Но для Алиціи она была новой.

Долго сидѣла она такъ, въ лунномъ свѣтѣ, трепетно представляя себѣ возможное будущее. Она видѣла себя всегда нѣжно лелѣющей Бонни, охраняющей его отъ всего грубаго и тяжелаго, вдохновляющей его на безсмертныя произведенія. Его счастье будетъ ея счастьемъ, единственной ея цѣлью въ жизни. Въ ласковомъ, блѣдномъ свѣтѣ луны это рисовалось ей, какъ восхитительное, святое видѣніе.

Появленіе служанки, вышедшей запереть на ночь входную дверь, спугнуло эти мысли. Алиція встала, слегка вздрагивая—она немного озябла въ своемъ легкомъ платьѣ—и провела рукой по глазамъ, словно отгоняя грезы и стараясь сосредоточиться на неизмѣнившемся обликѣ привычныхъ вещей. Часы въ углу пробили половину двѣнадцатаго. Она глубоко втянула въ себя воздухъ, почему-то вздохнула и пошла наверхъ, въ свою спальню. Отпустивъ горничную, она стала передъ зеркаломъ и принялась разглядывать себя, внимательно и тревожно. Черточки уже есть—тоненькія, едва замѣтныя, но все же есть, и на лбу, и подъ глазами, и по угламъ рта; достаточно болѣзни, усталости или сильнаго огорченія, чтобъ онѣ углубились, обличая возрастъ, много болѣе, чѣмъ возрастъ юноши, спящаго подъ ея кровлей. Она отвернулась, огорченная, опечаленная. Отошла подальше, снова принялась разглядывать себя, и теперь уже видѣла только красивую, стройную женщину, съ свѣтло-каштановыми волосами, ложившимися волнистой короной надъ чистымъ гладкимъ лбомъ, съ глазами газели, ясными и кроткими, съ аристократическимъ, изящнымъ лицомъ, нѣжный овалъ котораго сохранилъ всю молодую твердость и красоту своихъ линий; губы, полу-раскрытыя довольной улыбкой, были по прежнему полны и свѣжи. Лэди Алиція постаралась, насколько возможно, утѣшиться этимъ зрѣлищемъ и затѣмъ уснула.

Проснувшись на другой день утромъ, она вдругъ вспомнила и вся залилась краской стыда. Встала она съ гордымъ рѣшеніемъ гнать отъ себя прочь такія мысли, какъ неразумныя и неженственныя. Какое бы мѣсто ни занималъ Бонни въ тайникахъ ея сердца, никто не долженъ знать объ этомъ, и меньше всѣхъ онъ самъ. Она будетъ для него тѣмъ же, чѣмъ была всегда. То, что казалось поэтическимъ и красивымъ при лунномъ свѣтѣ, при свѣтѣ дня выглядѣло совсѣмъ иначе въ своей неприкрытой наготѣ. И потому щеки ея еще пылали, когда она встрѣтилась съ Бонни. Но теперь она была увѣрена въ себѣ. Лэди Алиція Гарденъ не подобало бѣжать отъ искушенія. Для этого она была слишкомъ горда. Она смотрѣла опасности храбро въ лицо, даже съ насмѣшкой, — поскольку для этого достаточно было усилія воли. Но смотрѣть въ лицо опасности было сладко.

Выздоровленіе пошло быстрее. Бонни теперь уже катался съ обѣими дамами, при чемъ возсѣдалъ на почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ лэди Люксморъ, а Алиція сидѣла на скамеечкѣ, спиной къ лошадямъ. Иногда, во время этихъ прогулокъ, они останавливались возлѣ сосѣдней усадьбы, и Бонни, не выходя изъ коляски, принималъ визиты знакомыхъ. Постепенно онъ начиналъ чувствовать себя въ обществѣ виднымъ лицомъ, свѣкался съ этой мыслью, и, какъ съ удовольствіемъ замѣчала Алиція, это начало доставлять ему удовольствіе. Началъ онъ опять и интересоваться литературой. Это также не укрылось отъ взора Алиціи, и стоило Бонни выразить желаніе ознакомиться съ той или другою книгой, какъ на другой же день она оказывалась въ грейбрукской библіотекѣ. Онъ сидѣлъ, окруженный газетами и журналами, и былъ въ курсѣ всего, что творилось на свѣтѣ. Вскорѣ онъ уже былъ въ состояніи немного ходить безъ посторонней помощи, хоть и горбился немного, вслѣдствіе раны. Алиція слѣдила за первыми его попытками съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ мать слѣдитъ за первыми шагами своего первенца.

Его любимое мѣсто въ саду былъ укромный уголокъ за двумя большими рододендронами, закрытый отъ дома густымъ кустарникомъ. Неподалеку шла высокая буксовая изгородь, тянувшаяся вдоль всего сада, отдѣлявшая его отъ огорода и оранжерей. Впереди, за невысокой стѣной, обвитой плющемъ, была проѣзжая большая дорога; надъ стѣною высились, какъ башни, роскошныя вязы. Съ длиннаго индійскаго кресла, въ которомъ сидѣлъ больной, онъ видѣлъ кругомъ только зелень, надъ собой — только ласковое англійское небо, подъ ногами — зеленый англійскій

дернѣ. И готовъ былъ сидѣть здѣсь часами, со своими книгами и со своими мыслями, довольный своимъ одиночествомъ, но всякій разъ встрѣчая привѣтливой улыбкой Алицію, когда она появлялась изъ-за рододендроновъ, съ рабочей корзинкой и складнымъ стуломъ въ рукѣ. Ни одна страна въ мірѣ, кромѣ Англіи, не могла бы создать такого мѣстечка, — увѣрялъ онъ, — такого соединенія покоя съ богатой, горячей жизнью. Оно было совсѣмъ подстать самой Алиціи. Она, какъ женщина, воплощала въ себѣ именно то, что этотъ зеленый уголокъ воплощаль въ себѣ въ смыслѣ природы: специальное очарованіе Англіи. Когда она приходила сюда, природа и женщина дополняли другъ друга. И, въ результатѣ, получалось единое цѣлое — самое сердце Англіи.

— Развѣ вы такъ любите все англійское? — спросила она его однажды послѣ такого панегирика.

Съ минуту онъ смотрѣлъ вверхъ, на небо, не отвѣчая. А она смотрѣла ему въ лицо и видѣла, что оно вдругъ стало совсѣмъ утомленнымъ и старымъ. И сама не знала, радоваться ей или огорчаться.

— Я служилъ ложнымъ богамъ, — выговорилъ онъ измѣнившимся голосомъ, — а они превратились въ демоновъ, и я бѣжалъ, чтобъ одолѣть ихъ. Не любовь къ Англіи погнала меня на войну. Я пытался обмануть себя и повѣрить, что я ѣду сражаться за родину; но это была неправда. Въ моей ротѣ былъ одинъ солдатъ изъ Девоншира. Единственный изъ всѣхъ товарищей, котораго я терпѣть не могъ — прости меня Боже. Я считалъ его отъявленнымъ негодяемъ. Быть можетъ, онъ таковъ и былъ. Но однажды мы рядомъ шли на штурмъ позиціи, и онъ былъ раненъ. Упалъ, приподнялся, взмахнулъ ружьемъ и началъ ругаться. Потомъ опять упалъ, и кровь хлынула у него изо рта. Я былъ по близости. Я поднялъ его голову, положилъ къ себѣ на колѣни и разстегнулъ ему воротникъ. Онъ повернулся ко мнѣ лицомъ и поднялъ руку. „А вѣдь стоитъ умереть за кровное достояніе Англіи“, — выговорилъ онъ. Это были его послѣднія слова; судорога свела его тѣло, и онъ умеръ.

Бонни остановился и передохнулъ, продолжая смотрѣть вверхъ; лицо его точно окаменѣло. Алиція не въ силахъ была выговорить ни слова.

— Я запомнилъ эти слова, и когда самъ былъ раненъ, понималъ, что это правда. Боже мой, какъ я тосковалъ по Англіи! Вотъ по этому старому западному графству, гдѣ я родился. Я съ радостью сто разъ умеръ бы за него. А когда я вернулся домой, родина приняла меня въ свои объятія и ублажала меня

на своей груди. Великая мать всѣхъ въ цѣломъ мірѣ, кому дорого это слово. Еслибъ могло случиться чудо, и я завтра всталъ бы здоровымъ и сильнымъ, я снова поѣхалъ бы туда. Но на этотъ разъ сражаться уже за настоящее.

— Я рада, что вы не можете этого сдѣлать. Вы можете иначе послужить родинѣ, и этого вашего дѣла за васъ не могутъ сдѣлать другіе. И кромѣ того, Бонни милый, я не пустила бы васъ.

— Пустили бы, — возразилъ Бонни, оставивъ безъ вниманія первую половину ея фразы и глядя на нее своими темными глазами, которые болѣзнь сдѣлала удивительно блестящими. — Вы слишкомъ насквозь англичанка, чтобы поступить иначе. Чѣмъ больше вы любили бы меня, тѣмъ болѣе крупныя жертвы вы готовы были бы принести.

Она не отвѣтила. Что пользы спорить о невозможномъ! Англія была не такъ дорога ей, какъ этотъ юный воинъ, такъ пламенно и красиво говорившій о патріотизмѣ. Она даже немножко ревновала его къ Англіи, что было ужъ совсѣмъ неразумно, и въ то же время эта преданность родинѣ возвышала Бонни въ ея глазахъ, окружала его ореоломъ героизма. У нея сжималось сердце отъ разсказа о смерти девонширца. Она смотрѣла на колѣни Бонни, на которыхъ покоилась голова умирающаго, въ его глаза, которые такъ близко видѣли передъ собою смерть, и радовалась, что онъ благополучно вернулся домой.

Бонни рѣдко говорилъ о войнѣ и о своихъ переживаніяхъ въ военное время. Это волновало его и утомляло. Для него, съ его повышенной чувствительностью, война была оргіей ужаса. Пока онъ воспѣвалъ жизнь въ ея полнотѣ и блескѣ, мысль о смерти вызывала въ немъ чувство страстнаго негодованія. Война приучила его къ этой мысли, приучила его нервы къ ощущенію постоянной опасности, которую онъ встрѣчалъ мужественно, какъ и тысячи его товарищей, простыхъ солдатъ. Но зато вѣчная бойня кругомъ и болѣзни убили его жизнерадостность, отравили его душу. Даже здѣсь, въ этомъ мирномъ садикѣ, онъ не всегда могъ освободиться отъ кошмара воспоминаній. И неохотно говорилъ о нихъ. Но когда говорилъ, чувствовалось, что это глубоко запало ему въ душу. Его врожденная кипучесть не изсякла; она перешла въ другое русло — горячаго патріотизма. И несмотря на то, что картины войны были для его нервовъ и его души мукой и тяжкимъ крестомъ, его готовность вернуться на поле брани, если позволить здоровье, была вполнѣ искренней. Въ то же время онъ зналъ, что его упованія тщетны, что его

краткая военная карьера окончена, что, можетъ быть, только черезъ нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ полномъ покоѣ, онъ оправится, окрѣпнетъ и станетъ вновь такимъ же здоровымъ, какимъ онъ былъ годъ назадъ, когда охотился на рейбрукскихъ жнивьяхъ. Иныхъ желаній у него не было. Въ дурныя минуты онъ терзался тѣмъ, что онъ всѣмъ въ тягость, а въ хорошія готовъ былъ часами сидѣть въ саду, среди англійской зелени, не стараясь убить время, но давая ему спокойно течъ мимо себя. Всего счастливѣе онъ чувствовалъ себя въ живомъ разговорѣ на легкія темы, подстрекавшемъ его врожденный, оригинальный юморъ; въ такія минуты онъ оживлялся и становился прежнимъ, веселымъ и болтливымъ, какъ мальчикъ.

Алиція долго сидѣла молча. Потомъ собрала свою работу, ножницы и катушки, сложила все въ рабочую корзиночку, встала и склонилась надъ больнымъ.

— Что, Бонни! Устали?

Онъ улыбнулся ей и покачалъ головой.

— Я ужъ вижу, что устали. Не слѣдуетъ такъ горячиться. Это вамъ вредно.

Онъ молча взялъ ея руку, подержалъ въ своихъ и поцѣловалъ, потомъ отпустилъ. Она тихонько провела рукой по его волосамъ и скрылась въ зеленой калиткѣ.

Бонни лежалъ въ своемъ *chaise longue* и печально смотрѣлъ на верхушки вязовъ.

XVII.

Кодби возвратился изъ Швейцаріи, куда его, противъ его желанія, отправилъ Джасперъ для отдыха, и сейчасъ же ретиво взялся за работу, чтобы дать отдохнуть своему возлюбленному патрону. Джасперу необходимъ отдыхъ, деревенскій воздухъ, необходимо пожить „на хлѣбахъ праздности“ — твердилъ Кодби, приводя цѣлый рядъ Шекспировскихъ сравненій и эпитетовъ вродѣ „высохшей змѣиной кожи“ и „вяленаго бычачьяго языка“, чтобы показать, до чего Джасперъ усталъ и истощенъ. Кодби до того надоѣлъ Джасперу своими пристаиваньями, что, тотъ, наконецъ, вынужденъ былъ серьезно отнестись къ этому вопросу. Дѣйствительно, трудный годъ сказался на его здоровьѣ. Всю эту сессію онъ выбивался изъ силъ, пытаясь подтолкнуть лѣнливое правительство. Но правительство не трогалось съ мѣста. Джасперъ предвидѣлъ роспускъ палаты и новое правительство, съ улыбкой отклоняющее

отъ себя обязательства, принятія его предшественникомъ. Онъ чувствовалъ, что борьба бесплодна, и, какъ большинство упрямыхъ людей, боролся тѣмъ упорѣе. Усилія согласовать свирѣпыя выкрики имперіализма съ страстными требованіями внутреннихъ реформъ и слить ихъ въ созвучный аккордъ для правительства и избирателей истощали его энергію, держали его въ постоянномъ нервномъ напряженіи. Въ Уикенсѣ, содержатель норзгэмской бойни, Джасперъ нажилъ себѣ смертельнаго врага. Уикенсъ, какъ истый англичанинъ, считалъ право собственности священнымъ, а Джасперъ посягнулъ на это право, изслѣдовавъ полуразвалившіяся зданія, изъ которыхъ бывшій мэръ устроилъ себѣ золотое дно: онъ снялъ ихъ за весьма умѣренную сумму у безпечнаго владѣльца и, пересдавая ихъ въ розницу, наживалъ на нихъ большія деньги, всячески притѣсня своихъ арендаторовъ. Грязь и мерзость запустѣнія, царившія въ этихъ домахъ, дѣлали негодованіе Джаспера вполне понятнымъ. Онъ перекупилъ за высокую цѣну занятую зданіями землю, отыскалъ въ арендномъ договорѣ пунктъ, въ силу котораго, при извѣстныхъ условіяхъ, аренду можно было прекратить, предупредивъ арендатора за полгода впередъ, и сдѣлалъ Уикенсу соответствующее заявленіе. Джасперъ и раньше предупреждалъ его и совѣтовалъ ему измѣнить свой образъ дѣйствій съ арендаторами и отремонтировать лачуги, которыя онъ сдавалъ имъ внаймы; но Уикенсъ только бранился и кричалъ, что лучше онъ погубитъ навѣкъ свою душу, чѣмъ позволить какому-то плутократу вмѣшиваться въ его личныя дѣла. Теперь онъ окончательно обозлился и клялъ Джаспера на всѣхъ перекресткахъ. Изъ благомыслящаго либерала онъ сдѣлался яркимъ радикаломъ, краснорѣчиво клеймившимъ дерзкую наглость богачей, гнусное раболопство избирателей, готовыхъ лизать имъ пятки, и низкое коварство Джаспера Веллакота, всегда дѣйствующаго обманомъ и окольными путями. Онъ началъ-было оспаривать пунктъ аренднаго договора, дававшій Джасперу право лишить его аренды. Джасперъ усмѣхнулся и, предъявивъ списокъ исполнительныхъ листовъ о выселеніяхъ арендаторовъ и объ арестахъ, наложенныхъ на ихъ имущество, освѣдомился, будетъ ли пріятно бывшему мэру, если списокъ этотъ будетъ оглашенъ во всеуслышаніе въ судѣ. Такимъ путемъ онъ восторжествовалъ надъ безсовѣстнымъ человекомъ, притѣснявшимъ бѣдняковъ; но удержать за собой популярность среди избирателей, которую Уикенсъ всячески старался подорвать, оказывалось не такъ-то легко.

Однажды, пріѣхавъ въ Норзгэмъ на засѣданіе правленія

открытаго имъ госпиталя, Джасперъ натолкнлся на Берка и Уикенса, подъ-руку выходявшихъ изъ трактира. Кивкомъ головы онъ подозвалъ къ себѣ Берка, не обративъ вниманія на мясника, который сверкнулъ глазами и отошелъ въ сторону.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Давеча я забылъ свой зонтикъ у Джорджа, — въ прошлый понедѣльникъ вы посылали меня къ майору Спарлингу, — такъ вотъ и рѣшилъ сходить за нимъ.

— А съ этой скотиной у васъ что за шашни?

— Въ рудникахъ, когда человѣкъ хочетъ услужить пріятелю, онъ идетъ пить съ его врагомъ, — сказалъ Беркъ, по обыкновенію избѣгая смотрѣть въ глаза своему собесѣднику.

Брови Джаспера гуще сдвинулись надъ орбитами, изъ глубины которыхъ зорко смотрѣли его проникательные глаза. Но блѣдное лицо Берка было безстрастно и непроницаемо. Джасперъ, который, съ той ночи, когда онъ засталъ Берка у себя въ столовой, выказывалъ ему неизмѣнное вниманіе и доброту, положилъ руку ему на плечо.

— Благодарю васъ за желаніе войти въ мои интересы, Беркъ, — сказалъ онъ не безъ ироніи. — Но такіе пріемы не по мнѣ. Прямой путь — самый лучшій, дружище. Разъ ужъ вы здѣсь, пойдемте со мной на засѣданіе комитета: кстати, составите для меня кое-какія замѣтки. А домой вернемся вмѣстѣ.

Но этого инцидента Джасперъ забыть не могъ, и онъ прибавилъ ему лишнихъ заботъ. Объясненію, данному Беркомъ, онъ не вѣрилъ. Чего ради ему дружить съ Уикенсомъ и собутыльничать съ нимъ? — „Arcades ambo — оба мерзавцы“, говорилъ Кодби. На это Джасперъ отвѣчалъ, что Кодби въ послѣднее время поражаетъ его своей неспособностью разобраться въ самыхъ простыхъ вещахъ. Онъ до сихъ поръ не могъ простить маленькому человѣчку его возмутительно нелѣпаго предсказанія относительно Бонни и лэди Алиціи.

Джасперъ, дѣйствительно, былъ переутомленъ волнующей и непрерывной работой. Съ хлопчатобумажной фабрикой въ Ланкаширѣ, о которой онъ ухитрился забыть, онъ нажилъ себѣ кучу хлопотъ; устройство временныхъ санаторій для раненыхъ и выздоравливающихъ также отнимало много времени и требовало массы вниманія и заботы въ деталяхъ; добиться парламентской ассигновки на покупку земли цехомъ кожевниковъ стоило ему большого труда, не говоря уже о текущихъ дѣлахъ и распоряженіяхъ, связанныхъ съ его различными филантропическими затѣями, и объ обычномъ бремени отвѣтственности за всѣ его

финансовыя и торговыя предпріятія. Когда, наконецъ, на подмогу Кодби явилась лэди Алиція, доказывая необходимость полнаго отдыха и перемѣны образа жизни, онъ уступилъ. Но куда же ѣхать? И тутъ опять-таки Алиція, какъ всегда, придумала самое подходящее. Ея сосѣди, Видрингтоны, спятъ и видятъ найти себѣ жильца на лѣто. Почему бы Джасперу не снять ихъ усадьбу? Было бы такъ восхитительно имѣть его подъ рукою. Бонни, услыхавъ это, восторженно крикнулъ: „Ура!“ за что и поплатился тотчасъ же приступомъ боли. Его заключительную фразу: „Переселяйтесь къ намъ, старина“, было почти больно слышать.

— Ладно,—сказалъ Джасперъ.—Переселюсь. Нигдѣ, разумѣется, я не буду чувствовать себя счастливымъ. Но только не къ Видрингтонамъ.

— Почему нѣтъ?—удивилась Алиція.

— Очень ужъ они чванные. Не беспокойтесь. Я найду себѣ подходящее мѣсто.

Дѣло было въ субботу вечеромъ. Джасперъ пріѣхалъ провести воскресенье въ Грейбрукъ. Съ отличавшей его нелюбовью откладывать то, что было уже рѣшено, онъ тотчасъ отправился пѣшкомъ къ полюбившемуся ему коттеджу на большой дорогѣ, стоявшему особнякомъ въ саду, и снялъ тамъ на мѣсяцъ двѣ комнаты. А затѣмъ вернулся и сообщилъ объ этомъ Алиціи. Та пришла въ ужасъ. М-съ Белль—очень почтенная вдова, но кто же будетъ ему стряпать?

— Разумѣется, та же почтенная вдова,—смѣялся Джасперъ.

— Но она въ жизнь свою ничего не готовила, кромѣ пудинговъ и поджаренной ветчины.

— Въ такомъ случаѣ, это она должна умѣть дѣлать превосходно.

— Но она отравитъ васъ своей стряпней.

— Полноте. Я цѣлыми годами стряпалъ себѣ самъ, и то остался живъ, такъ ужъ теперь никакому повару не отравить меня.

Алиція сдалась. Но она не могла понять, какъ это человѣкъ съ миллионнымъ состояніемъ предпочитаетъ жить не въ барской усадьбѣ, а въ коттеджѣ, словно приказчикъ или небогатый чиновникъ. Да и вообще, чего ради онъ живетъ въ Гауэръ-стритъ, обходится безъ камердинера, или хотя бы дворецкаго, или выездного лакея, не держитъ лошадей, не имѣетъ собственнаго экипажа, красивой мебели, картинъ и гравюръ—ничего изъ того, что краситъ и дѣлаетъ пріятною жизнь богачей? Это не скупость и не аффектація, и не невѣжество (къ этому времени Джасперъ уже на-

столько образовалъ себя, что его нельзя было назвать невѣждой). Бонни объяснялъ ей, что это—неизлечимая простота вкусовъ и что въ данный моментъ Джасперъ, очевидно, переживаетъ острый ея фазисъ. Кодби, хорошо изучившій своего патрона, дразнилъ его, увѣряя, что онъ способенъ проглотить цѣлое царство, но не премѣнно подавится царской кроватью. Лэди Алиція, не столь безцеремонная, удовольствовалась объясненіемъ Бонни, предоставивъ Джаспера его участи и заботамъ почтенной вдовы.

На другое утро у него былъ пространный разговоръ съ Бонни. Дамы уѣхали въ церковь. Шелъ дождикъ, и Бонни сидѣлъ въ уютной библіотекѣ, всецѣло предоставленной въ его распоряженіе. Джасперъ притащилъ цѣлую кучу документовъ и памятныхъ книжекъ, намѣреваясь отдать Бонни отчетъ въ своемъ опекунствѣ надъ его дѣлами. Но тотъ только отмахивался. Если онъ ненавидитъ что-нибудь больше фунтовъ, такъ это шиллинги, и еще больше шиллинговъ—пенсы. Почему его не оставить въ покоѣ съ его лотосомъ? Онъ еще не съѣлъ и половины.

— Сынъ мой, — возразилъ Джасперъ, — мы—народъ торговый, а на рынкѣ и лотосъ имѣетъ свою ходячую цѣну, по столько-то за мѣру. Надо же вамъ знать, сколько мѣръ вы имѣете возможность приобрести. Вотъ вамъ балансъ вашего счета съ фирмой Джасперъ Веллакотъ, вплоть до сегодняшняго дня. Вотъ книга вашего счета въ банкѣ, съ первой записью въ графѣ: „кредитъ“, а вотъ и новенькая съ иголочки чековая книжка.

— Какая скука!—вскричалъ Бонни. Но тѣмъ не менѣе раскрылъ банковскую книгу, заглянулъ туда—и блѣдныя щеки его мгновенно вспыхнули румянцемъ.

— Джасперъ, вы дьявольски добры ко мнѣ. Это цѣлое состояніе. Но вы знаете, что я не могу принять отъ васъ такихъ денегъ. Вы не должны были этого дѣлать.

— Послушайте, юный идиотъ! — почти сердито крикнулъ Джасперъ. — Да вѣдь я же ничего вамъ не дарю. Вы сперва взглянитесь, а тамъ ужъ говорите.

Бонни повиновался, и его ненависть къ фунтамъ, шиллингамъ и пенсамъ внезапно исчезла, съ изумительной быстротою.

— Неужели все это вправду мое? За стихи и за драму? У меня за всю мою жизнь не было въ рукахъ такой уймы денегъ. Это потому, что вы взяли мои дѣла въ свои руки. Вы точно фокусникъ—проведете рукой по воздуху, и оттуда падаютъ золотые. Хотѣлъ бы я быть на вашемъ мѣстѣ.

— Не желайте этого, сынокъ. Этотъ фокусническій талантъ—проклятіе моей жизни.

Онъ успѣшилъ уклониться отъ всегда непріятной ему темы и перешелъ къ подробностямъ. Потомъ заговорилъ о славѣ, уже завоеванной Бонни, о свѣтломъ будущемъ, которое ожидаетъ его, когда онъ опять примется за работу. Но Бонни качалъ головой. Лицо его постепенно омрачалось: въ глазахъ снова появилось тоскливое выраженіе.

— Ничего хорошаго я ужъ не напишу. Я говорилъ вамъ, что я никуда больше не годенъ.

Джасперъ всталъ, взялъ спички съ камина, раскурилъ свою трубку и остался стоять.

— Голубчикъ, вы молоды — почти еще мальчикъ. Вы еще даже не пробовали высказаться, какъ мужчина, какъ взрослый.

— Именно потому, что я сразу сталъ взрослымъ, я и не могу больше высказываться. У меня выжили мое дѣтское сердце.

— Выжили дурь, а золото осталось.

Бонни схватился руками за голову.

— Господи! Да поймите же вы: я прошелъ сквозь Долину Сѣни Смертной. Я видѣлъ жизнь во всей ея неприкрытой наготѣ. Женщина, которую я любилъ, разорвала въ клочки мое сердце и швырнула ихъ мнѣ въ лицо. Я прокололъ насквозь птникомъ румянаго юношу съ голубыми глазами, котораго могъ бы полюбить, какъ брата—я и сейчасъ вижу его поблѣднѣвшія губы. А вы хотите, чтобъ я писалъ стихи! Кому это нужно?

— Она приходила въ Грэтъ-Горамъ-стритъ дня два спустя послѣ вашего бѣгства. — Джасперъ говорилъ о женщинѣ, вырвавшей сердце. — Вамъ слѣдуетъ это знать. Можетъ-быть, она не такая ужъ скверная, какъ вы думаете. Кто изъ насъ не грѣшенъ и не нуждается въ снисхожденіи?

Бонни смотрѣлъ прямо передъ собой, кусая губы.

— Вы знаете что-нибудь о ней? — спросилъ онъ вполголоса, послѣ долгой паузы.

— Ровно ничего. Можетъ-быть мнѣ и слѣдовало прослѣдить за ней. Но вѣдь всего не упомнишь. — Джасперъ вздохнулъ.

— Вы и такъ сдѣлали для меня больше, чѣмъ можетъ сдѣлать человѣкъ. Хорошо, что вы дали ей отойти въ вѣчность. Я не хочу больше знать и слышать о ней.

Улыбка состраданія и грусти скользнула по губамъ старшаго изъ собесѣдниковъ. Первый вопросъ и это восклицаніе не вязались между собою. Юношу выдавалъ и тонъ, и звукъ голоса... Джасперъ радовался, что онъ не слѣдилъ за Витторіей. Богъ съ

ней! Пусть себѣ убирается въ свой Неаполь, самое лучшее—въ кратеръ Везувія... Бѣдный мальчикъ!

Онъ прошелся по комнатамъ и остановился у письменнаго стола, на которомъ лежали, разбросанные, нѣсколько характерныхъ листковъ. Онъ взглянулъ на одинъ и радостно воскликнулъ:

— Эге! мой юный другъ! Да вы писали стихи! Зачѣмъ же обманывать насъ?

— О! Это не стихи.—Бонни устало повернулся къ нему.— Это вирши, и плохія. Я написалъ это, потому что тема вертѣлась у меня въ головѣ и дѣйствовала мнѣ на нервы,—чтобъ отдѣлаться.

Джасперъ собралъ листки и прочиталъ стихотвореніе, потомъ перечиталъ еще и еще. Потомъ, не выпуская его изъ рукъ, подошелъ къ Бонни и сталъ передъ нимъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ глядя на этого юношу, котораго онъ только-что жалѣлъ, и увѣщевалъ, и наставлялъ. И голосъ его вздрагивалъ, когда онъ заговорилъ:

— Вы не единственный, кто прошелъ черезъ Долину Смерти, но вы—единственный, кто сумѣлъ рассказать намъ, что онъ видѣлъ тамъ.

— Это ничего не стоитъ. На эту тему я могу писать хоть каждый день.

— Но, голубчикъ мой,—Джасперъ нагнулся и положилъ обѣ руки на спинку кресла Бонни, по обѣ стороны его головы,— это лучшее изъ всего написаннаго вами. Я мало смыслю въ поэзіи, но теперь начинаю смыслить, и знаю, что это великолѣпно. Тутъ слышны слезы и—онъ сдѣлалъ паузу, не находя нужнаго слова, и вдругъ нашелъ его,—и притомъ слезы въ мажорномъ ладѣ: въ минорномъ плакаться умѣетъ всякій.

Бонни вдругъ развеселился. Ему были свойственны эти неожиданныя и очаровательныя перемены настроенія.

— А знаете, Джасперъ, вѣдь вы сами немножко поэтъ.— Онъ засмѣялся, потягиваясь.—Бросьте эти глупыя вирши и всѣ эти дѣловыя бумаги и давайте, поговоримъ разумно.

Джасперъ положилъ листки въ свой карманъ.

— Это будетъ напечатано во вторникъ утромъ.

— Ради Бога! Не въ такомъ видѣ!—вскричалъ испуганный авторъ.—Я не могу печатать такія вирши за своею подписью. Я долженъ отдѣлать ихъ, отшлифовать. Вы думаете: написать стихотвореніе—это все равно, что снести яйцо. Здѣсь двѣ строчки даже не принимаютъ между собою.

— А если я верну вамъ ихъ, вы отдѣлаете ихъ для печати?

— Если это можетъ доставить вамъ удовольствіе.

— Хорошо,—засмѣялся Джасперъ.—Я вижу, выздоровленіе идетъ на ладъ.

Дамы вернулись изъ церкви. Алиція была очаровательна въ нѣжно-лиловомъ платьѣ. Онѣ зашли на минутку въ библіотеку справиться о больномъ и снова ушли къ себѣ, переодеваясь къ завтраку. Джасперъ нагналъ Алицію въ швейцарской и сунулъ ей въ руку листки.

— Бонни снова пишетъ стихи.

Глаза Алиціи засіяли.

— О! какъ я рада!

Она прочла стихи и вернула ихъ Джасперу, какъ будто разочарованная.

— Они такіе грустные. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ онъ писалъ о болѣе веселомъ.

— Но это чудные стихи.

— Да, чудные.—Она опять вздохнула.—Все, что онъ пишетъ, великолѣпно. Но...

Она не договорила и ушла къ себѣ наверхъ. Джасперъ отправился въ садъ, размышляя о загадочности и непонятности женщинъ. Единственнымъ недостаткомъ его божества было то, что она не умѣла цѣнить по достоинству лучшихъ произведеній Бонни. Но этотъ недостатокъ только низводилъ ее съ недосигаемыхъ холодныхъ высотъ на милую теплую землю. Отъ этого она казалась ему только болѣе человѣчной, болѣе достойной любви. Какъ музыкантъ прерываетъ слишкомъ ритмичный рядъ каденцъ диссонирующимъ аккордомъ, или художникъ кладетъ рѣзкій красочный мазокъ, чтобы гармонія его красокъ не была слишкомъ прѣсной, такъ и создатель Алиціи вложилъ въ ея натуру этотъ маленькій недостатокъ. Разумѣется, чтобы оцѣнить все это, надо было быть художникомъ, или музыкантомъ, или влюбленнымъ въ Алицію.

Джасперъ вернулся въ городъ готовиться къ отъѣзду. Онъ жаждалъ его, какъ школьникъ—вакацій. Надо же дать себѣ вздохнуть. Уже одно это само по себѣ будетъ счастьемъ. Сидя вечеромъ у раскрытаго окна и радостно представляя себѣ мирные гертфордскіе луга и прелестную женщину, возлѣ которой было такъ хорошо отдыхать, онъ вдругъ почувствовалъ особенно ярко, какъ тяготитъ его сознаніе своего одиночества въ жизни. Изъ всѣхъ людей въ мірѣ только трое были ему дороги, каждый по своему: Кодби, связанный съ нимъ незабываемыми переживаниями и преданной службой, и тѣ двое въ Гертфордширѣ, свя-

занные съ нимъ узами выдуманнаго ими родства. Несмотря на боль, которую ему причиняло сознаніе этой лжи, и на вѣчно ноющую рану его любви къ Алиціи, онъ привыкъ считать этихъ двоихъ какъ бы своими родными и страстно жаждалъ ихъ отвѣтной привязанности. Еслибъ. они, обнаруживъ обманъ, отвернулись отъ него, у него остался бы въ цѣломъ мірѣ одинъ единственный другъ. Такъ оно и было два года назадъ, и тогда онъ не жаловался. Но теперь было совсѣмъ другое. За эти два года онъ пережилъ слишкомъ много. При всей мучительности ихъ, это были единственные счастливые годы, какіе онъ зналъ въ своей жизни.

Онъ жаждалъ Грейбрука и отдыха. Но, прежде чѣмъ позволить себѣ эту роскошь, какъ это ни досадно, необходимо было съѣздить на бумагопрядильню въ Ланкаширѣ. Прежніе владѣльцы, оставленные имъ на жалованьѣ, въ качествѣ директоровъ-распорядителей, вели дѣло не такъ, какъ бы хотѣлось Джасперу, взгляды котораго они находили донъ-кихотскими. Въ интересахъ справедливости онъ чувствовалъ необходимость лично побывать на мѣстѣ и осмотрѣть все своими глазами. И онъ уѣхалъ, въ четвергъ, съ тѣмъ, чтобы вернуться въ пятницу и въ субботу отправиться въ отпускъ.

А въ четвергъ ночью Кодби, который вообще страдалъ безсонницей, былъ потревоженъ въ своемъ изученіи книги Шлегеля: „Шекспировскіе типы“, страннымъ шумомъ внизу, въ комнатѣ, служившей спальней Джасперу. Его часы показывали два. Сообразивъ, что Джасперъ врядъ ли могъ успѣть къ этому времени вернуться изъ Ланкашира и притомъ не сталъ бы пробираться къ себѣ домой, яко татъ въ ночи, маленький человѣчекъ всталъ съ постели, вставилъ въ глазъ монокль и преспокойно сталъ спускаться съ лѣстницы, въ ночномъ костюмѣ, болѣе чѣмъ когда-либо похожій на странную птицу. Къ удивленію его, дверь въ спальню Джаспера была открыта, и на площадку лились изъ нея потоки свѣта. Очевидно, Джасперъ вернулся. Секретарь безпечно вошелъ. Но на порогѣ глазамъ его представилось такое странное зрѣлище, что онъ поспѣшно отступилъ назадъ и спрятался за дверь, черезъ щель глядя въ комнату.

Беркъ, въ одномъ бѣльѣ, стоялъ возлѣ туалетнаго столика, на которомъ лежалъ раскрытый старомодный деревянный шюпиръ. При свѣтѣ опускной электрической лампочки Кодби видѣлъ лицо его въ профиль. Одной рукой онъ вцѣпился себѣ въ жидкіе волосы. Другой держалъ передъ собой старый засаленный бумажникъ. Ротъ его былъ полуоткрытъ, глаза непо-

движны, словно стеклянные. Онъ трясся всѣмъ тѣломъ. Эта-то мелодраматическая поза и заставила Кодби ретироваться. Затѣмъ онъ слегка повернулъ голову, и Кодби уже не видѣлъ, какъ по лицу его постепенно разлилось выраженіе торжества, какъ не видѣлъ и бумажника, на которомъ снаружи стояли полустертія золоченныя буквы: „Д. В.“ и внутри, между карманами, написано было такими же буквами: „Джасперъ Веллакоть“.

Беркъ качался взадъ и впередъ, словно пьяный. Потомъ онъ осторожно вложилъ бумажникъ обратно въ бюмпиръ, который заперъ и поставилъ его на полку, на прежнее мѣсто; затѣмъ, пошатываясь, пошелъ къ двери, издавая какіе-то нечленораздѣльные звуки сквозь стиснутые зубы. Онъ прошелъ мимо Кодби, не замѣтивъ его, и бѣгомъ кинулся внизъ по лѣстницѣ. Но Кодби бросился вслѣдъ за нимъ, догналъ его и гнѣвно схватилъ его за руку. Не ожидавшій толчка, Беркъ упалъ навзничъ и нѣкоторое время лежалъ въ растяжку на ступенькахъ, глядя на Кодби изумленными, полу-безумными глазами.

— Какого чорта вы дѣлали тамъ?—крикнулъ Кодби.

Беркъ посмотрѣлъ на него, тяжело дыша.

— Откуда вы взялись?—выговорилъ онъ съ усиленіемъ.

Видъ и поведеніе его были такъ необычны, что обезоружили справедливое негодованіе Кодби. Къ нему снова вернулось его обычное насмѣшливое спокойствіе.

— Я думаю, другъ мой, что предлагать вопросы надлежитъ мнѣ, а не вамъ. Будьте любезны объяснить, почему вы сочли себя вправѣ хозяйничать въ спальнѣ м-ра Веллакота.

Беркъ покачалъ головой.

— Ничего не знаю. Я очнулся только что, здѣсь. Это вы сбросили меня съ лѣстницы?

Онъ поднялся на ноги, протеръ глаза и глядѣлъ на Кодби съ угрюмой невозмутимостью.

— Я, должно быть, ходилъ во снѣ.

Кодби былъ пораженъ. Это объясненіе не приходило ему въ голову. Станный видъ Берка и то, что онъ прошелъ мимо секретаря, не замѣтивъ его, придавали ему нѣкоторое вѣроятіе.

— И часто это съ вами бываетъ?—спросилъ онъ.

— Да. Съ тѣхъ поръ, какъ я заболѣлъ тамъ, въ Австраліи.

— Ахъ, эта достопамятная болѣзнь! Вы постоянно ссылаетесь на нее. Повидимому, она многое объясняетъ.

— Это было лѣсное безуміе—временное помѣшательство, отъ одинокой жизни въ лѣсу. Вы, вѣроятно, знаете, что это значитъ.

— Дьявольски скверная штука!—вырвалось у Кодби.

— Послѣ него немногіе выживаютъ. У меня и теперь въ головѣ не все благополучно—все что-то дрожить и гудить. Вы иной разъ думаете, что я пьянъ, а я и въ ротъ ничего не бралъ. По всей вѣроятности, и мое хожденіе во снѣ объясняется этимъ.

— Почему же я раньше не слыхалъ объ этой вашей болѣзни?

— Откуда же вы могли слышать?

Кодби мысленно выругалъ себя дуракомъ, потому что слышать это онъ могъ только отъ Джаспера. И не отвѣтилъ. Странно, однако, что Джасперъ не упомянулъ объ этой ужасной лѣсной болѣзни, какъ о причинѣ мнимой смерти его дорожного спутника.

— Вы въ другой разъ въ такомъ состояніи не сбрасывайте меня съ лѣстницы,—послѣ минутнаго молчанія, вымолвилъ Беркъ,—а то я, чего добраго, и взаправду сойду съ ума.

— Очень сожалѣю,—возразилъ Кодби,—но если я снова застаю васъ странствующимъ во снѣ въ спальнѣ м-ра Веллкотта, боюсь, что я и въ другой разъ сдѣлаю то же. Доброй ночи.

Они разошлись по своимъ комнатамъ. Ложась въ постель, Кодби готовъ былъ усумниться въ коварствѣ и низости Берка. Вѣдь лѣсное безуміе, дѣйствительно, влечетъ за собою всякія мозговья разстройства. Эта болѣзнь объясняла многое—и скрытность Берка, и его подозрительность, его наглость, смѣшанную съ раболопствомъ, его склонность къ пьянству. Почему не допустить, что онъ, дѣйствительно, ходитъ во снѣ? Быть можетъ, подобно лэди Макбетъ, и у Берка на рукахъ есть какія-нибудь проклятыя пятна, которыя ему въ сомнамбулическомъ снѣ хотѣлось бы смыть. Это болѣе чѣмъ вѣроятно. Какъ бы то ни было, онъ забрался въ спальню Джаспера не съ цѣлью грабежа. Какъ человекъ благоразумный, Кодби скоро уснулъ. Но Беркъ всю ночь лежалъ съ открытыми глазами и не могъ успокоиться, такъ стучало у него и въ груди, и въ вискахъ.

XVIII.

„Чему быть, тому не миновать“, говорятъ фаталисты-итальянцы.

Умный Кодби предвидѣлъ это и предупреждалъ своего патрона, но, какъ это нерѣдко бываетъ съ пророками, за его старанія ему же и влетѣло. Элиноръ Коррей тоже вздумала про-

рочествовать—въ ущербъ себѣ самой. Лэди Люксморъ была слишкомъ хорошо воспитана, чтобы вмѣшиваться въ чужія дѣла, но и она чужла надвигающійся романъ и по своему, по старушечьи, радовалась этому. Въ сущности, каждый разумный человѣкъ, кромѣ Джаспера, могъ бы тутъ сыграть роль оракула, ибо при данныхъ обстоятельствахъ не могло случиться ничего иного, кромѣ того, что случилось.

Почему оно случилось именно въ этотъ день, никто не зналъ. Быть можетъ—потому, что Бонни, нѣсколько возбужденный шумнымъ успѣхомъ своей поэмы, посвященной войнѣ, и связанными съ этимъ эмоціями, и смотрѣлъ, и чувствовалъ себя болѣе усталымъ, чѣмъ обыкновенно. Быть можетъ—потому, что въ дыханіи августовскаго дня была разлита особая томная теплота. Быть можетъ—потому, что онъ поцѣловалъ руку Алиціи слишкомъ горячо для простой благодарности и глядѣлъ на нее взглядомъ, въ которомъ слишкомъ ясно читалась жажда утраченной жизни и счастья; Алиція же, какъ женщина, была тронута и взволнована этимъ и говорила то, чего раньше не рѣшилась бы сказать. Но когда утѣсь подточенъ водой и шатается, достаточно птичкѣ сѣсть на него, чтобы вызвать катастрофу.

Они сидѣли въ любимомъ уголѣ Бонни, за рододендронами, и вели между собою долгій разговоръ. Бонни нетерпѣливо жаловался, что выздоровленіе его затягивается, приходилъ въ отчаяніе, готовъ былъ потерять надежду. Душа у него болѣла не меньше, чѣмъ тѣло, и онъ страшился будущаго. Алиція утѣшала его ласковыми, успокоительными словами. По волѣ случая или той судьбы, которая гласитъ: *che sarà—sarà*, ея стулъ на этотъ разъ былъ поставленъ рядомъ съ его длиннымъ кресломъ, и когда она облокачивалась локтемъ на стулъ и подбородкомъ на руку, ея лицо приходилось не такъ ужъ далеко отъ его лица. И женское легкомысліе, трепетавшее на ея устахъ и дрожащихъ рѣсницахъ, легко передавалось ему.

— Я не трусь,—говорилъ Бонни,—но, мнѣ кажется, у меня не хватитъ мужества снова выйти на борьбу съ жизнью.

— А зачѣмъ это нужно?

— Я долженъ. Не могу же я вѣчно жить въ этомъ милomъ саду и подъ лаской вашихъ милыхъ глазъ.

— Почему не можете? — снова спросила она, тономъ, который могъ имѣть одно только значеніе.

— Вы хотите сказать?..

— Да, милый. Почему же нѣтъ?

— Это было бы раемъ.

— Правда?

— Прямо-таки раемъ. Въ цѣломъ мірѣ я люблю только васъ.

Онъ протянулъ къ ней обѣ руки, принялъ ее, нагнувшись, въ свои объятія и поцѣловалъ ее. Высвободившись изъ его объятій, она отвернула отъ него пылающее лицо и глаза, полные слезъ, и подняла книгу, соскользнувшую съ ея колѣнъ.

— Боюсь, что я очень безразсудна, Бонни милый.

— Конечно—потому что пожалѣли такую развалину.

Она быстро, съ укоромъ, повернулась къ нему.

— Не говорите такихъ вещей. Это обидно. Я люблю васъ ради васъ самого,—не изъ жалости. Я не могу не любить васъ. Я говорю, что я безразсудна, потому что...

Она запнулась. Онъ улыбнулся, взялъ ее за руку. Спросилъ:— Почему?—Она опять приблизила къ нему свое лицо и печально посмотрѣла на него.

— Потому что я стара для васъ, Бонни милый.

Она заплакала. Молодой человѣкъ нѣжно утѣшалъ ее. Повинуясь зовущему пожатію его руки, она присѣла на подножку его кресла, и онъ притянулъ ее къ себѣ, такъ что голова ея легла къ нему на грудь. Онъ сталъ доказывать Алиціи, жаждавшей, чтобъ ее убѣдили, что это ничего не значитъ, что она всегда и вѣчно будетъ такой же милой и прелестной, какъ теперь. Онъ, Бонни, пережилъ такъ много, что чувствуетъ себя старше вотъ этихъ холмовъ, отъ вѣка стоящихъ тутъ. Она вытерла слезы, поправила волосы, и они продолжали говорить уже спокойно. Ничего особеннаго какъ будто и не случилось. Не содрогнулась земля, не разверзлось небо. Духи не слетѣлись къ нимъ шумной толпой, когда уста ихъ слились въ поцѣлуй. Настоящее было тѣмъ же, чѣмъ и недалекое прошлое. Туманное будущее представлялось рядомъ такихъ же мягкихъ, теплыхъ лѣтнихъ дней, какъ этотъ. Поцѣлуй Бонни были медлительны и нѣжны; болѣе сладостнаго ощущенія Алиція никогда еще не испытывала, но они не бросали ее въ дрожь, не затемняли ясности ея взора, не заставляли ее стыдливо краснѣть, очаровательно потупляя рѣсницы. Все ея существо было полно спокойной нѣжностью. Сердце билось чуточку быстрѣй, чѣмъ всегда, отъ сознанія торжества. Но и только. То былъ день полу-боговъ. Алиція была вполне довольна. Ей и въ голову не приходило спрашивать себя, можетъ ли въ жизни быть что-нибудь лучшее.

Золотой августовскій вечеръ прошелъ тихо и мирно, въ спокойной бесѣдѣ. Лэди Люксморъ уѣхала къ старой своей пріятельницѣ, жившей за двѣнадцать миль отъ Грейбрука. Джа-

сперъ, уже около недѣли, какъ поселившійся въ одинокомъ коттеджѣ и каждый день навѣщавшій ихъ, отправился побродить пѣшкомъ по окрестностямъ. Они были одни, и никто не мѣшалъ имъ. Горничная доложила, что чай поданъ на лужайкѣ, подъ сикоморой. Они, не спѣша, пошли туда, и Алиція, съ сладкимъ сознаніемъ своего права, настояла на томъ, чтобы Бонни оперся на ея руку.

Передъ ними тянулась обязательная большая терраса, къ которой вела красивая, широкая лѣстница. Терраса была обсажена подстриженными тисами, на ней геометрически правильно были разбиты цвѣточныя клумбы, а надъ нею высился помѣщичій домъ архитектуры временъ королевы Елизаветы, теплаго, красно-кирпичнаго цвѣта, просторный и удобный. Лэди Алиція граціозно указала рукой въ его сторону.

— Это тоже чисто англійское, не правда ли?

Онъ кивнулъ головой. И прибавилъ, сдвинувъ брови:

— Но я не могу жить на ваши деньги, Алиція. Это было бы ужъ совсѣмъ не по-англійски.

— Этого и не будетъ, — возразила она. — Когда вы выздоровѣете, вы сами заработаете цѣлое состояніе своими стихами и пьесами. Это совершенно несомнѣнно. И, пожалуйста, не будемъ больше говорить объ этомъ. Одинъ разъ, можетъ быть, и слѣдовало затронуть этотъ вопросъ, но если мы позволимъ деньгамъ стать между нами, это все испортитъ. У васъ будетъ вполне достаточно собственныхъ денегъ. Смотрите, сколько вы уже заработали. „Carmina“ вышли двадцатымъ изданіемъ. Я сама видѣла объявленіе въ вечерней газетѣ. Общайте мнѣ, Бонни, милый, что вы никогда больше не будете говорить объ этомъ.

Въ теплой, золотистой дымкѣ августовскаго дня, въ томной радости выздоровленія, возвращенія къ жизни, сознанія, что слава впереди обезпечена, когда мерещатся цѣлыя груды золота, общаться это было нетрудно. И невольно юноша-поэтъ подчинилъ свою гордость волѣ полу-боговъ, управлявшихъ этимъ днемъ. Перспектива долгой и безмятежной жизни съ милой, преданной женщиной, такой чистой душою, и сердцемъ, и тѣломъ, съ женщиной, къ которой онъ всегда былъ глубоко привязанъ, которая даже на зарѣ жизни, правда—очень недолго, была его первой романтической и безразсудной любовью, представлялась ему рядомъ мирно текущихъ годовъ, которые заставятъ его забыть все волнующее и больное.

— Я очень счастливъ, Алиція, — выговорилъ онъ послѣ долгой паузы.

Эти слова звучали музыкой въ ея ушахъ. — Я буду стараться, милый, чтобъ вы всегда чувствовали себя такъ же, — было ея отвѣтомъ.

Поднимаясь по ступенямъ лѣстницы, Бонни сдѣлалъ черезчуръ рѣзкое движеніе и тотчасъ же сѣлъ, съ легкимъ стономъ боли. Алиція была вся ласка, вся нѣжность.

— Ужъ и не знаю, когда я опять стану правоспособенъ, — озабоченно говорилъ Бонни. — А надо поторопиться, потому что, клянусь, дорогая, я не позволю вамъ выйти за калѣку.

— За кого хочу, за того и выйду, — улыбнулась Алиція.

На другое утро Джасперъ, стоя въ воротахъ своего коттеджа, въ раздумьи покуривалъ трубочку, — совсѣмъ такъ, какъ онъ въ былое время и въ другой странѣ курилъ, отдыхая послѣ тяжелаго трудового дня. Онъ наслаждался каждой минутой своего отдыха, наслаждался и сейчасъ ароматнымъ утромъ, зеленою луговъ и полей, раскинувшихся передъ нимъ, неспѣшной, бродячей жизнью, которая шла мимо по большой проѣзжей дорогѣ. Вчера онъ поздно вернулся съ своей прогулки пѣшкомъ, усталый и голодный, съ аппетитомъ сѣлъ свой скромный ужинъ и проспалъ цѣлыхъ девять часовъ. Хорошо было пожить вдали отъ Лондона, погулять на солнышкѣ, по зеленымъ полямъ. Онъ уже чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Къ тому же, онъ сбросилъ съ себя бремя заботъ и отвѣтственности. Даже недоброжелательные взгляды Берка и особенная ироническая его усмѣшка на прощанье, передъ отъѣздомъ Джаспера на вокзалъ, не тревожили и не волновали его. Впрочемъ, онъ не зналъ о ночномъ приключеніи своего секретаря. Изъ Ланкашира онъ вернулся такимъ изможденнымъ и былъ такъ мальчишески счастливъ на другое утро, собираясь въ заслуженный отпускъ, что у Кодби не хватило духу прибавлять ему непріятностей и докуки, рассказомъ о походахъ Берка. Еслибы маленькій человѣкъ не поберегъ его и рассказалъ ему объ этомъ случаѣ, Джасперъ связалъ бы это съ другими странностями, уже подмѣченными имъ въ Беркѣ, и вывелъ бы отсюда нѣкоторые опредѣленные заключенія. Тѣнь этого человѣка, какъ всегда, омрачила бы ему радость отдыха, и онъ не стоялъ бы такъ безопасно у воротъ и не курилъ бы своей трубочки въ такомъ блаженномъ спокойствіи.

Онъ задумчиво разглядывалъ жирныхъ коровъ, которыхъ гналъ по дорогѣ мальчишка пастухъ, и вспоминалъ былые дни, когда онъ самъ, такой же мальчишка, безъ шапки, оборванный и босоногій, пасъ коровъ и ходилъ за скотомъ, какъ вдругъ ласковое: „Добраго утра“, заставило его обернуться, и онъ увидалъ лэди Алицію. На

ней была шляпа изъ грубой соломы, съ желтыми розами подъ отогнутымъ краемъ, у самыхъ волосъ, и блѣдно-соломеннаго цвѣта просторное утреннее платье, а на рукѣ болталась пустая корзиночка. Она объяснила, что носила варенье больнымъ и уже проходила мимо этихъ воротъ двадцать минутъ назадъ. Но его тогда здѣсь не было. А теперь идетъ домой. Почему бы ему не пойти вмѣстѣ съ нею?

— А какъ нашъ больной? — спрашивалъ онъ, идя рядомъ вмѣстѣ съ нею.

— Сегодня онъ очень счастливъ, — отвѣтила она скромно.

— Такъ и должно быть. Всякій долженъ чувствовать себя счастливымъ въ такое чудное утро.

Она застѣнчиво посмотрѣла на него, и онъ замѣтилъ, какъ постепенно сгущался румянецъ на ея щекахъ.

— Я, по крайней мѣрѣ, счастлива, — выговорила она. И, помолчавъ, прибавила: — Случилось нѣчто, о чемъ я должна сказать вамъ, Джасперъ.

Онъ, улыбаясь, вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Я хотѣла бы, чтобъ вы сами догадались, — выговорила она мягко.

И просунула свою маленькую руку въ перчаткѣ подъ его локоть. Въ ея тонѣ и жестѣ было столько нѣжности, что безумная мысль сверкнула въ его мозгу и сердце заколотилось, какъ бѣшеное. Можетъ быть, она какими-нибудь таинственными путями догадалась объ его любви, и это — признаніе? Мужчина, влюбленный, даже когда любовь его — трагедія, можетъ быть иной разъ совершеннѣйшимъ идиотомъ.

— Ну, если вы не догадываетесь, придется сказать вамъ. Вы — самый близкій нашъ другъ. Бонни и я очень счастливы. Какъ только онъ выздоровѣетъ, мы обвѣнчаемся.

Онъ инстинктивно отшатнулся отъ нея и остановился. Рука ея выскользнула изъ его руки. Двѣ-три безконечныхъ секунды онъ смотрѣлъ на нее растерянными, недоумѣвающими глазами. Потомъ, усиленіемъ воли взявъ себя въ руки, разсмѣялся и выговорилъ растерянно:

— Мнѣ бы ни за что не угадать. Я думалъ совсѣмъ о другомъ.

— Но вы рады — не правда ли?

— О, да! Очень радъ. Я надѣюсь, что это принесетъ счастье вамъ обоимъ. Кромѣ васъ у меня въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ никого близкаго. Это — лучшее, что могло случиться.

Онъ самъ не зналъ, что говорить. Небо для него опустѣло, мѣръ превратился въ хаосъ. До этого момента, когда она уже

навѣки ускользнула отъ него, онъ не сознавалъ, какъ страстно онъ желалъ ея. Въ этомъ человѣкѣ жили глубокія страсти, и борьба, происходившая въ его сердцѣ, причиняла ему жестоку ю боль. Но женщина, шедшая съ нимъ рядомъ, глядя въ его суровое, изборожденное морщинами лицо, не знала объ этомъ и не догадывалась. Они прошли нѣсколько шаговъ молча. И еще разъ Джасперъ преодолѣлъ въ своей душѣ безуміе и страсть, и вышелъ побѣдителемъ изъ жизненной борьбы.

— Мнѣ и въ голову не приходило, что между вами можетъ быть такое... Прямо таки въ голову не приходило. Вы простите мое изумленіе, Алиція, и примите мои самыя горячія поздравленія.

Онъ ласково улыбался и жалъ ей руку. Они дошли до дому. Бонни принималъ поздравленія нѣсколько сконфуженно и цитировалъ Спенсеровскія строки: „сонъ послѣ работы, тихая пристань послѣ бурныхъ морей, отдыхъ послѣ войны“. Онъ пришелъ въ тихую пристань, гдѣ передъ нимъ открываются райскія сѣни. *On revient toujours à ses premières amours.* Развѣ Джасперъ не зналъ, что Алиція была его первой любовью? Семнадцати лѣтъ онъ былъ безумно влюбленъ въ нее. Потомъ долго гонялся за ложными божествами и, наконецъ, вернулся, къ единому настоящему. Конецъ скитаньямъ и бурямъ. Онъ вычеркиваетъ изъ своей жизни все мятежное, какъ цензура въ Россіи вычеркиваетъ изъ газетъ вольнодумныя мѣста, и начинаетъ сначала. И Джасперъ также долженъ пересмотрѣть имѣющіяся у него частныя свѣдѣнія о Бонами Тредгольдѣ и хорошенько процензуровать ихъ.

— Попробую,—сказалъ Джасперъ и, встрѣтивъ тревожный взглядъ Бонни, придвинулъ свой стулъ ближе къ нему.

— Скажите мнѣ одно. Лэди Алиція достойна того, чтобы любой мужчина отдалъ ей свое сердце цѣликомъ. Вы можете это сдѣлать? То, другое, прошло и забыто?

— Оно давно превратилось въ ненависть. Все принадлежитъ Алиціи.

— Тогда все такъ, какъ должно быть.

Но Джасперъ не былъ убѣжденъ и, отказавшись отъ завтрака, ушелъ къ себѣ, чтобы обдумать все наединѣ съ самимъ собой. На душѣ у него было тяжело: его угнетало предчувствіе катастрофы. Его собственная любовь играла тутъ роль лишь постольку, поскольку она запрещала ему всякое активное вмѣшательство. Его любовь съ самаго начала была преступна, безнадежна, безъ будущаго. Если онъ давеча утромъ пошатнулся подъ

нежданнымъ ударомъ, это было неразумно. Лучшее, что можно сдѣлать, это — ступеваться самому и порадоваться за любимую женщину, которой улыбнулось счастье. Но есть ли чему радоваться? Счастье ли это? Трудно было найти двухъ людей болѣе различныхъ, менѣе подходящихъ другъ къ другу. Это-то несходство и заставило его возмутиться предостереженіемъ Кюдби, какъ полной нелѣпостью. Онъ былъ увѣренъ, что Алиція заботится о юнопѣ съ материнской нѣжностью, что привязанность ихъ обоихъ къ Бонни одного и того же характера. Онъ не осуждалъ Алицію. Чтò тутъ удивительнаго, что она полюбила Бонни? Можно ли было не полюбить его? Но это было нехорошо.

Уже одна разниа возраста сама по себѣ не сулила счастья. Да и не любилъ ее Бонни по настоящему. Это было очевидно, для человѣка, допущеннаго въ огненные нѣдра его души. Онъ женится на ней изъ благодарности: это затянувшееся выздоровленіе создаетъ ему иллюзію, что онъ никогда уже больше не захочетъ отъ жизни ничего, кромѣ покоя. Когда къ нему вернутся силы, и съ ними прежняя изумительная кипучесть души, онъ пойметъ свою ошибку и разобьетъ или ея сердце, или свое. И геній его пострадаетъ отъ этого. Джасперъ слишкомъ хорошо зналъ, какъ относилась Алиція къ лучшему, что вылилось изъ глубины души поэта. Его темпераментъ требуетъ вдохновенія, поддержки, горячей симпатіи. А этого Алиція не можетъ дать ему. Слѣдовательно, онъ или отойдетъ отъ нея душою и будетъ жить обособленной жизнью художественныхъ эмоцій, или же, убаюканный безмятежностью ихъ существованія, совсѣмъ не будетъ писать. И то, и другое будетъ несчастьемъ для милой женщины.

Но предпринять онъ ничего не могъ. Какъ геройски ни душилъ онъ свою любовь, порою она вырывалась изъ-подъ его власти. Какую роль во всемъ этомъ играетъ эгоизмъ, дикая радость сознавать, что если женщина, которую любишь, не принадлежитъ тебѣ, зато она, по крайней мѣрѣ, не принадлежитъ и никому другому — онъ самъ не могъ опредѣлить. Ему противно было приписывать себѣ такіа низкія побужденія. Это было бы измѣной самому чистому и святому, что у него было въ жизни. Нѣтъ, дѣйствовать онъ не могъ: руки его были связаны.

Прошло два дня. Онъ обѣдалъ въ Грейбрукѣ. Обыкновенно онъ сидѣлъ за столомъ на почетномъ концѣ, напротивъ лэди Алиціи. Въ этотъ вечеръ онъ посадилъ на свое мѣсто Бонни, а самъ сѣлъ по правую руку лэди Алиціи и напротивъ лэди Люксморъ. Алиція покраснѣла, но, видимо, была довольна.

— Вы всегда будете считать это мѣсто своимъ, Джасперъ, не правда ли?—спросила она, съ граціознымъ намекомъ на будущее.

— Ну, разумѣется!—воскликнулъ Бонни.—Развѣ не онъ—основа и оплотъ нашей конституціи, наша добрая фея въ мужскомъ костюмѣ? Милый старый Джасперъ! Въ тѣ дни, когда его не будетъ съ нами, мы будемъ сажать на его мѣсто за столъ его мраморную статую.

— Онъ будетъ съ нами, въ нашихъ сердцахъ: это лучше,—сказала Алиція.

— Вы оба въ моемъ сердцѣ,—просто отвѣтилъ Джасперъ.

Оба очень ухаживали за нимъ, съ инстинктомъ благородныхъ натуръ усиливаясь доказать, что перемена въ ихъ отношеніяхъ можетъ только сблизить ихъ всѣхъ троихъ. Бонни предложилъ выпить за его здоровье и произнесъ небольшую рѣчь, шутливую и нѣжную. Джасперъ взялъ руку Бонни и руку Алиціи и выговорилъ:

— Благослови Боже васъ обоихъ.

— Теперь я знаю, что вы рады,—шепнула Алиція.

И все-таки, несмотря на свою любовь къ нимъ, въ душѣ Джасперъ не радовался.

Позже, когда мужчины ушли покурить—больному теперь позволяли иногда выкурить папироску—Бонни задумчиво страхнулъ пепелъ на блюдечко и спросилъ:

— А что—Алиція знаетъ что-нибудь о Витторіи? Я никогда не спрашивалъ васъ.

— Она знаетъ только, что вы уѣхали на войну изъ-за любовной исторіи—изъ-за любви къ дѣвушкѣ, вдохновившей васъ на „*Carmina Amoris*“. Ничего больше.

— Спасибо. Это и лучше.

Не желая продолжать разговоръ на эту непріятную тему, онъ всталъ и предложилъ присоединиться къ дамамъ. Джасперъ послѣдовалъ за нимъ въ гостиную. Дамы разбирали только-что поданную вечернюю почту. Алиція подала Джасперу письмецо.

— Это отъ Сигримовъ. Помните, вы встрѣчались съ ними въ Эксѣ? Они только-что узнали, что вы здѣсь, и просятъ васъ завтра, вмѣстѣ со мною и съ тетей Фебой, на ихъ garden-party. Вѣдь мы съ ними сосѣди. Я и забыла объ этой garden-party,—сказала она послѣ маленькой паузы, во время которой Джасперъ пробѣжалъ пригласительную записку.—Другія вещи, болѣе важныя, вытѣснили это изъ моей головы.

Она улыбнулась и слегка покраснѣла. Джасперъ хмурился и вертѣлъ въ рукахъ записку.

— Вы знаете, я неинтересный гость для такихъ праздниковъ. Нельзя ли мнѣ остаться здѣсь, стеречь Бонни?

— Не желаю я вовсе, чтобъ вы оставались, — запальчиво, какъ бывало, воскликнулъ Бонни. — Мнѣ теперь надо зарабатывать кусокъ хлѣба, и я не желаю, чтобы мнѣ мѣшали.

— А я сама была свидѣтельницей одной garden-party, которою вы остались очень довольны.

— Да, тотъ праздникъ далъ мнѣ очень много, — подтвердилъ Джасперъ, вспомнивъ Букингемскій дворецъ и то, какъ она своей прелестной улыбкой разсѣяла его мрачное настроеніе.

— Можетъ-быть, и этотъ будетъ удаченъ, — сказала Алиція.

Онъ уступилъ. Весь вечеръ они весело болтали и смѣялись и на прощанье рѣшили, что дамы заѣдутъ за Джасперомъ по дорогѣ къ Сигримамъ.

— Вы тамъ будете львомъ, — замѣтилъ Бонни, — такъ постарайтесь же за ночь выработать себѣ соотвѣтствующее рыканіе — учтиво-медовое, но въ то же время и съ нотками, повергающими въ трепетъ дерзновенныхъ.

Джасперъ сталъ прощаться. Бонни, въ качествѣ будущаго хозяина, проводилъ его до подъѣзда.

— Доброй ночи, Бонни.

Но юноша не выпускалъ руки своего друга и серьезно, настойчиво заглядывалъ ему въ глаза.

— Мнѣ надо сказать вамъ словечко, Джасперъ. Вы были для меня отцомъ и братомъ, и матерью, и если я люблю васъ больше всѣхъ на свѣтѣ, это — лишь слабая попытка отплатить вамъ за все, что вы для меня сдѣлали. Скажите мнѣ, хорошо ли я дѣлаю, что женюсь на Алиціи? Имѣю ли я право на это? Она такая дивная. Развѣ я стою ея!

— Если вы ее любите по-настоящему, это не можетъ быть нехорошо для нея.

— Люблю. Но это не совсѣмъ то, о чемъ я хотѣлъ говорить. Предположимъ, что какой-нибудь другой человѣкъ, въ тысячу разъ достойнѣе меня — о! не въ смыслѣ умѣнья писать стихи — на это способенъ всякій бумагомаратель — нѣтъ, какъ человѣкъ — болѣе меня способный сдѣлать ее счастливой, хотѣлъ бы жениться на ней — какъ вы думаете, имѣлъ бы я право стать на его дорогѣ?

— Такъ какъ я не знаю никого, кто подходилъ бы подъ это описаніе, вы можете успокоиться.

— Навѣрное? Вы увѣрены въ этомъ? Ради Бога, скажите мнѣ. Джасперъ выразилъ на лицѣ своемъ необычайное изумленіе.

— Ужъ не на меня ли вы намекаете, сынокъ?

— Откровенно говоря—да.

— Милый мой мальчикъ, я давно отжилъ свое, и такъ же не могу жениться на леди Алиціи Гарденъ, какъ не могу жениться на занзибарской султаншѣ. Ея дружба даетъ мнѣ успокоеніе и отдыхъ отъ многихъ заботъ, но инныя мысли не входили въ мою голову.

— Вы не сочтете меня осломъ за то, что я предполагалъ это? Джасперъ засмѣялся.

— А еслибы и такъ. Участъ невиннаго счастливаго молоденькаго ослика гораздо завиднѣе, чѣмъ участъ поэта, страдающаго угрызеніями совѣсти. А что касается того, достойны ли вы Алиціи, спросите объ этомъ свое сердце. Только оно можетъ вамъ отвѣтить. Господь съ вами, сынокъ. Не стойте такъ долго въ сырости.

Онъ ушелъ, бросивъ юношѣ веселое: „Доброй ночи!“—но какъ только онъ запагалъ по дорогѣ, улыбка сбѣжала съ его лица. Даже трагическій фарсъ его отреченія отъ любви выдалъ на его губахъ лишь мимолетную кислую усмѣшку. Онъ долго стоялъ въ дверяхъ коттеджа, задумчиво буя свою трубочку, но и это не принесло ему облегченія. На сосѣднемъ каштанѣ кричала сова, и этотъ крикъ дѣйствовалъ ему на нервы. Онъ вошелъ въ комнату и нашелъ у себя на столѣ письма, пришедшія съ вечерней почтой. Одно изъ нихъ было отъ Кодби, со вложеніемъ вырѣзки изъ копеечной вечерней газетки. На поляхъ карандашомъ стояла саркастическая пометка: „Кто говоритъ, что въѣкъ романовъ умеръ?“ Заметка была озаглавлена: „Пропавшая невеста“ и въ ней комическимъ газетнымъ слогомъ рассказывалась любопытная исторія. Карло Антонелли, владѣлецъ „Отеля Бомбони“, обратился въ судъ съ ходатайствомъ объ арестѣ его племянницы, Витторіи Антонелли, бѣжавшей изъ его дома ночью, наканунѣ своей свадьбы съ его компаньономъ, Джузеппе Скарпи, который также сопутствовалъ огорченному дядѣ. На вопросъ судьи, не унесла ли дѣвушка съ собою чего-нибудь, ей не принадлежащаго, итальянцы рассказали цѣлую путаную исторію о какой-то сложной денежной сдѣлкѣ. Выходило, что дѣвушка, не выполнивъ своего обѣщанія выйти замужъ за компаньона Антонелли, нарушила договоръ и, такъ сказать, лишила одного изъ нихъ тѣхъ денегъ, которыя онъ долженъ былъ получить отъ другого. Судья сердито отклонилъ нелѣпую жалобу и заявилъ синьору Антонелли, что если онъ желаетъ разыскивать свою племянницу, то можетъ при-

бѣгнуть къ обычнымъ способамъ публикаціи: черезъ полицію и черезъ газеты. Итальянцы ушли, переругиваясь между собою на родномъ своемъ языкѣ.

Джасперъ сложилъ вырѣзку, сунулъ ее въ карманъ и пожалъ плечами. Характерно-вульгарный репортерскій слогъ составлялъ въ надлежащемъ свѣтѣ грязную вульгарность всей этой комедіи.

— Слава Богу, мальчикъ теперь въ сторонѣ отъ всего этого, — сказалъ онъ себѣ, распечатывая другія письма.

Перев. съ англійск. З. ЖУРАВСКАЯ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

О

В. К. ФОНЪ-ПЛЕВЕ

I.

Воспоминанія мои касаются не столько личности всесильного государственнаго дѣятеля, сколько той попытки систематическаго, строго научнаго изученія рабочаго вопроса въ Россіи, которая предпринята была мною, по его порученію, въ началѣ 1903-го года. Своимъ случайнымъ и кратковременнымъ знакомствомъ съ В. К. Плеве—знакомствомъ, продолжавшимся съ 6-го января 1903 г. до 12-го іюля 1904 г.,—я обязанъ академику Ив. Ив. Янжулу. Въ концѣ декабря 1902 г. онъ прямо отъ министра заѣхалъ ко мнѣ и сообщилъ, что, не имѣя возможности принять на себя сдѣланное ему предложеніе, указалъ В. К. Плеве на меня, какъ на спеціалиста, который можетъ разобраться въ дѣлѣ систематическаго изученія нуждъ рабочаго населенія. Я высказалъ опасеніе, что для меня, какъ общественнаго дѣятеля, прослужившаго въ московскомъ земствѣ съ 1879-го года, непосредственное сношеніе съ жестокимъ противникомъ всякой общественной самодѣятельности представляется чрезвычайно рискованнымъ. Узнавъ, однако, что дѣло идетъ лишь о чисто научномъ изслѣдованіи, по образцу производимыхъ иностранными бюро статистики труда, я нашелъ, что не слѣдуетъ отказываться отъ такого предложенія. Оно вполне соответствовало тому, что въ теченіе многихъ лѣтъ высказывалось мною въ печати, но оставалось для административныхъ сферъ „гласомъ вопіющаго въ пустынь“.

Вечеромъ 6-го января 1903 г. я былъ въ первый разъ у В. К. Плеве. Онъ встрѣтилъ меня просто и съ привѣтливымъ видомъ, безъ всякой напыщенности и олимпійскаго величія. По широкимъ плечамъ, могучему торсу онъ напоминалъ не столько властительнаго министра, сколько сановитаго помѣщика добраго стараго времени. Свободно выражаясь, онъ въ плавной, неторопливой, тихой рѣчи какъ бы ронялъ слово за словомъ, съ какой-то разсѣянной задумчивостью, производя впечатлѣніе челоуѣка одинокаго, усталаго, извѣдавшаго жизнь и людей. Цвѣтъ лица его былъ блѣденъ, густые сѣдые усы характерно окаймляли ротъ, коротко стриженные волосы серебрились, но замѣчательнѣе всего были его брови, отъ времени до времени сурово нахмуривавшіяся подъ вліяніемъ того или иного душевнаго настроенія...

Послѣ предварительныхъ вопросовъ, касавшихся моей дѣятельности въ прошломъ и въ настоящемъ, В. К. началъ бесѣду въ своеобразной формѣ, какъ бы устанавливая этимъ основной тонъ предстоявшаго разговора.

— Я пригласилъ васъ, чтобы сдѣлать предложеніе, исходящее, такъ сказать, „изъ Назарета“, т.-е. изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, къ которому вы по своимъ знакомствамъ, по всей своей дѣятельности, вѣроятно, не питаете особаго довѣрія... Дѣло въ томъ, что лѣтъ двадцать тому назадъ я близко былъ знакомъ съ рабочимъ вопросомъ; мнѣ, совместно съ Ив. Ив. Янжуломъ, много пришлось потрудиться при составленіи новыхъ фабричныхъ законовъ въ началѣ 80-хъ годовъ. Съ тѣхъ поръ я довольно сильно поотсталъ въ этой области и хотѣлъ бы пополнить свои свѣдѣнія болѣе поздними, современными данными. Можете ли вы удѣлить полтора-два часа въ день на составленіе докладной записки, въ которой вы изложили бы, не стѣсняясь ни формой, ни содержаніемъ, ни объемомъ, свои соображенія о численности рабочихъ въ Россіи, объ условіяхъ ихъ жизни и о тѣхъ нуждахъ трудящагося населенія, какія возможно было бы устранить при сохраненіи существующаго самодержавнаго строя? Какъ вы полагаете, осуществимо ли это, по вашему мнѣнію? Что же касается перемѣны образа правленія, то о ней—при этомъ онъ внушительно помахалъ указательнымъ пальцемъ—ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.—

Съ моей стороны послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ, такъ какъ въ то время я былъ убѣжденнымъ сторонникомъ мнѣнія германскаго проф. Шенберга, не чуждаго мнѣ даже и теперь, что „реформа условій труда не имѣетъ партійнаго, политическаго характера: это—общее дѣло, и въ немъ могутъ и должны слиться

всѣ политическія партіи, забывъ свою рознь“. Для русскихъ рабочихъ слишкомъ мало было сдѣлано по законодательной охранѣ условій ихъ труда и ихъ жизни, которыми не только не интересовались, но даже воспрещалось интересоваться въ печати и при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ. Все вниманіе было исключительно обращено на одностороннее, безсистемное покровительство отдѣльнымъ крупнымъ предпринимателямъ, съ полнымъ пренебреженіемъ къ мелкой промышленности, къ огражденію жизни и здоровья рабочихъ, къ образцовымъ учрежденіямъ соціальной экономіи, вообще къ тому, что, напр., въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ обозначается общимъ терминомъ „Industrial betterment“. При всякомъ политическомъ строѣ много полезнаго можно было бы сдѣлать въ этой области, ради чего и было мною предпринято изданіе особаго ежемѣсячнаго журнала по охранѣ труда, когда прежняя дѣятельность въ московской губерніи, по состоянію моего здоровья, стала для меня невозможной.

Получивъ приглашеніе пожаловать къ министру, я могъ предположить, что рѣчь будетъ, между прочимъ, идти и объ издававшемся мною журналѣ („Вѣстникъ профессиональной гигиены и фабричнаго законодательства“); но разговоръ коснулся его лишь въ общихъ чертахъ, да и то потому, что я принесъ съ собою полный экземпляръ вышедшихъ книжекъ. Плевѣ развернулъ одну изъ нихъ, посмотрѣлъ оглавленіе статей на обложкѣ и, обративъ вниманіе на подпись автора подъ одной изъ нихъ: „Татищевъ“ (псевдонимъ находившагося тогда въ административной ссылке извѣстнаго русскаго писателя по рабочему вопросу), спросилъ, не нашъ ли это коммерческій агентъ въ Лондонѣ? Въ отвѣтъ на мое сѣтованіе, какъ трудно вести въ Россіи специальное изданіе, какъ неосновательно придирчива цензура, министръ самодовольно замѣтилъ: „Ну, что касается цензурныхъ стѣсненій, то вамъ теперь едва ли есть основаніе жаловаться: ни при одномъ министрѣ не допускалось такого широкаго обсужденія рабочаго вопроса въ печати, какъ при мнѣ“... Приходилось промолчать, хотя этимъ словамъ рѣзко противорѣчили факты изъ моей редакторской дѣятельности: задержка выхода книжекъ, объясненія съ цензоромъ доводили меня иногда до крайняго нервнаго раздраженія.

Министръ предложилъ мнѣ занять временно скромную штатную должность старшаго редактора Центрального Статистическаго Комитета, съ правомъ непосредственнаго доклада, внѣ обычнаго іерархическаго порядка. Съ цѣлью имѣть болѣе определенное положеніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, я согласился

на это предложеніе. За статистическими матеріалами, собранными въ 1902 г., во исполненіе циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ, по всѣмъ губерніямъ, областямъ и отдѣльнымъ городамъ имперіи, предстояло обратиться къ директору департамента полиціи А. А. Лопухину, съ которымъ Плеве уже раньше переговаривалъ, сдѣлавъ распоряженіе, чтобы для меня былъ открытъ доступъ и къ другимъ свѣдѣніямъ, какія мнѣ могутъ понадобиться. Это послѣднее было очень соблазнительно для моей научной любознательности, такъ какъ только тамъ, въ особомъ отдѣлѣ фабрично-заводской промышленности, и можно было найти наиболѣе интересные документы, въ дополненіе къ тѣмъ, которые уже имѣлись въ моемъ распоряженіи по министерству финансовъ. Но, съ другой стороны, перспектива вступить въ непосредственное сношеніе съ департаментомъ полиціи не особенно была привлекательна даже для такого вѣй-партійнаго спеціалиста, какъ я. Это, очевидно, не укрылось отъ проницательнаго взора Плеве, такъ какъ онъ въ одно изъ послѣдующихъ нашихъ свиданій, можно сказать, ребромъ поставилъ вопросъ. „Я замѣтилъ, что вы питаете органическое отвращеніе къ департаменту полиціи и стараетесь уклониться отъ того, чтобы имѣть дѣло съ нимъ. Это для меня понятно, принявъ во вниманіе ту среду, въ которой вамъ приходилось и приходится вращаться“.

Доступъ къ архивнымъ документамъ департамента полиціи и вообще къ перепискѣ его по фабричнымъ дѣламъ А. А. Лопухинъ не призналъ, однако, возможнымъ мнѣ разрѣшить, ссылаясь на то, что разборъ такого обширнаго матеріала замедлитъ исполненіе непосредственно порученной мнѣ министромъ работы—а, можетъ быть, и по другимъ соображеніямъ. И, пожалуй, онъ былъ правъ, такъ какъ, дѣйствительно, живые факты изъ прошлой и современной рабочей жизни отвлекли бы меня отъ скучной, медлительной разработки мертвыхъ, въ началѣ не внушавшихъ къ себѣ довѣрія цифръ.

Мысль о возможности насильственной смерти была, по видимому, всегда близка самому Плеве. При одномъ изъ моихъ посѣщеній дачи на Аптекарскомъ островѣ Плеве приблизился ко мнѣ вплотную, круто выдвинувъ впередъ свою грудь, по своимъ слишкомъ рѣзкимъ очертаніямъ невольно внушавшую предположеніе что она облечена панциремъ. Безъ всякаго видимаго повода В. К. какъ-то разъ сказалъ мнѣ: „Вы полагаете, что я такъ-таки просто рѣшился бы допустить васъ къ себѣ и оставался бы долгое время наединѣ съ вами, не наведя предварительно всѣ необходимыя

справки?.. А вдругъ бы вы пырнули меня кинжаломъ?“ Такое неожиданное замѣчаніе въ ту минуту было принято мною за добродушную шутку, мало отличавшуюся отъ тѣхъ, которыя мнѣ и раньше приходилось слышать отъ министра, когда онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа; но, можетъ-быть, оно было сдѣлано и съ намѣреніемъ... Въ другой разъ я слышалъ отъ него слѣдующія слова: „Вы — человѣкъ не отъ міра сего и не въ состояніи понять, почему мы вынуждены принимать такіа суровыя, подчасъ жестокія мѣры, которыя, конечно, ни вы, ни всѣ ваши либеральные и радикальные друзья не могутъ одобрить, или имъ сочувствовать; а между тѣмъ историческая необходимость заставляетъ насъ къ нимъ прибѣгать...“ Жестокъ былъ Плевѣ — и, большею частью, безъ особенной надобности — по отношенію къ тѣмъ, кого онъ считалъ врагами государственнаго порядка и противниками его узкой, односторонней политики. Я могу, однако, подтвердить, что, несмотря на свою прямолинейную суровость, онъ умѣлъ выслушивать правду, которую ему говорили въ глаза; выше всего онъ ставилъ полную откровенность и всегда былъ за нее благодаренъ. Это было и мнѣ заявлено, въ самомъ искреннемъ тонѣ, при первомъ же нашемъ свиданіи, когда я просилъ разрѣшенія высказываться при дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ нимъ вполне откровенно даже въ томъ случаѣ, если мнѣніе мое будетъ идти вразрѣзъ съ его личными взглядами и предположеніями. „Я усиленно прошу васъ объ этомъ“ — сказалъ мнѣ министр. — „Кто, подобно вамъ, долго занимался извѣстнымъ вопросомъ, много думалъ надъ нимъ, тотъ всегда можетъ высказать соображенія, которыми полезно воспользоваться, стоя даже на противоположной точкѣ зрѣнія“.

Всѣ единогласно признавали изумительную трудоспособность Плевѣ. Мои докладныя записки были иногда очень обширны (20 — 30 листовъ, переписанныхъ на машинѣ Ремингтона) и, надо сознаться, содержали черезчуръ много мелкихъ подробностей; въ то время мнѣ казалось необходимымъ схватить въ полномъ объемѣ цѣлый рядъ вопросовъ, такъ быстро обострившихся и осложнявшихся въ Россіи. И можно было, дѣйствительно, удивляться интересу къ дѣлу и поразительному терпѣнію министра, который, въ такой тревожный моментъ, при самыхъ тяжкихъ условіяхъ государственной дѣятельности, ни разу не выразилъ мнѣ порицанія за неумѣстную, быть-можетъ, растянутость изложенія представляемыхъ ему соображеній, діаметрально противоположныхъ, притомъ, преобладавшей въ то время „политикѣ рабочаго вопроса“.

Когда я показалъ рукопись одному изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, весьма извѣстному публицисту по рабочему вопросу, онъ настойчиво совѣтовалъ сократить докладъ, утверждая, что министръ не станетъ его даже и перелистывать, а прямо передастъ кому-либо изъ своихъ чиновниковъ, для составленія удобочитаемаго краткаго извлеченія. Я не считалъ возможнымъ послѣдовать этому совѣту, находя, что по такому сложному и въ Россіи мало разработанному вопросу лучше вовсе ничего не говорить, нежели ограничиться общими мѣстами и сжатымъ очеркомъ. На всякій случай я приложилъ къ запискѣ подробный конспектъ ея содержанія, съ указаніемъ соответственныхъ страницъ рукописи, и подчеркнул тѣ мѣста, на которыхъ желательно было сосредоточить наибольшее вниманіе. Можно было быть почти увѣреннымъ, что, дѣйствительно, мой докладъ испугаетъ своимъ объемомъ и не будетъ прочитанъ, въ виду болѣе срочныхъ, важныхъ и неотложныхъ дѣлъ, которыми въ то время заваливали министра. И въ числѣ послѣднихъ были нерѣдко такіе, которые, казалось, вовсе не должны были входить въ кругъ его вѣдомства и непосредственныхъ интересовъ. Такъ на примѣръ, одинъ разъ на огромномъ столѣ въ пріемной залѣ вершителя судебъ обширной имперіи я съ величайшимъ изумленіемъ увидалъ двѣ какихъ-то пестрыхъ дамскихъ кофточки или накидки, которыя съ любопытствомъ разсматривали, въ ожиданіи приглашенія въ кабинетъ министра, прибывшіе изъ провинціи губернаторы, предсѣдатели земскихъ управъ, земскіе начальники и др. Оказалось, что какому-то полковнику „взбрело на умъ“ спасти Россію проектомъ ловли сусликовъ для выдѣлки изъ нихъ модныхъ дамскихъ накидокъ, ради чего онъ заказалъ у знаменитаго Ворта въ Парижѣ два образца, которые и принесъ Плеве, съ просьбою его одинъ изъ нихъ представить вниманію государыни императрицы. По прошествіи довольно значительнаго времени полковникъ вернулся изъ кабинета въ пріемный залъ съ двумя кофточками въ рукахъ, вступилъ въ оживленную бесѣду съ дежурнымъ чиновникомъ и съ другими лицами, что-то имъ настойчиво доказывая, а затѣмъ удалился, видимо не удовлетворенный малымъ сочувствіемъ министра къ его проекту.

Не оправдались, однако, опасенія относительно судьбы моего доклада: министръ имъ заинтересовался, внимательно просмотрѣлъ его и въ общихъ чертахъ одобрилъ представленную мною предварительную схему программы изслѣдованія, предоставивъ полную свободу въ дальнѣйшей дѣятельности. Взялъ онъ съ меня лишь обѣщаніе, что я не буду становиться „въ прямую оппозицію

съ правительствомъ“, ибо, какъ онъ выразился, „всеаки вы какой ни на есть чиновникъ“, и что приглашенные мною по вольному найму барышни „не будутъ печатать революціонныхъ прокламацій въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ“. Хотя лично для него „это совершенно безразлично, но всеаки было бы нежелательно, во избѣжаніе разговоровъ“. Когда же я въ послѣдствіи пожелалъ получить отъ него болѣе подробныя инструкціи и указанія, то мнѣ на это былъ данъ слѣдующій отвѣтъ: „Мое правило — никогда ни въ чемъ не стѣснять при исполненіи поручаемой мною кому-либо работы, если данное лицо внушаетъ мнѣ довѣріе и я убѣдился въ томъ, что оно въ состояніи быть для меня полезнымъ. Давать вамъ какія-либо указанія или инструкціи равносильно было бы тому, еслибы я, дѣлая заказъ извѣстному скульптору, пришелъ къ нему въ мастерскую и сталъ бы указывать, какъ онъ долженъ держать въ рукахъ рѣзецъ... Ученаго учить — только портить и мѣшать ему проявить свое творчество или самодѣятельность. Предоставляю вамъ полный просторъ при вашихъ работахъ, но прошу только отъ времени до времени сообщать мнѣ о ходѣ ихъ. Результатами изслѣдованія могутъ воспользоваться въ послѣдствіи хотя бы ваши радикальные друзья, — насмѣшливо прибавилъ онъ — когда захотятъ подсчитать боевую готовность русской рабочей арміи...“

II.

Какъ ни сильна была моя антипатія къ формулѣ „тащить и не пущать“, къ упорному стремленію Плеве ограничивать всякое проявленіе общественнаго почина и самодѣятельности, къ несправедливому, суровому образу дѣйствій его относительно земства, все же ближайшія сношенія съ нимъ оставили во мнѣ отчасти благопріятное впечатлѣніе. Это былъ, несомнѣнно, человѣкъ желѣзнаго характера, безпощадный и прямолинейный, когда дѣло касалось примѣненія его политическихъ и административно-полицейскихъ формулъ, но искренно убѣжденный въ справедливости своихъ взглядовъ и дѣйствій. Чрезвычайно простой въ обращеніи и въ разговорѣ, ненавидѣвшій общія фразы и льстивыя заискиванія („подлиза“ — рѣзко отозвался онъ какъ-то въ бесѣдѣ со мной объ одномъ чиновникѣ другого вѣдомства, стремившемся внушить ему наиболѣе выгодное впечатлѣніе о себѣ), онъ терпѣливо выслушивалъ даже непріятныя ему замѣчанія, былъ податливъ на фактическую аргументацію, всецѣло отдавалъ себя государственнымъ

дѣламъ и заботамъ. Лишь однажды, по поводу моего нѣсколько рѣзкаго и откровеннаго замѣчанія, его характерныя густыя брови сердито насупились и онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ: „все же вамъ не слѣдуетъ забывать, что вы разговариваете не только съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но и съ шефомъ жандармовъ...“ „Предпочитаю видѣть въ васъ лишь министра и умнаго государственнаго дѣятеля, — возразилъ я, — но никакъ не шефа жандармовъ, съ которыми у меня нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго“.

Съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ онъ приносимыя ему мною картограммы и діаграммы, дѣлая иногда замѣчанія относительно не вполне удачнаго, по его мнѣнію, въ смыслѣ наглядности, подбора красокъ и т. п. И подчасъ изумляла его, повидимому, искренняя отзывчивость на мои сѣтованія, что приходится слишкомъ скудно вознаграждать усидчивый трудъ временно приглашеннаго для счетныхъ и чертежныхъ работъ персонала. По поводу моего заявленія, что счетчицы, для ускоренія подсчета, занимаются въ отведенномъ мнѣ чердачномъ помѣщеніи надъ Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, днемъ и вечеромъ, въ двѣ смѣны, не имѣя возможности уходить домой по дальности разстоянія, онъ участливо спросилъ: „Бѣдняжки, а гдѣ же онѣ питаются?“

Послѣ моего объясненія, что временно приглашенный персоналъ пользуется устроеннымъ при министерствѣ общимъ буфетомъ, но получаемая ими небольшая плата (по двугривенному за часъ) вынуждаетъ ихъ большей частью питаться въ сухоматку — чаемъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, министръ замѣтилъ: „Можете передать отъ моего имени, что я постараюсь увеличить ихъ содержаніе и что имъ удастся сохранить свои мѣста, когда кончатся ваши предварительныя работы. Впрочемъ, разрѣшаю теперь же увеличить для нихъ поденную плату, по вашему усмотрѣнію“.

Когда общіе подсчеты приходили къ концу и число счетчицъ постепенно стало сокращаться, одна изъ нихъ просила меня помочь ей поступить на службу въ почтамтъ, о чемъ я наивно сообщилъ Плеве, предполагая, что онъ непосредственно направитъ меня къ П. Н. Дурново — товарищу министра, завѣдывавшему почтовымъ вѣдомствомъ; но онъ съ явной насмѣшкой сказалъ: „Что же я могу сдѣлать? Если вы принимаете въ ней такое участіе, то я могъ бы ее направить къ кому-нибудь съ визитной карточкой. Согласитесь сами, не могу же я ѣздить по всему Петербургу искать мѣста для вашихъ безработныхъ барышень“.

За три дня до катастрофы я засталъ его, 12 іюля 1904 года, особенно грустно-задумчивымъ и сосредоточеннымъ на какой-то затаенной мысли, видимо его удручавшей. Помолчавъ нѣкоторое время, онъ предложилъ мнѣ слѣдующій вопросъ:—Я убѣдился, что вы основательно изучили рабочій бытъ и хорошо освѣдомлены относительно его современныхъ условій... Скажите, какого вы мнѣнія о такъ называемой „зубатовщинѣ“ и могла ли она повліять на общій ходъ рабочаго движенія въ Россіи?—

Надо замѣтить, что московская зубатовщина, какъ одна изъ формъ полицейскаго социализма, зародилась въ то время, когда я, оставивъ службу въ московскомъ земствѣ по разстроенному здоровью, четыре мѣсяца прожилъ за границей, ревностно собирая коллекціи для устроивавшагося тогда при московскомъ техническомъ обществѣ, по моему проекту, на пожертвованныя г. Леденцевымъ 50 тыс. рублей, „Музея содѣйствія труда“, по образцу парижскаго „Соціального музея“. Впрочемъ, мнѣ очень хорошо были извѣстны тѣ обстоятельства, при которыхъ дѣйствовали самъ Зубатовъ и его приспѣшники, сознательные и безсознательные. По возвращеніи въ Москву мнѣ легко было убѣдиться, что эта злополучная затѣя будетъ имѣть самыя нежелательныя послѣдствія для расширенія дѣятельности „Музея содѣйствія труда“ съ одной стороны, а съ другой — для мирнаго упорядоченія рабочаго вопроса путемъ законодательныхъ мѣропріятій и учрежденій соціальной экономіи вообще. Между тѣмъ система „полицейскаго социализма“, которая всегда и вездѣ кажется столь привлекательной и „умиротворяющей“ для лицъ, лишенныхъ возможности вникать въ психологическія настроенія рабочихъ массъ и въ историческій ходъ ихъ партійно-профессіональнаго развитія, широко примѣнялась въ то время почти всюду въ Россіи. Условія петербургской промышленной жизни всегда рѣзко отличались своими характерными особенностями: численнымъ преобладаніемъ рабочихъ по металлу, наиболѣе развитыхъ въ умственномъ отношеніи, начитанныхъ, лучше оплачиваемыхъ, наименѣе осѣдлыхъ, подвижныхъ въ поискахъ большаго заработка; сосредоточеніемъ огромной массы приплагаго трудящагося населенія въ самой столицѣ и въ ея пригородахъ (19 тыс. мѣстныхъ и около 140 тыс. пришлыхъ, по свѣдѣніямъ за 1902 г.), въ худшей экономической и санитарной обстановкѣ, нежели въ другихъ промышленныхъ центрахъ; упрочившимся въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ существованіемъ тайныхъ, весьма вліятельныхъ политическихъ кружковъ, и многимъ другимъ. Та ложная, деморализующая и революціонизирующая система, въ родѣ зу-

батовщины и т. п., въ неосновательности которой уже раньше пришлось убѣдиться Бисмарку, неизбежно всего скорѣе должна была именно въ Петербургѣ повлечь за собою непредвидѣнные авторами ея послѣдствія, включая столкновения съ полиціей и вооруженной силой. Въ виду этого, пользуясь съ самаго начала предоставленнымъ мнѣ правомъ высказывать свои соображенія съ полною откровенностью, я долженъ былъ дать министру слѣдующій отвѣтъ: „Зубатовщина всюду внесла страшную деморализацію. Не пройдетъ двухъ-трехъ лѣтъ, рабочій вопросъ вырвется на улицу и произойдетъ столкновение, послѣдствія котораго никто не въ состояніи учестъ“... Въ то время отъ меня была далека мысль, что такое зловѣщее предсказаніе осуществится очень скоро, такъ какъ не представлялось еще возможнымъ принять въ расчетъ обычное вліяніе неудачныхъ войнъ. Все же мое замѣчаніе произвело, видимо, впечатлѣніе на Плеве, который сталъ еще болѣе задумчивымъ и, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, замѣтилъ:

— Да, вы правы... Я и самъ теперь вижу, что преждевременно было вызывать такое движеніе среди русскихъ рабочихъ...

Послѣдовала новая пауза; затѣмъ Плеве, принявъ свой обычный тонъ, предложилъ мнѣ показать ему, что я принесъ новаго по работѣ, внимательно разсматривалъ картограммы, дѣлалъ техническія замѣчанія и терпѣливо выслушивалъ мои разъясненія. Не думалъ я, что это было наше послѣднее свиданіе, послѣ котораго сведены были къ нулю всѣ прежнія мечты о созданіи въ Россіи самостоятельнаго и независимаго, виѣ-вѣдомственнаго „Комитета труда“.

При самыхъ благопріятныхъ презнаменованіяхъ принялся я за составленіе подробной докладной записки для Плеве, которая, казалось мнѣ тогда, должна была открыть новую эпоху въ исторіи инспекціи и статистики труда. Едва ли кому приходилось заниматься учеными изысканіями при столь исключительныхъ обстоятельствахъ, въ особенности если принять во вниманіе любезное содѣйствіе, которое я встрѣтилъ со стороны бывшаго въ то время директоромъ Центрального Статистическаго Комитета Н. А. Тройницкаго. Свобода дѣйствій, предоставленная мнѣ министромъ, усиливала нравственную отвѣтственность, учетверяла энергію въ работѣ.

Помимо доступа въ пріемные дни, Плеве заявилъ, что въ утренніе часы по праздникамъ онъ бываетъ свободенъ и всегда

будетъ радъ меня видѣть. Никогда, однако, не рѣшался я злоупотреблять предоставленнымъ мнѣ правомъ и появлялся у него въ пріемной лишь въ томъ случаѣ, когда надо было представить ему письменный докладъ, показать вновь изготовленные графики или испросить дополнительную ассигновку на продолженіе своихъ все болѣе и болѣе расширявшихся работъ—а это, само собою разумѣется, могло происходить лишь чрезъ очень продолжительные промежутки времени.

Могу сказать, что я съ увлеченіемъ и съ возрастающимъ интересомъ всецѣло предавался своей работѣ, исполненіемъ которой министръ меня не торопилъ, предоставивъ мнѣ полный просторъ въ смыслѣ срока и самой программы. Сначала возложенное на меня въ столь общей и неопредѣленной формѣ порученіе представлялось чѣмъ-то въ родѣ квадратуры круга. Съ одиннадцати часовъ утра и до двухъ часовъ ночи, къ немалому изумленію и огорченію департаментскихъ сторожей, просиживалъ я въ душномъ, низкомъ мансардномъ помѣщеніи, отрываясь только на короткое время, чтобы закусить въ ближайшемъ ресторанѣ. Трудно было, однако, отрѣшиться отъ мысли, что вся моя программа можетъ пайти примѣненіе только черезъ нѣсколько лѣтъ. А между тѣмъ политическія событія и рабочее движеніе шли несравненно быстрѣе, чѣмъ широко задуманная работа, начать которую слѣдовало бы пятнадцать-двадцатью годами раньше, когда рабочій вопросъ еще не находился въ томъ критическомъ положеніи, какое приходится наблюдать клиницистамъ въ концѣ второй недѣли тяжелаго брюшного тифа...

Въ устныхъ и письменныхъ докладахъ Плеве я открыто ставилъ неблагоприятный „прогнозъ“ вѣроятнаго исхода запущенной болѣзни. Въ частности указывались: грозовая туча нависшей съ 90-хъ годовъ надъ Россіей тяжелой промышленной безработицы, оскудѣніе стороннихъ крестьянскихъ заработковъ, возрастаніе численности безземельнаго фабрично-заводскаго населенія, прогрессивно усиливавшееся на моихъ глазахъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, ослабленіе его нервно-психическихъ устоевъ.

Въ основѣ всѣхъ моихъ статистическихъ подсчетовъ и докладныхъ записокъ, составленныхъ для Плеве, включая также краткій отчетъ о поѣздѣ въ Поволжье (съ 15-го іюля до 15-го сентября 1903 г.), которая доставила мнѣ весьма обширный и разнообразный матеріалъ, почти исключительно лежало выясненіе необходимости организовать въ Россіи центральное и мѣстныя учрежденія по инспекціи и статистикѣ труда, а равно установить условія взаимодѣйствія административныхъ инстанцій

и органовъ земско-думскаго самоуправления по охранѣ интересовъ рабочаго населенія. И въ настоящее время, несмотря на рѣзко измѣнившіяся съ тѣхъ поръ условія, я продолжаю думать, что въ правильномъ развитіи такихъ учреждений заключается одно изъ самыхъ надежныхъ средствъ для упорядоченія рабочаго вопроса въ ближайшемъ будущемъ, хотя, конечно, и не для коренного его рѣшенія.

До сихъ поръ представляется для меня необъяснимой психологической загадкой, чѣмъ обусловливались и почти до самой смерти поддерживались уваженіе, довѣріе, пожалуй даже симпатія, которыя мнѣ почему-то удалось внушить такому суровому, необщительному и недовѣрчивому даже къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ министру, при отсутствіи какихъ-либо общихъ точекъ соприкосновенія. Въ особенности это мало понятно, если принять во вниманіе, что нѣкоторыя изъ моихъ предложеній (о необходимости предоставленія рабочимъ широкаго права самостоятельныхъ профессиональныхъ организацій, о внѣ-полицейскомъ предупрежденіи стачекъ или забастовокъ и пр.) должны были бы ему казаться неосуществимыми и небезопасными. Не допускаю и мысли, что Плеве могъ думать о превращеніи меня въ ученаго пособника нѣкогда излюбленной — не столько имъ, сколько другими вліятельными лицами, системы „полицейскаго социализма“. Для этого онъ былъ слишкомъ опытнымъ психологомъ и хитроумнымъ прокуроромъ, да и съ моей стороны ему достаточно часто приходилось выслушивать откровенныя заявленія, помимо той „энциклопедіи“ рабочаго вопроса, которую, по выраженію одного моего знакомаго, представляли, будто бы, всѣ составленныя мною докладныя записки. У Плеве создалось даже относительно меня такое представленіе, будто бы мнѣ чуждо все, что такъ или иначе не соприкасается съ интересами рабочаго люда.

— Думаю, — сказалъ онъ какъ-то мимоходомъ, — что еслибы вамъ предоставить право распорядиться нашимъ государственнымъ бюджетомъ, то половину его вы отчислили бы на народное образованіе, а остальную половину — на инспекцію труда...

— Слишкомъ долго служилъ я въ московскомъ земствѣ по многимъ уѣздамъ, чтобы быть такимъ одностороннимъ специалистомъ — послѣдовалъ мой отвѣтъ. — Признавая безусловную необходимость широкаго распространенія общаго и профессионально-техническаго народнаго образованія, а также правильной организаціи инспекціи труда, я ни на одну минуту не могъ бы забыть, что существуетъ цѣлый рядъ другихъ государственныхъ

нуждѣ, требующихъ неотложнаго удовлетворенія и, слѣдовательно, соотвѣтственныхъ денежныхъ средствъ. Притомъ, повсемѣстное введеніе общей промысловой инспекціи и не потребовало бы слишкомъ значительныхъ, непомянутыхъ затратъ.

Своихъ личныхъ симпатій Плевѣ не считалъ нужнымъ скрывать и отъ другихъ. Сообщая временному замѣстителю Н. А. Тройницкаго, В. А. Евреинову, распоряженіе о выдачѣ мнѣ дополнительной ассигновки на производство работъ, а также о томъ, чтобы меня не отвлекали какими-либо другими служебными дѣлами, онъ шутливо замѣтилъ: „Можете сообщить въ департаментъ общихъ дѣлъ, что г. Погожевъ занятъ экстренно важнымъ порученіемъ, которое я на него возложилъ, и пользуется особеннымъ расположеніемъ „дѣдушки“, т.-е. моимъ“.

Можно было, пожалуй, предположить, что министръ-временщикъ задумалъ дѣйствительно произвести коренную реформу рабочаго законодательства и рѣшилъ держать меня пока въ запасѣ, или же мое содѣйствіе требовалось для искуснаго проведенія интриги противъ тогдашняго министерства финансовъ. Этому, однако, мало соотвѣтствуетъ то, что Плевѣ, къ великому моему благополучію и удовольствію, видимо избѣгалъ привлекать меня къ участию въ какихъ-либо совѣщаніяхъ, комиссіяхъ и вообще къ административной дѣятельности по рабочему вопросу, которая велась по прежнему, изстари заведенному порядку другими чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ напримѣръ, въ 1904-мъ году имъ была учреждена особая комиссія, подъ председательствомъ товарища министра П. Н. Дурново, съ назначеніемъ дѣлопроизводителемъ ея ген.-майора А. М. Золотарева и съ приглашеніемъ, въ качествѣ консультанта, инспектора кievскаго фабричнаго округа, А. А. Микулина. И въ то же время онъ просилъ меня, не стѣсняясь объемомъ и формой изложенія, представить ему соображенія относительно тѣхъ основаній, на которыхъ слѣдовало бы вообще организовать инспекцію труда, что и было мною исполнено 12-го іюля, въ послѣднее свиданіе, упомянутое мною выше. Эта обширная записка стоила мнѣ спѣшнаго, напряженнаго труда и, казалось, могла бы облегчить дѣятельность всѣхъ послѣдующихъ многочисленныхъ совѣщаній по тому же вопросу; но дальше кабинета Плевѣ она не пошла.

Иные склонны были думать, что министру просто нравились мои фактически мотивированные письменные и устные доклады, при чемъ первые были изложены, какъ всѣ находили, въ живой литературной формѣ, а не въ видѣ обычныхъ официальныхъ донесеній, съ стереотипными канцелярскими оборотами. А можетъ

быть въ данномъ случаѣ подтвердилось лишній разъ, что „природа любитъ контрасты“. По шутивому выраженію одного недавно скончавшагося петербургскаго сановника, Плеве, будто бы, нравилось лишь то, что онъ выдумалъ меня для какихъ-то своихъ соображеній, въ послѣдствіи утратившихъ значеніе, а затѣмъ и не зналъ, куда бы ему притенуть оказавшагося для него непригоднымъ ученаго спеціалиста. Такая дружеская шутка не находитъ подтвержденія въ дальнѣйшемъ ходѣ событій, хотя, правда, министръ и выражалъ иногда сожалѣніе, что я и вновь назначенный тогда директоръ Центральнаго Статистическаго Комитета, какъ „два медвѣдя въ одной берлогѣ“, не можемъ ужиться, ибо въ противномъ случаѣ „ему легче было бы осуществить то дѣло, для котораго онъ меня пригласилъ“. Дѣйствительно, при преeminіи Н. А. Тройницкаго положеніе мое становилось все болѣе тяжелымъ и неопредѣленнымъ. Я рѣшилъ обратиться къ министру съ письмомъ, отъ 20 декабря 1903 г., указавъ на желательность „выяснить дальнѣйшее направленіе моей дѣятельности въ предстоящемъ году“. На этомъ письмѣ Плеве собственноручно сдѣлалъ отмѣтку на имя директора, слѣдующаго содержанія: „Прошу ознакомиться съ этой работой и съ прочими трудами г. Погожева, при семъ прилагаемыми. Желалъ бы по содержанію этихъ трудовъ переговорить съ вами при старшемъ редакторѣ Погожевѣ въ четвергъ, 29 января“. Эта отмѣтка можетъ служить характеристикой покойнаго министра, какъ администратора, въ высшей степени деликатно относившагося къ своимъ подчиненнымъ. Всякій другой на его мѣстѣ выслушалъ бы единоличный докладъ того лица, которому былъ порученъ разборъ моихъ трудовъ, а затѣмъ потребовалъ бы отъ меня, опять-таки отдѣльно, дополнительныхъ объясненій. Между тѣмъ, Плеве пожелалъ устроить очную ставку автора и критика, чтобы самому опѣнить, кто правъ и кто ошибается—а это для меня лично представляло огромное преимущество, ибо давало возможность непосредственно высказывать свои возраженія.

— Переданныя мнѣ на разсмотрѣніе работы—такъ началъ мой оффиціальный рецензентъ—весьма интересны въ научномъ отношеніи и могли бы составить имя ихъ автору въ ученomъ мірѣ; но для вашего высокопревосходительства и вообще для министерства внутреннихъ дѣлъ онѣ, по моему мнѣнію, не представляютъ никакого практическаго значенія.

— Полагаю—возразилъ я на это, подѣ влияніемъ внезапно овладѣвшаго мною нервнаго раздраженія возвысивъ нѣсколько свой и безъ того очень звучный голосъ,—что всякое статисти-

ческое изслѣдованіе, преслѣдующее какія-либо заранѣе намѣченныя практическія цѣли, не можетъ быть названо ученой работой, но является лишь профанаціей, оскверненіемъ науки... Порученіе, не имѣющее ничего общаго съ серьезной, безпристрастной разработкой даннаго вопроса, несравненно быстрѣе могъ бы исполнить любой чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ что не было бы и надобности прибѣгать къ моему содѣйствію. Мои статистическія работы пользуются достаточною извѣстностью въ ученомъ мірѣ, и ручательствомъ за каждую сообщаемую мною цифру можетъ служить пріобрѣтенная мною раньше репутація.—

Послѣ такой реплики Плевѣ наклонился въ сторону директора и сказалъ ему нѣсколько словъ такъ тихо, что я не могъ ихъ слышать. Затѣмъ, послѣ дальнѣйшаго обмѣна замѣчаній относительно моихъ работъ,—при чемъ онъ мягкимъ, спокойнымъ, внушительнымъ тономъ вносилъ отдѣльныя поправки въ слишкомъ рѣзкія выраженія съ моей стороны,—мнѣ было дано понять, что я могу удалиться. Съ моимъ рецензентомъ министръ просидѣлъ еще около двадцати минутъ, разговаривая, вѣроятно, о текущихъ дѣлахъ и, въ частности, можетъ быть, по поводу возложеннаго на меня порученія. Надо полагать, что предлагалось исполнить послѣднее въ кратчайшій срокъ безъ моего содѣйствія: одному изъ редакторовъ Статистическаго Комитета вскорѣ же было поручено объѣздить всѣ соотвѣтственныя учрежденія (министерство финансовъ, горный департаментъ, статистическій отдѣлъ министерства путей сообщенія и пр.), чтобы собрать свѣдѣнія о числѣ рабочихъ. Для составленія же особой карты исполнскихъ размѣровъ, съ нанесеніемъ на нее условныхъ значковъ, специально былъ приглашенъ чертежникъ изъ Главнаго военнаго штаба.

Такимъ образомъ то, что для меня было „квadrатурой круга“ и требовало большой затраты времени и силъ, по мнѣнію директора Статистическаго Комитета сводилось къ простому и легкому подсчету. Между тѣмъ, я находился въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ. Всѣ официальные печатные и даже рукописные матеріалы и раньше были у меня подъ руками за цѣлый рядъ лѣтъ, а въ нѣкоторыхъ отдѣльных вѣдомствахъ я считался какъ бы „своимъ“, близкимъ человекомъ, съ которымъ не приходится стѣсняться, если только нѣтъ особаго распоряженія о соблюденіи канцелярской тайны. Мнѣ было хорошо извѣстно, гдѣ и у кого хранятся свѣдѣнія, почему-либо для меня интересныя. Мою любознательность по различнымъ отдѣламъ рабочаго

вопроса въ теченіе многихъ лѣтъ знали и столоначальники, и начальники отдѣленій, и даже высшіе чины разныхъ вѣдомствъ. Уже при первомъ свиданіи съ министромъ финансовъ С. Ю. Витте, когда онъ убѣдился, что я вовсе не представляю изъ себя „коварнаго интригана“ въ тогдашней его борьбѣ съ Плеве, было сдѣлано распоряженіе по министерству о предоставленіи въ мое пользованіе даже сокровенныхъ матеріаловъ. Достаточно указать, что одинъ очень видный чиновникъ министерства финансовъ не могъ добиться разрѣшенія использовать собранныя чинами инспекціи за 1900-ый годъ весьма подробныя свѣдѣнія по всѣмъ отдѣльнымъ промышленнымъ предпріятіямъ — а я безпрепятственно откомандировалъ студента и нѣсколькихъ счетчицъ для выписки на специально отпечатанные съ этой цѣлью бланки всѣхъ интересовавшихъ меня данныхъ изъ упомянутаго огромнаго и весьма цѣннаго матеріала, что потребовало болѣе трехъ недѣль усидчивой работы днемъ и вечеромъ.

Столько же времени потребовалось и моему конкуренту для подсчета общей численности рабочихъ и для составленія огромной, красиво исполненной карты Россіи. Это не только не ухудшило моего положенія, но, наоборотъ, доставило мнѣ еще большую независимость и новую дополнительную ассигновку на продолженіе изысканій по статистикѣ труда. Вскорѣ послѣ перваго свиданія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ я считалъ необходимымъ побывать также и у его политическаго противника — министра финансовъ С. Ю. Витте, которому, какъ мнѣ стало извѣстно изъ бесѣды съ однимъ моимъ другомъ, все дѣло было представлено въ самомъ превратномъ видѣ. Онъ уже былъ предупрежденъ относительно моего посѣщенія проф. Иванюковымъ и потому встрѣтилъ меня очень привѣтливо, хотя и съ отбѣнкомъ нѣкоторой недовѣрчивости. Очень любопытно было сравнить внѣшній видъ, манеру обращенія, тонъ разговора, отдѣльныя мнѣнія и сужденія двухъ выдающихся, столь несходныхъ между собою государственныхъ дѣятелей того времени, о которыхъ, судя по отрывочнымъ слухамъ, съ полнымъ правомъ можно было сказать: „то сей, то онъ на боеъ гнется“. Сходство того и другого, независимо отъ ихъ закулисной, чуждой и неинтересной для меня борьбы за первенство и власть, одинаково было мнѣ необходимо въ цѣляхъ практическаго осуществленія той „политики рабочаго вопроса“, которая представлялась, по моему мнѣнію, единственною желательной, хотя и находилась въ непримиримомъ противорѣчьи съ исходными пунктами какъ министерства внутреннихъ дѣлъ, такъ и министерства финансовъ.

Съ тою же сановитою вѣжливостію и простотою, какъ и Плеве, началъ бесѣду С. Ю. Витте, закуривая папиросу и протягивая мнѣ свой портъ-сигаръ. „Очень радъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ возможнымъ собственною властію устранить тѣ внѣшнія препятствія, которыя до сего времени не позволяли министерству финансовъ воспользоваться вашими обширными знаніями по рабочему вопросу, хотя я лично давно уже знакомъ съ вашими трудами, всегда цѣнилъ ихъ и цѣню весьма высоко... Вѣроятно, вамъ неизвѣстно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы предполагали пригласить васъ къ себѣ на службу, но раньше, чѣмъ мы успѣли съ Вл. Ив. Ковалевскимъ обсудить этотъ вопросъ, отъ московскаго генераль-губернатора вел. князя Сергія Александровича былъ полученъ столь категорическій и неблагоприятный отзывъ о васъ, какъ о лицѣ безусловно неблагонадежномъ въ политическомъ отношеніи, что пришлось отказаться отъ принятаго уже рѣшенія, ибо нельзя было въ то время не считаться съ высшей московской администраціей. Я могу сейчасъ же, если хотите, потребовать всю переписку по этому дѣлу и показать вамъ ее“.

Министръ потянулся къ телефону, стоявшему у него на столѣ, но я остановилъ его заявленіемъ, что это мнѣ уже было раньше извѣстно, какъ и то, почему такъ быстро послѣдовалъ протестъ по поводу предполагавшагося моего назначенія, о которомъ знали только три лица: самъ С. Ю. Витте, В. И. Ковалевскій и я. Впослѣдствіи, быть можетъ, мнѣ придется сообщить подробности этого эпизода изъ моей общественной жизни въ періодъ предпринятыхъ мною въ 1892—1893 г.г. „холерно-стратегическихъ маневровъ“ въ четырехъ уѣздахъ московской губерніи; но въ данномъ случаѣ прямой связи съ предметомъ моего повѣствованія онъ не имѣетъ...

Съ необычайнымъ оживленіемъ С. Ю. Витте сталъ осуждать Плеве за повсемѣстное распространеніе „зубатовщины“, за широкое предоставленіе губернаторамъ права вмѣшательства въ дѣятельность чиновъ фабричной инспекціи, въ отношенія между предпринимателями и рабочими, на ряду съ „отеческими попеченіями“ объ охранѣ интересовъ послѣднихъ и т. д. При этомъ онъ всталъ, подошелъ къ одному изъ стоявшихъ въ кабинетѣ „секретеровъ“ или шкафчиковъ съ картами для бумагъ, досталъ въ подтвержденіе своихъ словъ очень характерный для того времени документъ, разрѣшивъ мнѣ взять его съ собою для ближайшаго ознакомленія на самый короткій срокъ. Эта тема до такой степени его взволновала, что онъ сталъ быстрыми шагами ходить взадъ и впередъ по

обширному кабинету, а я едва поспѣвалъ за нимъ, изрѣдка лишь вставляя краткія реплики. Когда же я, собираясь уходить, спросилъ, безъ всякой задней мысли, могу ли сообщить Плеве, что былъ у министра финансовъ и разговаривалъ съ нимъ по поводу даннаго мнѣ порученія, то выраженіе лица у С. Ю. Витте мгновенно измѣнилось и онъ съ раздраженіемъ сказалъ:— „У меня не можетъ быть никакихъ секретовъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ... Можете сообщить ему все, что пожелаете, изъ происходившаго между нами разговора“.

Это совершенно неожиданное замѣчаніе, вызванное, вѣроятно, не вполне умѣстнымъ съ моей стороны вопросомъ, сильно меня задѣло. Оно могло быть истолковано въ томъ смыслѣ, что у С. Ю. Витте вновь пробудилась прежняя подозрительность и что онъ, пожалуй, подумалъ, не присланъ ли я самимъ Плеве въ качествѣ лазутчика, чтобы вывѣдать кое-что, чѣмъ можно было бы воспользоваться при дальнѣйшихъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ врага... Такое нелѣпое предположеніе, помню, леденящимъ холодомъ обдало меня, но ничего другого не оставалось, какъ раскланяться съ министромъ и выйти изъ его кабинета. Невозможно было вступать въ какія бы то ни было объясненія по поводу того, что, по всей вѣроятности, являлось лишь результатомъ моей болѣзненной мнительности...

На другой день, для предупрежденія какихъ-либо стороннихъ, неправильныхъ сообщеній, я поспѣшилъ заявить Плеве, что имѣлъ честь бесѣдовать съ министромъ финансовъ, но, конечно, не сталъ передавать всѣхъ подробностей разговора, опасаясь, какъ бы не очутиться въ положеніи, въ какомъ нѣкогда находился Василій Ивановичъ Шуйскій при Борисѣ Годуновѣ...

— „Зачѣмъ вы къ нему попали?“—спросилъ меня съ нѣкоторой подозрительностью В. К. Плеве. — Считалъ долгомъ представиться ему и просить содѣйствія предпринимаему мною изданію журнала „Промышленность и Здоровье“. — „Что же Сергѣй Юльевичъ сильно испугался, когда узналъ, что я пригласилъ васъ къ себѣ на службу?“ — Не думаю. Напротивъ, онъ выразилъ большое удовольствіе по поводу того, что ваше высокопревосходительство оказали мнѣ довѣріе, несмотря на тѣ внѣшнія обстоятельства, которыя раньше препятствовали министерству финансовъ пригласить меня на службу. Вообще С. Ю. принималъ меня очень любезно и обѣщалъ оказать всевозможное содѣйствіе предстоящимъ мнѣ работамъ, путемъ доставленія доступа къ матеріаламъ по своему вѣдомству. — О передачѣ мнѣ документа, касавшагося дѣйствій полиціи во время стачки на одной

изъ петербургскихъ фабрикъ, о внимательствѣ ея въ распоряженіи инспекціи, о намѣреніи С. Ю. Витте создать свой особый институтъ надзора за промышленными заведеніями, въ случаѣ перехода фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ и о многомъ другомъ, я считалъ излишнимъ распространяться.

Побывавъ послѣ того снова у министра финансовъ, немало былъ я удивленъ, что онъ отнесся къ моей сдержанности и умолчанію о подробностяхъ нашей бесѣды, происходившей наединѣ, съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и заявилъ, что я вполне оправдалъ тотъ отзывъ, который раньше былъ данъ ему обо мнѣ нашимъ общимъ знакомымъ. Позднѣе, послѣ смерти Плеве, С. Ю. оказалъ мнѣ цѣнную для того времени нравственную поддержку, поручивъ тому же общему знакомому передать, чтобы я не падалъ духомъ въ виду постигшей мои работы печальной судьбы.

Послѣ смерти В. К. Плеве стало вполне очевиднымъ, что мое неопредѣленное положеніе не можетъ долго продолжаться, хотя относительно содержанія временнаго рабочаго персонала я и былъ обезпеченъ ассигновкой до 1-го января 1905 года, утвержденной В. К. Плеве за три дня до кончины. Нужно было что-нибудь предпринять, чтобы избѣгнуть крушенія предпринятой мною статистики труда. Но что же я могъ сдѣлать при тогдашнемъ быстромъ ходѣ событій? Учеными изысканіями никто уже не въ состояніи былъ интересоваться, и притомъ они не могли внушать довѣрія, ибо начаты были какъ бы тайно, по инициативѣ или по капризу временщика, не пользовавшагося симпатіей среди высшей петербургской бюрократіи. Прежде всего мною была представлена объяснительная записка управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново, который вообще равнодушно относился ко всякимъ статистическимъ работамъ, тяготясь даже очередными служебными дѣлами въ этой области. Онъ продержалъ мою записку болѣе мѣсяца, не далъ никакого опредѣленнаго заключенія и, съ трудомъ найдя ее у себя на столѣ среди груды другихъ официальныхъ бумагъ, возвратилъ ее, съ заявленіемъ, что ничего не можетъ сдѣлать впредь до назначенія новаго министра. Другая докладная записка, совершенно иначе составленная, съ приложеніемъ картограммъ и съ подробными справочными объясненіями къ отдѣльнымъ страницамъ текста, была передана мною предсѣдателю

комитета министровъ С. Ю. Витте, который, одобливъ ея содержаніе, возвратилъ обратно, поручивъ одному уважаемому лицу сообщить мнѣ слѣдующее: „пустъ Погожевъ соберетъ, такъ сказать, свои нервы въ комокъ и употребить всѣ усилія, чтобы удержаться въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, отнюдь не подавая въ отставку... Его работы настолько интересны и цѣнны, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы ихъ прекращать. Посоветуйте ему выждать терпѣливо три-четыре мѣсяца, и все будетъ сдѣлано, какъ онъ предлагаетъ“.

Столь категорическое заявленіе усилило стремленіе мое добиться или возможности продолжать работы, или же разрѣшенія напечатать то, что уже было закончено. Между тѣмъ время шло; приближалось 1-е января 1905-го года, т.-е. прекращеніе ассигнованныхъ раньше суммъ, а письменныя и устныя обращенія въ различныя инстанціи не достигали цѣли. Всѣ выражали полное сочувствіе, но оказать содѣйствіе не могли, такъ какъ въ рѣшительный моментъ или получали другое назначеніе (напр. товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Н. Н. Кутлеръ), или же отвлекались болѣе важными и неотложными дѣлами.

Возложенное на меня порученіе по опредѣленію численности и условій жизни различныхъ категорій рабочаго населенія, а равно по выясненію возможности созданія въ Россіи особаго учрежденія, по образцу иностранныхъ бюро или департаментовъ статистики труда, закончилось предписаніемъ директора центрального статистическаго комитета, отъ 31-го декабря 1904 г., слѣдующаго содержанія: „Предлагаю донести надписью на семь же, закончена ли Вами работа, порученная Вамъ покойнымъ министромъ по изслѣдованію фабрично-заводскаго населенія. Если закончена, то прошу представить ее мнѣ 2-го предстоящаго января для доклада министру внутреннихъ дѣлъ; если нѣтъ, то донести письменно: что по ней сдѣлано, какая часть работы исполнена, что надо было бы еще сдѣлать для полного ея окончанія и сколько времени и средствъ потребовало бы это послѣднее“.

Легко было понять, что этимъ предписаніемъ, въ столь рѣзкой, непривычной для меня формѣ, объявлялся „шахъ и матъ“ дальнѣйшему продолженію моихъ работъ. Ничего другого не оставалось, какъ представить требуемое „донесеніе“, послѣ чего послѣдовало вторичное „отношеніе“, за подписью директора, отъ 16 января 1905 года: „вслѣдствіе рѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ прекратить производство Вами особой работы по изслѣдованію фабрично-заводскаго населенія Россіи, возложенной

на Васъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1903-го года, предлагаю Вамъ сдать немедленно въ канцелярію комитета, какъ все сдѣланное Вами по этой работѣ, такъ и имѣющіеся у Васъ по ней матеріалы“.

Это уже было, очевидно, полное пораженіе, и едвали комендантъ какой-либо крѣпости, въ теченіе долгаго времени съ необычайными усиліями обороняемой, переживалъ передъ ея неизбежной капитуляціей такое тяжкое состояніе и такіа волненія, какъ я, получивъ столь жестокій для изслѣдователя ультиматумъ. При обычныхъ условіяхъ можно было бы, пожалуй, испросить особый докладъ у министра внутреннихъ дѣлъ (князя Святополкъ-Мирскаго), какъ совѣтовали мнѣ мои близкіе друзья (проф. Иванюковъ, покойный Л. Ф. Рагозинъ и др.), чтобы представить дѣло не въ томъ одностороннемъ и пристрастномъ видѣ, въ которомъ оно, вѣроятно, было изложено. Можно было бы также ходатайствовать о разрѣшеніи издать мою работу на частныя средства, тѣмъ болѣе, что посредникомъ при этомъ явился бы очень близкій новому министру человекъ, хорошо знакомый съ моею научною дѣятельностью. Въ этомъ смыслѣ было мною составлено и подписано официальное письмо; но уже 18-го января послѣдовало увольненіе князя Святополкъ-Мирскаго отъ должности министра. Впрочемъ, стоитъ лишь припомнить всѣ обстоятельства того времени, чтобы признать, что хлопоты и разъясненія не увѣнчались бы успѣхомъ. Я не хотѣлъ, притомъ, чтобы могла возникнуть мысль, что я лишь въ собственныхъ интересахъ стремлюсь возстановить случайное положеніе „калифа на часъ“, которое мнѣ пришлось занять при Плеве.

Такъ или иначе, но официально я былъ „отставленъ отъ рабочаго вопроса“; но „отставить рабочій вопросъ отъ меня“ едвали было возможно, ибо ему была посвящена вся моя жизнь... Изъ прежняго персонала временно приглашенныхъ служащихъ, численность которыхъ постепенно сокращалась, пришлось отставить только двухъ счетчицъ, съ уплатой имъ содержанія изъ собственныхъ средствъ, на что я расходовалъ свой редакторскій гонораръ за первое частное изданіе „Адресно-справочной книги промышленности всей Россіи“, предпринятое съ разрѣшенія П. Н. Дурново отъ 11 октября 1904 г., на основаніи официальныхъ данныхъ, переданныхъ при Плеве въ мое распоряженіе для обработки.

Предписаніе о передачѣ въ канцелярію статистическаго комитета—въ лучшемъ случаѣ, „на прокормленіе архивныхъ мышей“,—огромной груды всевозможныхъ законченныхъ и незаконченныхъ таблицъ, діаграммъ, картограммъ, придуманныхъ мною

карточно-монографическихъ записей по отдѣльнымъ промышленнымъ предпріятіямъ и пр., формально было мною исполнено. Сырой матеріалъ, черновики, копии и т. п. были вывезены изъ мансарднаго помѣщенія на Театральной улицѣ, но все то, что могло пригодиться для отдѣльнаго изданія или для возобновленія прерванныхъ работъ, заблаговременно, исподволь перевозилось на мою квартиру. Только благодаря такой предусмотрительности стало возможнымъ впослѣдствіи осуществить постановленіе Императорской Академіи Наукъ, 30 ноября 1905-го года, о напечатаніи представленнаго мною изслѣдованія, согласно предложенію академика Ив. Ив. Янжула, отдѣльнымъ изданіемъ, съ многочисленными приложеніями. Это спасло отъ забвенія значительную часть моихъ работъ, исполненныхъ по порученію В. К. Плеве, а Императорское Русское Географическое Общество присудило мнѣ за нихъ большую золотую медаль.

Все пережитое мною въ 1903—1904 гг. съ такимъ напряженіемъ силъ отошло въ область безвозвратнаго прошлаго. Съ тѣхъ поръ многое рѣзко измѣнилось, многое не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Прежнія мечты мои о возможности мирнаго упорядоченія взаимныхъ соотношеній труда и капитала едвали теперь осуществимы и во всякомъ случаѣ приняли уже совершенно иную форму. Какъ бы то ни было, воспоминанія о тѣхъ путяхъ, по которымъ суждено было пройти у насъ рабочему вопросу—путяхъ, къ сожалѣнію, большею частью извилистыхъ, скорбныхъ и ошибочныхъ,—представляютъ, думается мнѣ, извѣстный практическій интересъ. Ими безусловно подтверждаются слова Герцена: „послѣдовательно оглядываясь, мы смотримъ на прошедшее всякій разъ иначе; всякій разъ разглядываемъ въ немъ новую сторону, всякій разъ прибавляемъ къ уразумѣнію его весь опытъ вновь пройденнаго пути; полнѣе сознавая прошедшее, мы уясняемъ современное, глубже опускаясь въ смыслъ былого—раскрываемъ смыслъ будущаго, глядя назадъ—шагаемъ впередъ“.

А. Погожевъ.

БЮДЖЕТНАЯ РЕФОРМА

I.

Государственной Думой въ концѣ истекшей сессіи былъ принятъ законопроектъ объ измѣненіи бюджетныхъ правилъ 8 марта 1906 г. Соответствующее законодательное предложеніе 40 членовъ Думы было внесено еще въ самомъ началѣ занятій третьей Думы. Съ тѣхъ поръ Дума успѣла рассмотреть четыре проекта государственныхъ росписей, а законодательное предложеніе объ измѣненіи бюджетныхъ правилъ оставалось безъ движенія. „Конституціонные“ бюджеты разсматривались и принимались въ рамкахъ правилъ 8 марта, не дававшихъ народному представительству возможности стать органомъ дѣйствительнаго контроля надъ расходованіемъ народныхъ средствъ. Несмотря на ежегодный опытъ, все болѣе и болѣе убѣждавшій, что бюджетныя ограниченія, созданныя правилами 8 марта, парализуютъ работу народного представительства надъ бюджетомъ и низводятъ „коэффициентъ полезнаго дѣйствія“ до ничтожной величины, бюджетныя правила оставались неизмѣнными. Только теперь сдѣлавъ пересмотръ этихъ правилъ.

Общія тенденціи нашего бюджетнаго законодательства выступили съ полной ясностью уже въ моментъ опубликованія смѣтныхъ правилъ и основныхъ законовъ 23 апрѣля 1906 г. Если всѣ нормы, опредѣлявшія русскій обновленный строй, были проникнуты глубокимъ недовѣріемъ къ народному представительству и страхомъ рѣзкаго конфликта между этимъ представительствомъ и правящей бюрократіей, то всего болѣе это сказалось въ ограниченіяхъ бюджетныхъ полномочій Думы, — ограниченіяхъ, параллели которыхъ можно найти только въ японской конституціи. Правила 8-го марта явились не случайно.

При помощи ихъ спѣшили забронировать и сдѣлать неуязвимыми силы стараго порядка, при переходѣ къ новому. Создавая ихъ, готовились встрѣтить во всеоружіи народное представительство. Не взирая на то, что учрежденія Государственной Думы и Государственного Совѣта уже были изданы и верховною властью совершенно опредѣленно было выражено, что послѣдующая законодательная работа должна проходить черезъ законодательныя установленія, до созыва народного представительства были изданы бюджетныя правила, ограничившія его бюджетную компетенцію, а вниманію первой Думы былъ потомъ предложенъ законопроектъ о прачечныхъ. „Ограниченія“ явились въ самый канунъ созыва Думы. Первоначально они были выработаны для законосовѣщательной Думы 6-го августа—но признаны пригодными и для законодательной Думы. Впрочемъ, это не совсѣмъ такъ: нѣкоторые ограниченія, внесенныя въ правила 8 марта, отсутствовали въ проектѣ, представленномъ министромъ финансовъ въ совѣщаніе гр. Сольскаго. Народное представительство, облеченное правами, внушало болѣе страха и недоувѣрія, чѣмъ „выборные люди“, которыхъ предполагалось призвать къ участію въ предварительной разработкѣ законовъ и бюджета. Страхъ усиливался по мѣрѣ приближенія момента встрѣчи—и онъ продиктовалъ „мѣры предосторожности“. Теперь это уже фактъ, можно сказать, официально признанный. „Бюджетныя правила,—сказалъ въ думской комиссіи государственный контролеръ Харитоновъ,—вырабатывались для Думы 6-го августа. Эти правила были переработаны послѣ 17-го октября. Дума 6-го августа была учрежденіемъ законосовѣщательнымъ, а не законодательнымъ. Поэтому представилась необходимость въ особой осторожности“¹⁾.

Обвинять въ непринятіи мѣръ „предосторожности“ составителей правилъ 8-го марта, дѣйствительно, не приходится. Когда налетѣла гроза и, казалось, пришелъ конецъ прежнимъ порядкамъ, хранители старыхъ устоевъ твердо помнили одно: не выпускать бюджета изъ своихъ рукъ. Бюджетъ остался въ рукахъ бюрократіи, а у Думы оказалась одна видимость бюджетнаго права. Изъ ея компетенціи изъять цѣлый рядъ кредитовъ: расходы по министерству двора, кредиты на расходы собственной Его Величества канцеляріи и канцеляріи по принятію прошеній, платежи по государственнымъ долгамъ. Но главная „броня“ бюджета создана знаменитой ст. 9-ой правилъ 8-го марта, въ силу которой „при обсужденіи проекта государственной росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также Высочайшихъ по-

¹⁾ См. „Стенограф. отчетъ засѣданій бюджетной комиссіи“, стр. 40.

вельній, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ“. Исключенія и измѣненія въ этой категоріи расходовъ могутъ быть произведены лишь въ общемъ законодательномъ порядкѣ. Этой статьёй бронируется значительная часть государственнаго расходнаго бюджета. Министерствомъ финансовъ былъ сдѣланъ подсчетъ расходовъ, на которые не простирается правоспособность Думы. Изъ этого подсчета видно, что 40% или почти половина всѣхъ государственныхъ расходовъ не могутъ быть измѣнены въ порядкѣ разсмотрѣнія бюджета ¹⁾. Существованіе „бронирующей“ статьи вносить особенно много затрудненій въ бюджетную работу и является сильнѣйшимъ тормазомъ для преобразованія государственной росписи. При ближайшемъ разсмотрѣніи росписей бюджетная компетенція Думы оказывалась, по фактическимъ условіямъ, еще болѣе суженной: въ той части бюджета, которая официально не считается забронированной, заключаются хозяйственно-операционные расходы разнаго рода учреждений, которые оказываются неизбѣжными, разъ бытіе и дѣятельность этихъ учреждений являются неприкосновенными. Дума не могла внести существенныхъ измѣненій и въ эту часть бюджета.

Правила 8-го марта суживаютъ бюджетное право въ двухъ направленіяхъ: они препятствуютъ „законодательствовать въ порядкѣ бюджета“ и открываютъ правительству широкую возможность вліять на исполненіе росписи путемъ чрезвычайныхъ кредитовъ, т.-е. производствомъ расходовъ, росписью непредусмотрѣнныхъ. Такую возможность даетъ ст. 17-ая правилъ. Согласно этой статьѣ, „если испрошеніе въ порядкѣ, установленномъ для утвержденія росписи, разрѣшенія на производство неотложнаго расхода представляется, по краткости времени, въ теченіе коего долженъ быть произведенъ расходъ, невозможнымъ, то необходимый на покрытіе такого расхода кредитъ открывается по постановленію Совѣта министровъ“. О такихъ ассигнованіяхъ потомъ лишь вносятся представленія въ Думу, „по возможности—до окончанія сессіи“, а въ случаѣ открытія кредита въ перерывѣ сессіи—въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за открытіемъ новой сессіи. При такомъ порядкѣ можетъ случиться, что представленіе поступить въ Думу почти черезъ годъ послѣ приступа къ производству расхода. Если Дума и отклонитъ представленіе, произведенные расходы такъ и останутся произведенными. Существованіе такого „бюджетнаго права“ у распорядителей кредитовъ даетъ широкій просторъ въ видоизмѣненіи принятаго законодательными учрежденіями бюджета. Опытъ истекшаго „конституціоннаго“ времени достаточно раскрылъ, какими возможностями чревато это право правительствъ

¹⁾ См. „Приложеніе къ проекту росписи на 1908 г.“.

распоряжаться чрезвычайными кредитами. Такое право извѣстно и иностраннымъ законодательствамъ, но область примѣненія его ограничивается перерывами между сессіями. Исключенія изъ этого принципа допускаются лишь по отношенію расходовъ на военныя надобности. Но производство чрезвычайныхъ расходовъ на военныя надобности и у насъ регулируется особымъ порядкомъ.

Не меньшія „возможности“ въ смыслѣ видоизмѣненія принятаго бюджета отъкрываетъ, какъ показалъ опытъ, установленный правилами 8-го марта порядокъ устраненія разномыслія между Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ и окончательнаго сведенія росписи. По ст. 13-ой правилъ, если при возникшемъ разногласіи относительно какого-либо кредита между Совѣтомъ и Думой не будетъ достигнуто соглашеніе въ согласительной комиссіи, то кредитъ вносится въ роспись въ цифрѣ назначенія послѣдней росписи; если же разногласіе сводится лишь къ цифрѣ увеличенія или уменьшенія, то принимается цифра, ближайшая къ назначенію послѣдней росписи. При такомъ порядкѣ въ росписи оказываются цифры, за которыя не высказалось ни одно изъ законодательныхъ учреждений и которыхъ не испрашивало и само правительство. Далѣе, правила 8-го марта вовсе не опредѣляютъ, кто долженъ производить окончательное сведеніе росписи. У насъ это взяло на себя правительство. Какъ показываетъ опытъ, такой порядокъ также ведетъ къ видоизмѣненію принятаго бюджета. Правительство примѣняетъ ст. 13-ую иногда діаметрально противоположнымъ способомъ. При сведеніи росписи на 1908 г. былъ включенъ кредитъ на постройку 4-хъ броненосцевъ въ размѣрѣ 11 милл. рублей, отклоненный Думой и принятый Государственнымъ Совѣтомъ, хотя въ предыдущей росписи такого кредита совсѣмъ не было. При такихъ же условіяхъ введенъ былъ въ ту же роспись расходъ на изготовленіе предметовъ по артиллерійской части. То же имѣло мѣсто и при сведеніи росписей на 1909 и 1910 гг. По смѣтѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ 1909 г. Дума уменьшила, а Совѣтъ увеличилъ назначеніе предыдущей росписи. Надлежало бы включить цифру 1908 г., а включена цифра Государственного Совѣта. Роспись сводится то по отдѣльному номеру росписи, то по предмету расхода. Тутъ господствуетъ полный произволъ. Какъ замѣтилъ въ бюджетной комиссіи депутатъ Шингаревъ, „при сведеніи росписи наблюдается въ одномъ году одно, въ другомъ—другое; какъ хочу такъ и дѣлаю, но неизвѣстно почему такъ дѣлаю“. А въ результатѣ, какъ показалъ опытъ, и то небольшое, что удавалось сдѣлать для бюджетныхъ улучшеній, сводилось на нѣтъ при помощи тѣхъ средствъ, которыя даетъ ст. 13-ая.

Практика „конституціонныхъ“ бюджетовъ показала воочию, какъ

ничтожна возможность для народного представительства достигнуть бюджетных улучшений. Производилась кропотливая свѣрка титуловъ съ параграфами и параграфовъ съ титулами, бухгалтерская повѣрка правильности цифровыхъ исчисленій и итоговъ; изыскивались, въ предѣлахъ, указанныхъ правилами 8-го марта, крохотныя сокращенія; высказывались пожеланія. Каждое новое обсужденіе бюджета освѣщало практический смыслъ забронированности большей части расходовъ. Каждое новое сведеніе росписи въ значительной степени уничтожало произведенную бюджетную работу. Въ результатѣ оказывались однѣ мелочи, а то, что настоятельно необходимо—приведеніе государственнаго хозяйства въ соотвѣтствіе съ нуждами и потребностями страны—оставалось невыполненнымъ. „Конституціонные“ бюджеты ничѣмъ существенно не отличались отъ тѣхъ росписей, которыя получала страна изъ рукъ бюрократіи. Между тѣмъ, необходимость преобразованія бюджета была совершенно очевидна. Тактика постепенно проводимыхъ мелкихъ и частичныхъ измѣненій, усвоенная думскимъ центромъ, явно оказывалась недостаточной.

II.

Законодательное предложеніе 40 членовъ Думы объ измѣненіи правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія росписи 17-го января 1908 г. было передано въ бюджетную комиссію. Бюджетная комиссія, какъ и выдѣленная изъ ея состава для предварительнаго разсмотрѣнія законодательнаго предложенія подкомиссія, вошла въ разсмотрѣніе правилъ 8-го марта во всей ихъ совокупности, коснувшись и другихъ законодательныхъ нормъ, регламентирующихъ бюджетное дѣло (Высочайше утвержденныя 22-го мая 1862 г. смѣтныя правила). Главное вниманіе, однако, было сосредоточено на правилахъ 8-го марта. Въ результатѣ комиссіоннаго разсмотрѣнія нѣкоторые пункты законодательнаго предложенія были отвергнуты, другіе приняты. Бюджетной комиссіей въ выработанный законопроектъ было внесено немало новаго. Такъ, комиссіей предложено назначить болѣе ранній срокъ (1 сентября и 15 сентября, вмѣсто 1, 15 и 25 сентября) для представленія въ законодательныя учрежденія финансовыхъ смѣтъ министерствъ. Исключена статья 11-ая правилъ 8-го марта, которая устанавливала, что разсмотрѣніе Государственной Думой росписи должно быть окончено къ 1-му декабря предшествующаго смѣтному году. Установленный двухмѣсячный срокъ для разсмотрѣнія росписи дѣйствительно, по своей краткости, совершенно не соотвѣтствуетъ сложности дѣла, и опытъ показалъ, что разсмотрѣніе закан-

чивается значительно позже. Въ связи съ этимъ бюджетной комиссией было предложено передвинуть начало смѣтнаго года съ 1-го января на 1-ое апрѣля. Всѣ эти предложенія были потомъ приняты и въ пленумѣ Государственной Думы.

Болѣе горячія пренія происходили въ комиссіи при разсмотрѣніи другихъ статей проекта. Большинство комиссіи не рѣшилось встать на сторону внесшихъ законодательное предложеніе членовъ оппозиціи. Однако, горькій опытъ, очевидно, убѣдилъ и фракцію думскаго центра, что правила 8-го марта являются тормазомъ въ дѣлѣ улучшенія бюджета. Въ началѣ существованія третьей Думы ея центръ весьма сдержанно высказывался о недостаткахъ этихъ правилъ и обрушивался на думскую оппозицію всякій разъ, когда ея указывалось на необходимость бюджетной реформы. Теперь у представителей центра обнаружилось другое отношеніе. Они рѣшительно осуждаютъ установленный въ ст. 13-ой способъ разрѣшенія разногласій между Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой, высказываются противъ ст. 17-ой, дающей возможность открывать сверхсмѣтные кредиты безъ внесенія въ Думу; они возражаютъ и противъ забронированности десятимилліоннаго фонда на чрезвычайные расходы. Въ другихъ вопросахъ центръ остановился на полпути. Онъ не рѣшился на отмѣну ст. 6-ой и 9-ой, не рѣшился и отказаться отъ принципа равенства бюджетныхъ полномочій обѣихъ палатъ, хотя такое равенство совершенно расходится съ современной конституціонной практикой.

Но если думскій центръ остановился на подорогѣ, то правительство, можно сказать, не захотѣло сдѣлать ни одного шага. Нельзя же считать за такой шагъ заявленіе представителей правительства о согласіи на установленіе болѣе раннихъ сроковъ для внесенія смѣты и на перенесеніе начала бюджетнаго года на 1-ое апрѣля. Это—техническое улучшеніе, но оно никакого принципиальнаго значенія не имѣетъ.

Защита представителями правительства дѣйствующихъ бюджетныхъ правилъ весьма характерна. Комиссія разсматриваетъ вопросъ о бронированности десятимилліоннаго фонда на непредусмотрѣнныя смѣтами экстренныя надобности. Передъ членами комиссіи обстоятельная записка члена Думы Р. Я. Эргардта, раскрывающаго тайны этого фонда ¹⁾. Расходы изъ этого фонда часто идутъ не на экстренныя надобности, а на надобности, повторяющіяся изъ года въ годъ, на надобности, которыя можно было предвидѣть, и т. п. Какихъ-либо

¹⁾ „Записка члена Думы Р. Я. Эргардта о порядкѣ расходованія фонда за десятилѣтіе 1898—1907 гг. (приложеніе къ докладу бюджетной комиссіи)“.

законовъ и правилъ, регулирующихъ порядокъ использованія фонда, не существуетъ. Нѣтъ и отчетности въ израсходованіи этихъ суммъ передъ законодательными палатами. При такихъ условіяхъ фондъ является ресурсомъ для производства безконтрольных расходовъ—и только. Представители правительства защищаютъ, однако, забронированность фонда. Вотъ отрывокъ изъ происходившей по этому поводу бесѣды.

Т. с. Харитоновъ (государственный контролеръ). Отъ Государственной Думы зависитъ увеличить размѣръ фонда, а объ уменьшеніи его не можетъ быть и рѣчи. Чтобы его увеличить, возраженій никакихъ не встрѣтится.

Предсѣдатель. Вы предполагаете, что необходимо оставить запрещеніе обсужденія по ст. 6-ой, или достаточно только запрещеніе сокращенія размѣра фонда?

Т. с. Веберъ (товарищъ министра финансовъ). Мы считаемъ необходимымъ сохранить дѣйствующій законъ, какъ онъ есть.

Опочининъ. Можетъ представиться исключительное обстоятельство, при которомъ вѣдомство войдетъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ чрезъ министра финансовъ объ испрошеніи кредита какъ разъ на тѣ расходы, которые уже были признаны законодательными учрежденіями не подлежащими удовлетворенію.

Т. с. Харитоновъ. Высочайшее повелѣніе достаточно оправдывало бы такіе расходы.

Шитаревъ. Почему законодательнымъ учрежденіямъ нельзя обсуждать размѣры фонда?

Т. с. Харитоновъ. Я могу привести тѣ соображенія, которыя имѣлись въ виду при составленіи закона 8-го марта 1906 г. Почему было постановлено такъ относительно фонда? Я думаю: изъ предосторожности, дабы правительство имѣло въ своемъ фондѣ средства на непредвидѣнныя надобности.

Шитаревъ. Оно и теперь считаетъ необходимымъ сохранить ту же осторожность?

Т. с. Харитоновъ. Въ настоящее время правительство стоитъ на томъ же, на чемъ стояло раньше ¹⁾).

Большинство комиссіи естественно признало невозможнымъ раздѣлить такой взглядъ правительства и высказалось за отмѣну „забронированности“ фонда.

Обсуждается вопросъ о ст. 13-ой правилъ. Представители правительства не считаютъ нужнымъ вносить измѣненія въ эту статью.

Шитаревъ. Кто долженъ вносить въ роспись цифры по кредитамъ, вызвавшимъ разномысліе?

¹⁾ См. „Стенографическій отчетъ засѣданій бюджетной комиссіи“, стр. 38 и 39.

Т. с. Харитоновъ. Совѣтъ министровъ, принявъ на себя эту обязанность, полагалъ, что такое разрѣшеніе возникшаго вопроса наиболѣе правильно; въ случаѣ сомнѣній по поводу принятаго совѣтомъ министровъ рѣшенія Государственная Дума не лишена была бы права потребовать отъ правительства разъясненія.

Происходитъ характерный обмѣнъ мнѣній и при обсужденіи ст. 14-ой. Представителю правительства указываютъ, что послѣ роспуска второй Думы правительство убѣдилось въ невозможности руководствоваться 14-ой статьей и приняло въ основаніе исчисленій расходныхъ росписей не послѣднюю, утвержденную въ установленномъ порядкѣ, роспись 1906 г., а проектъ росписи 1907 г., не прошедшій чрезъ законодательныя учрежденія. Ставится вопросъ, не предполагаетъ ли правительство, въ виду этого, испросить разрѣшеніе на пересмотръ этой статьи? Получается отвѣтъ: правительство не имѣетъ въ виду пересматривать статью; образъ дѣйствій правительства былъ вызванъ исключительными обстоятельствами. „Но вы включили въ итогъ и чрезвычайные расходы“, „вы вышли изъ предѣловъ параграфовъ“, „вы израсходовали условные кредиты“? Отвѣтъ: „мы считаемъ себя стѣсненными при нормальныхъ условіяхъ“; „условные кредиты далеко не всѣ были израсходованы“.

Особенно характерна была защита ст. 17-ой. Оказывается, что даже 87-ая статья осн. законовъ—дающая правительству возможность обходиться безъ Думы, но лишь во время перерыва ея занятій,—въ глазахъ правительства недостаточно его обезпечиваетъ. „Въ общемъ порядкѣ скоро нельзя получить разрѣшеніе на отпускъ кредита“. Государственный контролеръ указалъ на экстренность продовольственныхъ кредитовъ; министръ финансовъ, въ пленумѣ Думы, напомнилъ о сверхсмытномъ кредитѣ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Семирѣченской области. На это резонно возражали, что такого рода законопроекты могутъ спѣшно проводиться черезъ законодательныя учрежденія (законопроектъ о продовольственной помощи былъ внесенъ 9 декабря 1907 г., принятъ Думой 15 декабря и 21 декабря утвержденъ).

Думская коммиссія сохранила ст. 9-ую правилъ, которая устанавливаетъ недосыгаемость для народнаго представительства значительной части бюджета. Большинство коммиссіи признало, что ст. 9-ая правилъ не вводитъ ничего новаго по сравненію съ 94-й ст. осн. зак., въ силу которой никакой законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ. Отмѣна 9-й ст., при наличности 94-й ст. осн. зак.,—говорилось въ думской коммиссіи,—не принесла бы ожидаемыхъ инициаторами законопроекта выгодъ. Ту же точку зрѣнія высказали и представители правительства. Казалось бы,

при такихъ условіяхъ ст. 9-ая по меньшей мѣрѣ излишня; вѣдь другія европейскія конституціи обходятся безъ подобнаго ограниченія правъ палатъ. Большинство комиссіи, однако, нашло, что „сохраненіе такого добавочнаго, пополняющаго законъ постановленія способствовало бы лишь ускоренію бюджетной работы, устраняя всякаго рода сомнѣнія при выясненіи законности основаній смѣтныхъ назначеній“. Но, какъ извѣстно, именно при существованіи ст. 9-й значительная часть труда бюджетной комиссіи и уходитъ на провѣрку титуловъ ассигнованій. Въмѣсто обсужденія расхода съ точки зрѣнія цѣлесообразности, время тратится на формальныя изысканія. Сторонники отмѣны ст. 9-й справедливо указывали и на то, что рѣчь идетъ вовсе не объ отмѣнѣ законовъ въ порядкѣ бюджетномъ, а лишь о возможности увеличенія, или уменьшенія, или временнаго прекращенія ассигнованій для удовлетворенія потребностей, установленныхъ законами. Такая возможность существуетъ теперь только для правительства. Извѣстно, что многія вѣдомства испрашиваютъ кредиты, основанные на законѣ, не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они установлены въ законѣ. Въ этомъ, однако, никто не усматриваетъ нарушенія ст. 94-ой осн. зак. Такія же права, какими пользуются вѣдомства, должны быть предоставлены и законодательнымъ учрежденіямъ. Думская комиссія, сохранивъ ст. 9-ую правилъ, указанную точку зрѣнія все же приняла и сдѣлала попытку къ расширенію инициативы законодательныхъ учрежденій. Она предложила упростить порядокъ разсмотрѣнія законодательныхъ предложеній объ отмѣнѣ или измѣненіи законоположеній, которыми устанавливается отпускъ средствъ, а именно предоставить вносить непосредственно соотвѣтствующіе законопроекты, а не законодательныя предложенія. Право такой инициативы рѣшено предоставить бюджетной комиссіи. Это, конечно, полумѣра, которая бюджетную инициативу почти не расширяетъ и оставляетъ броню въ неприкосновенности. Не имѣетъ существеннаго значенія и то, что изъ числа легальныхъ титуловъ, бронирующихъ ассигнованія, комиссія исключила положенія, штаты и расписанія, введенныя безъ Высочайшаго утвержденія, а равно Высочайшія повелѣнія, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшія послѣ 23-го апрѣля 1906 г.

Въ ст. 13-ую правилъ комиссія внесла существенныя измѣненія, изложивъ ее согласно внесенному законодательному предложенію сорока членовъ Думы. Для разрѣшенія разногласій устанавливается порядокъ, аналогичный предусматриваемому ст. 13-ю австрійской конституціи. Когда возникшее разномысліе между Госуд. Думой и Госуд. Совѣтомъ не будетъ устранено въ согласительной комиссіи, то кредитъ на потребность, признанную однимъ изъ этихъ установленій неподлежащею удовлетворенію, считается отвергнутымъ и

исключается изъ росписи. Если оба установленія согласны на удовлетвореніе потребности и разномысліе сводится лишь къ вопросу о размѣрѣ необходимаго на этотъ предметъ кредита, то считается принятой меньшая изъ двухъ цифръ, опредѣленныхъ законодательными установленіями. Къ этому добавлено, что включеніе въ государственную роспись опредѣляемой такимъ способомъ цифры производится Госуд. Совѣтомъ. Такой порядокъ изданія бюджета несомнѣнно гораздо ближе къ общему порядку изданія новыхъ законовъ. Ст. 17-ую правилъ, предоставляющую правительству право открывать сверхсметные кредиты безъ вѣдома законодательныхъ учреждений, предположено отмѣнить. Съ отмѣной указанной статьи во время перерывовъ сессій расходы на экстренныя надобности могутъ быть проводимы лишь въ порядкѣ 87-й ст. осн. зак. Въ порядкѣ верховнаго управленія могутъ быть, по ст. 18-й, открываемы только чрезвычайные сверхсметные кредиты на потребности военного времени и на особыя приготовленія, предшествующія войнѣ.

III.

При разсмотрѣніи законопроекта объ измѣненіи бюджетныхъ правилъ всѣ вышеизложенныя предложенія бюджетной комиссіи были приняты и въ первомъ, и во второмъ чтеніи. Въ защиту дѣйствующихъ бюджетныхъ правилъ въ засѣданіи Думы выступилъ министръ финансовъ. Какъ неоднократно заявлялъ объ этомъ В. Н. Коковцовъ и раньше, онъ — не сторонникъ измѣненія бюджетныхъ правилъ. Онъ находитъ, что и въ рамкахъ, установленныхъ правилами 8-го марта, можно сдѣлать многое. А когда опытъ показалъ, что „коэффициентъ полезнаго дѣйствія“ обѣихъ палатъ по отношенію къ бюджету въ итогѣ исчисляется лишь десятыми долями процента общей суммы, то со стороны главы финансоваго вѣдомства было указано, что столь слабое дѣйствіе объясняется не забронированностью бюджета, а такими его достоинствами, которыя дѣлаютъ нецѣлесообразными и невозможными какія бы то ни было въ немъ измѣненія. Стремленіе выйти изъ узкихъ рамокъ, приступить къ коренному пересмотру бюджета и положить фундаментъ новому зданію государственнаго хозяйства правительству кажется иллюзіей. Задача законодательныхъ учреждений гораздо проще: проверить титулы, сдѣлать подсчеты и наложить штемпель. Эта задача выполнима и въ рамкахъ правилъ 8-го марта. Очевидно, изъ тѣхъ же представленій о характерѣ бюджетной работы народнаго представительства министръ финансовъ исходилъ и въ засѣданіи Думы 11-го мая, возражая про-

тивъ проекта бюджетной комиссіи. Съ точки зрѣнія министра пріемлемымъ оказалось въ немъ очень немного. Измѣненія статей 6, 9, 13, 16 и 17 признаны неприемлемыми. „Бронированность“ бюджета, десяти-милліонный фондъ, право на открытіе сверхсмѣтныхъ кредитовъ, право исполнительной власти въ порядкѣ сведенія росписи вносить цифры, не предусмотрѣнныя законодательными собраніями—все это признано не подлежащимъ измѣненію. Непріемлемымъ признано и указаніе, что правительство не можетъ дѣйствовать въ разрѣзъ съ желаніями народнаго представительства и не можетъ расходовать средствъ изъ экстреннаго фонда на такія потребности, которыя отклонены одною изъ законодательныхъ палатъ. Все это—гарантіи бюрократическаго полновластія, и съ ними разстаться нельзя. Допустимая съ точки зрѣнія правительства бюджетная реформа ограничивается лишь измѣненіями въ календарныхъ срокахъ.

Госуд. Дума, конечно, не могла ограничиться такими рамками реформы. Принявъ законопроектъ, Дума рѣшила внести въ условія бюджетной работы рядъ существенныхъ улучшеній. Коренной вопросъ нашего государственнаго строя не былъ поставленъ во всей должной широтѣ, но все же произведенъ нѣкоторый сдвигъ. Если бы думскій проектъ сталъ закономъ, были бы достигнуты ощутительные реальные результаты. Это несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи, въ смыслѣ уменьшенія всякаго рода сверхсмѣтныхъ и внѣсмѣтныхъ „возможностей“. Отмѣна права на открытіе сверхсмѣтныхъ кредитовъ безъ разрѣшенія законодательныхъ учреждений, контроль народнаго представительства за расходованіемъ кредитовъ на экстренныя надобности создаютъ нѣкотораго рода „бронированіе“ средствъ государственнаго казначейства для распорядителей кредитовъ. Новыя бюджетныя правила и въ другомъ отношеніи вносятъ улучшеніе: они до извѣстной степени гарантируютъ отъ возможности воздѣйствія на принятый законодательными учрежденіями бюджетъ, устраняя участіе исполнительной власти въ установленіи цифръ, включаемыхъ въ роспись. Ослабляя вліяніе бюрократіи, вводимыя въ смѣтныя правила измѣненія увеличиваютъ „коэффициентъ полезнаго дѣйствія“ законодательнаго фактора. Но принятый проектъ оставляетъ безъ измѣненій другую сторону бюджетныхъ правилъ, въ большей степени, чѣмъ сверхсмѣтныя и внѣсмѣтныя „возможности“, понижающую коэффициентъ полезности думской бюджетной работы. Правила, бронирующія бюджетъ, сохранены—а это по прежнему оставляетъ значительную часть бюджета внѣ досягаемости для народнаго представительства. Вопросъ о цѣлесообразности значительной части расходовъ также не можетъ быть поставленъ по новымъ правиламъ, какъ и доселѣ. Преграды, проистекающія отсюда для внесенія существенныхъ улучшеній

въ бюджетъ, сохраняются и на будущее время. Тотъ обходный путь, который придумала бюджетная коммиссія,—упрощеніе порядка законодательнаго разсмотрѣнія бюджетныхъ законопроектовъ — едвали сколько-нибудь существенно поможетъ дѣлу.

Н. ІОРДАНСКІЙ.

„БОЛЬШАЯ“ ПРЕССА, ЕЯ НРАВЫ И БОЛѢЗНИ

Письмо изъ Парижа.

Давно сказано, что пресса—своего рода великая держава. И дѣйствительно, ея вліяніе на ходъ вещей въ странахъ всеобщей грамотности и демократическихъ государственныхъ формъ—громодно. Она—тотъ каналъ, по которому идеи, взгляды и вкусы распространяются въ массѣ. Естественно, что всякое общественное теченіе, всякая партія, всякое міровоззрѣніе, всякій, наконецъ, временный интересъ прежде всего создаетъ себѣ органъ пропаганды — газету. И газету, во Франціи на примѣръ, читаютъ всѣ. Именно газету, а не книгу или журналъ. И книга, и журналъ сравнительно дороги; требуютъ для прочтенія много времени и труда. Газета же дешева, стоитъ обыкновенно не дороже двухъ копеекъ, читается по дорогѣ, на ходу, въ конкѣ, за ѣдой. Даетъ она массу матеріала, усваиваемаго легко; даетъ свѣдѣнія, животрепещущія и разнообразныя, на всѣ вкусы. Наконецъ, газета сама бѣжитъ къ читателю. Нѣтъ маленькаго мѣстечка, захудалой деревни, нѣтъ хутора, гдѣ бы не было газетной лавочки; на автомобиляхъ, велосипедахъ и пѣшкомъ развозится и разносится она туда, куда не проложено желѣзныхъ дорогъ. Читайте, пожалуйста! За двѣ копейки сколько угодно новостей: политика, разныя разности, сенсационныя преступленія, десять убійствъ, два романа, маленькій фельетонъ, интересное чтеніе для политиковъ и для дѣвицъ, для старыхъ и для малыхъ! И газету дѣйствительно читаютъ всѣ, люди абсолютно всѣхъ социальныхъ положеній, всѣхъ возрастовъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ, и обоихъ половъ. Это—предметъ необходимаго массоваго потребленія. И вотъ это-то обстоятельство кладетъ на прессу въ странахъ всеобщей грамотности особый отпечатокъ. Какъ всякій предметъ массоваго потребленія, она попадаетъ въ руки производителей-капиталистовъ, смотрящихъ на газетное предпріятіе какъ на „дѣло“, какъ на источникъ дохода. Отсюда результатъ: чисто фабричный характеръ газетнаго производства.

Когда я, русскій журналистъ, привыкшій къ скромнымъ и небольшимъ редакціямъ русскихъ газетъ, увидѣлъ въ первый разъ домъ и помѣщеніе парижской газеты „Matin“, я долго не могъ придти въ себя отъ удивленія. Шесть этажей, два фасада, одинъ въ двадцать пять оконъ по одной улицѣ, другой въ восемнадцать по другой; ряды колоссальныхъ ротаціонныхъ машинъ, печатающихъ по 100.000 экземпляровъ въ часъ; цѣлыя залы наборныхъ машинъ; анфилады громадныхъ помѣщеній, переполненныхъ лихорадочно работающими людьми; собственный телеграфъ; постоянное *va et vient* автомобилей. „Вотъ она, — думалъ я, — современная газетная фабрика; не нашимъ редакціямъ чета!“

Конечно, на ряду съ „большими“ газетами, существуютъ и газеты иного типа. Тамъ, гдѣ газету читаетъ *весь* народъ, по необходимости происходитъ дифференціація прессы, въ зависимости отъ обслуживаемыхъ ея органами интересовъ, и отъ того круга читателей, къ которому они обращаются. Оставляя въ сторонѣ спеціальную прессу, мы наряду съ „большой“, рассчитанной на массоваго читателя, имѣемъ спеціально политическую, партійную газету, и газету, рассчитанную на опредѣленные культурные слои населенія. Существуютъ газеты для свѣтскихъ круговъ, другія посвящены преимущественно беллетристикѣ, искусству и т. п., третьи выражаютъ цѣльныя социальныя или религіозныя міровоззрѣнія и т. д. Всѣ онѣ читаются, однако, сравнительно мало. Тиражъ, напр., „Figaro“, „Temps“, „Croix“ и др. опредѣляется небольшими десятками тысячъ; партійныя политическія газеты, даже наиболѣе крупныя, вліятельныя и извѣстныя, — „Radical“, „Lanterne“, — имѣютъ еще меньше читателей, — въ то время какъ „большія“, или, иначе, „бульварныя“ газеты имѣютъ тиражъ въ нѣсколько сотъ тысячъ, зачастую переваливая черезъ миллионъ. Таковы „Journal“, „Matin“, „Petite République“, „Petit Journal“, „Paris-Journal“ и др.

„Большая“ пресса вліяетъ на прессу политическую и идейную, заставляя ее усваивать манеры, навыки и приемы первой. Эти манеры, навыки и приемы — плодъ взаимодѣйствія вкусовъ читателей и писателей, потребителей газетнаго листа и его производителей; они создаютъ газетныя нормы, съ которыми совсѣмъ не считаются нельзя. Кто будетъ читать листокъ, въ которомъ вѣтъ страшнаго романа? И вотъ, почтенный „Radical“, заинтересованный въ возможно-широкомъ распространеніи политическихъ идей радикально-соціалистической партіи среди господъ избирателей, видитъ себя принужденнымъ печатать крикливые и раздирательные романы, полные убійствъ изъ-за любви и денегъ, полные преступленій и подвиговъ апашей и полицейскихъ. „L'Humanité“, соціалистическая газета,

руководимая Жоресомъ, не печатала одно время ни хроники сенсационныхъ преступленій, ни романовъ. Ну, и никто не хотѣлъ ее читать. Если мужъ-соціалистъ приносилъ домой „L'Humanité“, жена разворачивала ее, презрительно осматривала и говорила:

— И что за газета! Вотъ, на rue Botzaris нашли отрѣзанную голову женщины; всѣ газеты полны этимъ дѣломъ, а въ твоей дурацкой „Humanité“ — двѣ строчки! И фельетонъ о кооперативахъ, — очень интересно! Ну, вотъ, я тебѣ объявляю: читай, если хочешь, свою „Humanité“, а я покупаю себѣ „Matin“!

И мужъ, подумавъ, что вѣдь это означаетъ лишнее су въ день, перестаетъ покупать свою социалистическую газету; а при случаѣ говорить какому-нибудь вліятельному социалисту:

— Очень ужъ скучна наша „Humanité“, читать нечего. Вы бы поговорили тамъ, что надо оживить: фельетонъ и вообще...

Слушали, слушали редакторы социалистической газеты, глядѣли на уменьшающійся тиражъ, считали-считали убытки — и отступили наконецъ, насколько позволяетъ совѣсть, отъ ригористической чистоты...

И во всей Франціи можно по пальцамъ перечесть газеты, свободныя отъ вліянія улицы. Мы не ошибемся поэтому, если именно „большую“, или „бульварную“, или, иначе, капиталистически организованную для производства продукта массоваго потребленія прессу будемъ считать характерной для нашей эпохи, — буржуазной эпохи всеобщей грамотности, — и если именно на ней остановимъ свое исключительное вниманіе.

Чтобы организовать во Франціи „большую“ газету, надо въ буквальномъ смыслѣ слова затратить миллионы. Прежде всего потому, что ея расходы очень велики; дорого стоятъ статьи извѣстныхъ авторовъ, еще дороже — хорошо поставленный репортажъ, а безъ хорошаго репортажа, безъ полной информации газета въ „современномъ Вавилонѣ“ — не газета. Въ то же время цѣна ея такъ ничтожна — 1³/₄ коп. въ розницѣ — что едва окупаетъ стоимость бумаги. Очевидно, что всякая газета, пока она не приобрѣтетъ объявленій и постороннихъ доходовъ, должна давать большой убытокъ. Эти посторонніе доходы — разнообразнаго рода. Главный изъ нихъ — лансированіе предпріятій, въ которыхъ заинтересованы издатели. Если они — банкиры, то навѣрно у нихъ на рукахъ акціи десятка предпріятій, которымъ нужно проложить дорогу на биржу и въ карманы рантье; имъ, слѣдовательно, нужна реклама. Если издатели сами непосредственно не заинтересованы въ предпріятіяхъ, они играютъ на чужихъ дѣлахъ: берутъ деньги за молчаніе, еще большія деньги — за похвалы. Нѣтъ такого „дѣла“, которое не ассигновало бы средствъ на publi-

city. Publicité—это реклама въ прессѣ, не ограничивающаяся обыкновенными объявленіями. Чистая форма publicite — это помѣщеніе въ газетѣ статей, въ той или иной, иногда очень скрытой и остроумной формѣ рекламирующихъ „дѣло“. Къ такого рода „публикаціямъ“ прибѣгаютъ и очень крупныя предпріятія, и мелкія, рассчитанныя на мелкаго потребителя. Беру, напр., на удачу номеръ газеты „Journal“. Нахожу въ немъ на второй страницѣ, среди разнообразныхъ по содержанію статей, статейку о вакцинѣ Эрлиха,—оплаченная; о пріютѣ хирурга Дойена (открытіе третьяго отдѣленія пріюта)—оплаченная; о миколезинѣ—оплаченная; о двадцати-сильномъ шестицилиндровомъ автомобилѣ Клеманъ-Бояра — оплаченная. Клеманъ-Боярь—солидный конструкторъ, и дѣло его—серьезное дѣло; поэтому онъ ограничивается публикаціями въ чужихъ газетахъ. Но извѣстный Рошетъ, напр., работавшій за счетъ высосанныхъ изъ кармановъ буржуа милліоновъ и монтировавшій дутыя предпріятія, обзавелся двумя собственными газетами. Его соперникъ, сенаторъ Жиро-Ришардъ, перебивавшій у него городскую концессию на автобусное сообщеніе въ Парижѣ, опирался тоже на большую газету—„Paris-Journal“. Рошетъ рѣшилъ вырвать ее у него изъ рукъ и сдѣлать своимъ орудіемъ, скупилъ значительное число акцій и почти достигъ цѣли. Но тутъ-то конкуренты его и слопали.

Объявленія, publicite, эксплуатація общественной неосвѣдомленности и довѣрчивости, и наконецъ прямой коммерческой, политической и личный шантажъ покрываютъ убытки газеты и создаютъ ея доходы. Я говорю: шантажъ—но какъ же назвать это иначе? Вы, предположимъ, музыкантъ, виртуозъ; вы пріѣхали концертровать въ Парижѣ. Очень скоро къ вамъ явится на домъ корректный и благовоспитанный господинъ и предложитъ вамъ помѣстить за 500 фр. вашъ портретъ, за другіе 500 фр.—благопріятную вамъ замѣтку. Въ случаѣ вашего отказа — васъ продернутъ. Въ Парижѣ издается большая газета, посвященная театру и сценѣ. Рѣшительно всѣмъ хорошо извѣстно, что въ ней *каждая* строчка, каждая фотографія, каждый отзывъ оплаченъ. Такую газету можно бы, кажется, не читать, — между тѣмъ всѣ знаютъ, и всѣ читаютъ.

Но извлекать доходъ изъ всѣхъ видовъ publicite можно только при большомъ распространеніи газеты, насчитывающей своихъ читателей сотнями тысячъ и милліонами. Какъ создать себѣ такую читательскую кліентеллу? Опытъ отвѣчаетъ: надо отвѣчать всѣмъ вкусамъ и наибольшему количеству потребностей. Опытъ же выяснилъ и выработалъ тѣ формы, въ которыхъ это соотвѣтствіе всего лучше реализуется.

Во главѣ газетнаго листа мы всегда находимъ статью по жгучему

вопросу современности, посвященную политикѣ, литературѣ, социальной жизни и т. п. Размѣръ ея—газетный столбецъ, рѣдко полтора. Подписана она крупнымъ политическимъ или общественнымъ дѣтелемъ, корифеемъ науки или литературы. Оплачивается она хорошо—тысячу и больше франковъ за статью. За такія деньги можно приобрѣсть для бульварной газеты любую звѣзду. Статью „звѣзды“ охотно прочтеть всякій—и серьезный политическій дѣтель, и интеллигентный человѣкъ. Если же консьержка обойдетъ ее своимъ вниманіемъ—бѣда невелика. Газета все-таки можетъ сослаться на то, что въ ней со-трудничаютъ и бывшіе министры, и профессора Сорбонны.

Кромѣ „передовой“, въ газетѣ обыкновенно имѣется еще нѣсколько очень маленькихъ статей, посвященныхъ злободневнымъ вопросамъ. Размѣръ ихъ отъ 50 до 60 строкъ, рѣдко больше. Затѣмъ идетъ информация и фельетонъ. Информация имѣется разнаго рода: политическая, скандальная и, наконецъ, мѣстная. Политическая информация поставлена прекрасно съ технической стороны. Газеты получаютъ свѣдѣнія путемъ радіотелеграммъ, телефона, собственного телеграфа, телеграфныхъ агентствъ. Качество информации зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, но вообще очень полагаются на радіотелеграммы и на „собственныхъ корреспондентовъ“ бульварныхъ газетъ нельзя, такъ какъ въ погонѣ за сенсационнымъ они не очень считаются съ правдой. Игнорировать ихъ сообщенія, однако, тоже нельзя. Очень часто именно имъ удается откопать дѣйствительно интересное и разоблачить дѣйствительно важное. Это, обыкновенно, ловкіе, дѣльные, настойчивые люди, опытные журналисты, хорошо снабженные деньгами,—и такъ какъ они обязаны быть интересными, то укрыть что-нибудь отъ ихъ вниманія болѣе чѣмъ трудно.

Массовый читатель интересуется иностранной политикой лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; поэтому во время политическихъ будней центръ тяжести информации переходитъ изъ области политической въ область скандальной хроники. Газета набита телеграммами и репортажными отчетами объ убійствахъ и другихъ преступленіяхъ, о трагическихъ любовныхъ исторіяхъ, дуэляхъ и т. п. Если гдѣ-нибудь въ странѣ происходитъ выходящій изъ ряду скандалъ, онъ вздувается газетой до чудовищныхъ размѣровъ—и получается полная возможность ознакомиться съ постановкой бульварнаго репортажа.

Недавно, напр., въ Парижѣ возникло такое сенсационное дѣло. Однажды, позднимъ вечеромъ, на одномъ изъ пѣшеходныхъ мостиковъ черезъ Сену нашли пальто, шляпу и перчатки, принадлежавшіе, какъ оказалось по визитнымъ карточкамъ, имѣвшимся въ пальто, очень видному члену парижскаго консервативно-клерикальнаго общества, Фредерику д'Аббоди-д'Аррасу. Самъ онъ исчезъ. Семья рѣшила,

что онъ ограбленъ, убитъ и сброшенъ въ Сену. Нѣкоторые предположили, что онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Власти начали разслѣдованіе и поручили обыскать дно Сены. Искали три дня и тѣла не нашли. Загадочность происшествія, социальное положеніе исчезнушаго, — онъ членъ лучшаго общества, миллионеръ, столпъ католической церкви, человѣкъ строгой нравственности и отецъ многочисленнаго семейства, — обратили, конечно, на его исчезновеніе и вниманіе прессы. И пресса, черезъ своихъ репортеровъ, какъ это всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ, начала, параллельно съ полиціей и судебнымъ вѣдомствомъ, дознаніе.

По установившимся въ газетномъ мірѣ обычаямъ, каждый репортеръ, раскопавшій въ интересномъ дѣлѣ интересную подробность, получаетъ немедленно отъ газеты премію. Репортеры, поэтому, стараются изъ всѣхъ силъ и проявляютъ чудеса сыскной или розыскной догадливости. Нечего и говорить, что на службѣ у газеты остаются только талантливые сыщики-репортеры, и такимъ образомъ, путемъ, такъ сказать, естественнаго подбора, всякая большая, живущая сенсацией газета имѣетъ кадры репортеровъ, зачастую далеко оставляющихъ за собою по таланту агентовъ офиціальнаго сыскаго отдѣленія. И вотъ, газетные репортеры обслѣдовали всю жизнь семьи д'Аббоди-д'Арраса за все послѣднее время и шагъ за шагомъ прослѣдили послѣдній день до его исчезновенія. Они опросили прислугу и содержателей отелей, въ которыхъ д'Аббоди останавливался во время приѣздовъ въ Парижъ, — онъ жилъ подъ городомъ, — и осмотрѣли книги этихъ отелей; кромѣ того, они обѣгали всѣ агентства мореходныхъ компаній и осмотрѣли также ихъ книги. И въ результатѣ открыли мѣстонахожденіе мнимо-погибшаго. Ходъ ихъ изслѣдованій былъ таковъ. Д'Аббоди не былъ убитъ и не кончилъ самоубійствомъ, такъ какъ въ рѣкѣ не оказалось его тѣла, а время его исчезновенія — около 11 часовъ вечера — исключало возможность незамѣчнаго уличнаго нападенія или незамѣчнаго же самоубійства. Слѣдовательно онъ бѣжалъ. Зачѣмъ и для чего убѣгать миллионеру, всѣми уважаемому? Романъ. Съ кѣмъ романъ? Съ гувернанткой, оставившей его домъ мѣсяца за три до катастрофы, — потому что внѣ дома романовъ навѣрное не было. Немедленно полетѣли репортеры въ глубь Дофинѣ, на родину гувернантки, m-me Benoit. Оказалось, что она съ недѣлю какъ уѣхала въ Канаду. Разспросили все и всѣхъ, раскопали всѣ мелочи ея жизни. Оказалось, что за мѣсяць до окончательнаго ея отъѣзда m-me Benoit ѣздила въ Парижъ и что день этотъ совпалъ съ днемъ одной изъ поѣздокъ д'Аббоди въ Парижъ. Оказалось, далѣе, что въ томъ отелѣ, въ которомъ въ этотъ день останавливался д'Аббоди, останавливалась и какая-то m-me Vie; та же Vie стояла

въ отелѣ, въ который заѣхалъ д'Аббоди передъ своимъ исчезновеніемъ. Въ одной изъ мореходныхъ конторъ, поддерживающихъ сношеніе съ Канадой, нашли записъ на билетъ въ Канаду на имя m-г и m-me Vie, сдѣланную рукой д'Аббоди, — и такимъ путемъ получили возможность объявить, что мнимо-погибшій, вмѣстѣ съ своей бывшей гувернанткой, спокойно ѣдетъ въ Канаду на такомъ-то пароходѣ, въ такой-то каютѣ. А официальное дознаніе въ это время еще бродило въ потемкахъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что разслѣдованіе это газетные репортеры произвели чрезвычайно быстро, обнаруживъ точность и отчетливость работы и большую умѣлость. Это — опытные слѣдователи, но не только опытные, а и удивительно безцеремонные, чтобы не сказать наглые. Для нихъ нѣтъ затворенныхъ дверей, нѣтъ частныхъ секретовъ, нѣтъ интимныхъ тайнъ, нѣтъ недопустимыхъ или запретныхъ приемовъ „освѣщенія“. Ихъ можно выгнать въ дверь — они влетятъ въ окно; можно обругать — они только улыбнутся. Кого нужно, они разспросятъ любезно и вѣжливо, кого нужно — припугнутъ или приласкаютъ, подкупятъ, обовьютъ вокругъ пальца, смотря по человѣку и обстоятельствамъ. И такъ какъ они — представители прессы, великой державы, и дѣйствуютъ во имя общественнаго интереса, то передъ ними раскрываются двери; люди убитые горемъ, люди мало склонные выносить на улицу свои интимныя дѣла не смѣютъ отказать репортеру въ свиданіи. А только дай свиданіе — опытный сыщикъ что-нибудь да учуетъ, кое-что присочинить, и во всякомъ случаѣ получить матеріалъ для десятка новыхъ интервью. Въ дѣлѣ д'Аббоди репортеры, напр., ежедневно получали информацію въ домъ покинутой жены его, а у родителей m-lle Benoit добыли и письма ея къ матери, и отчетъ о поведеніи всѣхъ членовъ ея семьи. И все, конечно, пропечатали.

Но это только цвѣточки. Можно допустить, что въ свободномъ гражданскомъ обществѣ общій интересъ требуетъ участія всѣхъ общественныхъ силъ въ раскрытіи преступленій, или, какъ въ настоящемъ случаѣ, въ выясненіи вопроса, что передъ нами: дѣйствительное ли преступленіе, или симуляція его, инсценировка съ посторонними цѣлями? Можно, поэтому, допустить, что газетное слѣдствіе, въ очерченныхъ выше предѣлахъ, отвѣчало общественной потребности. Но допущеніе это было бы ошибочнымъ. Конечно, репортерами и газетами руководить не общественный интересъ, а желаніе привлечь читателя сенсационнымъ матеріаломъ. И вотъ доказательство. Вниманіе газеты къ дѣлу д'Аббоди ничуть не ослабѣло послѣ того какъ выяснилось, что онъ просто-напросто оставилъ свою семью, чтобы съ новой другой жизни устроиться на новомъ мѣстѣ. Напротивъ, оно возросло, и всѣ перипетіи личной и интимной драмы трехъ лицъ — покинутой

жены, покинувшего мужа и молодой дѣвушки, — обследовались и изслѣдовались съ тѣмъ же азартомъ и тою же наглостью.

Чету мнимыхъ супруговъ Vie добродѣтельная Канада не допустила на свою территорію. Она отправила ихъ обратно въ Ливерпуль, гдѣ они сѣли на пароходъ — отправила врозь, на разныхъ пароходахъ. Что они будутъ дѣлать? Возвратятся къ пенатамъ? Или соединятся вновь? Гдѣ найдутъ себѣ пріютъ? Жена д'Аббоди, видимо полагая, что мужа можно еще вернуть въ семью, поѣхала въ Ливерпуль встрѣтить его и примирить съ собою. Помирятся ли супруги?

Эти, казалось бы, строго личные и ни для кого, кромѣ непосредственно заинтересованныхъ лицъ, неинтересные вопросы заполнили на нѣсколько дней газетные листы. Репортерамъ было приказано освѣтить вопросъ. Съ пароходовъ, которые везли обратно бѣглецовъ, летѣли длиннѣйшія радіо-телеграммы, отмѣчавшія каждый жестъ интересныхъ пассажировъ: выходилъ изъ каюты, обѣдалъ, съ кѣмъ говорилъ, кому не отвѣтилъ, грустенъ, веселъ — тысячи подробностей. И въ какомъ тонѣ! Беру, напр., „Matin“, и въ № отъ 10 іюня нахожу портретъ m-lle Benoit, — четвертый по счету, и радіотелеграмму въ полтора газетныхъ столбца. Что она могла стоить! Заголовокъ телеграммы: „На борту корабля. Она флиртуетъ“. А вотъ выдержки изъ самой телеграммы: „Въ среду утромъ m-lle Benoit гуляла съ однимъ изъ канадскихъ солдатъ, отправляющихся на коронацію Георга V. Новые друзья сдѣлали нѣсколько туровъ по палубѣ, держась подъ-руку и молча... Одинъ изъ солдатъ, кстати — говорящій по-французски, хотѣлъ приблизиться къ молодой дѣвушкѣ, но имѣлъ несчастье найти мѣсто занятымъ своимъ болѣе удачливымъ товарищемъ. Онъ сообщилъ объ этомъ другимъ солдатамъ. Тѣ передали офицерамъ, и такимъ образомъ авантюра дѣвушки была извѣстна всѣмъ. Бинокли офицеровъ направились на m-lle Benoit, и всѣ стали говорить о ней. Одинъ за другимъ офицеры отправлялись на заднюю палубу, чтобы полюбоваться ею во время ея прогулки подъ-руку съ солдатомъ. M-lle Benoit была безумно весела все утро. Но, замѣтивъ, что она является объектомъ общаго вниманія, она въ 11 часовъ скрылась вмѣстѣ съ солдатомъ“. И подобнымъ пошлымъ и бессмысленнымъ вздоромъ заполняются цѣлые столбцы газеты!

И д'Аббоди-д'Арраса, и его подругу въ Ливерпуль встрѣтили цѣлыя тучи репортеровъ. „Мы ринулись на сходни, — телеграфируетъ одинъ изъ нихъ, — какъ только они были положены, и окружили д'Аббоди. Къ сожалѣнію долженъ сказать, что онъ былъ невѣжливъ и даже оттолкнулъ нѣсколькихъ изъ насъ. Затѣмъ онъ попытался замѣшаться въ толпу и скрыться отъ насъ на автомобилѣ. Но это ему не удалось. Произошла бѣшеная гонка, и намъ удалось его настигнуть и послѣдить,

гдѣ онъ остановился“. За д'Аббоди была устроена форменная слѣжка. О каждомъ его шагѣ телеграфировали. Вечеромъ онъ вышелъ изъ отеля и отправился въ портъ. Свора репортеровъ—за нимъ. Началась новая гонка, но д'Аббоди удалось скрыться: шель поѣздъ, д'Аббоди проскочилъ передъ самымъ его носомъ, а репортеры не успѣли; когда поѣздъ прошелъ, бѣглеца и слѣдъ простылъ. Тогда репортеры устроили караулы у всѣхъ тѣхъ мѣстъ, куда онъ могъ бы направиться, еслибы вздумалъ встрѣчать m-lle Benoit...

По приѣздѣ m-lle Benoit въ Ливерпуль, ее встрѣтила та же свора, и міръ узналъ изъ одной длиннѣйшей телеграммы, что она охотно смѣется, изъ другой—что она прелестна, изъ третьей—что она рѣшила стоически перенести свои злоключенія.

Въ слѣдующемъ № газеты бѣглецамъ посвящено *пять столбцовъ*! Половина занята рассказомъ о неудачѣ репортеровъ. Они ловили, m-lle Benoit ускользала; наконецъ, ее всетаки поймали и обложили частный домъ, въ которомъ она помѣстилась. Осада нарушила, однако, общественный порядокъ. Автомобили репортеровъ загрузили улицу и стѣсняли движеніе. Ночью репортеры, подсматривая и шпиона, то и дѣло носились на телеграфъ и мѣшали спать мирнымъ жителямъ. Пришелъ полицменъ и прогналъ ихъ всѣхъ. Когда утромъ въ шесть часовъ они снова явились, птичка оказалась улетѣвшей, а куда—неизвѣстно. Еслибы не это несчастное обстоятельство, они гонялись бы за ней вплоть до полярнаго круга, пока изъ редакціи не пришелъ бы приказъ: „Benoit публикѣ надоѣла—ату по другому слѣду“. Тогда репортеры-сыщики, репортеры-слѣдователи, репортеры-интервьюеры набросились бы на другую жертву, на другое скандальное или преступное дѣло, и столбцы газеты опять были бы полны расцвѣченными и вздутыми интимными подробностями чьей-нибудь любви или измѣны, какого-нибудь мошенничества, разбоя, убійства, живописными подробностями чьей-нибудь казни и т. д., и т. д.

Беллетристика, занимающая большое мѣсто въ бульварной прессѣ, подъ стать этому сенсационному репортажу. Учителемъ и родоначальникомъ современныхъ французскихъ газетныхъ романистовъ долженъ, конечно, считаться Понсонъ-дю-Террайль, авторъ „Рокамболя“, „Воскресшаго Рокамболя“ и др. Не даромъ же „Matin“ печатаетъ именно теперь „Cadet Friponille“, неизданный до сихъ поръ романъ Террайля, составляющій продолженіе „Воскресшаго Рокамболя“. Эпигоны Террайля усвоили его манеру—живую, остроумную; его тему—преступленіе; его приемъ—свободу въ обращеніи даже съ элементарной житейской правдой, умѣнье нагромождать одно фантастическое приключеніе на другое. Надо сознаться, что любой бульварный романъ читается легко и часто съ любопытствомъ; среди авторовъ много не-

сомнѣнно талантливыхъ людей, которые могли бы дать и создать что-нибудь во много разъ болѣе цѣнное. Но надъ ними тяготѣютъ вкусы улицы, для которой существуетъ бульварная газета, и воля редакціи, стремящейся угождать этимъ вкусамъ и культивировать ихъ.

Кромѣ большихъ романовъ съ приключеніями, всѣ бульварныя газеты печатаютъ мелкіе рассказы—одинъ, два въ номерѣ,—привлекая на свои страницы съ одной стороны специалистовъ порнографической беллетристики, съ другой—крупныхъ и извѣстныхъ авторовъ. Во Франціи почти нѣтъ ни одного художника слова, ни одного крупнаго и уважаемаго беллетриста, который не давалъ бы своихъ мелкихъ вещей „большой“ прессѣ, соблазненный громадными гонорарами. Такимъ образомъ и взыскательный, и невзыскательный читатель находятъ въ ней для себя чтеніе. А съ другой стороны, газета, угождающая самымъ низменнымъ вкусамъ самой низменной публики, имѣетъ основаніе съ гордостью указывать на лучшія имена литературы въ спискахъ своихъ сотрудниковъ. Надо, однако, отмѣтить, что, попадая въ „дурное общество“, эти звѣзды французской литературы нѣчто заимствуютъ отъ среды. По крайней мѣрѣ очень и очень рѣдко можно встрѣтить на страницахъ большихъ газетъ рассказъ—къмъ бы онъ ни былъ написанъ—безъ порнографіи. Здѣсь такъ къ ней привыкли, что почти не замѣчаютъ привкуса прогорклаго сала, свойственнаго газетной беллетристикѣ. Кромѣ того, сало это растворено въ массѣ сенсационной бурды, составляющей содержаніе газеты. И потому „Le Journal“, наприимѣръ,—наиболѣе распространенная газета, съ тиражемъ чуть не въ полтора милліона,—читается преимущественно женской публикой, и никого особенно не оскорбляетъ. А между тѣмъ... Между тѣмъ недавно газета „Matin“, конкурирующая съ „Journal“ и всячески стремящаяся подставить ему ногу, выкинула слѣдующую штуку. Она сдѣлала выборки изъ статей и рассказовъ „Journal“ и собрала такой изумительный порнографическій букетъ, что и публика, и полиція только ахнули, когда газетные камло преподнесли ей его подъ видомъ новой газеты, озаглавленной „Journal des Satyres“. Отвѣтственнаго редактора этой газетки привлекли къ отвѣтственности, но онъ съ недоумѣніемъ сказалъ слѣдователю:

— Вы хотите меня преслѣдовать? Но за что? Въ моей газетѣ не было ни одной строчки, не взятой изъ „Journal“. Вы же его не преслѣдовали...

А на слѣдующій день на всѣхъ бульварахъ газетные камло выкликали новую газету: „Je vois tout“. Половина первой страницы ея была занята одной фразой: „Преслѣдуйте не „Journal des Satyres“, а сатировъ „Journal“'я. Это былъ новый фортель „Matin“. Мы, конечно, могли бы сказать этому парижскому „Утру“: „Чѣмъ кумушекъ

считать трудиться, не лучше ль на себя оборотиться"? Тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно, что только истиннымъ сатирамъ можетъ быть по душѣ тотъ культъ преступленія, извращенія и порнографіи, который избрала большая бульварная пресса.

Характерной особенностью „большой“ прессы является стремленіе ея сократить до минимума трудъ читателя, его интеллектуальное напряженіе. Отсюда большіе заголовки; подзаголовки, резюмирующіе содержаніе статей; рисунки и каррикатуры, составленные такъ, чтобы, посмотрѣвъ на нихъ, можно было не читать комментирующаго ихъ текста. Цѣль всѣхъ этихъ приѣмовъ—дать читателю возможность, лишь бросивъ взглядъ на газетный листъ, знать все, что дѣлается на свѣтѣ.

Вы позволите мнѣ не останавливаться долѣе на описаніи „большой газеты“ и оставить въ сторонѣ крупныя ея отдѣлы, посвященные спорту, описаніямъ великосвѣтскихъ баловъ и нарядовъ герцогинь и кокотокъ, финансовой хроникѣ и т. д. Сказаннаго до сихъ поръ совершенно достаточно, чтобы дать ея общую характеристику. Ея основной признакъ: безидейность и безпринципность. У нея есть иногда „направленіе“; въ республиканской странѣ она, въ общемъ—республиканская пресса; она стоитъ на почвѣ „существующаго порядка вещей“ и слегка кокетничаетъ съ „существующимъ порядкомъ“ завтрашняго дня, насколько онъ выясняется изъ тумана будущаго. Въ этихъ соображеніяхъ ей глубоко безразличны роялисты и радикалы, социалисты и анархисты, католики и франкмасоны, кабинеты разныхъ направленій и всяческія общественныя движенія. Или иначе: всѣ они одинаково интересны для нея, насколько сенсационны ихъ выступленія, и тѣмъ она посвящаетъ больше вниманія, вокругъ кого можно больше надѣлать шума и къ кому можно больше заинтересовать улицу.

Улица—вотъ кому служить и кому потрафляетъ большая пресса. И такъ какъ улица морально и умственно невзыскательна, то моральный и интеллектуальный уровень большой прессы упорно низменъ. Но публика воспитывается на газетѣ—и потому получается порочный кругъ, звенья котораго взаимно зависятъ другъ отъ друга. Если мы примемъ за первопричину невзыскательность читателя, стоящаго на низкой ступени развитія, читателя съ необлагороженными вкусами, то грубо-сенсационный и безидейный характеръ газеты представится намъ въ видѣ послѣдствія. Но мы будемъ столь же правы, если будемъ видѣть въ газетѣ, ежедневно культивирующей въ малоразвитомъ и часто юномъ читателѣ вкусъ къ крикливому, яркому, скандальному и пошлomu, въ газетѣ, свободной отъ принциповъ, отъ морали и мысли—одну изъ причинъ духовной ничтожности улицы. Обѣ

эти точки зрѣнія произвольны. Существуетъ взаимозависимость, существуетъ кругъ, а не прямая линія простой или упрощенной причинности. И газета, и читатель—продукты эпохи, эпохи капиталистической и буржуазной, въ которой все продается и покупается, въ которой и „духовная пища“—лишь товаръ, подчиняющійся общимъ законамъ буржуазнаго производства и потребления. Оттого газета находится въ распоряженіи дѣльцовъ; оттого она идетъ по линіи спроса, отказавшись отъ прямыхъ культурныхъ цѣлей; оттого она легко проникаетъ въ массы, въ которыхъ уже проснулись умственные интересы, но не успѣли еще обогатиться.

Мы не исчерпали бы своей темы, не закончили бы характеристики типичной прессы буржуазной эпохи, если бы не ознакомили читателя съ ея дегенеративными формами, съ тѣми ея „низинами“, къ которымъ она по внутренней необходимости скользитъ.

Мы указали на сенсационный характеръ „большой“ прессы, на ея вѣчные поиски захватывающихъ темъ, на ея информационный характеръ. Эти особенности ея создали типъ журналиста-репортера, журналиста-слѣдователя, журналиста-сыщика, — типъ, патронируемый газетами и хорошо оплачиваемый. Совершенно естественно, что репортажъ, примыкающій къ сыску, и сыскъ, примыкающій къ репортажу, долженъ былъ выдѣлиться въ своего рода подсобную промышленность, тѣсно связанную съ газетнымъ производствомъ. Мы дѣйствительно и находимъ въ Парижѣ цѣлый рядъ литературно-сыскныхъ или репортажныхъ бюро. Таково, напр., литературно-сыскное бюро Гео Фурни. Оно издаетъ три репортажныхъ газетки. Вотъ ихъ заголовки:

„1) „La presse internationale illustrée“ (Иллюстрированная иностранная пресса). Современно-организованная телеграфная и телефонная информация. На всѣхъ языкахъ, для газетъ всего міра. Репортажъ. Новости дня и хроника. Слухи и новости. Интервью и сообщенія. Хроника парламентская, муниципальная, судебная, финансовая, театральная, спортивная и т. д.

„2) „Je vois tout“ (Я вижу все)—бюро информации, политической, социальной и криминальной, для журналовъ, газетъ, издателей. Международное революционное движеніе; террористы въ Европѣ и Америкѣ.—Міръ преступниковъ. Парижъ ночью; очаги преступленій, скандаловъ, нищеты. Тюрьмы.—Полиція; ея прошлое; ея настоящее; ея будущее; чѣмъ она должна бы быть; сыскъ; защита отъ сыска; контроль-сыскъ и т. д.—Принимаютъ къ исполненію стенографическія и фотографическія работы.

„3) „Paris-Télégraphe“. Хроника происшествій ночи и ранняго утра. Выходить въ полдень. Афишируется ежедневно во всѣхъ крупныхъ учрежденіяхъ столицы“.

Всѣ эти три „газеты“ представляютъ собой небольшіе листки цвѣтной бумаги съ текстомъ ксилографированнымъ; они разсылаются даромъ по редакціямъ, въ надеждѣ, что редакціи съ своей стороны, ознакомившись съ репортажной службой г. Фурни, будутъ сами обращаться къ нему за справками и давать репортажно-сыскныя порученія. Такъ и было. Агентство Фурни работало для многихъ парижскихъ и заграничныхъ редакцій, даже крупныхъ, и члены агентства—все журналисты—состояли репортерами парижскихъ газетъ и корреспондентами заграничныхъ.

Но вѣдь нѣтъ основанія продавать свои свѣдѣнія только оди́нмъ редакціямъ газетъ, если на тѣ же свѣдѣнія имѣется спросъ съ чьей-либо еще стороны. Всякій заказчикъ, платящій хорошія деньги—хорошій заказчикъ и желанный.

И вотъ, мы видимъ, что репортажное бюро разыскиваетъ наслѣдства для наслѣдниковъ, и наслѣдниковъ для наслѣдствъ... Но лучше обратимся къ тексту одного изъ его циркуляровъ. „Мы имѣемъ честь обратить ваше вниманіе на нашу вполне автономную бригаду международной полиціи, составленную изъ искуснѣйшихъ сыщиковъ, преданныхъ своей профессіи, испытанныхъ въ ней и слѣдующихъ всегда принципамъ чести и законности.“

„Благодаря великолѣпной и совершенно современной организаціи, благодаря наличности нашихъ агентовъ повсюду, мы въ состояніи разрѣшать задачи наиболѣе трудныя и опасныя.“

„Кромѣ разслѣдованія преступленій, наша бригада ведетъ съ величайшимъ тактомъ и абсолютной скромностью всевозможные розыски.“

„Мы также предоставляемъ въ распоряженіе нашихъ кліентовъ женщинъ-сыщицъ, ночныхъ сторожей и т. д.—все бывшихъ агентовъ лучшихъ сыскныхъ отдѣленій Европы и Америки.“

„*Къ свѣдѣнію и иностранцевъ:* каждую ночь, подъ защитой нашихъ агентовъ и полицейскихъ собакъ, турнэ по очагамъ преступленія, скандала и нищеты. Tournée des Grands Ducs“.

Таково литературно-репортажно-сыскное и сводническое бюро г. Гео Фурни съ внѣшней стороны—насколько дѣятельность его нашла выраженіе свое въ анонсахъ и заголовкахъ его публикацій и циркуляровъ.

Посмотримъ на него со стороны его дѣйствительной работы. По показаніямъ одного изъ агентовъ бюро, журналиста Блэда, онъ занимался въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ слѣдующими операціями:

поставлялъ репортажныя свѣдѣнія въ четыре парижскихъ газеты; состоялъ корреспондентомъ „Etoile Belge“; состоялъ членомъ федераціи революціонеровъ-коммунистовъ, членомъ группы революціонной прессы и, наконецъ, членомъ „общества революціонеровъ 18-го округа Парижа“. По порученію шефа бюро, Гео Фурни, „наблюдалъ“ за революціонерами и особенно за анархистами, относительно которыхъ регулярно давалъ своему бюро письменные отчеты. Во время желѣзнодорожной забастовки „наблюдалъ“ за стачечниками; въ разное время — за франкмасонскими ложами, при чемъ состоялъ членомъ одной изъ нихъ, за „camelots du roi“ и вообще за роялистами, при чемъ тоже состоялъ въ организаціи и иногда продавалъ на улицѣ „L'action Française“. Былъ прогнанъ роялистами, послѣ того какъ былъ осужденъ на четыре мѣсяца въ тюрьму за мошенничество. Во время безпорядковъ въ Шампани ѣздилъ туда въ обществѣ анархистовъ и революціонеровъ изъ „Guerre Sociale“; агитировалъ; послѣ взрыва одной бомбы около Эпернэ указалъ полиціи на одного изъ распространителей „Guerre Sociale“ какъ на бомбиста. Тотъ, конечно, былъ арестованъ, но судебныя власти, производившія слѣдствіе на мѣстѣ, пришли къ заключенію, что самъ Блэдъ имѣлъ тѣсное отношеніе къ бомбамъ, и распорядились арестовать и его.

Другимъ агентомъ бюро Фурни былъ *журналистъ* Дюдрагъ. Дюдрагъ извѣстенъ былъ въ качествѣ „убѣжденнаго“ анархиста и редактора анархистскаго журнала „Libertaire“. Третьимъ агентомъ былъ *журналистъ* Буланже, сотрудникъ журнала „L'anarchie“, четвертымъ — докторъ Рейхманъ, тоже журналистъ. На этомъ докторъ Рейхманъ нужно остановиться подробнѣе. Уроженецъ Румыніи, онъ состоялъ членомъ румынскихъ революціонныхъ организацій, и въ концѣ концовъ организовалъ покушеніе на жизнь министра Братіано. Былъ арестованъ и бѣжалъ при обстоятельствахъ позволявшихъ думать, что онъ былъ, въ сущности, выпущенъ властями. Среди румынскихъ социалдемократовъ давно уже бродили сомнѣнія относительно доктора Рейхмана; послѣ этого покушенія и бѣгства они окрѣпли, и Рейхманъ былъ объявленъ агентомъ-provocаторомъ. Онъ протестовалъ, требовалъ суда надъ собой и добился судебного разбирательства своего дѣла въ Парижѣ межпартійнымъ и интернаціональнымъ трибуналомъ. Горячо и страстно защищался, и такъ какъ обвинители не могли представить безспорныхъ и исключających сомнѣніе доказательствъ, былъ оправданъ за бездоказательностью обвиненія. Оправданный Рейхманъ остался въ революціонно-анархистской средѣ, сотрудничалъ въ анархистскихъ газетахъ, являясь, конечно, представителемъ самыхъ крайнихъ взглядовъ. Въ настоящее время обнаружилось, что онъ дѣйствовалъ за счетъ Гео Фурни. По его порученію Рейхманъ, какъ сообщаетъ „Ни-

manité", наблюдалъ въ Австріи за русскими эмигрантами; по его порученію „освѣщалъ“ въ Парижѣ интернаціонально-анархистскія организаціи. Чтобы покончить съ сферой дѣйствія агентства Фурни, остается лишь указать, что въ кругъ его дѣйствій входила и русская эмиграція.

Перейдемъ теперь къ методамъ дѣйствія литературно-сыскаго бюро. Извѣстно изъ показаній Блэда, что оно „наблюдало“ за желѣзнодорожными стачечниками. Но оно не только наблюдало: оно саботировало желѣзнодорожныя линіи. Въ анархистскихъ и ультра-революціонныхъ кружкахъ, въ составъ которыхъ входили агенты Фурни, составлялись планы саботажа, фабриковались бомбы и т. д. Исполненіе покушеній брали на себя агенты Фурни, и покушенія—обыкновенно безвредныя—дѣйствительно ими приводились въ исполненіе. Во время октябрьской всеобщей желѣзнодорожной забастовки на рельсахъ, въ пустыхъ вагонахъ, около квартиръ желѣзнодорожнаго начальства взорвалось около десятка бомбъ, не причинивъ никакого существеннаго вреда. Бомбы были бутфорскія—и тогда же сложилось общее убѣжденіе, что террористическіе акты инсценируются кѣмъ-то съ посторонними цѣлями. Теперь извѣстно, что инсценировались они агентствомъ Фурни. Кто былъ его заказчикомъ? Это пока не выяснено. Одни указываютъ на компаніи, которымъ саботажъ былъ нуженъ въ качествѣ предлога для репрессіи по отношенію къ рабочимъ синдикатамъ и ихъ руководителямъ. Другіе думаютъ, что и полиція, а слѣдовательно и правительство Бріана не были чужды этимъ махинаціямъ, такъ какъ однимъ изъ главныхъ аргументовъ, которымъ правительство Бріана и въ парламентѣ, и въ прессѣ оправдывало свою политику по отношенію къ желѣзнодорожникамъ, былъ саботажъ и необходимость борьбы съ нимъ. Оба эти предположенія болѣе или менѣе правдоподобны, но не исключена возможность и двухъ другихъ мотивовъ. Агентамъ Фурни, чтобы пользоваться вѣсомъ въ анархистской средѣ, нужно было совершать и анархистскія дѣйствія; съ другой стороны, сенсационнымъ репортерамъ нужны были сенсационныя преступленія. Если ихъ нѣтъ, почему не сфабриковать ихъ?

Въ Шампани, во время безпорядковъ, вызванныхъ вопросомъ о делимитаціи, Фурни „работалъ“ вмѣстѣ съ членами анархистскихъ и революціонныхъ круговъ. Онъ отправился туда, запасшись бомбами; одна изъ которыхъ была взорвана. Онъ возбуждалъ винодѣловъ къ бунту и корреспондировалъ въ газеты, описывая этотъ бунтъ. Интимной его задачей являлось выясненіе всѣхъ вожаковъ движенія, ихъ плановъ, цѣлей и замысловъ. Передъ нами, такимъ образомъ, логиче-

ская цѣль: погоня за сенсационнымъ репортажемъ влечетъ за собой шпіонажъ, а шпіонажъ по необходимости приводитъ къ провокаціи.

Рядомъ съ этимъ, шпіонскія организаціи, даже въ томъ случаѣ, если онѣ созданы съ репортажными цѣлями, въ погонѣ за барышомъ, поступаютъ на службу или вступаютъ въ связь со всѣми тѣми, кто въ ихъ услугахъ можетъ нуждаться—съ официальной сыскной полиціей, съ общественными элементами, заинтересованными въ „охранѣ порядка“ во что бы то ни стало, съ любителями „du chemin des Grands Ducs“.

Наконецъ, чисто сыскныя учрежденія, интимно связанныя съ міромъ преступниковъ, сыщиковъ, анархистовъ и т. п., будучи обладателями многихъ сенсационныхъ свѣдѣній и секретовъ, являются желанными сотрудниками, по части репортажа, гоняющихся за сенсацией газетъ.

Такимъ образомъ, два міра—міръ печати и міръ сыска,—казалось бы не имѣющіе между собой ничего общаго, частично совпадаютъ, почти сливаются. И глядя, напр., на Блэда, вы затруднитесь опредѣлить—кто передъ вами: журналистъ, или революціонеръ, или агентъ-провокаторъ, или фантастическое существо, совмѣщающее въ себѣ всѣ эти три лица. Когда онъ и Фурни пришли интервьюировать г. Бурцева, они отрекомендовались и революціонерами, и анархистами, и журналистами. Они сняли съ Бурцева фотографію; попросили у него свѣдѣній и разъясненій по дѣлу Азефа; втираясь къ человѣку, надзоръ за которымъ можетъ кое для кого представить интересъ, они заявили, что дѣйствуютъ по порученію брюссельской газеты „Etoile Belge“. Когда Бурцевъ запросилъ газету, является ли Блэдъ ея представителемъ или корреспондентомъ въ Парижѣ, онъ получилъ отъ редакціи утвердительный отвѣтъ. „Etoile Belge“—не сыскная газета. Какимъ же образомъ могъ сдѣлаться ея сотрудникомъ въ Парижѣ сыщикъ, подложный анархистъ, коммунистъ, революціонеръ, „camelot du roi“, франкмасонъ, бомбистъ и подлинный мазурикъ? Только благодаря тому, что онъ—сенсационный репортеръ, а сенсационный репортажъ—нервъ „большой газеты“, порожденіе буржуазнаго вѣка, отдавашаго величайшее культурное орудіе—печать—въ руки капиталистовъ-предпринимателей и грамотной, но малокультурной улицы.

БѢЛОРУССОВЪ.

ЧЕРНОГОРСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Письмо изъ Цетинье.

Изъ итальянскаго Бари въ черногорскій Баръ (Антивари), перерѣзавъ Адриатику, привозитъ меня небольшой итальянскій пароходъ „Барлетта“. Этого перехода изъ міра латинскаго въ міръ славянскій я жду съ нетерпѣніемъ челоѣка, пять лѣтъ не бывшаго среди населенія, которое говоритъ на языкѣ, близкомъ къ родному, русскому, понятномъ безъ спеціального его изученія. А затѣмъ—Черногорія... такое само по себѣ заманчивое имя! Въ Италію влекутъ насъ рассказы о ея лазурномъ небѣ, о ея пѣснѣ, объ историческихъ ея памятникахъ, влекутъ надежды на поэтическій отдыхъ, порою обманчивыя надежды, но всегда окупающіяся чѣмъ-нибудь инымъ, неожиданнымъ, но во истину прекраснымъ. А вотъ Черногорія—terra incognita; приходилось слышать про скалы, про смѣлый, рослый народъ, про красныя шапочки, про патриархальный бытъ. Но если природа не мѣняется, должны же мѣняться нравы и обычаи въ этой маленькой странѣ, которую съ сѣвера тѣснитъ Австрія, съ востока и юга—Турція, а съ запада старательно культивируетъ Италія. Или и вправду эти горы неприступны не только для непріятелей, но и для мирныхъ завоевателей?

Еще не знаю, доступны ли горы въ центрѣ страны, но первый шагъ на черногорскую территорію говоритъ о томъ, что прибрежный кусокъ ея единственнаго порта, Баръ-Антивари, очень склоненъ къ воспріятію итальянской культуры. Здѣсь все—итальянское, начиная отъ пристани парохода и кончая убѣгающей въ горы узкоколейной дорогой, выстроенной итальянскими инженерами и рабочими. Итальянцы же содержатъ и единственный отель. И даже сербскій языкъ здѣсь нуженъ скорѣе какъ роскошь, чѣмъ какъ необходимость: всѣ говорятъ на языкѣ Данте. Свободно обращаются и итальянскія деньги.

Отъ моря тянется обширная долина, окруженная горами—мѣсто для будущаго важнаго торговаго города. Его еще нѣтъ, но борьба за него уже чувствуется. Изъ-за моря тянется къ нему Италія, съ юга и отъ Скутарійскаго озера зорко слѣдитъ за нимъ красная феска, а на высокой сопкѣ, въ виду самаго порта, жадно и грозно торчитъ австрійская Спицца. Возможно, впрочемъ, что крѣпость Спицца больше раздражаетъ, чѣмъ дѣйствительно страшна. Пovyше ея, и много по-выше, вершина большой горы принадлежитъ Черногоріи. Можно ли туда забраться—про то знаютъ черногорцы, но они указываютъ на

эту вершину, какъ на хорошій отвѣтъ дерзкому австрійцу. Если смотрѣть отъ берега налѣво, то черезъ пятно зелени на склонѣ горы и черезъ рядъ бѣлыхъ домиковъ пройдетъ австрійская граница.

Въ Антивари всего нѣсколько домиковъ, но достаточно взглянуть на карту Черногоріи, чтобы понять, что изъ-за этихъ домиковъ и изъ-за этого клочка земли можетъ подрагаться весь міръ. Сжатая кольцомъ недружелюбныхъ сосѣдей, Черногорія въ Антивари прорывается въ міръ, къ морю, прорывается узкой полоской. Замкнись кольцо на побережьѣ — и маленькая страна окажется въ горной тюрьмѣ, безъ единого окошечка на Божій свѣтъ, осужденной на пожизненное заключеніе. Пусть сейчасъ антиварійскій портъ служить лишь чужимъ культуртрегерскимъ интересамъ — но лишь въ немъ ея надежда на будущее; ибо она еще вѣритъ въ будущее, эта маленькая страна, вѣритъ въ то, что благодаря ей соединится море съ моремъ черезъ славянскія земли.

Дорога въ Цетинье прекрасна и разнообразна. Приходится часа три ѣхать въ поѣздѣ, въ его единственномъ пассажирскомъ вагонѣ, съ нѣсколькими остановками въ горахъ. При остановкахъ можно выйти побродить немного по скаламъ, полюбоваться открывающимися видами. Въ одномъ мѣстѣ дорога захлестываетъ петлю, и здѣсь подъемъ особенно живописенъ. Вверху — пятиминутный туннель, образчикъ итальянскаго творчества въ этой сферѣ; затѣмъ начинается спускъ въ долину и къ Скутарійскому озеру. Суровая, грозная, не поддающаяся укрощенію природа чувствуется вездѣ. Но итальянцы уже пробуравили гору туннелемъ; ясно, что они пойдутъ и дальше! И правда, внизу видно новое поле для примѣненія ихъ энергіи: луга, затопленные высокою водою озера у самаго Вирпазара.

Луга затоплены уже третій годъ, и третій годъ итальянцы, пользуясь неурожаемъ, подвозятъ свой хлѣбъ. Но въ торговлѣ хлѣбомъ у нихъ есть конкуренты, и торговля не является чисто культуртрегерскимъ предпріятіемъ, укрѣпляющимъ вліяніе. Перебросивъ черезъ горы желѣзный путь, итальянцы будутъ теперь осушать болота на Скутарійскомъ озерѣ. Работы должны были начаться уже теперь; ихъ задержало только тревожное настроеніе на черногорскихъ границахъ. „Если не будетъ войны черезъ двѣ недѣли“ (ходячая сейчасъ фраза въ Черногоріи!), то работы начнутся тотчасъ. Ихъ ждутъ нетерпѣливо: вѣдь это означаетъ конецъ неурожаямъ, конецъ маляріи, которая коситъ и безъ того рѣдкое населеніе этихъ мѣстъ.

Отъ Вирпазара, гдѣ кончается узкоколейка, приходится ѣхать итальянскимъ же пароходомъ по озеру и затѣмъ по узкой рѣчкѣ до села Рѣка. Оттуда ходитъ до Цетинье почтовый автомобиль; есть и извозчики. Но мнѣ улыбается небольшой перерывъ пути въ Вирпа-

зарѣ, гдѣ одинъ изъ мѣстныхъ жителей обѣщалъ мнѣ найти пріютъ на ночь и познакомить меня съ мѣстнымъ населеніемъ. Итакъ—первый привалъ въ Черногоріи.

Въ Вирпазарѣ уже чувствуется настоящая Черногорія, и итальянскій языкъ слышится лишь возлѣ станціи и пристани. Селеніе очень невелико и окружено полями; правда, сейчасъ эти поля подѣ водой, и лишь на мелкихъ мѣстахъ выходятъ изъ воды очертанія границъ полевыхъ участковъ, да высятся зеленныя кудрявыя деревья. Съ поднимающейся вверхъ шоссею дороги видна безконечная даль озера и албанскій берегъ, гдѣ сейчасъ идетъ сраженіе повстанцевъ съ турецкими войсками; но берегъ виденъ лишь въ очень ясную погоду, на закатѣ, и выстрѣлы доносятся лишь съ попутнымъ вѣтромъ.

Дома жалки, и жалко было бы нищенское одѣяніе жителей, не будь оно такъ живописно. Мужчины въ широчайшихъ синихъ, иногда—черныхъ шароварахъ, въ шерстяныхъ бѣлыхъ гамашахъ и чулкахъ, въ пиджакѣ, накинутомъ на красную безрукавку—традиціонный джамаданъ. Нѣкоторые носятъ поверхъ заткнутую въ шаровары денную сорочку съ крахмальной грудью, но безъ воротника и безъ галстука. На женщинахъ безрукавки черныя, отороченныя узкимъ серебрянымъ шитьемъ. На всѣхъ—круглыя черныя шапочки съ краснымъ плоскимъ верхомъ, гдѣ у мужчинъ вышито „Н. I“, у женщинъ—звѣзда. Ростъ и бравая выправка мужчинъ бросаются въ глаза; еще больше бросаются въ глаза блѣдность и забитость черногорской замужней женщины. Ребята напоминаютъ нашихъ татарчатъ и по одеждѣ, и по бойкимъ глазамъ.

Черногорская женщина некрасива. Постоянная непосильная работа на мужчину и семью рано старитъ ея лицо, покрывая его блѣдностью, желтизной и морщинами и оставляя только большіе сѣрые глаза, полные доброты и покорности. Насколько красивы старики, съ ихъ сѣдыми усищами и статной выправкой, настолько безобразны старухи, сгорбленныя, изможденныя, облысѣвшія отъ ношенія на головѣ тяжестей. Но женщинъ мало и видно; онѣ никогда не бываютъ праздны.

Мнѣ съ мѣста въ карьеръ пришлось натолкнуться на сценку, когда отецъ билъ дочку, лѣтъ двѣнадцати, билъ жестоко, гонялся за ней съ палкой, загналъ ее на берегъ озера, осыпалъ ее проклятіями. Мой спутникъ, черногорецъ изъ этихъ мѣстъ, пробовалъ-было образумить разошедшагося главу семейства. Тотъ удивился и запротестовалъ: нужно учить дѣтей, дѣвчонка ослушалась отцовской воли! Позже я встрѣтилъ бѣдную дѣвочку на берегу озера, она сидѣла на камнѣ,

продолжая хныкать и потирая жестоко избитыя плечи и руки. Она испугалась шаговъ—не отецъ ли? Вѣднѣй забитый звѣреннышъ!

Въ кабацкѣ, куда мы пришли выпить черногорскаго вина—цѣлая компанія. Собственно это не настоящій кабачокъ, а простая крестьянская изба, гдѣ стоятъ двѣ большихъ кровати и люлька. При нашемъ входѣ всѣ встали, и прежде всѣхъ женщины, сидѣвшія въ рядѣ у стѣны. Познакомились и образовали общій столъ: на почетномъ мѣстѣ—русскій гость, его спутникъ и „комендантъ крѣпости“, малограмотный, симпатичный мужичокъ, не безъ сознанія собственнаго достоинства. Хотя на первыхъ порахъ я очень плохо понимаю по-сербски и совсѣмъ скверно объясняюсь, но намъ помогаютъ русскія и итальянскія слова. Разговоръ, конечно, о войнѣ и, конечно, о томъ, поможетъ ли Россія. Оригинально, что и тутъ, и послѣ я неизмѣнно встрѣчалъ въ черногорцахъ глубочайшую и смѣлую увѣренность въ томъ, что Россія должна имъ помочь и не можетъ не помочь. Сверху донизу, отъ министра до солдата, они смотрятъ на Россію, какъ смотритъ фаворитъ на богатаго патрона. Дипломаты, тѣ стараются внушить идею, что помогать Черногоріи чрезвычайно выгодно для Россіи; но простые люди просто относятся къ Россіи какъ къ дойной коровѣ, у которой хватить молока на всю славянскую семью. За это черногорцы платятъ русскому почетомъ и уваженіемъ и вывѣшиваютъ въ своихъ избахъ, трактирахъ и даже канцеляріяхъ, рядомъ съ портретомъ короля Николя, портретъ Александра III-го. Чѣмъ инымъ, дѣйствительно, могутъ они заплатить „матушкѣ-Россіи“ за ожидаемую дружескую помощь?

Вспоминается мнѣ случай, имѣвшій мѣсто позже, на пути въ Цетинье. При высадкѣ съ парохода ко мнѣ подошелъ полицейскій чиновникъ съ опросной книгой. Хотя я уже подвергался опросу на границѣ въ Антивари, но, во избѣжаніе проволочекъ и трудныхъ для меня объясненій по-сербски, внесъ въ книгу свое имя и подданство. И тотчасъ, узнавъ русскаго, чиновникъ сталъ извиняться.

— Еслибы я зналъ, что вы русскій—я бы не сталъ спрашивать. Для насъ русскіе—желанные гости, все равно что родные! Ужъ вы извините, пожалуйста!

И шелъ за мной полверсты до самаго извозчика, говоря любезности, безпрестанно поднимая шапочку и помогая мальчику укладывать чемоданы въ экипажъ. И во всѣхъ этихъ изліяніяхъ столько же искренности, сколько и наивнѣйшаго подхалимства. Едва я отъ него отдѣлался.

Впрочемъ черногорцы, повидимому, дѣйствительно гостепріимны, хотя лично мнѣ и пришлось, именно въ Вирпазарѣ, слегка заплатить матеріально за излишнюю довѣрчивость; но въ какой странѣ

иностранецъ не попадаетъ, да еще на первыхъ порахъ! Хозяйка комнаты, гдѣ я остановился на ночлегъ въ компаніи двухъ черногорцевъ, приготовила намъ чудесный обѣдъ изъ зеленого супа и жирной вареной ветчины, и трогательно упрашивала насъ ѣсть побольше. Очень хлопотала она и о мягкихъ постеляхъ, и все это за очень скромную плату. Зато одинъ изъ спутниковъ, послѣ двухъ дней дружескихъ изліяній, мелкихъ услугъ и политическихъ бесѣдъ, ухитрился чрезвычайно ловко выманить у меня довольно крупную сумму „на одинъ день“, въ чемъ я не смогъ отказать видному чиновнику, офицеру, съ аристократическимъ именемъ, за что и наказуюсь!

Бѣду отъ Вирпазара на пароходикѣ, ежеминутно рискующемъ сѣсть на мель, особенно въ устьѣ рѣки. Повсюду на островкахъ и на сопкахъ—старыя, оставленныя турецкія крѣпости, тридцать лѣтъ тому назадъ отбитыя черногорцами. Какъ они ухитрились взять ихъ? Вообще—какъ ухитряются воевать въ этихъ мѣстностяхъ?

Путь на пароходѣ не великъ—около часа. У села Рѣка—пристань; здѣсь же нѣчто вродѣ таможенного досмотра для прибѣжающихъ съ турецкой стороны. Дальше до Цетинье приходится ѣхать съ извозчикомъ или подождать почтового автомобиля; но на немъ мѣста нужно записывать заранѣе, иначе—не достать.

Пока пара лошадей рысью дѣлаетъ довольно крутой подъемъ въ горы, извозчикъ нагѣваетъ черногорскую пѣсню. По правдѣ сказать—отвратительно здѣсь поютъ, если всѣ поютъ такъ! Въ разговорѣ у возницы голосъ нормальный, грудной, красивый; поетъ же онъ визгливымъ, гортаннымъ, бабьимъ голоскомъ, выпуская его черезъ сжатые зубы. На пути дѣлаемъ два-три привала, поимъ лошадей. Что за прелесть эти горы! Въ концѣ подъема, уже при низкомъ солнцѣ, на далекомъ горизонтѣ начинаютъ вырисовываться сказочные контуры снѣговыхъ вершинъ. Чудесно здѣсь! Но дѣлается все холоднѣе, настолько великъ подъемъ. И все болѣе и болѣе дичаетъ мѣстность. Уже не видно внизу зеленой долины съ узкой полосой рѣки, не видно воздѣланныхъ полей; только сопки и сопки, сѣрый кучковатый камень и бѣлый, ослѣпительный на солнцѣ известнякъ. Послѣ маленькаго спуска вижу внизу нѣсколько внезапно открывшихся на поворотѣ одноэтажныхъ домиковъ. Неужели это и есть Цетинье, столица черногорскаго королевства?

— Эво!—кнутовищемъ указываетъ возница.

На краю Цетинье, за монастыремъ и княжеской усыпальницей, есть красивый и тѣнистый подъемъ, ведущій къ площадкѣ около мо-

гилы митрополита и господаря Данилы. Оттуда видна вся котловина, центръ которой заняли бѣлыя улицы и красныя крыши домовъ. На первомъ планѣ королевскій дворецъ, одноэтажный и свѣтлый, на площади передъ которымъ, словно бациллы подъ микроскопомъ, стоятъ и движутся красныя палочки жандармовъ и филѣровъ. Зачѣмъ они тутъ стоятъ и кого отъ кого охраняютъ—одинъ Богъ знаетъ; но съ птичьяго полета даже и ихъ группы живописны на яркомъ бѣломъ фонѣ улицы, какъ на листѣ бумаги. Видно казарменное новое сѣрое зданіе, съ большимъ дворомъ посрединѣ, гдѣ помѣщаются всѣ учрежденія: зала скупщины, министерства, почта, телеграфъ, однимъ словомъ—вся государственная машина. На крайнихъ концахъ города—большія, трехэтажныя зданія посольствъ русскаго и австрійскаго, между ними—широкая улица съ переулками. Вотъ и все Цетинье. Но прекрасна эта ровная котловина между горъ, съ двумя-тремя живописными сопками безплоднаго сѣраго камня, неизвѣстно какъ и зачѣмъ на ней выросшими, словно созданными искусственно, ради декораціи. А кругомъ—горы неприступныя, высокія, кольцомъ отсѣкшія Цетинье отъ міра.

Цетинье—городъ, гдѣ почта приходитъ лишь разъ въ день, подъ вечеръ, гдѣ телеграфныя извѣстія получаютъ тщательно просѣянными и процѣженными черезъ цензурное чистилище, гдѣ выходятъ дважды въ недѣлю двѣ газеты: одна совсѣмъ офиціальная, другая совсѣмъ офиціозная—„Гласъ Черногорца“ и „Цетинскій Вѣстникъ“. Напрасно будете вы искать въ нихъ извѣстій, кромѣ чисто-политическихъ и, притомъ, касающихся интересовъ Черногоріи. Какъ будто нѣтъ въ мірѣ никакихъ иныхъ интересовъ, ни научныхъ, ни художественныхъ, нѣтъ никакихъ событій общественнаго характера, нѣтъ даже никакихъ культурныхъ народовъ, вообще—нѣтъ иного міра, кромѣ этого затерявшагося въ горахъ помѣстья стараго князя Николая, принявшаго королевскій титулъ на утѣху себѣ и 250 тысячамъ своихъ подданныхъ. Цетинье—городъ военныхъ, такъ какъ всѣ черногорцы—военные. Здѣсь особенно бросается въ глаза русская офицерская форма „маньчурскаго“ цвѣта: офицеръ—на каждомъ шагу; всѣ остальные кажутся солдатами. И европейскій пиджакъ выдѣляется сразу изъ толпы красныхъ джамадановъ, съ черной или золотой оторочкой. Сюртукъ и пиджакъ, а въ особенности шляпа—означаютъ иностраннаго министра или членовъ его миссіи, журналистовъ, случайныхъ проѣзжихъ иностранцевъ. И дѣйствительно, къ полудню и къ восьми часамъ вечера всѣ сюртуки и пиджаки тянутся къ „Гранд-отелю“, гдѣ въ это время раздаются звонокъ къ табльдоту; звонокъ негромкій, но слышный, конечно, во всемъ городѣ.

Тщетно вы искали бы въ Цетинье книгу. Въ такъ называемыхъ

„книжарницахъ“ есть все, кромѣ книгъ, хотя, правильнѣе сказать—нѣтъ ничего, кромѣ жалкихъ открытокъ, бумаги и спичекъ. Въ лучшемъ случаѣ можно найти нѣчто вродѣ пѣсенника, конечно—сербскаго изданія, да описанія юбилейныхъ черногорскихъ торжествъ 1910-го года. Даже мѣстные газеты можно достать лишь въ одной книжарницѣ; кіосковъ, конечно, нѣтъ и въ поминѣ. Есть одна королевская фотография, одна королевская аптека, одинъ королевскій монопольный табачный магазинъ и одна королевская парикмахерская. Есть затѣмъ два-три магазина платья, и они очень напоминаютъ наши магазины маскарадныхъ костюмовъ; всѣ эти красные джамаданы, голубые кафтаны съ галунами, разноцвѣтные кушаки, шапочки съ плоскимъ краснымъ верхомъ, синіе шаровары, толстые разноцвѣтные носки, которые носятъ поверхъ бѣлыхъ гамашъ, туфли съ острыми, слегка загнутыми носами. Есть еще банкъ и столярная мастерская; остальное—„кафани“ (кафе), гдѣ и проводятъ время граждане Цетинье съ утра до вечера.

Такъ проводятъ время, впрочемъ, одни мужчины. Женщины сидятъ дома. За недѣлю пребыванія въ черногорской столицѣ я ни разу не видалъ на улицѣ черногорца вмѣстѣ съ его женой или дочерью; да и вообще женщинъ на улицѣ не видно, что увеличиваетъ сходство города съ военнымъ поселкомъ. Спрашивалъ, почему они не гуляютъ съ женами? Говорятъ—нельзя; пріятели засмѣютъ. Идти по улицѣ съ женой, вообще съ женщиной, считается неприличнымъ и непринятымъ. Но, очевидно, не считается неприличнымъ и непринятымъ заставлять женщину работать весь день, пока мужчина пересходитъ изъ кафе въ ресторанъ и обратно.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что жители столицы—абсолютные и привычные лѣнтяи; да имъ, впрочемъ, попросту нечего дѣлать. Нѣтъ у нихъ ни производствъ, ни ремеслъ, ни обществъ, ни научныхъ занятій, ничего рѣшительно. Деньги имъ присылаютъ сыновья, уѣхавшіе на заработки за океанъ; домашнее хозяйство ведутъ женщины. На долю браваго воина остается думать и говорить о войнѣ, смотрѣть, какъ князь Мирко или князь Данило забавляется на площади дрессировкой охотничьей собаки, какъ ѣдетъ на пріемъ къ королю новый сербскій министръ; вспоминать, какъ лишь тридцать лѣтъ назадъ выставлялись на полѣ, на высокомъ мѣстѣ, турецкія головы; оцѣнивать другъ у друга золотое питье на платьѣ, да ждать „корбюро“—срочныхъ тенденціозныхъ телеграммъ корреспондентскаго бюро съ турецкой границы. На это весь день и уходитъ.

Сядьте за столикомъ на улицѣ у „центрального кафе“, лучшаго кафе Цетинье, не уступающаго нашей харчевнѣ самаго третьяго разряда, и смотрите на прохожихъ. Если съ вами сидитъ мѣстный жи-

тель, онъ охотно разскажетъ вамъ про всѣхъ, потому что онъ всѣхъ жителей до одного знаетъ по именамъ; вѣдь ихъ немногимъ больше трехъ тысячъ, съ женами и дѣтьми. И окажется, что все это—важныя по званію персоны. Тотъ—министръ, этотъ—генералъ, дворцовый маршалъ, наслѣдный принцъ, австрійскій посолъ, герой великой стычки съ турками, не считая уже членовъ скупщины и прочихъ вершителей государственныхъ дѣлъ, какъ и безчисленныхъ родственниковъ и свояковъ дома Нѣгошей. Но, во славу черногорскому демократизму, надо сказать, что всѣ эти лица, кромѣ иностранныхъ дипломатовъ, не отличаются другъ отъ друга ни по одеждѣ, ни по лицу, ни по замашкамъ. Тутъ же, за столиками кафе, они образуютъ дружескія группы самаго мѣшаннаго характера, сливаясь съ прочей публикой, до хозяина и полового включительно. И если въ нѣкоторыхъ группахъ слышна иностранная рѣчь, то и это не служитъ отличіемъ, такъ какъ почти каждый монтегровинецъ говоритъ на одномъ-двухъ иностранныхъ языкахъ. И всѣ прекрасно ѣдятъ руками великолѣпную ветчину; ибо свинья—гордость Черногоріи, и ветчина здѣсь—выше похвалъ.

Отъ полудня до четырехъ часовъ Цетинье вымираетъ; видны на улицахъ только жандармы. Не потому, конечно, что граждане работаютъ въ это время, а потому, что, поѣвши въ полдень, они спятъ до четырехъ; это—обычай старины, соблюдаемый свято и непреложно. Часть магазиновъ закрывается, въ открытыхъ—трудно найти хозяина и приказчика; бодрствуютъ только кафе, да и тамъ посѣтителей такъ мало, что трактирщикъ и мальчикъ дремлютъ за прилавкомъ. Бѣлая улицы—здѣсь повсюду шоссе и щебенъ бѣлаго камня—залиты солнцемъ; въ эти часы въ Цетинье жарко, тогда какъ вообще прохладно, даже въ ясные лѣтніе дни, а по вечерамъ—прямо холодно. За закрытыми ставнями домовъ спятъ воины и работаютъ женщины. Бѣдный мертвый городъ!

Совершенно вѣрно, что король Никола пользуется въ странѣ великимъ уваженіемъ, даже больше—любовью; но далеко не совершенно вѣрно, что это означаетъ неизмѣнное господство идеи неограниченной монархіи—какова до настоящаго времени Черногорія, не взирая на наличность скупщины. Короля Николу любятъ за его умъ, за національную выдержку, за удивительную старческую красоту и статность, за ласковую обходительность и тонкую дипломатію. Онъ—отецъ и умный помѣщикъ. Но лишь до смерти его можетъ продержаться этотъ патриархальный строй, такъ какъ оппозиція очень сильна, и недовольныхъ гораздо больше, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Сейчасъ всѣ дѣла вершить самъ старый король, игнорируя пародъ и министровъ; но у наслѣдника Данилы популярность невелика,

даже наоборотъ—онъ отталкиваетъ своимъ высокомеріемъ, онъ слишкомъ европеецъ. Съ обнищавшимъ, экономически обездоленнымъ черногорскимъ народомъ ему придется выдержать большую борьбу, изъ которой ему трудно будетъ выйти побѣдителемъ.

Короля можно встрѣтить постоянно; у него достаточно ума, смѣлости и такта, чтобы не начинать на старости лѣтъ жизнь затворника. Но это не значитъ, что его минулъ удѣлъ монарховъ—охранять себя отъ подданныхъ. Хотя въ Цетиньѣ всѣ на виду и на счету, хотя никто и никакимъ образомъ не можетъ проникнуть сюда нечаянно и остаться незамѣченнымъ и неузнаннымъ вдоль и поперекъ, по имени и профессіи, въ теченіе двухъ часовъ,—однако городъ кишитъ жандармами и филѣрами, сгущающимися по пути прогулокъ короля и принцевъ и охраняющими ихъ дворцы цѣлой толпой. Уже одно это доказываетъ, что хваленая патріархальность общенія князя съ народомъ требуетъ оговорокъ и что въ самой странѣ, въ самомъ Цетиньѣ имѣется „внутренній врагъ“. И, нужно замѣтить, это распложеніе новой породы, и притомъ—самой скверной породы бездѣльниковъ въ лицѣ филѣровъ, производитъ впечатлѣніе самое отталкивающее. Нужно къ этому прибавить, что въ черногорскихъ тюрьмахъ не переводятся „политики“, тогда какъ для мелкихъ уголовныхъ преступниковъ наказанія весьма оригинальны: ихъ оставляютъ на свободѣ, заставляя лишь работать надъ расчисткой дороги, охраной садовъ, поливкой растений въ мѣстахъ общественнаго гулянья.

Любопытны нѣкоторые пережитки патріархальнаго быта. Зашелъ я какъ-то часу въ десятомъ утра въ „кафаню“ выпить кофе. Прислуживающій мальчикъ мотааетъ головой:

— Не можно!

— Почему не можно?

— Король въ церкви.

— Такъ что жъ изъ того?

— Не можно!

Когда король поѣхалъ въ церковь—гражданамъ полагается поститься. Посѣтителѣ кафе должны выждать окончанія службы и отъѣзда короля. Миѣ кажется, что для нихъ это большое испытаніе! Но—да здравствуетъ традиція!.. Я забылъ упомянуть еще о двухъ учрежденіяхъ Цетиньѣ: о читальнѣ и театрѣ. Оба помѣщаются въ одномъ зданіи. Читальня довольно благоустроена, входъ въ нее свободный и безплатный. Кромѣ сербскихъ и болгарскихъ газетъ, получаютъ „Temps“, „Новое Время“ и „Corriere d'Italia“. Книгъ, разумѣется, нѣтъ; одиѣ газеты. Хотя по стѣнамъ развѣшаны олеографіи королевскихъ портретовъ, но главный посѣтитель читальни—оппозиціонеръ. Театръ—совсѣмъ жалкое учрежденіе, вродѣ нашего дачнаго

любительскаго спектакля. Упомяну, ради курьеза, что по-сербски театр — „позориште“, а актеры — „глумцы“. Даются, по преимуществу, водевили, съ пѣніемъ подъ аккомпаниментъ рояля. Печальное, въ общемъ, зрѣлище! Однако, мнѣ удалось слышать одну недурную солистку, пѣвшую не только съ сербскимъ подвываньемъ, но и съ большой душой. Театръ пользуется успѣхомъ. Цѣны весьма доступны: первый рядъ партера — 60 коп. на наши деньги; за 3 р. 20 к. можно имѣть литературную ложу.

Но вообще жизнь въ Черногоріи, особенно въ Цетиньѣ, очень дорога. Странно, что у этого бѣднаго, прямо нищаго народа такъ велика денежная единица, не номинально, а фактически. Мѣдъ почти не въ ходу, ее не считаютъ за деньги. Въ то время какъ въ Италіи, съ ея растущимъ богатствомъ, создалась цѣлая полемическая газетная литература изъ-за полцентезима (хотя и тамъ первая ходовая монета — сольдо, пять сантимовъ) — въ Черногоріи даже на почтѣ не додаютъ или не дополучаютъ двѣ-три-пять паръ (пара — сотая доля австрійской кроны). Меньше 10-ти паръ нѣтъ и продажной цѣны, кромѣ, пожалуй, спичекъ; 10 паръ на чай — минимумъ приличія, въ то время какъ въ Италіи мѣстный житель рѣдко даетъ на чай больше сольдо. Особенно дорого обходится жизнь пріѣзжимъ, такъ какъ итальянскіе содержатели отелей и ресторановъ держатъ цѣны на непомерной высотѣ (относительно къ достоинству комнатъ и стола); 10—15 кронъ за пансіонъ здѣсь обычная плата. Въ дорогомъ Римѣ такой же пансіонъ стоитъ 6—7 франковъ. Очень дорого стоитъ и сообщеніе; за часовой переѣздъ на паромѣ — 3 кроны, маленькій перевалъ по узкоколейкѣ отъ Бара до Вирбазара — 6 кронъ; извозчикъ отъ Рѣки до Цетиньѣ — 8—10 кронъ за мѣсто. Хорошъ и дешевъ только табакъ (монополія), и то — сравнительно съ Италіей и Франціей, но не съ Россіей или Турціей.

Въ данный моментъ Цетиньѣ — главный штабъ балканскихъ политическихъ событій. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, всѣ заняты слухами о возможной войнѣ Черногоріи съ Турціей, о вытекающемъ отсюда европейскомъ пожарѣ, объ албанскомъ возстаніи, о маневрахъ турецкихъ войскъ. Сюда стянулись всѣ корреспонденты, слоняющіеся теперь изъ министерствъ на почту, отъ турецкаго посла къ главарямъ албанскаго возстанія, которымъ Черногорія оказываетъ вполне миролюбивый пріютъ. О томъ, какъ фабрикуются извѣстія, не стоитъ и говорить. Обычный пріемъ — пускать офиціозный слухъ, не давая ему офиціального подтвержденія — практикуется ежедневно, и русской прессѣ нужно посоветовать съ крайней осторожностью относиться къ извѣстіямъ изъ цетиньскихъ источниковъ, какъ, впрочемъ, и къ извѣстіямъ, идущимъ черезъ австрійское сито. Мнѣ лично приходилось бесѣдо-

вать съ президентъ-министромъ Томановичемъ относительно доставленныхъ въ корреспондентское бюро, несомнѣнно—изъ министерскихъ источниковъ, полуофициальныхъ сенсационныхъ вѣстей; онъ дѣлалъ круглые глаза и увѣрялъ, что ничего объ этомъ не знаетъ, хотя и не отрицаетъ правдоподобности подобныхъ сообщеній. Обѣ столичныя газеты пишутъ патетически-возвышенныя статьи, доказывая козни турокъ и родство черногорцевъ съ албанцами. Но „король молчитъ“. Когда король Никола молчитъ, это значитъ, что онъ думаетъ. Пока онъ думаетъ — пушки сами собой передвигаются къ границамъ во славу нейтралитета—и въ то же время министры жалуются иностраннымъ корреспондентамъ на то, что турки стягиваютъ войска и орудія въ Скутари, а державы смотрятъ на это сквозь пальцы. А услужливые люди ежедневно пускаютъ въ бюро одинъ и тотъ же, уже переставшій возбуждать сенсацию, слухокъ: „Король Никола готовитъ объявленіе“.

Мнѣ очень жаль, что поѣздка моя на албанскую границу, къ мѣсту возстанія, только еще въ проектѣ, и мнѣ не удастся здѣсь же подѣлиться впечатлѣніями отъ Скутари и Подгорицы. Впрочемъ, возстаніе, повидимому, почти совсѣмъ подавлено, а война Черногоріи съ Турціей ограничится воинственными слухами корреспондентскихъ бюро. Да охранить насъ отъ нея „вооруженный нейтралитетъ“, въ который сейчасъ такъ пріятно вѣровать!

Мих. Осоргинъ.

Цетинье, 5 іюня.

ПАРЛАМЕНТСКІЕ ВЫБОРЫ ВЪ АВСТРІИ

Письмо изъ Вѣны.

Какъ громъ въ ясную, безоблачную погоду, ударило по нервамъ австрійскихъ гражданъ разнесшееся въ концѣ марта извѣстіе, что парламентъ распускается. Собственно говоря, роспускъ парламента представляетъ собою довольно обычное, заурядное явленіе въ жизни парламентскихъ странъ; но, предпринятый въ данную минуту, роспускъ австрійскаго парламента могъ произвести особое впечатлѣніе. Распускался впервые организованный въ процессѣ долгой политической борьбы демократическій парламентъ, тотъ парламентъ всеобщаго избирательнаго права, который достигнутъ тяжелыми усиліями, долгой и неустанной борьбой австрійскихъ народовъ, парламентъ, въ

который всего только три съ половиною года тому назадъ граждане возродившейся къ новой жизни Австріи посылали своихъ представителей, полные надеждъ и упований, глубоко убѣжденные, что открывается новая эра для серьезнаго творчества въ области законодательства.

Увы! гордыя надежды, радужныя мечты не осуществились. На пути правильной, планомерной дѣятельности рейхстага стало старое препятствіе, въ видѣ давно избрѣтеннаго, специфически австрійскаго парламентскаго механизма. Австрія давно переживаетъ состояніе затяжнаго парламентскаго кризиса. Самый характерный моментъ этого печальнаго явленія — временами затихающая, но въ дѣйствительности не прекращающаяся обструкція, бывшая въ теченіе послѣдняго времени важнѣйшимъ рычагомъ австрійскаго законодательнаго механизма. Обструкція, имѣющая здѣсь за собою почти десятилѣтнюю исторію, является въ полномъ смыслѣ слова плодомъ австрійской политической жизни, своеобразнымъ продуктомъ австрійскаго парламентскаго режима. Конечно, отдѣльные, временами вспыхивающіе обструкціонные акты встрѣчаются въ парламентахъ всего міра. Но нигдѣ этотъ способъ сведенія парламентскихъ счетовъ не пустилъ такихъ глубокихъ корней, какъ именно въ Австріи. Здѣсь къ обструкціи привыкли, съ обструкціей считаются въ странѣ и парламентѣ, въ расчетѣ на обструкцію намѣчаются планы парламентской дѣятельности, заключаются политическіе союзы, партійныя комбинаціи, вообще опредѣляется путь политической дѣятельности.

И въ настоящую минуту обструкціи пришлось сыграть выдающуюся роль въ политической конъюнктурѣ. Стоило только кучкѣ въ нѣсколько десятковъ чешскихъ депутатовъ приступить къ обструкціоннымъ рѣчамъ въ парламентѣ и въ бюджетной коммисіи — и парламентское терпѣніе министра-президента Бинерта оказалось исчерпаннымъ. Парламентъ былъ распущенъ. Въ опубликованномъ въ оффиціозной „Wiener Zeitung“ комментаріи къ акту роспуска было сказано, что парламентъ всеобщаго избирательнаго права, на который народами Австріи было возложено столько надеждъ, преждевременно распускается въ виду непрекращающейся славянской обструкціи, нашедшей неожиданную поддержку въ рядахъ социаль-демократіи, отъ которой можно было ожидать посредничества въ дѣлѣ примиренія отдѣльныхъ враждующихъ національностей. Нынѣ, — говорилось далѣе въ оффиціозѣ, — избиратели своимъ вотумомъ произнесутъ приговоръ надъ нарушающими миръ и порядокъ обструкціонистами.

Вѣрно ли такое объясненіе? На этотъ вопросъ — даже оставляя въ сторонѣ явно неискреннее замѣчаніе о социаль-демократахъ, которые какъ разъ въ послѣднее время стали непримиримыми про-

тивниками обструкціи, приходится дать отрицательный отвѣтъ. Выборы происходят въ Австріи по своеобразной системѣ. Національных курій въ собственномъ смыслѣ здѣсь нѣтъ, но въ избирательной системѣ проведена такъ называемая „національная геометрія“. Сущность ея заключается въ томъ, что вся страна въ отношеніи выборовъ подѣлена на національные округа, соотвѣтственно населяющей каждый данный округъ національности. Каждый національный округъ выбираетъ по одному депутату, что даетъ возможность каждой національности посылать въ парламентъ своего соплеменника. Такимъ образомъ вся Австрія оказывается распределенной на 233 нѣмецкихъ избирательныхъ округа, 107 чешскихъ, 82 польскихъ, 33 русинскихъ, 24 словинскихъ, 13 сербо-кroatскихъ, 19 итальянскихъ и 5 румынскихъ, что въ общей совокупности даетъ 516 округовъ, посылающихъ столько же депутатовъ въ парламентъ. Исключеніемъ изъ общаго правила является, во-первыхъ, Моравія, гдѣ, въ виду чрезвычайно пестраго, смѣшаннаго состава населенія, введенъ такъ называемый „національный кадастръ“; граждане раздѣляются по національностямъ, нѣмецкой и чешской, и каждая національность избираетъ отдѣльно своего депутата. Вторымъ исключеніемъ является Галиція: здѣсь имѣется 34 городскихъ избирательныхъ округа, въ которыхъ города, отличающіеся преобладаніемъ то польскаго, то русинскаго населенія, посылаютъ по одному депутату; но въ 36 сельскихъ округахъ, отличающихся смѣшаннымъ національнымъ составомъ, введено по два депутата, что даетъ возможность каждой изъ національностей—польской и русинской—имѣть своего представителя. Наконецъ, исключеніемъ изъ общаго порядка является еврейскій народъ, который дѣйствующимъ австрійскимъ закономъ и въ особенности административной практикой разсматривается какъ вѣроисповѣдная группа, а не какъ нація, и не имѣетъ національнаго представительства.

При такихъ условіяхъ каждой національности, за исключеніемъ еврейской, обезпечено національное представительство въ парламентѣ. И мы въ дѣйствительности видимъ, что рейхсратъ составляется изъ опредѣленнаго числа представителей отдѣльныхъ національностей, соотвѣтственно количеству національныхъ округовъ. Развѣ можно при такихъ обстоятельствахъ хоть на одну минуту усумниться въ томъ, что чехи будутъ выбирать чеховъ, нѣмцы—нѣмцевъ, поляки—поляковъ, русины—русиновъ, каково бы ни было ихъ отношеніе къ обструкціи. Новые выборы не могли, поэтому, дать приговора надъ обструкціей и обструкціонистами.

Настоящая причина роспуска была совершенно иная. Бюрократіи захотѣлось погрѣться въ лучахъ извѣстной 14-ой статьи. Предпо-

лагалось, что за два съ половиною мѣсяца, которые пройдутъ до новыхъ выборовъ, можно будетъ тихо и гладко, безъ заносчиваго вмѣшательства шумнаго и надоедливаго парламента, провести и давно ждущій своей очереди злосчастный бюджетъ, сопряженный съ новыми непосильными займами и съ новыми обременительными налогами, и военную „реформу“, и другія желательныя для министерства мѣропріятія.

Существовала и другая причина, побудившая правительство къ роспуску парламента: это — намѣреніе создать во что бы то ни стало отсутствовавшее, въ сущности, парламентское большинство. Бюрократія въ этой разноплеменной странѣ, съ разношерстнымъ по національному составу парламентомъ, давно умудрилась работать при помощи своеобразной политической системы, опирающейся на представителей трехъ національностей — нѣмцевъ, поляковъ и итальянцевъ. Вліятельные и значительные политическіе круги, къ которымъ относятся чехи, затѣмъ русины, словинцы, сербо-кроаты, и на ряду съ ними или во главѣ ихъ сильная и многочисленная социаль-демократія — всѣ эти элементы оставались внѣ поля зрѣнія дальнозоркаго на первый взглядъ, но въ сущности весьма близорукаго дипломата новѣйшей формаци, Бинерта. И близорукость Бинерта дала себя скоро почувствовать. Стоило только на время дрогнуть стройнымъ рядамъ польскаго клуба, стоило ему только изъ-за второстепеннаго въ сущности вопроса о галиційскихъ каналахъ нарушить миръ съ правительствомъ — и Бинертъ остался безъ сколько-нибудь опредѣленнаго, устойчиваго парламентскаго большинства. Работать въ громоздкой обстановкѣ разношерстнаго австрійскаго парламента съ большинствомъ, колеблющимся между двѣнадцатью и двадцатью голосами, оказалось дѣйствительно невозможнымъ. И, какъ обнаружилось впоследствии съ полной ясностью и опредѣленностью, роспускъ парламента имѣлъ главною, а можетъ быть и единственною цѣлью добиться парламента, располагающаго большинствомъ болѣе благопріятнымъ для правительства.

Избирательная тактика была намѣчена, съ извѣстной точки зрѣнія, довольно правильная. Не въ силахъ будучи, по условіямъ избирательной системы, повліять на число парламентскихъ представителей отдѣльных національностей, правительство поставило себѣ цѣлью въ предѣлахъ каждой изъ этихъ національностей подготовить торжество наиболѣе миролюбиво настроенныхъ, т.-е. консервативныхъ и реакціонныхъ элементовъ. Главныя надежды были возложены на пораженіе социаль-демократіи, той ненавистой партіи, которая въ 1907-мъ году, въ памятный моментъ народнаго оживленія, успѣла ввести въ парламентъ 89 депутатовъ и стала второю по численности.

Оторвать отъ этой оппозиціонной арміи десятокъ-другой депутатовъ, перевести ихъ въ правительственный лагерь—эта задача казалась легко исполнимой и заманчивой. По всей линіи правительственныхъ партій былъ данъ завѣтный лозунгъ: борьба противъ социаль-демократіи и противъ славянской оппозиціи.

Такъ задумано было дѣло правительствомъ. Но не такъ рѣшила дѣло страна. Въ виду вполне обеспеченнаго количества парламентскихъ представителей каждой отдѣльной національности, національный вопросъ на время выборовъ снимается съ очереди и разыгрывается борьба социаль-политическихъ элементовъ внутри каждой національности. Таковъ, при господствѣ всеобщаго избирательнаго права, несомнѣнно благодѣтельный результатъ „національной геометріи“. И социаль-политическая борьба внутри отдѣльныхъ націй привела къ результатамъ диаметрально противоположнымъ тѣмъ, которые входили въ расчеты Бинерта и всей бюрократіи. Намѣчалась борьба противъ социаль-демократовъ и славянской оппозиціи—а что получилось на дѣлѣ?

Заслугой только что состоявшихся выборовъ является крушеніе той христіанско-соціальной партіи, которая, въ качествѣ сплоченной аграрной и клерикально-антисемитской организаціи, имѣвшей огромное демагогическое вліяніе на низшіе слои городского населенія, стояла въ теченіе почти двухъ десятилѣтій у кормила правленія и составляла главную опору правительства. Изъ 96 мандатовъ, полученныхъ ею при выборахъ 1907-го года, партія эта удержала нынѣ всего 76. Но не въ этомъ одномъ количественномъ упадкѣ цифры мандатовъ заключается смыслъ пораженія христіанско-соціальной партіи. Отличительной чертой дѣла, заложеннаго искусной рукой Люэгера, являлось то обстоятельство, что христіанско-соціальная партія, аграрная по существу, пыталась приноровиться къ интересамъ городского населенія. Экономическій, политическій и культурный центръ Австріи, столица имперіи, Вѣна, служила колыбелью, оплотомъ, источникомъ силы христіанско-соціальной партіи. Изъ Вѣны, гдѣ въ нижне-австрійскомъ ландтагѣ и городскомъ самоуправленіи сподвижники Люэгера составляли абсолютное большинство, исходила слава христіанско-соціальной партіи, концентрировалось ея вліяніе на всѣ проявленія общественной жизни. Въ парламентскомъ представительствѣ города Вѣны изъ числа 33 депутатовъ въ первомъ парламентѣ всеобщаго избирательнаго права христіанско-соціальной партіи принадлежало цѣлыхъ 20 мѣстъ. Изъ остальныхъ 13 мѣстъ десять было занято социаль-демократами, три — нѣмецкими свободомыслящими. На послѣднихъ выборахъ христіанско-соціальную партію постигло въ Вѣнѣ убійственное пораженіе: изъ 20-ти мѣстъ ей едва удалось удержать три, и

замѣщены они такими никому неизвѣстными представителями партій, какъ Кунъ, Пехле и Ринеель. Вся блестящая плеяда главарей и лидеров партіи—князь Лихтенштейнъ, нынѣшній фактическій глава партіи Гессманъ, министр торговли Вейскирхнеръ, бывшій президентъ палаты Паттай, бургомистръ города Вѣны Неймайеръ, вице-бургомистръ Гурамеръ, бывшій министр фонъ-Виттекъ—провалились на выборахъ.

Такой результатъ выборовъ приводитъ къ двумъ существенно важнымъ послѣдствіямъ. Съ одной стороны, христіанско-соціальная партія, значительно ослабленная количественно, является отнынѣ представительницей чисто аграрныхъ интересовъ и не имѣетъ права претендовать на выступленіе отъ имени городского населенія. Этимъ сразу парализуется обаяніе прогрессивности, которымъ всегда стремились окружить себя послѣдователи Люэгера. Съ другой стороны, партія оказалась въ парламентѣ безъ главарей, безъ вдохновителей,—оказалась арміей безъ генераловъ. Проваль всѣхъ ея лидеров и сколько-нибудь замѣтныхъ членовъ явился приговоромъ надъ тѣми, кто въ теченіе двухъ десятилѣтій пытался руководить общественнымъ мнѣніемъ. Моральное значеніе этого приговора обнаруживается со всей ясностью изъ того обстоятельства, что два крупнѣйшихъ лидера партіи, министр торговли Вейскирхнеръ и бывшій президентъ палаты Паттай, побѣждены въ двухъ избирательныхъ округахъ Вѣны заурядными соціаль-демократическими работниками, простыми газетными сотрудниками—Максомъ Винтеромъ и Карломъ Лейтнеромъ, о еврейскомъ происхожденіи которыхъ распускались по городу самыя энергическіе толки. Пораженіе первой по численности партіи является, косвенно, пораженіемъ и для правительства, главной поддержкой котораго она служила. Соціаль-демократіи въ началѣ избирательной кампаніи приходилось считаться съ психологіей избирателей, и шансы казались для нея какъ будто неблагопріятными. Четыре года тому назадъ, послѣ блестящей народной побѣды, закончившейся осуществленіемъ всеобщаго избирательнаго права, соціаль-демократы стояли въ авангардѣ политическаго движенія. Прошло нѣсколько лѣтъ парламентской работы, неутомимой, но безплодной. Ни одинъ крупный соціальный проектъ не получилъ осуществленія. Въ парламентѣ и въ странѣ шла та же борьба національныхъ страстей; работа рейхсрата развѣтывалась не подъ знакомъ борьбы представителей рабочаго класса съ господствующей буржуазіей. Австрійская соціаль-демократія, введшая въ первый парламентъ всеобщаго избирательнаго права 89 своихъ представителей и достигшая того, что въ спискѣ парламентскихъ странъ Австрія стала второю (послѣ Финляндіи) по относительной численности соціаль-демократическаго представитель-

ства, имѣла серьезное основаніе сомнѣваться въ возможности сохраненія прежняго числа депутатовъ. Но ей помогли окружающія условія. Правительство, успѣвшее уже со времени роспуска принять, въ порядкѣ § 14 конституціи, рядъ несимпатичныхъ мѣръ и все время угрожавшее рядомъ новыхъ актовъ въ той же области, оказалось лучшимъ агитаторомъ въ пользу социаль-демократіи.

Въ результатѣ создалось слѣдующее положеніе. До сихъ поръ избрано социаль-демократическихъ депутатовъ 80 изъ общаго числа 89-ти, которыми партія располагала въ предыдущемъ парламентѣ. Но въ этотъ счетъ не входятъ русинскіе и отчасти польскіе депутаты. Можно, поэтому, ожидать увеличенія социаль-демократической партіи еще на четыре человѣка, и убыль ея выразится въ ничтожной цифрѣ 5 мандатовъ. Весьма вѣроятно, что и она явилась не слѣдствіемъ упадка оппозиціоннаго настроенія избирателей, а естественнымъ результатомъ внутренней партійной эволюціи, связанной главнымъ образомъ съ отношеніемъ партіи къ національному вопросу. Во всякомъ случаѣ, притомъ, убыль общаго числа социаль-демократическихъ депутатовъ компенсируется тѣмъ фактомъ, что представительство социаль-демократовъ отъ города Вѣны возросло съ 10 депутатовъ до 19. Оттѣснивъ христіанско-соціальную партію, социаль-демократы заняли первое мѣсто въ парламентскомъ представительствѣ крупнѣйшаго центра имперіи.

Важнымъ явленіемъ въ политической жизни слѣдуетъ признать возрожденіе нѣмецкой свободомыслящей партіи. На выборахъ 1907 года свободомыслящіе (Freiheitliche и Freisinnige) понесли полное поражение. Отъ Вѣны прошло въ парламентъ всего три свободомыслящихъ, а по всей странѣ они составили маленькую группу, едва достигавшую двухъ десятковъ человѣкъ и входившую въ составъ „нѣмецкаго національнаго союза“, численностью въ 77 человѣкъ. Теперь, по официальнымъ источникамъ, число „свободомыслящихъ“ депутатовъ отъ Вѣны возросло до десяти, а по всей Австріи ихъ числится теперь 107. Въ такой странѣ, какъ Австрія, гдѣ до сихъ поръ ведется жестокая борьба нарастающихъ демократическихъ силъ съ отстаивающими свое существованіе аграрными и клерикальными элементами, ростъ числа свободомыслящихъ можетъ быть только привѣтствуемъ. Нельзя, однако, не подвергнуть серьезному сомнѣнію водворившуюся теперь въ Австріи преувеличенную оцѣнку этого явленія. Когда официальная статистика говоритъ о 107 „свободомыслящихъ“, то подъ ними разумѣется весь составъ того „нѣмецкаго національнаго союза“, который состоитъ изъ небольшой собственно группы истинно свободомыслящихъ, при гораздо большемъ числѣ такъ называемыхъ нѣмецкихъ націоналистовъ (Deutschnationale) и нѣмецкихъ

радикаловъ (Deutschradikale). А эти послѣднія двѣ группы представляютъ собою въ политической области довольно умѣренный, консервативный элементъ, отличающійся сравнительнымъ „радикализмомъ“ лишь въ сферѣ національнаго, при томъ *нѣмецкаго* національнаго вопроса, понимаемаго часто въ довольно шовинистическомъ смыслѣ. При томъ надо замѣтить, что относительно большой ростъ Deutschfreiheitliche и Deutschnationale объясняется не естественной политической эволюціей, а удачной избирательной комбинаціей (особенно въ Вѣнѣ и Нижней Австріи): блокомъ нѣмецкаго національнаго союза съ социаль-демократіей. Такъ, на выборахъ въ Вѣнѣ социаль-демократы получили 144.651 голосъ, христіанско-соціальная партія — 137.884, свободомыслящіе — 41.071 голосъ.

Въ краткой журнальной замѣткѣ мы не можемъ остановиться на детальной характеристикѣ измѣненій, происшедшихъ въ средѣ другихъ, славянскихъ курій. Для общей оцѣнки выборовъ достаточно отмѣтить, что среди чеховъ, поляковъ, русинъ, словинцевъ, итальянцевъ произошли лишь незначительныя измѣненія во взаимномъ соотношеніи политическихъ группъ. Отношеніе социаль-демократическихъ партій къ буржуазнымъ группамъ почти не измѣнилось. Внутри буржуазныхъ партій произошелъ нѣкоторый сдвигъ, скорѣе влево, чѣмъ вправо. Ряды нѣкогда стройнаго, сильнаго своей желѣзной дисциплиной польскаго клуба дрогнули; новая эволюція совершилась за счетъ господствующихъ національно-демократическихъ элементовъ, въ пользу народной группы и другихъ болѣе демократическихъ частей польскаго клуба. Еще болѣе ощутительна эволюція въ средѣ чешскихъ буржуазныхъ партій. Много голосовъ потеряли чешскіе клерикалы — тотъ элементъ чешскаго народа, который наиболѣе склоненъ былъ протянуть руку австрійской бюрократіи. Усилились въ числѣ чешскіе аграріи, — наиболѣе непримиримые въ національномъ вопросѣ. Соединенный блокъ младочеховъ и національ-соціалистовъ — партій, стоящихъ на радикальной точкѣ зрѣнія особенно въ національномъ вопросѣ, — одержалъ верхъ надъ чешскими „реалистами“, исполненными самыхъ примирительныхъ стремленій въ сферѣ національныхъ отношеній. Изъ послѣдней партіи прошелъ въ рейхсратъ лишь одинъ депутатъ — проф. Масарикъ, побѣдившій силою личнаго авторитета, а не благодаря факту принадлежности къ партіи.

Въ какой же степени удался планъ Бинерта, распустившаго парламентъ въ цѣляхъ созданія, мѣрами не политическаго творчества, а простой бюрократической техники, недостававшего правительству парламентскаго большинства? Рискованно пускаться въ область политическихъ предсказаній, но, съ цифрами и фактами въ рукахъ, все же можно дать на поставленный вопросъ опредѣленно отрицательный

отвѣтъ. Нѣтъ, планъ Бинерта не удался. Предполагалось отбить отъ социаль-демократовъ нѣсколько десятковъ голосовъ, а удалось, и то наврядъ-ли, отбить всего какихъ-нибудь пять. Въ то же время отъ христіанско-соціальной партіи откололось цѣлыхъ двадцать голосовъ. Правда, они попали въ руки свободомыслящихъ или нѣмецкаго національнаго союза, партіи правительственнаго большинства; но съ этой партіей у правительства все же окажется больше трений, чѣмъ съ покладистой и угодливой христіанско-соціальной партіей. Далѣе, усиленіе въ славянскихъ партіяхъ, особенно у чеховъ, радикально-оппозиціоннаго элемента отнюдь не является благопріятнымъ предзнаменованіемъ для правительства. Наконецъ, жестокій крахъ, постигшій христіанско-соціальную партію, ударилъ по нервамъ ея представителей. Уже теперь въ ихъ средѣ раздаются громкіе разговоры о томъ, что нельзя болѣе идти на буксиръ правительства. Трудно повѣрить въ искренность этихъ разговоровъ, но самый фактъ появленія ихъ имѣетъ симптоматическое значеніе.

Положеніе создалось сложное и неопредѣленное. Прочнаго, устойчиваго парламентскаго большинства нѣтъ и теперь, какъ не было прежде, въ австрійскомъ парламентѣ. Очевидно, не роспускомъ парламента, не искусствомъ разсѣкать естественно завязывающіеся гордиевы политическіе узлы рѣшаются проблемы современной общественной и государственной жизни. Необходимо серьезное политическое творчество, къ которому неспособна правящая бюрократія.

М. РАТНЕРЪ.

VI КОНГРЕССЪ МЕЖДУНАРОДНАГО СОЮЗА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ЖЕНЩИНЪ

Письмо изъ Стокгольма.

12-го минувшаго іюня (н. ст.) открылся въ Стокгольмѣ VI конгрессъ „Международнаго союза избирательныхъ правъ женщинъ“. Всего девять лѣтъ прошло со времени перваго, организаціоннаго съѣзда „Международнаго союза“ въ Вашингтонѣ. И за это время — какой громадный прогрессъ! Небольшой союзъ, первоначально обнимавшій собою пять странъ, теперь заключаетъ въ себѣ двадцать четыре „Национальныхъ женскихъ союза“ и собирается каждые два года.

Какъ въ „Международномъ союзѣ“, такъ и въ отдѣльныхъ его орга-

низацияхъ, идетъ интенсивная работа: ходъ ея и результаты въ яркихъ чертахъ обрисованы въ докладахъ конгресса и въ рѣчи даровитой предсѣдательницы „Международнаго союза“, м-съ Чепманъ Кэттъ.

При характеристикѣ того или другого современнаго движенія предъ нами, прежде всего, встаетъ вопросъ: что новаго внесло оно по сравненію съ предыдущимъ періодомъ? Женскій вопросъ — далеко не новый. Наиболѣе даровитыя и сознательныя женщины давно уже возставали противъ социальной и юридической несправедливости, противъ укоренившихся вѣковыхъ традицій, отстранявшихъ женщину отъ участія въ социально-политической жизни. Въ XIX-мъ вѣкѣ эти единичныя протесты приобрѣтають, въ передовыхъ странахъ, болѣе общій характеръ. Требованіе равенства всѣхъ передъ закономъ объединяетъ въ Америкѣ и Англіи цѣлыя группы женщинъ. Но женскаго движенія, въ настоящемъ его значеніи, еще нѣтъ: оно появляется только въ XX-мъ вѣкѣ, когда его цѣлью ясно и опредѣленно становится достиженіе политическихъ правъ. Избирательное право — это итогъ всѣхъ остальныхъ экономическихъ, юридическихъ и социальныхъ. Для приобрѣтенія его и организовался, въ 1902-мъ году, „Международный союзъ избирательныхъ правъ женщинъ“. Съ этого момента, женскій вопросъ имѣетъ свою лѣтопись, свою литературу, свою статистику.

Остановимся сначала на послѣдней. Со времени лондонскаго конгресса (1909-го года) въ пятнадцать странахъ женщины достигли расширенія политическихъ правъ. Въ Германіи онѣ добились отмены закона, воспрепятствоваго имъ соединяться въ политическія организаціи. Въ Швейцаріи онѣ получили право голоса въ церковныхъ дѣлахъ, во Франціи, Италіи и Бельгіи вошли въ составъ „промышленныхъ совѣтовъ“ (Conseils de Prudhommes), въ Даніи получили муниципальныя права. Въ Австраліи, Финляндіи, Норвегіи и въ штатѣ Вашингтонѣ онѣ пользуются активнымъ и пассивнымъ политическимъ избирательнымъ правомъ.

Быстро идетъ и внутреннее развитіе женскихъ организацій. Въ Великобританіи конституціонный „Національный союзъ избирательныхъ правъ женщинъ“ численно увеличился втрое: въ настоящее время онъ заключаетъ въ себѣ 25.000 членовъ и 226 отдѣленій; финансы его средства удвоились. Такой же прогрессъ отмѣчается и въ двухъ боевыхъ англійскихъ женскихъ организаціяхъ („Женскій соц.-полит. союзъ“ и „Лига свободы женщинъ“). Въ Голландіи число членовъ „Національнаго женскаго союза“ съ 6.500 возрасло до 10.000, число отдѣленій — съ 62-хъ до ста. Въ Даніи двѣ женскія организаціи являются, пропорціонально населенію, самыми многочисленными во

всемъ мірѣ: въ одной изъ нихъ („Landsforbund“) въ 1909 г. было 10.000 членовъ, теперь ихъ 11.000; въ другой („Kvindeforenings Valgretsforbund“) въ 1909 г. было около 10.000 членовъ, а въ настоящее время ихъ 12.200. Во Франціи, гдѣ „Национальный женскій союзъ“ организовался лишь въ 1909-мъ году, количество его членовъ уже простирается до 6.000. Въ Германіи число членовъ „Национальнаго женскаго союза“ возросло за два года съ 4.000 до 6.000, въ Швеціи — съ 11.022 до 12.022. Самой грандіозной организаціей является „Национальная женская ассоціація“ въ С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Она имѣетъ 1.000 отдѣленій и 50.000 членовъ, не считая „Женской партіи за избирательныя права“ въ Нью-Йоркѣ, въ которой числится 25.000 членовъ. Эти цифры говорятъ сами за себя.

Статистическимъ даннымъ соотвѣтствуетъ и интенсивная дѣятельность организацій. Въ Великобританіи, боевомъ центрѣ мірового женскаго движенія, во время агитаціонной кампаніи однимъ „Национальнымъ женскимъ союзомъ“ было организовано, въ періодъ съ 12 іюля до 24 ноября 1910-го года, не менѣе 4.220 митинговъ. Двѣ боевыя организаціи — „Лига свободы женщинъ“ и „Женскій соціально-политическій союзъ“ — проявили не менѣе интенсивную дѣятельность. Въ Канадѣ, въ различныхъ сѣверо-американскихъ штатахъ велась, въ концѣ 1910-го года, усиленная кампанія за избирательныя права женщинъ. Въ Нью-Йоркѣ громадная процессія женщинъ продефилировала прошлой весной по улицамъ города, протестуя противъ политическаго безправія женщинъ. Въ Даніи однимъ изъ двухъ женскихъ союзовъ организовано за два года 11.000 митинговъ. Въ Швеціи, Венгріи, Германіи демонстраціи постоянно возобновляются. Самая грандіозная демонстрація состоялась въ Лондонѣ, 17-го іюня: это была процессія 50.000 женщинъ, представительницъ всѣхъ женскихъ профессій и отраслей труда.

Такова общая картина современнаго женскаго движенія, какъ она изображена на VI-мъ конгрессѣ „международнаго союза“ въ рѣчи его предсѣдательницы и въ докладахъ делегатовъ. Женскій вопросъ вышелъ изъ узкихъ предѣловъ небольшихъ кружковъ, дѣйствовавшихъ путемъ отвлеченной аргументаціи, и вступилъ на широкую политическую арену. Значитъ ли это, что сторонники принципа свободы и равенства всѣхъ передъ закономъ могутъ спокойно ждать результатовъ эволюціи общественнаго мнѣнія? Нѣтъ: существуетъ цѣлый рядъ причинъ, замедляющихъ данный процессъ. Главная изъ нихъ — чрезвычайный консерватизмъ господствующаго пола, проявляющійся какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ правительствахъ, въ политическихъ партіяхъ. Едва ли въ наше время встрѣтится защитникъ средне-

вѣковой теоріи порабощенія женщины, какъ слѣдствія ея умственного и духовнаго несовершенства по сравненію съ мужчиной. И тѣмъ не менѣе, приверженцы устарѣвшихъ предразсудковъ нерѣдко выставляютъ противъ равноправія женщинъ тѣ самые аргументы, которые уже сорокъ пять лѣтъ тому назадъ были блестяще разбиты Дж. Стюартомъ Миллемъ. Противники равноправности, не отрицая въ теоріи принципъ равенства обоихъ половъ передъ закономъ, ссылаются на неподготовленность женщины, на неопытность ея въ политическихъ дѣлахъ: такъ поступаетъ большинство правительствъ тѣхъ странъ, гдѣ женщины требуютъ избирательныхъ правъ. Третьи слѣдуютъ личнымъ предубѣжденіямъ, не заботясь о разумной ихъ мотивировкѣ: типичнымъ представителемъ этой группы является великобританскій премьеръ, Асквиль. Наконецъ, четвертые—быть-можетъ, наиболѣе опасные враги эмансипаціи женщинъ—это мнимые ихъ друзья, которые, признавая въ теоріи справедливость ихъ требованій, въ то же время на практикѣ не включаютъ эти требованія въ свою программу. Такой тактикѣ нерѣдко слѣдуютъ политическія партіи, привыкшія свысока относиться къ выступающимъ на политической сценѣ женщинамъ. Характерную иллюстрацію представляетъ въ этомъ отношеніи Венгрія. Въ началѣ 1910-го года радикалы и социалисты предприняли въ Венгріи кампанію за такъ называемое „всеобщее избирательное право“, имѣя при этомъ въ виду одну мужскую часть населенія; а когда „Национальный женскій союзъ“ сталъ посылать на ихъ митинги делегатовъ, то „апостолы свободы“ не только не давали имъ говорить, но постановили не допускать женщинъ на свои митинги. Въ концѣ концовъ, всѣ эти препятствія на пути эмансипаціи женщинъ, затагивая борьбу, въ то же время приносятъ долю пользы: они содѣйствуютъ просвѣтленію общественнаго мнѣнія и готовятъ женщинъ къ предстоящей имъ социально-политической работѣ, развивая въ нихъ чувство солидарности, стойкость и энергію.

Самоотверженная борьба женщинъ за свободу нашла откликъ среди лучшихъ представителей мужского населенія въ цѣломъ рядѣ странъ. За послѣдніе годы (начиная съ 1907-го) въ Великобританіи основаны три мужскія организаціи, борющіяся за политическія права женщинъ. Изъ нихъ въ одной только „Лигѣ мужчинъ за избирательныя права женщинъ“—около 7.500 членовъ. Такія же лиги организованы въ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, въ Голландіи, Франціи, Германіи, Венгріи, Даніи. На конгрессѣ въ Стокгольмѣ всѣ эти лиги объединились въ „Международную лигу мужчинъ за избирательныя права женщинъ“, и на первомъ же собраніи новой организаціи была учреждена восьмая мужская лига—въ Швеціи.

Громадной поддержкой для женскаго движенія является примѣръ

тѣхъ странъ, гдѣ женщины уже пользуются политическими правами. Въ 1910 г. парламентъ Австраліи засвидѣтельствовалъ передъ всѣмъ міромъ, какую пользу принесло странѣ предоставленіе женщинамъ избирательныхъ правъ. Въ томъ же смыслѣ высказались государственные дѣятели въ Новой Зеландіи. Четыре сѣверо-американскихъ штата ¹⁾, гдѣ женщины уже давно пользуются равноправіемъ, выгодно отличаются отъ остальныхъ штатовъ цѣлымъ рядомъ законовъ, проведенныхъ въ защиту женщинъ и дѣтей и для оздоровленія семейной и общественной атмосферы. Недавно получившія избирательныя права женщины штата Вашингтона уже проявили свою инициативу: въ двухъ городахъ (Ситль и Такома) онѣ достигли удаленія мэровъ, прибѣгавшихъ къ подкупу, и провели на ихъ мѣсто честныхъ людей. Въ Норвегіи женщины, серьезнымъ, добросовѣстнымъ отношеніемъ къ своимъ политическимъ обязанностямъ, приобрѣли всеобщее уваженіе. По свидѣтельству норвежскаго премьера, всѣ четыре политическія партіи этой страны, расходясь по многимъ вопросамъ, вполне сходятся въ одобреніи реформы, предоставившей женщинамъ избирательныя права. Въ Финляндіи женщины временно отодвинули на второй планъ всѣ прочіе интересы и, наравнѣ съ мужчинами, энергично отстаиваютъ конституціонныя права своей страны.

Быть можетъ, насъ спросятъ, какихъ осязательныхъ результатовъ достигъ стокгольмскій конгрессъ? Что новаго внесъ онъ въ женское движеніе? На этотъ вопросъ отвѣтитъ будущее. Несомнѣнно одно: съѣздъ представительницъ двадцати четырехъ странъ явился могущественнымъ орудіемъ пропаганды среди общества. По словамъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля Швеціи, конгрессъ болѣе повліялъ на общественное мнѣніе, чѣмъ вся предыдущая пропаганда мѣстныхъ организацій за избирательныя права женщинъ. Другимъ важнымъ результатомъ конгресса явилось взаимное сближеніе между съѣхавшимися на конгрессъ делегатками. Огромное впечатлѣніе произвели делегатки Великобританіи: доклады ихъ и рѣчи, съ описаніемъ самоотверженной борьбы ихъ за свободу, поразили самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ. Подсчетъ всего, что сдѣлали и чего добились національные женскіе союзы, укрѣпилъ вѣру въ общее дѣло среди колеблющихся и сомнѣвающихся. Въ конечномъ своемъ результатѣ, конгрессъ оказалъ сильную нравственную поддержку большинству его членовъ. Онъ явился для нихъ новымъ подтвержденіемъ извѣстныхъ словъ Сусанны Антони, знаменитой піонерки женскаго движенія въ Америкѣ: „Failure is impossible“ ²⁾.

Н. Мировичъ.

¹⁾ Айдаго, Ута, Колорадо и Віомингъ.

²⁾ Пораженіе невозможно.

ТРУДЫ СТАРАГО НАРОДНИКА

Собрание сочинений С. Н. Кривенко. Т. I—II. Спб., 1911.

Сергій Николаевич Кривенко, скончавшійся ровно пять лѣтъ тому назадъ—въ іюнѣ 1906-го года,—былъ однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ представителей того направленія, которое извѣстно у насъ подъ именемъ народничества. Необыкновенно скромный и мягкій по натурѣ, онъ привлекалъ къ себѣ людей не только обаятельными чертами своего характера, но и внутренней цѣльностью всего своего міросозерцанія. Съ молодыхъ лѣтъ онъ вступилъ на путь оппозиціонной публицистики и неизмѣнно до конца своей жизни оставался тѣмъ же убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ народникомъ, какимъ былъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Ему посчастливилось рано попасть въ центральный, руководящій кружокъ тогдашней интеллигенціи и сдѣлаться однимъ изъ ближайшихъ постоянныхъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“ (съ 1873 г.). Въ первые годы участія въ этомъ популярномъ журналѣ онъ находился подъ вліяніемъ Г. З. Елисеева, а позднѣе признавалъ авторитетъ Н. К. Михайловскаго; онъ былъ солидаренъ съ ними обоими въ основныхъ идеяхъ, но сохранялъ самостоятельность въ способахъ пониманія и примѣненія этихъ идей.

С. Н. Кривенко твердо держался того общаго принципа, что „все должно дѣлаться для народа и черезъ народъ“; онъ безусловно признавалъ историческій долгъ высшихъ классовъ передъ народомъ, отстаивалъ свободу жизни и развитія для трудящагося большинства населенія, защищалъ общинныя начала поземельнаго строя и быта крестьянской массы, доказывалъ необходимость бороться противъ угрожающихъ притязаній и злоупотребленій капитализма, внимательно слѣдилъ за попытками народной самодѣятельности и коопераціи, осмѣивалъ претензіи на опеку надъ народомъ и во всѣхъ подробностяхъ выяснялъ и проводилъ взгляды, соотвѣтствовавшіе стремленіямъ и порывамъ передовыхъ радикальныхъ прогрессистовъ того времени. По свойству занимавшихъ его вопросовъ онъ ближе стоялъ къ нуждамъ реальной дѣйствительности, чѣмъ нѣкоторые изъ наиболѣе выдающихся товарищей его по „Отечественнымъ Запискамъ“. Онъ не былъ склоненъ вдаваться въ отвлеченныя философскія построенія для теоретическаго обоснованія своихъ народническихъ и общечеловѣческихъ идеаловъ; онъ не искалъ разгадки социальныхъ

проблемъ въ научныхъ теоріяхъ и гипотезахъ біологіи, не участвовалъ въ спорахъ о дарвинизмѣ и не раздѣлялъ увлеченія модными соціологическими обобщеніями и „теоремами“,—и, въ общемъ, болѣе трезво смотрѣлъ на коренныя задачи современности, чѣмъ многіе изъ его единомышленниковъ.

Наиболѣе цѣнная самостоятельная работа, напечатанная имъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1876-78 гг.,—о „физическомъ трудѣ, какъ необходимомъ элементѣ образованія“,—имѣетъ несомнѣнную логическую связь съ принципиальными основами народническихъ воззрѣній и включаетъ въ себѣ, между прочимъ, дальнѣйшее развитіе и подтвержденіе одного изъ существенныхъ тезисовъ извѣстнаго трактата Н. К. Михайловскаго: „Что такое прогрессъ?“. Съ одной стороны, трудъ является обязательнымъ фундаментомъ народно-хозяйственнаго быта, условіемъ всякаго права на участіе въ выгодахъ производства и благосостоянія страны; въ то же время, при разумномъ и правильномъ примѣненіи, онъ обезпечиваетъ—какъ доказывалъ Н. К. Михайловскій—всестороннее развитіе человѣческихъ силъ и способностей, сохраняетъ природную „цѣлостность“ каждого индивидуума путемъ равномернаго упражненія всѣхъ его органовъ и предотвращаетъ вырожденіе и упадокъ человѣчества, какъ послѣдствія чрезмѣрной спеціализаціи различныхъ функцій въ общественномъ организмѣ. С. Н. Кривенко не идетъ такъ далеко въ обработкѣ своей темы; онъ не пускается въ анализъ тѣхъ естественныхъ и социальныхъ условій, при которыхъ могутъ вырабатываться идеальные „цѣлостные индивидуумы“, а довольствуется обсужденіемъ существующихъ аномалій въ воспитаніи и обученіи молодыхъ поколѣній, при отсутствіи надлежащаго вниманія къ потребностямъ ихъ физическаго развитія и психической уравниовѣнности. Онъ приводитъ множество интересныхъ фактовъ и свѣдѣній въ подтвержденіе той мысли, что человѣкъ, не приученный къ физическому труду, не можетъ считаться нормальнымъ и полезнымъ членомъ общества.

Въ одномъ мѣстѣ своего этюда онъ полу-шутя замѣчаетъ, что ничего не имѣлъ бы противъ насильственнаго принужденія всѣхъ и каждого къ физической работѣ. „Еслибы я былъ человѣкомъ могущественнымъ въ Европѣ или даже въ какой-нибудь отдѣльной странѣ,—говоритъ онъ,—то я, не задумываясь, сдѣлалъ бы физическій трудъ обязательнымъ для каждого гражданина и былъ бы вполне увѣренъ, что страна моя скоро достигнетъ громаднаго матеріальнаго могущества, выиграетъ въ личной свободѣ и достигнетъ такой умственной высоты, какой еще не видѣлъ міръ. Я знаю, что противъ меня подняли бы гвалтъ немногочисленные патрици и жрецы мертвой науки; я предполагаю, что меня назвали бы даже новымъ тираномъ и вар-

варомъ, но мнѣ не трудно было бы понять, что недовольные хотятъ только снова рассказывать мнѣ сказку о желудкѣ, которую Мененій Агриппа, старшій римскій сенаторъ, рассказывалъ плебеямъ... Но, къ сожалѣнію, я не могущественный человѣкъ, и потому мнѣ приходится ограничиться только заявленіемъ, что презирать физическій трудъ и не работать — очень нераціонально или, говоря проще, очень глупо, и въ большинствѣ случаевъ даже безчестно; что идея обязательнаго физическаго труда хотя и смутно еще носится въ сознаніи человѣчества, но все болѣе и болѣе выясняется, развивается и рано или поздно вступить въ жизнь; что не признавать и не уважать эту идею, въ виду всего пройденнаго человѣчествомъ пути, въ виду послѣднихъ событій исторіи и успѣховъ знанія, — нельзя" (т. I, стр. 139—140).

Само собою разумѣется, что законъ о всеобщей повинности физическаго труда не имѣлъ бы никакой практической силы и не могъ бы привести къ предположеннымъ счастливымъ результатамъ, еслибы исходилъ отъ отдѣльнаго „могущественнаго человѣка“: подобная мѣра предполагаетъ совершенно новый общественный порядокъ, при которомъ обязательность физической работы вытекала бы изъ добровольнаго общаго соглашенія гражданъ. Въ дѣйствительности С. Н. Кривенко старается убѣдить привилегированные классы въ пользу и необходимости физическаго труда для нихъ самихъ, для сохраненія ихъ жизненныхъ силъ въ настоящемъ и будущемъ; онъ надѣется, что доводы разума и справедливости въ концѣ концовъ одержатъ верхъ надъ побужденіями узкаго эгоизма. Возражая противъ идеи о призваніи интеллигенціи къ господству надъ остальнымъ народомъ по аналогіи съ мозговымъ центромъ, управляющимъ движеніями и дѣйствіями каждаго отдѣльнаго организма, авторъ высказываетъ увѣренность, что „чѣмъ интеллигенція будетъ интеллигентнѣе, тѣмъ она будетъ больше не любить власти и меньше гоняться за властью и какими бы то ни было привилегіями“. По его мнѣнію, „главенство интеллигенціи и потому еще не составляетъ логической необходимости, что человѣчество можетъ быть такъ воспитано и поставлено въ такія условія общежитія, что само не будетъ вредить другъ другу и не только не будетъ сваливать на шею ближняго неприятныхъ обязанностей, но даже будетъ оспаривать честь ихъ, подобно тому, какъ солдаты оспариваютъ иногда честь — кому идти на вылазку, кому взорвать пороховой погребъ, или какъ другъ съ удовольствіемъ беретъ на себя неприятели друга, и когда слѣдовательно управленіе имъ (т.-е. человѣчествомъ) будетъ совершенно излишнимъ" (тамъ же, стр. 167—8). С. Н. Кривенко былъ оптимистомъ, и его оптимистическая вѣра въ человѣка, вѣра въ народъ, была характерною чертою всего нашего народничества.

Разсужденіе о „физическомъ трудѣ“, вышедшее въ свое время и отдѣльною книгою (въ двухъ изданіяхъ — 1879 и 1888 гг.), составляетъ самую интересную часть перваго тома „Собранія сочиненій“ С. Н. Кривенко. Въ этотъ же томъ вошли статьи и этюды, отчасти публицистическаго, отчасти спеціально-экономическаго содержанія: „Невинныя воспоминанія изъ недавняго прошлаго“ (по поводу съѣзда фабрикантовъ 1873 г.), „Русскія народныя артели“, „Кооперація на русской почвѣ“, „Нашъ народный кредитъ“, „Поиски за гражданскимъ идеаломъ“ (о проектахъ всеобщей волости въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи), „Г. Костомаровъ объ исторической задачѣ“ (о балканской политикѣ, 1878 г.), „Мелкій долгосрочный кредитъ для покупки крестьянами земель“ и „Новые всходы на народной нивѣ“. Второй томъ составилъ изъ „внутреннихъ обозрѣній“ „Отечественныхъ Записокъ“ съ іюня 1881 года по ноябрь 1883 г., съ прибавленіемъ двухъ статей: о книгѣ кн. Васильчикова „Землевладѣніе и земледѣліе“ и „Къ вопросу о мелкомъ земельномъ кредитѣ“. Интересные очерки культурныхъ начинаній въ деревнѣ, изданные отдѣльною книжкою, въ 1895-мъ году, подъ заглавіемъ: „На распутьи“, не вошли въ это „Собраніе сочиненій“, также какъ и этюдъ о Салтыковѣ изъ „біографической бібліотеки“ Павленкова; не имѣется также никакихъ бібліографическихъ указаній, нѣтъ списка работъ и статей автора и т. п. Быть можетъ, эти недочеты будутъ пополнены въ предполагаемомъ третьемъ томѣ, въ которомъ должны быть помѣщены литературныя воспоминанія С. Н. Кривенко, вмѣстѣ съ письмами къ нему Н. К. Михайловскаго, Г. И. Успенскаго, Н. В. Шелгунова и другихъ. Нельзя не замѣтить также, что біографическій очеркъ далеко не полонъ въ своей фактической части: въ немъ ничего не говорится о послѣднемъ періодѣ журнальной дѣятельности Кривенко — о редакторствѣ его въ „Новомъ Словѣ“ и въ „Сынѣ Отечества“.

Статьи и „внутреннія обозрѣнія“ С. Н. Кривенко, написанныя вообще легко и живо, иногда въ какомъ-то грустномъ, задумчивомъ тонѣ, даютъ любопытный матеріалъ для характеристики эпохи семидесятыхъ и отчасти восьмидесятыхъ годовъ. Авторъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые не удовлетворялись „далекими горизонтами“ будущаго соціального благополучія, а стремились къ болѣе близкимъ и осуществимымъ цѣлямъ. Онъ стоялъ не только за радикальное рѣшеніе земельного вопроса въ смыслѣ передачи земли трудящемуся народу, но и за частичныя поземельныя реформы и мѣропріятія, возможные при данномъ государственномъ строѣ. Онъ настойчиво доказывалъ, что должны быть немедленно приняты мѣры къ огражденію нашей деревни отъ хищничества и къ укрѣпленію прочности нашей

общины. „Община—говорилъ онъ—разъ навсегда должна быть обезпечена. Но и этого еще мало: община, при настоящихъ ея экономическихъ условіяхъ и податныхъ тягостяхъ, существовать не можетъ, а потому нужны мѣры къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, уменьшенію податей, организаціи народной промышленности“ (т. I, стр. 478). С. Н. Кривенко отлично понималъ, что широкія социальныя преобразованія немислимы безъ предварительныхъ политическихъ перемѣнъ, болѣе или менѣе радикальныхъ. Онъ не раздѣлялъ одностороннихъ мнѣній тѣхъ мыслителей народническаго лагеря, которые ставили экономическія реформы впереди политическихъ и относились насмѣшливо или отрицательно къ конституціи и парламентаризму, какъ будто предпочитая имъ существовавшій режимъ всеобщаго безправія. Многие вѣрили еще въ какіе-то смутные фантастическіе перевороты, которые сразу установятъ царство народной правды на землѣ, безъ посредства конституціонныхъ учреждений и безъ помощи народного представительства. Эти безплодныя мечты находили благодарную почву въ принудительномъ молчаніи русской печати по важнѣйшимъ и основнымъ вопросамъ русской народно-государственной жизни. Чтобы имѣть возможность свободно высказываться по извѣстнымъ щекотливымъ предметамъ, С. Н. Кривенко долженъ былъ поповолѣ обращаться къ нелегальной печати, и такимъ образомъ, будучи по природѣ замѣчательно добродушнымъ и спокойнымъ человѣкомъ, онъ, подобно многимъ столь же безобиднымъ единомышленникамъ, очутился въ рядахъ „революціонеровъ“.

По словамъ покойнаго П. Ф. Якубовича, въ 1882-83 годахъ С. Н. Кривенко „имѣлъ близкое прикосновеніе къ центральной организаціи партіи „Народной Воли“ и принималъ дѣятельное участіе въ тогдашней революціонной прессѣ; его именно перу принадлежала, напр., извѣстная брошюра: „Чего намъ ждать отъ коронаціи?“. Какъ поясняетъ новѣйшій его біографъ, онъ обращался къ свободному станку только для того, чтобы „использовать тотъ запасъ силъ, которому не было выхода при современномъ ему состояніи русской литературы“. За эти „преступныя“ связи съ нелегальной печатью С. Н. Кривенко былъ арестованъ въ 1884-мъ году, просидѣлъ болѣе полутора года въ тюрьмѣ и былъ сосланъ въ Вятскую, а затѣмъ въ Тобольскую губернію, откуда возвратился въ Петербургъ только въ 1890-мъ году. Его политическія провинности послужили даже главнымъ мотивомъ для соображеній департамента полиціи о необходимости закрыть „Отечественныя Записки“,—а такъ какъ въ дѣлахъ внутренней политики правительство того времени было фактически лишь органомъ департамента полиціи, то рекомендуемая послѣднимъ мѣра была немедленно одобрена четырьмя министрами. Въ обнародовап-

номъ по этому поводу правительственномъ сообщеніи приведены указанія, полученные полицейскими властями отъ Дегаева и устанавливавшія фактъ участія нѣкоторыхъ сотрудниковъ „Отечественныхъ Записокъ“ въ подпольной печати, при чемъ упоминается и о томъ, что „завѣдывавшій однимъ изъ отдѣловъ журнала (т.-е. С. Н. Кривенко) до времени его ареста былъ участникомъ преступной организаціи“. Авторъ біографическаго очерка предполагаетъ, что текстъ этого удивительнаго полицейскаго документа составленъ М. Н. Катковымъ. Это предположеніе по всей вѣроятности ошибочно: въ самомъ „сообщеніи“ указанъ источникъ добытыхъ свѣдѣній и соображеній, въ видѣ откровенныхъ признаній „одного изъ важныхъ государственныхъ преступниковъ“.

Анонимный біографъ С. Н. Кривенко касается также многолѣтней близкой дружбы его съ Н. К. Михайловскимъ, проникнутой съ обѣихъ сторонъ необыкновенною сердечностью и даже нѣжностью. Когда Кривенко сидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія, Н. К. Михайловскій писалъ ему чрезвычайно теплыя, трогательныя письма, называя его своимъ „милымъ, дорогимъ Сережей“; и Кривенко въ свою очередь былъ привязанъ къ нему, какъ къ любимому старшему брату. Эти тѣсныя, довѣрчивыя и задушевные отношенія продолжались десятки лѣтъ, но вдругъ оборвались вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній или разногласій, возникшихъ при совмѣстномъ редактированіи „Русскаго Богатства“ въ 1895-мъ году. Бывшіе друзья „разошлись навсегда и до своей смерти ни разу не встрѣчались“ (стр. LV). „Въ біографіи Михайловскаго, какъ и Кривенко,—справедливо замѣчаетъ авторъ—это одна изъ самыхъ трогательныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ драматическихъ страницъ“. Причины разрыва остаются неизвѣстными, и если вѣрно приводимое біографомъ мнѣніе, что „не въ идейной области лежитъ первоначальная причина ихъ расхожденія“, то этотъ эпизодъ долженъ считаться безразличнымъ для исторіи нашей журналистики.

Л. Слонимскій.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Сѣрожелтая обложка, напоминающая старый пергаментъ; на ней—статуя какой-то католической святой подъ рѣзнымъ готическимъ островерхимъ балдахиномъ, вознесенная на готической колоннѣ. Сдѣлано чудесно, съ настроеніемъ, какъ будто прямо изъ суроваго и покоряющаго творенія средневѣковыхъ вольныхъ каменщиковъ выхваченъ уголокъ, въ которомъ сконцентрированно выразилась одушевляющая ихъ идея. Рядомъ—заглавіе, вызывающее тѣнь великаго святого Франциска: „Stigmata“, начертанное старыми готическими литерами съ киноварной начальной буквой. Въ книжкѣ—стихотворенія; надъ каждымъ—опять киноварное заглавіе; въ концѣ—оглавленіе, и шрифтомъ, и расположеніемъ строкъ напоминающее надписи, высѣченныя на каменныхъ плитахъ въ средневѣковыхъ храмахъ и въ примыкающихъ къ нимъ галереяхъ. Такова внѣшность новаго сборника стихотвореній Эллиса, внѣшность въ высокой степени характерная.

Эллисъ—одинъ изъ кающихся символистовъ. Вмѣстѣ со многими своими товарищами по литературному направленію, онъ констатируетъ, что современный символизмъ дошелъ до кризиса: служеніе аморальному эстетизму завело символистовъ въ безотрадную пустыню, гдѣ душа ихъ поникла и искусство зачахло. Если замедлить совершиться чудо духовнаго возрожденія, то символизму грозитъ конечная гибель. Этого чуда Эллисъ, также какъ Вячеславъ Ивановъ, Александръ Блокъ и нѣкоторые другіе кающіеся символисты, ждетъ отъ пробужденія религиозныхъ основъ души, отъ тѣхъ цѣлостныхъ, глубинныхъ душевныхъ порывовъ, которые въ непосредственномъ озареніи являютъ сердцу неизблемую цѣль бытія и подвижническіе пути, къ этой цѣли ведущіе. Такимъ образомъ, принципиально признается, что ученіе о полной автономности поэзіи—ложно, что поэзія не стоитъ внѣ жизни, а есть только одно изъ проявленій жизни, на ней вырастаетъ и ею питается, что жизнь можетъ возродить изсякающую поэзію, но изсякающая жизнь поэзіей не возродится, а наоборотъ, неизбежно приведетъ къ смерти и художественнаго творчества. Съ такой общей формулировкой вопроса спорить не приходится. Но вѣдь хорошо извѣстно, что совершенно вѣрныя формулы сплошь и рядомъ при конкретномъ раскрытіи получаютъ такое содержаніе, которое убиваетъ всю ихъ правду. Типичнымъ примѣромъ этого прискорбнаго явленія можетъ служить какъ разъ книжка Эллиса, имѣющая цѣлью показать

намъ „мистическій путь“, который вывелъ автора изъ дебрей аморальнаго эстетизма въ царство истинной религіозности.

Подъ искомой религіозностью Эллисъ разумѣтъ, „говоря совершенно точно“, христіанство. На этой стадіи конкретизаціи общаго положенія мы еще не разойдемся, но только потому, что она, какъ сейчасъ увидимъ, еще очень далека отъ „совершенной точности“, ибо въ высокой степени растяжима. Вѣдь христіанство есть религія любви — разумѣется, любви къ Богу, но воплощенному, вочеловѣчившемуся, и потому распространяющей на всякую плоть, на всякую конкретность, въ томъ числѣ и на всякаго человѣка. Гдѣ нѣтъ любви къ жизни, къ міру и къ людямъ, тамъ нечего говорить и о религіозности. Наоборотъ, гдѣ есть любовь къ міру, есть стремленіе положить душу свою за други своя, есть дѣятельный подвигъ и жертва ради того, чтобы низвести на землю царство любви, свободы и правды, тамъ есть настоящая христіанская религіозность, хотя бы самъ подвижникъ не произносилъ имени Христа и даже отрицалъ его. Въ этомъ смыслѣ и „атеисты облика Христова суть“, по глубокому слову Достоевскаго. Ратоборствующіе съ Богомъ во имя человѣка конечно ближе стоятъ ко Христу, чѣмъ тѣ, кто попираетъ человѣка, облыжно и кощунственно прикрываясь любовью ко Христу. Между тѣмъ до сихъ поръ, по ужасному тысячелѣтнему недоразумѣнію, историческая церковь почти всегда проклиняетъ первыхъ и считаетъ своими вторыхъ.

Съ особенной яркостью это теченіе сказалось въ средневѣковомъ официалномъ католицизмѣ. Готическое искусство имѣло иной психологическій корень; оно выросло на почвѣ міроощущенія гораздо болѣе христіанскаго, чѣмъ римскій католицизмъ, и несло въ себѣ сѣмена, развитіе которыхъ привело въ концѣ концовъ къ паденію авторитета католической церковности въ эпоху Возрожденія и Реформаціи. Но католицизмъ долгое время умѣлъ приспособлять готическую красоту для служенія своимъ цѣлямъ, бралъ ея внѣшность и заполнялъ своимъ содержаніемъ, индивидуалистической мистикѣ вольныхъ каменщиковъ и св. Франциска успѣшно прививалъ ядъ аскетической ненависти къ тѣлу и душѣ человѣка, ядъ рабей приниженности передъ авторитетомъ церкви, и свободные порывы истиннаго восторга подмѣнялъ нездоровыми истерическими конвульсіями массовыхъ процессій въ городахъ и сладострастныхъ самоистязаній въ монастырскихъ кельяхъ.

Какого же христіанства ищетъ Эллисъ: жизнерадостнаго и творческаго, или человѣконенавистническаго и истерическаго? „Неизбѣжно, — пишетъ онъ, — символизмъ приходитъ въ интимную связь съ священной символикой католицизма“. Какого католицизма? Внѣшность книги, ссылки на Данта и св. Франциска говорить о могучей готикѣ;

но за этой видимостью скрывается какъ-разъ психическое разложене монашеской истеріи. Посмотрите только, какихъ святыхъ воспѣваетъ Эллисъ. Вотъ св. Суза, который совершенно раздавленъ, терроризованъ видѣніемъ мукъ загробныхъ, отъ ужаса вопить, „какъ червь, иглой пронзенный, извиваясь“. Богъ представляется ему въ видѣ немолчаливаго „Отца-заимодавца“, и Суза спѣшитъ на землѣ отдать долгъ съ лихвой: чтобы избѣжать мукъ вѣчныхъ, онъ, какъ палачъ, въ теченіе сорока лѣтъ, всячески истязаетъ свое тѣло, придумывая такіа мученія, какія и не снились создателямъ орудій, собранныхъ въ Нюрнбергѣ, въ башнѣ-музеѣ пытокъ. Къ его извѣстиямъ молитвенно припадаетъ Эллисъ:

Святой страдалецъ! Ты—прообразъ намъ,
Отверженнымъ, безумнымъ, окаяннымъ!
Дай мнѣ прильнуть къ твоимъ святымъ огнямъ,
Къ твоимъ рубцамъ и извѣстиямъ покаяннымъ!..
Зажечь стигматы отъ твоихъ стигматъ!..
Да буду вѣкъ безумнымъ, сирымъ, страннымъ!
Да вниду въ Рай, благословляя Адъ!..

Далѣе идутъ св. Луиджи, блаженная Маргарита, св. Тереза — все типичные представители того нездороваго аскетическаго экстаза, который, отрицая естественную жизнь тѣла, кощунственно пятналъ голоднымъ сладострастіемъ лики высшей христіанской святости, создавалъ въ женскихъ монастыряхъ изступленный культъ Христа, какъ Жениха, а въ мужскихъ монастыряхъ—не менѣе изступленный культъ Мадонны, какъ лучезарной Дамы. Св. Луиджи, вѣрный всю жизнь сладостной мечтѣ о „святой Дѣвѣ дѣвѣ и Розѣ розъ“, на землѣ не поднималъ очей ни на одну женщину; зато теперь „дѣвушки его родной земли“ шлютъ ему въ Рай записочки съ просьбами о заступничествѣ. Блаженная Маргарита Алаквійская, распростертая „предъ Женихомъ единственно любимымъ“, удостоилась узрѣть Сердце Иисусово, пронзенное кровавой раной, и услышать обѣтованіе:

„Святой любви свершится торжество:
Погаснетъ солнце, мы пребудемъ вмѣстѣ!..
Для лучи блаженства своего,
Святой Женихъ грядетъ къ своей невѣстѣ!..
Упала я предъ нимъ безъ силъ вдохнуть
и, плача, улыбалась доброй вѣсти,
и вдругъ лучи мою разсѣкли грудь,
и сердцу моему такъ сладко было
къ сосуду Сердца Божьяго прильнуть,
и насъ одно сіянье окружило.

Св. Тереза то „истязаетъ дѣвственное тѣло“, то „дѣвственное тѣло передаетъ Кресту, объята сладкой дрожью“. И изъ Данта Эллисъ усвоилъ только культъ Беатриче, придавъ, притомъ, этому культу все тотъ же подозрительный оттѣнокъ восторговъ передъ „Дѣвой-Розой“. Дантъ—великій патріотъ и гражданинъ, политическій боецъ и мученикъ, гиббелинскій паеосъ „Божественной Комедіи“, скорбь за униженную и поруганную родину—все это прошло мимо Эллиса.

Картина, такимъ образомъ, получается законченная и типичная. „Религіозность“, которой передается кающійся символистъ, отнюдь не такого рода, чтобы могла искупить грѣхи аморальнаго эстетизма. Если ей отдаться искренно, то она совсѣмъ доконаетъ недугующую душу, прививъ ей самый неисцѣлимый и разлагающій ядъ,—ядъ мозгового разврата, истерически распаленной, сладострастной фантастики, тайныхъ и лживыхъ одинокихъ восторговъ. Это уже не аморализмъ, а нѣчто гораздо худшее. Петля, отъ которой бѣжалъ Эллисъ, грозитъ окончательно захлестнуться, стать мертвой петлей. Въ своихъ католическихъ устремленіяхъ Эллисъ пытается опереться на авторитетъ Верлена и Гюйсманса, Роденбаха и Рильке, тоже отъ эстетизма перешедшихъ къ католичеству. Но что же могутъ оправдать эти примѣры? По той же наклонной плоскости скатились и еще многіе, и Бодлъръ, и старые нѣмецкіе романтики, и многіе наши бары, особенно барыни, эпохи Александра Павловича. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда это было серьезно, а не являлось только результатомъ обаятельности расчетливаго іезуита-исповѣдника, мы видимъ полное крушеніе личности, потерю вѣры въ себя и въ своихъ боговъ, стремленіе отдѣлаться отъ всякихъ исканій и вопросовъ, безвольно побориться чужой гипнотизирующей волѣ, берущей зато на себя и всю тяжесть отвѣтственности. А вѣдь кающіеся символисты ищутъ не умиранія подъ хлороформомъ: они ищутъ могучаго импульса, который „пробудитъ больную душу нашей расы къ новому творчеству“, къ новой жизнедѣятельности. Какъ же Эллисъ не учитываетъ того, что все культивируемое имъ устремленіе есть выходъ изъ жизни, а не въ жизнь?

Впрочемъ, быть можетъ, я беру книгу Эллиса слишкомъ серьезно, и онъ отрѣшился отъ аморальнаго эстетизма гораздо меньше, чѣмъ хочетъ внушить читателю. Быть можетъ, онъ, болѣе или менѣе бессознательно, руководствуется и тутъ инстинктомъ художественной игры и принимаетъ за глубокія субъективныя переживанія отраженный свѣтъ художественнаго воспріятія чужихъ настроеній. Въ такомъ случаѣ его книга—одно изъ многочисленныхъ упражненій въ стилизованной разработкѣ всевозможныхъ чужихъ мотивовъ, какіе только попадаютъ имъ подъ руку,—занятіе невинное, но и бесплодное,

болѣе или менѣе красивая игра, „плоды душевной пустоты“, стоящіе въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ нашего національнаго страстотерпчества.

Такой игрой представляется мнѣ и небольшая книжечка другого московскаго модерниста, Бориса Садовскаго: „Узоръ чугунный“. Опять изящная внѣшность, на этотъ разъ форматомъ и виньетками подражающая стилю нашихъ изданій конца XVIII и начала XIX вѣка, въ полномъ согласіи съ содержаніемъ и манерой письма самыхъ разсказовъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ. Происхожденіе „Узора чугуннаго“ совершенно ясно. Одновременно съ нимъ, авторъ выпустилъ другую книгу: „Русская Камена“, гдѣ собраны его этюды о нѣкоторыхъ нашихъ старыхъ лирикахъ, Державинѣ, Давыдовѣ, Веневитиновѣ, Полежаевѣ, Бенедиктовѣ, Меѣ, Полонскомъ, Фетѣ. Работая надъ этими статьями, Садовской перечиталъ много нашей старой литературы, и ему захотѣлось попробовать свои силы въ подражаніи стилю нашихъ старинныхъ мемуаристовъ и второстепенныхъ разсказчиковъ; вышло мѣстами недурно, мѣстами наивно или манерно, но во всякомъ случаѣ совершенно никчемно. А ужъ фигуры извѣстныхъ писателей, вводимыя въ каждый разсказъ, очерчены почти всѣ случайными, внѣшними штрихами, иногда прямо невѣрными, какъ Пушкинъ въ разсказѣ: „Петербургская ворожея“. Въ общемъ—явное баловство, а не искусство.

Что касается до историко-литературной работы Садовскаго, то въ ней есть нѣкоторыя біографическія и бібліографическія мелочи, собранныя съ усердіемъ, но далеко не систематически, по любительски. Недурна характеристика личности (но не поэзіи) забытаго Мея; мѣтко уловлена причина шумнаго въ свое время успѣха Бенедиктова, который „утолилъ давно назрѣвшую потребность всероссійскаго чиновничества имѣть „своего“ поэта“. Наоборотъ, изъ характеристики Веневитинова совсѣмъ ничего не вышло, ибо Садовской прошелъ мимо всей историко-литературной обстановки, обусловившей содержаніе поэзіи Веневитинова, и забылъ даже про то, что онъ былъ родоначальникомъ нашего „шеллингизма“, между тѣмъ какъ именно шеллингянско-романтическими вліяніями подсказанъ цѣликомъ тотъ взглядъ на поэта и задачи поэзіи, который такъ прельщаетъ Садовскаго въ лирикѣ Веневитинова.

Но есть въ книгѣ и совсѣмъ возмутительныя вещи, вродѣ, напри-
мѣръ, попытки объяснить нѣкоторую, впрочемъ вполне справедливую, суровость отзыва Пушкина о Державинѣ тѣмъ, что „Пушкинъ безсознательно чувствовалъ въ Державинѣ единственнаго достойнаго себѣ соперника“. Во-первыхъ, для того времени, къ которому относится инкриминируемый отзывъ, не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ

соперничествѣ между Пушкинымъ и Державинымъ, и во-вторыхъ, какое странное непониманіе лучезарнаго Пушкинскаго генія—приписывать ему черты завистника-Сальери! Впрочемъ, Пушкинъ вообще оказался не по плечу Садовскому. Какъ, напримѣръ, понять такую тираду: „Давыдовъ не понималъ и не цѣнилъ собственныхъ произведеній, потому что жизнь въ его глазахъ была важнѣе поэзіи. То же отношеніе къ жизни находимъ мы (въ слабѣйшей, конечно, степени) и у Пушкина, который въ жизни не былъ исключительно поэтъ, но дворянинъ, помѣщикъ, камеръ-юнкеръ, мужъ и отецъ“. Вѣдь смыслъ этой цитаты тотъ, что для Пушкина дворянство, рабовладѣніе и камеръ-юнкерство были важнѣе поэзіи, печной горшокъ былъ дороже кумира Бельведерскаго! Хорошо же представляетъ себѣ Садовской все значеніе творческаго подвига Пушкина, и особенно трагедію послѣднихъ лѣтъ его жизни!.. И это не простая обмолвка: „независимыя средства, вмѣстѣ съ придворнымъ званіемъ“, играютъ центральную роль въ міровоззрѣніи Садовскаго. Въ насквозь фальшивой характеристикѣ Фета онъ выдвигаетъ достиженіе Фетомъ этихъ благъ, какъ „проявленіе духовной мощи“ (!), и съ презрительнымъ сожалѣніемъ оглядывается на тѣхъ поэтовъ, которые не умѣли устраивать свои житейскія дѣла, особенно же на тѣхъ, кому перомъ приходилось зарабатывать свой хлѣбъ.

Спѣшу оговориться. Я—старый и горячій поклонникъ поэзіи Фета, считаю его самымъ яркимъ свѣтиломъ на небосклонѣ нашего искусства послѣпушкинскаго періода; но я рѣшительно отказываюсь ставить въ какую-нибудь непосредственную связь его художественный геній съ его житейскимъ кулачествомъ. Общаго въ этихъ двухъ сторонахъ личности Фета только его колоссальный темпераментъ, одинаково ярко проявлявшійся и въ творествѣ, и въ стяжательствѣ. Но въ первой области этотъ темпераментъ получилъ благотворную поддержку въ нашей высокой художественной культурности, а во второмъ случаѣ всецѣло потекъ по руслу нашей ужасной некультурности социальной, отмѣченной проклятіемъ взгляда на народныя массы, да и вообще на другихъ людей, не какъ на живыя человѣческія личности, а какъ на объектъ эгоистической эксплуатаціи. Поэтому Фетъ, какъ поэтъ—наша гордость, и сліяніе съ его вдохновеніями можетъ только возвысить и облагородить насъ. Но Фетъ-помѣщикъ можетъ быть лишь объектомъ скорби или негодованія, и только своеобразнымъ нравственнымъ дальтонизмомъ можно объяснить то, что писатель, желая спасти художниковъ отъ необходимости продавать свой талантъ въ разновѣсъ, рекомендуетъ имъ, какъ идеалъ, примѣръ тѣхъ, кто

Мужичка подъ прессъ владеть
Вмѣстѣ съ свекловицей.

Съ высотъ аристократическаго и экзотическаго Олимпа, католическаго, стилизующаго и изящно балагурающаго, позвольте спуститься къ одному изъ тѣхъ писателей, которые, не мудрствуя лукаво, правдиво повѣствуютъ о томъ, что ихъ дѣйствительно волнуетъ и мучитъ. Разумѣю рассказы Д. Я. Айзмана, собранные въ двухъ томикахъ: одинъ—въ изданіи „Просвѣщенія“, другой—въ изданіи „Знанія“.

Айзманъ не блещетъ ни оригинальностью стиля, ни новизною художественныхъ достижений, ни дерзновенной глубиною метафизическихъ или психологическихъ исканій. Онъ не говоритъ ни о Небѣ, ни объ адѣ, ни о вѣчности. Онъ весь во времени и пространствѣ, въ настоящемъ моментѣ, въ его скорбяхъ, на первый взглядъ—такихъ частичныхъ и поверхностныхъ по сравненію съ вѣчными линиями мірового трагизма. Онъ—откровенный передвижникъ въ литературѣ, т. е. болѣе публицистъ, чѣмъ художникъ. И вотъ, однако, когда я ставлю рядомъ полу-публициста Айзмана и претендующаго на безпримѣсную художественность Элліса, я вижу ясно, что истинно творческіе экстазы одинаково чужды обоимъ, что оба только одѣваютъ нѣкоторыя идеи въ болѣе или менѣе искусныя ткани художественности, и потому въ судьбахъ русскаго искусства, какъ таковаго, оба они глубокаго слѣда не оставляютъ. Но экзотикъ Эллісъ, оторванный всецѣло отъ русской дѣйствительности и уходящій въ испанскій монастырь, не оставитъ ни малѣйшей царапины и на русской жизни, не говоря уже о міровой культурѣ, о которой онъ видимо мечтаетъ, шествуя, какъ ему кажется, по стопамъ Данта и Верлена. А Айзманъ, весь прикованный къ одному уголку нашего быта и мучающійся его мукою, можетъ внести нѣкоторую черточку въ наше общественное самосознаніе, можетъ, хотя бы и въ малой мѣрѣ, способствовать нашему культурному просвѣтленію. Болѣе того, если нашей жизни вообще и художественному творчеству въ частности въ самомъ дѣлѣ необходимо животворящее дуновение христіанской религіозности, понимаемой въ указанномъ выше смыслѣ, то несомнѣнно, что Эллісъ, теоретически ея проповѣдующій, своими истерическими стигматизаціями только отводить отъ нея въ діаметрально противоположную бездну; Айзманъ же, никакими мистическими цѣлями не задающійся, но искренно любящій человѣка и вѣрующій въ благородную основу души его, ведетъ своего читателя, въ мѣру своего таланта, по пути истинно-христіанскихъ настроеній.

Айзманъ—специалистъ по еврейскому вопросу; другія темы ему не удаются. Съ большой теплотой и психологической убѣдительностью раскрываетъ онъ внутренній міръ еврейской бѣдности, съ ея своеобразнымъ и возвышеннымъ идеализмомъ, съ необычайной самоотверженностью и стойкостью среди неимовѣрныхъ лишеній. Не скры-

ваетъ онъ и жестокости евреевъ даже по отношенію другъ къ другу, жестокости, на которую часто толкаютъ ихъ неслыханно тяжкія условія борьбы за элементарное существованіе. Но наиболѣе интересны рассказы о душевныхъ переживаніяхъ евреевъ, эмигрировавшихъ за границу, чтобы спастись отъ унижительно-го положенія въ Россіи и отъ угрозъ погрома, не разъ уже осуществлявшихся.

Въ рассказахъ „Земляки“ и „На чужбинѣ“ авторъ беретъ не эмигрантовъ-неудачниковъ, а какъ разъ такихъ, которые устроились за границей матеріально недурно, достигли достатка и могутъ наслаждаться благами равноправнаго, человѣческаго существованія. Радость этихъ благъ должна была бы овладѣть ими тѣмъ сильнѣе, что бѣжали они съ родины отъ дѣйствительно пережитыхъ ужасовъ: шапочника Шапиро разгромили и разорили до тла, а самому ему глазъ выбили утюгомъ; интеллигентная женщина, жена доктора Сара чуть не была изнасилована громилами. А между тѣмъ именно эти люди не находятъ себѣ мѣста за границей и рвутся всѣми силами души назадъ, отъ сытой и безбоязненной жизни къ неизбѣжнымъ униженіямъ и весьма вѣроятнымъ опасностямъ. Подчеркиваю, что отъ этихъ страницъ Айзмана вѣетъ не благонамѣренной выдумкой публицистическаго оптимизма, а правдой искренняго переживанія, и то обстоятельство, что какъ разъ подъ этими рассказами стоитъ имя какого-то городка въ департаментѣ Верхней Марны, окончательно закрѣпляетъ за ними убѣдительность полноцѣннаго человѣческаго документа. „Такъ бывало въ дѣтствѣ: мать меня побьетъ и прогонитъ, а я, весь въ слезахъ, сгорая отъ стыда и не смѣя поднять глазъ, приниженный, убитый, неотступно за ней плетусь, боюсь, дрожу, но отойти не могу, и все жмусь къ ней и жду—новой казни? прощенія? ласки?..“ Въ разработкѣ этой темы Айзманъ, кажется, оригиналенъ и, во всякомъ случаѣ, интересенъ и поучителенъ.

Рассказы Айзмана натолкнули меня еще на одно сопоставленіе. Герои Айзмана, жестоко пострадавшіе отъ погромовъ, въ конечномъ итогѣ чужды отрицательнаго, ненавистническаго взгляда на русскій народъ, даже на темную толпу самихъ погромщиковъ. „Ты забываешь, что эти избивающіе—люди несчастные, темные, слѣпые. Они страдаютъ, они вымираютъ, они знаютъ, что злой врагъ есть, но разобратъ путемъ, кто онъ, гдѣ онъ, они въ потьмахъ не могутъ, и со слѣпу набрасываются на еврея“. У русскихъ темныхъ людей, по наблюденіямъ Айзмана, черезъ дикую озлобленность и явную жестокость ихъ поступковъ прорываются таки по временамъ ноты сердечности даже по отношенію къ тѣмъ же гонимымъ и презираемымъ евреямъ—и авторъ склоненъ сопоставлять это качество русскаго некультурнаго человѣка съ безнадежнымъ бездушіемъ не только зажирѣвшаго невѣжды Ципоркеса („Немножечко въ сторону“), но и получившей европейскій

лоскѣ „Четы Красовицкихъ“, столь мягкихъ и сентиментально-чувствительныхъ по внѣшнему облику.

А вотъ русскій „писатель“ г. Фонвизинъ, написавшій огромный, неуклюжій и водянистый романъ: „Въ смутные дни“, рисуеъ русскаго мужика совершеннымъ животнымъ, прирожденнымъ дикаремъ, безчинникомъ и насильникомъ, которому чувствительный помѣщикъ можетъ сколько угодно благодѣтельствовать, а онъ все-таки въ концѣ концовъ послушается еврея-агитатора, разгромить барскую усадьбу и изнасилуетъ скопомъ барскую нѣжную любовницу, да еще станетъ у ея матери, разбитой параличомъ, хвоста искать. Впрочемъ г. Фонвизинъ и къ помѣщикамъ не особенно благоволитъ и склоненъ изображать ихъ безвольными киелями, которые только распускаютъ мужиковъ да предаются утонченнымъ и безпрестаннымъ амурамъ. Столь же мало энергіи и настоящаго смысла усматриваетъ г. Фонвизинъ и у русской администраціи; изъ форменнаго сброда состоятъ и наши революціонеры; труслива, грязна и злоумышленна наша интеллигенція. Словомъ, весь русскій народъ, сверху до низу, представляется Фонвизину никуда негоднымъ и явно подлежащимъ если не поголовному истребленію, то, по крайней мѣрѣ, безпощадному обузданію, — очевидно, со стороны какихъ-нибудь иностранцевъ, ибо изъ своей среды русскіе ничего путнаго выдвинуть не въ состояніи. Весьма недурной выводъ для патріота праваго лагеря! А пока что, за неимѣніемъ чистокровнаго умирителя иностранца, авторъ центральной фигурой романа выдвигаетъ сына венгерскаго проходимца и русской аристократки, нѣкоего Хорвата, аляповатый вариантъ на тему пресловутаго Санина, только начиненный черносотенными сентенціями. Проникновеніе этого типа въ нѣдра даже черносотенной беллетристики есть явленіе весьма характерное, но надо сказать, что въ трактовкѣ и обстановкѣ Фонвизина онъ оказывается гораздо болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ антуражѣ мнимо прогрессивныхъ людей, идей и настроеній. Впрочемъ, сочиненіе г. Фонвизина и по своимъ литературнымъ свойствамъ, независимо даже отъ тенденціи, есть явленіе до такой степени плачевное, что мнѣ только остается предостеречь отъ него всѣхъ и cadaго, кто случайно натолкнулся бы на эту безмѣрно скучную и нескладную книгу.

С. АДРІАНОВЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Борьба самарской думы съ собственнымъ городскимъ головой.—Роль общественныхъ учреждений.—Малочисленность городскихъ избирателей.—Администрація и городскія самоуправленія.—Выговоръ казанскому городскому головѣ за С. А. Муромцева.—Неутвержденный голова-прокуроръ въ г. Вольскѣ.—Твердость гласныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ.—Нарастаніе дѣлъ въ области городского хозяйства.

Иной маленькій фактъ говорить краснорѣчивѣ длинныхъ разсужденій. Безъ конца много писалось о нездоровомъ положеніи нынѣшняго городского самоуправленія, отданнаго во всѣхъ городахъ въ руки небольшой кучки зажиточныхъ домовладѣльцевъ и торговцевъ. Настолько ужъ это ясно для всѣхъ—и лѣвыхъ, и умѣренныхъ,—что реформа самоуправленія стоитъ, такъ сказать, у послѣдней дверки и съ минуты на минуту ждетъ, когда, наконецъ, щелкнетъ законодательная задвижка. Но нѣтъ и нѣтъ реформы, и жизнь влечется по прежнему вяло, по прежнему чахнетъ безъ примѣненія общественная инициатива, по прежнему во всѣхъ городахъ съ многотысячнымъ населеніемъ при каждахъ выборахъ съ усталостью восклицаютъ: „Людей нѣтъ, людей нѣтъ!“

И вотъ маленькій фактъ изъ жизни Самары. Самара—не захолустный городокъ. Это—большой и быстро растущій торгово-промышленный центръ. Здѣсь узелъ водныхъ (Волга) и желѣзныхъ путей, ведущихъ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ Западной Европы, изъ Сибири, съ Кавказа, изъ прикаспійскаго и закаспійскаго края. Здѣсь уже около двухсотъ тысячъ жителей, и будетъ скоро гораздо больше. Вырастаютъ европейскаго вида зданія, крѣпнетъ торговля, развивается просвѣщеніе... А городское самоуправленіе—въ слабыхъ, косныхъ рукахъ небольшой кучки домовладѣльцевъ, которые растерянно оглядываются на усиливающийся шумъ жизни. При выборахъ городского головы неизмѣнно всякій разъ съ недоумѣньемъ оглядываютъ они свои рѣдкіе ряды и не знаютъ, кого призвать къ общественной власти. Одинъ, не желаетъ, другой неспособенъ, третій боится. „Людей нѣтъ, людей нѣтъ“. А городъ шумитъ вокругъ тысячеголосой жизнью... Во время послѣднихъ выборовъ принялись усердно упрашивать г. Чельшова, члена Госуд. Думы. Тотъ долго почему-то—по искреннему ли нежеланію или для красивой позы—отказывался. Но гласные на него насѣли, и даже отправились къ его отцу просить, чтобы тотъ повліялъ на сына. Наконецъ, г. Чельшовъ согласился. Прошло нѣкоторое время—и тѣ же гласные не знаютъ, какъ отдѣлаться отъ своего головы. И намекали

ему, и просили, и начали требовать: не уходить. Огорчилъ г. Челышовъ своихъ избирателей, во-первыхъ, тѣмъ, что почти не являлся къ своимъ обязанностямъ въ городской управѣ, предпочитая засѣдать въ Петербургѣ въ Госуд. Думѣ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что не только не проводилъ въ жизнь постановленій самарской думы, но часто умышленно шелъ противъ нихъ. И вотъ, развернулась длинная, довольно смѣхотворная, а для самарцевъ далеко нешуточная исторія. Какъ удалить городского голову, который не только не желаетъ уходить, но всю свою дѣятельность направляетъ въ разрѣзъ съ волей городской думы? Въ маѣ и юнѣ текущаго года самарская дума посвятила нѣсколько засѣданій этому печальному вопросу. „11-го мая, — говоритъ самарскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“, — было назначено чрезвычайное засѣданіе городской думы. Къ этому дню г. Челышовъ пріѣхалъ изъ Петербурга. Гласный Храповицкій проситъ слова и заявляетъ, что сегодня думѣ предстоитъ заслушать чрезвычайной важности заявленіе группы гласныхъ о выраженіи недовѣрія городскому голове М. Д. Челышову, почему онъ предлагаетъ просить председателя городской думы вопросъ этотъ поставить на первую очередь. На это Челышовъ отвѣчаетъ, что заявленіе это сегодня заслушано не будетъ, такъ какъ онъ его снялъ съ очереди до представленія имъ, Челышовымъ, къ слѣдующему засѣданію думы письменнаго объясненія, а теперь приглашаетъ гласныхъ заслушать рядъ очередныхъ дѣлъ. Гласные Храповицкій и Слободчиковъ удивляются поведенію Челышова. Но Челышовъ настаиваетъ на своемъ и на требованіе поставить вопросъ на баллотировку говоритъ, что это „дѣло мое“, и отъ постановки вопроса на баллотировку отказывается. Гласные съ мѣстъ требуютъ баллотировки. Челышовъ предлагаетъ секретарю читать какой-то докладъ. Храповицкій прерываетъ чтеніе и обращается къ гласнымъ, приглашая ихъ вставаніемъ рѣшить вопросъ, слушать ли очередныя дѣла или приступить къ заявленію группы гласныхъ о недовѣріи Челышову. Челышовъ этому препятствуетъ. Секретарь продолжаетъ читать. Тогда человѣкъ тридцать гласныхъ поднимаются со своихъ мѣстъ и демонстративно покидаютъ залу засѣданія. Оставшіеся человѣкъ десять гласныхъ въ свою очередь заявляютъ, что въ такомъ числѣ и они не могутъ оставаться въ залѣ, а одинъ изъ нихъ требуетъ занести въ протоколъ, что ушедшіе гласные сорвали засѣданіе. Челышовъ усиленно звонитъ и приглашаетъ гласныхъ занять свои мѣста. Гласные не идутъ, и онъ объявляетъ, что за отсутствіемъ законнаго числа гласныхъ засѣданіе думы закрывается. Слѣдующее засѣданіе должно быть 17-го мая“.

Очевидно, взаимное раздраженіе съ обѣихъ сторонъ долго должно было назрѣвать, чтобы дойти до такого парализованія засѣданій. Изъ

заявленія гласныхъ-протестантовъ, упоминаемаго выше, нѣкоторыя стороны самарскаго конфликта выясняются довольно опредѣленно. Текстъ заявленія таковъ: „Мы считаемъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія думы о въ высшей степени тяжеломъ положеніи, переживаемомъ въ настоящее время нашимъ городскимъ самоуправленіемъ. Городской голова М. Д. Челышовъ считаетъ для себя болѣе важными обязанности члена Госуд. Думы и совершенно игнорируетъ свои прямыя обязанности городского головы, проживая почти все время въ Петербургѣ. Въ тѣ же очень немногіе дни, когда онъ пребываетъ въ г. Самарѣ, онъ не можетъ сразу войти въ курсъ тѣхъ дѣлъ, которыя прошли или были начаты въ его отсутствіе, и вносить въ эти дѣла только одинъ хаосъ. Обладая крайней самоувѣренностью, онъ начинаетъ дѣлать распоряженія членамъ управы и другимъ служащимъ городского самоуправления, идущія въ разрѣзъ тому направленію дѣлъ, которое создано въ его отсутствіе. Никогда не совѣтуясь ни съ однимъ изъ предсѣдателей комиссій, выбранныхъ думой, городской голова дѣйствуетъ почти всегда наперекоръ мнѣніямъ комиссій. Такимъ образомъ, огромный трудъ, который члены комиссій вносятъ въ дѣла общественнаго самоуправления, является безцѣльнымъ и время, отнятое членами комиссій отъ своихъ прямыхъ обязанностей, бесплодно потеряннымъ. Подобное отношеніе М. Д. Челышова къ дѣламъ общественнаго самоуправления создало такое ненормальное положеніе во всѣхъ отрасляхъ самоуправления, что предсѣдатели комиссій и члены ихъ отказываются отъ всякихъ работъ. Мы уже знаемъ, что онъ даже не желаетъ считаться съ мнѣніемъ думы. Такъ, онъ безъ всякаго разрѣшенія думы пригласилъ семь ревизоровъ, протоколиста, нѣсколькихъ смотрителей, непредусмотрѣнныхъ совершенно смѣтою. Мало этого,—въ послѣднее время нерѣдко были позаимствованія значительныхъ суммъ безъ всякаго разрѣшенія думы изъ специальныхъ капиталовъ. Дѣло канализаціи онъ всячески тормозитъ. Проектъ трамвая, посланный въ техническое общество, не былъ даже на одобреніи не только нашей думы, но и технической комиссіи. Въ настоящее время мы слышали, что М. Д. ведетъ переговоры о большомъ займѣ для города, о которомъ дума еще ничего не знаетъ. Расходы идутъ внѣ смѣты и безъ разрѣшенія думы. Все это создало такія условія, при которыхъ дума не можетъ быть спокойна за будущее городскихъ дѣлъ. Стоя на стражѣ общественности и опасаясь не только бесплодности всей нашей работы, но въ будущемъ даже финансоваго краха, мы считаемъ необходимымъ открыто заявить самарской городской думѣ, что мы не доверяемъ ни М. Д. Челышову, ни направленію его дѣятельности и глубоко увѣрены, что до тѣхъ поръ, пока онъ стоитъ во главѣ общественнаго самоуправления, дѣла города будутъ только раз-

страиваться, а не устраиваться. Поэтому и предлагаемъ думѣ поставить вопросъ ребромъ о довѣріи къ М. Д. Чельшову и направленію его дѣятельности и предложить ему немедленно подать прошеніе объ отставкѣ. Въ виду важности вопроса, предлагаемъ исправляющему обязанности городского головы В. П. Ушакову доложить настоящее заявленіе въ чрезвычайномъ засѣданіи думы, которое и созвать въ самомъ непродолжительномъ времени". Подъ заявленіемъ подписались двадцать-одинъ гласный.

Какъ ни отводилъ г. Чельшовъ это заявленіе, пришлось все-таки на него отвѣчать. Въ упрямствѣ своемъ, однако, г. Чельшовъ оказался весьма послѣдовательнымъ. „17-го и 20-го мая, — сообщаетъ мѣстный корреспондентъ, — до поздней ночи засѣданіе городской думы было занято исключительно заявленіемъ группы гласныхъ о выраженіи Чельшову недовѣрія и предложенія ему подать въ отставку. При небываломъ скопленіи публики, удаленной, въ серединѣ засѣданія 20-го мая, изъ засѣданія за аплодисменты и свистки по адресу ораторовъ, пренія сторонъ отличались бурностью, доходящей до рѣзкихъ возгласовъ: „ложь“, „инсинуація“ и т. п., съ просьбой занести въ протоколъ выраженія. Затѣмъ выступилъ со своимъ послѣднимъ словомъ обвиняемый Чельшовъ. Говорилъ онъ около двухъ съ половиной часовъ. Первая часть объясненія сводится къ слѣдующему: обвиненіе гласныхъ, что Чельшовъ отдаетъ больше времени Госуд. Думѣ, чѣмъ городскимъ дѣламъ, онъ считаетъ совершенно несправедливымъ. Когда выбирали его въ городскіе головы, всѣ знали, что онъ состоитъ членомъ Госуд. Думы. Въ этотъ день онъ категорически заявилъ, что отъ этого званія онъ не откажется, и послѣ такого его заявленія дума избрала его своимъ головой. Еслибы онъ удѣлялъ больше времени городскимъ дѣламъ, а не дѣламъ Госуд. Думы, то онъ не увѣренъ, что со стороны Госуд. Думы не могъ быть предъявленъ къ нему такой же счетъ, какъ и со стороны гласныхъ, подписавшихъ заявленіе. Что касается разстраиванія „налаженныхъ“ городскихъ дѣлъ по его приѣздѣ изъ Петербурга, чѣмъ вносили хаосъ въ хозяйствѣ, то онъ сознается, что „грѣшилъ“ иногда тѣмъ, что дѣйствительно разстраивалъ налаженные безъ него дѣла, но на это онъ рѣшался только тогда, когда убѣждался, что налаженное дѣло противно интересамъ города. Въ этихъ случаяхъ онъ не допускалъ никакихъ сдѣлокъ и, правда, не всегда былъ достаточно сдержанъ". Интересы города онъ ставилъ выше добрыхъ отношеній съ кѣмъ бы то ни было. Дѣла устройства канализаціи онъ никогда не тормазилъ и не кто другой, какъ онъ, выхлопоталъ утвержденіе линдлеевскаго проекта канализаціи, до него лежавшаго безъ движенія полтора года. Правда, — признается онъ, — что, вопреки пожеланіямъ городской думы, онъ, пред-

ставляя на утверждение этотъ проектъ, позволилъ себѣ высказаться противъ весьма существенныхъ частей проекта, утвержденного думой, и эти его измѣненія были приняты въ соображеніе при утвержденіи проекта. Въ этомъ случаѣ онъ неповиненъ въ томъ, что у него сложился взглядъ, несогласный съ большинствомъ думы; зато онъ преслѣдовалъ исключительно городскіе интересы. Можетъ быть, онъ и ошибся, но ошибки присущи всякому. Никакихъ окончательныхъ и рѣшительныхъ переговоровъ въ Петербургѣ о крупномъ займѣ безъ вѣдома думы онъ не дѣлалъ, но, правда, онъ зондировалъ почву въ нѣкоторыхъ кредитныхъ учрежденіяхъ объ этомъ займѣ на случай, если городу такой заемъ придется сдѣлать, а сдѣлать его придется, въ чемъ онъ не сомнѣвается. Что касается его самоувѣренности и его безапелляціонныхъ распоряженій членамъ управы и городскимъ служащимъ, то это совершенно справедливо. Онъ всегда отдаетъ свои распоряженія въ рѣшительной формѣ, но ихъ всегда дѣлаетъ послѣ тщательнаго изученія всѣхъ обстоятельствъ дѣла и послѣ того, какъ онъ безповоротно и глубоко убѣдится въ необходимости какого-либо мѣропріятія. Онъ привыкъ проводить ихъ въ жизнь быстро, смѣло и безъ колебанія. Это, можетъ быть, недостатокъ его характера, но стать другимъ онъ не можетъ. Въ длинной рѣчи Чельшова красной нитью проходило сознаніе, что онъ—человѣкъ рѣшительный, не терпящій возраженій, безкорыстный, и, какъ городской голова, ни въ какомъ случаѣ и впредь не исполнить постановленія думы, разъ онъ признаетъ его вреднымъ для города, и готовъ за это идти даже подъ судъ. Онъ отлично можетъ самъ разбираться въ томъ, что хорошо и что дурно для города, почему и совѣтоваться съ кѣмъ-либо онъ не считаетъ нужнымъ, да и не имѣетъ на это времени. Обсужденіе объясненій Чельшова вызвало очень бурныя пренія. Оппозиція, цифрами и другими данными, доказывала полную неудовлетворительность отвѣта городского головы, находя его рѣчь однимъ восхваленіемъ собственнаго „я“. Предлагали избрать согласительную комиссію и даже просить правительственную ревизію. Въ результатѣ дума закрытой баллотировкой 27 голосами противъ 23-хъ приняла заявленіе гласныхъ о выраженіи недовѣрія и предложеніи подать въ отставку. Результатъ баллотировки былъ встрѣченъ молчаніемъ и произвелъ впечатлѣніе, какъ будто такого исхода не ожидали. Гласный Ромашовъ, подписавшій заявленіе, предлагаетъ смягчить резолюцію устраненіемъ изъ нея порочащаго имя Чельшова элемента. Чельшовъ отвѣчаетъ: „Вы сдѣлали свое дѣло! О чемъ еще говорить? Я горжусь этимъ приговоромъ, и я какъ раньше высоко держалъ голову, такъ и впредь буду держать ее, доколѣ буду головой. Не трогайте меня! я не хочу, чтобы при-

касались ко мнѣ грязными руками. Правительственная ревизія, коей буду помогать, укажетъ, кто правъ. Я ея не боюсь“.

Когда въ общественныхъ учрежденіяхъ поднимается такая взаимная свара, то неизбѣжно получается тяжелое впечатлѣніе. Чувствуешь излишекъ увлеченія съ обѣихъ сторонъ и невольно сохраняешь въ себѣ капелюку сомнѣнія въ пользу обвиненнаго: „А можетъ быть, и онъ кое въ чемъ правъ“. Но въ самарскомъ инцидентѣ главная суть въ томъ, что и послѣ такого думскаго постановленія, прямо требующаго отъ городского головы ухода съ выборнаго, общественнаго мѣста, г. Чельшовъ продолжаетъ оставаться на своемъ посту. Въ слѣдующей корреспонденціи изъ Самары говорится: „1-е, 2-е и 3-е іюня были днями очередныхъ засѣданій думы. 1-го іюня засѣданіе думы, первое послѣ выраженного 20-го мая недовѣрія Чельшову, состоялось исключительно для того, чтобы провѣрить и утвердить журналъ думы 17-го и 20-го мая. За нѣсколько дней раньше гласный Слободчиковъ и нѣкоторые другіе гласные просмотрѣли журналъ этихъ засѣданій и нашли его составленнымъ въ крайне искаженномъ видѣ и тенденціозно. Такъ, рѣчи Чельшова и защитника его Вѣтрова были записаны со стенографической точностью, а рѣчи оппозиціи—въ общихъ выраженіяхъ, безъ цифръ и фактовъ, подкрѣпляющихъ обвиненіе Чельшова въ неправильныхъ дѣйствіяхъ. Въ журналѣ было вписано многое, что вовсе не было говорено въ думѣ, и самое постановленіе записано такъ, что изъ него вытекаетъ, будто дума недовѣрія не выражала. Гласные рѣшили потребовать исправленія журнала. Журналъ хотя и исправили, но рѣчи оппозиціи такъ и остались записанными въ общихъ выраженіяхъ. Слободчиковъ кое-что возстановилъ и заставилъ вписать въ журналъ, но у другихъ многое изъ памяти исчезло, и журналъ былъ утвержденъ. Открывъ засѣданіе думы 3-го іюня, Чельшовъ обратился къ думѣ съ такой рѣчью: „Въ виду принятаго въ думѣ заявленія и въ виду того, что ни это заявленіе, ни тѣ рѣчи гласныхъ, подъ вліяніемъ которыхъ состоялось большинство думы 20-го мая, не привели ни одного факта, устанавливающаго преступныя дѣянія по службѣ городу, я вынужденъ настаивать на особой думской комиссіи для провѣрки и обслѣдованія моей служебной дѣятельности по должности городского головы, ибо всѣ заявленія гласныхъ письменнымъ и устнымъ объясненіями моими, съ цифрами и документами въ рукахъ, опровергнуты. А пока взводимыя на меня обвиненія являются голословными, я имъ не подчинюсь. Настаивая на избраніи этой комиссіи, въ цѣляхъ наибольшаго безпристрастія я прошу избрать предсѣдателемъ ея перваго подписавшаго заявленіе—гласнаго А. Я. Слободчикова. Если при этомъ будетъ обнаружено преступленіе, влекущее отвѣтственность по опре-

дѣленію судебной власти, я по требованію правительственной власти буду отстраненъ отъ занимаемой должности. Комиссіи этой назначить опредѣленный срокъ. Къ слѣдующему засѣданію думы имѣетъ мною быть составленъ особый докладъ". „Какъ видно изъ приведеннаго заявленія,—говоритъ въ заключеніе самарскій корреспондентъ,—Челышовъ продолжаетъ крѣпко держать свою линію и напередъ говорить, что если комиссія обнаружитъ преступленіе, влекущее отданіе подъ судъ, то и тогда онъ уйдетъ съ поста городского головы только по требованію правительственной власти, а никакъ не по постановленію думы".

Видимо, самарскіе граждане стали въ тупикъ отъ упрямства головы и для помощи гласнымъ пустили въ ходъ обходный способъ борьбы. „Члены самарскаго биржевого общества,—говорится въ послѣдней корреспонденціи изъ Самары,—чтобы избавиться отъ такого самоувѣреннаго городского головы, прибѣгли еще къ одному довольно своеобразному средству. Они рѣшились письменно обратиться къ отцу г. Челышова, Д. Е. Челышову, съ просьбой оказать свое родительское воздѣйствіе на городского голову и посовѣтовать ему, въ интересахъ города, уступить пожеланію большинства думы и отказаться отъ званія городского головы. Письмо это напечатано въ „Городскомъ Вѣстникѣ" въ такой редакціи: „Глубокоуважаемый Дмитрій Ермиловичъ! Полтора года тому назадъ, когда городская дума оставила свой выборъ въ городскіе головы на вашемъ сынѣ, М. Д., послѣдній съ дѣтской наивностью заявилъ, что онъ безъ вашего согласія на эту должность баллотироваться не будетъ. Дума командировала тогда къ вамъ депутацію, и вы разрѣшили вашему сыну посвятить себя служенію городу. Граждане были благодарны вамъ за это. Теперь, когда отношенія вашего сына-голова обострились съ большинствомъ гласныхъ и когда это большинство выразило ему недоувѣріе, совмѣстная ихъ работа въ городскомъ строительствѣ стала невыносимой: всѣ дѣла, всѣ благія начинанія затормазятся въ своемъ осуществленіи. Не увидимъ мы, обыватели, за время ссоры головы съ думой, ни трамвая, ни политехникума, ни моста черезъ Самарку, ни всяческихъ обѣщанныхъ другихъ благъ. Словомъ, пока паны будутъ драться, у хлопцевъ—чубы трещать. Не входя въ разборъ причинъ, послужившихъ къ столь непріятнымъ для вашего сына послѣдствіямъ, мы, граждане, вынужденными находимся обратиться съ убѣдительною къ вамъ просьбой: посовѣтуйте вашему сыну оставить кресло городского головы и дать тѣмъ возможность городскимъ дѣламъ войти въ русло спокойнаго теченія. За это мы скажемъ вамъ искреннее русское спасибо. Мы надѣемся, что вы, по добротѣ своей сердечной, уважите просьбу гражданъ. Если вашъ сынъ обиженъ несправедливо,

въслѣдствіи это обнаружится, и тогда ему воздастся седмерицею. А теперь онъ долженъ уступить большинству въ интересахъ города“.

Хотя въ приведенномъ письмѣ и звучитъ тайный насмѣшливый смѣшокъ и хотя оно примѣшивается къ самарской исторіи водевильный характеръ, все же авторы письма, кажется намъ, подошли ближе другихъ къ истинному исходу изъ путаницы чельшовскаго инцидента. Дѣйствительно, въ данный моментъ самый лучшій, прямой и благородный выходъ для г. Чельшова—немедленно выйти въ отставку, и потомъ уже спокойно и неторопливо выяснить свою роль въ запутанныхъ событіяхъ. Самая главная вина его—въ томъ, что онъ не желаетъ уходить съ выборнаго мѣста, когда тѣ же самые избиратели, которые возвели его на это мѣсто, лишаютъ его довѣрія и требуютъ отъ него ухода. Г. Чельшовъ удостоенъ избраніемъ въ два учрежденія—въ мѣстное общественное и въ государственно-законодательное. Однако, для него, повидимому, остается смутнымъ понятіе о правахъ и обязанностяхъ выборнаго представителя. Горячность, энергія, смѣлый рискъ, единоличное рѣшеніе вопросовъ—всѣ эти свойства могутъ быть превосходны, когда примѣняются не въ общественномъ дѣлѣ, а въ личномъ: торговомъ, промышленномъ, научномъ и т. д. Самолично здѣсь пожинаешь награду при успѣхѣхъ и самолично несешь убытки, если рискъ сорвался. Общественность налагаетъ инныя обязанности. Инициатива и личное творчество ея избранника возможны, но лишь въ извѣстныхъ рамкахъ, не враждебныхъ и не чуждыхъ кругу избирателей. Безспорно, такая связанность бываетъ тяжела для людей крупнаго таланта, сильнаго ума, геніальной инициативы. Инертность массы можетъ доводить ихъ до отчаянія. Но для нихъ все же имѣется ближайшая и прямая возможность доказать сначала своимъ избирателямъ высокую полезность собственныхъ проектовъ, а потомъ уже, добившись согласія избирателей, проводить эти проекты въ выборныхъ учрежденіяхъ. И трудно себѣ представить, чтобы талантливый, крупнаго ума человекъ не сумѣлъ убѣдить своихъ избирателей, если онъ правъ. Обратное, несомнѣнно, бываетъ, но значительно рѣже. Если большой человекъ не смогъ провести своихъ плановъ при предварительномъ обсужденіи ихъ избирателями, то ему не остается никакого иного исхода, какъ сложить свои полномочія. Иначе грозитъ неизбежная сумятица, беспорядокъ въ дѣлахъ, разложеніе общественныхъ силъ, и, въ концѣ концовъ, упрямый избранникъ все же долженъ будетъ уйти, съ тою только разницей, что чѣмъ позже онъ уйдетъ, тѣмъ хуже для дѣла и для его самолюбія. Иной разъ бываетъ весьма печально, досадно за яркую личность, но ничего не подѣлаешь: эта сторона общественности вытекаетъ изъ законовъ организованнаго общественнаго строительства. Изъ того же корня, изъ тѣхъ же

законовъ вытекають и благіе результаты общественности. Связывая, ограничивая сильную индивидуальность, общественность еще мощнѣе вяжетъ и ограничиваетъ посредственную и слабую личность. А нужно сознаться, что слабыхъ, посредственныхъ и дурныхъ людей безконечно больше, чѣмъ выдающихся талантовъ. Сильная, талантливая или гениальная личность найдетъ, притомъ, благотворный и плодотворный исходъ для своихъ силъ и при временномъ непризнаніи ея общественностью. Можетъ-быть даже не случайность, что такія личности, какъ, напримѣръ, у насъ Толстой и Достоевскій, почти всю жизнь враждовали съ общественностью, а потомъ были ею же коронованы, какъ вожди, учителя и пророки. Но слабымъ и грѣшнымъ людямъ,—каковыхъ пока большинство,—личные порывы, рискъ, упрямая самостоятельность въ крупныхъ общественныхъ дѣлахъ часто бываютъ непосильны и часто ведутъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Здѣсь направляющее указаніе общественности, коллективное предварительное обсужденіе проектовъ, сдерживающій общественный контроль и требованіе отъ избранниковъ не идти противъ воли избирателей почти всегда бываютъ желательны и благотворны. Общественность является, такъ сказать, регуляторомъ жизни. Неосторожно и по недоразумѣнію срѣзывая иной разъ слишкомъ яркія и высокія проявленія дѣятельности человѣческаго духа, она не даетъ жизни падать и внизъ, до хаотическаго, безформеннаго уровня. Всѣ народы инстинктивно или сознательно тянутся къ организованной общественности. И не даромъ. Въ ней—лучшій пока и удобнѣйшій способъ найти выходъ изъ темной, неосмысленной, невѣжественной, напоенной враждою и злобою жизни, которую все еще влечитъ колоссальное большинство людей на земномъ шарѣ. И вотъ, пробуютъ и пробуютъ строиться люди выровненными рядами, оглядывая и провѣряя другъ друга, чтобы дружно идти впередъ изъ тысячелѣтняго мрака къ новымъ условіямъ жизни, гдѣ ослаблены будутъ засилье, несправедливость, неравенство, взаимная убыточная свара. Въ этомъ—общія задачи общественности. Чувствуется, что спасеніе и сила—въ дружной спаянности отдѣльныхъ силъ. Разумѣется, когда будутъ завоеваны ближайшія права спокойной, узаконенной жизни, многимъ покажется тигостной опека и сдержка общественности, многихъ будетъ раздражать она своей медлительностью, косностью, недоувѣріемъ, подозрительностью, излишкомъ контроля, связываніемъ личныхъ порывовъ и яркой инициативы, небыстрымъ распознаваніемъ гениевъ. И тогда на первый планъ выдвинется, быть-можетъ, новая крупная работа: постепенное освобожденіе воспитавшейся личности отъ докучливой указки общественности, отъ гнетущей опеки большинства надъ меньшинствомъ. Но это если и случится, то въ далекомъ, свѣтломъ буду-

щемъ, когда личность дѣйствительно вырастетъ и широко разовьется. Объ этомъ пока рано думать.

Для близкаго будущаго провинціальной Россіи,—да и всей вообще Россіи,—предстоитъ усердно и усиленно заняться усвоеніемъ общест-венности. Изъ хаоса, который мучительно переживаетъ страна, иного выхода нѣтъ и не будетъ, какъ черезъ общественныя учре-жденія. Въ этомъ смыслѣ важны какъ государственныя представи-тельные учрежденія, такъ и выборныя организаціи на мѣстахъ: рефор-мированныя земства, городскія самоуправленія и т. д. Вездѣ населенію придется проходить общественную школу, и чѣмъ лучше усвоить оно общественныя навыки, тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе двинется переустрой-ство жизни.

На такихъ инцидентахъ, какъ Челышовскій въ Самарѣ, населенію необходимо учиться, что полезно, допустимо и желательно для плодотворной общественной дѣятельности и что, наоборотъ, опасно и вредно. Если нѣкоторыя дѣйствія г. Челышова сами по себѣ, быть-можетъ, и не заслуживаютъ порицанія, то во всякомъ случаѣ дѣятельность его вызвала разложеніе мѣстныхъ общественныхъ силъ и застопорила городскія дѣла. Общественному таѣту, выдержкѣ, уваженію и вниманію къ желаніямъ населенія должны учить вдумчивыхъ общественныхъ дѣятелей подобные, на поверхностный взглядъ коми-ческие инциденты, отъ которыхъ запутывается, приостанавливается общественная жизнь города съ двухсотъ-тысячнымъ населеніемъ.

Лишній разъ вспоминаешь при этомъ и о главной бѣдѣ нашихъ городскихъ самоуправленій: малочисленномъ, искусственно суженномъ кругѣ избирателей. Людей такъ мало, что приходится выпрашивать согласіе на занятіе общественной должности у такихъ лицъ, которыя или перегружены личными дѣлами, или избраны уже, напримѣръ, въ Госуд. Думу и т. п. „Правыхъ“ или „благонадежныхъ“ лицъ,—и притомъ зажиточныхъ, чего требуетъ цензъ,—мало остается теперь въ Россіи, а на нихъ падаетъ непосильное бремя мѣстныхъ дѣлъ въ земствахъ и городскихъ самоуправленіяхъ. Естественно, что ни силъ, ни людей не хватаетъ, и нѣкоторые дѣятели разрываютъ свою энергію между Петербургомъ и провинціей, не успѣвая углубиться въ дѣло ни тамъ, ни здѣсь и вызывая, въ концѣ концовъ, ропотъ населенія. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ каждомъ городѣ, несомнѣнно, вянущъ безъ примѣненія и развитія таланты и энергія сотенъ и тысячъ людей, не допущенныхъ въ кругъ избирателей. Конечно, наивно было бы думать, что стоитъ лишь допустить широкую массу къ избирательнымъ ящикамъ—и въ ту же минуту окажутся при дѣлѣ десятки опытныхъ, энергичныхъ общественныхъ дѣятелей. Они окажутся, но не сразу, не мгновенно. Будутъ ошибки, разочарованія Но главная суть въ томъ,

что общественнымъ дѣламъ будутъ обучаться не единицы, а сотни людей; шире будетъ выборъ лицъ, глубже и внушительнѣе — общественный контроль.

Это должно случиться въ недалекомъ будущемъ. Теперь въ этой области пока уныло и безрадостно. Сверхъ всего прочаго, не ослабляется, а, кажется, все усиливается давленіе администраціи на послушныя самоуправленія. „7-го іюня, — сообщаетъ казанскій корреспондентъ „Русскихъ Вѣд.“, — городской голова С. А. Бекетовъ получилъ отъ казанскаго губернатора слѣдующую бумагу: „Губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, рассмотрѣвъ дѣло о неправильныхъ дѣйствіяхъ казанскаго городского головы, какъ предсѣдателя думы, въ засѣданіи 13-го октября 1910 г. о чествованіи памяти покойнаго С. А. Муромцева, и принимая во вниманіе опредѣленіе свое, состоявшееся 26-го марта 1911 г. и обстоятельства, послѣдовавшія послѣ роспуска первой Госуд. Думы, предсѣдателемъ коей былъ нынѣ покойный С. А. Муромцевъ, — пришло къ заключенію, что чествованіе означеннаго лица вставаніемъ не должно бы имѣть мѣста въ стѣнахъ городского общественнаго управленія и сдѣланное гласнымъ И. И. Александровымъ предложеніе должно бы городскимъ головой быть отклонено или въ самый моментъ заявленія, или же послѣ, но въ томъ же засѣданіи 13-го октября, что имъ однако, какъ предсѣдателемъ, сдѣлано не было. Губернское присутствіе, признавая дѣйствія городского головы, какъ предсѣдателя думы, неправильными, на основаніи 84-й статьи гор. пол. опредѣлило: не привлекая казанскаго городского голову къ отвѣтственности, ограничиться на сей разъ указаніемъ ему на его неправильныя дѣйствія“.

Официальный выговоръ за то, что осмѣлились почтить вставаніемъ усопшаго крупнаго общественнаго дѣятеля! И притомъ якобы снисходительная оговорка, что „на сей разъ“ не будетъ привлеченія къ отвѣтственности, т.-е., иными словами, предупрежденіе и угроза, что за слѣдующій подобный актъ воспослѣдуетъ серьезная кара. Послѣ смерти Л. Н. Толстого и С. А. Муромцева многія городскія думы выразили естественное уваженіе къ почившимъ и горесть по поводу ихъ утраты, почтивъ ихъ память вставаніемъ. И почти вездѣ администрація такъ или иначе проявила свое неудовольствіе по адресу городскихъ самоуправленій. Съ каждымъ годомъ все непринужденнѣе становится обращеніе администраціи съ выборными представителями и на мѣстахъ, и въ Петербургѣ.

Большое также давленіе оказываетъ администрація при выборѣ думами должностныхъ лицъ. И безъ того повсюду „людей мало“, а сверхъ всего и администрація, по разнымъ, часто непонятнымъ причинамъ, отбрасываетъ тѣхъ или иныхъ людей. Во многихъ городахъ

сидятъ назначенные губернаторами городскіе головы или члены управы. Выборные не утверждаются, а неожиданныя для населенія лица вдругъ оказываются у общественной власти. Дѣла, разумѣется, въ такихъ случаяхъ почти вездѣ идутъ криво, а нерѣдко и со злоупотребленіями. Для чего проводится подобная политика, — понять мудрено, потому что ничего, кромѣ неудовольствія противъ администраціи и правительства, изъ этихъ посѣвовъ вырасти не можетъ. Когда я былъ въ мартѣ въ г. Вольскѣ, мѣстные купцы говорили мнѣ: — На дняхъ будемъ выбирать голову. По правдѣ сказать, одно только лицо у насъ и имѣется — Мельниковъ. Да вотъ бѣда: выбрали мы его въ прошломъ году, а губернаторъ его не утвердилъ. Почему — понять невозможно. А человѣкъ очень для насъ подходящий: юристъ, долгое время прокуроромъ былъ въ Сибири и городское хозяйство хорошо знаетъ. Теперь новаго губернатора назначили, не попробовать ли развѣ опять Мельникова выбрать? Можетъ быть, новый-то утвердить? — Позднѣе въ газетахъ было сообщеніе, что вольская дума избрала въ головы г. Мельникова, и черезъ нѣкоторое время дополнительное сообщеніе, что избранникъ города снова не утвержденъ. Какой смыслъ этой мѣры? Бывшій прокуроръ, человѣкъ въ полномъ смыслѣ „благонадежный“? Администрація какъ будто умышленно наталкиваетъ мирное населеніе на недружелюбныя мысли о неосмысленной опекѣ надъ общественной самодѣятельностью.

Кое-гдѣ, впрочемъ, нѣкоторая настойчивость помогаетъ дѣлу. Изъ Иваново-Вознесенска пишутъ: „Новою городской думѣ на первыхъ же порахъ дѣятельности пришлось вступить въ конфликтъ съ администраціей. Думой былъ избранъ предсѣдательствующимъ гласный инженеръ А. И. Таировъ. Вслѣдъ затѣмъ отъ владимірскаго губернатора было получено сообщеніе, что онъ не находитъ возможнымъ утвердить г. Таирова. Когда въ городской думѣ вновь разсматривался вопросъ о выборѣ предсѣдательствующаго, гласный фабрикантъ П. Н. Дербеневъ (бывшій городской голова) заявилъ, что вопросъ о неутвержденіи А. И. Таирова имѣетъ важное принципиальное значеніе и касается не только г. Таирова, но и всей думы, избравшей его. Гласный высказалъ мнѣніе, что дума должна просить А. И. Таирова баллотироваться вторично и вторично избрать его. Гласный С. И. Соколовъ (представитель торговли) присоединяется къ высказанному П. Н. Дербеневымъ мнѣнію, что неутвержденіе Таирова затрагиваетъ достоинство всей думы, которая его избрала. Думой вновь былъ избранъ предсѣдательствующимъ г. Таировъ. На этотъ разъ губернаторъ уступилъ, и г. Таировъ утвержденъ предсѣдательствующимъ“.

Надо полагать, что г. Таировъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, про-

текшихъ между первымъ и вторымъ его избраніемъ, не могъ перемѣнить свою общественно-политическую фізіономію. Но въ такомъ случаѣ какіе же мотивы руководили волей губернатора? Или въ первый разъ была съ его стороны пустая придирка, капризъ, или во второй разъ онъ утвердиль „неблагонадежное“ лицо, подчиняясь окрѣпшему голосу гласныхъ фабрикантовъ и торговцевъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мѣстная власть не способствовала укрѣпленію своего авторитета. Изъ послѣдняго примѣра населеніе можетъ извлечь, кромѣ того, маленькую практическую пользу: настойчивость по отношенію къ администраціи иной разъ приноситъ хорошіе плоды.

Въ общемъ атмосфера въ области городского самоуправленія спертая, дѣятельность вялая, людей мало. Между тѣмъ кругъ дѣлъ въ вѣдѣніи городскихъ думъ разрастается и разрастается. Вездѣ проводятся трамваи, вспыхиваетъ электрическое освѣщеніе, устраиваются водопроводы, телефоны. Общественныя потребности растутъ и осложняются. И повсюду городскія самоуправленія должны брать многія предпріятія въ свои руки, чтобы населеніе не оказывалось въ долготѣнной эксплуатаціи предпринимателей и капиталистовъ, которые для этой поживы тянутся къ намъ даже изъ-за границы. Дѣла для городскихъ самоуправленій ужеросло очень много, а въ близкомъ будущемъ ихъ окажется еще больше, и чѣмъ скорѣе будетъ проведена въ жизнь реформа самоуправления и выдвинуты на общественную работу запасы свѣжихъ силъ, тѣмъ для страны лучше и спасительнѣе.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Неутвержденіе законопроекта объ отмѣнѣ правоограниченій, связанныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана. — Судьба законопроекта о всеобщемъ начальномъ обученіи. — Перемѣны, внесенныя Государственной Думой въ законопроектъ о волостномъ земствѣ. — Отношеніе къ нему министерства, націоналистовъ, крайнихъ правыхъ и крестьянъ.

Полгода тому назадъ, въ статьѣ: „Слабый лучъ свѣта въ глубокой тѣмѣ“, мы прииѣтствовали принятіе Государственнымъ Совѣтомъ законопроекта объ отмѣнѣ правоограниченій, связанныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана. Этотъ лучъ теперь погасъ: законопроектъ, благополучно прошедшій черезъ согласительную комиссію, не утвержденъ. Такой исходъ дѣла нельзя назвать совер-

шенно неожиданнымъ. При условіяхъ, въ которыхъ живетъ современная Россія—говорили мы въ нашей январьской статьѣ,—„все возможно: возможно, слѣдовательно, и то, что скромная реформа, проведенная съ такимъ трудомъ, осуществлена не будетъ“. Не стараясь угадать ближайшіе мотивы постигшей ее неудачи, остановимся на толкахъ, вызванныхъ ею въ печати, и на слухахъ о предстоящемъ возобновленіи прерваннаго дѣла.

Когда въ Государственномъ Совѣтѣ, во второй половинѣ декабря минувшаго года, шли оживленные пренія о томъ, быть или не быть первому вѣроисповѣдному новшеству, представленному на судъ верхней палаты, всѣми было замѣчено молчаніе министровъ. Говорили бывшіе министры (П. Н. Дурново) и бывшіе товарищи министровъ (В. К. Саблеръ), энергично отстаивавшіе прежній порядокъ—но ихъ примѣру не слѣдовали ихъ преемники, какъ будто заранее слагая съ себя всякую отвѣтственность и выражая полное равнодушіе къ судьбѣ законопроекта. Тогда этотъ образъ дѣйствій возбуждалъ удивленіе, очень похожее на порицаніе—но теперь, за то, имъ стараются воспользоваться присяжные защитники власти. „Россія“ спѣшитъ напомнить, что въ окончательномъ своемъ видѣ законопроектъ имѣлъ мало общаго съ первоначальными предположеніями министерства и неутвержденіе его не можетъ, потому, быть отнесено „на счетъ какой бы то ни было ошибки, будто бы допущенной со стороны правительства“. Итакъ, ошибкой не должно считаться нейтральное, пассивное и, слѣдовательно, загадочное отношеніе министерства къ законодательной работѣ, не должно считаться даже тогда, когда достаточно было перемѣщенія двухъ или трехъ голосовъ, чтобы получился результатъ прямо противоположный ¹⁾? Одно изъ двухъ: или министерство, въ моментъ разсмотрѣнія дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, было враждебно законопроекту—и въ такомъ случаѣ оно должно было прямо заявить о томъ, а не рассчитывать на исходъ, по существу своему чрезвычайный и допустимый только въ чрезвычайныхъ случаяхъ; или оно считало законопроектъ справедливымъ и цѣлесообразнымъ—и въ такомъ случаѣ отказъ въ Высочайшей санкціи не можетъ и не долженъ быть разсматриваемъ имъ какъ нѣчто для него безразличное, въ сущности его не касающееся... Какъ и всегда, апологеты министерства оказали ему по истинѣ медвѣжью услугу.

Откровенно-реакціонные органы прессы склонны думать—или, по крайней мѣрѣ, утверждать,—что главной причиной неутвержденія законопроекта послужило *вторженіе* Государственной Думы и Государ-

¹⁾ Въ Государственномъ Совѣтѣ законопроектъ былъ принятъ 58 голосами противъ 54, а при голосованіи одной изъ важнѣйшихъ поправокъ большинство было еще менѣе значительно (59 голосовъ противъ 57).

ственного Совѣта въ запретную для нихъ область церковныхъ дѣлъ. Подтвержденіемъ этого мнѣнія могъ, съ перваго взгляда, показаться появившійся въ печати слухъ, что составленіе, въ замѣнъ отвергнутаго законопроекта, новыхъ правилъ о лицахъ, выходящихъ изъ среды духовенства, взялъ на себя св. синодъ или синодальный оберъ-прокуроръ. Къ другому заключенію приводитъ, однако, разговоръ В. К. Саблера съ сотрудникомъ „Новаго Времени“, напечатанный въ № 12656 этой газеты. Законъ о бывшихъ священнослужителяхъ, по словамъ оберъ-прокурора, „касается прежде всего православной церкви, и потому инициатива его и первоначальная разработка должны принадлежать св. синоду. Но такъ какъ по сложеніи или лишеніи сана бывшіе священнослужители переходятъ въ ряды гражданъ россійской имперіи, то окончательное разсмотрѣніе синодальнаго законопроекта должно принадлежать высшимъ законодательнымъ учрежденіямъ. Въ виду этого, по составленіи законопроекта, я внесу его обычнымъ порядкомъ въ совѣтъ министровъ, а затѣмъ онъ перейдетъ въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ“. Итакъ, по признанію представителя „вѣдомства православнаго исповѣданія“ — представителя, въ которомъ общественное мнѣніе не безъ основанія видитъ продолжателя Побѣдоносцевской системы, хранителя Побѣдоносцевскихъ традицій, — вторженіемъ въ чужую область разсмотрѣніе злополучнаго проекта законодательными учрежденіями почитаться отнюдь не можетъ. Это признаніе тѣмъ важнѣе, что оно вполне примѣнимо ко всѣмъ остальнымъ вѣроисповѣднымъ законопроектамъ: они всѣ безъ исключенія касаются „гражданъ россійской имперіи“, и притомъ гражданъ, никогда не принадлежавшихъ или переставшихъ принадлежать къ православной церкви. Логическій выводъ изъ этого положенія идетъ, однако, гораздо дальше, чѣмъ полагаетъ В. К. Саблеръ. Предметомъ законопроекта, судьбу котораго мы теперь обсуждаемъ, являются вѣдь не причины и не порядокъ выхода, добровольнаго или недобровольнаго, изъ среды духовенства, а исключительно гражданскія послѣдствія этого выхода, наступающія тогда, когда вышедшій не имѣетъ уже ничего общаго съ своимъ бывшимъ сословіемъ. Какимъ же образомъ можно утверждать, что законопроектъ „касается прежде всего православной церкви“? На оборотъ, точекъ соприкосновенія съ нею у него очень мало, и онъ вовсе не такого рода, чтобы обезпечивать за нею руководящую роль и рѣшающій голосъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что на самомъ дѣлѣ церковь заинтересована только въ одномъ: въ отсутствіи препятствій, искусственно затрудняющихъ отказъ отъ духовнаго сана. Ничего она не можетъ выиграть и многое можетъ проиграть, если страхъ передъ праволишеніями и правоограниченіями будетъ удерживать въ ея средѣ служителей, тяготящихся своими обязан-

ностами или потерявшихъ вѣру въ свое призваніе. Мѣра право-ограниченій, налагаемыхъ на бывшихъ священнослужителей, должна зависѣть исключительно отъ гражданскаго общества, среди котораго имъ предстоитъ дѣйствовать и жить—и сообразно съ этимъ долженъ быть опредѣленъ и порядокъ установленія этихъ ограниченій. Ничего ненормальнаго или неправильнаго не было, слѣдовательно, въ томъ пути, которымъ шелъ отклоненный теперь законопроектъ. Оффиціозныя перья стараются доказать, что спорные вопросы были разрѣшены безъ надлежащихъ сношеній между правительствомъ и синодомъ. Но что же мѣшало правительству восполнить, своевременно, этотъ пробѣлъ, или синоду — довести, черезъ своего оберъ-прокурора, до свѣдѣнія законодательныхъ учрежденій свои возраженія противъ законопроекта? Отсутствіе тѣхъ или другихъ междувѣдомственныхъ сношеній могло имѣть нѣкоторое значеніе въ прежнее время, когда движеніе законопроектовъ совершалось въ тайнѣ и не существовало объединеннаго министерства; теперь на него ссылаться болѣе чѣмъ странно.

Не все ли равно, однако, кѣмъ и гдѣ будетъ составленъ новый законопроектъ, разъ что ему предстоитъ разсмотрѣніе въ обычномъ законодательномъ порядкѣ? При другихъ условіяхъ это, дѣйствительно, было бы безразлично; но въ данномъ случаѣ переходъ инициативы отъ министерства внутреннихъ дѣлъ къ св. синоду мотивируется интересомъ православной церкви и предвѣщаетъ, слѣдовательно, существенно иное, чѣмъ прежде, отношеніе къ спорному вопросу. Правда, изъ упомянутой нами бесѣды В. К. Саблера съ сотрудникомъ „Новаго Времени“ мы узнаемъ, что въ глазахъ синодальнаго оберъ-прокурора хороши только „тѣ законы, которые прислушиваются къ требованіямъ жизни и отвѣчаютъ современнымъ нуждамъ и запросамъ“. В. К. Саблеръ—„не сторонникъ обязательнаго охраненія тѣхъ законовъ или отдѣльныхъ ихъ статей, которыя уже не соотвѣтствуютъ современнымъ условіямъ жизни“,—и такихъ „юридическихъ архаизмовъ“ въ существующихъ узаконеніяхъ о бывшихъ священнослужителяхъ онъ видитъ немало. Это было бы весьма утѣшительно, еслибы не приходило на память упорное противодѣйствіе В. К. Саблера, въ комисіи и въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, даже той осторожной чисткѣ, которой предполагалось подвергнуть „архаическія“ правила тридцатыхъ годовъ. Не успокоителенъ и примѣръ, приводимый В. К. Саблеромъ: онъ выражаетъ готовность отмѣнить, по отношенію къ бывшимъ духовнымъ пастырямъ, запрещеніе вѣзда въ столицы, какъ потерявшее, при новыхъ способахъ перемѣщенія, всякій смыслъ и всякую силу. Итакъ, перестанутъ дѣйствовать юридически только тѣ правила, которыя уже перестали дѣйствовать фактически? Немногимъ же отъ этого измѣнится къ лучшему положеніе людей,

которыхъ одинъ изъ епископовъ, засѣдающихъ въ Государственномъ Совѣтѣ, совершенно правильно назвалъ „несчастливыми“. Это положеніе и безъ того незавидно: нелегко мѣнять вѣрное на невѣрное, нелегко разрывать съ своимъ прошлымъ, оставлять дѣятельность, къ которой готовился съ дѣтства. Неужели необходимо прибавлять къ этому еще лишнія, еще тягости? Неужели ихъ требуетъ интересъ церкви, обходившейся безъ нихъ въ теченіе многихъ столѣтій? ¹⁾

Безперемонностью, доходящею до цинизма, отличаются разсужденія по данному вопросу „Московскихъ Вѣдомостей“. „Наши предки“ — читаемъ мы въ этой газетѣ, — „наши предки, вѣрившіе въ личность человѣка, въ ея отвѣтственность за свои поступки, совершенно правильно разсуждали, что если человѣкъ, принявшій на себя обѣты служенія Богу, почему-нибудь измѣнить имъ, то онъ тѣмъ паче неспособенъ сохранить вѣрность служенія Царю, а потому непригоденъ для государственной службы... Если государство находится въ союзѣ съ церковью, то ясно, что оно не можетъ давать правъ государственной службы человѣку, лишенному правъ церковной службы или по собственной волѣ ихъ презрѣвшему. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ была столь ясна и понятна для нашихъ предковъ, что законъ не давалъ правъ государственной службы тѣмъ лицамъ, которыя стали въ положеніе разстригъ, до тѣхъ поръ, пока не получали основаній вѣрить въ ихъ нравственное обновленіе. Законъ долженъ отъ всѣхъ требовать извѣстнаго minimum'a нравственныхъ свойствъ и этимъ поддерживать слабѣющаго человѣка, а персоналъ служителей государства предохранять отъ вторженія лицъ, показавшихъ себя нравственно несостоятельными“. Итакъ, три четверти вѣка тому назадъ, въ эпоху крайняго приниженія личности, у насъ широко была распространена вѣра въ личность? Въ эпоху крайняго паденія административныхъ нравовъ, въ эпоху созданія „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, законъ воспитывалъ у насъ общественную и личную нравственность, охранялъ значеніе долга, поднималъ сознаніе моральной отвѣтственности, связанной съ его нарушеніемъ? Залогомъ „нравственнаго обновленія“ могло служить истеченіе болѣе или менѣе продолжительнаго срока? Человѣкъ, рѣшившійся отречься отъ удобствъ и выгодъ пріобрѣтеннаго положенія, оказывался менѣе заслуживающимъ довѣрія, чѣмъ тысячи другихъ, цѣпляющихся за свою должность съ цѣлью извлеченія изъ нея возможно большаго количества житейскихъ благъ? И эти тысячи нужно было оберегать отъ „вторженія“ этихъ единицъ?... Зачѣмъ, наконецъ, тревожить память „предковъ“, когда всѣмъ извѣстно,

¹⁾ См. въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1910 г. статью г. Огнева: „Изверженные“, а также приведенные въ „Внутреннемъ Обозрѣніи“ той же книжки отрывки изъ особаго мнѣнія покойнаго протоіерея М. И. Горчакова.

что не отъ нихъ зависѣло движеніе законодательства вообще и установленіе стѣснительныхъ мѣръ противъ „разстригъ“ — въ частности? Эти мѣры были не чѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ формализма, господствовавшего тогда во всѣхъ сферахъ государственной жизни; онѣ были варіаціей на тему: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“, острие ихъ было направлено противъ тѣхъ, кто рѣшался, среди всеобщей неподвижности и застоя, „перемѣнить участь“. Прежде, чѣмъ говорить о „предкахъ“, газетѣ г. Тихомирова слѣдовало вспомнить, что не дальше, какъ въ XVIII в., бывали случаи возвращенія лишенныхъ сана на церковныя должности, что во второй четверти XIX в. ограниченіе правъ бывшихъ священнослужителей не встрѣтило одобренія со стороны Государственного Совѣта... Допустимъ, однако, что въ прежнее время стѣна, отдѣлявшая духовенство отъ мірянъ, подлежала столь же тщательной охранѣ, какъ и стѣна, отдѣлявшая православныхъ отъ не-православныхъ. Пока никто изъ приписанныхъ къ православной церкви не могъ закономѣрно быть изъ нея выписаннымъ, до тѣхъ поръ логично было, можетъ-быть, удерживать въ средѣ православнаго духовенства, угрозой праволишеній или правоограниченій, всѣхъ однажды въ нее вступившихъ; но теперь, когда рухнула одна стѣна, гдѣ же основаніе искусственно охранять другую? Не ясно ли, что для борьбы съ другими исповѣданіями господствующая церковь нуждается въ служителяхъ убѣжденныхъ и сердечно преданныхъ своему дѣлу, а не въ индифферентахъ или отщепенцахъ, удерживаемыхъ отъ выхода изъ клира только страхомъ потерь и лишеній?.. Сравнительно маловажный по своему непосредственному значенію, касающійся лишь весьма небольшого круга лицъ, законопроектъ о бывшихъ священнослужителяхъ только потому и обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, что его судьба, прошедшая и будущая, характерна какъ симптомъ, тѣсно связана съ направлениемъ общей правительственной политики въ дѣлахъ церковныхъ.

Не счастливится у насъ вообще, въ послѣднее время, вѣроисповѣднымъ законопроектамъ. Единственный изъ нихъ, благополучно прошедшій черезъ Госуд. Думу и Госуд. Совѣтъ, не получилъ утвержденія; разногласіе между палатами по законопроекту о старообрядческихъ общинахъ до сихъ поръ остается неустраненнымъ; законопроектъ о переходѣ въ другое вѣроисповѣданіе все еще не обсуждался въ общемъ собраніи Госуд. Совѣта. Очень характерны слѣдующія даты, касающіяся этого послѣдняго законопроекта: 7-го ноября 1909-го года Госуд. Совѣтъ постановилъ передать его на разсмотрѣніе особой комиссіи, избраніе которой состоялось 19-го ноября; 25-го ноября она имѣла первое засѣданіе, за которымъ лишь черезъ полгода (22-го мая 1910-го года) послѣдовало второе; довольно часто

(пять разъ) комиссія собиралась въ ноябрѣ и декабрѣ; послѣднее засѣданіе ея состоялось 2-го марта 1911-го года, а обсужденіе ея доклада въ общемъ собраніи отложено до слѣдующей сессіи. Безъ малаго полтора года—срокъ несоразмѣрно продолжительный для коммисіоннаго разсмотрѣнія законопроекта, вовсе не отличающагося сложностью. Нѣкоторые члены комиссіи настаивали на совершенномъ отклоненіи законопроекта, какъ вреднаго для православной церкви. Тогда они остались въ меньшинствѣ; большинство удовольствовалось внесеніемъ въ проектъ поправокъ, значительно ограничивающихъ его дѣйствіе. Но можно ли быть увѣреннымъ въ томъ, что теперь, при новой конъюнктурѣ, меньшинство комиссіи не обратится въ большинство Государственнаго Совѣта?..

Медленность въ важнѣйшихъ дѣлахъ, медленность иногда совершенно необъяснимая—такова, вообще, отличительная черта дѣятельности Госуд. Совѣта. Онъ отрѣшился отъ нея лишь однажды—при разсмотрѣніи вопроса объ общемъ законодательствѣ имперіи и великаго княжества финляндскаго, т.-е. именно тогда, когда торопливость была менѣе всего уместна и цѣлесообразна. Въ теченіе цѣлой сессіи законопроектъ о мѣстномъ судѣ, принятый Госуд. Думой весною 1910-го года, не прошелъ въ Госуд. Совѣтѣ даже черезъ фазисъ коммисіоннаго обсужденія—и успѣлъ подвергнуться крушенію въ существенной своей части (о волостномъ судѣ), вслѣдствіе неожиданнаго поворота, происшедшаго въ настроеніи министерства. Нетрудно себѣ представить, съ какими препятствіями встрѣтятся въ Госуд. Совѣтѣ важнѣйшіе изъ числа законопроектовъ, принятыхъ Госуд. Думой въ теченіе четвертой ея сессіи: о начальномъ образованіи и о волостномъ земствѣ. И напрасно было бы надѣяться, что движеніе ихъ будетъ облегчено охлажденіемъ къ министерству, наступившимъ въ средѣ Госуд. Совѣта послѣ 14-го марта нынѣшняго года. Это охлажденіе не повліяло на отношеніе Государственнаго Совѣта къ одной изъ важнѣйшихъ реформъ, отъ успѣха которой зависитъ судьба всѣхъ будущихъ преобразованій—къ проекту о введеніи всеобщаго начального обученія. На этотъ разъ комиссія Госуд. Совѣта, состоявшая подъ предсѣдательствомъ П. М. фонъ-Кауфмана (бывшаго министра народнаго просвѣщенія), окончила свою работу очень быстро, въ четыре засѣданія, слѣдовавшія одно за другимъ въ теченіе полуторы недѣли (съ 23-го апрѣля по 2-е мая). „Проектъ закона о введеніи всеобщаго обученія“—читаемъ мы въ ея докладѣ—„разсчитанъ на скорѣйшее осуществленіе назрѣвшей и нетерпящей отлагательства мѣры, направленной къ общедо-

ступности начальнаго образованія въ нашемъ отечествѣ, а потому всякое замедленіе въ его разсмотрѣніи является крайне нежелательнымъ. Министерство народнаго просвѣщенія вошло уже въ соглашеніе съ значительнымъ числомъ земствъ, выработавшихъ школьныя сѣти и выразившихъ готовность принять на свои средства часть необходимыхъ для достиженія всеобщаго обученія расходовъ. При такихъ условіяхъ всякая дальнѣйшая отсрочка въ разсмотрѣніи и представленіи на Высочайшее утвержденіе настоящаго законопроекта грозитъ серьезнымъ разстройствомъ уже налаженному дѣлу. И вотъ, не смотря на всю силу этихъ безспорныхъ соображеній, большинство Госуд. Совѣта не только отказалось приступить къ разсмотрѣнію законопроекта, но рѣшило возвратить его въ комиссію, т.-е. устранить возможность постановки его на очередь вслѣдъ за возобновленіемъ занятій Совѣта. Конечно, даже въ случаѣ принятія всѣхъ предложеній комиссіи окончательное разрѣшеніе вопроса пришлось бы отложить до осени, такъ какъ въ проектъ, одобренный Думою, комиссія внесла довольно существенныя перемѣны, требовавшія соглашенія между палатами—а засѣданіе общаго собранія Госуд. Совѣта состоялось тогда, когда Дума уже была распущена на лѣтнія каникулы; но много времени было бы выиграно и въ томъ случаѣ, еслибы согласительная комиссія могла быть созвана вслѣдъ за открытіемъ новой сессіи.

Что же помѣшало нормальному ходу дѣла, неотложность котораго такъ ярко выставлена на видъ комиссіею Государственнаго Совѣта? Быть можетъ, то обстоятельство, что въ разногласіи, возникшемъ между Государственною Думою и министерствомъ финансовъ—относительно размѣра суммы, на которую ежегодно *долженъ* увеличиваться расходъ по введенію всеобщаго начальнаго обученія,—комиссія стала на сторону Думы, т.-е. опредѣлила эту сумму не въ восемь, а въ десять милліоновъ рублей? Невѣроятнаго въ этомъ нѣтъ ничего; могли найтись противники какъ фиксированія суммъ, назначаемыхъ на развитіе всеобщаго обученія, такъ и повышеннаго, сравнительно съ заявленіемъ правительства, размѣра этихъ суммъ. Въ теченіе многихъ десятилѣтій мысль о необходимости и возможности всеобщаго обученія, усиленно пропагандировавшаяся многими земствами и прогрессивною печатью, въ правительственныхныхъ сферахъ встрѣчала равнодушіе, часто граничившее съ противодѣйствіемъ—и слѣды этого настроенія едва ли исчезли безповоротно и всецѣло. Не потеряна еще, въ средѣ вліятельныхъ лицъ и группъ, надежда на рѣшительный поворотъ назадъ—поворотъ, шансы котораго обратно пропорціональны успѣхамъ народнаго просвѣщенія. Съ этой точки зрѣнія правительство должно оставаться свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ передъ народной школой. Конечно, нѣтъ такого обязательства, котораго — съ точки

зрѣнія „добраго стараго времени“, — нельзя было бы отмѣнить или просто нарушить; но еще удобнѣе ничего не обѣщать, оставить вопросъ совершенно открытымъ... Есть и другое объясненіе — и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что именно въ немъ слѣдуетъ искать главную причину неудачи, постигшей законопроектъ о всеобщемъ обученіи. Въ первоначальномъ правительственномъ представленіи церковно-приходскія школы, включенныя въ школьную сѣть, были приравнены къ школамъ, состоящимъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы пособія церковно-приходскимъ школамъ были выдаваемы изъ кредита, ассигнуемаго по финансовой смѣтѣ св. синода. Государственная Дума включила всю сумму, ассигнуемую въ цѣляхъ введенія всеобщаго начальнаго обученія, въ кредитъ министерства народнаго просвѣщенія, предполагая, очевидно, что въ вѣдѣніи министерства должны состоять и церковно-приходскія школы. Большинство комиссіи Государственнаго Совѣта ¹⁾ предлагало распредѣлить эту сумму между смѣтами министерства народнаго просвѣщенія и св. синода, съ тѣмъ, чтобы первому было ассигнуемо ежегодно не менѣе 8.500.000, второму — не менѣе 1.500.000 рублей. Болѣе чѣмъ правдоподобно, что этимъ не удовлетворено вѣдомство православнаго исповѣданія, рассчитывающее на то, что новый пересмотръ дѣла въ комиссіи, при дѣятельномъ участіи новаго синодальнаго оберъ-прокурора, приведетъ къ дальнѣйшимъ уступкамъ въ пользу обособленной по прежнему церковно-приходской школы. Конечно, съ измѣненнымъ въ этомъ смыслѣ законопроектомъ можетъ не согласиться Государственная Дума, и введеніе всеобщаго обученія опять отодвинется на неопредѣленную даль; но въ этомъ результатѣ нѣтъ ничего страшнаго для тѣхъ, кто ставитъ форму выше существа и интересы „вѣдомства“ выше интересовъ народа.

Не началось еще обсужденіе въ Государственномъ Совѣтѣ одобреннаго Думою законопроекта о волостномъ земствѣ. Что предлагало по этому предмету министерство, въ чемъ отступили отъ его предложеній члены думской комиссіи — объ этомъ мы говорили подробно въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ обзорѣй ²⁾. Въ общемъ собраніи Думы большинство склонялось обыкновенно на сторону комиссіи, а иногда шло еще дальше на пути измѣненія къ лучшему правительственныхъ предположеній. Изъ двухъ избирательныхъ системъ, правительственной и комиссіонной — системъ, о которыхъ мы позволили себѣ замѣтить,

¹⁾ Въ меньшинствѣ остались А. В. Васильевъ и В. П. Энгельгардтъ, поддержавшіе рѣшеніе Государственной Думы.

²⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1910 г. № 9, стр. 360—369.

что онѣ *объ хуже*, — восторжествовала та, которая увеличиваетъ число избирателей-личныхъ собственниковъ, но раздѣляетъ ихъ на куріи ¹⁾, внося, такимъ образомъ, въ новую земскую единицу сѣмена взаимнаго недоуверія и суживая кругъ лицъ, могущихъ сослужить ей полезную службу (каждая курія будетъ имѣть право выбирать гласныхъ *только* изъ своей собственной среды). Отвергнуты не только поправки (соціально-демократической и конституціонно-демократической фракцій), направленные къ установленію въ волостномъ земствѣ всеобщаго избирательнаго права, но и поправка прогрессистовъ, предоставлявшая право голоса лицамъ, проживавшимъ въ предѣлахъ волости въ теченіе двухъ лѣтъ непосредственно передъ выборами и имѣющими образовательный цензъ не ниже городского четырехкласснаго училища, хотя бы эти лица и не обладали имущественнымъ цензомъ. Страхъ передъ интеллигенціей, хотя бы самой скромной, взялъ, очевидно, верхъ надъ всѣми другими соображеніями: передъ сельскими врачами, фельдшерами, учителями, агрономами и т. п. тщательно закрыты двери въ избирательныя волостныя собранія—развѣ если кто-нибудь догадается купить въ предѣлахъ волости какой-нибудь клочокъ облагаемой земли. Изъ числа избирателей исключены евреи, какъ и слѣдовало ожидать при нынѣшнемъ составѣ Думы и преобладаніи въ ней такъ называемаго націонализма. Не исключены, къ счастью, женщины, но не допущено избраніе ихъ на волостныя должности. Изъ числа обстоятельствъ, влекущихъ за собою потерю избирательнаго права, удачно исключены лишеніе духовнаго сана и гласный надзоръ полиціи; рѣшающее значеніе дано окончательному судебному приговору, а не привлеченію къ ответственности—другими словами, устраниена, въ области волостного земства, вопіющая несправедливость, до сихъ поръ остающаяся въ силѣ въ области политическихъ, земскихъ и городскихъ выборовъ. Возникающее отсюда противорѣчіе должно привести, рано или поздно, къ принятію одного общаго начала для всѣхъ выборовъ—начала, въ пользу котораго и раньше высказывалось большинство Госуд. Думы. Большой споръ возгорѣлся по вопросу о томъ, допустимо ли, въ малонаселенныхъ волостяхъ, сосредоточеніе волостнаго управленія въ рукахъ одного лица. Намъ казалось сначала, что это желательно, въ видахъ сокращенія волостныхъ расходовъ; но во время преній опасность отступленій отъ коллегіальности была такъ убѣдительно дока-

¹⁾ Подкомиссія проектировала только двѣ куріи личныхъ землевладѣльцевъ — крупныхъ и мелкихъ; комиссія увеличила ихъ число до трехъ — сравнительно крупныхъ, среднихъ и самыхъ мелкихъ. Съ этимъ согласилось большинство Думы, понизивъ только минимальный цензъ первой куріи съ $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{10}$, второй — съ $\frac{1}{15}$ до $\frac{1}{25}$ полного земскаго ценза. Менѣе рациональное разрѣшеніе вопроса трудно себѣ представить.

зана практическими доводами, что окончательная побѣда этого начала представляется и намъ немаловажной переменой къ лучшему въ организаціи волостного земства. Шагомъ впередъ является освобожденіе волостного земства отъ непосредственнаго, единоличнаго контроля земскаго начальника, хотя, конечно, правильнѣе было бы поставить на его мѣсто уѣзднаго члена окружнаго суда (какъ предлагалось отъ имени к.-д. фракціи) или предсѣдателя уѣздной земской управы, а не особое присутствіе уѣзднаго съѣзда—учрежденіе смѣшаннаго состава, въ которомъ руководящую роль слишкомъ легко можетъ играть все тотъ же земскій начальникъ. Существенно важнымъ шагомъ назадъ слѣдуетъ признать, наконецъ, рѣшеніе большинства Думы, предоставившее особому присутствію уѣзднаго съѣзда дискреціонное право утвержденія или неутвержденія должностныхъ лицъ волостного управленія. Разсматриваемое въ цѣломъ, положеніе о волостномъ земствѣ оставляетъ желать очень и очень многого. Введенное въ дѣйствіе при нынѣшней правительственной системѣ, при нынѣшнемъ составѣ уѣздныхъ земствъ, при нынѣшней приниженности и пригнетности народной массы, оно облегчитъ, до извѣстной степени, матеріальную тягость, лежащую на крестьянствѣ, но едва ли установитъ живое общеніе между нимъ и другими группами сельскаго населенія, едва ли приведетъ къ осуществленію тѣхъ надеждъ, которыя такъ долго возлагались на всесословную волость.

Очень сомнительно, впрочемъ, чтобы волостное земство скоро перешло въ жизнь, даже въ томъ видѣ, въ какомъ оно проектировано Государственной Думой. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только остановиться на нѣкоторыхъ эпизодахъ думскихъ преній—преній во многихъ отношеніяхъ весьма характерныхъ, слишкомъ мало обратившихъ на себя, вслѣдствіе совпаденія ихъ съ тревогой, вызванной указомъ 14-го марта, вниманіе повременной печати. Знаменательно, прежде всего, отношеніе правительства къ волостному земству. Министерству внутреннихъ дѣлъ не нравится перевѣсъ, который предполагается дать земскимъ функціямъ волости передъ административными, не нравится „приспособленіе самаго строя будущей волости къ конструкціи земской“. Оно возстаетъ противъ желанія „стереть самое понятіе прежней волости“, противъ стремленія порвать съ ея „историческими традиціями“. Защищая куріальную систему, оно предлагаетъ значительное повышеніе количества десятинъ, открывающаго доступъ въ первую и вторую землевладѣльческія куріи (до $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{10}$ полнаго земскаго ценза). Оно высказывается противъ включенія въ число предметовъ вѣдѣнія волости организаціи юридической помощи, опасаясь, что такая организація, „лишенная всякой регламентаціи и надзора, окажется нецѣлесообразною и принесетъ вмѣсто пользы вредъ“.

Само собою разумѣется, что оно отстаиваетъ возможно большее участіе земскаго начальника въ дѣлахъ волости. Не проведя, по всѣмъ этимъ вопросамъ, своего мнѣнія, министерство едва ли будетъ расположено поддерживать проектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принятъ большинствомъ Думы. Въ чемъ заключаются „историческія традиціи“ крестьянской волости, какъ органа самоуправления—это мы опредѣлить не беремся: съ самаго ея учрежденія и въ особенности со времени переворота 1889-го года, единственнымъ ея завѣтомъ было исполненіе властныхъ приказовъ, т.-е. нѣчто меньше всего соответствующее задачамъ волостного земства. Поддерживать такой завѣтъ—значить заранѣе обрекать реформу на полную неудачу. И весьма возможно, что вопросъ о волостномъ земствѣ, при активномъ или пассивномъ участіи министерства, разрѣшится такъ, какъ разрѣшился недавно вопросъ объ упраздненіи крестьянскаго волостного суда...

Въ походѣ противъ земской самоуправляющейся волости, если ему суждено продолжаться, въ союзникахъ у министерства недостатка не будетъ. Больше всего оно можетъ рассчитывать на націоналистовъ. Обширная рѣчь, которую произнесъ отъ ихъ имени, при самомъ началѣ преній, членъ Государственной Думы Синадино, звучала не привѣтомъ реформѣ, а похороннымъ для нея звономъ. Волость—говорилъ онъ—должна быть прежде всего низшей административной единицей; лишь послѣ исполненія административныхъ функций ей можно предоставить, въ предѣлахъ имѣющихся мѣстныхъ средствъ, выполненіе обязанностей мѣстнаго общественнаго органа. Другое рѣшеніе вопроса грозитъ „аннулированіемъ государственной власти“. Сильная культурная и матеріальная отсталость сельскаго населенія не допускаетъ содержанія двухъ дорого стоящихъ мѣстныхъ организаций—волостной земской управы и волостного управленія. Новые расходы неизбежно поглотятъ весь приростъ мірскихъ сборовъ отъ обложенія частновладѣльческихъ земель. Всего яснѣе основная мысль оратора и его партіи выразилась въ слѣдующихъ словахъ: „Нынѣшній темпъ общественной жизни на мѣстахъ вполне можетъ быть удовлетворенъ уѣздными и губернскими земствами, нѣсколько преобразованными“. Вполнѣ согласованными съ этой общей profession de foi были выступленія товарищей г. Синадино по фракціи. Бар. Черкасовъ, утраченный перспективой новаго обложенія въ размѣрѣ до 12 коп. на десятину, прямо предлагалъ отклонить законопроектъ, не переходя къ постатейному чтенію. Деп. Чихачевъ, менѣе рѣшительный, находилъ, что волостная реформа, въ томъ видѣ, какъ ее рисуетъ законопроектъ—дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго; пускай сначала сформируется классъ единоличныхъ собственниковъ, достаточно самостоятельныхъ и обеспеченныхъ

пускай станет грамотной народная масса... Само собою разумѣется, что по отдѣльнымъ вопросамъ націоналисты голосовали за все то, что служило права и функции, стѣсняло самостоятельность волостного земства—напримѣръ за сохраненіе господствующей роли земскаго начальника.

Еще болѣе откровенными и ожесточенными врагами волостного земства явились, какъ и слѣдовало ожидать, крайніе правые. Ихъ ораторы не столько разбирали законопроектъ, сколько отыскивали въ немъ затаенныя зловредныя мысли. Депутатъ Сазоновичъ, первый, говорившій отъ имени этой партіи, старался доказать, что цѣль думскихъ конституціоналистовъ—разорить, путемъ волостныхъ сборовъ, частныхъ землевладѣльцевъ и провести, такимъ образомъ, „замаскированное принудительное отчужденіе“ (точку надъ і ставить при этомъ деп. Марковъ 2-ой, восклицая: „Этого Шингареву только и надо; онъ знаетъ, чего хочетъ“). Самый законопроектъ, по словамъ г. Сазоновича, проходитъ „подъ фальшивымъ паспортомъ“; это какой-то бѣглець, явившійся подъ чужимъ видомъ на жительство. Защитникамъ проекта представитель крайнихъ правыхъ безцеремонно приписываетъ то, чего они вовсе не говорили, или противное тому, что они говорили. Докладчикъ коммисіи, деп. Глѣбовъ (октябристъ), въ значительной степени отвѣтственный за недостатки закона, но потрудившійся надъ нимъ, во всякомъ случаѣ, добросовѣстно и много, говорилъ о неудовлетворительномъ состояніи проселочныхъ дорогъ (содержаніе которыхъ не лежитъ на обязанности уѣзднаго земства, но, конечно, легло бы на обязанность земства волостного); г. Сазоновичъ относитъ его слова къ *земскимъ* дорогамъ, которыхъ онъ вовсе не касался! Докладчикъ выразилъ надежду, что волостное земство поможетъ земствамъ уѣзднымъ и губернскимъ развитъ свою дѣятельность въ области народнаго здравія и народнаго образованія; г. Сазоновичъ видитъ въ этомъ признаніе, что земскія школы и больницы находятся въ отвратительномъ состояніи!... Еще яснѣе раскрылъ карты крайнихъ правыхъ г. Марковъ 2-ой. „Вотъ вамъ истинный взглядъ!“ — воскликнулъ онъ въ одинъ изъ критическихъ моментовъ спора:—„волость должна быть такой, какъ и теперь—сословной, крестьянской, и никакихъ этихъ новыхъ законопроектовъ не нужно, а нужно только обложить всѣ земли, находящіяся въ волости, волостнымъ сборомъ, и больше ничего. Все остальное — обманъ и шарлатанство“. Итакъ, г. Марковъ не раздѣляетъ опасеній своего товарища, г. Сазоновича? Онъ идетъ на волостное обложеніе частновладѣльческихъ земель, какимъ бы раззореніемъ оно ни грозило? Конечно — нѣтъ. Онъ очень хорошо знаетъ, что если волость останется крестьянскою, то она останется и зависимою: все существенное въ во-

лостныхъ распорядахъ по прежнему будетъ регулироваться сверху, и такъ называемымъ высшимъ классамъ, по прежнему цѣлою пропастью отдѣленнымъ отъ „черни“, не будетъ повода бояться „притѣснительнаго“ — т.-е. справедливаго — распредѣленія сборовъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что схема г. Маркова осуществилась: волость продолжаетъ быть крестьянскою, но ея расходы въ нѣкоторой мѣрѣ должны покрывать и землевладѣльцы, принадлежащіе къ другимъ сословіямъ. Одно изъ двухъ: или новые плательщики, ссылаясь на основныя начала налогового права, потребуютъ и получать голосъ въ опредѣленіи и распредѣленіи волостныхъ сборовъ — т.-е. примутъ, такъ или иначе, участіе въ управленіи волостью; или охраненіе ихъ интересовъ будетъ предоставлено власти, гораздо болѣе склонной поддерживать притязанія привилегированнаго меньшинства, чѣмъ ограждать права народной массы... Немного — думается намъ — нашлось и въ Государственной Думѣ наивныхъ людей, которымъ прозрачная дымка фразъ помѣшала разглядѣть истинный смыслъ рѣчи г. Маркова.

Посуливъ членамъ Думы-крестьянамъ участіе привилегированнаго класса въ покрытіи волостныхъ сборовъ, г. Марковъ постарался запугать ихъ картиною ужасовъ, которые повлекло бы за собою введеніе, въ волости, всеобщей подачи голосовъ. Защитникамъ законопроекта онъ пытался приписать намѣреніе „выгнать“ крестьянъ не только изъ крестьянской волости, но и изъ Госуд. Думы. „Ни одинъ крестьянинъ“ — восклицалъ онъ — „въ Госуд. Думу не попадетъ, ибо выборы въ Думу отъ крестьянъ происходили черезъ волостныя собранія, а въ волостныхъ собраніяхъ не будетъ крестьянъ; тамъ будутъ интеллигенты, и интеллигенты будутъ здѣсь вмѣсто васъ сидѣть и представлять крестьянскіе интересы“. На что разсчитывалъ г. Марковъ, произнося эти слова, рѣшить трудно; вѣдь не могъ же онъ думать, что никому не придетъ на память статья законопроекта, сохраняющая, для процедуры выборовъ въ Госуд. Думу, *крестьянскіе* волостные сходы. Ее прочиталъ, въ томъ же засѣданіи, деп. Шингаревъ — и послѣдующія увѣренія г. Маркова, что крестьянскій волостной сходъ, собирающійся одинъ разъ въ пять лѣтъ, представляетъ собою только „бумажную гарантію“, не могли заставить забыть, что въ первой рѣчи вождя крайнихъ правыхъ прямо говорилось о выборахъ въ Госуд. Думу, происходящихъ въ волостномъ собраніи...“ Этого мало: г. Марковъ выставилъ себя другомъ крестьянъ, защищалъ ихъ политическія права, какъ „достояніе“, данное имъ Государемъ, возставалъ противъ всеобщей подачи голосовъ, какъ устраняющей крестьянъ, *de facto*, отъ участія въ законодательныхъ собраніяхъ. И здѣсь онъ слишкомъ понадѣялся на забывчивость своихъ противниковъ; тотъ же

деп. Шингаревъ ознакомилъ Думу съ отрывками изъ рѣчи, произнесенной г. Марковымъ въ 1907 г., конечно—при другомъ составѣ слушателей: на московскомъ сѣздѣ земскихъ дѣятелей, въ первый разъ раскрывшемъ настоящій характеръ новыхъ земскихъ теченій. „Можно ли, положи руку на сердце, сказать“—спрашивалъ тогда г. Марковъ, — „что наше крестьянство, въ теперешнемъ его состояніи, дѣйствительно способно вести земское дѣло?.. Недостаточно желать, надо умѣнье— а умѣнья-то у крестьянъ для земскаго дѣла пока нѣтъ... Мы видимъ на Государственной Думѣ, какъ ошибочно былъ составленъ избирательный законъ, исходившій изъ предположенія, что большое количество крестьянъ можетъ дать хорошее законодательное учрежденіе“. Единственнымъ отвѣтомъ на это напоминаніе послужили со стороны г. Маркова, за невозможностью опровергнуть г. Шингарева, попытки оскорбить его („это говорится не только отъ головы, а отъ сердца, котораго вы не имѣете, г. *лекаръ*... Среди васъ много людей, которые, подобно деп. Шингареву, думаютъ не головой, а тѣмъ-то другимъ“). Само собою разумѣется, что это были, говоря языкомъ криминалистовъ, покушенія негодными средствами. И г. Маркову нужно было очень много... мужества, чтобы закончить свою реплику обращеніемъ къ противникамъ: „вы шарлатаны и обманщики“!

До какой степени крайніе правые рассчитываютъ на легковѣріе крестьянъ, подпавшихъ подъ ихъ вліяніе—объ этомъ свидѣлствуютъ усилія деп. Маркова 2-го доказать, что въ вновь образуемыхъ волостныхъ собраніяхъ вовсе не будетъ... крестьянъ. Какъ ни плоха принятая комиссіею и Думой куріальная система, все же нельзя забывать, что курія общинниковъ будетъ исключительно крестьянская, и главнымъ образомъ изъ крестьянъ будутъ состоять двѣ куріи (вторая и третья) личныхъ землевладѣльцевъ. Да и въ какой волости найдется такое число не-крестьянскихъ элементовъ, при которомъ большинство волостного собранія могло бы состоять не изъ крестьянъ? Почему, наконецъ, своеобразные охранители крестьянства не голосуютъ за введеніе въ волости всеобщей подачи голосовъ, при которой преобладающая роль уже ни въ какомъ случаѣ не могла бы ускользнуть изъ рукъ крестьянъ? Потому, что въ парламентахъ венгерскомъ и французскомъ, какъ говорилъ г. Марковъ, вовсе нѣтъ крестьянъ? Но кому же неясно громадное различіе между законодательной палатой, представляющей собою весь народъ, и собраніемъ, вѣдающимъ хозяйственные дѣла небольшой территоріи? Кому же неясно, что не можетъ не быть существенно различія и составъ обоихъ собраній? Само собою разумѣется, что это хорошо понимаетъ и г. Марковъ—но ему нужно было напугать наиболѣе довѣрчивую часть своихъ слушателей. Сомнѣваемся, чтобы онъ достигъ своей цѣли; сомнѣваемся, чтобы кре-

стьянамъ, сидящимъ въ Госуд. Думѣ—за исключеніемъ развѣ тѣхъ немногихъ, которыми всецѣло овладѣли правыя партіи,—недоступна была та простая истина, что не принадлежностью къ тому или другому сословію обуславливается готовность и способность служить народу, стоять на стражѣ интересовъ народной массы.

Между крестьянами, принимавшими участіе въ преніяхъ о волостномъ земствѣ, только немногіе становились на сторону принципиальныхъ противниковъ законопроекта—противниковъ по тѣмъ соображеніямъ, которыми руководятся крайніе правые и націоналисты. Даже въ рѣчи деп. Андрейчука, говорившаго отъ имени націоналистической фракціи, слышались ноты, неблагоприятныя для сословной, крестьянской волости; не довольствуясь обложеніемъ не-крестьянскихъ имуществъ, онъ высказывался за „снятіе сословности съ волости“. Деп. Андреевъ (бывшій волостной старшина) признавалъ за законопроектомъ громадное значеніе, въ особенности для крестьянъ: „онъ вноситъ въ жизнь мѣстнаго самоуправленія свѣжія силы и средства, безъ которыхъ нынѣ существующая волость не въ состояніи разрѣшить назрѣвшихъ вопросовъ“. „Мнѣ остается“—такъ закончилъ онъ свою рѣчь—„обратиться къ Госуд. Думѣ и просить: введите этотъ законопроектъ въ жизнь и этимъ дайте намъ возможность создать твердую почву для укрѣпленія и развитія страны, а также и нынѣ существующаго представительстваго строя“. Депутатъ Базилевичъ выражалъ, отъ имени крестьянъ-октябристовъ, готовность „лечъ костыми“ за данный законопроектъ. Деп. Амосенокъ не шелъ такъ далеко, но рѣзко оспаривалъ ораторовъ, стоявшихъ за отклоненіе проекта безъ перехода къ постановленію чтенію, и выражалъ увѣренность въ возможности устранить частныя недостатки проекта. Не подлежитъ, наконецъ, никакому сомнѣнію, что именно благодаря крестьянскимъ голосамъ измѣнены статьи законопроекта, дѣлавшія земскаго начальника фактическимъ хозяиномъ волостного земства.

Не въ пассивномъ сопротивленіи крестьянъ, не въ систематическомъ отклоненіи ими всякой совмѣстной дѣятельности, на мѣстахъ, съ другими группами сельскаго населенія лежитъ, такимъ образомъ, главная преграда на пути осуществленія волостного земства. Опасность грозитъ ему со стороны бюрократіи, выдающей въ волости, прежде всего, удобное орудіе управленія, и со стороны тѣхъ представителей помѣстнаго дворянства, которымъ дороги остатки податныхъ привилегій и еще дороже—остатки властнаго помѣщичьяго вліянія. При нынѣшнихъ условіяхъ волостную реформу легко можетъ постигнуть либо полная неудача, либо потеря, при проходѣ черезъ Государственный Совѣтъ, всего, что предполагалось внести въ мѣстную жизнь прогрессивнаго и свѣжаго. вмѣстѣ съ проектомъ переустройства

мѣстнаго суда, ей суждено, быть можетъ, остаться нагляднымъ памятникомъ того, во что обращаются лучшія мысли, попадая въ душную атмосферу эпохи застоя и регресса.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Парламентскіе выборы въ Австріи. — Партія „христіанскихъ социалистовъ“ и ея судьба. — Перемена министерства и австрійскій политическій кризисъ. — Балканскія дѣла. — Новое министерство во Франціи. — Коронаціонныя торжества въ Англіи.

Очень много поучительнаго — и не для однихъ австрійцевъ — представляютъ послѣдніе парламентскіе выборы въ Австріи. Избирательное движеніе какъ-то сразу, совершенно неожиданно для правительства и для значительной части публики, приняло характеръ ожесточенной борьбы противъ господствовавшей партіи христіанскихъ социалистовъ — партіи, находившейся въ тѣсномъ союзѣ съ высшими правящими сферами и считавшейся надежною опорою престола и церкви. Австрійскіе либералы и прогрессисты, обыкновенно столь умѣренные въ своихъ требованіяхъ и ожиданіяхъ, обнаружили на этотъ разъ удивительную горячность и энергію; они заговорили вдругъ такимъ тономъ, который, какъ казалось, вовсе не соответствовалъ ихъ обычнымъ „лояльнымъ“ идеямъ и традиціямъ. На лукавыхъ дѣльцовъ мнимаго „христіанскаго социализма“ посыпались грозныя обвиненія. Либеральныя газеты были полны рѣзкихъ обличительныхъ статей противъ хищныхъ честолюбцевъ, которые ради своихъ выгодъ вступили въ сдѣлку съ аграріями и отдали имъ въ жертву жизненные интересы большинства населенія. Непомѣрная дороговизна съѣстныхъ продуктовъ, отъ которой особенно страдаютъ трудящіеся и средніе классы общества, является прямымъ слѣдствіемъ закулисной аграрной политики христіанскихъ социалистовъ. Наканунѣ дня общихъ выборовъ, 12-го іюня (нов. стиля), самая авторитетная и распространенная изъ вѣнскихъ газетъ — „Neue Freie Presse“ — помѣстила передовую статью подъ характернымъ заглавіемъ: „Озлобленіе противъ христіанскихъ социалистовъ“. „Еслибы депутатскія полномочія были только результатомъ мнѣній и настроеній, — заявляла газета, — то христіанскіе социалисты, покрытые тяжелыми ранами, остались бы на полѣ сраженія. Всѣ ожесточены противъ нихъ, потому что они всѣхъ обманывали

и безпощадно жертвовали народными интересами, распространяя нужду и голодъ, чтобы имѣть возможность предъявлять притязанія на министерскіе портфели, президентскія мѣста, почести, денежные оклады и пенсіи... Пусть этотъ день будетъ днемъ возврата къ справедливости и правдѣ, днемъ очищенія атмосферы отъ удушливыхъ ядовитыхъ газовъ, днемъ пробужденія Австріи къ прогрессивной работѣ. Пора покончить съ зауряднѣйшимъ политическимъ мошенничествомъ, какого еще не бывало въ исторіи. Надо вырваться изъ болота! Вотъ пожеланіе, которое долженъ чувствовать каждый избиратель“.

Твердыней христіанскихъ соціалистовъ была Вѣна, гдѣ они господствовали непрерывно болѣе двадцати лѣтъ и крѣпко держали въ рукахъ все городское управленіе и хозяйство. Изъ тридцати трехъ представителей Вѣны въ австрійскомъ парламентѣ двадцать принадлежало къ партіи христіанскихъ соціалистовъ. Выборы 13-го іюня нанесли этой партіи сильнѣйшій ударъ именно въ Вѣнѣ. Съ большими усилиями, при помощи неразборчивой въ средствахъ организации, христіанскіе соціалисты успѣли сохранить за собою всего три столичныхъ округа; остальные семнадцать завоеваны у нихъ прогрессистами и соціаль-демократами. Главные вожди и наиболѣе видные дѣятели партіи потерпѣли рѣшительное пораженіе. Оффиціальнѣйшій руководитель ея, принцъ Алоизій Лихтенштейнъ, его ближайшій помощникъ и совѣтникъ, Альбертъ Гессманъ, министръ торговли Вейскирхнеръ, бывшій министръ фонъ-Виттекъ, бывшій президентъ палаты депутатовъ Паттай, вѣнскій бургомистръ Неймайеръ, вице-бургомистръ Гиргаммеръ, какъ и многіе провинціальныя ихъ союзники, — всѣ провалились 13-го іюня и остались окончательно разбитыми при перебаллотировкѣ 20-го іюня. „Народъ, на плечахъ котораго возвысились эти люди, — говорится въ той же „Neue Freie Presse“ отъ 21-го іюня, — не хотѣлъ теперь и слышать о нихъ. Они располагали симпатіями улицы и всѣми средствами, какія даетъ наивная вѣра, и въ то же время пользовались союзничествомъ черныхъ лѣстницъ, ведущихъ въ апартаменты богатыхъ и сильныхъ. По отношенію къ низшимъ классамъ они брали на себя личину народолюбцевъ, а передъ высшими играли роль охранителей никѣмъ въ сущности не угрожаемой религіи. Вѣнскіе избиратели желѣзною рукою задушили эту исполинскую змѣю, питавшуюся лучшимъ изъ того, что можно было извлечь изъ государства и изъ кармановъ населенія. Кто когда-нибудь видѣлъ статую Лаокоона и его дѣтей, охваченныхъ змѣинымъ кольцомъ, тотъ не могъ не вспомнить о судьбѣ Вѣны. Этотъ день освобожденія долженъ считаться однимъ изъ самыхъ славныхъ дней ея исторіи, однимъ изъ счастливѣйшихъ моментовъ для Австріи и для всей монархіи“.

Откуда же взялась эта „исполинская змѣя“, отъ которой такъ долго и мучительно страдало злосчастное населеніе Вѣнны и Нижней Австріи? Она явилась въ концѣ восьмидесятихъ годовъ прошлаго вѣка для защиты и охраны этого населенія отъ „еврейскаго засилья“, для борьбы противъ узкаго матеріализма и корыстолюбія во имя высшихъ христіанскихъ идеаловъ, для спасенія добрыхъ австрійскихъ нѣмцевъ отъ нравственнаго вырожденія и упадка, которыми будто бы грозитъ имъ космополитическое еврейство. „Исполинская змѣя“ выступила на сцену, развилась и окрѣпла подъ флагомъ антисемитизма; она воевала во имя христіанской морали противъ промышленнаго капитала и его еврейскихъ представителей, увлекала публику смѣлыми обличительными рѣчами противъ биржевыхъ и финансовыхъ тузовъ, банкировъ и разнаго рода спекулянтовъ, эксплуатирующихъ народъ, и указывала путь къ торжеству добродѣтели чрезъ посредство побѣды надъ еврействомъ. Довѣрчивыя народныя массы пошли за глашатаями антисемитизма, соблазнились призывами къ духовному возрожденію и приняли за чистую монету нападки на „еврейское засилье“. Главный ораторъ и вдохновитель этого движенія, беззастѣнчивый демагогъ, адвокатъ Карлъ Люэгеръ, съ 1885-го года депутатъ въ австрійскомъ парламентѣ, приобрѣлъ большую популярность въ Вѣнѣ своею антисемитскою пропагандою и въ половинѣ девяностыхъ годовъ былъ избранъ вѣнскимъ бургомистромъ, но занялъ этотъ постъ только въ 1897-мъ году; съ тѣхъ поръ и до своей смерти онъ вмѣстѣ съ своими приближенными распоряжался столичнымъ самоуправленіемъ сообразно интересамъ своей партіи и отдѣльныхъ ея членовъ. Самое названіе партіи „христіанскихъ социалистовъ“ обезпечивало ей успѣхъ въ широкихъ кругахъ населенія и въ то же время доставляло ей доступъ къ аристократическимъ и придворнымъ салонамъ: социализмъ служилъ приманкою для народныхъ массъ, а въ соединеніи съ религіею онъ привязывалъ эти массы къ властвующимъ клерикальнымъ элементамъ австрійскаго общества. Подъ этой обманчивою двойственною фирмою антисемитизмъ прочно водворился въ общественно-политической жизни Вѣнны и Нижней Австріи, не безъ скрытаго сочувствія двора; на первыхъ порахъ онъ пользовался также явною поддержкою со стороны министерства графа Таафе. Многіе думали, что новая партія можетъ предотвратить развитіе социаль-демократіи и привлечь рабочій классъ на сторону клерикаловъ; но Люэгеръ и его союзники стремились прежде всего къ фактическому захвату власти и дѣйствовали въ этомъ направленіи настолько успѣшно, что вскорѣ стали крупною силою въ государствѣ. Къ нимъ применило въ огромномъ большинствѣ низшее католическое духовенство, особенно въ сельскихъ округахъ; имъ выражали свою благосклонность представи-

тели высшей аристократіи, одинъ изъ членовъ которой стоялъ во главѣ партіи; средній классъ, ремесленники и рабочіе вѣрили ихъ широкимъ обѣщаніямъ и надѣялись на принятіе какихъ-либо мѣръ противъ злоупотребленій крупной промышленности и торговли. Но, достигнувъ вліятельнаго положенія, христіанскіе социалисты, — какъ это часто бываетъ и съ другими партіями и въ другихъ странахъ, — занялись устройствомъ своихъ собственныхъ дѣлъ и совершенно отбросили въ сторону свои первоначальныя цѣли и задачи; на практикѣ они оказались чрезвычайно жадными хищниками и эксплуататорами, несравненно болѣе смѣлыми и предприимчивыми, чѣмъ тѣ евреи, отъ „засилья“ которыхъ они взяли изъбавить населеніе Вѣны и Нижней Австріи.

Нѣмецко-австрійскіе націоналисты и либералы долго смотрѣли сквозь пальцы на безцеремонные подвиги партійныхъ вождей и дѣльцовъ „христіанскаго социализма“, такъ какъ съ одной стороны видѣли въ нихъ могущественную парламентскую опору смѣнявшихся либерально-нѣмецкихъ кабинетовъ, а съ другой — полезныхъ союзниковъ въ борьбѣ противъ австрійской социаль-демократіи. Страхъ предъ подлиннымъ социалистическимъ движеніемъ рабочаго класса побуждалъ австрійскихъ либераловъ дѣйствовать во многихъ случаяхъ заодно съ христіанскими социалистами, и даже послѣ перваго разгрома этой партіи на выборахъ 13-го іюня парламентскіе представители прогрессистовъ готовы были заключить съ нею соглашеніе о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ социаль-демократіи при перебаллотировкѣ 20-го іюня. Только энергическіе, единодушные протесты общественнаго мнѣнія, нашедшіе соотвѣтственный отголосокъ въ либеральной печати, помѣшали осуществленію компромисса, предложеннаго министерствомъ фонъ-Бинерта и возмущеннаго, съ отѣнкомъ снисходительнаго высокомерія, вождями христіанскихъ социалистовъ. Такимъ образомъ пораженіе партіи могло быть безпрепятственно доведено до конца.

Въ численномъ отношеніи христіанскіе социалисты потеряли всего двадцать мѣстъ въ парламентѣ: прежде ихъ было — 96, а теперь 76; но они потерпѣли сильнѣйшее пораженіе въ Вѣнѣ, лишились своихъ вождей и превратились въ провинціальную клерикальную партію, могущую рассчитывать только на симпатіи невѣжественнаго крестьянства и землевладѣльческихъ аграріевъ. Вѣна имѣетъ теперь представителями въ рейхсратѣ двадцать социаль-демократовъ, вмѣсто прежнихъ десяти, десять свободомыслящихъ, вмѣсто прежнихъ трехъ, и трехъ христіанскихъ социалистовъ, вмѣсто прежнихъ двадцати. Общее число свободомыслящихъ нѣмецкихъ депутатовъ значительно возросло, число социаль-демократовъ нѣсколько уменьшилось. Число чешскихъ аграріевъ возросло съ 28 до 34; зато чешскіе клерикалы по-

теряли десять мѣстъ (было ихъ 17, а осталось семь); между прочимъ забаллотированными оказались бывшій чешскій министръ Зачекъ и братъ бывшаго министра-президента графа Франца Туна, графъ Ярославъ Тунъ. Младочеховъ избрано 19, вмѣсто бывшихъ 18, а изъ прежнихъ 4-хъ старочеховъ уцѣлѣлъ только одинъ. Польскихъ депутатовъ въ новой палатѣ—72, южныхъ славянъ—36, итальянцевъ—20. Выборная агитація повсюду отличалась страстностью, но только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галиціи сопровождалась серьезными беспорядками; въ мѣстечкѣ Дрогобичѣ дѣло дошло до кроваваго столкновенія между войсками и населеніемъ, при чемъ, по невыясненной еще причинѣ, солдаты стрѣляли въ безоружныхъ жителей и убили болѣе двадцати человекъ. Къ сожалѣнію, старыя административныя традиции и понятія не измѣняются сами собою подъ вліяніемъ всеобщаго избирательнаго права. Привлеченіе войскъ къ водворенію порядка тамъ, гдѣ нужна только обыкновенная полиція, слишкомъ часто приводитъ къ неожиданнымъ катастрофамъ: какой-нибудь случайный выстрѣлъ можетъ вызвать пальбу, которая оставитъ на мѣстѣ десятки человеческихъ труповъ. Трагическое событіе въ Дрогобичѣ не имѣло прямой связи съ общимъ ходомъ парламентскихъ выборовъ; повидимому, оно вызвано было только растерянностью военныхъ командировъ и мѣстныхъ полицейскихъ властей, въ связи съ возбужденнымъ состояніемъ толпы обывателей.

Всеобщее избирательное право показало всю свою силу на послѣднихъ выборахъ въ Австрію; оно опрокинуло всѣ искусственныя комбинаціи и ухищренія, придуманныя для поддержанія могущества старыхъ партій, и внесло новую, свѣжую струю въ политическую жизнь страны. Въ новой палатѣ, быть можетъ, также не составитъ прочнаго правительственнаго или оппозиціоннаго большинства, вслѣдствіе взаимной розни національностей; но никакое министерство не будетъ уже опираться на мнимыхъ христіанскихъ социалистовъ, хотя и придется съ ними считаться въ виду ихъ численности. Судьба этой партіи должна послужить урокомъ не только для официальныхъ дѣятелей, но и для властныхъ закулисныхъ лицъ и кружковъ, оказывавшихъ покровительство недостойнымъ аферистамъ, которые до сихъ поръ безнаказанно злоупотребляли званіемъ христіанскихъ социалистовъ. Косвенный ударъ былъ нанесенъ и министерству фонъ-Бинерта; одинъ изъ министровъ, Вейскирхнеръ, долженъ былъ выйти въ отставку уже потому, что онъ провалился на выборахъ и, слѣдовательно, получилъ явное доказательство недовѣрія къ нему значительной части общества. Весь кабинетъ потерялъ подъ собою почву послѣ позорнаго краха его союзниковъ, и вскорѣ стало извѣстно, что преемникъ Бинерта уже найденъ. Рескрипты объ отставкѣ министра

президента и о назначеніи на его мѣсто барона Гауча подписаны императоромъ Францемъ-Іосифомъ 28-го іюня. Баронъ Гаучъ былъ уже дважды министромъ-президентомъ. Въ концѣ 1897-го года онъ замѣнилъ графа Бадени и управлялъ дѣлами въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, среди крайне труднаго и сложнаго политическаго кризиса, когда парламентъ не дѣйствовалъ и нужныя мѣры проводились съ помощью 14-го параграфа конституціи. Вторично онъ сдѣлался главою кабинета въ концѣ 1904-го года, послѣ Кербера, и прославился тѣмъ, что выработалъ и внесъ въ парламентъ смѣлый проектъ закона о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Въ апрѣлѣ 1906-го года онъ удалился со сцены, уступивъ мѣсто министерству Гогенлоэ. Въ Австріи смѣна министерствъ не зависитъ ни отъ рѣшеній парламента, ни отъ исхода парламентскихъ выборовъ. Какъ министерство Бинерта, такъ и министерство Гауча одинаково является чисто-дѣловымъ, т.-е. состоящимъ изъ чиновниковъ высшаго ранга, отвѣтственныхъ лишь предъ императоромъ. Гаучъ и Бинертъ, какъ и ихъ предшественники — фонъ-Бекъ, Керберъ и другіе, — государственные люди бюрократическаго типа, но съ парламентскою сноровкою и парламентскими приемами. Нѣтъ основанія думать, что Гаучъ лучше справится съ своею задачею, чѣмъ Бинертъ, но измѣнившееся положеніе вызываетъ необходимость перемѣны лицъ, независимо отъ сравнительной оцѣнки ихъ достоинствъ и недостатковъ. Правительству приходится мѣнять свой курсъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, а такъ какъ послѣ провала партіи христіанскихъ социалистовъ вновь выдвигается на очередь старый вопросъ о соглашеніи съ чехами, то министромъ-президентомъ не могъ остаться человѣкъ, искавшій союза преимущественно съ нѣмецкими партіями и открыто боровшійся противъ чешской оппозиціи. Баронъ Гаучъ только потому и назначенъ на мѣсто Бинерта, что ему удобнѣе будетъ начать примирительные переговоры съ чехами и подготовить новыя политическія комбинаціи, вызываемыя необходимостью.

Внутренній кризисъ, переживаемый Австріею, имѣетъ еще другое, болѣе общее значеніе. Преклонный возрастъ и возрастающая слабость императора Франца-Іосифа все чаще напоминаютъ о неизбѣжной въ близкомъ будущемъ перемѣнѣ. Общество съ тревогою и любопытствомъ слѣдитъ за каждымъ шагомъ наслѣдника престола, эрцгерцога Франца-Фердинанда, приписывая ему взгляды и намѣренія, которыхъ, быть можетъ, у него вовсе нѣтъ. Его считаютъ прямолинейнымъ клерикаломъ и въ то же время сторонникомъ прочнаго примиренія съ славянскими народностями; на него возлагаютъ надежды приверженцы агрессивной, предприимчивой политики на Балканскомъ полуостровѣ, хотя онъ до сихъ поръ не давалъ повода къ такому пред-

положенію; говорятъ еще объ особыхъ усиліяхъ его къ созданію могущественнаго австрійскаго флота, но это стремленіе есть только признакъ патріотическаго настроенія, изъ котораго нельзя дѣлать никакихъ реальныхъ выводовъ. Наслѣдникъ, по понятнымъ причинамъ, избѣгаетъ высказываться по текущимъ политическимъ вопросамъ, а между тѣмъ самъ императоръ чувствуетъ уже невозможность принимать на себя какія-либо значительныя рѣшенія, которыя связывали бы будущаго монарха Австро-Венгріи; этимъ создается неопредѣленное, выжидательное положеніе, съ которымъ поневолѣ считаются и министры, и руководители національныхъ группъ, и вліятельные парламентскіе дѣятели. Оттого и внѣшняя политика венскаго кабинета носить на себѣ характеръ сдержанности и отчасти внутренней неясности, особенно по отношенію къ балканскимъ дѣламъ, непосредственно затрагивающимъ австрійскіе интересы.

Турецкое правительство, хотя и конституціонное, продолжало держаться старыхъ способовъ умиротворенія недовольныхъ подвластныхъ народностей и не сумѣло успокоить албанцевъ, взволнованныхъ произвольными мѣрами и требованіями турецкой администраціи. Албанскія племена, отличавшіяся въ былое время своею преданностью султанамъ, подняли вооруженное возстаніе, къ которому въ началѣ іюня присоединились и жители сѣверныхъ округовъ, пограничныхъ съ территоріею Австро-Венгріи, — миридиты, пользующіеся, въ качествѣ католиковъ, покровительствомъ австрійской церковной іерархіи. Въмѣсто того, чтобы постараться выяснитъ причины возмущенія албанцевъ и удовлетворить ихъ справедливыя жалобы, турки рѣшили прежде всего сокрушить ихъ военною силою, а затѣмъ взвалить отвѣтственность на сосѣднюю Черногорію, снабжающую, будто бы, возставшихъ оружіемъ и съѣстными припасами. Предполагалось заодно усмирить албанцевъ и наказать черногорцевъ, какъ виновниковъ всякихъ смутъ въ пограничныхъ турецкихъ земляхъ. Положеніе стало, очевидно, опаснымъ для общаго мира, но дипломаты великихъ европейскихъ державъ не предпринимали никакого шага для удержанія Турціи отъ роковыхъ увлеченій. Только отдѣльные кабинеты обращались къ Портѣ съ совѣтами благоразумія; наше дипломатическое вѣдомство сдѣлало это, къ сожалѣнію, въ неудачной формѣ и возбудило протесты въ официозной прессѣ тѣхъ странъ, которыя пользуются наибольшимъ авторитетомъ въ глазахъ турецкихъ правителей — Австро-Венгріи и Германіи. Такимъ образомъ практическое значеніе нашей попытки было парализовано противодѣйствіемъ или несогласіемъ государствъ, которыя, казалось бы, оди-

наково съ нами заинтересованы въ сохраненіи мира на ближнемъ Востокѣ. Позднѣе, когда албанское возстаніе захватило и область миридитовъ, вѣнсскій кабинетъ съ своей стороны обратился къ Портѣ съ дружественными представленіями, но также имѣлъ мало успѣха, ибо въ Турціи привыкли уже не придавать значенія отдѣльнымъ дипломатическимъ совѣтамъ, наглядно подтверждающимъ лишь фактъ взаимной розни великихъ державъ. Это отсутствіе солидарности въ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ европейскихъ кабинетовъ по такимъ общимъ и важнымъ вопросамъ, какъ балканскій, составляетъ самую печальную черту современнаго политическаго положенія въ Европѣ. То, что при коллективномъ вмѣшательствѣ могло бы быть легко достигнуто безъ ущерба для національнаго достоинства Турціи, совершенно не достигается при системѣ отдѣльных, несогласованныхъ между собою дипломатическихъ бесѣдъ, практикуемой почему-то въ послѣднее время по дѣламъ ближняго Востока.

Впрочемъ, само турецкое правительство пришло къ заключенію, что лучше не доводить дѣла до крайности, даже при отсутствіи опасности иностраннаго вмѣшательства, и что выгоднѣе сдѣлать извѣстныя уступки албанцамъ, чѣмъ продолжать кампанію, разорительную для обѣихъ сторонъ. Султанъ Магомедъ V, въ качествѣ конституціоннаго государя, предпринялъ путешествіе въ Македонію, былъ торжественно встрѣченъ въ Салоникахъ, гдѣ находится еще въ заключеніи его предмѣстникъ Абдулъ-Гамидъ, и посѣтилъ знаменитое Косово поле, близъ Приштины, гдѣ собрались массы албанцевъ у гроба султана Мурада, для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ по отношенію къ падишаху лично; тамъ великій визирь возвѣстилъ, что султанъ даруетъ амністію всѣмъ безъ изыятія политическимъ преступникамъ, въ томъ числѣ и приговореннымъ къ смерти арнаутамъ, и жертвуетъ десять тысячъ фунтовъ на возстановленіе разрушенныхъ военными дѣйствіями жилищъ и тридцать тысячъ фунтовъ на погашеніе денежныхъ требованій и обязательствъ, возникшихъ между недостаточными албанскими семьями на почвѣ стариннаго обычая кровавой мести. Сверхъ того султанъ подтвердилъ обѣщанія своего правительства относительно разныхъ культурныхъ и хозяйственныхъ мѣръ для улучшенія быта населенія. Широкая амністія и щедрія денежныя пожертвованія произвели извѣстное впечатлѣніе на албанцевъ, которые и раньше относились къ султану съ безусловнымъ сочувствіемъ; однако довѣріе къ Магомеду V не означаетъ еще довѣрія къ его совѣтникамъ, генераламъ и сановникамъ. Даже благонамѣренные турецкіе патріоты, повидимому, не увѣрены въ томъ, что официально заявленное миролюбіе правительства раздѣляется главнымъ начальникомъ турецкихъ войскъ, Махмудомъ-Шефкетомъ-

пашой, отъ котораго всегда зависитъ сдѣлать неизбежнымъ фактическое продолженіе войны. Возставшіе албанцы не торопятся, поэтому, сдавать оружіе и не прекращаютъ своихъ боевыхъ приготовленій,— и трудно надѣяться на дѣйствительный миръ, пока великія европейскія державы не предложатъ своего совмѣстнаго посредничества для устройства прочнаго компромисса между турецкимъ правительствомъ и недовольными имъ народностями.

Во Франціи министерство Мониса, не имѣвшее съ самаго начала шансовъ долговѣчности, продержалось еще нѣкоторое время послѣ трагической гибели Берто, такъ какъ глава кабинета считалъ неудобнымъ выходить въ отставку изъ-за несчастной случайности, а оппозиція находила неловкимъ нападать на раненаго министра, принужденнаго исполнять свои обязанности сидя у себя дома подъ наблюдениемъ врачей. „Больное правительство, лежащее въ постели“, давало газетамъ богатый матеріалъ для насмѣшекъ и остротъ, тѣмъ болѣе, что отдѣльные министры не могли столковаться между собою и нерѣдко уѣзжали изъ палаты къ Монису, чтобы узнать отъ него подлинное мнѣніе кабинета для передачи членамъ парламента. Нѣсколько разъ возникали по этому поводу странныя противорѣчія и недоразумѣнія, среди которыхъ запутывались весьма важные вопросы, обсуждаемые въ палатѣ; такъ, относительно законовъ о пенсіяхъ для рабочихъ и о разграниченіи винодѣльческихъ районовъ высказывались отъ имени правительства прямо противоположные взгляды, что создавало уже вредную путаницу въ умахъ не только широкой публики, но и представителей официальныхъ учреждений и администраціи.

Наконецъ, новый военный министръ, генераль Гуаранъ, имѣлъ неосторожность заявить въ сенатѣ, что въ организаціи французской арміи не предусмотрѣнъ вопросъ о назначеніи одного общаго главнокомандующаго на случай войны, что такого генералиссимуса не будетъ во Франціи, а будутъ только командующіе отдѣльными арміями, подчиненные военному министру, при чемъ общій планъ военныхъ операцій будетъ устанавливаться всѣмъ правительствомъ, при участіи президента республики. Это заявленіе сильно взволновало сенаторовъ, публику и прессу, и вслѣдъ за тѣмъ, 23-го іюня, послужило предметомъ запроса въ палатѣ депутатовъ. Одинъ изъ новыхъ депутатовъ, Андре Гессъ, просилъ объясненій по поводу трехъ различныхъ взглядовъ, высказанныхъ министрами относительно существованія должности генералиссимуса. Покойный военный министръ Берто утверждалъ, что такая должность существуетъ и что, по общему правилу, сверхъ официального носителя этого званія имѣется еще замѣсти-

тель, назначенный заранее; нынѣшній военный министр держится другого мнѣнія, а Монисъ, въ бесѣдѣ съ однимъ журналистомъ, доказывалъ, что подъ „совѣтомъ правительства“, о которомъ говорилъ генераль Гуаранъ, слѣдуетъ разумѣть „не совѣтъ министровъ, но членовъ главнаго штаба и высшаго военного совѣта, которые будутъ работать совмѣстно съ военнымъ министромъ“. Которое же изъ этихъ мнѣній вѣрно?—спрашивалъ Андре Гессъ. „Страна, которая никогда не щадила миллиардовъ для дѣла народной обороны, имѣетъ право знать это,—говорилъ ораторъ,—и правительство должно покончить съ своими двойственными толкованіями, которыя сводятся къ признанію полного отсутствія главы и къ боязни отвѣтственности. Зло, отъ котораго мы страдаемъ, происходитъ отъ того, что у насъ нѣтъ ни руководящаго направленія, ни авторитета; боязнь отвѣтственности приводитъ насъ къ пагубной неурядицѣ. Въ случаѣ войны эта неурядица была бы убійственна“. Депутатъ Гессъ патетически убѣждалъ палату „не забывать Францію“, и его рѣчь, какъ значителенъ въ газетныхъ отчетахъ, была одобрена „шумными рукоплесканіями съ разныхъ сторонъ“. Военный министр Гуаранъ въ своемъ отвѣтѣ подтвердилъ, что officialнаго званія генералиссимуса дѣйствительно не существуетъ; имѣется вице-президентъ высшаго военного совѣта съ опредѣленными полномочіями, и на случай войны принимаются заранее всѣ нужныя распоряженія, соотвѣтствующія обстоятельствамъ. Объ этихъ распоряженіяхъ, какъ безусловно секретныхъ, генераль ничего не объяснилъ, но ссылка на эту секретность успокоила палату и была подчеркнута аплодисментами. Генераль Гуаранъ считалъ еще нужнымъ остановиться на мнѣніяхъ покойнаго Берто, которыя будто бы вполне совпадали съ его собственными идеями, и эта часть рѣчи испортила весь эффектъ его успокоительныхъ фразъ. Однако никто, кажется, не думалъ о министерскомъ кризисѣ изъ-за такихъ скучныхъ и безсодержательныхъ преній; и засѣданіе окончилось бы безъ всякаго инцидента, еслибы въ дѣло не вмѣшались министры. Среди общаго невниманія предложенъ былъ „простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ“, и ни одинъ изъ депутатовъ не возражалъ; всѣ молчаливо соглашались,—но въ этотъ моментъ на министерской скамьѣ происходитъ движеніе: Делькассѣ наклоняется къ Перрье, они шепчутся, и вдругъ поднимается министр юстиціи и неожиданно заявляетъ, что „правительство отвергаетъ простой переходъ къ порядку дня“. Настроеніе палаты сразу мѣняется, становится нервнымъ и возбужденнымъ; всѣ чувствуютъ, что кабинетъ идетъ на встрѣчу своей гибели, ибо о формальномъ выраженіи ему довѣрія не могло быть и рѣчи. Простой переходъ, отвергнутый ми-

нистрами, принимается 248 голосами противъ 224, и судьба министерства Мониса рѣшена.

Черезъ нѣсколько дней образовалось новое министерство, довольно скромное и дѣловое по составу. Только одинъ изъ его членовъ имѣетъ громкое политическое имя — Делькассѣ. Глава кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ Жозефъ Кальд, около шести лѣтъ былъ министромъ финансовъ, при министерствахъ Вальдека-Руссѣ, Клемансѣ и Мониса; онъ приобрѣлъ извѣстность настойчивою защитою законопроекта о подоходномъ налогѣ, не получившаго до сихъ поръ силы закона. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ старый адвокатъ и чиновникъ, бывшій сенскій префектъ, сенаторъ де-Сельвъ, племянникъ знаменитаго Фрейсинѣ. Новый военный министръ, депутатъ Мессими, былъ министромъ колоній въ кабинетѣ Мониса; онъ получилъ военное образованіе, былъ офицеромъ и вышелъ въ отставку въ чинѣ капитана. Министръ народнаго просвѣщенія, бывшій профессоръ и адвокатъ Стегъ, занималъ тотъ же постъ при Монисѣ. Министръ финансовъ Клоцъ былъ уже министромъ при Брианѣ; министръ публичныхъ работъ Оганьеръ — ученый врачъ по специальности — былъ мэромъ въ Лионѣ и генераль-губернаторомъ Мадагаскара. Министромъ торговли назначенъ сенаторъ Куиба, извѣстный въ литературѣ подъ именемъ Мориса Букэ; министръ земледѣлія — тотъ же, что и при Монисѣ, — сенаторъ Пансъ. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, Жанъ Крюппи, адвокатъ по профессіи, благоразумно промѣнялъ чуждое ему дипломатическое вѣдомство на болѣе близкое ему министерство юстиціи. Этотъ кабинетъ обладаетъ однимъ важнымъ достоинствомъ — политическою однородностью и цѣльностью своего состава, и при извѣстной практической ловкости и энергіи Жозефа Кальд онъ можетъ разсчитывать на болѣе или менѣе прочное и устойчивое существованіе.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ, 30-го іюня, была прочитана министерская декларація, подробно излагающая программу правительства по внутреннимъ вопросамъ. Министерство обѣщаетъ осуществить цѣлый рядъ необходимыхъ законодательныхъ реформъ и улучшеній, начатыхъ, но не доведенныхъ до конца, — при чемъ будетъ прежде всего стремиться къ объединенію республиканцевъ. О внѣшней политикѣ сказано только нѣсколько словъ: цѣлью ея ставится „поддержаніе чести французскаго имени, при содѣйствіи драгоцѣнныхъ союзныхъ и дружескихъ связей, и при помощи возрастающей силы арміи и флота, всѣ средства которыхъ будутъ заботливо совершенствуемы правительствомъ“. Ничего не говорится о запутанномъ мароккскомъ предпріятіи, которое, по увѣреніямъ газетъ, крайне осложняется теперь посылкою германскаго крейсера къ гавани Агадиръ, въ южной

части страны, для защиты проживающих тамъ германскихъ подданныхъ; но это умолчаніе очень полезно, такъ какъ мароккскій вопросъ и безъ того слишкомъ раздутъ сенсационною и невѣжественною прессою. Если Франція послала экспедицію въ сѣверную часть Марокко, къ Фецу, а Испанія — къ восточному берегу, то вполне естественно, что и Германія оберегаетъ свои возможные интересы въ одномъ изъ юго-западныхъ пунктовъ страны. Нѣтъ сомнѣній, что послѣ установленія внутренняго мира и порядка въ Марокко французскіе отряды охотно уйдутъ оттуда, согласно условіямъ алжесиракскаго договора, а вслѣдъ за французами уйдутъ и испанцы, а за послѣдними удалятся и германцы. Тутъ нѣтъ матеріала для недоразумѣній и споровъ.

Коронаціонная недѣля въ Лондонѣ, съ 22 по 30 іюня (нов. ст.), описывалась подробно во всѣхъ газетахъ, и объ относящихся къ ней торжествахъ мы говорить не будемъ. Оtmѣтимъ только тѣ ея моменты и эпизоды, которые имѣли общее политическое значеніе. Присутствіе премьеровъ всѣхъ автономныхъ британскихъ колоній — Канады, Австраліи, Новой Зеландіи, южной Африки, — блестящій съѣздъ индійскихъ раджей и военныхъ отрядовъ, ярко и картинно свидѣтельствовали о внутреннемъ единствѣ и міровомъ могуществѣ великаго цѣлаго, называемаго Британскою имперіею и крѣпко сплоченнаго на основѣ сознательнаго взаимнаго довѣрія, твердаго уваженія къ праву и справедливости, разумнаго признанія разнородныхъ племенныхъ и національных интересовъ. Когда на улицахъ показывались колониальные премьеры — сэръ Вильфридъ Лорье, м-ръ Фишеръ, бурскій генераль Бота, — публика восторженно привѣтствовала ихъ, какъ правителей громадныхъ и богатыхъ странъ, прочно связанныхъ съ Англіею добровольною культурно-политическою связью. Для иностранцевъ особенно внушительное зрѣлище представлялъ небывалый еще по количеству кораблей морской военный смотръ въ Спитгедѣ, 24-го іюня, при участіи 167 броненосцевъ самаго усовершенствованнаго типа, начиная съ исполинскихъ „дредноутовъ“ и кончая „минными разрушителями“. Это наглядное изображеніе колоссальныхъ морскихъ силъ Англіи было какъ будто намѣренною демонстраціею по адресу германскихъ патріотовъ, мечтающихъ о соперничествѣ съ англичанами на моряхъ и океанахъ. Наконецъ, неизгладимое впечатлѣніе оставилъ въ участникахъ и зрителяхъ лондонскихъ торжествъ тотъ образцовый порядокъ, который поддерживался повсюду среди грандіозныхъ скопленій народа въ день коронаціи и затѣмъ при торжественномъ движеніи королевскаго кортежа по главнымъ улицамъ города. Лондонская городская полиція, стумѣвшая до-

стигнуть этого поразительнаго результата безъ употребленія какихъ-либо насилій и безъ всякаго содѣйствія войскъ, сдѣлалась предметомъ сочувственныхъ овацій и привѣтствій со стороны населенія, — единственный въ своемъ родѣ случай, едва ли возможный въ какой-либо другой странѣ Европы.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— В. Ѳ. Саводникъ. Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева. М., 1911. Цѣна 1 р. 25 к.

Монографическая работа г. Саводника касается такой стороны психологіи творчества, которая до сихъ поръ чрезвычайно мало изучалась. Вообще у насъ литература служить больше предметомъ историческаго, социологическаго, чѣмъ психологическаго и эстетическаго изученія. Подъ вліяніемъ ненормальныхъ, „боевыхъ“, условій нашего общественнаго развитія, насъ, напр., въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ гораздо больше занимали вопросы о столкновеніи почвенницы-Татьяны съ западникомъ Евгеніемъ и т. под., чѣмъ просто романъ мужчины и женщины. Эстетическая прелесть и психологическій смыслъ многого въ литературѣ отъ насъ ускользали, и смотрѣть на нее съ этихъ сторонъ мы не научились. Такіе труды, какъ книга г. Саводника, нужно привѣтствовать уже по тому одному, что это — первыя попытки установить новое отношеніе къ литературѣ, поставить читателя на иныя, для огромнаго большинства еще невѣдомыя точки зрѣнія, съ которыхъ онъ, расширивъ свой умственный кругозоръ, увидить то, чего не замѣчалъ прежде. Ясно, чѣмъ когда бы то ни было, человѣкъ чувствуетъ себя въ наши дни гражданиномъ вселенной, сознаетъ свою связь со всѣмъ космическимъ міропорядкомъ, и въ поэзіи нашего вѣка ясно замѣтны слѣды этой связи. Особенно отчетливо сказалась она въ поэзіи сильнымъ развитіемъ въ ней чувства природы („Naturgefühl“: гумбольдтовскій терминъ), которое, по вѣрному замѣчанію г. Саводника, „тѣсно граничитъ съ наиболѣе высокими, чисто-человѣческими сферами дѣятельности нашего духа, переплетается со стремленіями и эмоціями эстетическими, моральными, религіозными“. Проявленія этого чувства въ русской поэзіи г. Саводникъ прослѣживаетъ по произведеніямъ трехъ величайшихъ русскихъ поэтовъ — Пушкина, Лермонтова и Тютчева, относительно которыхъ приходится

къ вѣрнымъ, въ общемъ, заключеніямъ. Пушкинъ „своимъ правдивымъ и искреннимъ отношеніемъ къ природѣ сдѣлалъ русскій пейзажъ достояніемъ поэзіи... Чувство природы не отличалось у Пушкина особенной интенсивностью и не играло большой роли въ его душевной жизни... Онъ относился къ внѣшнему міру чисто-созерцательно, любясь, какъ художникъ, его красотою и гармоніей, но онъ не пытался выступить истолкователемъ міровой жизни, какими были впоследствии наши поэты-мыслители, Тютчевъ и Фетъ... Всѣ интересы его и все сердце его принадлежали людямъ. Какъ ни прекрасенъ внѣшній міръ, какъ ни богатъ, разнообразенъ и интересенъ онъ, все-таки человекъ интереснѣе и прекраснѣе“. Замѣтимъ только, что при болѣе близкомъ знакомствѣ съ личною жизнью Пушкина г. Саводникъ не сказалъ бы такъ категорически, что въ его лицейскихъ стихахъ „чувство природы не играло еще никакой (!) роли“, что вмѣсто непосредственного чувства мы находимъ въ этихъ стихахъ „лишь стилизацію природы въ духѣ той или другой литературной школы“, что „элегическій тонъ совершенно не соответствовалъ ни бодрому, жизнерадостному характеру молодого поэта, ни его дѣйствительному настроенію“. Между тѣмъ, наличность элегическаго настроенія, обусловливаемого, надо помнить, всей фізіологіей и психологіей этого переходнаго возраста, вполне удостовѣряется показаніями самого поэта (лицейскія записки, первыя строфы восьмой главы „Онѣгина“) и разсказами его товарищей о такихъ событіяхъ, какъ первая любовь и другія его увлеченія, какъ ночныя слезы, вызванныя первыми столкновеніями съ окружающимъ міромъ въ лицѣ нѣкоторыхъ одноклассниковъ. Прототипъ Татьяны, судя по тому самому письму А. Н. Раевского къ Пушкину, на которое ссылается г. Саводникъ, нужно искать не въ семьѣ Раевскихъ; А. Н. Раевскій прямо намекаетъ на графиню Е. К. Воронцову. — Если для Пушкина чувство природы было однимъ изъ элементовъ спокойнаго, мудраго созерцанія жизни, то оно было источникомъ душевной трагедіи для Лермонтова, создававшего разрывъ между природой и человекомъ и проникнутаго горечью этого сознанія. Въ Боратынскомъ природа будила философскія, грустныя, „гамлетовскія“ мысли. По справедливому замѣчанію г. Саводника, „поэзія Боратынскаго, каковъ бы ни былъ размѣръ его таланта, настолько своеобразна по содержанію и настроенію, такъ рѣзко отличается въ этомъ отношеніи отъ творчества Пушкина, что говорить о зависимости его отъ послѣдняго едва ли возможно; нельзя упускать изъ виду и того обстоятельства, что Пушкинъ и Боратынскій не только принадлежали къ одному поколѣнію, но были почти сверстниками по возрасту“. Да, это такъ. При меньшихъ силахъ для свершенія, чѣмъ у Пушкина, Боратынскій отличался не меньшею

внутреннюю самостоятельностью, и если его звѣзда блѣднѣетъ въ лучахъ пушкинскаго солнца, то все же свѣтъ ея—свой, самобытный, а не заемный. Гораздо сильнѣе чувство природы у Тютчева, который „былъ одаренъ рѣдкой способностью чувствовать природу какъ цѣлое, ощущать позади ея внѣшнихъ проявленій ихъ скрытую, недоступную взору сущность... Частныя явленія не заслоняли передъ его взоромъ этого гигантскаго цѣлаго, но получали на его фонѣ особенное, болѣе глубокое, почти символическое значеніе. Великій и стройный космосъ былъ въ глазахъ Тютчева живымъ, одушевленнымъ цѣлымъ“, но, пытаясь проникнуть въ него, онъ часто „въ безсиліи останавливался на самой границѣ непознаваемаго и невыразимаго“. Въ Тютчевѣ (и, прибавимъ, въ безвременно погасшемъ Ив. Коневскомъ) чувство природы въ русской литературѣ нашло свое высшее обостреніе и усложненіе. Возвращаясь къ общей оцѣнкѣ работы г. Саводника, скажемъ, что она не только разъясняетъ интереснѣйшую сторону нѣсколькихъ выдающихся поэтическихъ индивидуальностей и освѣщаетъ нѣкоторые, еще далеко не изслѣдованные пути русской поэзіи, но и помогаетъ пониманію одного изъ глубочайшихъ свойствъ современнаго искусства.

— Поль Верленъ. Собраніе стиховъ въ переводѣ Валерія Брюсова. Съ критико-біографическимъ очеркомъ, бібліографіей и шестью портретами. М., 1911. Книгоиздательство „Скорпіонъ“. Цѣна 2 руб.

Верленъ, одинъ изъ царей поэзіи нашей эпохи, имѣлъ больше права, чѣмъ кто бы то ни было, сказать о себѣ, что „жилъ всѣми силами ума и сердца“, — и ему отвѣчаютъ сочувственно умъ и сердце нашей современности. Онъ принадлежитъ теперь къ самымъ читаемымъ поэтамъ во всемъ мірѣ, въ томъ числѣ и въ Россіи. На молодую русскую поэзію Верленъ давно сталъ оказывать сильное вліяніе. Переводы изъ Верлена были едва ли не первыми опытами Валерія Брюсова; переводили его еще многіе, и къ числу лучшихъ переводчиковъ принадлежатъ Эллисъ, покойный Инн. Анненскій („Ник. Т—о“), Ѳ. Сологубъ. Брюсову принадлежитъ пальма первенства и по качеству, и по количеству переводовъ. Онъ „попытался перевести какъ всѣ тѣ стихотворенія, которыя доставили Верлену славу лучшаго изъ французскихъ лириковъ XIX-го вѣка, такъ и всѣ тѣ, въ которыхъ выразились основныя черты его міросозерцанія и главные этапы его судьбы“. Искренно и скромно Брюсовъ заявляетъ: „я считалъ бы свое дѣло исполненнымъ, еслибы мнѣ удалось дать русскимъ читателямъ хотя подобіе тѣхъ стиховъ Верлена, которые всегда производили на меня сильнѣйшее впечатлѣніе силой своей исключительной искренности и поразительнымъ очарованіемъ своей музыкальной

формы". Цѣль переводчика—не представить русской публикѣ настоящаго Верлена: этому мѣшаютъ и общія трудности передачи стиховъ на другомъ языкѣ, и рѣзкія особенности индивидуальной поэтической личности Верлена. Задача Брюсова—дать приблизительно понять русскому читателю, что такое Верленъ, приучить его къ этому оригинальному художнику. Для этого Брюсовъ перевелъ все то, что показалось ему наиболее характернымъ — и дѣйствительно, легко можно увеличить, но трудно уменьшить списокъ выбранныхъ Брюсовымъ стихотвореній. Къ себѣ самому переводчикъ былъ довольно строгъ и не внесъ въ сборникъ нѣкоторыхъ старыхъ своихъ переводовъ, иные пьесы перевелъ заново; нѣсколько переводовъ, которыми былъ недоволенъ, удовлетворенъ, помѣстилъ въ отдѣлѣ примѣчаній. Вообще переводы Брюсова хороши и по возможности вѣрно и поэтично воспроизводятъ подлинники; нѣсколько пьесъ переданы мастерски — на примѣръ, „Осенняя пѣсня“, первое стихотвореніе изъ книги „La bonne chanson“, „Небо надъ городомъ плачетъ“, „Преступленіе любви“ (которое Анненскій, тоже любившій и понимавшій Верлена, перевелъ гораздо хуже). Мѣстами, въ борьбѣ съ трудностями подлинника, Брюсовъ слишкомъ далеко отъ него отходитъ; на примѣръ, слова: „Je suis un berceau qu'une main balance au fond d'un caveau“ — Брюсовъ передаетъ: „я словно колыбель, меня въ глубокой нишѣ (?) качаетъ темный хмѣль“... Біографическій очеркъ, составленный по разнымъ источникамъ, написанъ съ сжатостью и сухостью нарочитой и потому, право, излишней. Цѣли своей Брюсовъ во всякомъ случаѣ достигъ, и русскій читатель, котораго онъ вводитъ въ причудливый садъ поэзіи Верлена, долженъ быть ему благодаренъ. — Н. Л.

— Елена Грекова. Разказы. Сиб., 1911 г. Ц. 1 р.

Авторъ этихъ разказовъ заботливо и любовно отнесся къ своей задачѣ — объединить свои коротенькіе разказы, въ которыхъ видны впечатлѣнія многихъ лѣтъ; но литературнаго мастерства у него мало. Главный недостатокъ разказовъ — отсутствіе простоты въ изложеніи. Ихъ герои — во власти чужихъ словъ. Передъ ними жизнь, люди, природа: они все это чувствуютъ, но не умѣютъ выразить своихъ чувствъ. Впечатлѣнія яри, настроенія искренни, но нѣтъ своихъ словъ. Авторъ, самъ того не замѣчая, многое заимствуетъ у другихъ, беретъ готовое — изъ любимыхъ книгъ, изъ пословицъ. Даже сравненія у автора всегда искусственныя (напр. „онъ окаменѣлъ и пугалъ какъ статуя командора“). Въ минуты самыхъ интимныхъ, а иногда и бурныхъ душевныхъ движеній герои всегда вспоминаютъ какія-нибудь „чужія“ слова — слова тѣхъ, кто милъ сердцу автора. Отсюда впечатлѣніе высокопарности и сентиментальности. Ложный пафосъ, иногда рето-

рика являются слѣдствіемъ не внутренней холодности автора, а просто его неудачной манеры. Объ одномъ изъ героевъ у него сказано: „чудакъ любилъ подпускать выпренный стиль“. Эти слова можно бы отнести къ самому автору и поставить эпиграфомъ ко всѣмъ его рассказамъ. Отсюда двойственность впечатлѣнія, испытываемаго при чтеніи рассказовъ г-жи Грековой. То, что залегло у нея въ душу, что она восприняла отъ жизни, невольно захватываетъ и трогаетъ, но не благодаря употребляемымъ ею средствамъ, а помимо ихъ... иногда вопреки имъ. Объ отсутствіи простоты у г-жи Грековой приходится особенно пожалѣть потому, что въ рассказахъ ея есть несомнѣнные литературныя достоинства, и она сама совсѣмъ не производитъ впечатлѣнія досужей любительницы. Въ каждомъ изъ ея рассказовъ есть и опредѣленная форма, и продуманное содержаніе. Это не случайные наброски, а законченныя вещицы. Лучшее въ рассказахъ—сибирскій колоритъ. Когда г-жа Грекова касается своеобразной сибирской природы и жизни, у нея какъ будто свѣжѣетъ душа, хотя и тутъ дѣло не обходится безъ ссылокъ на Омурскаго („если ты странствуешь, путникъ, съ цѣлю благой и высокой, то посѣти край мой далекій“). Зачѣмъ автору чужія чувства, когда у него должны быть (да и есть) свои собственные? Если нѣтъ у него соотвѣствующихъ словъ, то надо ихъ искать, ждать, а не брать готовые—чужія. — Е. Колтоновская.

— Протоіерей І. П. Кречетовичъ. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ. Томъ І. Подготовка реформы. Москва, 1911.

Книга прот. Кречетовича имѣетъ предметомъ вопросы, въ исторіи освобожденія крестьянъ менѣе всего изученные. Мало изслѣдована подготовка крестьянской реформы на мѣстахъ—распоряженія высшаго правительства, дѣйствія мѣстныхъ властей, работа дворянскихъ комитетовъ. Въ литературѣ свѣдѣнія, извлеченныя изъ архивныхъ источниковъ, имѣются всего по двумъ губерніямъ: Нижегородской, въ трудахъ мѣстной архивной коммисіи, и Калужской, въ біографіи В. А. Арцимовича, составленной А. А. Корниловымъ. Трудъ прот. Кречетовича, подробно разработавшаго архивные матеріалы бывшаго оренбургскаго генераль-губернаторства, представляетъ собою обстоятельную мѣстную исторію крестьянской реформы по двумъ губерніямъ того времени: Самарской и Оренбургской (въ составъ послѣдней входила тогда и нынѣшняя Уфимская губернія). Распоряженія общаго характера, въ систематическомъ изложеніи автора, даютъ яркую картину недовѣрія къ крѣпостническимъ тенденціямъ дворянства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страха передъ всякимъ вообще возбужденіемъ умовъ; распоряженія, специально относящіяся къ данному краю, дополняютъ

эту картину поучительными деталями. Особенно интересна переписка по поводу краткой замѣтки о дѣятельности самарскаго комитета, помѣщенной въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, перепечатанной въ „Journal de St.-Petersbourg“ и возбудившей большую тревогу въ министерствѣ. Любопытно предписаніе шефа жандармовъ представить ему свѣдѣнія о впечатлѣніи, произведенномъ на мѣстное дворянство Высочайшими рескриптами — предписаніе, вызвавшее попытку оренбургскаго жандармскаго офицера произвести съ этой цѣлью объѣздъ помѣщичьихъ усадебъ. Эта попытка была своевременно предотвращена генераль-губернаторомъ Катенинымъ. Указаніе на существованіе жандармскихъ донесеній этого рода въ литературѣ появляется, кажется, впервые. Дѣятельность дворянскихъ комитетовъ самарскаго и оренбургскаго изложена у прот. Кречетовича съ особенною тщательностью. По каждой статьѣ правительственной программы приводятся какъ мнѣнія, заявленныя членами комитетовъ, такъ и принятыя комитетомъ постановленія, съ указаніемъ, по чьему предложенію и какимъ большинствомъ они были приняты. Въ приложеніяхъ напечатаны уставы о внутреннемъ порядкѣ засѣданій обоихъ комитетовъ. Имѣются въ книгѣ прот. Кречетовича и свѣдѣнія о личныхъ столкновеніяхъ въ средѣ самарскаго комитета, извлеченныя изъ подлиннаго дѣла съ характернымъ заголовкомъ: „Дѣло о безпорядкахъ въ самарскомъ комитетѣ“. Эти безпорядки начались съ „буйнаго поведенія“ одного изъ членовъ комитета, повлекшаго за собою приостановку работъ комитета и пріѣздъ въ Самару генераль-губернатора, а окончились весьма благополучно—всеобщими извиненіями. Ихъ характеръ вполне подтверждаетъ мысль, уже высказывавшуюся въ литературѣ: крѣпостническая оппозиція на мѣстахъ, не чувствуя подъ собой твердой идейной почвы, выражалась болѣе въ личныхъ нападкахъ и столкновеніяхъ, нежели въ возраженіяхъ принципиальнаго свойства. Существенное разногласіе между большинствомъ и меньшинствомъ обнаружилось по тремъ пунктамъ: о размѣрахъ надѣла, о величинѣ повинностей и объ условіяхъ выхода изъ общины. По проекту меньшинства надѣлы были больше, повинности легче и выходъ изъ общины обусловливался ея согласіемъ. Въ Петербургѣ депутатъ отъ большинства, Б. П. Обуховъ, въ своихъ письменныхъ отзывахъ и личныхъ объясненіяхъ въ присутствіи редакціонныхъ комиссій требовалъ еще большей защиты дворянскихъ интересовъ, чѣмъ большинство самарскаго комитета.—Д. К.

— Ар. П. Фатѣвъ. Позитивная наука и нѣкоторые ея критики. Харьковъ, 1911. Стр. 192.

Очеркъ, „этюдь“ проф. Фатѣва разросся до сравнительно значительныхъ размѣровъ изъ вступительной лекціи въ одинъ изъ его

курсовъ. Этимъ фактомъ объясняется отчасти и самый характеръ его книги: профессоръ выступаетъ защитникомъ позитивной науки отъ нѣкоторыхъ ея критиковъ. Онъ повторяетъ вслѣдъ за Ренаномъ, что „есть одна вещь, которую можно утверждать: это искренность сердца, это преданность истинѣ и сознаніе тѣхъ жертвъ, которыя были принесены во имя ея“. Критики, выступающіе противъ положительной науки, предъявляютъ къ ней требованія, какихъ она никогда не ставила: требованія эсхатологическаго характера, удовлетворяемыя лишь вѣрой, а не знаніемъ. Эти критики—Карпентеръ, Л. Толстой, Брюнетьеръ. Удалась ли А. П. Фатѣву его защита? Не всегда въ одинаковой мѣрѣ. Возвращеніе Брюнетьера въ лоно католическаго правовѣрія послѣ посѣщенія Ватикана представляетъ такое же знаменіе времени, какъ и наши теперешнія модныя теченія „богоисканія“, „богоборчества“ или „боготворчества“. Есть опасность, что волна мистики при благопріятныхъ условіяхъ поднимется въ Европѣ очень высоко и будетъ грозить позитивной наукѣ. Поэтому энергичная борьба съ ея врагами нужна уже теперь. Какъ чуткій публицистъ, проф. Фатѣвъ сумѣлъ оцѣнить эту опасность и указать ея основныя черты. Не представлялось, въ сущности, особаго труда для защиты позитивизма отъ нападокъ религіозныхъ мыслителей. Гораздо сложнѣе борьба съ теоріей Карпентера объ „эксфолиаціи“, о вложенномъ въ предметы стремленіи къ конечной цѣли, о сѣмени, къ которому стремится растеніе, развертывая въ листъ, гоня стволъ, создавая цвѣтокъ и плодъ. Съ Карпентеромъ проф. Фатѣвъ, по видимому, раздѣлался слишкомъ легко. А между тѣмъ и самое религіозное чувство, какъ одинъ изъ двигателей человѣчества къ идеалу нравственнаго совершенства, къ пересозданію на условіяхъ справедливости социальныхъ отношеній, является примѣромъ такой эксфолиаціи. Карпентеръ не отрицаетъ значенія внѣшнихъ условій, не пренебрегаетъ ни одною изъ ступеней эволюціонной лѣстницы, въ чемъ его упрекаетъ А. П. Фатѣвъ; онъ только отмѣчаетъ приспособленность дѣйствій нормальнаго организма къ конечной его цѣли.—А. Погодинъ.

— Эдмундъ Гуссерль. Логическія изслѣдованія. Часть первая. Прологомены къ чистой логикѣ. Разрѣшенный авторомъ переводъ съ нѣмецкаго Э. А. Верштейнъ, подъ редакціей и съ предисловіемъ С. Л. Франка. Книгоизд. „Образованіе“. Спб. 1909.

Гуссерль—убѣжденнѣйшій и принципиальнѣйшій сторонникъ „чистой логики“. Задача его книги—раскрытіе заблужденій „психологизма“, т. е. ученія, согласно которому логика есть собственно часть психологіи, и логическіе законы являются не особенными, идеальными, абсолютно-неизмѣнными истинами, а естественными законами нашего

мышленія. Субъективный, психологическій, относительный процесс мышленія надо отличать от содержанія мышленія, которое объективно, идеально и абсолютно. Въ процессъ мышленія мы можем заблуждаться, можемъ приходить къ извѣстнымъ сужденіямъ только путемъ долгихъ нащупываній и пробъ; но это не имѣетъ никакого отношенія къ логическому значенію сужденій, къ вопросу объ ихъ истинности. Исторія умственного развитія какъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и всего чело-вѣчества, показываетъ, напримѣръ, съ какимъ трудомъ происходитъ усвоеніе даже сравнительно элементарныхъ математическихъ истинъ. Но такія положенія, какъ что $2 \times 2 = 4$ или прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, существуютъ идеально, независимо отъ конкретныхъ достижений и переживаній истины. Каждая истина сама по себѣ остается такою, какова она есть, сохраняетъ свое идеальное бытіе. Она не находится „гдѣ-то въ пустомъ пространствѣ“, а есть единство значенія въ надвременномъ царствѣ истины. Она принадлежитъ къ области абсолютно обязательнаго (стр. 112). Люди могутъ исчезнуть, но истина въ этомъ идеальномъ смыслѣ будетъ все-таки существовать. Могутъ исчезнуть не только люди, но и вообще мыслящія существа, могутъ оказаться такія истины, которыя никогда не станутъ доступны какому бы то ни было существу—но истины эти, какъ таковыя, будутъ все-таки существовать. Книга Гуссерля цѣнна, какъ образецъ крайней, строго выдержанной идеалистической и апріористической концепціи логики. Даже не соглашаясь съ нимъ, приходится признать, что онъ ярко, точно и настойчиво выдвигаетъ спорные основные пункты. Онъ не стираетъ и не смягчаетъ разногласій, а наоборотъ, благодаря своему радикальному идеализму и абсолютизму, раскрываетъ ихъ во всей ихъ остротѣ и непримиримости. И въ этомъ большая заслуга книги Гуссерля, вызвавшей сильное оживленіе въ логической литературѣ. Книгу эту, переводъ которой сдѣланъ весьма тщательно, можно рекомендовать читателю, интересующемуся основными проблемами логики и, въ частности, волнующимъ теперь философскій міръ споромъ объ истинѣ.— П. Юшкевичъ.

— Н. М. Никольскій. Древній Израиль. Популярныя очерки по исторіи евреевъ въ научномъ освѣщеніи. Съ 62 рисунками, географическою картою и планомъ древняго Іерусалима. Москва, 1911. Цѣна 1 р. 50 коп.

Книга г. Никольскаго написана по первоисточникамъ и даннымъ новѣйшей строго ученой литературы по исторіи Израиля, написана живо, доступно и безъ всякой предвзятой мысли. Авторъ имѣлъ цѣлю „дать широкую популяризацію исторіи Израиля, въ научномъ освѣщеніи, свободномъ отъ какихъ бы то ни было конфессіональныхъ

тенденцій". Эта цѣль достигнута вполне. По заявленію г. Никольскаго, свои личные взгляды онъ проводилъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда могъ опереться на напечатанные уже имъ этюды (вопросы о псалмахъ и о состояніи Іудеи въ эпоху Іисуса), и когда западно-европейская наука или молчитъ (вопросъ о социальной роли пророчества), или не пришла еще къ окончательному выводу (напр. вопросъ о взаимоотношеніяхъ израильской и вавилонской культуры). Глава о пророкахъ высоко интересна по новизнѣ содержанія и по исторической проницательности автора, основанной столько же на фактической эрудиціи, сколько на широкомъ пониманіи современныхъ социально-историческихъ проблемъ. Очень удачно раздѣленіе пророковъ на царскихъ и народныхъ, — пророковъ, приносившихъ въ жертву царямъ интересы израильскаго народа, и пророковъ, для которыхъ интересы страдающаго и угнетеннаго народа стояли выше всего. Подъ перомъ автора личности Ілии (существованіе Елисея признается сомнительнымъ), Амоса, Осии, Михея, Исаи, Іеремии становятся болѣе или менѣе живыми и понятными. Книга г. Никольскаго срываетъ съ нихъ сухой и блѣдный покровъ вѣковой схоластики и пустозвонства официальныхъ учебниковъ. Высокое содержаніе проповѣди именно народныхъ пророковъ и сдѣлало ихъ имена, ихъ идеи бессмертными. Особенно характернымъ представляется Исаія, объявившій грозную войну „богохульнымъ правителямъ народа“ отъ лица Ягве, который ненавидитъ преступныхъ изувѣровъ власти. — Къ вопросу о плѣнѣ египетскомъ авторъ подходитъ очень осторожно. Былъ ли древній Израиль плѣнникомъ Египта — вопросъ очень спорный и не разрѣшенный въ наукѣ. При такой постановкѣ вопроса иною является и роль Моисея. Религія Израиля изучена авторомъ въ ея строго историческихъ формахъ; явственно отѣнена и мертвенность обрядности, вкравшейся въ житейскій обиходъ Израиля, и социальная структура жреческаго класса, явившагося въ концѣ концовъ эксплуататоромъ народа. Жрецы жили въ Вавилонѣ тѣснымъ кружкомъ и занимались приведеніемъ въ порядокъ, исправленіемъ и дополненіемъ всѣхъ богослужебныхъ обычаевъ и обрядовъ, сложившихся въ іерусалимскомъ храмѣ; они насаждали мысль о необходимости теократіи; они предрекали счастливыя времена возвращенія; они привели, наконецъ, Израиля обратно и принялись за устройство израильскаго государства въ жреческомъ стилѣ и за формулировку закона, который должны соблюдать всѣ сыны Іуды. Съ помощью власти персидскаго царя все оказалось возможнымъ: создано жреческое государство, явилась Тора. Въ слѣдующей главѣ авторъ даетъ очеркъ своеобразнаго преломленія закона въ жизни, на фонѣ тогдашнихъ социально-экономическихъ отношеній, а въ трехъ заключительныхъ главахъ — „Маккавей“, „Іудея въ эпоху Іисуса“ и „Конецъ

Сіона" — исторію разложенія и разсѣянія церковной общины Израиля. Особого вниманія заслуживаютъ здѣсь страницы, посвященныя переводу книгъ ветхаго завѣта, созданію теоріи четырехъ царствъ въ книгѣ пророка Даніила, развитію борьбы классовъ въ общинѣ и положенію образованія. Авторомъ данъ также историко-географическій очеркъ Палестины. Планъ іерусалимскаго храма иллюстрируетъ его описаніе въ текстѣ. Въ введеніи объяснено, почему такъ важно знать исторію Израиля. Исторія еврейскаго народа представляетъ высокій интересъ; она цѣнна и сама по себѣ, и по той роли, какую еврейская народность сыграла въ исторіи Европы. Выразительно обрисованы авторомъ пути, пройденные древнимъ Израилемъ; передъ читателемъ проходитъ жизнь общества, пережившаго тѣ же стадіи культуры, какъ и любой изъ другихъ древнихъ народовъ. — Отъ Н. М. Никольскаго можно ждать подробной исторіи еврейскаго народа. Нельзя же довольствоваться сочиненіемъ Ренана, устарѣвшимъ почти въ моментъ его появленія. Еслибы очерки г. Никольскаго „Древній Израиль“ были переведены на французскій или нѣмецкій языкъ, то они, несомнѣнно, получили бы и болѣе правильную оцѣнку, и болѣе широкое распространеніе, чѣмъ у насъ. — Василій Сторожевъ.

— Проф. К. Воблай. Третья профессионально-промышленная перепись въ Германіи. Томъ I. Кіевъ, 1911.

Профессионально-промышленнымъ переписямъ въ Германіи посвящено въ послѣдніе годы два специальныхъ сочиненія на русскомъ языкѣ: сочиненіе г. Швиттау, „Профессіи и занятія населенія“, о которомъ въ свое время сообщалось въ „Вѣстникѣ Европы“, и книга г. Воблага, составляющая предметъ настоящей замѣтки. Такой интересъ современныхъ русскихъ ученыхъ къ германскимъ переписямъ объясняется съ одной стороны важнымъ значеніемъ переписей для выясненія соціальной и хозяйственной группировки населенія и образцовой постановкой этого дѣла въ Германіи, съ другой — приближеніемъ момента введенія профессионально-промышленныхъ переписей въ Россіи, при чемъ, конечно, немало будетъ заимствовано изъ опыта германскихъ переписей. Первый томъ разсматриваемаго нами изслѣдованія состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части германскія переписи, преимущественно третья, подвергаются аналитико-методологическому изученію и дается характеристика профессиональныхъ и промышленныхъ переписей въ другихъ государствахъ; вторая часть знакомитъ читателя съ результатами третьей переписи, т.-е. съ добытыми ею данными относительно профессиональнаго состава населенія Германіи. Авторъ обѣщаетъ второй томъ, въ которомъ будутъ разсмотрѣны итоги промысловой и селско-хозяйственной переписей 1907 г.

Изученіе приѣмовъ и методовъ собиранія данныхъ германскихъ переписей представляется необходимымъ уже потому, что безъ такого изученія нельзя правильно пользоваться и собранными ими матеріалами. Ближайшее изученіе дѣла показало, что хотя при двухъ послѣднихъ переписяхъ и преслѣдовалась цѣль сравнимости ихъ данныхъ съ данными первой переписи, и въ жертву этому приносились иногда немаловажныя научныя требованія, но соблюсти полное единство программъ и приѣмовъ изслѣдованія безъ существеннаго ущерба для дѣла оказалось все-таки невозможнымъ; вслѣдствіе этого обстоятельства подъ одними и тѣми же титулами въ трехъ германскихъ переписяхъ скрываются иногда неполныя однородныя явленія, и въ нашей литературѣ бывали уже, поэтому, случаи неправильнаго истолкованія эволюціи нѣкоторыхъ сторонъ хозяйственной жизни Германіи. Такія недоразумѣнія встрѣчаются уже при первомъ шагѣ систематическаго разсмотрѣнія итоговъ профессиональныхъ переписей Германіи. Первый вопросъ касается количества самодѣтельнаго населенія—и голыя цифры переписи говорятъ, что съ 1895 по 1907 г. женское самодѣтельное населеніе Германіи возросло съ 5,2 милл. до 8,2 милл., т.-е. на 60%. Но если принять во вниманіе, что третья перепись въ большей степени, нежели вторая, относилась къ профессиональному населенію женскую часть семей, помогавшую въ промыслахъ главѣ хозяйства, и на этомъ основаніи исключить изъ самодѣтельнаго населенія домохадцевъ женскаго пола, помогавшихъ въ промыслѣ, то окажется, что число самодѣтельныхъ женщинъ съ 1895 по 1907 г. возросло лишь съ 4-хъ до 5-ти милл., т.-е. всего на 25%. Болѣе полный учетъ вспомогательнаго трудящагося женскаго населенія при третьей переписи имѣлъ мѣсто и въ области сельскаго хозяйства, гдѣ трудъ домохадцевъ играетъ особенно важную роль; наибольшія неправильности возможны, поэтому, при оцѣнкѣ процессовъ эволюціи въ этой отрасли народнаго труда. Такъ напр., процентъ самостоятельныхъ (хозяевъ) въ группѣ самодѣтельныхъ уменьшился въ области сельскаго хозяйства, согласно итогамъ переписи, съ 29-ти до 22-хъ, а процентъ рабочихъ съ 68-ми поднялся до 72-хъ. Но если имѣть въ виду, что трудящіяся домохадцы по классификаціи германскихъ переписей зачисляются въ отдѣлъ рабочихъ, и принять во вниманіе вышеупомянутый болѣе полный въ 1907 г. учетъ вспомогательныхъ рабочихъ-домохадцевъ, вовсе исключивъ изъ учета эту категорію самодѣтельнаго населенія, то окажется, что съ 1895 по 1907 г. число самодѣтельныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ не уменьшилось, а возросло съ 41 до 43%, а процентъ рабочихъ понизился съ 57-ми до 55-ти. Эти данныя приводятъ къ совершенно другому заключенію относительно характера

эволюціи сельскаго хозяйства въ Германіи, нежели раньше изложенныя.

Разсматриваемый нами трудъ г. Воблаго значительно облегчаетъ пользованіе подлинниками германскихъ переписей, обращая вниманіе на главнѣйшія части ихъ, могущія вызвать недоразумѣніе. Вторая часть изслѣдованія избавляетъ отъ необходимости обращенія къ длиннымъ переписямъ тѣхъ нашихъ экономистовъ, которые не изучаютъ спеціально эволюцію германскаго хозяйства, но интересуются главнѣйшими результатами этой эволюціи. Авторъ разсматриваетъ главнѣйшія стороны вопроса о профессиональномъ составѣ нѣмецкаго населенія въ связи съ поломъ, возрастомъ, семейнымъ положеніемъ, вѣроисповѣданіемъ и т. п., и производитъ всѣ тѣ исправленія или видоизмѣненія итоговъ, какія представляются необходимыми вслѣдствіе указанныхъ выше обстоятельствъ. О полнотѣ захвата имъ вопросовъ профессиональнаго состава нѣмецкаго населенія можно судить по тому, что соотвѣтствующія данныя сгруппированы имъ въ слишкомъ таблицахъ абсолютныхъ и относительныхъ величинъ. Разсматриваемая нами книга не можетъ, поѣтому, не привлечь къ себѣ вниманія серьезнаго читателя.

— Очерки законоположеній о неотчуждаемости надѣльныхъ земель. Составилъ М. М. Катаевъ.

Годовщина пятидесятилѣтія освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ послужила поводомъ къ изданію многихъ книгъ и статей, посвященныхъ частью описанію и оцѣнкѣ, частью документальному выясненію нѣкоторыхъ сторонъ этого знаменательнаго событія. Съ этой же годовщиной связано и названное выше небольшое изданіе земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, представляющее историческую справку о законодательной и административной дѣятельности правительства по вопросу о неотчуждаемости надѣльныхъ земель за время съ 19-го февраля 1861 г. Соотвѣтствующія мѣропріятія власти первоначально исходили изъ опасеній, что крестьяне, недовольные положеніемъ 19-го февраля и ожидавшіе „новой воли“, которая, по ихъ убѣжденію, обойдетъ общества, подписавшія уставныя грамоты, широко воспользуются правомъ отказа — по прошествіи девяти лѣтъ — отъ своихъ надѣловъ. Статья 128-ая великороссійскаго положенія объ условіяхъ отказа отъ земли крестьянъ, выходящихъ изъ общества, была, поѣтому, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разъяснена въ томъ смыслѣ, что она не относится къ цѣлымъ обществамъ. Когда опасенія оказались неосновательными и въ литературѣ было обращено вниманіе на другой источникъ опасности обезземеленія крестьянъ — обращеніе общинной земли, на основаніи 165-ой ст. положенія о выкупѣ,

въ частную собственность съ послѣдующей продажей ея, — въ обществѣ возникла агитація противъ этой статьи и распространилась идея о надѣльной землѣ, какъ постоянномъ фондѣ земельного обезпеченія крестьянъ. Правительство отозвалось на эти призывы и, поставивъ на очередь вопросъ относительно общаго пересмотра дѣйствующихъ узаконеній о крестьянскомъ землевладѣніи, въ видѣ временной мѣры, издало правила 14-го декабря 1893 г., стѣсняющія свободное обращеніе надѣльной земли и отмѣнявшія ст. 165-ую положенія о выкупѣ. Эти ограничительныя мѣры не вызвали принципиальныхъ возраженій не только со стороны губернскихъ совѣщаній 1894 и 1904 гг., но и со стороны губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, учрежденныхъ въ 1902 г. „Особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“. Комитеты, въ которыхъ числилось двѣнадцать тысячъ участниковъ, сочувственно отнеслись къ стѣсненію продажи земли уходящими изъ общества крестьянами и не касались установленной закономъ 1893 г. сословной неотчуждаемости надѣльныхъ земель. Рѣзко измѣнилось отношеніе къ данному вопросу правительства въ пореволюціонный періодъ: указами 5-го октября, 9-го и 15-го ноября 1906 г. положено начало новаго законодательства, полное развитіе котораго еще впереди. Напоминаніе о предшествовавшей исторіи современной трагедіи крестьянскаго землевладѣнія, со ссылкой на многіе неполнѣ доступные официальные документы, нельзя не признать вполне своевременнымъ.

— Статистика. Ея приемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. Лекціи А. А. Кауфмана. Москва, 1911.

Статистика составляетъ у насъ предметъ университетскаго преподаванія, и руководства для ея изученія имѣютъ соотвѣтствующій характеръ. Разсматриваемая нами книжка А. А. Кауфмана имѣетъ въ виду другую категорію читателей, такъ какъ составила изъ лекцій, прочитанныхъ въ народномъ университетѣ. Авторъ задался цѣлью ознакомить своихъ слушателей и тѣхъ лицъ, которыя принадлежатъ къ вспомогательнымъ работникамъ въ области статистическаго изслѣдованія (регистраторы, счетчики, корреспонденты по текущей статистикѣ и т. п.) съ основными началами собиранія матеріаловъ, ихъ сводки и разработки. Будучи хорошо знакомъ съ такъ называемой земскою статистикой и книжно, и практически, г. Кауфманъ много пользовался ею въ своемъ изложеніи, указывая и разъясняя значеніе излюбленныхъ ею приемовъ собиранія цифровыхъ матеріаловъ и ихъ сведенія въ простыя, групповыя и комбинаціонныя таблицы. Много мѣста отвелъ онъ въ своей книгѣ почти заброшенному въ обыкновенныхъ курсахъ статистики вопросу о достовѣрности

статистическихъ цифръ, о методахъ контроля и предупрежденія недостоверности и о вліяніи неисправленныхъ цифръ на выводы. Статистическія изслѣдованія составляютъ нынѣ такое распространенное явленіе въ разнообразнѣйшихъ областяхъ практической дѣятельности и къ тому или другому въ нихъ участію привлекается столь большое число лицъ, что популяризація основныхъ началъ этой мало интересной на взглядъ широкой публики дисциплины — представляется совершенно своевременною. — В. В.

— Е. Спекторскій. Проблема социальной физики въ XVII столѣтіи. Т. I. Новое мировоззрѣніе и новая теорія науки. Варшава, 1910. Ц. 3 р.

Что такое социологія? — вотъ проблема, мучившая автора этой книги „еще на университетской скамьѣ“. Всякое предпринимавшееся имъ изслѣдованіе того или иного вопроса права или государства „сталкивалось съ этою проблемою, оказывалось неосуществимымъ безъ ея предварительнаго разрѣшенія“. Такой социологическій „кошмаръ“ присущъ не одному только г. Спекторскому. На почвѣ его выросло цѣлое такъ назыв. „социологическое направленіе“ въ юриспруденціи, которое, думается намъ, явилось продуктомъ безотчетнаго протеста противъ гипертрофіи юридической догматики и вообще „практическо-догматическаго“ направленія (школы Геринга), а теперь само начинаетъ впадать въ такую же крайность. Не „пожирать“ проблемы и науку права должна социологія, а, напротивъ, помогать юриспруденціи въ ихъ разрѣшеніи. Пора оставить тотъ взглядъ, что социологія „должна быть единственною, универсальною наукою о человѣческомъ общежитіи, упраздняющею за ненадобностью и растворяющею въ себѣ безъ остатка всѣ частныя, спеціальныя общественныя науки“. Этотъ взглядъ, по словамъ автора, „болѣе всего привлекалъ его широтою своихъ обѣщаній“. Социологія должна имѣть свой особый, опредѣленный объектъ изученія: процессъ социальнаго общенія, социально-психическое приспособленіе и развитіе, подобно тому, какъ предметомъ біологіи является процессъ естественно-біологическаго приспособленія и развитія. Частныя „конкретныя науки объ обществахъ“, какъ справедливо замѣчаетъ М. М. Ковалевскій, лишь „поставляютъ социологіи матеріалъ для ея умозаключеній“, имѣя каждая свой особый объектъ изученія. Итакъ, авторъ стремится опредѣлить, что такое социологія? „Дѣйствительно ли это — социальная физика, открывающая или могущая открыть естественные законы человѣческаго общежитія? Если да, то каковы эти законы? Если же нѣтъ, то существуетъ ли и можетъ ли вообще существовать социологія? Въ такомъ раздумьѣ авторъ натолкнулся на счастливую мысль о необходимости понять генеалогію социологіи, „понять тѣ вполнѣ

конкретныя историческія и психическія условія, которыя вызвали ее къ жизни". Эта мысль привела автора къ убѣжденію, что родоначальникомъ социологіи нельзя считать О. Конта. Проблема социальной физики, по мнѣнію автора, „вполнѣ естественно возникла тогда именно, когда физика впервые стала строгою и положительною наукою; успѣхи ея не могли не найти отголоска также и среди обществовѣдѣвъ". Она возникла, слѣдовательно, въ связи „съ физическимъ міровоззрѣніемъ XVII-го вѣка", когда, дѣйствительно, и „произошелъ глубокій переворотъ во всѣхъ гуманитарныхъ знаніяхъ". Къ такому же взгляду пришелъ и М. М. Ковалевскій: онъ также указываетъ, что идея о закономерности общественныхъ явленій, т.-е. проблема „социальной физики", зарождается впервые въ XVII-мъ столѣтіи „изъ наблюдений надъ эволюціей точнаго знанія". Доказательству и развитію этой мысли и посвящено изслѣдованіе Е. Спекторскаго, которое должно состоять изъ трехъ частей: 1) „Новое міровоззрѣніе", 2) „Новая теорія науки", 3) „Новое обществовѣдѣніе". Въ первой части характеризуется связанный съ новымъ естествознаніемъ переворотъ въ міросозерцаніи, именно переходъ отъ моральнаго „антропоцентрическаго" міровоззрѣнія среднихъ вѣковъ къ „космоцентрическому" естественному міровоззрѣнію и міропониманію XVII-го вѣка. Вторая часть посвящена вызванной этимъ переворотомъ новой теоріи науки. Наконецъ, предметъ третьей части—„поставленная въ XVII ст. проблема социальной физики, какъ примѣненіе этой новой теоріи къ человѣческому общежитію". Данная книга, слѣдовательно, заключаетъ въ себѣ лишь двѣ первыя части задуманнаго изслѣдованія, такъ что, собственно, проблема „социальной физики" XVII-го столѣтія авторомъ пока еще не раскрыта, и онъ ограничивается лишь характеристикой „своеобразнаго позитивнаго раціонализма XVII-го вѣка". Нельзя не признать весьма цѣннымъ это научное обращеніе къ эпохѣ великихъ открытій челоѣческаго ума, связанныхъ съ столь же великими именами Галилея, Ньютона, Декарта, Спинозы, Лейбница, Гоббса, Гуго Гроція и мн. др. Недаромъ О. Контъ видѣлъ „въ великой эпохѣ Декарта первую прямую попытку созданія полной системы позитивной философіи". Раціоналисты XVII-го вѣка отважно стремились создать величавую монистическую теорію всего сущаго, всего реального, или, какъ говоритъ авторъ, „раціональную механику физическаго міра, раціональную механику духовнаго міра и, наконецъ, раціональную механику міра, какъ цѣлаго". Авторъ не зоветъ: „назадъ къ XVII-му вѣку"; нѣтъ, это, по его мнѣнію, нелѣпо, ибо „этого вѣка уже нѣтъ и никогда не будетъ". Но умамъ XVII-го вѣка слѣдуетъ отвести въ философіи мѣсто, какое вообще отводится „классикамъ". Ибо „тѣ философы, которые поднимаются на высоту вѣчности, которые мыслятъ *sub specie aeternitatis*,

стоять уже какъ бы внѣ времени. Они говорятъ не только своему времени и отъ имени своего времени. Они говорятъ вообще для вѣчности и отъ имени вѣчности. А такими „вѣчными“ мыслителями и были великіе раціоналисты XVII-го вѣка. Спинозѣ удалось установить „канонъ раціонализма“, какъ выразился Шталь; ему удалось облечь въ систему основную мысль новаго міровоззрѣнія и новой теоріи науки, именно, *универсальную міровую закономерность*; къ этому извѣчно стремится все человѣческое знаніе, всякая истинная философія. Поэтому справедливо указываетъ авторъ, что неудача раціоналистовъ XVII-го в. — „это неудача человѣческой мысли вообще, невозможность для нея достигнуть дѣйствительной вершины познанія, воплотить методологическую мечту, превратить идеаль знанія въ реальную науку“. Создать „имманентную логику міра“ — это идеаль человѣческаго знанія, къ которому неустанно стремится наука. Таково содержаніе глубоко задуманной книги, написанной просто и ясно, безъ смѣшенія темноты съ глубиною.

— М. А. Рейснеръ. Государство. Ч. I. Культурно-историческія основы. Спб., 1911. Ц. 1 р. 50 к.

Психологическій методъ и соотвѣтственная точка зрѣнія получаютъ въ общественныхъ наукахъ все большее и большее признаніе. Не только общетеоретическая социальная наука — социологія, благодаря трудамъ Лестера Уорда, Г. Тарда, Гиддингса, а за послѣднее время и Зиммеля, впитала въ себя психологическія основы, но и спеціальныя общественныя науки, какъ напримѣръ политическая экономія, (Бемъ-Баверкъ, М. И. Туганъ-Барановскій) и наука о правѣ, съ основателемъ „психологической теоріи права“, Л. Л. Петражицкимъ, — всѣ онѣ кладутъ въ основу своихъ построеній научно-психологическую точку зрѣнія и примѣняютъ къ изученію своего объекта психологическій методъ. Къ этому психологическому направленію въ области изученія социальныхъ явленій примыкаетъ и М. А. Рейснеръ. Въ его книгѣ мы видимъ интересную попытку посмотреть на государство съ психологической точки зрѣнія, „изучать его только какъ *социально-психологическое* явленіе, какъ *идеологию* и организованное при ея содѣйствіи массовое поведеніе людей“. Съ этой точки зрѣнія государство представляется „преимущественно *процессомъ*, въ которомъ главное мѣсто принадлежит идеологіи“. Авторъ возстаетъ противъ традиціи, по которой „многіе ученые считаютъ возможнымъ изучать государство какъ нѣкоторое особое законченное существо, организмъ или совершенную организацію“. Государство, по его мнѣнію, никогда не можетъ стать „законченнымъ, остановившимся, совершеннымъ“, такъ какъ никогда и нигдѣ идеологія не была на практикѣ воплощена вполне и до конца. Съ одной стороны,

въ массѣ населенія весьма слабо представленіе о подлинномъ государствѣ и политической власти, съ другой—цѣлые классы сознательно ведутъ борьбу противъ государственной идеологіи и власти. „Чистой фикціей“ является, поэтому, „идея всепроникающей государственной власти, единство государственнаго народа и, даже, территориальнаго господства“. Съ точки зрѣнія автора въ пониманіи государства слѣдуетъ различать три основныхъ момента: массовую психику людей, какъ основной источникъ общественной и государственной идеологіи, самую эту идеологію и зависимость ея отъ опредѣленныхъ историческихъ условий и, наконецъ, политическое поведеніе людей, какъ результатъ воспроизведенія государственныхъ идей въ жизни и дѣятельности человѣка. Для автора государство — „не Левиафанъ и не Химера“, а „соціально-психологическое явленіе“. Развитію этой основной мысли и посвящена вся книга автора, разбитая на 8 главъ: I. Понятіе государства, какъ идеологической организаціи общезитія. II. Наука о государствахъ. III. Мистическая, эстетическая и раціональная деонтологія и политическій идеаль. IV. Политическая идеологія. V. Идеологія и общественно-групповая психика. VI. Теократія какъ идеологическая форма. VII. Основы органической идеологіи государства. VIII. Идеологія раціонализма. Мы умышленно выписали эти заглавія, чтобы читатель могъ судить о характерѣ книги и объ оригинальной постановкѣ ея проблемы. Сочиненіе г. Рейснера представляетъ собою „Введеніе“ въ „общее ученіе о государствахъ“, которое должно составить предметъ второй части предпринятаго авторомъ труда. „Спеціальной задачей“ данной книги является „изложеніе исторіи развитія идеологическихъ конструкцій“ государственности. Авторъ отчетливо сознаетъ, что изученіе идеологическихъ построеній и методовъ ихъ созиданія тогда лишь можетъ имѣть значеніе и смыслъ, когда они находятся въ опредѣленной и постоянной связи съ соціальными явленіями, наблюдаемыми въ дѣйствительности. Между идеологіей, какъ созданіемъ нашей психики, и внѣшней средой, какъ возбудительницей соціальныхъ интересовъ, „лежитъ область преломленія и отраженія“, имѣющая психологическую природу. И вотъ, въ этой-то области и слѣдуетъ искать законовъ, устанавливающихъ соотношеніе между групповымъ интересомъ и тою идеологіей, которая служитъ его выраженіемъ. „Установить законы преломленія социальной среды именно въ психикѣ, найти въ ней связь и соотношеніе между воспринятымъ ею соціальнымъ интересомъ и политической идеологіей—это и значить разрѣшить задачу возникновенія идеологіи вообще, какъ и ея историческую закономерность“. Основной задачей является здѣсь выясненіе методовъ, при помощи которыхъ создается та или иная идеологія. Такихъ методовъ авторъ устанавливаетъ три: „мистическій“, „ро-

мантико-эстетическій“ и „раціоналистическій“, утверждая, что употребленіе всѣхъ трехъ методовъ встрѣчается на всемъ протяженіи доступной нашему изученію исторіи. Въ послѣднихъ трехъ главахъ книги авторъ обращается къ историческому развитію отдѣльных политическихъ идеологій, находя, что „центръ мистицизма находится въ крестьянствѣ, центръ романтизма—въ дворянствѣ, центръ раціонализма—въ городскомъ классѣ“. Собственно говоря, авторъ даетъ здѣсь болѣе обширное развитіе идей, намѣченныхъ имъ въ очеркѣ: „Соціальная идеологія“, въ книгѣ: „Теорія Л. И. Петражицкаго. Марксизмъ. Соціальная идеологія“ (1908). Теократическое, вотчинно-патріархальное и конституціонно-демократическое государство—вотъ три типа государственности, соотвѣтствующіе тремъ типамъ идеологій.

Оригинальное по постановкѣ проблемы, новое сочиненіе г. Рейснера по своему выполненію, какъ сознаетъ самъ авторъ, является „далеко не въ такомъ обработанномъ видѣ, какъ это было бы желательно“. Это скорѣе констатированіе идеологій государственности въ разное историческое время и у различныхъ общественныхъ группъ, чѣмъ *установленіе законовъ* ихъ возникновенія или выясненіе ихъ *исторической закономерности*. Одно изъ достоинствъ книги—живая форма изложенія.—П. Михайловъ.

— Walther May. Ernst Haeckel. Versuch einer Chronik seines Lebens und Wirkens. Лейпцигъ, 1909. Ц. 5,60 мар.

Трудно въ настоящее время найти другой примѣръ столь разносторонней научной дѣятельности, какъ дѣятельность Эрнста Геккеля. За свою долгую, плодотворную жизнь онъ являлся то энтузіастомъ-борцомъ за торжество нарождающагося эволюціонизма, то глубокимъ ученымъ специалистомъ-зоологомъ, то популяризаторомъ, то путешественникомъ въ отдаленныя страны, то, наконецъ, философомъ-мыслителемъ, врагомъ клерикаловъ и обскурантизма въ наукѣ. Именно благодаря такой разносторонности трудно составить себѣ цѣльную картину личности и дѣятельности Геккеля. Мнѣнія о немъ его современниковъ, въ виду значительности затронутыхъ имъ вопросовъ, очень различны: одни ставятъ его на пьедесталъ, другіе стараются какъ можно болѣе умалить не только философское, но и научное значеніе его работъ. Книга Мая написана по возможности объективно, представляя, какъ говоритъ самъ авторъ, лишь полную „хронику“ событій жизни и дѣятельности Геккеля, но не критику или оцѣнку его сочиненій съ опредѣленной точки зрѣнія. Ее нельзя назвать, поэтому, біографіей въ обычномъ значеніи этого слова, а скорѣе обзоромъ трудовъ Геккеля въ хронологическомъ порядкѣ, съ краткимъ изложеніемъ содержанія какъ этихъ трудовъ, такъ и сочиненій, ими

вызванныхъ. Главная заслуга Геккеля заключается въ приложеніи выводовъ дарвинизма ко всему органическому міру. Самъ Дарвинъ, ограничиваясь сначала собираніемъ массы фактовъ, относящихся къ измѣняемости видовъ, не далъ въ своей классической книгѣ „родословной“ органическаго міра. Эту колоссальную задачу, во всѣхъ ея деталяхъ, попытался впервые исполнить Геккель, въ знаменитыхъ трудахъ: „Generelle Morphologie“ (1866), „Natürliche Schöpfungsgeschichte“ (1868) и „Antropogenie“ (1874), изъ которыхъ второй въ полномъ объемѣ могъ появиться въ русскомъ переводѣ только послѣ 1905 г. — почти сорокъ лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ. Въ нихъ была представлена генеалогическая таблица всѣхъ организмовъ и положены основы тѣмъ отраслямъ біологіи, которыя извѣстны подъ именемъ сравнительной анатоміи и сравнительной эмбриологіи. Теперь, когда эволюціонное ученіе вошло въ сущность всѣхъ біологическихъ наукъ, а методы изслѣдованія измѣнились, первый періодъ дѣятельности Геккеля отошелъ въ область исторіи и многое въ его работахъ представляется уже потерявшимъ свое значеніе или даже невѣрнымъ, вслѣдствіе открытія новыхъ фактовъ; но, разумѣется, это нисколько не умаляетъ заслугъ этого главнаго поборника эволюціонизма, въ огромной мѣрѣ способствовавшаго торжеству его въ наукѣ и укрѣплявшаго его въ широкой средѣ читателей путемъ множества популярно-научныхъ статей. Успѣхъ послѣднихъ въ значительной мѣрѣ объясняется чрезвычайной легкостью и изяществомъ изложенія: въ противоположность многимъ другимъ ученымъ Геккель, даже въ разработкѣ самыхъ специальныхъ вопросовъ, читается вполне свободно. Сочиненія чисто зоологическаго характера, какъ напр. многочисленные монографіи монеръ, губокъ и др., описаніе радіоларій (однѣ радіоларіи экспедиціи „Challenger“ а составляютъ три тома въ 1800 стр. in 4°, съ 140 табл.) разсматриваются Маеиъ менѣе подробно, какъ требующія значительныхъ поясненій для неспеціалистовъ. Вообще отношеніе къ Геккелю какъ къ ученому зоологу вызываетъ меньше разногласій во взглядахъ его біографовъ послѣдняго времени. Труднѣе сохранить объективность при разсмотрѣніи дѣятельности Геккеля какъ философа и основателя монизма, характеризуемаго имъ какъ „ein Band zwischen Religion und Wissenschaft“ и разработаннаго въ извѣстной книгѣ: „Die Welträtsel“ (1-е изд. 1899 г.). Появленіе этой книги вызвало въ клерикальныхъ и консервативныхъ кругахъ огромную полемику, превосходящую, по страстности и рѣзости, даже ту, уже отошедшую въ область преданія, какая возникла въ 60-хъ и 70-хъ гг. по поводу эволюціонныхъ взглядовъ Геккеля. И здѣсь, однако, Май выдерживаетъ безпристрастіе, оставаясь на почвѣ изложенія фактовъ. Послѣдній періодъ дѣятельности Геккеля, а также множество его

популярныхъ статей, мало знакомы русскимъ читателямъ. Имя его, конечно, извѣстно у насъ всякому образованному человѣку, но преимущественно какъ зоолога-дарвиниста; полную картину колоссальной работы его жизни можетъ дать только доступная, сжатая и безпристрастная біографія, какою и является книга Мая. Она содержитъ въ себѣ указанія и на то, какія изъ числа возраженій, сдѣланныхъ въ свое время Геккелю, подтвердились, какія оказались ошибочными. Большою полнотою отличается и библиографическій отдѣлъ, гдѣ приведены всѣ книги по „геккелизму“.—А. Щ.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Амфитеатровъ, А. В.—Звѣрь изъ бездны. Томъ II. Золотое пятилѣтіе. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе“. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Артемьевъ, Вячеславъ.—Архаровцы и др. рассказы. Книга 2-я. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Астровъ, П. И.—Юридическія предпосылки рабочаго права. Москва, 1911 г. Цѣна 20 коп.

Бальмонтъ, К. Д.—Полное собраніе стиховъ. Томъ V. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Испанскія народныя пѣсни. Любовь и ненависть. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Безтисевъ, С. С.—Хозяйственные итоги истекшаго 45-тилѣтія. Томъ III. Хлѣбная торговля и элеваторы. Спб., 1911 г. Цѣна 3 р.

Брюсовъ, Н.—Временное и пространственное строеніе формы. Изданіе „Скорпіона“. Москва, 1911 г. Цѣна 40 коп.

Вейдемоллеръ, К.—Проснувшійся Китай. Спб., 1911 г. Цѣна 20 коп.

Гриневичъ, П. Ф. (П. Ф. Якубовичъ). Очерки русской поэзіи. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Груздевъ, С. А.—Первые общедоступные курсы по молочному хозяйству въ Красноуфимскомъ уѣздѣ въ 1911 г. Екатеринбургъ, 1911 г.

Гурлиттъ, Людвигъ.—О воспитаніи. Перев. съ нѣмец., съ предисловіемъ Л. Т. Оршанскаго. Книга I. Спб., 1911 г.

Жилъкэнъ, Ивапъ.—Ночь. Перев. С. Головачевскаго. Изданіе „Скорпіона“. Москва, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Заболотскій, П. А.—1) Гоголь и славянство. 2) Великому нѣжинцу. Нѣжинъ, 1911 г. Цѣна 15 коп.

Ивановъ, Вячеславъ.—Cor ardens. Часть первая. Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 40 коп.

Калантаръ, Александръ.—О высшемъ учебномъ заведеніи на Кавказѣ. Тифлисъ, 1911 г.

Кованько, П. Л.—Государственные расходы Россіи по предметамъ назначенія за 1903—1911 гг. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Козловскій, И. И.—Андрей Виніусъ, сотрудникъ Петра Великаго. Спб., 1911 г.

Ламартиныеръ, П. М.—Путешествіе въ сѣверныя страны. Перев. В. Н. Семенковича. Изданіе Московск. Археол. Института. Москва, 1911 г.

- Лебедевъ, С.* — Руководство къ ботаническимъ экскурсіямъ. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.
- Левитовъ, А. И.* — Собраніе сочиненій. Томъ I. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.
- Лемонье, Камилль.* — Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Адамъ и Ева. Романъ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.
- Мамасевъ, П. И.* — „На экскурсію“. Знакомство съ природой путемъ наблюденія и опытовъ. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р.
- Максъ, принцъ Саксонскій.* — Мысли по вопросу объ униі церквей. Перев. и послѣсловіе свящ. Н. Сахарова. Сергіевъ Посадъ, 1911 г. Цѣна 12 коп.
- Мещерскій, А. П.* — Не воюйте съ природой. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.
- Цѣны на землю и крестьянскій банкъ. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.
- Мѣшковъ, Николай.* — Снѣжныя бури. Москва, 1911 г. Цѣна 75 коп.
- Ненашевъ, А. П.* — Германія. Путеводитель. Москва, 1911 г. Цѣна 1 р. 75 коп.
- Никоновъ, С. П.* — Основныя начала положеній 19 февраля 1861 года. Одесса, 1911 г. Цѣна 50 коп.
- Новосельскій, С. А.* — О различіяхъ въ смертности городского и сельскаго населенія Европейской Россіи. Москва, 1911 г. Цѣна 25 коп.
- Пелла, Г.* — Ионизація газовъ. Корпускулы. Перев. съ франц. Н. А. Тамашевой. Подъ ред. Н. А. Булгакова. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.
- Пирсонъ, К.* — Грамматика науки. Изданіе „Шиповника“. Спб., 1911 г. Цѣна 4 р.
- Рейснеръ, М. А.* — Государство. Часть I. Культурно-историческія основы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- Сорокинъ, Антонъ.* — Золото. Стилизованная монодрама-примитивъ. Кіевъ, 1911 г. Цѣна 40 коп.
- Столлъ, С.* — Что необходимо знать мальчику. Перев. съ англійск. Елены Навашидзе. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.
- Тартаковскій, С.* — Нѣсколько стихотвореній. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.
- Толстой, Л. Н.* — Воспитаніе и образованіе. Изданіе И. Горбунова-Посадова. Москва. Цѣна 6 коп.
- Кому у кого учиться писать. Изданіе И. Горбунова-Посадова. Москва. Цѣна 5 коп.
- Прогрессъ и опредѣленіе образованія. Изданіе „Посредника“. Москва. Цѣна 6 коп.
- О методахъ обученія грамотѣ. Изданіе И. Горбунова-Посадова. Москва. Цѣна 4 коп.
- О народномъ образованіи. Изданіе И. Горбунова-Посадова. Ц. 10 к.
- Яснополянская школа. Изданіе И. Горбунова-Посадова. Ц. 16 коп.
- Ясная Поляна. Разказы, были, сказки, басни и статьи для дѣтей. Изданіе И. Горбунова-Посадова. Цѣна 30 коп.
- Педагогическія статьи. Изданіе „Посредника“. Цѣна 40 коп.
- Шатиръ, Ольга.* — Бабье лѣто и др. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- Якутъ.* — Къ вопросу о переселеніи въ Якутскую область. Москва, 1911 г.
- Изданія Бюро областной земской переселенческой организаціи. Акмолинская область. Составилъ А. Митаревскій. Енисейская губернія. Составилъ Т. Зѣнченко. Иркутская губернія. Сост. А. Роговъ. Краткія свѣдѣнія о Семирѣченской области. Сост. А. М. Савари. Семирѣченская область. Составилъ А. Кушастъ. Тургайская область. Сост. Г. Картавцевъ. Ходокамъ и переселенцамъ, направляющимся въ Кустанайскій уѣздъ, Тургайской области. Сост. Ф. Дось-Рошковскій. Полтава, 1911 г. Безплатно.

— Изданія „Посредника“. № 402. Волка. Сборникъ разсказовъ и притчъ. Сост. И. Горбуновъ-Посадовъ. № 717. Ученіе Христа, изложенное для дѣтей. Сост. Л. Н. Толстой. № 727. Л. Н. Толстой. Большая Медвѣдица, и друг. № 843. П. Хотымскій. Добытчикъ. № 849. Воровъ сынъ. По Лѣскову Л. Н. Толстой. № 851. Л. Н. Толстой. Ассирійскій царь Ассархадонъ. № 827. Вегетаріанская библіотека. Х. Уильямсъ. Этика пищи. Перев. съ англійск. Со вступительной статьей Л. Н. Толстого: „Первая ступень“. Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Книжка 17-я. Проф. Л. Штейертъ. Какъ помогать скотинѣ въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ. Перев. съ нѣмецк. С. А. Порѣцкаго. „Маякъ“, № 2—3. „Свободное воспитаніе“, № 6—7.

— Народная энциклопедія. Томъ VII. Языкознаніе и исторія литературы. Томъ XII. Политическая экономія. Харьковъ, 1911 г.

— Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Спб., 1911 г.

— Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1910 годъ. Москва, 1911 г.

— Отчетъ о-ва попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи за 1910 годъ. Спб., 1911 г.

— Отчетъ о дѣятельности консультаціи прис. пов. при Нижегородскомъ окружн. судѣ за 1910 годъ. Нижній-Новгородъ, 1911 г.

— Педагогическая академія. Подъ ред. А. П. Нечаева. Т. IV. Въ помощь семьямъ и школамъ. Москва, 1911 г.

— Систематическій сводъ указовъ Прав. Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Т. VII. 1910 г. Сост. Н. И. Кузнецовъ. Воронежъ, 1911 г. Цѣна 3 р.

— Статистика несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за 1908 годъ. Спб., 1911 г.

— Третья Государственная Дума. Сессія 4-я. Фракція народной свободы. Отчетъ. Спб., 1911 г. Цѣна 50 коп.

— Универсальная библіотека. № 379. Кн. Илья Чавчавадзе. Разбойникъ Габро. № 511. Л. Н. Толстой. Первый винокуръ, и друг. № 512—513. Н. В. Гоголь. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. № 514. Н. М. Карамзинъ. Бѣдная Лиза и друг. № 515—516. С. Т. Аксаковъ. Семейная хроника. № 517. Л. Н. Толстой. Чѣмъ люди живы, и друг. № 518. А. С. Пушкинъ. Капитанская дочка. Исторія села Горюхина. № 361—362. Кнутъ Гамсунъ. Въ когтяхъ у жизни. Драма. Перев. съ норвежскаго М. Корецкаго. Москва, 1911 г. Цѣна выпуска 10 коп.

— Энциклопедическій словарь т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. Т. 5. Барнавѣ-Біологія, Москва, 1911 г.

Данчевъ, Никола Г.—Когато слънцето захождаше. Разказы. София, 1911 г. Цѣна 1 л. 20 с.

— Движеніе на торговиата на България съ чуждитѣ държави прѣзъ четвърто тримѣсечье отъ 1910 година. София, 1911 г.

— Славянски гласъ. Книжка I—II. София, 1911 г.

СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТЕКУЩЕЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1910-го года.

Логика.

Введенскій, А. И.—Логика. 200 стр. Спб. 1910. 1 р.

Математика.

Каганъ, В. Ф.—Что такое алгебра? 72 стр. Од. 1910. 40 к.

Механика. Физика.

Абрагамъ, Г.—Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. 2-е изд.

„Матез.“ Ч. II. 430+LXVI стр. Од. 1910. 2 р. 75 к.

Ауэрбахъ, Ф.—Царица міра и ея тѣнь. (Энергія и Энтропія). 5 изд. „Матез.“ 50 стр. Од. 1910. 40 к.

Григорьевъ, Г.—Курсъ физики. Изд. „Зн.“ Ч. I. XVI+319 стр. Спб. 1910. 1 р. 60 к.

Зиловъ, П. А.—Курсъ физики. Ч. II. 5 изд. 596 стр. Кв. 1911. 3 р.

Лебединскій, В. К.—Элементарное ученіе объ энергіи. 2 изд. 163 стр. Спб. 1910. 1 р.

Пелла, Г.—Ионизація газовъ. Пер. п. ред. Булгакова. 90 стр. Спб. 1910. 1 р.

Пуанкаре, Л.—Эволюція современной физики. Изд. „Зн.“ 183 стр. Спб. 1910. 1 р. 20 к.

Риги, А.—Электрическая природа матеріи. 2 изд. „Матез.“ 27 стр. Од. 1910. 30 к.

Содди, Ф.—Радій и его разгадка. Изд. „Матез.“ XIII+184 стр. Од. 1910. 1 р. 25 к.

„Радій (Изд. „Космосъ“?). XIV+168 стр. М. 1910. 1 р. 25 к.

Цингеръ, А. В.—Начальная физика. Изд. Саблина. XXII+505 стр. М. 1910. 1 р. 75 к.

Химія.

Голлеманъ, А.—Учебникъ неорганической химіи. 2 изд. „Сотр.“ 508 стр. Кв. 1910. 2 р. 25 к.

Оствальдъ, В.—Великіе люди. Изд. Вят. Т-ва. XII+398 стр. Спб. 1910. 2 р. 50 к.

„Исторія электрохиміи. Изд. „Образ.“ 256 стр. Спб. 1911. 1 р. 25 к.

Рамсей, У.—Оствальдъ, В.—Изъ исторіи химіи. Изд. „Образ.“ 172 стр. Спб. 1909. 75 к.

Реформатскій, С. Н.—Начальный курсъ органической химіи. 10 изд. Розова. 465 стр. Кв. 1911. 2 р. 50 к.

Смитъ, А.—Введеніе въ неорганическую химію. Изд. „Матез.“ Вып. I. 400 стр. Од. 1911. 2 р.

Сперанскій, А. В.—Краткій курсъ химіи. 3 изд. 362 стр. М. 1910. 1 р. 25 к.

Астрономія.

- Клейпъ, Г.—Звѣздный міръ. Изд. „Образ.“ 116 стр. Спб. 1910. 60 к.
 „ Астрономическіе вечера. Изд. „Вят. Т-ва“. 416 стр. Спб. 1910.
 1 р. 25 к.
 Покровский, К. Д.—Курсъ космографіи. Изд. Пирог. Т-ва. XI+195 стр. Кв.
 1910. 1 р.
 Стратоновъ, В. В.—Солнце. Вып. 8—10. Тфл. 1910. 3 р. 60 к.
 Штерне, Е.—Эволюція міра. Вып. X. Изд. „Мір.“ 273—460 стр. М. 1910.
 Щербаковъ, С.—Курсъ космографіи. 9 изд. 224 стр. Н.-Н. 1910. 1 р.

Геологія.

- Клейнъ, Г.—Чудеса земного шара. Изд. Вят. Т-ва. XV+416 стр. Спб. 1911.
1 р. 35 к.
Нечаевъ, А. В.—Минералогія и геологія. 3 изд. Пирог. Т-ва. XII+211 стр.
Кв. 1910. 90 к.

Біологія.

- Аурбахъ, Ф.—Энтропизмъ или физическая теорія жизни. Изд. „Образ.“
114 стр. Спб. 1911. 60 к.
- Богдановъ, П. М.—Бесѣды о жизни растений. 2 изд. Девриена. 142 стр.
Спб. 1910. 60 к.
- Бородинъ, И. П.—Курсъ анатоміи растений. 4 изд. 360 стр. Спб. 1910.
- Вагнеръ, А.—Новый курсъ въ биологіи. Изд. „Образ.“ 162 стр. Спб. 1910. 80 к.
- Вагнеръ, Вл.—Биологическія основанія сравнительной психологіи. Изд.
Вольфа. Т. I. 435 стр. Спб. 1910. 3 р.
- Граціановъ, В. И.—Какъ освобождаются животныя изъ-подъ власти среды.
Изд. Вольфа. 53 стр. Спб. 1910. 35 к.
- Гюстерь, З.—Исторія естествознанія въ древности и ср. вѣка. Изд. „Образ.“
120 стр. Спб. 1909. 50 к.
- Дункеръ, Г.—Перелетъ птицъ. Изд. Брокгауза-Ефрона. 100 стр. Спб. 1910.
75 к.
- Кайгородовъ, Д.—Бесѣды о русскомъ лѣсѣ. Чернопольсье. 8 изд. Суворина.
176 стр. Спб. 1910. 1 р.
- Капелькинъ, В., и Флеровъ, А.—Учебникъ ботаники. Ч. II и III. 4 изд., Са-
башиновыхъ. 61+XV+87 стр. М. 1910—11. 1 р. 10 к.
- Лебонъ, Г.—Эволюція матеріи. 2 изд. „Общ. Птз.“ Вып. I. XXX+222 стр.
Спб. 1911. 1 р. 50 к.
- Лєбъ, Д.—Динамика живого вещества. Изд. „Матез.“ 352 стр. Од. 1910.
2 р. 50 к.
- Ле-Дантекъ, Ф.—Основные начала биологіи. Изд. „Зн.“ 171 стр. Спб. 1910. 1 р.
- Дункевичъ, В. В.—Основа жизни. 3 изд. Яковенко. 2 т. 536+466 стр. Спб.
1910. 5 р.
- Палладинъ, В. И.—Физиологія растений. 6 изд. Суворина. X+355 стр. Спб.
1911. 2 р. 50 к.
- Памяти Дарвина. Изд. „Нч. Сл.“ 220 стр. М. 1909.
- Федченко, В. А., и Флеровъ, А. Ф.—Флора Европейской Россіи. Изд. Де-
вриена. Ч. III. 713—1204. Спб. 1910.
1 р. 40 к.
- ”
- ”
- Руководство къ собиранію растений
для гербарія. 3 изд., Сабашниковыхъ.
68 стр. М. 1910. 15 к.

- Франсэ, Р. Г.—Чувствуютъ ли растенія. Изд. Девріена. 111 стр. Спб. 1910. 60 к.
 Шимкевичъ, К.—Будущее человѣчество съ точки зрѣнія натуралиста. 2 изд. Вольфа. 48 стр. Спб. 1910. 30 к.
 Эшерихъ, К.—Термиты или бѣлые муравьи. Изд. Девріена. XVI+222 стр. Спб. 1910. 3 р.

Психологія.

- Винеръ, О.—Расширеніе нашихъ чувствъ. Изд. „Образ.“ 48 стр. Спб. 1910. 30 к.
 Вундтъ, В.—Основы физиологической психологіи. Пер. п. ред. Крогуса и др. Вып. 5—6. 125—452 стр. Спб. 1910. 2 р. 20 к.
 Джемсъ, У.—Психологія. 6 изд. Риккера. 446 стр. Спб. 1911. 2 р.
 Душевная жизнь дѣтей. Изд. „Плз.“ 282 стр. М. 1910.
 Лосскій, Н.—Основные ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма. 2 изд. 240 стр. Спб. 1910. 1 р. 25 к.
 Пфендеръ, А.—Введеніе въ психологію. Пер. Давыдова. 368 стр. Спб. 1909. 2 р.
 Пэйо, Ж.—Воспитаніе воли. 6 изд. Павленкова. X+166 стр. Спб. 1910. 60 стр.
 Рыбаковъ, Ѳ. Е.—Атласъ для экспериментально-психологическаго изслѣдованія личности. LVII табл.+46 стр. М. 1910. 3 р. 50 к.

Философія.

- Гольперцъ, Т.—Греческіе мыслители. Изд. Жуковского. 485 стр. Спб. 1911. 2 р. 75 к.
 Н. Я. Гротъ. XXV+410 стр. Спб. 1911. 2 р.
 Кантъ, И.—О формахъ и началахъ міра чувственнаго и умопостижимаго. Успѣхи метафизики. (Тр. Спб. Филос. О-ва). 119 стр. Спб. 1910. 75 к.
 Контъ, О.—Духъ позитивной философіи. Изд. „В. Зн.“ 76 стр. Спб. 1910.
 Лаппинъ, И. И.—Проблема чужого „я“ въ нов. философіи. 193 стр. Спб. 1910. 1 р. 40 к.
 Новорусскій, М.—Основы современнаго міровоззрѣнія. 231 стр. Спб. 1910.
 Общая исторія философіи (Вундтъ и др.). П. ред. Введенскаго и Радлова. Т. I. 272 стр. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
 Пуанкаре, Г.—Наука и методъ. Изд. „Матез.“ 385 стр. Од. 1910. 1 р.
 Рей, А.—Энергетическое и механическое міропониманіе съ точки зрѣнія теоріи познанія. Изд. „Общ. Плз.“ 200 стр. Спб. 1910. 1 р.
 Рихтеръ, Р.—Скептицизмъ въ философіи. Изд. „Шип.“ Т. I. 389+XLVIII стр. Спб. 1910. 3 р.
 Шопенгауэръ, А.—П. с. с. Изд. Ефимова. Т. IV, вып. XVI. 256+688 стр. М. 1910.
 Эберъ, М.—Прагматизмъ. Съ пред. Введенскаго. 140 стр. Спб. 1911. 85 к.
 Энгельмейеръ, П. К.—Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній. Изд. „Образ.“ 116 стр. Спб. 1911. 1 р.
 Эрдманъ, В.—Научныя гипотезы о душѣ и тѣлѣ. Изд. Сытина. XI+347 стр. М. 1910. 1 р.

Религія.

- Болотовъ, В. В.—Лекціи по исторіи древней церкви. П. ред. Бриллиантова. XVIII+472 стр. Спб. 1910. 3 р. 50 к.

- Городцовъ, П.—Религіозно-церковные вопросы. 184 стр. Спб. 1911. 1 р.
 Князьковъ, С.—Какъ начался расколъ русской церкви. 3 изд. Луковникова.
 109 стр. Спб. 1911. 30 к.
 Панкратовъ, А. С.—Ищущіе Бога. 195 стр. М. 1910. 1 р.
 Пругавинъ, А. С.—Сютаевцы. Изд. Яковенко. 116 стр. Спб. 1910. 40 к.
 Реванъ, Э.—Апостолы. Пер. Латернера. 4 изд. 229 стр. Спб. 1910. 80 к.
 „ Св. Павелъ. Пер. Латернера. 2 изд. 356 стр. Спб. 1910. 1 р. 25 к.

Искусство.

- Байэ, К.—Исторія искусствъ. 2 изд. Кульженко. 437 стр. Кв. 1910. 3 р.
 Валтеръ, В. Г.—Музыкальное образованіе любителя. 2 изд. „Просв.“
 144+22 стр. Спб. 1910. 1 р.
 Грабаръ, И.—Исторія русскаго искусства. Изд. Кнебеля. Вып. 3—6. 111+
 110+112+111 стр. М. 1910.
 Фридолинъ, И.—Краткая исторія Европейскаго искусства. Изд. Башмакова.
 Ч. I. 200 стр. Спб. 1910. 1 р. 75 к.

Литература.

- Айхенвальдъ, Ю.—Этюды о Западныхъ писателяхъ. Изд. „Нч. Сл.“ 247 стр.
 М. 1910. 1 р. 80 к.
 Аксаковъ, С. Т.—С. с. Изд. „Просв.“ Т. VI. 411 стр. Спб. 1910. 1 р.
 Бѣлинскій, В. Г.—Соч. (4 т.). Т. I. 4 изд. Павленкова. 1096 стр. Спб.
 1911. 1 р.
 Венгеровъ, С. А.—Изд. „Пром.“ Т. V. 275 стр. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
 Веселовскій, Ю.—Литературные очерки. Т. I. 2 изд. 545 стр. М. 1910.
 2 р. 50 к.
 Гильдебрандъ, Р.—О преподаваніи родного языка. 2 изд., Сабашниковыхъ.
 XXI+172 стр. М. 1911. 1 р.
 Ивановъ-Разумникъ.—Исторія русской общественной мысли. Т. I. 3 изд.
 XXVI+414 стр. Спб. 1911. 3 р. (2 т.).
 Кирѣевскій, И. В.—П. с. с. 2 т. П. ред. Гершензона. 287+296 стр. М.
 1911. 4 р.
 Коганъ, П.—Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. I. Вып. II.
 2 изд. „Зар.“ 240 стр. М. 1910. 1 р.
 „ Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. III.
 Вып. III. Изд. „Зар.“ 160 стр. М. 1910. 1 р.
 „ Очерки по исторіи древнихъ литературъ. Т. I. (Греч.) 2 изд.
 „Зар.“ 327 стр. М. 1910. 1 р. 25 к.
 Короленко, В.—Отошедшіе. 2 изд. „Русск. Бог.“ 122 стр. Спб. 1910. 40 к.
 Котляревскій, Н.—Н. В. Гоголь. 3 изд. XV+580 стр. Спб. 1910. 2 р. 50 к.
 Маніаль, Э.—Мопассанъ. Изд. Ключкова. 242 стр. М. 1910. 1 р. 25 к.
 Миллеръ, О.—Русскіе писатели послѣ Гоголя. Т. III. 5 изд. Вольфа. 388 стр.
 Спб. 1910. 2 р.
 Овсяннико-Куликовскій, Д. Н.—С. соч. Т. I. (Гоголь). 3 изд. „Общ. Пиз.“ и
 „Пром.“ 196 стр. Спб. 1 р.
 „ Т. II. (Тургеневъ). 3 изд. „Общ. Пиз.“
 271 стр. Спб. 1910. 1 р. 25 к.
 Писаревъ, Д. И.—Соч. 5 изд. Павленкова. Т. II. Спб. 1911. 1 р.
 Садовской, Б.—Русская Камена. Изд. „Мусаг.“ 63 стр. М. 1910. 1 р. 50 к.
 Фаресовъ, А. И.—Жизнь и поэзія А. П. Меженинова. 88 стр. Спб. 1911. 75 к.

Федернъ, К.—Данте и его время. Изд. Сытпна. XI+284 стр. М. 1910.
Эллисъ.—Русскіе символисты. Изд. „Мусаг.“ М. 1910. 2 р.

Политическая экономія и статистика.

Сокольскій, Б. М.—Какъ урегулированъ приказничій вопросъ за-границей и у насъ. 80 стр. Спб. 1910. 60 к.
Тотоміанцъ, В. О.—Сельско-хозяйственная кооперація. 2 изд. Семенова. 368 стр. Спб. 1911. 2 р.
Чупровъ, А. А.—Очерки по теоріи статистики. 2 изд. Сабашниковыхъ. 444 стр. Спб. 1910. 2 р. 50 к.
Чупровъ, А. И.—Исторія политической экономіи („Учен. труды“, ч. III, в. I). Изд. Имп. Моск. Ун. 231 М. 1910. 80 к.
Швйтау, Г. Г.—Промышленные конфликты. 486 стр. Спб. 1911. 3 р.
Шипперъ, И.—Возникновеніе капитализма у евреевъ Западной Европы. Пер. п. ред. Вишинцера. 79 стр. Спб. 1910. 50 к.

Право.

Алексѣевъ, А. А.—Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ. 305 стр. Хар. 1910. 2 р.
Виноградовъ, П. Г.—Римское право въ средневѣковой Европѣ. Изд. Карцева. 99 стр. М. 1910. 50 к.
„Господство права. Изд. М. О. Н. Ун. 35 стр. М. 1911.
Дерюжинскій, В. О.—Очерки политическаго развитія современной Англіи. 227 стр. Спб. 1911. 1 р. 25 к.
Елистратовъ, А. И.—Административное право. 235 стр. М. 1911. 50 к.
Елистратовъ, А. И.—Задача государства и общества въ борьбѣ съ проституціей. Публ. лекціи. 148 стр. М. 1910. 85 к.
Короленко, В.—Бытовое явленіе. Изд. „Русск. Бог.“ 84 стр. Спб. 1910. 20 к.
Левенстимъ, А.—Профессіональное нищенство. 160 стр. Спб. 1910. 1 р.
Муромцевъ, С.—Статьи и рѣчи. Вв.: II—IV. 96+128+96 стр. М. 1910. 1 р. 85 к.
Палиенко, Н. И.—Основные законы и форма правленія въ Россіи. 80 стр. Хар. 1910. 75 к.
Розинъ, Н. Н.—Объ оскорбленіи чести. 2 изд. 467 стр. Тм. 1910. 2 р. 50 к.
Руссобтовскій, М.—Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса. 193 стр. Спб. 1910. 75 к.
Сергѣевичъ, В.—Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 4 изд. 666 стр. Спб. 1910. 3 р.
Синайскій, В. И.—Личное и имущественное положеніе замужней женщины въ гражданскомъ правѣ. XII+352 стр. Юр. 1910. 2 р. 50 к.
Спиноза, Б.—Политическій трактатъ. Изд. Ключкова. XX+157 стр. М. 1910. 1 р.
Шалландъ, Л.—Свобода слова въ англійскомъ парламентѣ. 90 стр. Юр. 1910. 50 к.
Энгель, Г.—Очеркъ теоріи общества и права. 84 стр. Спб. 1910. 50 к.

Народное образованіе.

Ларионовъ, А. М.—Исторія Института инженеровъ путей сообщенія имп. Александра I (1810—1910). 409 стр. Спб. 1910.
Малиновскій, И.—Библіотека пачальной школы. Изд. Вят. Т-ва. Спб. 1910. 40 к.

- Начало дѣла. Возникновеніе Педагогической Академіи. В. I. 261 стр. Спб. 1910. 80 к.
- Новорусскій, М. — Итоги пятнадцатилѣтней дѣятельности Подвижного Музея при Пост. К-сіи по технич. образованію (1894—1909). 16 стр. Спб.
- Обуховъ, А. М. — Ближайшіе практическіе вопросы народнаго образованія въ Россіи: 266 стр. М. 1910. 1 р.
- Соллертинскій. — Опыт исторической записки о состояніи Спб. Духовной Академіи (1809—1909). 100 стр. Спб. 1910. 1 р.
- Сюзоръ, Г. — Ко дню семидесятипятилѣтняго юбилея Имп. Училища Правовѣдѣнія (1835—1910). 512 стр. Спб. 1910.
- Труды I Всероссийскаго съѣзда учителей городскихъ по Пол. 1872 г. училищъ. П. ред. Самсонова и Тумилла. Т. II, 2 ч. 480+504 стр. Спб. 1910. 4 р.
- Хавкина, Л. Б. — Руководство для небольшихъ библиотекъ. 130 стр. М. 1910. 35 к.
- Чарнолуцкий, В. — Земство и народное образованіе. Изд. „Зн.“. Ч. I. 186 стр. Спб. 1910. 1 р.
- Чижевскій, П. И. — Всеобщее обученіе въ земскихъ губерніяхъ. 75 стр. Спб. 1910. 50 к.
- Школьныя экскурсіи. П. ред. Райкова (въ „Педаг. Ежегодникѣ“). Изд. Спб. Лѣсн. Коммерч. Уч. Спб. 1910. 2 р. 50 к.

Педагогика.

- Вуанья, А. — Дѣтская школа младшаго возраста въ духѣ Песталоцци и Фребеля. 61 стр. Врж. 1910. 75 к.
- Кергомаръ, П. — Дошкольное воспитаніе и дѣтскіе сады во Франціи (Материнскія школы). Изд. Сытина. 208 стр. М. 1911. 50 к.
- Коменскій, Я. А. — Избр. педаг. соч. Ч. II, 2 изд. Тихомирова. 278 стр. М. 1911. 1 р. 50 к.
- Компейре, Г. — Отрочество, его психологія и педагогія. Изд. Богдановой. 116 стр. Спб. 1910. 50 к.
- Лесафъ, П. Ф. — Школьные типы (сокр. изд.) XI—158 стр. Спб. 1910. 60 к.
- О'Ши, М. В. — Роль активности въ жизни ребенка. Изд. „Моск. Кн.“ 292 стр. М. 1910. 1 р. 50 к.
- Пабстъ, А. — Практическое воспитаніе. Изд. Горбунова-Посадова. 30 стр. М. 1910. 20 к.
- Пироговъ, Н. И. — Соч. 2 т. Изд. Прог. Т-ва. 962+681 стр. Кв. 1910. 3 р.
- Ферьеръ, А. — Новая школа. Изд. Богдановой. 51 стр. Спб. 1910. 25 к.

Исторія и соціологія.

- Бузескулъ, В. — Историческіе этюды. 406 стр. Спб. 1910. 2 р.
- Быкова, А. — Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII в. 2 изд. Дороватовскаго и Чарушникова. 250 стр. Н.-Н. 1910. 1 р.
- Велікая реформа 19 февраля. 2 т. Изд. Сытина. XVI+260+254 стр. М. 1910. (6 т.—18 р.).
- Виноградовъ, П. — Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. I. 11 изд. Карцева. 189 стр. М. 1910. 60 к.
- Випперъ, Р. — Учебникъ новой исторіи. 4 изд. 520 стр. М. 1910. 1 р. 50 к.
- „ „ Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. 292 стр. М. 1910. 1 р. 25 к.
- „ „ Очерки теоріи историческаго познанія. 284 стр. М. 1911. 1 р.
- Грушевскій, М. — Кіевская Русь. Т. I. 490 стр. Спб. 1911. 3 р.

- Златовратскій, Н. Н.—Какъ это было. Изд. Сытина. 293 стр. М. 1910. 1 р.
- Исторія нашего времени. Изд. Гранатъ. 2 в. 1—180 стр. Спб. 1910. 2 р. 80 к.
- Исторія Россіи въ XIX в. Изд. Гранатъ. В. 34. 80—160 стр. Спб. 1910. 1 р. 35 к.
- Карѣвъ, Н.—Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. 8 изд. 282 стр. Спб. 1911. 1 р. 25 к.
- „ Учебная книга новой исторіи. 11 изд. 350 стр. Спб. 1911. 1 р. 45 к.
- „ Государство-городъ античнаго міра. 3 изд. XII+348 стр. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
- Каутскій, К.—Размноженіе и развитіе въ природѣ и обществѣ. Изд. „Тр.“ 239 стр. Кв. 1910. 1 р. 80 к.
- Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Изд. Сытина и Затѣвской. Т. II. 743 стр. М. 1911. 3 р. 25 к.
- Любавскій, М. К.—Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства. Изд. О. И. и Д. Р. 376 стр. М. 1910. 2 р. 50 к.
- Митрофановъ, П.—Исторія Австріи. Изд. Брокгауза-Ефрона. Ч. I. 156 стр. Спб. 1910. 1 р.
- Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Изд. „Образъ.“ Т. V. 129—249 стр. М. 1910.
- Низе, Б.—Очеркъ римской исторіи. 3 изд. 556 стр. Спб. 1910. 3 р.
- В. Кн. Николай Михайловичъ.—Переписка имп. Александра I съ сестрой в. кн. Екатериной Павл. XXX+320 стр. Спб. 1910.
- Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX в. II. ред. Мартова и др. Т. IV. 2 ч. 392+339 стр. Спб. 1910. 5 р.
- Платоновъ, С. Ф.—Учебникъ русской исторіи. 3 изд. 493 стр. Спб. 1910. 1 р. 80 к.
- „ Лекціи по русской исторіи. 7 изд. Блинова. 664 стр. Спб. 1910. 3 р. 50 к.
- „ Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ. 3 изд. 624 стр. Спб. 1910. 3 р. 50 к.
- Ренанъ, Э.—Исторія израильскаго народа. Изд. Глаголева. Т. IV. 105 стр. Спб. 1911. 1 р.
- Русская исторія. II. ред. Довнаръ-Запольскаго. Изд. „М. Уч. Кн.“ Т. II. 439 стр. М. 1910. 1 р. 50 к.
- Свентоховскій, А.—Исторія утопій. Изд. Саблина. XX+426 стр. М. 1910. 1 р. 50 к.
- Семеновъ, В.—Расплата. 2 изд. Вольфа. 420 стр. Спб. 1910. 3 р.
- Татищевъ, С. С.—Имп. Александръ II. 2 изд. Суворина. 2 т. XVIII—496 + XV—672 стр. Спб. 1911. 12 р.
- Фробениусъ, Л.—Дѣтство человечества. Изд. Луковникова. 386 стр. Спб. 1 р. 25 к.
- Өпрсовъ, Н. Н.—Имп. Александръ I и его душевная драма. Изд. Вольфа. 53 стр. Спб. 1910. 35 к.

Географія.

- Кандауровъ, П. Д.—Панамскій каналъ. 43 стр. Спб. 1910. 75 к.
- Круберъ, А. и др.—Африка. 3 изд. 532 стр. М. 1910. 2 р.
- Лесгафтъ, Э.—Отечественныя вѣдѣнія. 4 изд. 204 стр. Спб. 1910. 1 р.
- „ Краткій Курсъ географіи Россіи. 6 изд. 247 стр. Спб. 1910. 1 р. 30 к.

Народы земли. Изд. „Общ. Плз.“ Т. III. В. 53—4. 49—96 стр. Спб. 1910.
Россія. Изд. Девріена. Т. XIV. Новороссія и Крымъ. 983 стр. Спб. 1910. 6 р.
Чегловъ, А. — Красавица-Таврида. Изд. Тихомирова. 283 стр. М. 1910.
1 р. 25 к.

Медицина.

Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. Изд. Р. О. О. Н. Здр. 69 стр. Спб. 1909. 20 к.
Buschan, G. — Спортъ и сердце. Изд. „Нв. въ мед.“ 36 стр. Спб. 1910. 40 к.
Гиппиусъ, А. Э. — Дѣтскій врачъ, какъ воспитатель. Изд. Инст. Инж. П. С.
276 стр. М. 1909. 1 р. 75.
Кабановъ, Н. — Очерки по физиологiи здороваго и больнаго человѣческаго
организма. Изд. Сабашниковыхъ. XVI+489 стр. М. 1910. 2 р. 40 к.
Качкаевъ, Л. Б. — Въ мiрѣ грезъ. 122 стр. М. 1910. 75 к.
Кисель, А. А., и Майзель, И. Е. — Развiтiе и воспитанiе дѣтей 1—14 л.
Изд. Сытна. 63 стр. М. 1909. 25 к.
Мольковъ, А. В. — Жилище. Изд. О. Р. Вр. 32 стр. М. 1909. 12 к.
Никитинскій, Я. — Пища, одежда и жилище. Изд. Сытна. 32 стр. М. 1910.
10 к.
Уваровъ, М. С. — Гигіена. 3 изд. Риккера. 208 стр. Спб. 1910. 90 к.

Сельское хозяйство.

Кафенгаузъ, Л. Б. — Развiтiе русскаго сельско-хозяйственнаго машинно-
строенiя. (Къ вопросу о пошлинахъ на сельско-хоз. машины). 60 стр.
Хрк. 1910.
Литошенко, Л. Н. — Таможенное обложенiе въ Россiи сельско-хозяйствен-
ныхъ машинъ и орудiй и его значенiе для русскаго сельскаго хозяйства.
138 стр. Хрк. 1910. 1 р.

К. Деруновъ.

И. Л. ЛЕОНТЬЕВЪ (ЩЕГЛОВЪ) И М. Н. АЛЬБОВЪ †

Одинъ за другимъ сходятъ въ могилу писатели, выступившіе на сцену въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ. За К. М. Фофановымъ послѣдовали И. Л. Леонтьевъ и М. Н. Альбовъ. Въ ихъ судьбѣ есть одна общая черта: первый періодъ ихъ творчества былъ временемъ наибольшаго расцвѣта ихъ дарованій. Подобно тому, какъ первый сборникъ стихотвореній Фофанова остался непревзойденнымъ всѣми остальными, Альбовъ, по всей вѣроятности, будетъ жить въ исторiи нашей литературы преимущественно какъ авторъ „Дня итога“, „Воспитанія Лельки“, „Конца невѣдомой улицы“, Леонтьевъ — какъ авторъ „Перваго сраженія“, „Поручика Поспѣлова“, „Жаренаго гвоздя“. Въ свое время нашъ журналъ отмѣтилъ отличительныя черты обоихъ беллетристовъ ¹⁾. Главною силою Альбова онъ находилъ наблюдатель-

¹⁾ Объ Альбовѣ мы говорили въ двухъ статьяхъ: „Русскіе беллетристы новаго

ность, не впадающую въ протоколизмъ, чувство, не расплывающееся въ сентиментальность, психологическій анализъ, не сосредоточивающійся исключительно на болѣзненныхъ явленіяхъ душевной жизни. Знакомство съ бытомъ духовенства, данное ему воспитаніемъ и родственными связями, отразилось въ романѣ „Ряса“, одномъ изъ лучшихъ изображеній этой сферы; близость къ теченіямъ, волновавшимъ русскую молодежь на рубежѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, позволила ему проникнуть въ душу героевъ „Дня Итога“ и „О томъ, какъ горѣли дрова“; сочувствіе къ обездоленнымъ и одинокимъ, напоминающее отчасти Диккенса и Додэ, отчасти Достоевскаго, внушило ему лучшія страницы „Воспитанія Лельки“ и „Филиппа Филиппыча“... Разказы изъ военнаго быта, которыми дебютировалъ Леонтьевъ, произвели впечатлѣніе даже послѣ геніальныхъ картинъ Льва Толстого, такъ много въ нихъ было свѣжести, простоты, искренняго чувства. Въстѣ съ „Воспоминаніями рядового Иванова“, „Четырьмя днями“ и „Трусомъ“ Гаршина—говорили мы въ свое время,—„Первое сраженіе“, „Поручикъ Пospѣловъ“ и „Неудачный герой“ Щеглова образуютъ въ нашей литературѣ нѣчто въ родѣ комментарія къ извѣстнымъ военнымъ картинамъ Верещагина. У Гаршина и Щеглова, какъ и у Верещагина, война является такою, какою она есть, безъ прикрасъ, безъ миражей, безъ всякихъ претензій на „возвышающій обманъ“. Проза войны выступаетъ на первый планъ; изъ-за побѣдителей, изъ-за павшихъ на полѣ битвы видѣются совершенно ясно искалѣченные, забытые, больные, умирающіе безвѣстно и безславно“. Военный бытъ въ мирное время далъ Леонтьеву матеріалъ для разсказовъ другого рода („Идиллія“, „Жареный гвоздь“), гдѣ ярко выступаетъ на видъ другое свойство его таланта: мягкій, задушевный, безобидный юморъ. Юмористомъ Леонтьевъ старался быть и позднѣе—но едва ли это удавалось старѣющемуся писателю въ той же мѣрѣ, какъ молодому, полному надеждъ и жизненной силы... Было бы очень жаль, еслибы лучшимъ вѣщамъ Альбова и Леонтьева угрожало полное забвеніе. Вѣрнымъ средствомъ спасти ихъ отъ этой участи было бы новое ихъ изданіе, по возможности доступное для широкой публики.

Въ „Вѣстникѣ Европы“ Леонтьевымъ - Щегловымъ напечатана „Идиллія“ (1884, декабрь), Альбовымъ—„Филиппъ Филиппычъ“ (1885, декабрь).

К. Арсенъевъ.

поколѣнія“ (1884, апрѣль) и „Современные русскіе беллетристы“ (1888, июль), о Леонтьевѣ—въ статьѣ: „Беллетристы послѣдняго времени“ (1887, декабрь).

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Печать объ интендантскомъ процессѣ. — Сдатчики. — Хищническая организація. — „Такъ полагается“. — Что нужно для искорененія зла? — Общія условія. — Вѣдомственная законченность и обособленность. — Новые факты преслѣдованія бывшихъ членовъ Думы. — Безцѣльная мѣсть или подготовка выборовъ въ четвертую Думу?

И не въ моментъ полного политическаго затишья процессъ московскихъ интендантовъ былъ бы крупнымъ фактомъ. Въ затишье онъ поднялся на степень событія, приковавшаго всеобщее вниманіе. Кромѣ ежедневныхъ отчетовъ, газеты посвящаютъ ему и передовыя статьи, и „маленькіе фельетоны“, ибо то, что вскрыла ревизія сенатора Гарина и что вынесло на свѣтъ судебное слѣдствіе, даетъ одинаково богатѣйшій матеріалъ какъ для серьезныхъ разсужденій, такъ и для юмора. Вокругъ процесса ведется горячая полемика. Полемизируютъ, главнымъ образомъ, „Россія“, съ одной стороны, и прогрессивная печать — на жаргонѣ оффиціоза „лѣвые листки“ — съ другой. Правыя, не въ такой мѣрѣ какъ „Россія“ „совершенно частныя изданія“ благоразумно уклоняются отъ участія въ спорѣ.

Предметъ спора составляютъ вопросы того же самаго порядка, какъ тѣ, которые съ меньшей яркостью были выдвинуты процессомъ генерала Рейнбота. Въ индивидуальной ли виновности шестидесяти шести преданныхъ суду московскихъ интендантовъ суть дѣла, или въ раскрытой до наготы системѣ веденія интендантскаго хозяйства? Стоять ли позади посаженныхъ на скамью подсудимыхъ хищниковъ только ихъ личное корыстолюбіе, алчность и безправственность, или стоитъ и вырисовывается во всей громадѣ нѣчто другое — то, что послужило для ихъ инстинктовъ благодарной почвой и питающей средой? Далѣе: какъ смотрѣть на ревизію, на судебное разбирательство и на приговоръ — какъ на радикальное средство искорененія зла, или какъ на палліативъ, необходимый, но не исцѣляющій? И еще далѣе: логично ли отъ интендантскаго процесса, какъ и отъ процесса Рейнбота, переходить къ мысли о законодательныхъ реформахъ и объ обновленіи строя, или его можно и должно трактовать какъ фактъ самостоятельный, не стоящій ни въ какой связи съ общими условіями русской современности?

Нѣтъ надобности, конечно, объяснять, какіе отвѣты даетъ прогрессивная печать и какіе — „Россія“. Насколько трудно аргументировать послѣдніе, любопытнымъ тому образчикомъ можетъ служить статья, датированная „казенными перьями“ 11-мъ іюня. „Намъ упорно до-

казываютъ, — писали они, — что тѣмъ больше взяточниковъ будетъ посажено правительствомъ на скамью подсудимыхъ, тѣмъ хуже, ибо тѣмъ тяжелѣе станетъ положеніе поставщиковъ, такъ какъ взяточники, учитывая рискъ, будутъ дороже оцѣнивать свои услуги“. „Казенныя перья“ не нашли ничего умнѣе и сильнѣе нелѣпой инсинуаціи! Имъ говорятъ, что интендантскій процессъ обнаружилъ нѣчто гораздо болѣе, чѣмъ индивидуальную виновность лицъ, состоявшихъ въ московской приемной комиссіи въ теченіе 1905—1909 гг. А они заявляютъ, что имъ будто бы „упорно доказываютъ“ необходимость безнаказанности взяточниковъ для огражденія интересовъ поставщиковъ. И эта передержка настолько понравилась „казеннымъ перьямъ“, что ею они и начали статью, и кончили. Послѣ обычнаго для офиціоза напоминанія о стремленіи „господъ оппозиціонистовъ“ къ власти и послѣ неизвѣстно зачѣмъ приплетенныхъ кивковъ по адресу Финляндіи и профессоровъ московскаго университета, читаемъ слѣдующій достойный потуговъ на остроуміе: „Словомъ, все не такъ, какъ этого хотѣлось бы гг. крикунамъ. А между тѣмъ, какъ легко доставить имъ полное удовольствіе: стоитъ только отмѣнить ревизіи. Тогда отстаиваемые ими интересы поставщиковъ (реверансъ по адресу союза еврейскаго равноправія) будутъ попрежнему обезпечены“. Болѣе типичной газетной „отписки“ дурного тона нельзя было бы выдумать.

Черезъ перекрестный допросъ прокурора и защитниковъ, въ рядѣ засѣданій военнаго суда въ Москвѣ, прошло безчисленное множество сослуживцевъ и начальниковъ подсудимыхъ, поставщиковъ и сдатчиковъ. „Сдатчикъ“ — специалистъ совершенно исключительный. Онъ отнюдь не знатокъ товара, который сдаетъ. Напротивъ: сегодня онъ сдаетъ сапоги, завтра — полотно, послѣ-завтра — сукно, полшубки, валенки, а не то — муку или крупу. Онъ — знатокъ „сдачи“. Онъ и работаетъ не для одной фирмы, а одновременно для нѣсколькихъ, иногда конкурирующихъ между собой. Его специальность: сдавать заподриженные товары въ казну. Въ обычномъ коммерческомъ товарообмѣнѣ никакихъ особыхъ сдатчиковъ не существуетъ. Для поставокъ же въ казну жизнь потребовала особой специализаціи — и она создавалась. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по дѣлу тоже интендантскому, было обнаружено, что всѣ крупныя подряды на провіантъ обязательно проходятъ черезъ руки купца, торгующаго оцинкованнымъ желѣзомъ. Самъ онъ никогда не поставилъ ни пуда зерна. Но помимо него и безъ уплаты ему куртажа никто получить подряда не могъ. Таково, по крайней мѣрѣ, было твердое убѣжденіе хлѣботорговцевъ. И они покорно несли ему куртажи. Самъ онъ объяснялъ, что умѣетъ разговаривать съ „начальствомъ“ и что въ этомъ кроется тайна успѣха его хлопотъ. То высокое начальство, которое стояло внѣ возможности

подозрѣній, знало, что переговоры о провіантѣ обыкновенно ведетъ торговецъ желѣзомъ, но вниманія своего на этомъ не останавливало. Не останавливался, судя по газетнымъ отчетамъ, на сдатчиствѣ, какъ профессіи, и военный судъ въ Москвѣ. Да и не могъ судъ останавливаться, ибо представительство при сдачѣ товара, само по себѣ, ничего преступнаго не заключаетъ и къ виновности преданныхъ суду интендантовъ, съ точки зрѣнія уголовного закона, никакого отношенія не имѣетъ.

Но можно ли, не съ уголовной, а съ государственно-правовой точки зрѣнія, проходить мимо первыхъ словъ показанія, напримѣръ, сдатчика Анохина, древняго старика съ трясущейся головой, который говорилъ, что онъ сорокъ лѣтъ сдаетъ товаръ въ казну и тѣмъ кормится? Зачѣмъ понадобилась его специальность и въ чемъ она состояла? „Сдавалъ и платилъ“—показывалъ Анохинъ. „Сдавали и платили“—показывали въ одинъ голосъ всѣ сдатчики. „Если сдавалъ ему, то и платилъ“—сорвалось съ языка сдатчика Мельгунова, когда его спросили, платилъ ли онъ одному изъ подсудимыхъ. Специальность сдатчиковъ—платить. Чтобы платить съ толкомъ, нужны тоже особые навыки и умѣнье. Нужно знать, когда и съ кѣмъ можно поторговаться, когда и кому должно набавить. И сдатчики, какъ установлено процессомъ, дѣйствительно специализировались въ умѣньѣ платить. Однимъ они давали многолѣтней практикой установленный процентъ, другимъ—по нуждѣ въ долгъ безъ отдачи, третьимъ дѣлали именинные подарки, четвертыхъ угощали въ ресторанахъ. Сдатчики довели свою специализацію до такой степени совершенства, что интенданты ихъ приглашали на именины, просили ставить вензеля на портъ-сигары, не стыдились выпрашивать у нихъ гнѣзда племенныхъ куръ и въ свою очередь дѣлали имъ подарки „на память“.

„Скажите, зачѣмъ вы платили?“—спрашивалъ прокуроръ Анохина.—„Да такъ было заведено; я уже это засталъ сорокъ лѣтъ тому назадъ“. Молодой и болѣе интеллигентный сдатчикъ Хуторевъ, на вопросъ, что заставляло его платить?—отвѣтилъ: „Система: единичныя лица тутъ ни при чемъ“. Нужно ли было задавать такіе вопросы? Развѣ не достаточно блестящимъ на нихъ отвѣтомъ служатъ сапоги, которые гибнуть въ носкѣ черезъ двѣ недѣли, или сукно, напоминающее по плотности кисею? То, что засталъ Анохинъ сорокъ лѣтъ назадъ, оплачено не подрядчиками. Тотъ подсудимый, который говорилъ, что добыетъ до 30 тыс. рублей и уйдетъ въ отставку, добывалъ свой капиталъ за счетъ казны и тощаго солдатскаго кармана. Тому же Анохину прокуроръ говорилъ: „Но вѣдь въ случаѣ, еслибы вы не удовлетворили требованія о прибавкѣ и коммиссія стала бы браковать, вы могли пожаловаться въ техническій комитетъ? Отчего

вы этого не дѣлали? — „Канительное дѣло“ — послѣдовалъ отвѣтъ. — „Вотъ по одной моей жалобѣ дѣло тянется съ 1904 г. До сихъ поръ не разрѣшено“. Опять ненужный вопросъ. Зачѣмъ сдатчику и его довѣрителямъ жалобы и „канитель“, когда издавна „заведено“ жить въ мирѣ съ пріемщиками и, конечно, перелagать оплату мира на солдата и казну? Не на цѣнѣ товара, такъ на качествахъ, не на качествахъ, такъ на цѣнѣ — поставщикъ въ казну всегда найдетъ компенсацию убытковъ по сдачѣ.

„Сенаторъ Гаринъ приказывалъ намъ больше не платить, но мы платили“ — заявляли сдатчики. Интенданты, съ своей стороны, и во время ревизіи требовали платежей. Капитанъ Шереметевскій говорилъ, что сенаторской ревизіи не боится, благодаря своимъ связямъ въ Петербургѣ. Нѣтъ той крѣпости, — увѣрялъ онъ, — которую нельзя было бы взять осломъ, навьюченнымъ золотомъ. Онъ брался „прикончить“ ревизію, если ему вручатъ 25 тыс. рублей. „Теперь мы не платимъ“ — отвѣтилъ на вопросъ предсѣдателя фабрикантъ Синицынъ. Къ сожалѣнію, его не спросили, когда и вслѣдствіе чего наступило это „теперь“. Но допустимъ, что оно наступило и что „теперь“ сдача въ московскій вещевой складъ происходитъ безъ процентныхъ отчисленій въ пользу пріемщиковъ и безъ поднесенія имъ въ подарокъ куръ и портъ-сигаровъ. Допустимъ даже, что „теперь“ одинаково безъ взятковъ работаютъ пріемщики въ комиссіяхъ при всѣхъ вещевыхъ складахъ. И все-таки, только улыбку вызываетъ не то угроза, не то торжественная декларація „Россіи“, что „правительство не сложитъ оружія“, пока „не сдѣлаетъ невозможнымъ“ существованіе такихъ „организаций“, какъ та, которая, по свидѣтельству Анохина, сложилась въ Москвѣ болѣе сорока лѣтъ тому назадъ. Ничего достигнуто не будетъ, если правительство ограничится борьбой противъ отдѣльныхъ хищниковъ, а на всѣ указанія, что суть вопроса лежитъ глубже индивидуальной виновности, станетъ продолжать „отписки“, подобныя приведенной. Не въ первый разъ судятъ интендантскія „организации“. Послѣ войны 1877-1878 гг. были процессы Макшеева, Росицкаго и рядъ другихъ, когда на скамьѣ подсудимыхъ тоже сидѣли одновременно десятки чиновъ интендантства всѣхъ ранговъ. И, однако, „организации“ не умерли. Самое большее, что можно сказать, это то, что онѣ на время замирали; замирали — и возрождались. Почему же онѣ не возродятся снова послѣ гаринской ревизіи? Вѣдь не предполагаетъ же правительство ввести сенаторскія ревизіи въ число постоянно дѣйствующихъ органовъ государственнаго управленія? Съ другой стороны, нельзя забывать, что ревизія сенатора Гарина коснулась лишь одной отрасли интендантскаго хозяйства, и къ тому же отрасли отнюдь не самой крупной. Ревизія освѣтила порядки вещевого довольствія войскъ

и вовсе оставила безъ освѣщенія порядки довольствія провіантскаго и фуражнаго. Пролить свѣтъ на эти послѣдніе гораздо труднѣе. И это отлично понимаютъ и сдатчики, и пріемщики. Такъ мыслимо ли успокоиться на томъ, что „теперь“ сдаютъ и принимаютъ безъ возведенныхъ въ систему злоупотребленій предметы вещевого довольствія? Разъ оказались прочно сложившіяся „организаціи“ вокругъ вещевыхъ складовъ и состоящихъ при нихъ пріемныхъ комиссій, то не только можно, а должно съ увѣренностью считать, что такія же „организаціи“ существуютъ вокругъ заготовленія предметовъ довольствія провіантскаго и фуражнаго—муки, крупы, овса, сѣна и соломы.

Показанія свидѣтелей и самихъ подсудимыхъ нарисовали картину вполне законченной хищнической организаціи. За многіе годы въ московской пріемной комиссіи были только три человѣка, которые „не брали“. Три рѣдкостныхъ бѣлыхъ ворона на десятки, если не сотни—черныхъ. Общей нормой служило правило: „брать“. Правило обратное было исключеніемъ. Для удобства веденія расчетовъ со сдатчиками были кассиры. „Недоданнымъ“ взяткамъ велся учетъ. Если сдатчикъ не доплачивалъ, его товаръ безапелляціонно браковали. У „организаціи“ имѣлись связи. Техникъ главнаго техническаго комитета далъ о товарѣ неблагопріятный отзывъ. Мѣстные техники внесли ему въ два пріема тысячу рублей, и дѣло сейчасъ же уладилось. Но даже и эти признаки существованія твердо установившейся организаціи, какъ признаки внѣшніе, блѣднѣютъ по сравненію съ тѣмъ психологическимъ обоснованіемъ „права брать“, которое вошло въ сознаніе бравшихъ. „Когда полковой командиръ назначилъ меня въ комиссію, — говорилъ подсудимый Коротковъ, — товарищи стали меня поздравлять, потому что членамъ комиссій даютъ подарки. Я спросилъ: „а зачѣмъ же подарки?“ „Да такъ полагается“, — сказали мнѣ. И я радовался и благодарилъ Бога за то, что онъ послалъ мнѣ такое счастье“. Не мальчикъ и не солдатъ, а знакомый съ законами штабсъ-капитанъ, навѣрное не разъ и не два внушавшій своей ротѣ и смыслъ присяги, и требованія службы, и долгъ безкорыстнаго исполненія служебныхъ обязанностей, безъ малѣйшей внутренней борьбы успокоился, услышавъ: „такъ полагается“, и возблагодарилъ Бога за выпавшее на его долю счастье стать мздоимцемъ! Считать сказанное имъ за выдумку для суда—нельзя. Во-первыхъ, кто не ощущалъ въ душѣ радости при мысли о „подаркахъ“ по праву, тому такой фразы не выдумать. Во-вторыхъ, слишкомъ наивно было бы строить на подобномъ объясненіи свою защиту: въ глазахъ судей оно не можетъ умалить вины, скорѣе, напротивъ, ее усугубляетъ. Штабсъ-капитанъ Коротковъ несомнѣнно безыскусственно, съ искренностью и правдивостью, повѣдалъ суду тѣ чувства, которыя его охватили, когда онъ

узналъ, что членамъ комиссіи даютъ подарки, потому что „такъ полагается“. Совершенно одинаково, въ былое время, радовались и благодарили Бога за ниспосланное счастье командиры полковъ, съ спокойной совѣстью бравшіе въ свой карманъ четвертый гарнецъ овса отъ лошадей, остатки казенныхъ отпусковъ на дрова, на приварокъ и на хозяйственныя надобности вообще. Совершенно одинаково ихъ поздравляли и имъ завидовали. Психологическимъ обоснованіемъ права кормленія полковыхъ командировъ тоже служило голое и глухое: „такъ полагается“. Почему „полагается“, какимъ закономъ „положено“ — этимъ никто не интересовался. „Теперь“ — уже скоро полвѣка — командирскаго „кормленія“ нѣтъ и въ поминѣ. Но не ревизіи и не кары его искоренили.

Нѣкоторые изъ московскихъ интендантовъ не удовлетворялись, впрочемъ, формулой: „такъ полагается“. Капитанъ Чеботаревскій, узнавъ, по его словамъ, что „каждое двадцатое число чины комиссіи выѣстѣ съ казеннымъ жалованьемъ получаютъ и вознагражденіе отъ подрядчиковъ“, пытался найти реальное для себя оправданіе — и легко его нашель. „Я получалъ — говорилъ онъ — за сверхурочную работу: засиживаться за работой приходилось до ночи, работали въ праздники. Я ничего преступнаго въ оплатѣ сверхурочной работы не видѣлъ. Если я долженъ отдавать время своего отдыха, притомъ не во вредъ службѣ, подрядчику, то естественно, что онъ и долженъ оплачивать этотъ излишекъ моего труда“. Для капитана Чеботаревскаго, очевидно, не напрасно прошли недавніе годы. Онъ твердо усвоилъ то, что говорилось тогда о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, объ отдыхѣ и о сверхурочныхъ работахъ, и требованія, выставившіяся въ защиту труда въ его борьбѣ съ капиталомъ, перенесъ съ пролетарія-рабочаго на себя — на состоящаго на дѣйствительной военной службѣ офицера. И начальство этого „сознательнаго“ мздоимца, повидимому, не слишкомъ рѣзко разошлось съ нимъ въ разумѣніи, къ чему обязываетъ и на что даетъ право служебный долгъ. Съ самымъ крайнимъ изумленіемъ мы прочли въ отчетѣ одного изъ первыхъ дней процесса, что кап. Чеботаревскій явился на скамью подсудимыхъ не какъ отставной, а какъ офицеръ, остающійся на дѣйствительной службѣ и состоящій въ должности дѣлопроизводителя московскаго военно-окружнаго совѣта — учрежденія, черезъ которое проходятъ всѣ подряды и всѣ крупныя хозяйственныя операціи и гдѣ устанавливаются секретныя до ихъ опубликованія цѣны. Любопытно знать, какъ и за чей счетъ расцѣпываетъ онъ на этой должности свой сверхурочный трудъ: работу въ праздники и до ночи „не во вредъ службѣ“.

Процессъ лишь немногими отдѣльными штрихами затронулъ роль въ „организациі“ нижнихъ чиновъ. И эти немногіе штрихи, однако,

весьма характерны. Участниками организаціи нижніе чины не были. Но въ омутѣ повальнаго мздоимства и на ихъ долю шли „чаевые“. Тутъ тоже была если не строго опредѣленная такса, то, во всякомъ случаѣ, расцѣнка труда,—или, вѣрнѣе, возможности причинить вредъ или убытокъ. Когда сдатчикъ скупился, его куски сукна оказывались разрѣзанными. Безъ оплаты сверхурочнаго труда члены коммисіи браковали безупречный товаръ. Неполучившіе „на чай“ нижніе чины—или получившіе не столько, сколько „слѣдовало“, — дѣлали товаръ негоднымъ...

Что же нужно для искорененія интендантскихъ „организаціи“, если судъ и кары—безсильный палліативъ?

Недавно закрывшійся библиотечный сѣздъ въ Петербургѣ воти-ровалъ резолюцію, въ которой констатировалось, что для упорядоченія библиотечнаго дѣла въ уѣздахъ и городахъ необходима коренная ре-форма земскаго и городского самоуправления. Эта резолюція была встрѣчена въ правой печати издѣвательствомъ и смѣхомъ. Правыя газеты долго изощряли остроуміе, сопоставляя волостныя библіотеки—нѣсколько десятковъ книжекъ въ каморкѣ при волостномъ управленіи—съ громадной важностью вопроса организаціи мѣстнаго представи-тельства. Но то былъ, конечно, только полемическій приѣмъ ежечасно припираемой къ стѣнѣ реакціи. Шесть и пять лѣтъ тому назадъ надъ такими резолюціями не смѣялись. И не смѣялись потому, что тогда никто не спорилъ противъ причинной связи всѣхъ явленій и фактовъ государственной жизни,—противъ непосредственной зависимости удо-влетворенія мелкихъ нуждъ и устраненія второстепенныхъ золъ отъ разрѣшенія коренныхъ вопросовъ права и быта. Реакція не желаетъ, чтобы эти связь и зависимость существовали — и она всегда, въ страхѣ затронуть коренные вопросы, настаиваетъ на томъ, что ихъ нѣтъ. Но сколь утвержденія настойчивы, столь же ярко сквозить въ нихъ если не явная и сознательная неправда, то роковое заблужденіе. Интендантскія заготовленія и поставки на сотни миллионѣвъ рублей въ годъ, по ихъ государственно-бюджетному значенію, стоятъ неизмѣримо выше волостныхъ и сельскихъ библиотекъ. По специаль-ному характеру своему, какъ относящіяся къ потребностямъ войска и его боевой готовности и касающіяся исключительно обороны госу-дарства, они еще менѣе, какъ будто, допускаютъ установленіе при-чинной зависимости укоренившихся въ интендантствѣ злоупотребле-ній отъ общихъ условій государственной жизни. И реакція широко пользуется этимъ кажущимся „какъ будто“. Оно даетъ ей возможность скользить по поверхности явленія. Пользуясь имъ, реакція требуетъ признанія злоупотребленій въ интендантствѣ фактомъ, чуждымъ вну-

тренней политики. Насколько призрачно „какъ будто“, настолько далеко отъ истины такое признаніе.

Не будемъ доказывать нашего общаго отправнаго тезиса. Доказывать его торжествующей и упоенной торжествомъ реакціи—безполезно. Доказывать людямъ, свободнымъ отъ реакціонныхъ шоръ—не нужно. Онъ исчерпывающе былъ доказанъ слишкомъ недавно, въ годы ненавистнаго реакціи освободительнаго движенія. Не будемъ формулировать обще-политической резолюціи. Не будемъ перечислять, что нужно создать и что нужно измѣнить въ общемъ строѣ „правовой анархіи“ и произвола, дабы правящая власть дѣйствительно могла „сдѣлать невозможнымъ“ существованіе хищническихъ интендантскихъ „организаций“. Оставимъ общую предпосылку и остановимся на бѣглой схемѣ тѣхъ мѣропріятій, которыя, думаемъ, при ней были бы простыми и неизбежными въ своей логической ясности слѣдствіемъ,

Зачѣмъ существуютъ въ вѣдомствѣ военнаго министерства вещевые склады, обозныя и обмундировальныя мастерскія, сѣнопрессовальни, провіантскіе магазины и т. д.? Всѣ эти учрежденія, разъ есть постоянная регулярная армія, необходимы. Но зачѣмъ вѣдаетъ ими само войско, въ лицѣ сложной системы органовъ военнаго управленія? Зачѣмъ они обслуживаются офицерами, военными чиновниками и солдатами, взятыми изъ населенія во имя принципа: защита отечества съ оружіемъ въ рукахъ есть священная обязанность гражданина? Есть два стародавнихъ отвѣта на эти вопросы. Во-первыхъ: организація арміи должна быть построена во всѣхъ деталяхъ на предположеніи условій войны. На войнѣ войско не можетъ иначе, какъ собственнымъ попеченіемъ, удовлетворять свои хозяйственныя потребности. Слѣдовательно, и въ мирное время удовлетвореніе ихъ должно лежать на немъ самомъ. Во-вторыхъ: надлежащее исполненіе всякихъ обязанностей, не исключая хозяйственныхъ и даже полицейскихъ, гораздо вѣрнѣе обеспечивается долгомъ службы, присягой и воинской дисциплиной, нежели наймомъ и вообще договорной оплатой труда и услугъ.

Въ 1886 г. второй отвѣтъ именно такъ былъ официально формулированъ въ мотивахъ закона объ учрежденіи конвойной стражи. Въ то время на страницахъ общей и военной печати настойчиво доказывалось, что комплектованіе и организація конвойной стражи по образцу войска составляетъ бьющее въ глаза нарушеніе принциповъ, заложенныхъ въ уставъ о воинской повинности. Законодатель не внялъ этимъ доказательствамъ, потому что счелъ только службу по присягѣ достаточной гарантіей правильнаго исполненія обязанностей по конвоированію арестантовъ. Ни присяга, ни воинская дисциплина не помогли, однако, образованію интендантскихъ „организаций“, насчитывающихъ многіе десятки лѣтъ жизни. Ни присяга, ни дисциплина

не помѣшали тому, что въ московской приѣмной комиссіи не брали взятокъ только трое. Ни присяга, ни дисциплина не помѣшали штабсъ-капитану Короткову успокоить совѣсть на „такъ полагается“, а капитану Чеботаревскому — на правѣ получать вознагражденіе отъ подрядчика за сверхурочный трудъ. Что касается перваго отвѣта, то онъ имѣетъ также только видимую убѣдительность. Давно миновали времена, когда армія могла, для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей, обходиться на войнѣ своими силами. На современномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, вплоть до линіи огня, армію сопровождаютъ поставщики, погонщики, вольнонаемные рабочіе и вообще длинный рядъ людей самыхъ разнообразныхъ профессій, для общаго обозначенія которыхъ германское право, а вслѣдъ за нимъ и наше, выработало особое понятіе лицъ, принадлежащихъ къ арміи. Сложность хозяйственныхъ операций на современной войнѣ вынуждаетъ съ этимъ мириться. Какъ противовѣсъ, установлено лишь подчиненіе принадлежащихъ къ арміи лицъ военному начальству и военной юрисдикціи, насколько ихъ дѣятельность составляетъ одинъ изъ факторовъ успѣха или неуспѣха военныхъ дѣйствій. При такихъ условіяхъ полное устраненіе воинскихъ чиновъ отъ массовыхъ заготовленій, массоваго приѣма и такого же храненія предметовъ довольствія было бы не болѣе какъ развитіемъ того, что уже создано и практикуется не только въ мирное время, но и въ военное. Съ другой стороны, нельзя забывать, что на войнѣ ея участниками, въ качествѣ органовъ административнаго управленія, являются отнюдь не одни чины военного вѣдомства. Въ полевыхъ казначействахъ работаютъ чиновники министерства финансовъ, въ полевыхъ контрольных учрежденіяхъ — чиновники государственнаго контроля. И едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что ни въ войну 1877-1878 гг., ни въ послѣднюю японскую не было ни одного случая отнесенія военныхъ неудачъ на счетъ вторженія въ административное управленіе арміей постороннихъ элементовъ. А были ли свободны отъ нареканій обслуживавшіе тылъ офицеры и военные чиновники?.. Почему же нельзя на войнѣ ввѣрить не принадлежащимъ къ военному вѣдомству чиновникамъ завѣдываніе складами, хлѣбопеченіемъ и перевозкой предметовъ довольствія, пока эти предметы еще не поступили на удовлетвореніе срочныхъ потребностей? Въ послѣднюю войну обязанности полевыхъ казначействъ несли мѣстами даже лица, вовсе на государственной службѣ не состоящіе, — агенты русско-китайскаго банка. И несли они ихъ безукоризненно. Такъ почему же нельзя сдѣлать еще одинъ шагъ и, ввѣривъ, напри- мѣръ, въ мирное время завѣдываніе военными складами и магазинами отвѣстственнымъ артелямъ, имъ же поручать завѣдываніе запасами на

войнѣ до момента выдачи вещей, муки, зерна, сухарей и т. п. въ войсковыя части?

Суть дѣла—не въ этихъ стародавнихъ и вообще не въ логически построенныхъ и теоретически обоснованныхъ отвѣтахъ и не въ неустранимыхъ препятствіяхъ. Суть дѣла въ вѣдомственной обособленности. Всѣ наши вѣдомства — продуктъ вѣками слагавшагося въ законченныя формы бюрократическаго строя—болѣютъ одной болѣзнью: стремленіемъ къ законченности и вмѣстѣ съ нею къ самостоятельности и независимости. Военное вѣдомство всегда ею болѣло и сейчасъ болѣетъ въ особенности. Наши вѣдомства подѣлили между собой единое государственное дѣло и зорко оберегаютъ перегородки. Военное вѣдомство тѣмъ легче достигаетъ успѣха, что каждый разъ, когда выдвигается вопросъ объ уступкѣ чего-либо изъ того, что оно считаетъ „своимъ“, сейчасъ же произноситъ страшное слово: война. Оно его произноситъ, боясь утраты полновластія. Жажда полной власти заставляетъ представителей военнаго вѣдомства захватывать въ свои руки и бережно изъ нихъ не выпускать тѣ отрасли государственной дѣятельности, которыя имѣютъ цѣлью удовлетворять потребности войска, но съ существомъ военной службы не имѣютъ ничего общаго. Когда не отрицалась обще-политическая предпосылка, — въ дни первой и второй Думы, — военный министръ готовъ былъ идти на ограниченіе округлой законченности своего вѣдомства. Генералъ Редигеръ говорилъ съ думской трибуны, что разрабатываетъ вопросъ о постепенномъ освобожденіи войска отъ чуждыхъ его задачамъ родовъ дѣятельности. Въ первую голову онъ ставилъ, между прочимъ, упраздненіе командъ при вещевыхъ складахъ, съ замѣной ихъ вольнонаемными рабочими. Онъ не чуждъ былъ и мысли о передачѣ складовъ отвѣтственнымъ артелямъ. Упала предпосылка — забылись эти предположенія и мысли. На все то время, пока они будутъ въ забвеніи, останутся въ незыблемой неприкосновенности взятки, получаемыя офицерами на глазахъ солдатъ, и развращеніе солдатской молодежи подачками „на-чай“.

Приемныя комиссіи имѣютъ свою исторію. Онѣ состоятъ изъ строевыхъ офицеровъ, временно командируемыхъ отъ воинскихъ частей. При учрежденіи ихъ предполагалось, во-первыхъ, устранить тренія между строемъ и интендантствомъ, — принятіемъ предметовъ вещевого довольствія, не только изъ складовъ, но и отъ поставщиковъ, такъ сказать самими войсками, — во-вторыхъ, предупредить злоупотребленія со стороны профессиональных интендантовъ. Частой смѣнѣ состава комиссій придавалось особое значеніе — и понятно, почему. Насколько эти предположенія оправдались, московскій процессъ показалъ блестяще. За членами комиссіи, хотя они всѣ строевые офицеры, про-

цессъ навѣки сохранилъ званіе интендантовъ. Вступая въ комиссію, они сразу дѣлались интендантами — въ обидномъ, преступно-взяточническомъ смыслѣ слова. Они дѣлались интендантами и, принимая негодные для носки сапоги, способствовать устраненію треній, конечно, не могли. Временный характеръ командировки не воспрепятствовалъ тому, что строгая преемственность во взяточничествѣ издавна установилась въ московской комиссіи. Практическимъ результатомъ явилась лишь та разница, что на скамьѣ подсудимыхъ оказались шестьдесятъ шесть обвиняемыхъ, а не пять или десять, еслибы составъ комиссіи былъ постоянный. Но вмѣстѣ съ этими организационными дефектами приемныхъ комиссій процессъ не оставилъ безъ освѣщенія и того, что имѣло для упроченія хищничества меньшее значеніе.

У насъ считается, что строевая и штабная военная служба даетъ всеобъемлющія знанія. Достаточно быть строевымъ офицеромъ, чтобы по праву являться кандидатомъ на должность земскаго начальника — судьи-администратора. Достаточно быть офицеромъ генеральнаго штаба, чтобы получить постъ губернатора или градоначальника. При такомъ общемъ возрѣніи на военную службу нѣтъ ничего страннаго, что, учреждая приемныя комиссіи, вовсе не учитывали тѣхъ многосложныхъ и специальныхъ знаній, которыми нужно обладать, дабы принять или забраковать миллионы аршинъ сукна и полотна и сотни тысячъ паръ сапогъ. Очевидно, разсуждали по-просту: офицеръ видитъ ежедневно солдатскіе сапоги, шинели и мундиры, — чего же нужно еще? Если цензомъ для главнаго интенданта служить командованіе корпусомъ, то стоитъ ли задумываться надъ неприготовленностью членовъ приемныхъ комиссій? Почти всѣ подсудимые — нѣкоторые изъ нихъ имѣли, сверхъ строевого, своеобразный цензъ болѣзни, происходящей отъ ранъ, полученныхъ на войнѣ, — объясняли, что по прибытіи въ комиссію они въ первые же дни убѣждались, что ничего не понимаютъ въ предстоящемъ имъ дѣлѣ. И имъ нельзя не вѣрить, хотя бы въ виду показанія, даннаго суду, въ качествѣ свидѣтеля, однимъ изъ трехъ „не бравшихъ“. По отзывамъ газетныхъ референтовъ, это было не показаніе, а длинная и обстоятельная лекція о сапогахъ. Онъ обнаружилъ дѣйствительныя знанія дѣла, критиковалъ кондіціи и утвержденныя описанія и образцы. Словомъ, было ясно, что передъ судомъ говоритъ человѣкъ освѣдомленный, могущій отвѣчать за свои дѣйствія по приему сапогъ. Но вѣдь онъ и былъ однимъ изъ трехъ „бѣлыхъ“ вороновъ. „Черные“ же вороны приходили въ комиссію безъ всякихъ знаній и быстрѣе всего усваивали наилегчайшее изъ знаній: „братъ“.

Всякое сложное дѣло требуетъ специализаціи. Заготовленіе, приемъ

и храненіе вещей и матеріаловъ—дѣло коммерческое. Его и должно трактовать какъ таковое. Специалисту подрядчику долженъ быть противопоставленъ такой же, какъ и онъ, специалистъ пріемщикъ, долгимъ опытомъ изучившій данную отрасль промышленности; коммерческому интересу поставщика—коммерческій интересъ пріемщика, имущественно отвѣтственнаго за качество принятаго товара. Пусть тогда этотъ пріемщикъ оцѣниваетъ, какъ ему угодно, сверхурочный трудъ. Для него это будетъ нормально. Теорія кап. Чеботаревского предосудительна не сама по себѣ, а тѣмъ, что она имъ примѣнена къ дѣятельности по долгу службы. Неустранимыхъ препятствій для такой постановки дѣла снабженія войскъ предметами довольствія не существуетъ—и не только предметами довольствія интендантскаго, но, равнымъ образомъ, артиллерійскаго и инженернаго. Когда свои заводы не могутъ удовлетворить потребности, военное вѣдомство заказываетъ пушки и ружья частнымъ заводамъ за границей. Почему нельзя обратить въ частныя коммерческія предпріятія наши Тульскій, Ижевскій и Сестрорѣцкій оружейные заводы? Почему въ Германіи частный заводъ Круппа прославился на весь міръ, а въ Россіи выдѣлывать пушки и ружья могутъ только обслуживаемые воинскими чинами заводы казенные? Ни боевая готовность арміи, ни успѣхъ оружія на войнѣ ничуть не пострадаютъ отъ изыятія изъ вѣдомства военнаго управленія заготовительныхъ операцій. Оборона страны, напротивъ, только выиграетъ.

Въ 1909-мъ году съ родины, изъ весьегонскаго уѣзда, тверской губерніи, былъ высланъ административнымъ порядкомъ на два года въ г. Сольвычегодскъ бывшій членъ второй Думы И. Я. Быковъ. До 1905-го года И. Я. Быковъ занималъ должность волостного старшины и былъ устраненъ, съ воспрещеніемъ жительства въ губерніи, по распоряженію губернатора. Въ своей мѣстности онъ пользуется среди крестьянъ исключительной популярностью. И уполномоченнымъ отъ волости, и выборщикомъ, и членомъ Думы онъ былъ избранъ въ 1907-мъ году заочно. Поводомъ его ссылки въ г. Сольвычегодскъ послужило какое-то старое дѣло, относящееся ко времени исполненія имъ обязанностей старшины. Это дѣло оставалось забытымъ и въ 1907-мъ году, послѣ роспуска второй Думы, и въ 1908-мъ. И. Я. Быковъ жилъ дома, и его не трогали. Но лѣтомъ 1909-го года предстояло первое примѣненіе въ тверской губерніи новаго порядка избранія земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ. Въ маѣ И. Я. Быковъ былъ выбранъ уполномоченнымъ,—и въ маѣ же вспомнилось старое дѣло: его арестовали и затѣмъ отправили по этапу въ мѣсто ссылки.

За два года его подневольной жизни въ Сольвычегодскѣ несложное

крестьянское хозяйство И. Я. Быкова пришло въ полное разстройство. Цѣлыхъ два года онъ самъ, въ далекомъ углу вологодской губерніи, и его семья—въ весьегонскомъ уѣздѣ, мечтали о 18-мъ мая 1911 г.,—о днѣ, когда должна была кончиться неволя. Но... „судьбы Божіи неисповѣдимы“—пришлось сказать И. Я. Быкову, за три недѣли до этого такъ долгожданнаго дня, въ письмѣ къ одному его бывшему товарищу по Думѣ. „Въ ночь на 30-е апрѣля—писалъ онъ—въ мою квартиру явился исправникъ съ народомъ, произвелъ обыскъ и забралъ кое-какія книги. Забранныя книги два года открыто лежали на моемъ столѣ, ихъ могли обозрѣвать и обозрѣвали, но должно быть время только теперь пришло взять. Изъ десятка книгъ одна оказалась запрещенная: „Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей“, А. В. Пѣшехонова. И вотъ эта преступница пошла къ губернатору, а мнѣ, по всѣмъ видимостямъ, придется еще сидѣть мѣсяца два или три, какъ сказалъ исправникъ... Подать прошеніе губернатору о томъ, чтобы онъ посадилъ меня, по крайней мѣрѣ, хоть дома, въ Весьегонскѣ, по приѣздѣ отсюда, но надежда плоха. Кажется, 18-го мая—въ день освобожденія—придется сѣсть въ сольвычегодскую полицію и боюсь, какъ бы не заперли на три мѣсяца. Бороться нѣтъ силъ и возможности. Семья дома съ ума сойдетъ, боюсь, какъ бы не рухнуло совсѣмъ хозяйство. Тамъ лѣто, начало работъ, меня ждутъ и въ ожиданіи моего приѣзда ничего не предпринимаютъ“...

И. Я. Быкова „заперли“. Но не во всемъ оказались справедливы его опасенія. Онъ, очевидно, забылъ, что если судьбы Божьи неисповѣдимы, то и милость російскаго начальства къ „преступникамъ“ неисчерпаема. „Гуманное“ начальство подарило ему два дня свободы. Оно могло его „посадить“ 18-го мая—чего стоило „придержать“ бумагу два дня!—а посадило за цѣлыхъ два дня до срока ссылки, 16-го. Оно ему назначило „только“ два мѣсяца ареста, а могло назначить три. Мало того: оно „только“ двѣ недѣли продержало его въ Сольвычегодскѣ, а затѣмъ, внявъ прошенію, отправило „досиживать“ въ Весьегонскъ. Люди, однако, по природѣ неблагодарны. Имъ всегда мало даруемыхъ начальствомъ милостей. Въ другомъ письмѣ И. Я. Быковъ спрашиваетъ: можно ли его, съ 18-го мая переставшаго быть ссыльнымъ, держать подъ арестомъ за то, что, будучи административно-ссыльнымъ и состоя подъ гласнымъ надзоромъ полиціи, онъ имѣлъ у себя въ одномъ экземплярѣ книгу, которая не значится въ числѣ запрещенныхъ по каталогу главнаго управленія по дѣламъ печати и лишь обязательнымъ постановленіемъ вологодскаго губернатора отнесена къ такимъ, за храненіе коихъ, хотя бы въ одномъ экземплярѣ, ссыльные, находящіеся въ вологодской гу-

берніи, подлежатъ административной карѣ? И. Я. Быковъ пишетъ, что такое обязательное постановленіе дѣйствительно для вологодскаго воеводства существуетъ и что послѣ обыска онъ видѣлъ соотвѣтственное объявленіе въ полиціи.

Уже въ теченіе трехъ лѣтъ живущіе въ Петербургѣ бывшіе члены первой Думы ежегодно собираются 27-го апрѣля. Собираются—въ единственно возможной, при возвыщенной свободѣ собраній, формѣ: въ ресторанѣ за обѣдомъ. Никто посторонній на этихъ обѣдахъ не бываетъ. Проходятъ обѣды въ тѣсномъ и замкнутомъ кружкѣ. Содержатель ресторана, съ своей стороны, и распорядители—съ своей, всегда предварительно извѣщаютъ полицію, не скрывая, что за люди желаютъ вмѣстѣ пообѣдать. О предстоящемъ обѣдѣ оповѣщаются всѣ члены первой Думы, какъ петербуржцы, такъ и иногородные, совершенно безотносительно къ партійнымъ дѣленіямъ,—конечно, тѣ, чьи адреса извѣстны распорядителямъ. Кое-кто изъ иногородныхъ нарочно пріѣзжаетъ къ памяtnому дню въ Петербургъ. Стало обычаемъ, что на обѣдахъ дѣлается сборъ денегъ въ пользу нуждающихся бывшихъ народныхъ избранниковъ. Стыдно это писать,—что на долю избранниковъ народа палъ удѣлъ нуждаться въ общественной денежной помощи,—но такова всѣмъ извѣстная печальная дѣйствительность! И въ газетахъ даже—прежде чаще, теперь, къ сожалѣнію, рѣже—можно встрѣтить отчетныя справки: „поступило въ контору въ пользу бывшихъ членовъ первой и второй Думы“ столько-то. Совершенно такъ былъ организованъ обѣдъ и такъ же точно онъ прошелъ въ нынѣшнемъ году. Градоначальникъ объ обѣдѣ зналъ и запрета не наложилъ. Обѣдавшіе собрали и передали одному изъ распорядителей нѣсколько сотъ рублей.

До нынѣшняго года описанныя „преступныя сборища“ проходили благополучно. Казалось бы, чѣмъ ближе было время къ тѣмъ 72-мъ днямъ, когда члены первой Думы засѣдали въ Таврическомъ дворцѣ, тѣмъ болѣе было полицейскихъ основаній для подозрительности и „зоркаго“ наблюденія. Но ни въ прошломъ, ни въ позапрошломъ году обѣды не повлекли за собой никакихъ послѣдствій. Въ нынѣшнемъ же, черезъ день или два, ночью (законъ гласитъ, что обыски производятся „преимущественно“ днемъ; вѣроятно, „во исполненіе“ этого закона, обыски у насъ производятся исключительно по ночамъ), квартира распорядителя, который расплачивался въ ресторанѣ и ушелъ съ портфелемъ, наполненнымъ полученной на обѣдѣ „преступной“ литературой, была занята городовыми и околоточными, съ полицейскимъ офицеромъ во главѣ. Хозяину квартиры предъявили ордеръ объ отобраніи переписки и адресовъ. Полиція отобрала все, касавшееся такъ или иначе обѣда и бывшихъ депутатовъ вообще: привѣтствія, присланныя

отсутствовавшими, замѣтки, записочки, ресторанный счетъ. Кармановъ платья не трогали и „личному задержанію“ не подвергли. „Преступнику“ предоставили въ этомъ найти утѣшеніе послѣ бессонной ночи и полного разгрома квартиры.

Черезъ недѣлю все отобранное возвратили. Но радоваться „преступнику“ пришлось недолго. Вскорѣ къ нему снова пожаловали ночные „гости“—на этотъ разъ въ усиленномъ составѣ обыскивающихъ, которые особенно тщательно „осмотрѣли“ всѣ хранилища слѣдовъ и плодовъ преступленія, не исключая кармановъ. При обыскѣ были найдены заготовленные бланки переводовъ на имя бывшихъ депутатовъ, преимущественно по тюремнымъ адресамъ. За вторымъ обыскомъ послѣдовалъ допросъ, устранившій всякія сомнѣнія въ предметѣ розыска.

Таковы два факта. Какія причины ихъ породили? Разбирать факты по ихъ формальной юридической природѣ безцѣльно. Строгая и неуклонная „законность“ такъ глубоко вошла въ современный русскій обиходъ, что и малолѣтніе знаютъ, насколько „охранная“ преслѣдованія порождается желаніями (на офиціозномъ языкѣ—„государственной необходимостью“), для которыхъ есть всегда къ услугамъ эластичный законъ или еще болѣе эластичныя разъясненія. Достаточно сказать, что утвердительный отвѣтъ на вопросъ И. Я. Быкова болѣе чѣмъ сомнителенъ для юриста и что едва ли даже въ глухихъ дебряхъ послѣконституціонной сенатской практики можно найти „разъясненіе“, на основаніи котораго возможно было бы уловить, какъ преступленіе, обѣдъ въ ресторанѣ, устроенный съ вѣдома полиціи, или денежную помощь нуждающимся, кто бы они ни были, при условіи, что лицо посылало не только свои собственные деньги, но и деньги, полученные съ этой цѣлью отъ другихъ. Можетъ быть, такое „разъясненіе“ состоится, но пока его еще не было. Чѣмъ же вызвано въ обоихъ случаяхъ желаніе? Несомнѣнно, что тутъ участвовало мстительное чувство противъ „бывшихъ“ оппонентовъ, оппониравшихъ въ свое время рѣзко и властнымъ тономъ. Но столь же несомнѣнно, что арестъ И. Я. Быкова и что-то еще не вылившееся въ опредѣленныя формы, начатое въ отношеніи членовъ первой Думы, подсказаны другимъ, большимъ,—вѣрнѣе, болѣе реальнымъ,—чѣмъ месть и отплата. „Россія“ систематично печатаетъ статью за статьей, гдѣ говорится о мѣрахъ, принимаемыхъ „не гнушающимися ничѣмъ“ кадетами для обезпеченія себѣ партійнаго успѣха на выборахъ въ четвертую Думу. „У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ“. Какія мѣры принимаетъ, въ видахъ предстоящихъ черезъ годъ выборовъ, правительство, изъ „Россіи“ узнать, само собою разумѣется, нельзя. Но не довольно ли знать, что правительство выборами „все-

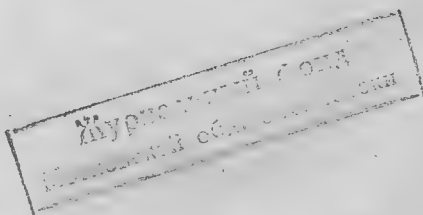
мѣрно“ озабочено? Все остальное досказалъ ген. Рейнботъ на своемъ процессѣ: „Эту тысячу рублей я получилъ отъ товарища министра Крыжановскаго для агитаціи на выборахъ въ Государственную Думу“. Если на выборахъ 1907 г. правительство не отступало передъ такою „агитаціей“, то можно ли недоумѣвать относительно того, что будетъ въ 1912-мъ году и чему начало кладется сейчасъ?

И. Я. Быковъ индивидуальнo популяренъ въ своей мѣстности. Члены первой Думы, несмотря на все обрушивавшееся на нихъ въ теченіе пяти лѣтъ, несмотря на всѣ инсинуаціи, сохранили вполнѣ свою коллективную популярность. Какъ И. Я. Быковъ сыграетъ роль на выборахъ въ всеягонскомъ уѣздѣ, такъ члены первой Думы сыграютъ роль повсемѣстно: во-первыхъ, не болѣе двухсотъ изъ нихъ „только“ лишены избирательныхъ правъ—остальные, слѣдовательно, могутъ лично пройти въ четвертую Думу; во-вторыхъ, развѣ нельзя безъ права личнаго участія въ выборахъ воздѣйствовать на ихъ исходъ? Всякій лишній день, что И. Я. Быковъ пробудетъ у себя на родинѣ, уже уменьшаетъ шансы мѣстныхъ союзниковъ и націоналистовъ. Какъ не создать „случая“, чтобы его посадить, особенно лѣтомъ, когда люди легче общаются, и именно на то короткое время, въ которое природа сѣвера даетъ крестьянину возможность возстановить разрушенное въ теченіе двухлѣтнаго отсутствія хозяйство?!.. Коллективная популярность страшна коллективными дѣйствіями. Для коллективныхъ дѣйствій нужна организація. Она и почудилась въ объѣздахъ 27 апрѣля. Ее и ищутъ, чтобы вырвать съ корнемъ. Организація, „преступное сообщество“, гдѣ матеріальная помощь нуждающимся—лишь предлогъ. Въ ея поискахъ можно идти и на скандалъ судебного процесса. Произойдетъ ошибка,—велика ли бѣда, если „вредные“ люди безъ вины понесутъ кару! Тогда она имъ зачтется въ оплату...

Издатель М. М. Ковалевскій.

Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.—ИЮЛЬ.

	СТРАН.
I. ЮНОСТЬ.—Романъ.—XXXV-XLV.—Окончаніе.—Евгенія Чирикова	3
II. СТИХОТВОРЕНІЯ.—Н. Маклецовою,—Л. Кацманъ,—М. Б.-нъ,—Н. Л.,—А. Богданова,—М. Коломенкиной,—Г. Петри,—Вл. Нарбута,—Зинаиды Тулубъ,—Лидіи Сохачевской.—Изъ Франсуа Коппе	64
III. КИРА БАРСЮКОВА.—Повѣсть.—IX-XII.—Окончаніе.—Ивана Странника	69
IV. ОЧЕРКИ СОЦІАЛЬНАГО БЫТА ФРАНЦІИ.—КРЕСТЬЯНСКОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ДО РЕВОЛЮЦІИ.—I-III.—Максима Ковалевскаго	96
V. ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—„Колоколъ“ 1857-1861.—VIII-XV.—Нестора Котляревскаго	143
VI. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.—VII-X.—Е. О. Юнге	174
VII. УЗУРПАТОРЪ.—Романъ Уильяма Дж. Лока.—XIV-XVIII.—Перев. съ англ. З. Журавской	205
VIII. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О В. К. ФОНЪ-ПЛЕВЕ.—А. Погочева	259
IX. ХРОНИКА.—БЮДЖЕТНАЯ РЕФОРМА.—Н. Иорданскаго	281
X. „БОЛЬШАЯ“ ПРЕССА, ЕЯ ПРАВЫ И ВОЛѢЗНИ.—Письмо изъ Парижа.—Бѣлоруссова	292
XI. ЧЕРНОГОРСКИЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.—Письмо изъ Цетинье.—Мих. Осоргина	308
XII. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ ВЪ АВСТРІИ.—Письмо изъ Вѣны.—М. Ратнера	318
XIII. VI КОНГРЕССЪ МЕЖДУНАРОДНАГО СОЮЗА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ЖЕНЩИНЪ.—Письмо изъ Стокгольма.—Н. Мировичъ	326
XIV. ТРУДЫ СТАРАГО НАРОДНИКА.—Л. З. Слонимскаго	331
XV. КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—С. А. Адрианова	337
XVI. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Борьба самарской думы съ собственнымъ городскимъ головой.—Роль общественныхъ учреждений.—Малочисленность городскихъ избирателей.—Администрація и городскія самоуправленія.—Выговоръ казанскому городскому головѣ за С. А. Муромцева.—Неутвержденный голова-прокуроръ въ г. Вольскѣ.—Твердость гласныхъ въ Иваново-Вознесенскѣ.—Нарастаніе дѣлъ въ области городского хозяйства.—И. В. Жилкина	346

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. —Неутвержденіе законопроекта объ отѣнѣ правоограниченій, связанныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана.—Судьба законопроекта о всеобщемъ начальномъ обученіи.—Перемѣны, внесенныя Государственной Думой въ законопроектъ о волостномъ земствѣ.—Отношеніе къ нему министерства, націоналистовъ, крайнихъ правыхъ и крестьянъ	358
XVIII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. —Парламентскіе выборы въ Австріи.—Партія „христіанскихъ социалистовъ“ и ея судьба.—Перемена министерства и австрійскій политическій кризисъ.—Балканскія дѣла.—Новое министерство во Франціи.—Коронаціонныя торжества въ Англіи	374
XIX. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. —В. О. Саводникъ. Чувство природы въ поэзіи Пушкина, Лермонтова и Тютчева.—Поль Верленъ. Собр. стиховъ въ перев. В. Брюсова.—Н. Л.—Елена Грекова. Разказы.—Е. Колтоновской.—Прот. І. П. Кречетовичъ. Крестьянская реформа въ Оренбургскомъ краѣ, т. I.—Д. К.—Ар. П. Фатѣевъ. Позитивная наука и нѣкоторые ея критики.—А. Погодина.—Э. Гуссерль. Логическія изслѣдованія, часть I, книгоизд. „Образованіе“.—П. Юшкевича.—Н. М. Никольскій. Древній Израиль.—Василія Сторожева.—Проф. К. Воблій. Третья профессионально-промышленная перепись въ Германіи, т. I.—Очерки законоположеній о неотчуждаемости надѣльныхъ земель, сост. М. М. Катаевъ.—Статистика. Ея приемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. Лекціи А. А. Кауфмана.—В. В.—Е. Спекторскій. Проблема социальной физики въ XVII стол., т. I.—М. А. Рейснеръ. Государство, ч. I. Культурно-историческія основы.—П. Михайлова.—Walther May. Ernst Haeckel. Versuch einer Chronik seines Lebens und Wirkens.—А. Щ.—Новыя книги и брошюры	386
XX. СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ за второе полугодіе 1910-го года.—К. Дерунова.	408
XXI. И. Л. ЛЕОНТЬЕВЪ (ЩЕГЛОВЪ) И М. Н. АЛЬБОВЪ †. —К. К. Арсеньева	415
XXII. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ. —Печать объ интендантскомъ процессѣ.—Сдѣлки.—Хищническая организація.—„Такъ полагается“.—Что нужно для искорененія зла?—Общія условія.—Вѣдомственная законченность и обособленность.—Новые факты преслѣдованія бывшихъ членовъ Думы.—Безцѣльная мѣсть или подготовка выборовъ въ четвертую Думу?	417
XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	435
XXIV. БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

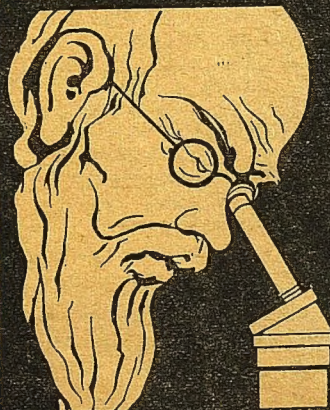
Одна дала пишетъ

изъ Кіева одному изъ директоровъ Т-ва
„Р. НЕЛЕРЪ и К° въ Москву между прочимъ:

„Если это Васъ не затруднитъ, велите отправить на мой адресъ съ наложеннымъ платежомъ дюжины 3 мыла Вашей фабрики. Я другого мыла не признаю, въ русскихъ фабрикахъ нѣтъ ему подобнаго, пусть дадутъ разныхъ сортовъ.“

Присоединивъ къ разнороднымъ производствамъ своихъ фабрикъ выработку туалетныхъ и медицинскихъ мылъ, Товарищество въ то же время заявило, что оно будетъ изготовлять и выпускать въ продажу подъ своею фирмою только тѣ сорта мыла, которые оно будетъ признавать за самыя лучшіе и совершенныя;— и подобныя отзывы о нихъ Т-во слышитъ теперь каждый день и со всѣхъ сторонъ.

* Госпожа М. Ф. Д.

МНѢНІЕ НАУКИ**О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.**

Торговому Дому А. КАТЫНЪ и К° представлено гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено. причѣмъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающія лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ. Химико-аналитическая и бактериологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

ПЕРВОЕ
ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ
 ПОСЛѢДНЯГО БОЛЬШОГО ТРУДА
Л. Н. ТОЛСТОГО
„Путь Жизни“,

ПОРУЧЕННАГО ИМЪ ДЛЯ ПЕРВАГО ИЗДАНІЯ
 Издательству „ПОСРЕДНИКЪ“.

Издание это лично просмотрѣно Л. Н. ТОЛСТЫМЪ въ кор-
 ректурахъ въ послѣдній годъ его жизни.

- Вып. 1. „О вѣрѣ“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 2. „Богъ“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 3. „Душа“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 4. „Одна душа во всѣхъ“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 5. „Любовь“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 6. „Грѣхи, соблазны и сует-
 вѣрія“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 7. „Излишество“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 8. „Половая похоть“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 9. „Тунеядство“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 10. „Корыстолюбіе“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 11. „Гнѣвъ“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 12. „Гордость“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 13. „Неравенство“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 14. „Насиліе“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 15. „Наказаніе“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.

- Вып. 16. „Тщеславіе“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 17. „Ложныя вѣры“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 18. „Ложная наука“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 19. „Ученіе“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 20. „Жизнь въ настоящемъ“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 21. „Недѣланіе“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 22. „Слово“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 23. „Мысль“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 24. „Самоотреченіе“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 25. „Смиреніе“.
 Ц. 7 к., на прост. бум. 4 к.
 Вып. 26. „Правдивость“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 27. „Зло“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 28. „Смерть“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 29. „Послѣ смерти“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.
 Вып. 30. „Жизнь-Благо“.
 Ц. 10 к., на прост. бум. 6 к.

Продаются въ книжн. маг. «Посредникъ» (Москва, Петровскія линіи)
 и во всѣхъ значительныхъ книжн. магазинахъ. Выписывать можно
 изъ главнаго склада изданій издательства «Посредникъ»: Москва,
 Арбатъ, домъ Тѣстовыхъ, И. И. Горбунову.

Подробный каталогъ издательства по требованію высылается бесплатно.